ISSN 2224-5294

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ҰЛТТЫҚ ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ

Х А Б А Р Л А Р Ы

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

N E W S

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

ҚОҒАМДЫҚ ЖӘНЕ ГУМАНИТАРЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР СЕРИЯСЫ

♦

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

♦

SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

5 (297)

ҚЫРКҮЙЕК – ҚАЗАН 2014 ж.
СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ 2014 г.
SEPTEMBER – OCTOBER 2014

1962 ЖЫЛДЫҢ ҚАҢТАР АЙЫНАН ШЫҒА БАСТАҒАН
ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1962 ГОДА
PUBLISHED SINCE JANUARY 1962

ЖЫЛЫНА 6 РЕТ ШЫҒАДЫ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

АЛМАТЫ, ҚР ҰҒА
АЛМАТЫ, НАН РК
ALMATY, NAS RK

Б а с р е д а к т о р
ҚР ҰҒА корреспондент мүшесі, педагогика ғылымдарының докторы, ҚР ҰҒА-сының құрметті мүшесі , проф.
С.Ж. ПІРАЛИЕВ

Бас редактордың орынбасарлары

ҚР ҰҒА академиктері **К.Н.НӘРІБАЕВ, Ә. Н. НЫСАНБАЕВ, Ө. АЙТБАЙ**

Р е д а к ц и я а л қ а с ы:

ҚР ҰҒА-ның академиктері: **К.М. Байпақов**, **С.Н. Сәбікенов**, **С.С. Қирабаев**; ҚР ҰҒА корреспондент мүшелері **Х.М. Әбжанов, Р.Б. Әбсаттаров**, **М.Х. Әбусейітова**, **Б.А. Байтанаев**, **У. Қалижанұлы, М.Қ. Қойгелдиев**, **З.К. Шаукенова;** заң ғ. д., проф. **Д.М. Баймаханова**, философия ғ. д. **Г.Г. Барлыбаева** (жауапты хатшы), филол. ғ. д., проф. **Ә. Дербісәлі**, э. ғ. д. **С.С.Еспаев**, ф. ғ. д. **М. Малбақов**, ҚР ҰҒА құрметті мүшесі, психол. ғ. д., проф. **Ж.И. Намазбаева**, ҒА академигі **Г. Руснак** (Молдова)**,** ҒА академигі АН **А. Рошка** (Молдова), ҒА академигі **Г. Белостечник** (Молдова)**,** ҒА академигі **Н. Велиханлы** (Әзірбайжан)**,** ҒА корр.мүшесі АН **З. Сафарова** (Әзірбайжан), ҒА корр.мүшесі **Ш. Мурадов** (Әзірбайжан)**,** ҒА академигі **Т.Н. Назаров** (Тәжікстан), з.ғ.д., проф. **В.А. Устименко** (Украина), экон. ғ.д., проф**. В.Н. Василенко** (Украина)

Г л а в н ы й р е д а к т о р
член-корреспондент НАН РК, доктор педагогических наук, проф., почетный член НАН РК
С.Ж. ПРАЛИЕВ

Заместители главного редактора
академики НАН РК **К.Н. НАРИБАЕВ, А. Н. НЫСАНБАЕВ, У. АЙТБАЙ**

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:

академики НАН РК: **К.М. Байпаков**, **С.Н. Сабикенов, С.С. Кирабаев**; член-корреспонденты НАН РК **Х.М. Абжанов, Р.Б. Абсаттаров**, **М.Х. Абусеитова, Б.А. Байтанаев, У. Қалижанулы, М.К. Койгельдиев**, **З.К. Шаукенова**, д.ю.н., проф. **Д.М. Баймаханова**, д. философ. наук **Г.Г. Барлыбаева** (ответсекретарь), д. филол. н., проф. **А. Дербисали**, д. э.н. **С.С. Еспаев**, д. филол. н., проф. **М. Малбаков**, почетный член НАН РК, д. психол. наук, проф.**Намазбаева Ж.И.**, академик АН **Г. Руснак** (Молдова)**,** академик АН **А.Рошка** (Молдова), академик АН **Г. Белостечник** (Молдова)**,** академик АН **Н. Велиханлы** (Азербайджан)**,** член-корр. АН **З.Сафарова** (Азербайджан), член-корр. АН **Ш. Мурадов** (Азербайджан)**,** академик АН **Т.Н. Назаров** (Таджикистан), д.ю.н., проф. **В.А. Устименко** (Украина), д. э. н., проф**. В.Н. Василенко** (Украина)

E d i t o r - i n - c h i e f
corresponding member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan,
doctor of pedagogical sciences, honorary member of NAS of the RK, prof.
S. ZH. PRALIEV

E d i t o r i a l s t a f f:

academicians of NAS of the RK **K.N. NARIBAYEV, A.N. NISANBAYEV, U. AITBAI**

Deputy editor-in-chief
academicians of NAS of the RK: **K. M. Baipakov**, **S.N. Sabikenov**, **S.S. Kirabayev**; corresponding members of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan **Kh.M. Abzhanov, R.B. Absattarov**, **M. Kh. Abuseitova B.A.Baitanayev**,, **U. Kalizhanuly, M.K.Koigeldiyev**, **Z. K. Shaukenova**, doctor of juridical sciences, prof. **D.M. Baimakhanova**, doctor of philosophical sciences **G.G. Barlybayeva** (secretary), doctor of philological sciences, prof. **A. Derbisali**, doctor of economical sciences **S.S. Espayev**, doctor of philological sciences, prof. **M. Malbakov**, honorary member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, doctor of psychological sciences, prof. **Namazbayeva Zh.I**., academicians of NAS **G. Rusnak** (Moldova)**,** academicians of NAS **A.Roshka** (Moldova), academicians of NAS **G. Belostechnik** (Moldova)**,** academicians of NAS **N. Velikhanly** (Azerbaijan)**,** corresponding members of the NAS **Z.Safarova** (Azerbaijan), corresponding members of the NAS **Sh. Muradov** (Azerbaijan)**,** academicians of NAS **T.N. Nazarov** (Tadjikistan), doctor of juridical sciences, prof. **V.A. Ustimenko** (Ukraine), doctor of economical sciences, prof. **V.N. Vasilenkoo** (Ukraine)

Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук.
ISSN 2224-5294 **САЙТ НАН РК: http://akademiyanauk.kz/**

Собственник: РОО «Национальная академия наук Республики Казахстан» (г. Алматы)
Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания в Комитете информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан **№ 10894-Ж**, выданное 30.04.2010 г.
Периодичность 6 раз в год
Тираж: 2000 экземпляров
Адрес редакции: 050010, г.Алматы, ул.Шевченко, 28, ком.219-220, тел. 272-13-19, 272-13-18
Адрес типографии: ИП «Аруна», г. Алматы, ул. Муратбаева, 75

© Национальная академия наук Республики Казахстан, 2014 г.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ.
АРХЕОЛОГИЯ ДРЕВНОСТИ.
ЭНЕОЛИТ, БРОНЗОВЫЙ И РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

УДК 903/904(574.5)"637"

А. А. ГОРЯЧЕВ, В. В. САРАЕВ, Т. А. ЕГОРОВА, К. А. ЕГОРОВА

(Институт археологии МОН РК, Алматы, Казахстан,
Музей археологии «Ғылым ордасы», Алматы, Казахстан)

ПЕТРОГЛИФЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ СКЛОНОВ ХРЕБТА КИНДЫКТАС

Аннотация. Представленные в статье рисунки в ущельях Кызылкора и Шокпар являются частью археологических комплексов и играют определенную роль в организации культурного ландшафта древним и средневековым населением этого микро региона. Наличие среди петроглифов культовых сюжетов и ритуальных сцен позволяет считать, что наскальные изображения отражали определенные религиозные представления их создателей и являлись составной частью ритуальной практики. По своему составу эти скопления петроглифов существенно уступают известным святилищам региона и располагаются вблизи жилищ. Количество рисунков в них варьирует от 50 до 250. Они гораздо беднее по объему культовых сюжетов и ритуальных сцен и менее выразительны стилистически. Чаще всего центральную часть скопления занимает крупная фигура наиболее значимого животного.

Ведущим образом среди наиболее древней части рисунков эпохи бронзы можно отметить изображения быка. Среди них выделяется пласт петроглифов, сюжеты с верблюдами, которые датируются рубежом II–I тыс. до н.э. В петроглифах раннего железного века преобладают образы верблюдов, козлов, архаров и изображение знака – личины. В средневековых наскальных рисунках особую роль играли тамги. Основные религиозные мотивы почитания священных животных остаются неизменными. Такая ситуация лишь подчеркивает традиционность жизненного уклада древних скотоводов Жетысу на протяжении нескольких исторических периодов.

Ключевые слова: петроглифы, святилище, сюжет, образ, тамга.
Тірек сөздер: петроглифтер, ғұрыптық, арқау, бейне, таңба.
Keywords: petroglyphs, tradition, plot, character, tamga.

За последнее десятилетие в результате археологических изысканий обнаружены небольшие скопления петроглифов, которые содержат не менее интересный материал для исследователей. В ряду таких памятников можно назвать петроглифы ущелий Кызылкора, Кызылсай и Шокпар, открытые в 1989 году А. А. Горячевым и С. А. Потаповым в ходе полевых работ при подготовке Свода памятников истории и культуры Жамбылской области.

Изучение таких небольших святилищ позволит решить ряд задач, стоящих перед петроглифистикой – осуществить подробную классификацию по типам и функциям «святилищ», создать более подробную на сегодняшний день периодизацию, выяснить семантику древних наскальных изображений племен, населявших огромную степную, предгорную и горную территорию.

Изучение петроглифов на северных склонах Заилийского Алатау и в Шуилийских горах позволило А. Н. Марьяшеву, С. А. Потапову и авторам выявить целую систему расположения небольших скоплений наскальных изображений близ поселений и могильников древности и средневековья [1]. Установление общих черт в организации «святилищ» и возможной взаимосвязи между группами памятников является интересной задачей, которую можно решать лишь при наличии информации со значительного количества подобных комплексов. В 2012–2013 гг. в ходе работ по гранту МОН РК по теме «Культура племен эпохи бронзы Жетысу» было обследовано свыше 20 скоплений наскальных изображений. Настоящая работа призвана на примере комплексов северо-западных склонов хребта Киндыктас установить взаимосвязь данных памятников.

Скопления наскальных изображений степной зоны, по сложившейся традиции, историками называются «святилищами» в связке с прилагательным, обозначающим понятия «небольшие, маленькие, незначительные». Вместе с тем, на рассматриваемой территории встречаются равнинные плато, расположенные ниже среднего уровня степи, отдельные возвышенности и ущелья. На участках скальных выходов на поверхность четко просматривается слоистость скальных пород, «поставленных на ребро». Они представляют собой тектонический разлом. Фрагменты пластов литосферных плит в почве, под поверхностью, становятся непреодолимым препятствием для течения подпочвенных вод, что создает условия для выхода подземных вод на поверхность. В результате тектонические разломы являются инициирующим фактором образования родников.

Места, выбранные древними для поселений, имеют ряд устойчивых характерных черт природных условий. Практически все они расположены на донных участках ущелий меридианного направления. В ущельях, имеющих извилистую конфигурацию, выбраны те их отрезки, которые одним бортом обращены в южном направлении. Борт ущелья, имеющий экспозицию южного сектора ориентации, неизменно выбирался с выходом скального массива. Обязательным условием на выбранном отрезке ущелья было наличие водного источника. Чаще всего это небольшой ручей, протекающий по дну ущелья либо выбивающийся на поверхность родник. Таким образом, опорные точки для мест, выбираемые для устройства поселений, обязательно имели водный источник, были заглублены относительно усредненной горизонтали рельефа, имели экспозицию южного сектора ориентации и массив скального обнажения.

На широких степных просторах отдельные участки с водными источниками не могут не привлекать людей как в настоящее время, так и в прошлом. Наличие же рисунков на скальных плоскостях свидетельствуют о долговременном присутствии людей в этих местах. Подобное место обеспечивает защиту от пронизывающих степных ветров, что особенно важно в зимнее время. Борта ущелий, образующие складки земной поверхности на степной равнине, местами имеют значительный угол склонения от средней горизонтальной степной линии. В рассматриваемом случае борт ущелья южной экспозиции поселения Кызылкора имеет уклон 37° к горизонтали. Зимой, во время зимнего солнцестояния, Солнце поднимается над южным горизонтом до 23°. В таких условиях, в полдень, солнечные лучи (тепловое излучение) будут освещать склон под углом 120°. Из чего следует, что Солнце дважды проходит точку, при которой его лучи будут максимально интенсивно прогревать склон. Таким образом, пиковые точки прогрева борта ущелья будут соответствовать наиболее суровому времени года – «конец осени – зима – начало весны».

Наличие массы скальных нагромождений позволяет аккумулировать солнечное тепло, что и создает локальный микроклимат с положительными температурами для проживания и содержания скота в отличие от открытой всем ветрам окружающей степи. Каменный массив за счет темной поверхности прогревается более интенсивно, чем почва. В зимнее время, при отрицательной температуре окружающего воздуха, в безветрие, поверхность скал нагревается до 38–40°С (замеры произведены в полдень зимнего солнцестояния при температуре окружающего воздуха минус 6,5°С). В результате чего, в дневное время, разнонаправленные скальные плоскости будут частично отражать тепловые лучи в окружающее пространство, обогревая его, а также будет происходить обогрев воздуха окружающего камень конвекционными потоками от его поверхности. Скальный массив играет инициирующую роль в обогреве участка ущелья и провоцирует оттаивание, освобождение от снежного покрова весь склон.

Подобная ситуация на южных склонах наблюдается в горных, предгорных и степных районах. Естественно, что в прошлом именно такие участки и были выбраны человеком для проживания. Вблизи скалы складывали загон для скота, а неподалеку строили жилище для себя. Близость к скальному выходу была удобна для использования каменных осыпей как источника строительного материала. Жилища и загоны для скота «глухой» стеной строили обращенной к скальному массиву, а выходом направлены в сторону южного сектора. В целом такая схема расположения подворья древних обитателей мест, на скалах которых обнаруживаются наскальные изображения, практически одинакова в основной массе случаев.

Действительно, в местах, обладающих вышеперечисленных факторами, обнаруживаются следы разрушенных различных построек, в некоторых случаях и искусственные водоемы при малом количестве воды и удачной рельефной ситуации, захоронения, а также и наскальные изображения.

Рассмотрение условий в местах существования скоплений петроглифов Ой-Джайляу, Шошкабас, Унгурли, Кызылкора, Кызылсай и Шокпар можно с большой долей уверенности говорить о том, что их создатели занимались разведением скота и названные места представляют собой постоянные подворья скотоводов. Наскальные же изображения являлись неотъемлемой составной частью организации и уклада пространства их проживания, сообразно имеющимся представлениям об окружающем мире. Таким образом, небольшие скопления петроглифов могут значительно повлиять на представления, кем были выбиты рисунки в древности и с наибольшим приближением к истине помогут восстановить картину жизни и быта древних скотоводов.

Изучаемые петроглифы были обнаружены в северо-западной части гор Киндыктас в ущельях Кызылкора, Кызылсай, Шокпар (рисунок 1). В урочище Кызылкора обнаружены несколько поселений, хронологические рамки которых не установлены. К северо-востоку от одного из них, находящегося в 3 км к юго-востоку от станции Шокпар, найдено скопление петроглифов общей численностью около 150 рисунков, большая часть которых относится к эпохе бронзы. Петроглифы сосредоточены на двух сопках, на нескольких скальных грядах, расположенных у входа в урочище

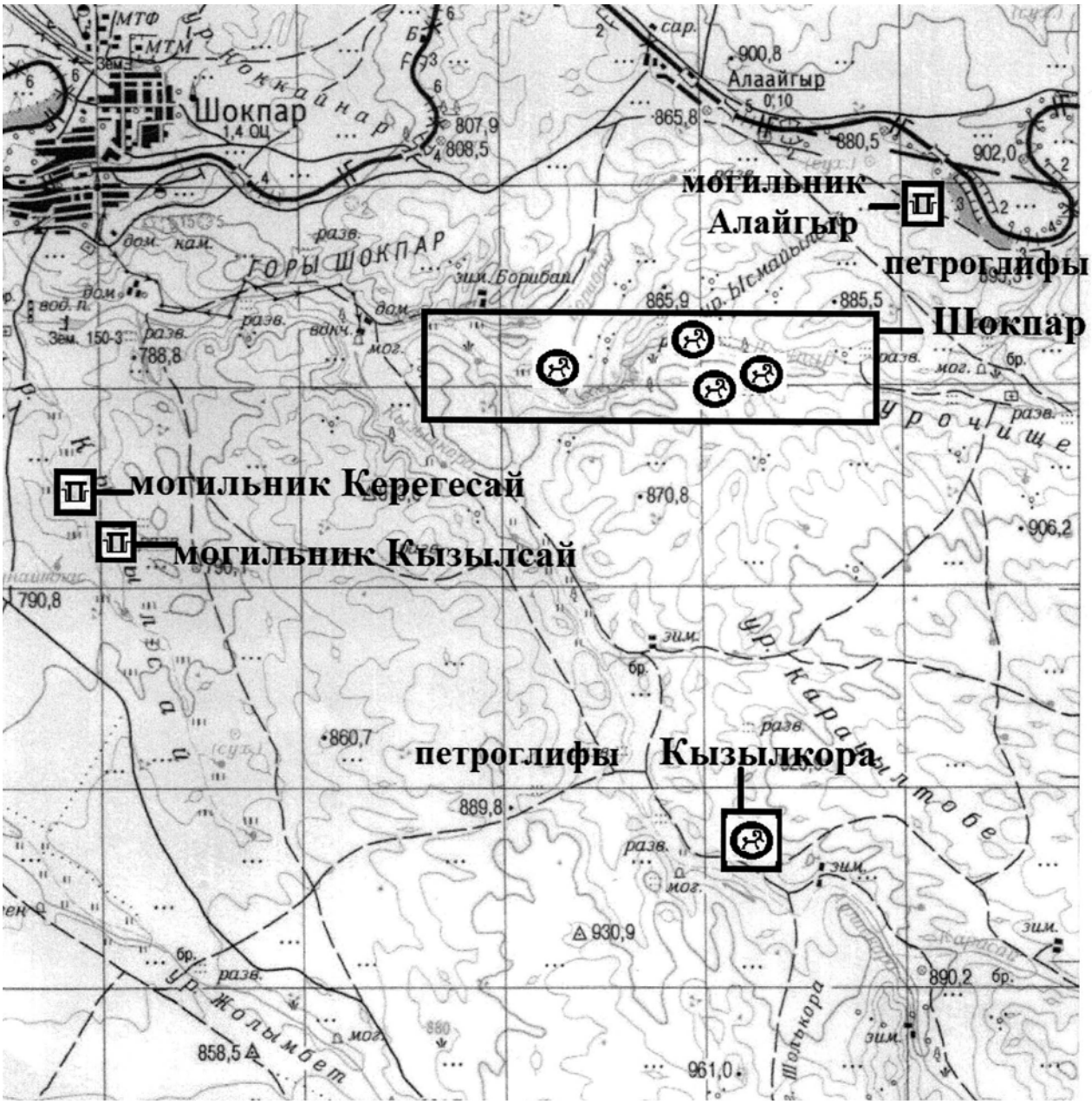

Рисунок 1 – План расположения археологических памятников в ущельях Кызылсай, Кызылкора и Шокпар

с северной стороны**.** Часть рисунков эпохи бронзы подновлялась неоднократно в разные периоды времени. В соседнем ущелье Кызылсай к востоку от комплекса зафиксировано два крупных разновременных могильника от эпохи бронзы до средневековья.

Петроглифы следующего комплекса расположены на скалах узкого каньона ручья Шокпар, текущего в меридианном направлении. С восточной и западной сторон каньона расположены долины, которые называются местным населением Сартай и Борибай. Непосредственно в долинах и к северу от ущелья обнаружены два крупных разновременных могильника от эпохи бронзы до средневековья и отдельные группы курганов раннего железного века. Внутри ущелья зафиксированы три поселения нового времени со значительным культурным слоем (судя по обнаруженным фрагментам керамики). Скопления петроглифов от эпохи бронзы до средневековья найдены в непосредственной близости восточнее жилых и хозяйственных строений. Только на выходе ручья из ущелья в долину Борибай петроглифы и поселение разделены руслом ручья**.**

Петроглифы по обоим берегам ручья Шокпар и бортам ущелья Кызылкора расположены на скалах с южной экспозицией. Основной способ нанесения всех рисунков – контурная выбивка со сплошной прошлифовкой. В скальных грядах этих ущелий не обнаруживаются следов существования каких-либо определенных площадок, алтарей – мест для выполнения культовых обрядовых действий.

Древнейшая группа в этих малых скоплениях наскальных изображений относится к эпохе бронзы (рисунки 2, 3). Это, прежде всего, изображения диких быков-туров, верблюдов, лошадей, архаров, козлов, собак, мужчин в сценах «противоборства». Подобные сюжеты известны на многочисленных памятниках близлежащих регионов. В ущелье Шокпар среди петроглифов эпохи бронзы

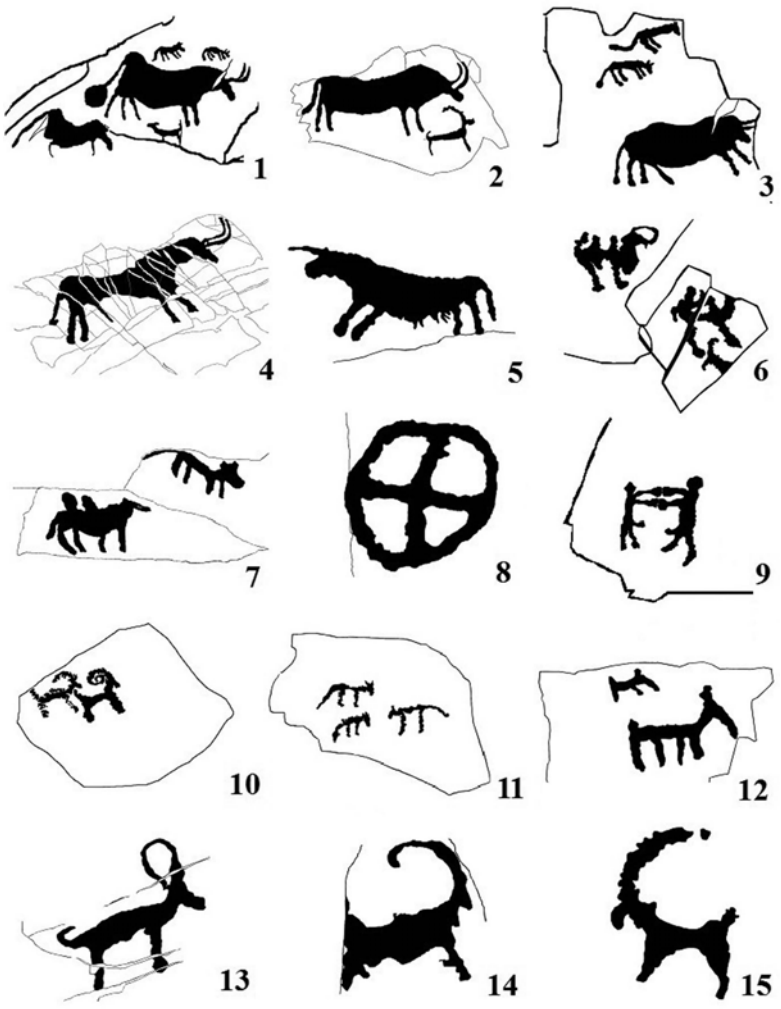

Рисунок 2 – Петроглифы эпохи бронзы комплексов Шокпар и Кызылкора

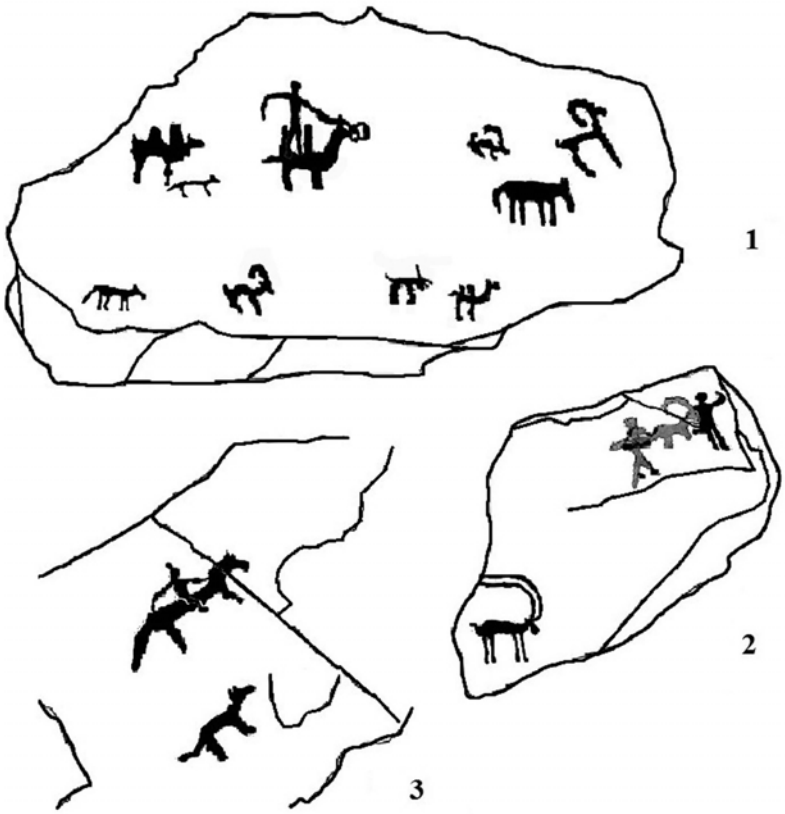

Рисунок 3 – Петроглифы эпохи бронзы долины Кызылкора

наиболее яркими являются сцены с быками. Их объединяют и некоторые стилистические признаки: у быков неестественно удлиненные изогнутые рога, на массивном корпусе выделен надлопаточный горб, на концах хвостов просматриваются кисти в форме шаров. Все эти признаки известны и в петроглифах Тамгалы и Кольжабасы, где они датируются эпохой бронзы [2]. Их объединяет ряд признаков, по которым и получила свое название «тамгалинская традиция» петроглифов эпохи бронзы [3].

Интересным предстает большое композиционное панно в ущелье Шокпар с фигурами быков-туров эпохи бронзы, выполненное двухчастно на разломанной скальной гряде. Левая часть скалы, размещенная под углом 15°, согласно расположению всхолмления, имеет законченную композицию с изображением крупного быка, которого преследуют два хищника (волки), внизу навстречу показана собака. Фигуры волков очень выразительны и реалистичны, они показаны в движении преследования животных – крупные головы опущены, мощные лапы, хвосты напряжены и опущены вниз (рисунок 2: 1) собака, в отличие от волков, имеет небольшую, поднятую вверх голову, туловище короткое, лапы маленькие, высоко поднятый и закрученный колечком хвост. Бык изображен с изогнутыми рогами, крупным брюхом, фаллосом, хвостом, оканчивающимся большой шарообразной кисточкой. Левее и ниже обозначена крупная фигура лошади. Техника нанесения всех элементов композиции – контурная выбивка со сплошной прошлифовкой.

Горизонтальная правая часть скалы также демонстрирует сюжет преследования следующего быка двумя хищниками (рисунок 2: 3). Удерживает внимание гипертрофированный фаллос, показанный у обоих животных. На втором ярусе этой же гряды имеется еще одна фигура быка в паре с рисунком козла. В отличие от двух предыдущих эта композиция не выражает динамику движения персонажей: оба животных статичны, отсутствуют половые признаки.

Сюжет с преследованием хищниками травоядных животных более характерен для раннего железного века и имеет определение как «сцена терзания». Однако иконографические особенности изображения быков, типичные для наиболее ранней группы петроглифов Тамгалы, позволяют исследователям считать, что этот мотив в наскальном искусстве получил развитие значительно раньше, еще в эпоху бронзы [4]. Семантически подобные сюжеты связаны с культом быка.

В ущелье Кызылкора отображения быков немногочисленны. Обращает внимание рисунок быка-тура: мощный корпус, поджарое брюхо, удлиненная шея, ноги соединены низкой дугой, удлиненные рога, загнутые вверх (рисунок 2: 4). Данное изображение животного имеет сходные стилистические черты с рисунками быков гор Кольжабасы [5]. Бык отмечен необычными элементами: имеет «перемычку» между рогами в виде прямого отрезка, соединяющим две дуги длинных рогов. На концах рогов – утолщенные окончания, подчеркивающие необычность образа.

В несколько иной манере выполнена фигура коровы (рисунок 2: 5). У нее выделен один короткий прямой рог, раздутое брюхо и вымя. Изображение животного выполнено более тщательно, «прямые рога» в наложении боковой проекции, массивный дугообразный корпус, шарообразные окончания проработанных ног, выписаны детали. Семантическая наполняемость образа коровы исходит из таких посылов, как пожелание благосостояния, изобилия, плодородия.

Изображения крупного рогатого скота в рисунках долины Кызылкора также исполнены в «тамгалинской традиции» петроглифов эпохи бронзы Жетысу. Все эти признаки известны в наскальных изображениях святилищ Тамгалы, Кольжабасы и Ой-Джайляу, где они датируются андроновским периодом [6].

Выразительной представляется многофигурная композиция с изображением людей и верблюдов на выходе из ущелья в долину Борибай ущелья Шокпар. На нижней части гряды изображены двое мужчин (рисунок 2: 9). Поднятые в поединке руки означают «мотив противостояния». Такой мотив распространен среди древнего пласта наскальных изображений: нередко персонажи отображены в кулачном бою, сражаются с боевым оружием – с топорами в руках, с палицами через плечо, с луками, стрелы которых нацелены друг в друга и пр. В Тамгалы это петроглифы II и V групп, часто встречаются сцены противоборства среди петроглифов урочища Каракыр [7], хребта Каратау[8] и в горах Ешкиольмес [9]. Рядом с парой воинов показана пара двугорбых верблюдов, также исполненных в эпоху бронзы (рисунок 2: 6).Вверху скалы находится фигура козла в «битреугольном» стиле (рисунок 2: 15). Подобные петроглифы относятся исследователями к наиболее ранним древним изображениям [10]. Рисунок козла подновлен в более позднее время, возможно, в эпоху раннего железа – сделана попытка округления тельца животного и придано характерное столбообразное очертание конечностям ног.

На плоскости скалы мы наблюдаем присутствие у одного верблюда некоторой упряжной детали округлой формы над головой и мордой животного. Второй рисунок верблюда поврежден разломом, внизу рядом с ним определяется собака, от которой осталась видимой короткая часть корпуса и завиток хвоста. Изображения верблюдов также подновлены и продолжены в ряд еще четырьмя изображениями этих животных в эпоху раннего железного века. Вверху слева над этим стадом видится сцена преследования хищником козла, справа – кошачий хищник, исполненные в той же стилистике. Двугорбых верблюдов в ущелье отмечено около 20 фигур. Крупные контурные фигуры верблюдов выполнены выбивкой и прошлифованы. Это и отдельные животные, и верблюды в стаде, и верблюдица с верблюжонком. Наличие же в сюжете эпохи бронзы среди петроглифов Шокпар у одного верблюда некоего подобия упряжи, сопровождение второго собакой позволяет предположить, что показаны одомашненные верблюды**.**

Образ верблюда также представлен в мелкосопочнике Кызылкора, возможно, это связано со значимостью верблюда в хозяйственном укладе в условиях засушливости региона. Уже в эпоху бронзы разведение верблюдов становится одной из частей хозяйственной деятельности человека. Среди рисунков ущелья Кызылкора есть изображение человека, ведущего верблюда на поводу. Представлена многофигурная композиция с изображением людей и верблюдов (рисунок 3: 1). Фигуры двугорбых верблюдов подновлены, более крупному верблюду горбы добавлены в высоту и поставлен между ними человек с предметом, напоминающим аркан, который он набрасывает через голову на морду животного. Подобная петля, определяемая как предмет упряжи, была встречена в сюжете эпохи бронзы петроглифов ущелья Шокпар, находящегося в 3 км от данного скопления рисунков [11]. У верблюда, вероятно, уже вставлен мурундук, с помощью которого осуществляется управление запряженного верблюда. Возможно, изображение древним человеком одомашненного верблюда явилось недостаточным для людей более позднего времени, поэтому были добавлены детали (человек + верблюд в качестве верхового животного, и аркан) для усиления понимания смысла, что не противоречит первозданному замыслу древнего художника. Образ верблюда-бактриана – распространенный сюжет наскального искусства Казахстана и Средней

Азии [12]. Здесь верблюд был одомашнен и использовался в качестве верхового и тяглового животного, по мнению исследователей, уже в период андроновской и тазабагъябской культур во 2 тыс. до н.э. [13].

Сцены этих петроглифических комплексов степных ущелий мало отражают охоту. Встречаемость сюжетов с целым рядом одомашненных животных вблизи древних жилищ позволяет говорить о комплексном типе хозяйства в малых стационарных поселениях среди небольших сопок, в ущельях, представляющих ойкумену древних племен. По мнению специалистов, этих животных одомашнили неолитические племена Центральной и Средней Азии, что привело к сложению своеобразной комплексной скотоводческой культуры в III–II тыс. до н.э. [14].

Необычным сюжетом, нечасто встречаемым в петроглифах, но высеченным в ущелье Кызылкора, можно назвать «противостояние хищников» (рисунок 2: 11). На небольшой скальной плите изображены три фигуры хищных животных. Слева высечены два волка напротив кошачьего хищника. Облик волков передан характерными чертами – большие головы опущены вниз в большом напряжении, длинный хвост настороженно приспущен книзу, вздыбленная шерсть передана прерывистой всклоченной выбивкой. Абрис противника передан более утонченными плавными линиями, настороженно поднятыми небольшими ушами, плоская морда обращена на волков, кончик, оканчивающийся небольшим шарообразным утолщением длинного тонкого хвоста выгнутого в напряжении дугой, приподнят в угрозе. В сюжете наиболее точно переданы наблюдения о характере и повадках животных в природной среде.

Преимущественно на скалах в древности изображались дикие животные – козлы, архары, олени, быки, хищники. Среди фигур животных этих комплексов как в эпоху бронзы, так и в раннем железном веке наиболее часто изображались козлы и архары. Козел с древних времен у разных народов являлся своеобразным символом плодородия. При этом плодородие рассматривается не как конкретное проявление, а как высший закон природы. Поэтому на большинстве скал ущелий Кызылкора и Шокпар встречаются именно эти изображения. Вероятно, что в малом освоенном пространстве древнему человеку необходимо было отразить именно эти жизнеобеспечивающие моменты.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что отдельные группы таких рисунков выполнены различными техническими приемами нанесения изображений на скалы. Особенно ярко это представлено в ущелье Шокпар. Так мелкоточечной выбивкой тщательно исполнены изображения козлов (рисунок 2: 13, 14). Необычным выглядит круг рогов одного из этих животных, замыкающихся в узкой петле. Некоторые аналогии данному образу прослеживаются в фигурах козлов из Тамгалы, рога которых замыкаются на хвост или круп [15]. Данный рисунок расположен отдельно восточнее всех групп петроглифов на высокой скальной гряде, что придает ему особый символизм.

В петроглифических композициях фигуры козлов нередко сопровождаются различными знаками, что обращает внимание на сложное и глубокое понимание этого образа в древности. Так, в ущелье Кызылкора на одной скальной композиции в центре размещен солярный знак, вокруг которого сосредоточены козлы и обозначен хищник, преследующий животных. Знак колеса представляет собой окружность, внутри которой расположены крестообразно прямые линии (рисунок 2: 8). Такое изображение широко распространено в петроглифах многих регионов, в том числе и наиболее значительном памятнике региона – святилище Тамгалы [16]. Этот знак древний человек наделил особыми сакральными свойствами. Он включает в себя несколько семантических пластов. Колесо как наиболее важный элемент колесницы осмыслялось как символ Вселенной – мандал... Крест в древних архаических культурах символизировал четыре страны света, а в некоторых связан с идеей поклонения Солнцу, как плодоносящей силе [17].

Своеобразной техникой исполнения отмечен здесь же сюжет с лошадью и стоящим рядом человеком. Корпус животного исполнен грубой резкой щербатой выбивкой – крупная холка, тонкий хвост, длинные тонкие дугообразные ноги. В изображении человека также виден грубый след резца, выбоинами обрисовавший его контур. Интересным представляется сюжет эпохи бронзы из ущелья Кызылкора, в котором показаны два человека, держащие козла с двух сторон (рисунок 3: 2). Вероятно, показан обряд жертвоприношения животного в манере, более характерной для сцен «терзания», получивших распространение в раннем железном веке. В нижнем углу плиты изображен козел с необычайно крупными рогами, уходящими за спину. Подобная иконо-

графия козлов характерна для культовых сцен святилища Тамгалы и подчеркивает ритуальный характер композиции [18].

Необычным для петроглифов эпохи бронзы региона выглядит фигура всадника на лошади и сопровождающей их собакой (рисунок 3: 3). В рисунке отсутствует изображение седла и стремян. Повод обозначен тонкой линией от руки к крупу животного. В подобной традиции встречаются фигуры всадников на лошадях в петроглифах урочища Ой-Джайляу в центральной части гор Киндыктас [19]. Подобные рисунки датируются авторами периодом поздней бронзы. С учетом исследований памятников ботайской культуры, которые показывают, что доместикация лошади в степной зоне Казахстана произошла в конце IV–III тыс. до н.э. [20], можно предположить, что к периоду поздней бронзы лошадь была уже освоена под верховую езду, что получило отражение в наскальных рисунках гор Киндыктас.

В ущельях Кызылкора и Шокпар есть целая серия изображений, в которых просматриваются отдельные признаки скифо-сибирского звериного стиля (рисунок 4: 1-11). Самыми многочисленными и стереотипными из них являются изображения верблюдов, архаров и козлов. Эта группа является образцами сложившегося изобразительного канона, присущего искусству центрально-азиатских кочевников.

Так, на первой гряде ущелья Кызылкора у скалы над поселком – изображение козлов, преследуемых хищниками перекрывает фигуру козла с двумя рогами, замыкающихся на крупе. Изображения раннего железного века в ущелье Шокпар представлены композициями со стадами козлов в среднем по полтора-два десятка на верхней гряде и 10–12 на нижней. Здесь же находится крупное изображение верблюда крупноточечной выбивки. Этот мотив поддерживается на скалах

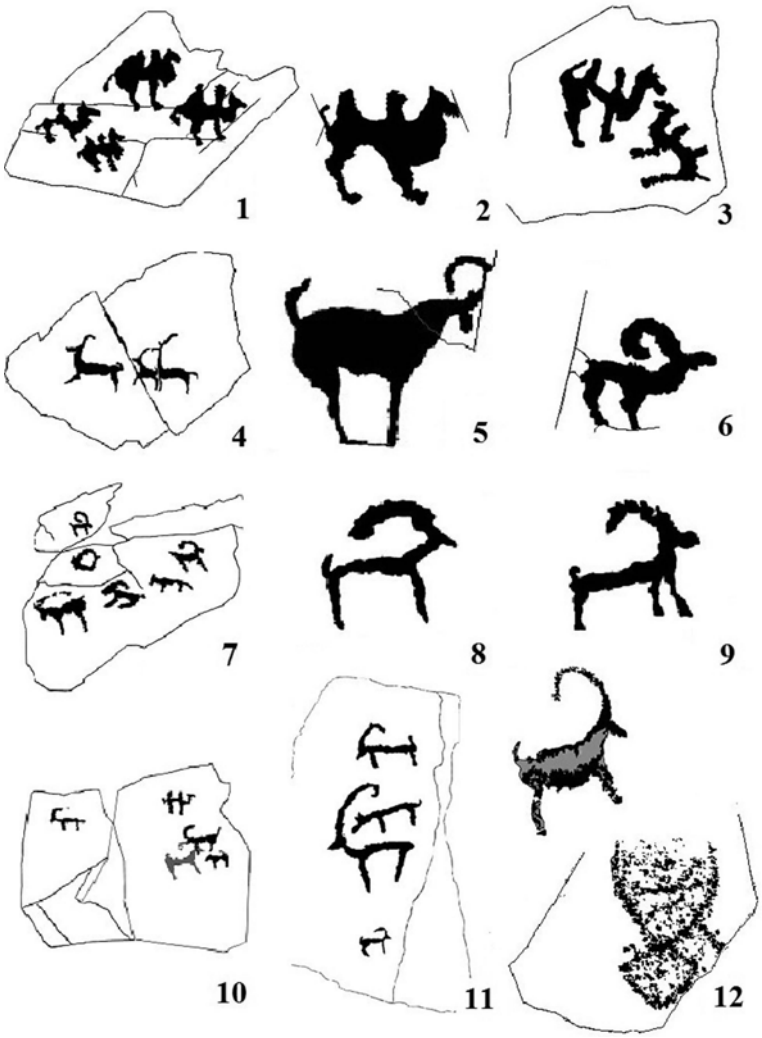

Рисунок 4 – Петроглифы раннего железного века комплексов Шокпар и Кызылкора

гряды сценой хищника, охотящегося на козла. Выделяется особой тщательностью выбивки и прошлифовки изображения крупная фигура козла (около 40 см) со спутанными ногами в восточной группе ущелья. Стилистически аналогичные рисунки известны в урочищах Тамгалы, Ой-Джайляу [21], в горах Кольжабасы и Ак-Кайнар [22].

Особого внимания заслуживает знак, размещенный в другой композиции рядом с фигурой козла (рисунок 4: 12). Геометризированное изображение, расположенное ниже, напоминает абрис личин и масок, которые разнообразны и известны в наскальных рисунках многих комплексов и святилищ как близлежащей округи, так и далеко за ее пределами. Подобная рогатым личинам-маскам мургур-саргольского типа Монгольского Алтая, Сибири, Тувы и Хакасии, Юго-Восточной Азии [23], ромбическая в основании личина увенчана двумя полукружьями бычьих рогов, в ней нет явных прорисовок глаз и рта, справа – отвисающая линия. Отмечается своеобразная техника нанесения на скалу изображений в этой композиции. Рисунок создан с учетом характера природного материала. Здесь нет четко выбитых контуров, весь абрис козла стилистики раннего железного века и знака дан прошлифовкой по грубой поверхности камня. Одновременность нанесения этих рисунков не вызывает сомнения.

Внутри рогов знака-личины видится некая конфигурация: от центральной выщербленности продольного пятна внутри рогов к полукружным краям прочерчено растянутыми четыре линии. Рисунок напоминает растянутую шкуру животного внутри бычьих рогов, от которых вниз спускается «хвост». Такой характер придает рогам широкий семантический аспект и позволяет сделать предположение о «скотьем боге». Подобный персонаж отмечен исследователями в урочище Ой-Джайляу [24]. Личина могла быть отличительным знаком для определенной родоплеменной группы. Использование позднее в контексте более абстрактных форм выступает как знак, символ. Подобный знак отмечен на скале (в рамках корпуса (?) животного) среди лосей петроглифов Сибири [25].

Иконографическая близость личины-маски и знака – изображения одного порядка. Прорисовка, выполненная в близком к геометрическому стилю, обрела знаковую форму, затем в стилизованной форме в виде знака стала тамгой уже в средневековую эпоху, так как рисунок имеет явные следы позднего подновления. Ряд таких знаков выявлен в составе памятников святилища Жайсан [26], определяемые исследователем как ромбовидные тамги, служащие «для маркировки границы сакральной зоны святилища Жайсан».

К средневековым петроглифам относится серия сюжетов, наиболее близко расположенная к жилым конструкциям поселений и отличающаяся по степени патинизации. Среди них основную массу составляют фигуры козлов и архаров (рисунок 5), часть была высечена в раннем железном веке и существенно подновлена позднее. Помимо многочисленных, но однотипных фигур животных к Средневековью могут быть отнесены тамгообразные знаки (рисунок 5: 3, 6). В композиционном единстве с изображением стада козлов находится Ƨ-образный знак, зафиксированный над поселением в центральной части каньона ручья Шокпар. Небольшое утолщение в верхнем конце и тонкий нижний позволяют судить как о рисунке змеи. Такое изображение есть на необычном рисунке черепахи из Мухарского погребально-поминального комплекса на р. Тола [27]. Подобные рисунки отмечены в ряду петроглифов Монгольского Алтая [28], отдаленно сродни начертанию раннесредневековых знаков [29].

К северо-востоку от жилых и хозяйственных построек на крайней скальной гряде, возвышающейся над каньоном ручья Шокпар, найдено изображение тамги (рисунок 5: 3). Аналоги этого знака нам не известны, однако по стилистике он напоминает погрудную антропоморфную фигуру.

Представленные рисунки в ущельях Кызылкора и Шокпар являются частью археологических комплексов и, несомненно, играют определенную роль в организации культурного ландшафта древним и средневековым населением этого микро региона. Все петроглифы высечены на скалах, непосредственно примыкающих к жилым конструкциям или на сопках, у подножия которых фиксируются жилые строения. Этот фактор не позволял создать вокруг рисунков сакральное пространство святилища в традиционном понимании его структурной организации. Но наличие среди петроглифов культовых сюжетов и ритуальных сцен позволяет считать, что рисунки отражали определенные религиозные представления их создателей и являлись составной частью ритуальной практики. Особенностью этой практики было обязательное наличие рисунков на скалах вблизи жилищ.

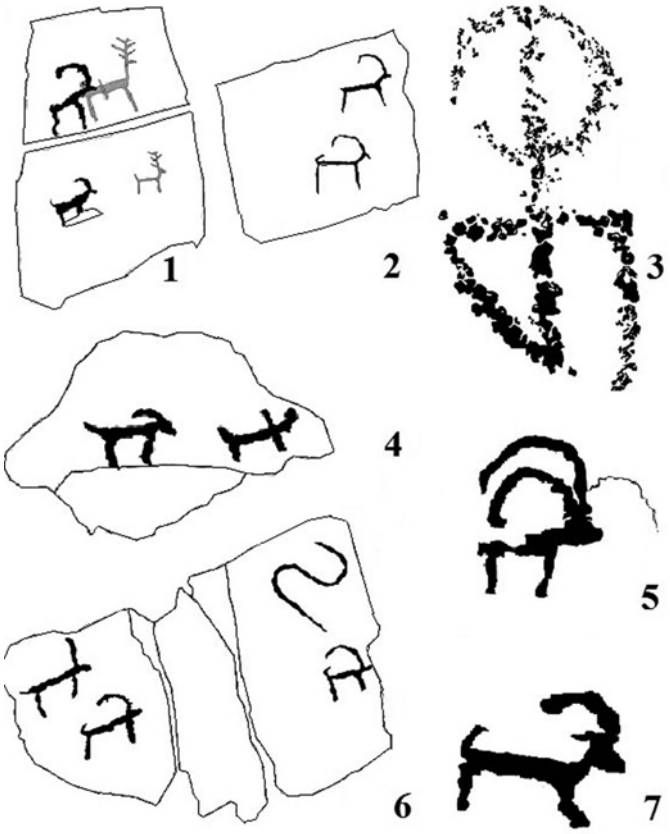

Рисунок 5 – Петроглифы Средневековья и Нового времени комплексов Шокпар и Кызылкора

По своему составу эти скопления петроглифов существенно уступают известным святилищам региона. Количество рисунков в них варьирует от 50 до 250. Они гораздо беднее по объему культовых сюжетов и ритуальных сцен и менее выразительны стилистически. Как правило, в таких скоплениях на каждом историческом этапе выделятся один или два ведущих образа, который регулярно повторяется в серии сюжетов. Чаще всего центральную часть скопления занимает крупная фигура наиболее значимого животного.

Таковым среди наиболее древней части рисунков эпохи бронзы можно признать образ быка. Среди этих рисунков выделяется пласт петроглифов, который определяется как промежуточный между рисунками эпохи бронзы и сакского времени. К ним относятся сюжеты с верблюдами, которые дублируются и в раннем железном веке. Эти рисунки предположительно датируются рубежом II–I тыс. до н.э. Все они имеют аналогии в наскальном искусстве племен Монголии и Сибири, что может быть связано с миграцией какой-то небольшой части населения на юг Казахстана.

Ведущими образами наскального искусства раннего железного века становятся верблюды, козлы, архары и изображение знака-личины. Те же образы прослеживаются и в средневековых наскальных рисунках, причем особую роль, вероятно, играли тамги. Основные религиозные мотивы почитания священных животных остаются неизменными. Такая ситуация лишь подчеркивает традиционность жизненного уклада древних скотоводов Жетысу на протяжении нескольких исторических периодов.

ЛИТЕРАТУРА

1 Сараев В. В. К вопросу изучения археологических памятников Заилийского Алатау // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата, 1992. – С. 22; Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. – Алматы, 2002. – С. 61-64; Потапов С.А. Древнее святилище Каракыр. – Алматы, 2007.

2 Максимова А. Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. – Алма-Ата, 1985; Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы в горах Кольжабасы. – Алматы, 2004.

3 Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. – Алматы, 2002. – С. 35, 37.

4 Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. – Алматы, 2002. – С. 18, 58.

5 Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы в горах Кольжабасы. – Алматы, 2004. – Рис. 28.

6 Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. – Алма-Ата, 1985; Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы в горах Кольжабасы. – Алматы, 2004; Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Петроглифы поздней бронзы и раннего железного века в урочище Ой-Джайляу // Известия НАН РК. Серия общественных наук. – 2008. – № 1(254). – С 101-105.

7 Потапов С.А. Древнее святилище Каракыр. – Алматы, 2007. – С. 24-26.

8 Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. – Алма-Ата, 1977. – С. 208.

9 Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. – Алматы, 2002. – Табл. V, VI, XX.

10 Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М., 1980. – Рис. 1, 19.

11 Горячев А.А., Сараев В.В., Егорова К.А. Петроглифы ущелья Шокпар // Мат-лы междунар. научно-практ. конф. «Археология Казахстана: итоги и перспективы». – Алматы, 2013. – Табл. 1: 5.

12 Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. – Алма-Ата, 1977. – С. 176.

13 Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М., 1994. – С. 164, 165.

14 Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М., 1994. – С. 200-203.

15 Горячев А.А., Егорова К.А. Семантический аспект одной иконографической традиции изображений козлов в петроглифах Южного Казахстана и Киргизии // История и археология Семиречья. – Алматы, 2007. – Вып. 3. – С. 88-99.

16 Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. – Алматы, 2002. – С. 106.

17 Хужаназаров М. Наскальные рисунки и их взаимосвязь с исламскими культовыми местами // Междунар. конф. по первобытному искусству (3–8 августа 1998). – Труды. – Т. 2. – Кемерово, 2000. – С. 225.

18 Горячев А.А., Егорова К.А. Семантический аспект одной иконографической традиции изображений козлов в петроглифах Южного Казахстана и Киргизии // История и археология Семиречья. – 2007. – Вып. 3. – С. 90, рис. 1.

19 Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Петроглифы поздней бронзы и раннего железного века в урочище Ой-Джайляу // Известия НАН РК. Серия общественных наук. – 2008. – № 1(254). – Рис. 2, 3, 4, 6.

20 Зайберт В.Ф. Ботайская культура. – Алматы, 2009. – С. 410-411.

21 Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. – Алматы, 2002. – С. 37-47.

22 Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы в горах Кольжабасы. – Алматы, 2004; Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы Ак-Кайнара. – Алматы, 2009.

23 Дэвлет М.А. Петроглифы Улуг-Хема. – М., 1976. – Рис. 4-7; Дэвлет М.А. Петроглифы Мугур-Саргола. – М., 1980. – С. 226, 232; Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск – Улан-Батор – Юджин, 2005. – С. 76-77, рис. 70.

24 Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Петроглифы поздней бронзы и раннего железного века в урочище Ой-Джайляу // Известия НАН РК. Серия общественных наук. – 2008. – № 1(254). – Рис. 8.

25 Семенов Вл.А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В., Субботин А.В. Петроглифы Каратага и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края). – СПб., 2000. – Табл. 21, б-гр. 2.

26 Досымбаева А.М. Западный Тюркский каганат: культурное наследие казахской степи. – Алматы, 2006. – С. 53, рис. 20; с. 86, фото 44.

27 Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб., 2005. – С. 104, рис. 15.

28 Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск – Улан-Батор – Юджин, 2005. – С. 484, рис. 1369.

29 Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – М., 2001. – С. 178, рис. 27-144.

REFERENCES

1 Saraev V. V. K voprosu izuchenija arheologicheskih pamjatnikov Zailijskogo Alatau. Arheologicheskie issledovanija v Kazahstane. Alma-Ata, 1992. S. 22; Mar'jashev A.N., Gorjachev A.A. Naskal'nye izobrazhenija Semirech'ja. Almaty, 2002. S. 61-64; Potapov S.A. Drevnee svjatilishhe Karakyr. Almaty, 2007.

2 Maksimova A. G., Ermolaeva A.S., Mar'jashev A.N. Naskal'nye izobrazhenija urochishha Tamgaly. Alma-Ata, 1985; Bajpakov K.M., Mar'jashev A.N. Petroglify v gorah Kol'zhabasy. Almaty, 2004.

3 Mar'jashev A.N., Gorjachev A.A. Naskal'nye izobrazhenija Semirech'ja. Almaty, 2002. S. 35, 37.

4 Mar'jashev A.N., Gorjachev A.A. Naskal'nye izobrazhenija Semirech'ja. Almaty, 2002. S. 18, 58.

5 Bajpakov K.M., Mar'jashev A.N. Petroglify v gorah Kol'zhabasy. Almaty, 2004. Ris. 28.

6 Maksimova A.G., Ermolaeva A.S., Mar'jashev A.N. Naskal'nye izobrazhenija urochishha Tamgaly. Alma-Ata, 1985; Bajpakov K.M., Mar'jashev A.N. Petroglify v gorah Kol'zhabasy. Almaty, 2004; Mar'jashev A.N., Gorjachev A.A. Petroglify pozdnej bronzy i rannego zheleznogo veka v urochishhe Oj-Dzhajljau. Izvestija NAN RK. Serija obshhestvennyh nauk. 2008. N 1(254). S 101-105.

7 Potapov S.A. Drevnee svjatilishhe Karakyr. Almaty, 2007. S. 24-26.

8 Kadyrbaev M.K., Mar'jashev A.N. Naskal'nye izobrazhenija hrebta Karatau. Alma-Ata, 1977. S. 208.

9 Mar'jashev A.N., Gorjachev A.A. Naskal'nye izobrazhenija Semirech'ja. Almaty, 2002. Tabl. V, VI, XX.

10 Sher Ja.A. Petroglify Srednej i Central'noj Azii. M., 1980. Ris. 1, 19.

11 Gorjachev A.A., Saraev V.V., Egorova K.A. Petroglify ushhel'ja Shokpar. Mat-ly mezhdunar. nauchno-prakt. konf. «Arheologija Kazahstana: itogi i perspektivy». Almaty, 2013. Tabl. 1: 5.

12 Kadyrbaev M.K., Mar'jashev A.N. Naskal'nye izobrazhenija hrebta Karatau. Alma-Ata, 1977. S. 176.

13 Kuz'mina E. E. Otkuda prishli indoarii. Material'naja kul'tura plemen andronovskoj obshhnosti i proishozhdenie indoirancev. M., 1994. S. 164, 165.

14 Kuz'mina E. E. Otkuda prishli indoarii. Material'naja kul'tura plemen andronovskoj obshhnosti i proishozhdenie indoirancev. M., 1994. S. 200-203.

15 Gorjachev A.A., Egorova K.A. Semanticheskij aspekt odnoj ikonograficheskoj tradicii izobrazhenij kozlov v petroglifah Juzhnogo Kazahstana i Kirgizii. Istorija i arheologija Semirech'ja. Almaty, 2007. Vyp. 3. S. 88-99.

16 Mar'jashev A.N., Gorjachev A.A. Naskal'nye izobrazhenija Semirech'ja. Almaty, 2002. S. 106.

17 Huzhanazarov M. Naskal'nye risunki i ih vzaimosvjaz' s islamskimi kul'tovymi mestami // Mezhdunar. konf. po pervobytnomu iskusstvu (3–8 avgusta 1998). Trudy. T. 2. Kemerovo, 2000. S. 225.

18 Gorjachev A.A., Egorova K.A. Semanticheskij aspekt odnoj ikonograficheskoj tradicii izobrazhenij kozlov v petroglifah Juzhnogo Kazahstana i Kirgizii. Istorija i arheologija Semirech'ja. 2007. Vyp. 3. S. 90, ris. 1.

19 Mar'jashev A.N., Gorjachev A.A. Petroglify pozdnej bronzy i rannego zheleznogo veka v urochishhe Oj-Dzhajljau. Izvestija NAN RK. Serija obshhestvennyh nauk. 2008. N 1(254). Ris. 2, 3, 4, 6.

20 Zajbert V.F. Botajskaja kul'tura. Almaty, 2009. S. 410-411.

21 Mar'jashev A.N., Gorjachev A.A. Naskal'nye izobrazhenija Semirech'ja. Almaty, 2002. S. 37-47.

22 Bajpakov K.M., Mar'jashev A.N. Petroglify v gorah Kol'zhabasy. – Almaty, 2004; Bajpakov K.M., Mar'jashev A.N. Petroglify Ak-Kajnara. Almaty, 2009.

23 Djevlet M.A. Petroglify Ulug-Hema. M., 1976. Ris. 4-7; Djevlet M.A. Petroglify Mugur-Sargola. M., 1980. S. 226, 232; Kubarev V.D., Cjevjejendorzh D., Jakobson Je. Petroglify Cagaan-Salaa i Baga-Ojgura (Mongol'skij Altaj). Novosibirsk – Ulan-Bator – Judzhin, 2005. S. 76-77, ris. 70.

24 Mar'jashev A.N., Gorjachev A.A. Petroglify pozdnej bronzy i rannego zheleznogo veka v urochishhe Oj-Dzhajljau. Izvestija NAN RK. Serija obshhestvennyh nauk. 2008. N 1(254). Ris. 8.

25 Semenov Vl.A., Kilunovskaja M.E., Krasnienko S.V., Subbotin A.V. Petroglify Karataga i gory Kedrovoj (Sharypovskij rajon Krasnojarskogo kraja). SPb., 2000. Tabl. 21, b-gr. 2.

26 Dosymbaeva A.M. Zapadnyj Tjurkskij kaganat: kul'turnoe nasledie kazahskoj stepi. Almaty, 2006. S. 53, ris. 20; s. 86, foto 44.

27 Kljashtornyj S.G., Savinov D.G. Stepnye imperii drevnej Evrazii. SPb., 2005. S. 104, ris. 15.

28 Kubarev V.D., Cjevjejendorzh D., Jakobson Je. Petroglify Cagaan-Salaa i Baga-Ojgura (Mongol'skij Altaj). Novosibirsk – Ulan-Bator – Judzhin, 2005. S. 484, ris. 1369.

29 Jacenko S.A. Znaki-tamgi iranojazychnyh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ja. M., 2001. S. 178, ris. 27-144.

А. А. Горячев, В. В. Сараев, Т. А. Егорова, К. А. Егорова

(ҚР БҒМ Археология институты, Алматы, Қазақстан,
«Ғылым ордасы» Археология мұражайы, Алматы, Қазақстан)

КІНДІКТАС ШАТҚАЛЫНЫҢ СОЛТҮСТІК БАТЫС ҚЫРЛАРЫ ПЕТРОГЛИФТЕРІ

Резюме

Мақалада берілген Қызылқора мен Шоқпар шатқалының суреттері археологиялық кешеннің бір бөлігі болып табылады және осы шағын ауданның ежелгі және ортағасырлық тұрғындарының мәдени ландшафтын ұйымдастыруда тұрақты орын алады. Петроглифтердің арасында салттық және ғұрыптық бейнелердің болуы тастағы суреттер нақты бір діни қойылымды құраушыларды бейнеледі және олардың тәжірибелерінің құрамдас бөлігі болды. Мұндай петроглифтердің шоғырлануы құрамы жағынан аймақтың белгілі ғұрыптық орындарына жатқызылады және тұрақтарға жақын орналасады. Олардағы суреттердің саны 50-ден 250-ге дейін жетеді. Олар ғұрыптық бейнелер мен діни сценалардың жанында көлемі жағынан аздау, стильдік жағынан анық емес. Шоғырланған суреттердің орталығында көбіне ірі бейне болып бір жануар бейнеленеді.

Қола дәуірі суреттерінің ежелгі бөлігінің алдыңғы қатарынан бұқа бейнесін байқауға болады. Бұлардың арасында түйе суреті бейнеленген б.з.дейінгі II–I мыңжылдықтармен кезеңделетін петроглифтер ерекшеленеді. Ерте темір дәуірі петроглифтерінде түйе, арқар, ешкі бейнелері көбірек. Ортағасырлық тастағы суреттерде таңбалар негізгі орын алады. Негізгі діни бейне ғұрыптық жануарларға табыну өзгеріссіз қалады. Мұндай жағдайлар бірнеше тарихи кезеңдер бойындағы ежелгі Жетісу малшыларының өмір салтын анықтай түседі.

Тірек сөздер: петроглифтер, ғұрыптық, арқау, бейне, таңба.

A. A. Goryathev, V. V. Saraev, T. A. Egorova, K. A. Egorova

PETROGLYPHS NORTH-WESTERN SLOPES OF BACKBONE KYNDYKTAS

Summary

The drawings of Kyzylkora and Shokpar gorges, presented in this article, are part of the archaeological complexes and play fixed role in cultural landscape which was organized by ancient and medieval people of this

region. The presence of religious subjects and ritual scenes among the petroglyphs allows to consider that rock paintings reflect certain religious representations of their creators and they were an integral part of the ritual practice. The composition of these petroglyphs' clusters is significantly inferior to the famous sanctuaries of the region and located near dwellings. The number varies from 50 to 250 drawings. They are much poorer in terms of religious subjects and ritual scenes and less expressive stylistically. A major figure of the most significant animal most often takes the central part of the cluster.

Among the most ancient part of the Bronze Age drawings the leading figure can be noted as the image of a bull. Among them there is a layer of petroglyphs, stories with camels, which are dated from the boundary of II-I millennia BC. In petroglyphs of the early Iron Age the images of camels, goats, argalis and the image of sign – guises dominate. In medieval petroglyphs tamgas played the special role. The main religious motives to esteem the sacred animals keep unchanged. This situation only underlines the traditional lifestyle of Zhetysu pastoralists during the several historical periods.

Keywords: petroglyphs, tradition, plot, character, tamga.

Поступила 10.09.2014 г.

УДК 903/904(574.5)"637"

М. Д. ФРАЧЕТТИ[1], А. Н. МАРЬЯШЕВ[2], П. Н. ДОУМАНИ[1]

([1]Вашингтонский университет, С.-Луис, США,
[2] Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Казахстан)

ПОСЕЛЕНИЯ ГОРНОЙ ЧАСТИ СЕМИРЕЧЬЯ И ВОПРОСЫ ЭКОЛОГИИ И ХОЗЯЙСТВА В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Аннотация. В статье подведены итоги десятилетней работы Международной казахстанско-американской комплексной экспедиции в Восточном Семиречье (Жетысу) на поселениях эпохи бронзы. В ней дается краткая история изучения поселений, новые открытия, связанные с раскопками на поселениях Бигаш, Тасбас и Дали. Артефакты и анализ керамического материала позволяют удревнить историю заселения Семиречья (Жетысу) на несколько столетий до рубежа III–II тысячелетия до н.э. Находки зерен пшеницы позволяют считать, что уже в эпоху ранней бронзы у племен существовало комплексное хозяйство.

Ключевые слова: Семиречье (Жетысу), горная бронза, эпоха бронзы, поселение, могильник.

Тірек сөздер: Жетісу, тау қоласы, қола дәуірі, ежелгі қоныс орны, қорым.

Keywords: Early Bronze Age, Pastoralism, Semirech'ye, settlement, ceramics.

Активное исследование памятников эпохи бронзы – поселений и могильников – в Семиречье началось с восьмидесятых годов XX века. Выборочные раскопки могильников эпохи бронзы, которые вели еще в пятидесятые годы Е. И. Агеева, П. Н. Кожемяко, А. Г. Максимова, представляли собой островки в пустыне. Поэтому для датировки отдельных находок и кладов археологи использовали периодизацию эпохи бронзы, разработанную еще в пятидесятые-шестидесятые годы XX века, построенную на материалах Центрального Казахстана. Эта периодизация состояла из нескольких этапов: нуринского, атасуского и бегазы-дандыбаевской культуры, последовательно сменявших друг друга, начиная с середины II тыс. до н. э. Впоследствии эта периодизация была перестроена, изменены названия этапов, выделены самостоятельные культуры – алакульская и федоровская.

Но с появлением новых материалов возникали и новые вопросы. Не касаясь некоторых сторон и вопросов теоретического характера, которые освещены в печати, остановимся на проблемах изучения Семиречья в эпоху бронзы.

С начала восьмидесятых годов прошлого века в Семиречье раскопки могильников и поселений эпохи бронзы вели А. К. Акишев, впоследствии К. М. Карабаспакова. Она выделила самостоятельную биенскую культуру, исходя из особенности материала и своеобразия природных условий в районе поселения Биён, и датировала памятники эпохой поздней бронзы. Семиречье рассматривалось как далекая окраина степной культуры в эпоху бронзы.

С 1982 года в Семиречье начала исследования экспедиция КазПИ им. Абая. Были открыты поселения, погребения и петроглифы трех эпох в горах Ешкиольмес, могильники Талапты, одноименное поселение и наскальные изображения эпохи бронзы более чем в 20 ущельях этого хребта.

Комплексное изучение разных памятников позволило выявить два этапа в заселении этого региона в эпоху бронзы.

Раскопки могильников в районе Тамгалы были продолжены А. Е. Рогожинским по проекту ЮНЕСКО с использованием радиоуглеродных датировок. В результате предложенные ранее экспедицией КазПИ датировки получили более обоснованное подтверждение, что позволило датировать весь комплекс второй половиной II тыс. до н. э. Эта же экспедиция продолжила работу в горах Кунгей и Заилийском Алатау, результатом явилось выделение отдельной своеобразной группы памятников, названных позднее кульсайским типом, в дальнейшем выделенным А. Н. Марьяшевым и А. А. Горячевым в отдельную кульсайскую культуру. [12] Е. Е. Кузьмина на материалах Семиречья выделила одноименный вариант культуры эпохи бронзы [7].

С начала девяностых годов Ф. П. Григорьевым раскопано поселение эпохи финальной бронзы Терренкора на окраине Алматы и А. А. Горячевым поселение Бутакты середины II тыс. до н.э. на южной окраине Алматы. [2]

Таким образом, можно было утверждать, что заселение Семиречья происходило в целом с середины и до конца II тыс. до н. э. С 1999 года велись раскопки поселений в долине рек Асы и Тургень. Установлено, что поселение Асы-1 существовало в течение двух-трех столетий в эпоху поздней бонзы, а поселение Асы-2, раскопанное Клодией Чанг, функционировало уже в середине II тыс. до н. э. Выявлены жилища самых разных конструкций от простых небольших землянок до больших многокомнатных домов с перегородками. Некоторые из них были устроены из камней, другие – из деревянных бревен. Часть жилищ была устроена между скал, которые служили прикрытием от холодных ветров зимой. Выявлены два периода заселения этого поселения, разделенные толстым слоем гравия.[11].

В 2002 году М. Фрачетти и А.Н. Марьяшевым было обнаружено в предгорьях Джунгарского Алатау поселение Бигаш. Раскопки велись в течение трех лет с 2002 по 2006 гг. Ранние слои поселения были датированы 2450–2000 до н. э., (было взято на анализ 8 проб, которые датированы от 2450–2000 до н.э.). На этом же поселении в раннем слое обнаружены злаки пшена и пшеницы, что можно на этом этапе рассматривать как результат торговых контактов скотоводов с земледельческими племенами.

Раскопки на поселениях Бигаш дали возможность на протяжении эпохи бронзы проследить, как изменялся тип хозяйства в течение многих лет, как менялся состав стада, какую роль в хозяйстве занимали охота и скотоводство. Использование радиоуглеродных калиброванных дат позволило значительно удревнить время поселения Бигаш и уточнить дату появления поселения Тасбас-1. Приводим некоторые сведения по истории нескольких поселений из Семиречья. [16].

Поселение Асы-1. Раскопки проводились с 1999 года по 2001 год под руководством А.Н. Марьяшева и А.С. Ермолаевой. Раскоп был заложен у подножья склона на левом берегу р. Асы в месте впадения р. Караш в р. Асы в 6,5 км к востоку от обсерватории, на высоте 2350 м над уровнем моря. До раскопок на поселении просматривались каменные выкладки по линии север-юг и восток-запад. Внутри поселения просматривалась небольшая западина. После расчистки в западной части большого дома выявлены двойная стена и длинная южная стена, вытянутая по линии запад-восток, плавно поворачивающая на север в восточной части дома. Высота расчищенных стен составляет от 1,5 до 1,6 м.

В западной части дома на уровне пола находились обгорелые бревна, фрагменты керамики, закопченные кости и бронзовый наконечник стрелы. Внутри дома у стен и в углу обнаружены небольшие очаги с углями и керамика с орнаментом. Это венчики сосудов, боковины и донца. Орнамент в виде треугольников, заполненных косыми линиями, точками, в виде ногтевидных вдавлений и насечек.

По аналогии с керамикой на сосудах это поселение аналогично по времени таким поселениям, как Кызылбулак, раскопанным А. А. Горячевым, и Талапты, раскопанному экспедицией КазПИ им. Абая. Они датируется по типологии XIII–XI вв. до н.э.

Радиоуглеродный анализ фрагмента обгорелого бревна из поселения Асы-1, выполненный в Геологическом Институте (г. Москва), был датирован 3100 лет от нашего времени [10].

В 2007–2008 гг. раскопки были продолжены в северной части поселения. Вскрыто дополнительно 7 квадратов размерами 3х3 м. В северной части большого дома удалось выявить два строительных горизонта, разделенных слоями гравия. На глубине 170–180 см найдены фрагменты керамики конца II тыс. до н.э. с орнаментом в виде насечек, вдавлений, канелюров по горловине, ногтевидных вдавлений и нескольких жемчужин. На 25 см глубже, под слоем гравия, выявлены фрагменты обгорелого дерева, пол с глиняной обмазкой и выложенный фрагментами керамики. Керамика представлена фрагментами, орнаментированными косыми и прямыми треугольниками, обнаружен один фрагмент керамики с валиком. Разделенные гравием слои позволили выявить два периода в истории поселения – последней трети II тыс. до н. э. и эпохи финальной бронзы.

По всей площади дома и в большей степени в северо-восточном углу обнаружено несколько столбовых ям с остатками дерева внутри диаметром от 12 до 14 см. На полу находилось несколько фрагментов обгорелого дерева, что дает основание считать, что крыша была уничтожена пожаром. Перегородки между комнатами были деревянными [10].

Следует отметить, что на поселении Асы-2, расположенном в 400 м к востоку и частично раскопанном Клодией Чанг, все выявленные перегородки были каменными. Можно сделать вывод, что поселения эпохи поздней бронзы отличались большим разнообразием как в выборе материала, так и по конструкциям, даже в пределах одного региона.

Судя по толщине культурного слоя поселения Асы-1 и нескольким строительным горизонтам, поселение было долговременным. На нем жили круглогодично, прежде чем в эпоху раннего железа население перешло к его сезонному использованию. Учитывая, что в наше время в долине р. Асы даже в августе температура падает до –4°С, жайляу использовались в основном для скотоводства. Для уточнения соотношения доли скотоводства и земледелия необходимо произвести дополнительные исследования этой долины.

Поселение Бигаш. Археологические раскопки на поселении Бигаш, расположенном в 1,5 км северо-западнее с.Бигаш, проводились в период с 2002 года по 2006 год. Это совместный проект Института археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК и Вашингтонского Университета (Сент-Луис, США). Поселение расположено в небольшом ущелье на высоте 973 м над ур. м.

На поверхности это поселение представляет собой искривленную каменную выкладку, которая относится к верхнему историческому периоду. Она имела подовальную форму, размерами около 10 м в диаметре. Самые главные направления исследований – это хронология, стратиграфия поселения и вопросы изучения типа хозяйства, экология, согласно археоботаническим и археологическим материалам.

С точки зрения хронологии поселение Бигаш и связанную с ним материальную культуру можно разделить на шесть этапов: выявлено три крупных этапа архитектурного строительства, а также ряд промежуточных заселений, когда архитектура участка использовалась лишь частично, либо когда площадь участка занималась под кратковременные стоянки. Больше тридцати проб для радиоуглеродых дат (AMS – Accelerated Mass Spectrometry) демонстрируют непрерывную хронологию этапов заселения Бигаша, начиная с 2470 г. до н.э. без существенных свидетельств прекращения проживания или значительных социальных перерывов в регионе или на участке на какой-либо долгий срок. Ошибочно считать, что народонаселение района Коксу было неизменным в демографическом отношении – напротив, такие объекты, как Бигаш, указывают на развитие социально значимых участков, игравших активную роль в совокупной истории местных скотоводческих общин региона в течение тысячелетий. В археологическом плане поселение Бигаш отражает более чем 4000-летний период регионального заселения и его долговременного использования как места для сезонного скотоводческого поселения [6, 7]. Однако установлено, что поселение Бигаш отличается тем, что на нем были обнаружены зерна культурных растений, датируемых по радиоуглероду 2300–2200 гг. до н.э. (калиброванные 14С) [15, 17]. Эти зерна были найдены в контексте с кремацией, что указывает на то, что они были использованы в ритуальных целях. В образцах из других контекстов (например, хозяйственных очагов) зерна не были обнаружены, поэтому остается открытым вопрос о развитии земледелия в горном районе в конце III тыс. до н.э. Находки позволяют считать, что на текущий момент эти зерна являются самыми древними следами в Евразии окультуренных растений для восточной части степной зоны Евразии. Пробы на поселении Бигаш удревняют продолжительность региональной культуры бронзового века более чем на 500 лет.

В раннем бронзовом веке скотоводческое население строило поселения как зимовки, о чем свидетельствуют многочисленные очаги, мусорные ямы с остатками фауны и другие культурные признаки раннего периода эпохи бронзы, которые не имеют аналогов на сегодняшний день в Семиречье. Но поступивший материал последних лет из Дали (район Тасбаса) и Тасбаса-1 дают возможность переосмыслить имеющийся материал из некоторых памятников горной части региона.

Тасбас (горы Баянжурек). Продолжение раскопок на исследованном поселении Тасбас-1 в 2001 году позволило расширить набор керамических изделий и их хронологию. Некоторые аналогичные формы сосудов и орнамент Тасбаса встречаются в керамике Бигаша в нижних слоях, датируемых до начала II тыс. до н.э. Тем более, в нижнем слое Бигаша был обнаружен ящик со следами кремации и остатками домашних зерен [15]. Аналогичный ящик с кремацией обнаружен в нижнем слое поселения Тасбас-1. Новые пробы из этого ящика взяты в 2011 году для дальнейших исследований [18].

Видимо, археологические поселения являются долговременными и сохраняют те же конструкции на протяжении нескольких эпох, древнее население использовало те же зимовки, пастбища и летние жайляу, которые были заселены многократно. Экологическое расположение ресурсов позволяло использовать те же маршруты на летние пастбища и сезонные перекочевки. Та же картина наблюдается в Горном Алтае.

Раскопки на близлежащих поселениях Дали и Тасбас-1 были продолжены с 2011 по 2012 годы. Значительная часть материалов еще не обработана, поэтому предложенные выводы, касающиеся горных поселений Семиречья, можно считать предварительными.

В статье рассматриваются только некоторые аспекты изучения территории поселений эпохи ранней, средней и поздней бронзы в Семиречье по полученным результатам на 2013 год. Новые сведения, позволяющие пересмотреть устоявшиеся представления, касаются, прежде всего, вопросов уточнения хронологии. Серии радиоуглеродных дат по таким поселениям, как Тасбас-1, Бигаш и Дали удревнили время появления этих поселений, причем дата последних двух относится к концу III тыс. до н. э. Скептическое отношение к удревнению наиболее ранних слоев со стороны некоторых специалистов было вызвано отсутствием четких аргументов по керамическому материалу.

Собранный в последние годы керамический материал позволил дополнить его и сопоставить с керамикой Алтая и Сибири, имеющей прямые аналогии с посудой Дали и Тасбаса. Например, часть сосудов Дали имеет яйцевидную форму, аналогичную окуневской культуре. Прежде всего, это сосуды баночной формы и горшки с орнаментом, получившим распространение в нескольких регионах Казахстана, в том числе синташтинских памятниках и на Алтае (рисунок 1).

Для этих сосудов характерен орнамент в виде елочки. Он встречается как на сосудах из Синташты, так и в Западном Казахстане доандроновского времени. Аналогичная керамика встречается на поселении Бигаш в слоях первой половины II тысячелетия до н.э.

Наиболее древние аналогии просматриваются на поселении Бигаш в слоях первой половины II тысячелетия до н.э. (9; 10, стр. 123, рисунок 6, 7, 14).

Более древние фрагменты керамики обнаружены на поселении Дали. Это сосуды с орнаментом в виде широких канелюров, расположенных между двумя поясами по кругу с дырочками круглой формы. [3–5] (рисунок 2, i j) Наиболее близкие аналогии с сосудами Алтая и Сибири конца III – начала II тысячелетия до н.э. имеются частично в памятниках окуневской культуры. Их сближают яйцевидная форма сосудов и орнамент в виде миндалевидных углублений, нанесенных по венчику и тулову сосудов. [1, 7–9].

Однако было бы неверным видеть в ранних материалах Семиречья связь с какими-либо конкретными культурами. Аналогии с окуневской, ирменской, елунинской культурами прослеживаются частично как в формах, так и в сосудах, тогда как в Сибири и на Алтае имеются много других сосудов, неизвестных в Семиречье.

Многие элементы орнамента, появившиеся на первоначальном этапе, получили в дальнейшем развитие на втором этапе (первой трети II тыс. до н.э.), что прослеживается на материалах поселения Бигаш и Дали. К этому времени становится разнообразнее орнамент, увеличивается число фрагментов сосудов, орнаментированных горизонтальной или вертикальной «ёлочкой», в

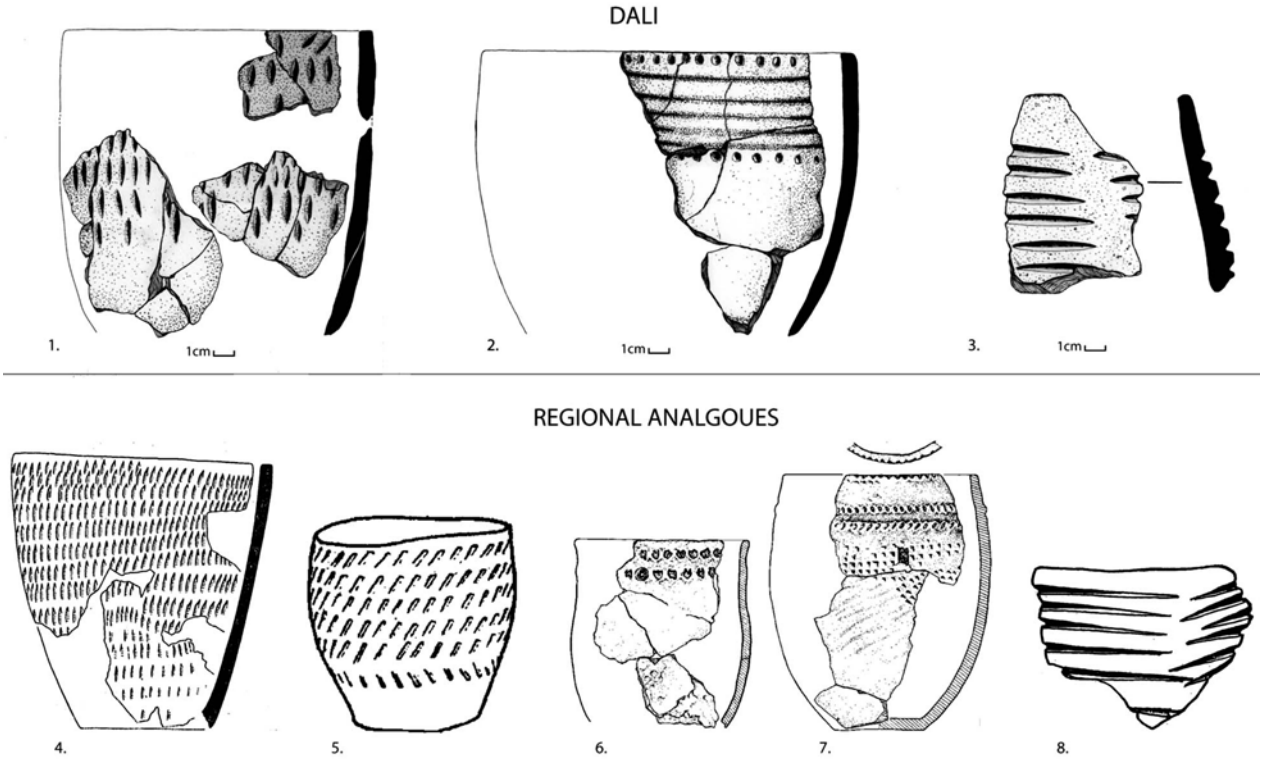

Рисунок 1 – Керамика из Дали, этап 1: 1-3; Керамика поздней окуневской культуры: 4 (Максименков, 1980: Рис. XXVIII. 17); Керамика поздней окуневской культуры и ранней андроновской культуры: 5 (Sokolova 2007: Table 3) Керамика, Чемурчек: 6, 7 (Kovalev and Erdenebaatar 2007: Fig. 3,10 и 3,11) ; Керамика, андроновская культура: 8 (Черников, 1960 Рис. XL.11)

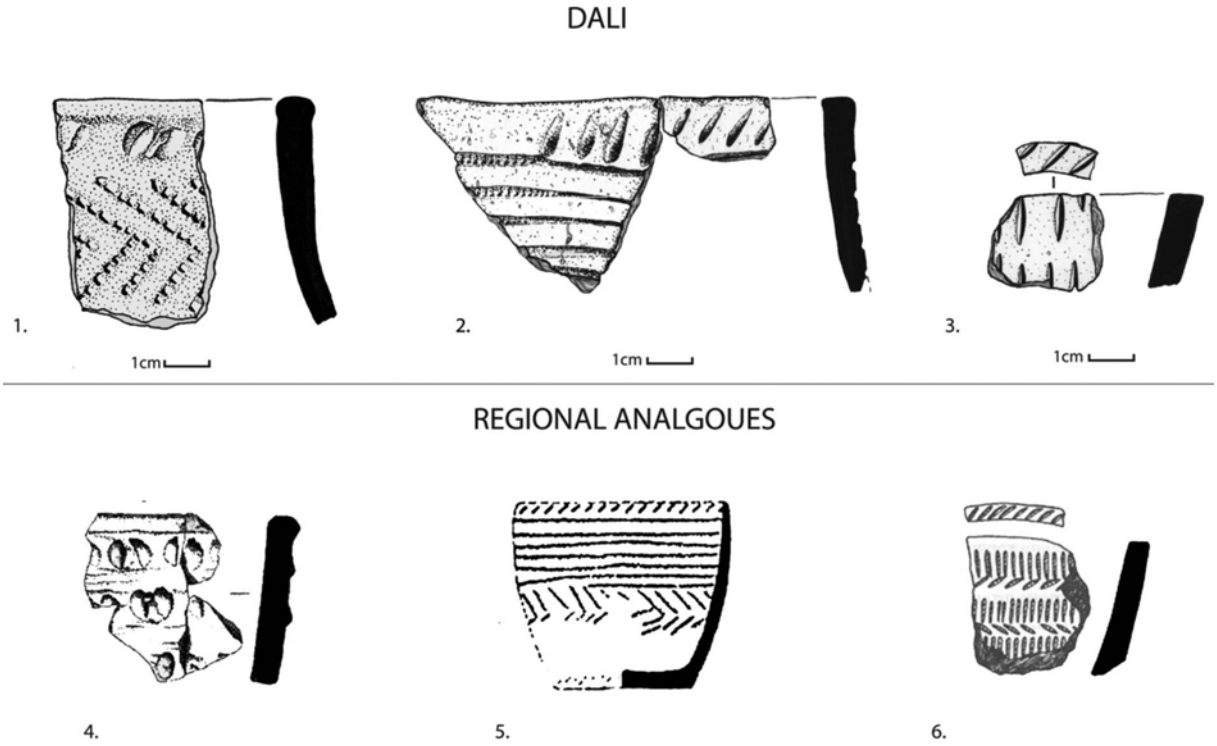

Рисунок 2 – Керамика из Дали, этап 2: 1-3; Керамика, Алтай, ранняя и средняя эпоха бронзы: (Мерц, 2013 Рис. 2, 9); Керамика, Алтай, средняя бронза, поздняя окуневская культура (Илюшин и Ковалевский, Рис. 1, 2)

том числе процарапанными зигзагами и ногтевидными вдавлениями и другими элементами декора. Объем керамики и датировки (из Дали и Бигаша) дают основание считать, что в III тыс. до н.э. заселение этого района продолжалось в течение всего периода с некоторыми небольшими перерывами, что отразилось на поселении Бигаш, Дали и Тасбас, где наблюдаются небольшие периоды затухания жизни.

Домостроение. Ландшафт и природные условия горной зоны Семиречья заметно отличаются от степной зоны. В засушливые периоды в горной зоне население имело воду, изобилие травы, в зимнее время имело возможность содержать скот и держать его на подножном корме, поэтому заселение этого региона в III–II тыс. до н.э. не было случайным.

Все эти факторы связаны с выбором места для поселений. Все перечисленные поселения находятся в укрытых от холодных ветров в местах с возможностью пасти скот на южных открытых от снега склонах, а близость жайляу, состоящих из нескольких террас, расположенных в виде ступеней, позволяли использовать их для выпаса скота, постепенно в летнее время поднимаясь в горы. Спуск с верхних жайляу вниз на равнину можно было произвести за один день. Долина Каскарау была наиболее удобным местом, и так как она находится между двумя хребтами – Джунгарским Алатау и горами Баянжурек, южные склоны последних использовались для зимовок, а на плато в Джунгарском Алатау население поднималось летом. Не случайно на южных склонах Баянжурека обнаружено около десяти поселений.

Специфические условия: обилие воды, хороший травостой, близость летних жайляу, закрытые от ветров южные склоны – все это способствовало заселению еще на рубеже III–II тыс. до н.э.

Для строительства поселений были использованы камни и лес. Конструкция домов на поселениях отличались большим разнообразием. Как правило, население использовало скалы, с трех сторон прикрывающие жилища, заглубляло дома в землю на глубину более 2 м (поселение Тасбас-1), наращивало стены из камней на глиняном растворе. В Заилийском Алатау поселение Асы-1 было врезано в сопку, а поселение Дали, расположенное на южном склоне гор Баянжурек, закрыто с востока, севера и запада скальными выходами.

В горных поселениях широко использовался лес для перекрытия жилищ и в качестве перегородок в больших домах между комнатами. При строительстве крыш была использована тяньшанская ель для устройства опорных столбов для крыши и перегородок. Но на поселении Асы-2, раскопанном Клодией Чанг, расположенном в полукилометре от Асы-1, перегородки и отдельные жилые камеры были устроены из камней, что указывает на большое разнообразие конструкций жилищ, находящихся в одинаковых условиях. В Семиречье не отмечено такого единообразия конструкций, как в Центральном Казахстане, что обусловлено разнообразным ландшафтом и богатым выбором строительных материалов.

* * *

Совместный проект исследований за последние 10 лет позволил наметить и решить ряд важных для истории региона вопросов. Было раскопано четыре поселения. Собранный материал дал возможность удревнить период заселения горных районов Семиречья.

В экспедиции работали специалисты из разных стран, которые, используя современную методику, собрали пробы для радиоуглеродной датировки, материалы по археозоологии, археоботанике, геоархеологии (геоморфологии), ландшафтной археологии, ГИС и керамическому анализу, типологии и технологии. Результаты этих исследований дают возможность пересмотреть в доисторических рамках историю горной части Семиречья.

Проделанная работа позволяет дискутировать с другими специалистами, работающими в этом регионе и в дальнейшем. В наше время совместный казахстанско-американский проект продолжается согласно договору с Институтом археологии им. А. Х. Маргулана. Авторы выражают благодарность всем коллегам, чьи труды способствовали исследованию археологических вопросов древнего Семиречья.

ЛИТЕРАТУРА

1 Боковенко Н.А., Митяев П.Е. Афанасьевский могильник Малиновый лог на Енисее // Афанасьевский сборник. – Барнаул, 2010. – С. 16-29.

2 Горячев А.А. Археологические памятники комплекса Бутакты-1 на юго-восточной окраине г. Алматы // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2006. – № 1. – С. 45-59.

3 Илюшин, А.М., Ковалевский, С.А. Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы. – Кемерово, 2012. – Рис. 1, 2.

4 Кирюшин Е.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таёжной зоны Западной Сибири. – Барнаул, 2004. – 295 с.

5 Kovalev A.A., D. Erdenebaatar. Discovery of New Cultures of The Bronze Age in Mongolia according to the Data Obtained by the International Central Asian Archaeological Expedition. Current Archaeological Research in Mongolia. – Ulaanbaatar, 2007. P. 149-170. Рис. 3,10 и 3,11.

6 Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. – Новосибирск, 1990. – С. 62, рис. 25.

7 Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе, 2008. – С. 109, с. 177, рис. 2, 6; с. 109, 177; Кузьмина Е.Е. Могильник Еловка. – 2008. – С. 220, рис. 14, 16; с. 222, рис. 11, 12, 13.

8 Леонтьев С.Н. Керамика эпох неолита и энеолита Минусинской степи в собраниях Мартьяновского музея // Археология Южной Сибири. –Новосибирск, 2003. – С. 42-49; Он же. К вопросу о семантике орнаментации керамики раннего этапа окуневской культуры, Археология Южной Сибири – Кемерово, 1012. – С. 167, рис. 12, 15, 29 и др.

9 Максименков Г.А. Могильник Черновая VIII – Эталонный памятник Окуневской культуры. Памятники Окуневской Культуры. Э. Б. Вадецкая and Н. Б. Леонтьев. – С. 3-26. – 1980. – Л.: Академия наук СССР. – Рис. XXVIII. 17.

10 Марьяшев, 2002. Новые материалы о поселениях эпохи бронзы в горах Баянжурык // Известия МОН РК. – 2002. – № 1. – С. 23.

11 Марьяшев А. Н., Гумирова О.Н. Раскопки поселения Асы-1 в 2008–2009 гг. // «Вопросы археологии Казахстана» сб. научн. статей. – Алматы, 2011. – Вып. 3. – С. 265-278.

12 Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Памятники кульсайского типа эпохи поздней и финальной бронзы // История и археология Семиречья. – Алматы, 1999. – С. 44-57.

13 Мерц, В.К. Керамика ямно-афанасьевского типа из Семипалатинского Прииртышья. – 2013. – Рис. 2, 9.

14 Ткачев В.В., Гуцалов Ю. Новые погребения энеолита – средней бронзы Восточного Оренбуржья и Северного Казахстана.

15 Frachetti M.D., Spengler R.N., Fritz G.J., Mar'yashev A.N. 2010. Earliest Direct Evidence for Broomcorn Millet and Wheat in the Central Eurasian Steppe Region. Antiquity 84:993-1010.

16 Frachetti M.D., Mar'yashev A.N., 2007. Long-term occupation and seasonal settlement of eastern Eurasian pastoralists at Begash, Kazakhstan. Journal of Field Archaeology 32, 221-242.

17 Frachetti, Mar'yashev, N. Benecke. 2009. From Sheep to (Some) Horses: 4500 Years of Herd Structure At The Pastoralist Settlement of Begash (Southeastern Kazakhstan). Antiquity 83(322):1023-1037.

18 Spengler R., Frachetti M., Doumani P., Rouse L., Cerasetti B., Bullion E., Mar'yashev A. 014 Early agriculture and crop transmission among Bronze Age mobile pastoralists of Central Eurasia. Proc. R. Soc. B 281: 20133382. http://dx.doi.org/10.1098/rspb.2013.3382

19 Sokolova L.A. Okunev Cultural Tradition in the Stratigraphic Aspect // Archaeology, Ethnology, and Anthropology of Eurasia. – 2007. – 2(3): 41-51. – Таблица 3.

20 Черников, С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – Рис. XL.11.

REFERENCES

1 Bokovenko N.A., Mityaev P.E. Aphanas'evskiy mogil'nik Malinoviy log na Enisee. Aphanas'evskiy sbornik. Barnaul, 2010. C. 16-29.

2 Goryachev A.A., Arheologicheskie pamyatniki komplekca Butakty-1 na yugo-vostochnoy okraine g. Almaty. Izv. NAN RK. Ser. obshchestv. Nauk. 2006. N 1. C. 45-59.

3 Ilyushin A.M. i Kovalevskiy S.A. Kompleks drevniy poselenii v dolniy reki Kasmi. Kemerovo, 2012. Ris. 1, 2.

4 Kiryushin E.F. Eneolit I bronzoviy vek yuzno-tayeznoy zony Zapadnoy Sibiri. Barnaul, 2004. 295 c.

5 Kovalev, A.A., and D. Erdenebaatar. Discovery of New Cultures of The Bronze Age in Mongolia according to the Data Obtained by the International Central Asian Archaeological Expedition. Current Archaeological Research in Mongolia. Ulaanbaatar, 2007. P. 149-170. Ris. 3,10 i 3,11.

6 Kubarev V.D., Kireev S.M., Cheremisin D.V., Kurgany urochistha Bike // Arheologicheskie issledovaniya na Katuni. Novosibirck, 1990. S. 62, ris. 25.

7 Kuz'mina E.E. Klassifikatchiya i periodizatchiya pamyatnikov andronovskoy kultyrnoy obshnosti. Aktobe, 2008. S. 109, ris. 177, ris. 2, 6; s. 109, 177; Ona ze. Mogil'nik Elovka. 2008. S. 220, ris. 14, 16; s. 222, ris. 11, 12, 13.

8 Leont'ev S.N. Keranika epoh neolita I eneolita Minusinskoy stepi v sobraniyah Mapt'yanovskogo muzeya. Arheologiya Yuznoy Sibiri. Novosibirsk, 2003. C. 42-49; On ze. K voprosu o semantike ornomentatcii keramiki rannego etapa okunevskoy kultyrny, Arheologiya Yuznoy Sibiri. Kemerovo, 1012. S. 167, ris. 12, 15, 29 и др.

9 Maksimenkov G.A., Mogil'nik Chernovaya VIII – Etaloni pamyatnik Okynevskoy kultury. Pamyatniki Okynevskoy kultury. E. B. Vadetskaya i N. B. Leontev. Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1980. P. 3-26. Ris. XXVIII. 17.

10 Mar'yashev A.N. 2002. Novye materialy o poseleniyah epohi bronzy v gorah Bayanzuryk. Izv. NAN RK. 2002. N 1(236). S. 23.

11 Mar'yashev A.N., Gumirova O.N. Raskopki poseleniya Asy-1 v 2008–2009 gg. Voprosy arheologii Kazahstana. Sb. nauchn. statey. Almaty, 2011. Vyp. 3. S. 265-278.

12 Mar'yashev A.N., Goryachev A.A. Pamyatniki kul'sayskogo tipa epohi pozdney i final'noy bronzy. Istoriya i arheologiya Semirech'ya. Almaty, 1999. S. 44-57.

13 Merts V.K. Keramika Yamno-Afanasevskogo tipa iz Semipalatniskogo Pri'irtishya. 2013. Ris. 2, 9.

14 Tkachev V.V., Gutchalov Yu. Novye pogrebeniya Новые погребения eneolita – sredney bronzy Vostochnogo Orenburz'ya I Severnogo Kazahstana.

15 Frachetti, Michael D., Robert N. Spengler, Gayle J. Fritz, Alexei N. Mar'yashev. 2010. Earliest Direct Evidence for Broomcorn Millet and Wheat in the Central Eurasian Steppe Region. Antiquity 84:993-1010.

16 Frachetti, M.D., Mar'yashev, A.N. 2007. Long-term occupation and seasonal settlement of eastern Eurasian pastoralists at Begash, Kazakhstan. Journal of Field Archaeology 32, 221-242.

17 Frachetti M., yashev, N. Benecke. 2009. From Sheep to (Some) Horses: 4500 Years of Herd Structure At The Pastoralist Settlement of Begash (Southeastern Kazakhstan). Antiquity 83(322):1023-1037.

18 Spengler R., Frachetti M., Doumani P., Rouse L., Cerasetti B., Bullion E., Mar'yashev A. 014 Early agriculture and crop transmission among Bronze Age mobile pastoralists of Central Eurasia. Proc. R. Soc. B 281: 20133382. http://dx.doi.org/10.1098/rspb.2013.3382

19 Sokolova L.A. Okunev Cultural Tradition in the Stratigraphic Aspect. Archaeology, Ethnology, Anthropology of Eurasia. 2007. 2(3): 41-51. Tablitsa 3.

20 Chernikov S.S. Vostochni Kazakhstan v epokhi bronzi. L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960. Ris. XL.11.

М. Д. Фрачетти[1], А. Н. Марьяшев[2], П. Н. Доумани[1]

([1]Вашингтон университеті, С.-Луис, АҚШ,
[2]Ә. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан)

ЖЕТІСУДЫҢ ТАУЛЫ БӨЛІГІНДЕГІ ҚОНЫСТАР ЖӘНЕ ҚОЛА ҒАСЫРЫНДАҒЫ ШАРУАШЫЛЫҚ ПЕН ЭКОЛОГИЯ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Резюме

Мақалада Шығыс Жетісудағы қола дәуірінің қонысында қазақ-американ экспедициясының жүргізген он жылдық жұмыстарының нәтижелері қарастырылады. Онда қоныстардың зерттелуінің қысқаша тарихы, Биғаш, Тасбас және Дәлі қоныстарындағы қазба жұмыстарына байланысты жаңа ашылымдар беріледі. Жетісуға адамдардың мекендеу тарихы бірнеше жүзжылдықтар бұрын, яғни б.д.д. III–II мыңжылдықтарға дейін болғандығына жаңа артефактілер мен қыш бұйымдарды талдау себеп болып отыр. Табылған бидай дәні ерте қола дәуіріндегі тайпаларда кешенді шаруашылық болған деп есептеуге мүмкіндік береді.

Тірек сөздер: Жетісу, тау қоласы, қола дәуірі, ежелгі қоныс орны, қорым.

M. D. Frachetti[1], A. N. Mar'yashev[2], P. N. Doumani[1]

([1]Washington University in St. Louis,
[2]Institute of Archeology, Almaty, Kazakhstan)

MOUNTAIN SETTLEMENTS OF THE SEMIRECHYE REGION AND QUESTIONS OF ENVIRONMENT AND FARMING IN THE BRONZE AGE

Summary

Results from the Kazakh–American joint Expedition in Eastern Semirechye on select Bronze Age settlements are summarized in the article. A short history of settlement archaeology is presented as well as new findings connected with recent archaeological excavations on the Bigash, Tasbas and Dali settlements are presented. New artifacts and the analysis of ceramic materials from these sites allow for a new chronology of the regional Bronze Age sites, specifically re-dating the earliest history of pastoralist settlement in the Semirechye region centuries earlier on the boundary of III-II millennia BC. The discovery of grains of wheat also allow for a reconsideration of the complex economy that developed among Early Bronze Age tribes in the region.

Keywords: Early Bronze Age, Pastoralism, Semirech'ye, settlement, ceramics.

Поступила 10.09.2014 г.

УДК 930. 1584 5

С. С. МУРГАБАЕВ, М. М. БАХТЫБАЕВ, Б. У. НУРХАНОВ, Л. Д. МАЛДЫБЕКОВА

(НИЦ Археологии Международный казахско-турецкий университет им. Х. А. Ясави, Туркестан, Казахстан)

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МОГИЛЬНИКЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ КАРАСУЙИР III

Аннотация. Объектом исследования является могильник эпохи бронзы Карасуйир III.

Цель работы – получение новых данных по культурам эпохи бронзы, выявление особенности эволюции и тенденции общего развития культуры и реконструкция погребальных обрядов и мировоззренческих основ древних племен.

При проведении исследования применялось натурное обследование на заранее выбранных участках речных долин и урочищ. Раскопки объектов производились в соответствии с методикой, приятой для исследования памятников подобного типа – каждая из ящиков раскапывалась как отдельный объект; бровка или профиль разреза не оставлялись, за условный «0» в каждом отдельном случае принималась самая высокая точка конструкции цисты или уровень современной дневной поверхности. В качестве границы раскопа принимался внешний контур каменного ящика, межмогильное пространство между цистами не исследовалось.

Ключевые слова: Каратау, раскоп, керамика, каменный ящик, Карасуйир.

Тірек сөздер: Қаратау, қазба, керамика, тас жәшік, Қарасүйір.

Keywords: Karatau, exploration, ceramics, cystitis, Karasuir.

Каратауский отряд Сыганакской археологической экспедиции Научно-исследовательского центра Археологии Международного казахско-турецкого университета им. Х. А. Ясави в полевом сезоне 2012 года произвел исследования на могильнике эпохи бронзы Карасуйир III.

Исследования проводились в рамках научной темы «Преемственность древних и средневековых археологических памятников южных склонов Каратау» по бюджетной программе 055 «Научная и/или научно- техническая деятельность», по приоритету «Интеллектуальный потенциал страны».

Курганный могильник Карасуйир II был открыт и исследован в 2005 году Туранской археологической экспедицией МКТУ им. Х. А. Ясави (рук. М. Елеуов) [1].

В статье «Курганный могильник Карасуийр II», опубликованной в «Своде памятников истории и культуры Республики Казахстан. Кызылординская область», в курганный могильник были включены разновременные памятники, кроме курганов раннего железного века еще и могильник эпохи бронзы (каменные ящики) [1]. Поэтому нами могильник из каменных ящиков эпохи бронзы рассматривается как отдельный памятник Карасуйир III.

Могильник Карасуйир III (26) находится в Жанакурганском районе Кызылординской области в 34 км к востоку от г. Жанакурган, в 18,5 км к юго-востоку от пос. Шалкия и в 1,7 км к востоку – юго-востоку от горы Карасуйир. Могильник расположен в долине речки Карасуйир, на ее левом берегу. Могильник занимает ровную прямоугольную площадку размерами 115х65 м, возвышающуюся над поверхностью окружающей местности на 0,7–1,2 м. С севера и северо-запада естественной границей могильника является русло пересохшего ручья, с востока – пологая ложбина. Южную границу могильника маркирует курганная группа из 5-х курганов (курган с «усами»).

Изучение космоснимков местности позволяет сделать вывод, что в древности могильник располагался на островке или прямоугольном полуострове–косе, глубоко врезающимся в пойму древней реки. Всего на поверхности зафиксировано 26 каменных ящиков различного размера. Из них лишь на 2-х были отмечены каменные крышки.

Все каменные ящики сориентированы по линии запад-восток, отклонения от этой ориентировки отмечены не были. Географические координаты N 44°00’35,1’’; E 67°38’36,1’’ (внм. 464 м).

На территории могильника или в непосредственной близости от него подъемный материал зафиксирован не был.

Ящик 1 представляет собой прямоугольный каменный ящик, сложенный из плоских каменных плит средним размером 0,7х0,8 м, поставленных на ребро (рис. 1 - 1). Конструкция была полностью

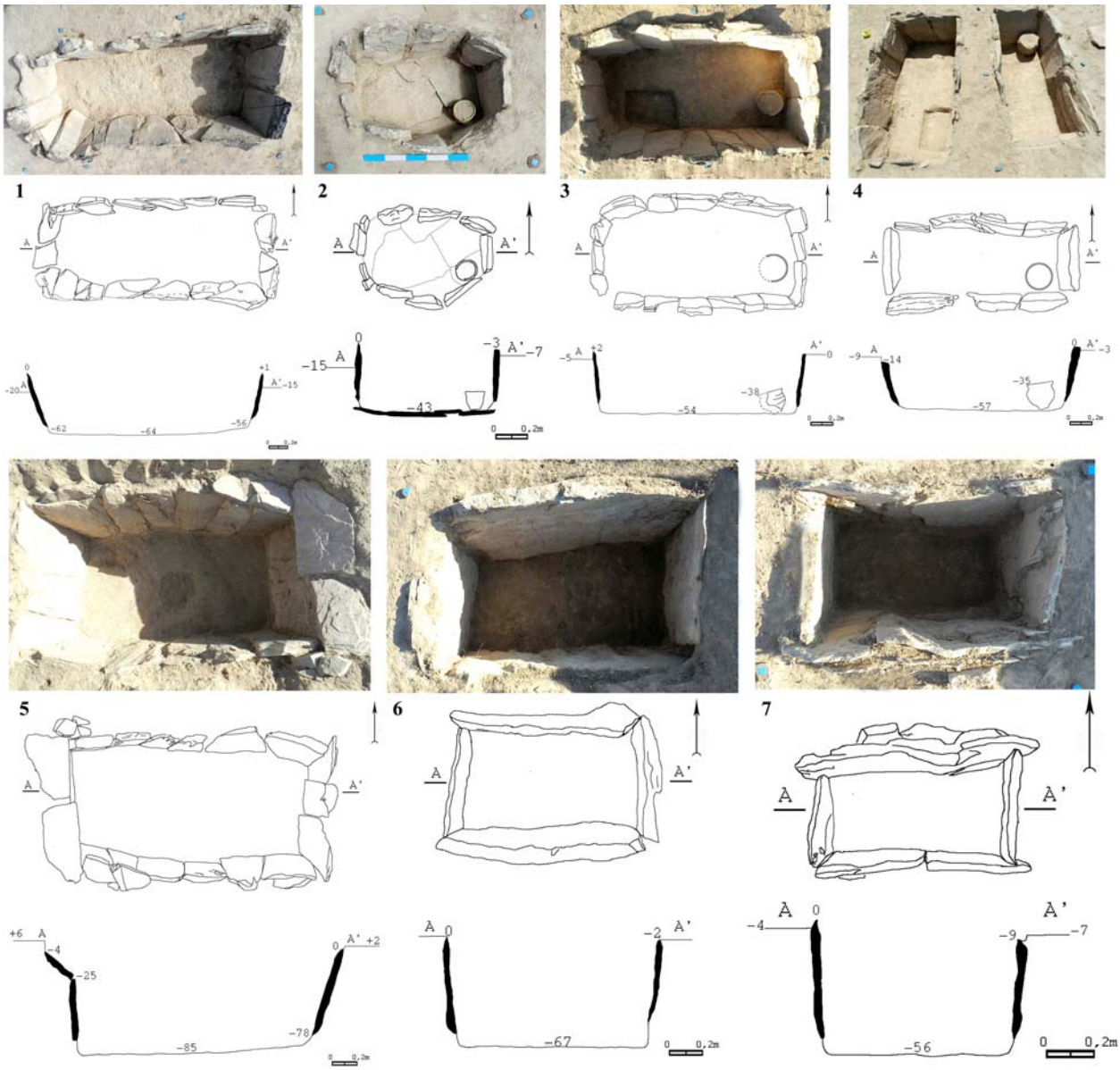

Рисунок 1 – Могильник Карасуйир III:

1 – ящик 1, *2* – ящик 2, *3* – ящик 3, *4* – ящик 4, *5* – ящик 5, *6* – ящик 6, *7* – ящик 7. Общий вид, план, разрез

заглублена в землю. Размеры погребальной камеры: 2,48х1,03 м (в устьевой части), 2,08х0,74 м (в придонной части). Глубина погребальной камеры (от уровня верхнего края плиты) – 0,64 м. Перекрытие ящика отсутствовало. Дно плоское ровное. В придонной части обнаружено несколько фрагментов керамики не менее чем от двух сосудов.

– Венчик и участок стенки лепного сосуда (рис. 2 - 1). Размеры: диаметр по устью 16,0 см, диаметр горловины 15, см, диаметр по ребру 16,0 см, высота горла 2,1 см, высота плечика 1,7 см, толщина стенки: 0,7 см (тулово), 0,6 см (горло и венчик). Горловина прямая, венчик слегка отогнут вовне. Плечико круто переходит в горловину, имея в нижней части резкий изгиб. Выполнен из теста хорошей отмучки, вымес качественный, черепок плотный.

В тесте имеются примеси мелко толченых раковин и кварца. Черепок в изломе черный, прокален равномерно. Обжиг качественный, восстановительный. Поверхность стенок ярко красная с бурыми и серыми пятнами. С внешней стороны орнаментирован мелким зубчатым штампом – гребенкой. Отпечатки глубокие, четкие. Характер исполнения ровный, аккуратный.

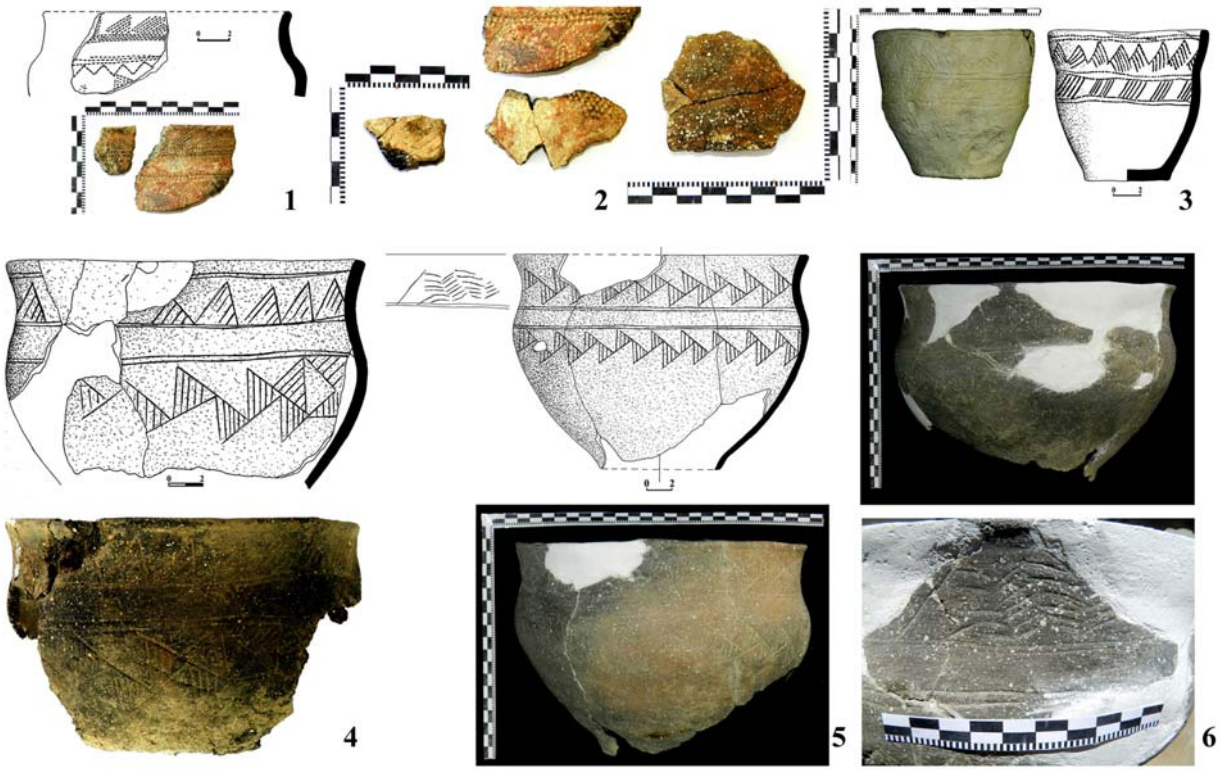

Рисунок 2 – Могильник Карасуйир III. Находки

Сохранившиеся фрагменты позволяют судить об орнаментации верхней части сосуда. По горлу нанесен пояс из чередующихся заштрихованных треугольников (штриховка вправо), оконтуренный снизу тройной горизонтальной линией. Верхняя часть плечика (до крутого изгиба плечика) не орнаментирована. Нижняя часть плечика украшена горизонтальной полосой, образованной двумя линиями. Снизу к ним примыкает ряд из равнобедренных незаштрихованных прямоугольных треугольников вершиной вниз, соприкасающихся основаниями, таким образом, представляя собой одну сплошную ломаную линию. Ниже поверхность сосуда была украшена орнаментом из заштрихованных влево треугольников.

Судя по сохранившемуся участку орнаментированного поля, орнаментальная композиция может быть реконструирована как «шагающие треугольники.

– Венчик лепного сосуда. Размеры: толщина стенки 0,9 см. Венчик прямой. Выполнен из теста хорошей отмучки, вымес качественный, черепок плотный. В тесте – примеси мелко толченых раковин и кварца. Черепок в изломе черный, прокален равномерно. Обжиг качественный, восстановительный. Поверхность стенок светло-коричневая, с серыми и красными пятнами. Внешние стенки орнаментированы гладким штампом (рис. 2 - 2).

От орнаментальной стенки сохранился лишь участок тройной ломаной горизонтальной линии.

– Участок стенки и придонная часть лепного сосуда. Размеры: диаметр донца 14–15 см.

Дно плоское на невысоком грубо оформленном поддоне. Придонная часть сосуда с легким изгибом внутрь (в придонной части) плавно расширяется кверху. Выполнен из теста хорошей отмучки, вымес качественный, черепок плотный. В тесте – примеси мелко толченых раковин и кварца. Черепок в изломе черно-серый, прокален равномерно. Обжиг качественный, восстановительный. Поверхность стенок коричневая с серыми пятнами. Орнаментация отсутствует. Внутренняя поверхность стенки и дна разрушена.

Ящик 2 представляет собой прямоугольный каменный ящик, сложенный из плоских каменных плит средним размером 0,7х0,8 м, поставленных на ребро. Конструкция была полностью заглублена в землю. Размеры погребальной камеры: 0,83х0,6 м. Глубина погребальной камеры (от уровня верхнего края плиты) – 0,43 м. Перекрытие ящика отсутствовало. Дно плоское ровное, вымощено несколькими каменными плитами. В юго-восточном углу цисты на дне могильной ямы in situ обнаружен целый лепной горшок (рис. 1 - 2).

Лепной сосуд (рис. 2 - 3). Размеры: диаметр донца 7,4 см, диаметр по ребру 10,7 см, диаметр по горлышку 11,0 см, диаметр по устью 12,0 см. Общая высота сосуда 10,7 см, высота горла 3,4 см, ребра 5,2 см; толщина стенки: 1,0 см (дно), 0,75 см (тулово), 0,7 см (горло и венчик).

Дно плоское на слегка вогнутом поддоне. Горловина прямая, венчик прямой. Придонная часть сосуда прямо конически расширяется кверху. Изгиб плечика в сторону горловины едва намечен, поэтому горловина оказалась шире реберного отдела горшка. Выполнен из теста хорошей отмучки, вымес качественный, черепок плотный. В тесте – примеси мелкотолченых раковин и шамота. Черепок в изломе черно-серый, прокален равномерно. Обжиг качественный, восстановительный.

Поверхность стенок светло-коричневая. Формовка ручная, грубая, местами заметны следы пальцев. Внешние стенки орнаментированы мелким зубчатым штампом – гребенкой. Судя по отпечаткам штампа, орнаментир имел заметный изгиб и длинные гнущиеся концы, в силу чего отпечатки получились изогнутыми и неровными, иногда как бы замазанными. Возможно, в качестве орнаментира использовался высокий гребень с гибкими спицами. Характер исполнения орнамента – грубый, неаккуратный.

Орнамент занимает верхнюю половину сосуда и состоит из двух горизонтальных поясов, образованных тремя парами горизонтальных линий. Орнаментальное пространство верхнего пояса, покрывающего горловину сосуда, заполнено чередующимися равнобедренными треугольниками, заштрихованными влево, и обращенными вершинами вверх. В силу указанного выше дефекта орнаментира треугольники имеют вид остроконечных волн. Нижний пояс, занимающий плечико сосуда, состоит из ритмично повторяющихся косых линий (наклон вправо), нанесенных группами (по 4, 5, 6 и 12 линий в группе) через равные промежутки.

Ящик 3 представляет собой прямоугольный каменный ящик, сложенный из плоских каменных плит средним размером 0,7х0,8 м, установленных вертикально (рис. 1 - 3). Конструкция была полностью заглублена в землю. Размеры погребальной камеры: 1,9х1,08 м (в устьевой части), 1,76х0,81 м (в придонной части). Глубина погребальной камеры (от уровня верхнего края плиты) – 0,54 м.

Перекрытие ящика отсутствовало. Дно плоское, ровное. В юго-восточном углу цисты на дне могильной ямы in situ обнаружен целый лепной горшок.

Лепной сосуд. Размеры: диаметр донца 9-10 см, диаметр по ребру 21,5 см, диаметр по горлышку 22,5 см, диаметр по устью 21,0 см. Общая высота сосуда ок. 16–17 см, высота горла 2,5 см, высота плечика 3,5 см; толщина стенки: 0,8 см (горло и венчик), 0,65 см (тулово).

Дно плоское; наличие поддона – неясно. Горловина слегка отогнута наружу. Придонная часть сосуда овально расширяется к верху, плавно переходя в некрутые плечики.

Выполнен из теста хорошей отмучки, вымес качественный, черепок плотный. В тесте – примеси из мелко толченых раковин и кварца. Черепок в изломе черный, прокален равномерно. Обжиг качественный, восстановительный.

Поверхность стенок черная, местами грязно-коричневая. Формовка ручная, внешняя поверхность заглажена, местами до блеска.

С внешней стороны стенки орнаментированы острым концом тонкого орнаментира. Орнамент прочерченный, аккуратный.

Орнамент занимает верхнюю половину сосуда и состоит из двух горизонтальных поясов, образованных орнаментом «шагающие треугольники» (заштрихованные вертикально), разделенных двумя парами горизонтальных линий (рис. 2 - 4).

Верхний пояс, покрывающий горловину сосуда, орнаментирован ритмично повторяющимися орнаментированными вправо равнобедренными треугольниками, вершинами вверх.

Нижний пояс, занимающий 2/3 плечика сосуда, выполнен в композиции «шагающие треугольники» (с вертикальной штриховкой).

Сохранность средняя. С внутренней стороны нижняя часть сосуда сильно разрушена, от донца сохранился лишь незначительный участок

Ящик 4 представляет собой прямоугольный каменный ящик, сложенный из плоских каменных плит средним размером 0,7х0,8 м, поставленных на ребро. Конструкция была полностью заглублена в землю (рис. 1 - 4). Размеры погребальной камеры: 1,78х0,93 м (в устьевой части), 1,47х0,68 м (в придонной части). Глубина погребальной камеры (от уровня верхнего края плиты) – 0,57 м.

Перекрытие ящика отсутствовало. Дно плоское, ровное. В юго-восточном углу цисты на дне могильной ямы in situ обнаружен целый лепной горшок.

Лепной сосуд. Размеры: диаметр донца 9,5 см, диаметр по ребру 24,7 см, диаметр по горлышку 22,5см, диаметр по устью 24,0 см (рис. 2 – 5-6). Общая высота сосуда 17,2 см, высота горла 2,5 см, высота плечика 3,5 см, ребра 11,2 см; толщина стенки: 0,8 см (горло и венчик), 0,6 см (тулово).

Дно плоское; наличие поддона – неясно. Горловина слегка отогнута наружу. Придонная часть сосуда овально расширяется кверху, плавно переходя в некрутые плечики. Выполнен из теста хорошей отмучки, вымес качественный, черепок плотный. В тесте – примеси из мелко толченых раковин и кварца. Черепок в изломе черно-серый, прокален равномерно. Обжиг качественный, восстановительный. Поверхность стенок серая, местами грязно-коричневая. Формовка ручная, внешняя поверхность заглажена, местами до блеска. С внешней стороны стенки орнаментированы острым концом тонкого орнаментира. Орнамент прочерченный, аккуратный.

Орнамент занимает верхнюю половину сосуда и состоит из двух горизонтальных поясов образованных орнаментом «шагающие треугольники» (заштрихованные вертикально), разделенных двумя парами горизонтальных линий. Ритм орнамента верхнего пояса на промежутке 7 см нарушен небрежной полосой горизонтальных зигзагов, составленных тремя линиями.

Сохранность средняя. С внутренней стороны нижняя часть сосуда сильно разрушена, от донца сохранился лишь незначительный участок.

Ящик 5**.** До начала раскопок конструкция ящика была полностью скрыта землей, на наличие погребения указывал лишь крупный фрагмент крышки ящика размером около 0,8х0,9 м. Погребение представляет собой прямоугольный каменный ящик, сложенный из плоских плит средним размером 0,7х0,8 м, поставленных на ребро (рис. 1 - 5). Плиты западной и юго-западной части цисты были сломаны и располагались под углом 45 к дневной поверхности. Конструкция полностью заглублена в землю. Размеры погребальной камеры: 2,15х1,4 м (в устьевой части); 1,88х1,04 м (в придонной части). Глубина погребальной камеры (от уровня верхнего края плиты) – 0,85 м. От перекрытия ящика сохранилась лишь западная часть крышки, представляющая собой крупную плиту трапециевидной формы. Дно плоское ровное. В западном и юго-западном секторах могильной ямы в придонной части были обнаружены: несколько фрагментов от лепного сосуда, 5 бронзовых бусин, раковина речного моллюска и бронзовая наушница, покрытая золотой фольгой.

– Фрагменты лепного сосуда: Венчик, 2 фрагмента стенки (тулово). Размеры: Высота горловины: 6,2 см, толщина стенки: 1,0 см (горло и венчик), 0,9-0,8 см (тулово).

Венчик слегка отогнут наружу. Выполнен из теста хорошей отмучки, вымес качественный, черепок плотный. В тесте – примеси из мелко толченых раковин и кварца. Черепок в изломе черно-серый, прокален равномерно. Обжиг качественный, восстановительный.

Поверхность стенок светло-коричневая с серыми пятнами. Формовка ручная, внешняя поверхность залощена. С внешней стороны стенки орнаментированы острым концом тонкого орнаментира. Орнамент прочерченный, аккуратный.

Сохранившиеся фрагменты позволяют восстановить орнаметацию верхней части сосуда (венчик, горло и плечико). С внешней стороны венчик отчеркнут двойной горизонтальной линией. По горловине нанесены ритмично чередующиеся, заштрихованные вправо равнобедренные треугольники, обращенные вершинами вверх. По верхней части плечика нанесено 2 ряда двойных горизонтальных линий. Нижняя часть плечика заполнена орнаментами из наклонно расположенных заштрихованных сдвоенных треугольников (композиция «шагающие треугольники»).

– Позолоченная наушница (рис. 3 - 1). Бронзовая наушница, покрытая золотой фольгой. Представляет собой бронзовую ленту (0,3 см шириной середине), с листовидными концами (максимальная ширина 0,7 см), закрученную в спираль. Общая длина : 8,5 см, толщина (включая фольгу): 0,1 см. Служила для оформления прически (закрепления прядей волос).

– Лощило из створки раковины речного моллюска (рис. 3 - 2). Округлой формы (диаметр 3,1 см). Толщина 0,2 м. Цвет светло-серый, белесый. Судя по значительной потертости и сработанности одного края, раковина использовалась как лощило. Фрагментировано (расколото при извлечении из слоя).

– Бронзовые бусы (рис. 3 - 3). 5 штук. Диаметр 0,53 см, ширина 0,3 см, диаметр отверстия 0,2-03 см. изготовлены из тонкой бронзовой ленты, изогнутой в кольцо.

Рисунок 3 – Могильник Карасуйир III. Каменный ящик 5. Находки.
1 – позолоченная наушница, 2 – лощило, 3 – бронзовые бусы

Ящик 6 представляет собой прямоугольный каменный ящик, сложенный из 4 плоских каменных плит средним размером 1,0х0,6 м (рис. 1 - 6). Конструкция была полностью заглублена в землю. Размеры погребальной камеры: 1,27х0,89 м (в устьевой части), 1,12х0,56 м (в придонной части). Глубина погребальной камеры (от уровня верхнего края плиты) – 0,67 м. Перекрытие ящика отсутствовало. Дно плоское ровное. Находки отсутствуют.

Каменный ящик 7 представляет собой прямоугольный каменный ящик, сложенный из плоских каменных плит средним размером 0,7х0,5 м, поставленных на ребро. Конструкция ящика полностью заглублена в землю (рис. 60). Размеры погребальной камеры: 0,84х0,56 м (в устьевой части), 0,77х0,39 м (в придонной части). Глубина погребальной камеры (от уровня верхнего края западной стенки цисты) – 0,56 м (рис. 1 - 7). Перекрытие ящика отсутствовало. Дно плоское ровное. В придонной части погребальной камеры было обнаружено 2 фрагмента керамики от лепного сосуда.

– Участок стенки лепного сосуда. Размеры: толщина стенки: 0,6 см.

Выполнен из теста хорошей отмучки, вымес качественный, черепок плотный. В тесте – примеси мелко толченых раковин и кварца. Черепок в изломе черно-серый, прокален равномерно. Обжиг качественный, восстановительный. Поверхность стенок снаружи светло-коричневая высветленная, изнутри – черная. Орнамент прочерченный, нанесен острым концом тонкого орнаментира. От орнаментальной композиции сохранились лишь два заштрихованных (штриховка вправо) крупных треугольника.

– Участок стенки и придонная часть лепного сосуда. Размеры: толщина стенки: 0,8 см (придонная часть), 0,6 см (тулово).

Дно плоское на невысоком грубо оформленном поддоне. Придонная часть сосуда прямо конически расширяется к верху. Выполнен из теста хорошей отмучки, вымес качественный, черепок плотный. В тесте – примеси мелко толченых раковин и кварца. Черепок в изломе черно-серый, прокален равномерно. Обжиг качественный, восстановительный. Поверхность стенок снаружи светло-коричневая высветленная, изнутри – черная. Орнаментация отсутствует.

Близким аналогом находок из могильника Карасуйир III являются находки из могильника Баганалы [3].

По результатам исследований на могильнике Карасуйир III удалось зафиксировать следующие черты погребального обряда и особенности материальной культуры:

– Все погребения совершены в каменных ящиках из вертикально поставленных плит.

– Ни в одной из могил не обнаружено никаких следов человеческих останков.

– Керамический материал из погребений преимущественно относится к южному варианту Федоровской культуры.

Могильник Карасуйир III является классическим андроновским памятником. На основе анализа инвентаря могильник предварительно датируется федоровско-алакульским периодом.

ЛИТЕРАТУРА

1 Елеуов М., Құрманқұлов Ж., Қалиев С., Мургабаев С., Ақымбек Е., Қатаева Ж., Әлжанов Р., Қалымбетов Д. Қызылорда облысының тарихи ескерткіштерінің жинағын баспаға даярлау (қорытынды) ғылыми-зерттеу жұмыстары туралы есеп. – Түркістан, 2005. – 115 б. – ХҚТУ архиві, № 4-кітап. – 52-53 б.

2 Әлжанов Р. 2-Қарасүйір обалар қорымы (29) // Қазақстан Республикасының тарихи және мәдени ескерткіштердің жинағы. Қызылорда облысы. – Алматы: Аруна, 2011. – 169-171-б.

3 Кариев Е.М., Чотбаев А.Е. Могильник эпохи бронзы Баганалы // Известия НАН РК. Серия общественных наук. – 2011. – № 3(282). – С. 16-25.

REFERENCES

1 Eleyov M., Kurmankulov J., Қaliev S., Murgabayev S., Akymbek E., Қataeva J., Aljanov R., Kalymbetov D. Kizilorda oblysynyn tarihi eskertkishterinin jinagyn baspaga daiarlau (korytyndy) gylymi zertteu jumistari turaly esep. Turkistan, 2005. 115 p. HKTU archive, N 4. – 52-53 p..

2 Aljanov R. 2-Karasuir obalar korymy (29. Razakistan Respublikasynyn tarihi madeni eskertkishterinin jinagyn. Kizilorda oblysy. Alma-Ata: Arouna, 2011. 169-171 B.

3 Kariyev E.M. Chotbayev A.E. Mogilnik eras of bronze of Baganala. NAN RK News. Series of social sciences. 2011. N 3(282). P. 16-25.

С. С. Мұрғабаев, М. М. Бахтыбаев, Б. У. Нұрханов, Л. Д.Малдыбекова

(Археология ҒЗО А. Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті, Түркістан, Қазақстан)

ҚОЛА ДӘУІРІНІҢ ҚАРАСҮЙІР III ҚОРЫМЫНДА ЖҮРГІЗІЛГЕН ЗЕРТТЕУ ЖҰМЫСТАРЫНЫҢ НӘТИЖЕЛЕРІ

Резюме

Зерттеу нысаны қола дәуірінің Қарасүйір III қорымы болып табылады.

Зерттеудің негізгі мақсаты қола кезеңінің мәдениеттері жайлы жаңа деректер алу, көне тайпалар мәдениетінің дамуын және эволюция ерекшеліктерін ашып көрсету, көне тұрғындардың дүниетанымы мен жерлеу рәсімдерін реконструкциялау болып табылады.

Зерттеу барысында белгіленген шатқалдарда ізденістер жүргізіліп, жаңа ескерткіштер аралап жүру барысында анықталды. Қазба жұмыстары осы типті ескерткіштерді зерттеу барысында қолданылатын әдістер негізінде жүргізілді.

Тірек сөздер: Қаратау, қазба, керамика, тас жәшік, Қарасүйір.

S. S. Murgabayev, M. M. Bakhtybayev, B. U. Nurkhanov, L. D. Maldybekova

(Research Center of archeology A. Yasaui International Kazakh-Turkish university, Turkestan, Kazakhstan)

SOME RESULTS ON BRONZE AGE BURIAL KARASUYIR III

Summary

The object of study is the Karasuir burial sites of the Bronze Age.

The aim of work - obtaining of new data on the cultures of the Bronze Age, identification of features of the evolution and trends in the overall development of the culture and the reconstruction of funerary rituals and philosophical foundations of the ancient tribes.

The study used a survey on location to a pre-selected areas of river valleys and tracts. Identification of new sites was carried out by visual inspection of the area. Excavation sites were made in accordance with the procedure for the acceptance of the study sites of this type - each of the boxes is excavated as a separate object. balk or profile section is not to be kept, the conditional «0» in each case is the highest point of the construction of the cysts or level of modern day surface. The outside contour of stone box is as the boundary of the excavation , the intertomb space between the cysts are not explored.

Keywords: Karatau, exploration, ceramics, cystitis, Karasuir.

Поступила 10.09.2014 г.

УДК 930. 1584 5

Б. А. ЖЕЛЕЗНЯКОВ[1], Л. ХЕРМАНН[2]

([1]Государственный историко-культурный и природный заповедник-музей «Танбалы», Узынагаш, Казахстан,
[2]Институт археологических исследований, Австрия, Вена)

ПЕТРОГЛИФЫ БАСБАТЫРА

Аннотация. В результате проведенных в 2013 г. авторами статьи предварительных исследований местонахождения Басбатыр было обнаружено около 150 плоскостей с наскальными рисунками, несколько десятков из которых являются уникальными. Петроглифы находятся в местности, где происходили важнейшие исторические события: образование Казахского ханства, избрание Наурызбай батыра полководцем. Часть изображений имеют значительные размеры от 1 до 1,65 м в длину. Большинство изображений было выбито здесь в раннем железном веке, но есть уникальные изображения эпохи средней и поздней бронзы, а также вплоть до современности. Близость к Алматы составляют значительный туристический потенциал этого местонахождения, что потребует проведения дополнительных исследований и документации, элементарных элементов благоустройства.

Ключевые слова: наскальное искусство Басбатыра, культурные ландшафты Козыбасы, Наурызбай батыр, «солнцеголовый», колесница.

Тірек сөздер: Басбатыр жартасқа салынған өнер, Қозыбасының мәдени ландшафтары, Наурызбай батыр, «күнбасты», дөңгелекті күйме арба.

Keywords: rock art of Basbatyr, Kozybasy's cultural landscapes, Nauryzbay batyr, «sunheaded», chariot.

История Жетысу – региона, расположенного в самом центре Центральной Азии, топоним которого отражает особую благодатность этого региона, подчеркивая значение водных источников для человека и природы, свойственное для региона в целом, не может не быть интересной и не наполненной событиями. Действительно, каждый ее период отмечен каким-либо судьбоносным событием. Земля Жетысу богата на памятники историко-культурного наследия, являвшимися немыми свидетелями прежних времен. Открытия новых памятников продолжаются до самого последнего времени.

Одним из наиболее «говорящих» памятников, в определенной мере «актуализирующих»* весть спектр историко-культурного наследия прошлого, являются петроглифы. Наскальное искусство обращается теперь уже к нашему и будущим поколениям, практически не изменив своего облика, лишь немного покрывшись пустынным загаром, тем самым все органичнее сливаясь с природным ландшафтом. Петроглифы, которые остаются над поверхностью земли, как бы подчеркивая отсутствие неких «этических» запретов на их изучение, возможно, налагаемых природой или неким жрецом, или чувства подглядывания в «замочную скважину», которую и представляют отдельно взятые раскопки захоронения, жилища или части поселения. Некоторые памятники наскального искусства смогли вобрать в свой ландшафт шедевры нескольких исторических эпох и это в полной мере может быть отнесено к небольшому, но очень яркому памятнику наскального искусства – Басбатыру.

Местность **Басбатыр,** расположенная в 5–7 км к юго-западу от современного аула Таргап, является в полном смысле сакральной для казахского народа. В переломный момент казахско-джунгарских войн (1729 г.), когда подошло время новых батырских схваток с джунгарскими богатырями, уже зарекомендовавший себя Шапырашты Наурызбай батыр, именно здесь был выбран полководцем и, как утверждают исторические свидетельства, на следующее утро после своего избрания поставил свой шатер у северного склона горы Дегерес. Место, где стоял его шатер, с тех пор называется Басбатыр. Горная гряда протянулась на 500 м с северо-востока на юго-запад возвышается над долиной к северу от аула Дегерес, укрывая ее нижнюю часть от северных ветров, имеет высоту над уровнем моря 1060 м.

* Актуализация – один из новых терминов менеджмента объектами культурного наследия, музееведения, все чаще применяющийся к ландшафтным памятникам, предусматривающих целенаправленную деятельность экспертов на повышение интереса, востребованности в обращения общества к своему наследию.

Судя по относительно большому количеству ярких петроглифов, относящихся к древней и средневековой эпохе, эта сопка выделялась среди остального ландшафта и в предыдущие исторические периоды. Возможно, что выбор места для шатра казахского батыра был определен в том числе и историко-культурным фоном Басбатыра, в первую очередь петроглифами, которые были выбиты здесь в прежние эпохи, наполняя естественный ландшафт глубоким историко-культурным содержанием.

При этом, если история местности последних пяти-шести столетий достаточно хорошо реконструируется, в том числе по анализу ее топонимики или по источникам, то наши исторические знания о более ранних периодах ее истории только начинают вводиться в оборот, пока по наскальному искусству. Изучение наскального искусства Бесбатыра могло бы стать примером неразрушающих методов проведения исторических исследований, не связанных с проведением раскопок и разрушением памятников. Итогом исследований должна стать популяризация его наследия – проведение экскурсий для небольших групп, подготовленных туристов, тем более, что расположение памятника удобно для организации посещения небольшими группами.

Памятник наскального искусства был открыт в 2011 г. известным ученым-биологом и путешественником **А. Б. Жданко** и показан авторам этой статьи летом 2013 г. Ими было оценено значение наскального искусства этого памятника, уникальность этого культурного ландшафта, произведена первичная документация и историческая интерпретация полученного материала. Кроме своего значения как памятник историко-культурного наследия, искусство Басбатыра имеет наскальное и прикладное туристское значение, поскольку может быть включено в достаточно популярный маршрут по петроглифам Тамгалы/Танбалы. На данном этапе это возможно в качестве посещения дополнительного объекта в совершенно ином ландшафте, но в той же историко-географической зоне Северного Тянь-Шаня: междуречья Чу и Или. История родного края, его наскальное искусство могут быть представлены значительно разнообразнее их любителям и исследователям в ходе презентации как всемирно известного Танбалы, так и совершенно нового памятника, наиболее полно представляющего сакский период Басбатыр.

Достаточно компактно расположенные на нескольких сопках растянувшейся с востока на запад горной гряды плоскости с петроглифами Басбатыра находятся недалеко от прохождения маршрута Тамгалы – г. Алматы. Кроме того, они находятся в одном историко-географическом микрорегионе, долине р. Курты и ее притока р. Копы. Басбатыр находится в нескольких километрах южнее от поворота с трассы Алматы-Бишкек на ст. Копа, не доезжая по дороге на а. Дегерес. В случае включения в тематический маршрут для небольших подготовленных групп петроглифы Басбатыра значительно дополнили бы представления о петроглифах и культурных ландшафтах Тамгалы, а также полнее презентовали культурное наследие Жамбылского района Алматинской области, не только как земли батыров и акынов, но и как одного из самых богатых регионов Центральной активности древних и средневековых наскальных художников способствовали высокая содержательность исторического процесса, богатство природы. Организация нового специализированного маршрута по петроглифам Басбатыра нуждается в проведении дополнительных исследований, в том числе и представителями ученых различных научных дисциплин с целью прокладки тропы в безопасных местах, обустройства элементарной инфраструктуры, подготовки экскурсионного сопровождения для групп, разработка маршрута проведения тропы по наиболее ценным участкам скал и отдельным камням, содержащих крупные плоскости с характерными петроглифами. Вместе с тем, скалистые участки с наклонной поверхностью, подъемы и спуски Бесбатыра, обилие ядовитых пауков и змей делают возможными для посещения лишь небольшими группами подготовленных туристов. В полном смысле петроглифы местности «вписываются» в ее неординарный ландшафт с богатым историко-культурным наследием, которое остается еще недостаточно изученным.

Возможно, что подобное богатство природных и культурных ландшафтов Жетысу, наполненных мифологическими образами и символами, некими обобщенными (канонизированными) житейскими сценами и сюжетами, выраженных в наскальном искусстве, содержащим в себе глубокий смысл (мудрость предков), выработанный поколениями людей, населявшими Жетысу с древности, позволили стать ему регионом, одним из наиболее полно представленным памятниками древнетюркского времени. Вместе с тем, стать «малой родиной» для формирования Казахского ханства, а также занять особое место среди других регионов страны в судьбоносной войне казахов

с джунгарами, кроме того, стать важнейшим культурным ландшафтом, сложно структурированным памятником этногенеза казахского народа. В этом смысле Басбатыр – один из небольших, но ярких и важных памятников для понимания связи петроглифов и ландшафта.

Басбатыр входит в важнейший историко-культурный регион Жетысу, который за несколько столетий до казахско-джунгарских войн получил историческое название «**Козыбасы».** Считается, что именно здесь в 1465–1466 гг. создавалось новое государственное образование казахов – Казахское ханство, формировавшееся в местности, называемой в источниках Чу-Козыбасы. Небольшая гора Козы-басы к юго-западу от Таргапа сохранила средневековый топоним и вместе с двумя другими, соседними – Басбатыр и Дегерес, которые входят в горную гряду, протянувшуюся с востока на запад на несколько десятков километров. На юге гряда соединяется с горой Жетыжол и образует межгорную долину, орошаемую родниками и ручьями. Таким образом, в область Чу-Козы-басы входили территории от среднего течения р. Чу на западе до названной долины на востоке и юге до гор Аныракай и Хантау на севере, то есть Чу-Илийские горы, а также предгорья Илийского Алатау[1].

Гора Басбатыр, местоположение которой отличается выгодным стратегическим расположением, отмеченная значительным числом шедевров наскального искусства, другими памятниками, входящими в культурный ландшафт, с древних времен, занимала особое место в понимании ландшафта у местного населения. В то время ландшафт воспринимался как важнейший посредник в жизни природы и общества. Для архаического мышления, широко использующего ассоциативную логику, пространственная модель была способом выражения всей совокупности представлений о мире. Пространство мифологизировалось, различные его зоны воспринимались как качественно неоднородные, неравнозначные с точки зрения ценностных характеристик[2]. Именно здесь и проходила одна из коротких дорог, связывавшая через перевал горную часть Чуйской и Илийской долин. Гора непосредственно возвышается над равниной долины р. Копы, с нее открывается вид на десятки километров на север, запад и восток. Имеется возможность скрытно уйти горными тропами, подать сигнал в нужном направлении на приличное расстояние о надвигающейся угрозе. Именно благодаря особо выгодному стратегическому расположению, в том числе и богатству водными источниками, другим перечисленным факторам, местность была выбрана как ключевая для активной и успешной борьбы казахов в XVIII в. против джунгарских племен.

Полученные в результате предварительных исследований петроглифов Басбатыра данные по его историко-археологическому комплексу привели к заключению о том, что местность использовалась особенно активно в раннем железном веке, имеются и более поздние средневековые изображения, а также ряд изображений нового времени. Наиболее древней частью памятника наскального искусства, расположенного на вытянутой горной гряде является небольшая сопка, расположенная ближе к западной оконечности гряды Басбатыра – местонахождением петроглифов эпохи поздней бронзы, имеются и отдельные изображения этого времени на других сопках гряды. Петроглифы раннего железного века являются наиболее распространенными, значительная их часть является уникальными, в первую очередь благодаря своим размерам, есть и единичные аналогии уникальным изображениям из Ешкиольмеса, воспроизводящим сюжеты сакской мифологии. Уникальным изображением периода поздней бронзы является изображение «солнцеголового» божества (рис.). Тот факт, что практически в каждом хронологическом пласте имеются уникальные изображения, свидетельствует об определенной уникальности всего памятника, о значении местности и дороги, по ней проходящей в мировоззрении древнего и средневекового населения. Общее количество плоскостей с выбитыми, иногда выполненных в технике граффити петроглифами, составляет около 150 плоскостей.

Подавляющее большинство изображений выбито на крупнозернистой поверхности скал с неровными скалами-поверхностями местной гранитоидной породы, с неравномерной патинизацией, в этом смысле не очень пригодной для нанесения и восприятия петроглифов. Именно такая порода скал здесь доминирует. Тем самым, трудно утверждать, что данное местонахождение являлось идеальным для создания значительного святилища. Своему возникновению галерея

[1] Ауэзов Е.К., Сейдуманов С.Т., Мейлих А.А. История города Алматы. – Алматы, 2010. – С. 57-58. (В работе авторского коллектива гора названа «Бесбатыр».)

[2] Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири: Самусьская культура. – Томск, 2009. – С. 60.

Рисунок 1 – Изображение «солнцеголового», эпоха бронзы (17х8 см)

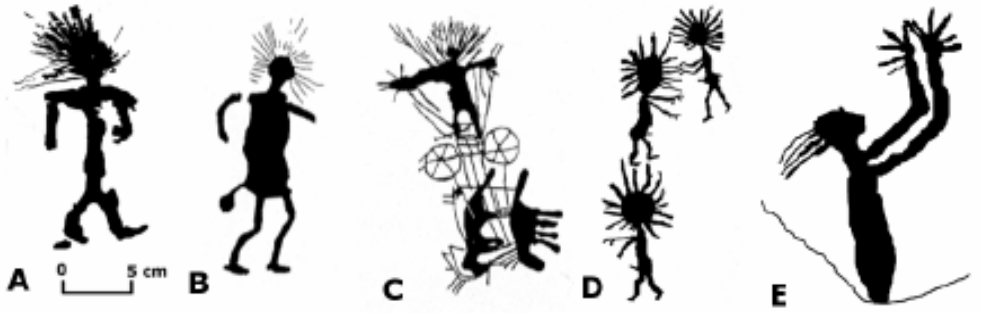

Рисунок 2 – Изображения «солнцеголовых»:
A – Басбатыр, B, C – Ешкиольмес (Потапов, 2007), D – Кулжабасы (Потапов, 2007), E – Саймалыташ

наскального искусства обязана удобству расположения горы, видимо, значительным транзитным потенциалом в период поздней бронзы и в сакский период, определенным условиям, для отдыха в длительном пути, подтверждая, тем самым высокую адаптивность древних культов.

В настоящее время интерпретация петроглифов, содержащих самые различные образы, символику, сюжеты, относящихся к эпохе, которая не сопровождалась письменными свидетельствами очевидцев, пусть и переживает значительный подъем, но по-прежнему остается, в значительной степени, на уровне поисков аналогий, притягивания зачастую отдаленных в географическом или хронологическом плане письменных источников для их объяснения. С другой стороны, посетители памятников наскального искусства в своем большинстве желают не только увидеть «вживую» эти изображения, но и приблизиться к пониманию их внутреннего содержания, ознакомиться с научными идеями и гипотезами, объясняющими их значение. Тем самым ближе понять эти образные послания, выражавшие общие понятия, которые господствовали в тех традиционных обществах, в которых данные образы выражали именно общепринятые, своего рода канонизированные обществом взгляды.

К наиболее ярким петроглифам Басбатыра, в первую очередь можно отнести уже упомянутое изображение «солнцеголового» божества. Антропоморфное изображение с лучами, размером около 15 см высотой, было прочерчено в технике так называемого граффити в эпоху поздней бронзы. В аналогичной же манере было сделано изображение верблюда, которого божество «ведет в поводу». Именно эта методика нанесения рисунка на каменную поверхность, а также расходящиеся во все стороны волосы-лучи наводят на однозначные аналогии этого изображения с изображением «солнцеголового» колесничего из Ешкиольмеса[1], ставшего уже каноничным, широко известным не

[1] Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е. Наскальные изображения в горах Ешкиольмес. – Алматы, 1991.

только в узком научном кругу. Характерно, что антропоморфное «солнцеголовое» божество из Басбатыра «ведет в поводу» копытное животное, видимо, верблюда. Тем самым, представая в определенной мере в новом образе, возможно, некого верховного покровителя всего того, что может быть связано со значительными трудностями, связанными с преодолением караванных путей, растущим товарным обменом и зарождающейся торговлей. Датировка сюжета может быть отнесена к тому времени, когда так называемые «солнцеголовые» еще не потеряли своего значения как некого универсального верховного божества, способного покровительствовать различным природным стихиям, общественным сферам, занятиям. Изображение «солнцеголового» было выбито достаточно грубо, на «скорую руку». Впрочем, аналогичная небрежность отмечается и в других изображениях эпохи бронзы. Например, в изображении колесницы В.А. Новоженовым были отмечены значительные небрежность и схематизм. Однако этим экспертом в области древнего колесного транспорта отмечены и другие, уже более положительные характерные особенности именно этого изображения. Далее приводим описание данного изображения, любезно предоставленное Виктором Александровичем: «Небольшое изображение **колесницы с возничим**, максимальной длиной не более 15 см, выполнено техникой точечной выбивки, достаточно небрежно и схематично. Вместе с тем, хорошо просматриваются детали конструкции, фигура возничего, менее различимы изображения упряжных животных. Колесница показана в «плановой» проекции (вид сверху), упряжные животные расположены спинами друг к другу, позади повозки

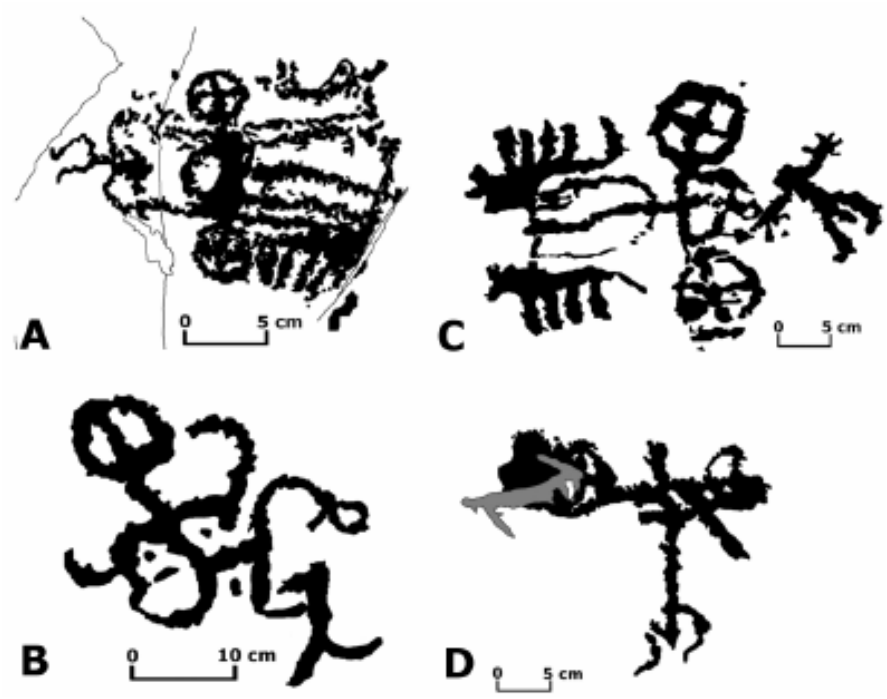

Рисунок 3 – Изображения колесниц: A, B – Басбатыр, C, D – Кулжабасы

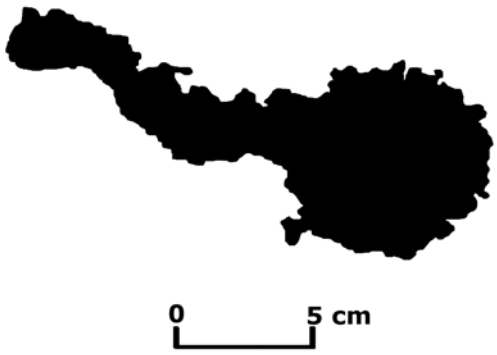

Рисунок 4 – Изображение зеркала с боковой ручкой

изображен возничий с разведенными в стороны руками. Вожжи показаны в виде линий, отходящих от рук колесничего. **Конструкция:** представляет собой одноосную повозку на колёсах с четырьмя спицами, с платформой-кузовом округлой формы, показанной контурной линией, вероятно, открытого типа, с центральным, возможно, слегка изогнутым дышлом, к которому прикреплено поперечное ярмо[1]. **Возничий:** изображен позади колесницы и, вероятно, идет вслед за ней. Руки его расставлены в стороны, и он держит в них вожжи. Ноги его так же слегка расставлены в стороны, показаны ступни. На голове его, судя по деталям, изображен, скорее всего, головной убор грибообразного типа, аналогичный монгольским (Чулуут) и алтайским (Калбак Таш 1) изображениям колесничих[2]. Различить другие детали фигуры возничего не позволяет достаточно неаккуратная точечная выбивка самого изображения, а также повреждения плоскости». Изображения аналогичных колесниц достаточно часты в регионе Жетысу, обычно они датируются эпохой поздней бронзы, однако В. А. Новоженовым данное изображение датируется периодом второй четверти – середины второго тысячелетия II тысячелетия до н.э.

По заключению В. А. Новоженова представленное изображение принадлежит к достаточно стандартной серии колесничных петроглифов Центральной Азии (уже более 400 изображений), выполненных в классической схеме – колесница (вероятно – одноместная) с округлым кузовом и центральным дышлом, упряжные животные – спинами друг к другу[3]. Выделяет это изображение из всей этой серии фигура возничего позади повозки. Такое сочетание во всех центральноазиатских колесничных петроглифах характерно только для памятников, обнаруженных на территории Алтая (Россия, Казахстан, Монголия, Китай) и Жетысу. Близкие аналогии также известны в петроглифах на склонах хребта Каратау и единичные – на Памире[4]. Небрежность и определенный схематизм в изображении рассматриваемого изображения колесницы, особенно в сравнении с памирскими аналогами, несомненно, более реалистично исполненными, возможно, свидетельствует об определённом вхождении традиции в рамки канона и «обыденности».

Изображения «солнцеголовых» божеств свойственны далеко не каждому, даже крупному местонахождению петроглифов эпохи бронзы, являвшимися в свое время святилищами, по мнению подавляющего большинства исследователей наскального искусства. Тем самым можно говорить об отправлении неких, возможно, наиболее общих обрядов в местности Бесбатыр в эпоху поздней бронзы, связанных с дорогой и приуроченным к передышке в длительном пути. Кроме того, Басбатыр – наиболее близко расположенное к Алматы из всех других известных местонахождений петроглифов с изображениями «солнецеголовых» божеств.

Относительно небольшое количество изображений эпохи поздней бронзы также имеют явные аналогии с ешкиольмесскими, например, копыта животных выбиты как небольшие круглые лунки (рис.). Крупные и средние лунки, обычно интерпретируются как некий универсальный знак, вмещавший в себя многие общие понятия, чаще как женского плодородия, вмещавшие в себя определенную жертву. На центральном местонахождении петроглифов имеется изображения солярного знака, видимо, не случайно, выбитого на месте фаллоса крупного, но схематичного изображения архара (рис.). Тем самым, в то время это место могло являться небольшим храмом под открытым небом, который был устроен у водного источника, в закрытом месте, где, например, путник мог получить отдых в длительном и небезопасном пути. В то время, когда человек, семья и относительно небольшие коллективы были один на один с силами природы, выбивке символов, реалий и сюжетов, имевших значительные охранительные функции, помогавшие выживать в агрессивных условиях, уделялось огромное внимание.

В раннем железном веке человек уже лучше контролировал свои взаимоотношения с внешними силами природы. Внутреннее содержание петроглифов меняется, поскольку меняется и весь строй

[1] Новоженов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колёсный транспорт Евразии / Под ред. Е. Е. Кузьминой. – М.: Таус, 2012. – 500 с.

[2] Jacobson-Tepfer E., Kubarev V., Tseevendorj D. Mongolie du Nord-Ouest.Tsagaan-Salaa/Baga Oigor // Repertoire des petroglyphs d'Asie Centrale. – T. V. – Fasc. 7. – Paris, 2006. – P. 20-28; Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984.

[3] Новоженов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колёсный транспорт Евразии / Под ред. Е. Е. Кузьминой. – М.: Таус, 2012. – С. 305-308.

[4] Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Петроглифы хребта Каратау. – Алма-Ата: Наука, 1977 (2-е издание – 2007); Жуков В.А., Ранов В.А. Древние колесницы на Памире // Памир. – 1974. – № 11.

Рисунок 5 – Вид на горную гряду Басбатыр и изображение козла (75Х55 см), раннего железного века

Рисунок 6 – Плоскость с изображениями раннего железного века

Рисунок 7 – Прорисовка фрагмента плоскости

жизни, общество испытывает другие амбиции, угрозы. Изображения этого периода интерпретированы еще недостаточно глубоко. Плоскости Бесбатыра, содержащие искусство этого времени во-многом также уникальны. Небольшое по размеру изображение грифа находят аналогии в искусстве Ешкиольмеса. Но в большей степени крупные изображения высотой от 0,8 до 1,7 м находят аналогии с Усеком. В обоих случаях датировка изображений совпадает с ранним этапом – VII–VI вв. до н.э., т.е. с начальным этапом сакского периода. Значительное количество этих изображений и, главное, репертуар изображений свидетельствует о возрастании роли этого «святилища» в сакское время. Способствовало ли этому стратегическое положение местности или по ним регулярно совершались сезонные перекочевки – пока трудно сказать. Изображения этого времени – это прежде всего изображение архара размерами 1,7х1,6 м на наклонном камне, а также архар с закрученными рогами на горизонтальной поверхности камня, откуда открывается вид на окружающую местность: ущелье и сопку Бесбатыр. Есть и другие почти «полноразмерные» изображения идущих (спускающихся вниз) архаров на вертикальных участках скал. Есть изображения фантастических животных, достаточно крупные, что хронологически связано также с сакским

Рисунок 8 – Изображение лошадей (?), размеры крупного животного 70х40 см, ранний железный век

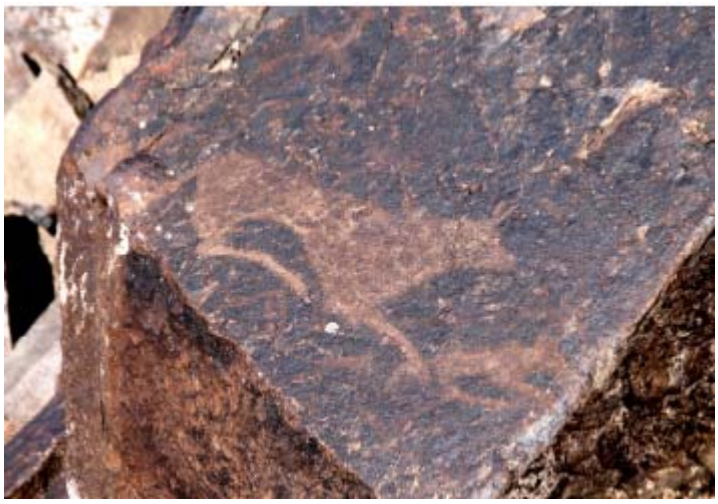

Рисунок 9 – Изображение хищника, охотящегося на животное (96х40 см), ранний железный век

Рисунок 10 – Одна из плоскостей с поздними изображениями Басбатыра

периодом. В частности, контурное изображение пятнистого кощачьего хищника с длинным хвостом и собачьей мордой. Более детальное изучение наскального искусства Бесбатыра, его археологического наследия, видимо, поможет уточнить хронологию его основных сюжетов, по-видимому, местность использовалась под «галерею» на протяжении поздней бронзы, так называемого сакского этапа раннего железного века и переходного этапа между ними практически непрерывно.

Явные аналогии изображениям Бесбатыра поздней бронзы и раннего этапа раннего железного века могут указывать на основные маршруты передвижения активной части населения, постоянные связи между группами.

Кроме изображения «солнцеголового» на скалах Басбатыра, в позднюю бронзу было оставлено еще несколько, в полном смысле знаковых изображений, маркирующих его культурный ландшафт: колесницы, зеркала, а также несколько сложных композиций с участием животных. Изображения колесниц в подобной же манере встречаются в Жетысу достаточно часто, например, на плато Асы, где в сходный хронологический период было сформировано относительно крупное святилище, где также имеется изображение колесницы в сходной манере и с характерной трактовкой реалий: поперечной перекладиной дышла с четырьмя спицами в колесах, зачастую с возничим[1]. Колесница, являясь одним из главных технических достижений древности, была «обречена» стать одним из главных атрибутов верховных божеств любого Пантеона. В античной, ведийской, индоиранской мифологии содержатся многочисленные истории с участием колесниц верховных божеств[2].

От позднего этапа раннего железного века, а также от раннесредневекового периода остались многочисленные небольшого размера и весьма схематично выбитые изображения горных козлов (тау теке). Видимо, опять произошла смена концепции соотношения изображения и ландшафта. Традиция выбивки образа козла, архара, барана продолжала существовать, однако большее значение приобрела численность выбивок, нежели качество и размеры изображений, своеобразное «вырождение» звериного стиля при сохранении основ мировоззрения. Обычно, ученые, в частности, А. П. Окладников, это связывают с яркостью самого образа «дикого козла – животного, тесно связанного со специфическими для Центральной Азии ландшафтами[3]. Возможно, связь традиционного населения Центральной Азии с образом козла, козерога была глубже, не столь очевидно непосредственна, но через давно и прочно мифологизированные образы, например, зодиакальные, имевшие распространение, как минимум, с эпохи бронзы. Именно под этим знаком Зодиака в течение нескольких столетий, предшествовавших наступлению нашей эры, т.е. I тыс. до н.э. происходило центральное событие каждого года у подавляющего большинства населения Центральной Азии: момент прихода Нового года – Наурыза[4]. Однако в прошлые десятилетия и столетия об этом внутреннем содержании процесса ожидания восхода солнца в Наурыз под знаком Овна было забыто. Иначе, чем объяснить тысячи выбивок козла с закрученными спиралевидными рогами, символизировавшими сияние солнце или длинными полукруглыми рогами «до крупа», символизировавшими восходящее Солнце нового дня. Тем самым, образ Солнца легко «укладывался» в изображение козерога. Подобные изображения с «солнечными» рогами численно (несоизмеримо) значительно преобладают среди изображений других животных или антропоморфных этого периода истории, подавляющее большинство из которых весьма символически передают первообраз.

Несколько интересных наскальных рисунков в Басбатыре было оставлено в последние несколько столетий. Очевидно, что произведения этого времени отражали наиболее общие представления о жизни современного на момент своего создания традиционного общества. Художник XVII или XVIII веков оставил на этих скалах картинки, наиболее характерные для своего времени,

[1] Новоженов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии / Под ред. Е. Е. Кузьминой. – М., 2012. – С. 106-107; Железняков Б.А. Культы святилищ эпохи бронзы. Петроглифы плато Асы // Известия МОН РК. Сер. обществ. наук. – 2004. – № 1. – С. 154-165.

[2] Новоженов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии / Под ред. Е. Е. Кузьминой. – М., 2012. – С. 337.

[3] Окладников А.П. Петроглифы Центральной Азии. Хобд-сомон (Гора Тэбш). – Л., 1980. – С. 77-78.

[4] Железняков Б.А., Шербаев Р.К. Семантика изображений рыб на Тагоре из городища Караспантобе // Родной край. Историко-краеведческий и архивный журнал. – Алматы, 2010. – № 1-2 (15-16). – С. 45-53; Железняков Б.А., Шербаев Р.К. Караспаннан табылган тагорадыгы балыктын мифологиялык бейнеси // Мат-лы межуниверситетской научной конф. «Великий шелковый путь: прошлое и настоящее». – Алматы, 2009. – С. 8-14.

достойные внимания туристов в настоящее время. Они располагали рядом с плоскостями, содержащие более древние изображения, часто подновляя или творчески дополняя их.

В настоящее время наскальное искусство становится все более «актуализированной» и востребованной частью культурного наследия. Это происходит и с тем, что интерпретация образов петроглифов становится все более «доступной» (адекватному прочтению смысла, вкладываемому человеком в каждый конкретный образ в древности). Процесс связан еще и с тем, что интерпретация наскального искусства доступна гораздо большему числу специалистов, а также все более профессиональных любителей, нежели ведение лицензированных раскопок, возможно, поэтому обладает большей степенью открытости и объективности.

Таким образом, скалы Басбатыра хранят на своих бесценное наследие многих веков и тысячелетий. Памятник уникален своим местонахождением, в настоящее время, поблизости от оживленной трассы Алматы-Бишкек у мемориала Наурызбай батыру, в прежние времена также на перекрестке путей, идущих вдоль гор и ведущих непосредственно в горы. Близкие аналогии изображениям Басбатыра имеются в Восточном Жетысу на памятниках Ешкиольмес недалеко от Талдыкоргана и Усек поблизости от Жаркента, а также на скалах северного побережья оз. Иссык-Куль, в частности, на памятнике Орнек. Тем самым, наскальное искусство Басбатыра географически занимает промежуточное положение между этими микрорегионами, по-видимому, маркируя один из маршрутов (вход в горные проходные ущелья), соединявших эти регионы в бронзовый и ранний железный век. Наскальные рисунки, оставленные у места, удобного для отдыха на древнем пути, пересекавшем предгорья, сделали этот ландшафт достаточно уникальным с точки зрения его историко-культурной составляющей. Более того, события, произошедшие здесь в период казахско-джунгарских войн, надежно утвердивших Наурызбай батыра среди важнейших исторических личностей, внесших решающий вклад в победу над джунгарами, сделали этот культурный ландшафт в полном смысле уникальным, наряду с Ордабасы, Аныракаем, другими местами казахской воинской доблести в Жетысу.

Б. А. Железняков[1], Л. Херманн[2]

([1]«Таңбалы» мемлекеттік тарихи-мәдени және табиғи қорық-мұражайы, Ұзынағаш, Қазақстан,
[2]Археологиялық зерттеулер институты, Австрия, Вена)

БАСБАТЫР ПЕТРОГЛИФТЕРІ

Резюме

Мақалада авторларымен 2013 ж. Бесбатыр мекеніне алдын ала жүргізілген зерттеулер нәтижесінде 150-ге таяу жартасқа салынған суреттер табылған, оның бірнеше ондықтары өте сирек кездесетін суреттерге жатады. Петроглифтер маңызды тарихи оқиғалар өткен: қазақ хандығының құрылуы, Наурызбай батырды қолбасшы етіп сайлаған жерден табылған. Кескіндеменің біраз бөлігінің ұзындығы 1 м-ден 1,65 м-ге дейін жетеді. Бұл жердегі көптеген кескіндемелер ерте темір ғасырында салынған, бірақ орта және кеш қола дәуірінің өте сирек кездесетін, сондай-ақ қазіргі заманның кескіндемелері де кездеседі. Алматыға жақын орналасқан бұл мекен айтарлықтай туристік әлеуетке ие, сондықтан да қосымша зерттеу және құжаттандыру, жақсылап жабдықтандыру сияқты қарапайым элементтерді қажет етеді.

Тірек сөздер: Басбатыр жартасқа салынған өнер, Қозыбасының мәдени ландшафтары, Наурызбай батыр, «күнбасты», дөңгелекті күйме арба.

B. A. Zheleznyakov, L. Hermann

PETROGLYPHS OF BASBATYR

Summary

Article is dedicated to the introduction into a scientific turn of materials of a new monument of the petroglyphic art located near the Southern capital of Kazakhstan in the Kozybasy historical district on the Basbatyr mountain ridge. On its rocks the whole series of unique petroglyphs from the average Bronze Age prior to the beginning of the XX century took place.

Keywords: rock art of Basbatyr, Kozybasy's cultural landscapes, Nauryzbay batyr, «sunheaded», chariot.

Поступила 10.09.2014 г.

УДК 902 (574) «637»

И. А. КУКУШКИН, В. Г. ЛОМАН

(Сарыарқа археология институты,
академик Е. А. Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университет, Қарағанды, Қазақстан)

ОРТАЛЫҚ ҚАЗАҚСТАНДА ҚОЛА ДӘУІРІ ҚОРҒАНДАРЫНЫҢ ДӨҢГЕЛЕКТІ АРБАЛАР КЕШЕНІНІҢ ЭЛЕМЕНТТЕРІ

Аннотация. Б.д.д. III–II мыңжылдық аралығында соғысқа пайдаланылатын әскери атты арбалар бастапқы Еуразия далаларында мал шаруашылығымен айналысатын ортада қолданыла бастады, көп ұзамай ұлан-байтақ аумаққа тарайды. Жерлеу рәсімінде дөңгелекті арба кешені – дөңгелекті арба, қос-қостан жегілген аттардың сүйектері мен жақын және алыс қашықтықтан соғысуға арналған қару-жарақтар кездеседі.

Қола дәуірдің үлкен обаларын зерттеу үш мәдени-жылнамалық көкжиекті белгілеуге мүмкіндік береді.

Бірінші мәдени-жылнамалық көкжиекке ежелгі шұңқырлы-афанасьевтік ұқсастығы бар Жыланды 1 қорымының 1 қорғаны, Жыланды 3 қорымының 1 қорғаны жатады.

Екінші хронологиялық көкжиекке дөңгелекті арба кешендерінен мол мағлұмат беретін Ащысу, Танабай, Нұраталды 1 қорымдары жатады. Обалар материалдарына екі аттың қоса жерленуімен, сондай-ақ қару-жарақтар мен еңбек құралдарын қола дәуіріне тән қоланыа құю технологиясы инновациясын қолданумен ерекшеленеді.

Үшінші мәдени-жылнамалық көкжиекке алакөл-федоров синкреттік белгілерге ие Жыланды 4 қорымының қорғандары жатады. Дөңгелек арба кешенінің элементтері сүйек және мүйізден жасалған ат әбзелдері ауыздықтың жүген құрылымына қайыс белдік тағылады.

Тірек сөздер: қола дәуірі, Орталық Қазақстан, дөңгелек арба, жылқы әбзелі, қыш.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Центральный Казахстан, колесница, конская узда, керамика.

Keywords: Bronze Age, Central Kazakhstan, the chariot, harness, ceramics.

Қола дәуірінің маңызды жетістіктерінің бірі шабақты дөңгелектің пайда болуымен анағұрлым жеңіл жүрісті арбалардың қолданысқа енгізілуі болып табылады. Осы жаңа көлік түрін тартып жүргізуге аттар жегілетін болады. Б.д.д. III–II мыңжылдық аралығында соғысқа пайдаланылатын әскери атты арбалар бастапқыда Еуроазия далаларында мал шаруашылығымен айналысатын ортада қолданыла бастайды да, көп ұзамай ұлан-байтақ аумаққа: Алдыңғы Азия мен Балқан-Дунай өңірінен батысында Орал-Қазақстан далалары мен шығысында Орта Азияға дейінгі аймаққа кеңінен таралады.

Қола дәуірінде Еуроазияның далалы және орманды далаларында осы дөңгелекті көлік түрін дөңгелекті кешен деп аталып кеткен жерлеу дәстүрлерінде кеңінен көрініс табады. Тарихи ойға салып сараласақ, бұл дөңгелекті кешен – ат жегілген дөңгелекті арба мен дөңгелекті арба мінген жауынгердің қару-жарақтарынан тұрады. Археологиялық дереккөздерге сүйенсек, ол дөңгелектер қалдығы, қос-қостан жегілген аттардың сүйектері мен жақын және алыс қашықтықтан соғысуға арналған әртүрлі қарулар болып келеді [1, с. 57].

Еуроазияның дөңгелекті арбалы ескерткіштері өзіне тән белгілері бар жеке археологиялық мәдениеттің бір бөлігі болып табылады. Оңтүстік Оралда ол – сынтасты және петров мәдениеті, Солтүстік Қазақстанда – негізінен петровтық типтегі ескерткіштер, ал Орталық Қазақстанда – ежелгі-андроновтық нұртай мәдениеті болып кездеседі.

Қос аттан жегілген, қару-жарақты дөңгелекті арбаның толық «жасақталған» дөңгелекті кешен түрі өте сирек ұшырасады. Бұл жерлеу орындарының орасан зор тонаушылыққа ұшырауына, сонымен бірге ежелгі дәуірде кеңінен таралған «pars pro toto» – «тұтастың бір бөлігі ғана» қағидатына байланысты. Сонымен қатар әдетте тас жәшік немесе топырақты шұңқыр түрінде кездесетін қабірлерде құрбандыққа шалынған, арбаға жегілген аттар көбірек ұшырасады.

Кейінгі жылдары қола дәуірінің ірі-ірі қорғандарын кең көлемде зерттеу жұмыстары үш мәдени-хронологиялық көкжиекті бөліп көрсетуге мүмкіндік туғызып отыр. Әрбір кезеңнің ескерткіштерінің өзіне ғана тән сипаттары болады, олар жерлеу дәстүрлерінде, құрылымдық шешімдерінде, заттай мүліктері мен керамикасында айқын көрініс тауып отырады.

Бірінші мәдени-хронологиялық көкжиекке Жыланды 1 қорымының 1 қорғаны, Жыланды 3 қорымының 1қорғаны жатады. Жерлеу дәстүрі құрылым-дарында шағылған тастардан қаланған екі

шоғырлы қоршау тұрғызылған. Қайтыс болған адамдар шығыстан батысқа қарай қаратылған тас жәшіктерде жалғыз жатқызылып жерленген. Бірде қоладан жасалған дөңгелек сырғалар мен керамикалық ыдыстармен бірге, аяқтары тізесінен бүгіліп сол жаққа қарай қисайған күйде адам сүйектерінің шалқасынан жатқан түрі кездескен.

Осыған ұқсас көріністер көпшілік жағдайда Еуроазияның далалық белдеулерінде ерте және орта қола дәуірінің тарихи-мәдени мазмұнын құрайтын ежелгі шұңқырлы-афанасьевтік ортада ұшырасып отырады.

Соңғы уақытқа дейін бұл кезеңнің бірден-бір ескерткіші Орталық Қазақстанда шалқасынан жатқызып жерлеу әдісі тән Қарағаш қорғаны, бұл афанасьевтік үлгідегі шұңқырда жерлеу мүліктері мен қабір үсті құрылымдарымен ерекшеленеді [2, с. 34]. Көне дәуірлік және нақты өзіне тән бет-бейнесімен белгілі болған Жыланды қорғандарының ашылуы ежелгі шұңқырлы орта мен дөңгелекті арба мәдениетінің көкжиегі арасында пайда болған қуысты толтыруға сөзсіз мүмкіндік береді. Қола сырғаларға ұқсайтын әшекейлер әзірге табылған жоқ. Бір қызығы, керамикалық ыдыстардың бірқатар белгілері нұра-федоров бейнесіндегі андроновтық ыдыстарға жақын да болуы мүмкін. Мұндай ескерткіштерге әрі қарай зерттеу жұмыстарын жалғастыру Орталық Қазақстандағы айрықша жыланды түрлерін бөліп алуға мүмкіндік беруі де тиіс, ал оларды андронов кезеңінің алдына жатқызуға және табылған уақытын б.д.д. III мыңжылдықтың соңғы ширегіне келтіруге болады.

Мазмұны жағынан шұңқырлы мәдениетке жақындау болып келетін Жыланды ескерткіштерін ашудың маңыздылығы оның Далалық Еуроазияда мәдени-генетикалық үдерістерден хабар алуға мүмкіндік береді. Сонымен бірге ол мал шаруашылығының көшпелі түріне, металлургияның өркендеуіне, ең бастысы, дөңгелекті көліктердің кеңінен таралуына байланысты болады, сонымен бірге әскери дөңгелекті арбалардың пайда болуына және Еуроазияның кең-байтақ далалы аймақтарында б.д.д. III мыңжылдықта аса қуатты көші-қон үдерістерінің пайда болуына әкеледі.

Екінші хронологиялық көкжиекке Нұраталды 1 қорымында зерттелген қорған кіреді. Ол Сарыарқадағы дөңгелекті арба кешендері туралы толық түсінік береді.

Қорған үйіндісінің астынан бір ересек адам мен үш бала жерленген, плитадан қаланған төртбұрышты қоршау табылады. Сонымен бірге жерленген бір баланың жоғары әлеуметтік ортадан шыққаны байқалады, ол өте кең тас жәшікке салынып ер адаммен бірге қойылған екен. Бірге жерленген мүліктері астрагалдар болуына қарағанда оның ұл бала екені көрініп тұр.

Осы қайтыс болған екеуі де жақын туыстар екені және бір әскери-аристократиялық топқа кіретін дөңгелекті арба жауынгерлері екені байқалады. Бұл ересек адам мен баланың арасына бастарын батысқа қаратып екі атты қоса жерлеуден көрінеді. Ал жерленген аттардың жастарының айырмашылығы да көзге ұрады, осылайша жерлеу «айнасы» да алдын ала ойластырылғанға ұқсайды. Аттардың қатарластыра жатқызылуы да дөңгелекті арбаның рөлін айқындап тұрғандай.

Екінші хронологиялық көкжиекке сонымен бірге Сарыарқаның дөңгелекті арба кешендерінен мол мағлұмат беретін, Ащысу, Нұраталды 1, Танабай қорымдарында зерттеу жұмыстары жүргізілген қорғандар жатқызылады.

Қорғандар астының орталық бөліктерінде әдетте арбалы жауынгерлердің әскери-аристократиялық тегіне кіретін бір-екі адам ғана жерленеді. Адамдардың бұл тобы екі аттың қоса жерленуімен ерекшеленеді. Аттардың қосақталып жерленуі, сөзсіз дөңгелекті арбаға жегілгенінен хабар береді. Сонымен бірге қашықтан және жақыннан ұрыс салуға арналған найза ұштары, дротиктер, ілмектер, пышақтар, жебе ұштары да қоса көміліп отырылған. Қару-жарақтар мен еңбек құралдары қола дәуіріне тән қоланы құю технологиясымен әзірленеді.

Сүйектер мен мүйіздерден шеберлер әскери дөңгелекті арбаға жегілген аттарды айдап отыруға арналған бірнеше шабақты ауыздықтар да жасап шығарады. Бұйымның сыртқы беттері геометриялық ою-өрнекпен безендіріледі.

Нұраталды қорғанынан ескерткішке мықтап бекітілген ірі қола қаламасының табылуы өте маңызды. Мұнда арбалы жауынгердің қару-жарақтарына кіретін найза мен дротиктердің ұштары, екіжүзді пышақтар түріндегі қоладан жасалған бұйымдар әскери дөңгелекті арбалар дәуірінің «милитаристік» бет-бейнесін айқындайды.

Осыған ұқсас жекелеген санаттағы қола бұйымдар Орталық Қазақстанның нұртай ескерткіштерінде [3, с. 105], Солтүстік Қазақстанның [4, с. 56] және Оңтүстік Оралдың [5, с. 70] петров мәдениетінің материалдарында ұшырасады. Ростовка с. қорымынан табылған, нұртай мәдениетін

ұстанушылар мен Батыс Сібірдің сейминді-турбинді тұрғындарының металл өңдеу және жерлеу дәстүрлеріне тән көріністер қызығушылық тудырады [6, с. 34, 43].

Екі жағдайда да кельттердің найза, дротиктер ұштарынан тұратын қола бұйымдар жерлеу орындарынан бөлек жерде Ростовка қорымынан табылады. Бұйымдар бір-біріне қосақталып, жүздері жерге қаратылып орналастырылған [6, с. 34, 43], бұл олардың алдын ала матаға оралғанын немесе арнайы қапқа салынғанын көрсетеді. Бір қызығы, бір бұйымдардың ішінен Нұраталды мәдениетіне ұқсас төрт қырлы қола қашау да табылады.

Бұл үйлестікті кездейсоқ емес деп те ойлауға болады. Мұнда тек жекелеген өңірлерде тұратын халықтың арасындағы эпизодтық мәдени-шаруашылық байланыстар ғана емес, сонымен бірге орталық-қазақстандық және сейминді-турбинді металлургия көздері, көші-қон үдерістерінің векторлары, жалпы діни-мифологиялық ұғымдардың негізі де жатуы мүмкін.

Аттардың қосақталып жерленуі, керамика мен арбалы жауынгердің қару-жарақтары табылған Нұраталды қорғанына жүргізілген зерттеу жұмыстары оңтүстік бағыттағы нұртайлық дөңгелекті арба мәдениетінің шекарасын елеулі түрде кеңіте түседі. Барлық материалдар жабық археологиялық кешеннен табылады, бұл ескерткіштерді Орталық Қазақстандағы ежелгі қола дәуірінің абсолютті хронологиясына қатысты мәселелерді шешуде негізгі реперлері етіп көрсетеді. Табылған материалдар қорғанды нұртай дөңгелекті арба мәдениетіне кіргізуге және оның уақытын б.д.д. II мыңжылдықтың бірінші ширегіне жатқызуға мүмкіндік береді.

Үшінші хронологиялық көкжиекке Жыланды 4 қорымының 1, 2 қорғандары жатқызылады. Бұл жерден бес тас жәшік табылады, оның төртеуі ересек адамға, біреуі – жасөспірім балаға тиесілі болады. Мұнда төрт жерлеу қабірі жер бетіне орналасқан, бұл андроновтық жерлеу дәстүріне ұқсамайды, бұны жергілікті халықтың ой-сана өзгерісінен туған көрініс деп те бағалауға болады. Сонымен бірге ыдыстарда екі мәдениет дәстүрі: нұра-федоров және алакөл-атасу мәдениеті айқын көрініс тапқан.

Бірінші қорғанда сүйектен және мүйізден жасалған, ат әбзелдерінің құрамдас бөлігі болып табылатын бұйымдар аса қызығушылық тудырады. Орталық бөлігінде айналдыра төрт нүктемен ою-өрнек салынған, ромбы тәріздес өзек пен шеңберлі мүйізден жасалғандары да бар.

Қола дәуірінің ат әбзелдерін қайта құрастыруға байланысты алдыңғы зерттеулердің негізінде [7, с. 204-210; 8, с. 238-291] «жыланды» аттарының жүгендері қайта құрастырылады. Мұнда жүгеннің өзіндік қасиеттерін елеулі түрде арттыратын мүйізден жасалған өзек пен арасын бөліп тұратын сақиналар қосымша элементтер болып табылады.

Қалқаншалы ауыздық ортаңғы жағында саңылауы бар дөңгелек пішінді болып келеді. Қалқаншаның бір шетіне қатты бекітілген екі тұтас шабақ көрініс береді. Қалқаншалы ауыздықтың көпшілігінде бүгінгі күнге дейін 3-4 шабақтары болады, кейде екі шабақтысы да кездесіп қалады. Мысалы, Оңтүстік Оралдағы Қисық көл қорымында кездескен [5, с. 55]. Қалқаншаның да, оның шабақтарының да жалтырап тұратыны оларды пайдалану кезіндегі органикалық негіздерге үйкелісінен пайда болады деп жорамалдау керек.

Ауыздықтың қосымша екі саңылауымен жүген құрылымына қайыс белдік тағылады. Орталық ауыздық саңылауы арқылы қалқаншаға қайыс ауыздық өткізіліп, атты басқару тізгінімен біріктіріледі. Біріктірілген жерді жіппен тігіп немесе түйіндеп тастауға болады. Дөңгелек-көпқырлы комплектілі өзектің табылауы оны бекітудің басқа да әдістеріне жол ашады. Өзектің орталық бөлігі тепе-теңдік үшін қажет болады. Ол ұзақ уақыт тегістелген органикалық қабатпен үйкеліске түскендіктен өте қатты жалтырап тұрады. Бұл жерде жалпақ қырлы өзек ауыздыққа бекітіледі, ал ортаңғы жағына тізгін жалғанады да, өзек олардың ортасында қалады. Ол бір мезгілде бірнеше қызмет атқара алады.

Ауыздықтың саңылауы арқылы оған жалғасқан тетіктер сусып кетпеуі үшін салынған бекітпелер атты айдауда да, қайыстардың ширатылып кетпеуіне де септігін тигізіп отырады.

Ауыздықтың орталық саңылауының диаметрі мен өзектің дөңгелек ойықтары өздерінің параметрлеріне сәйкес келіп отырады. Жүгеннің кеңсірігі мен кекіл ара қайысы (капсуль) жоғарырақ орналастырылады да, Грекия, Тиринф ғимараты қабырғасындағы фрагментте көрсетілгендей [9, с. 270]. көлденең қайыспен ауыздыққа бекітіледі.

Ірі жануардың сүйегінен жасалған сақинаның тек бір бүйірі қатты жылтырайды да, екінші бүйірі көмескі тартып тұрады. Ол ат әбзеліндегі жүген жақтауының әртүрлі қызмет атқаруының белгісі болып табылады.

Жыландыда табылған ауыздықтағы шабақтар саны мен оның басқа да қасиеттері сол кезеңдегі ат әбзелдерінің селекциясын құрайды. Халық атты дөңгелекті арбаға жегіп айдаудың неғұрлым жеңіл түріне көше бастайды.

Жыланды 4 қорымында табылған қорғандардың материалдары Сарыарқадағы дөңгелекті арба кешендерінің қалыптасуы мен динамикасынан хабар береді және оларды б.д.д. II мыңжылдықтың екінші ширегіне жатқызуға мүмкіндік туғызады.

Жалпы алғанда, ат әбзеліндегі ауыздықты бір жүйе құрайтын элемент ретінде қарастырып, сол кезең үшін көліктің жеңіл де сапалы «дөңгелекті тиімділікке» қол жеткізе отырып, екі дөңгелекті жеңіл арбаның қолданысқа енуіне мүмкіндік туады. Бұл жаңалықты қола дәуірінің инновациялық бір табысы деп қарауға және оны бүгінгі өркениеттің негізін қалаған ежелгі дүниенің іргелі жаңалығының қатарына қосуға да болады.

ӘДЕБИЕТ

1 Чечушков И.В. Колесницы Евразийских степей эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2011. – Вып. 2. – С. 57-65.

2 Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1989. – С. 34-46.

3 Кукушкин И.А. Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису (Центральный Казахстан) // РА. – 2011. – № 2. – С. 103-109.

4 Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983. – С. 48-68.

5 Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск, 2003. – 362 с.

6 Матющенко В.И., Синицина Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск, 1988. – 136 с.

7 Епимахов А.В., Чечушков И.В. К вопросу о способах управления пароконной колесницей бронзового века // Происхождение и распространение колесничества. – Луганск, 2008. – С. 204-210.

8 Усачук А.Н. Реконструкция крепления древнейших псалиев в системе ремней оголовья лошади: противоречия и перспективы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. – Екатеринбург-Самара-Донецк, 2010. – С. 238-291.

9 Makkey J. The early Mycenaean rulers and the contemporary early Iranians of the Northeast // Traktata Minuscula. 22. – Budapest, 2000. – P. 1-71.

REFERENCES

1 Chechushkov I.V. Kolesnitsy Evraziiskih stepei epohi bronzy. Vestnik arheologii, antropologii i etnografii, 2011. N 2. S. 57-65. (in Russ.)

2 Evdokimov V.V., Loman V.G. Raskopki yamnogo kurgana v Karagandinskoi oblasti. Voprosy arheologii Central'nogo i Severnogo Kazahstana. Karaganda, 1989. S. 34-46. (in Russ.)

3 Kukushkin I.A. Metallicheskie izdeliya ranneandronovskogo mogil'nika Ashchisu (Tsentral'nyi Kazakhstan). Rossijskaya arheologiya. 2011. N 2. S. 103-109. (in Russ.)

4 Zdanovich G.B. Osnovnye harakteristiki petrovskih kompleksov Uralo-Kazakhstanskih stepei (k voprosu o vydelenii petrovskoi kul'tury). Bronzovyj vek stepnoj polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya. 1983. S. 48-68. (in Russ.)

5 Vinogradov N.B. Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaural'e. Chelyabinsk, 2003. 362 s. (in Russ.)

6 Matyuschenko V.I., Sinitsyna G.V. Mogil'nik u derevni Rostovka vblizi Omska, 1988. 136 p. (in Russ.)

7 Epimahov A.V., Chechushkov I.V. K voprosu o sposobah upravleniya parokonnoi kolesnitsei bronzovogo veka. Proishozhdenie i rasprostranenie kolesnichestva. Lugansk, 2008. S. 204-210. (in Russ.)

8 Usachuk A.N. Rekonstruktsiya krepleniya drevneishih psaliev v sisteme remnei ogolov'ya loshadi: protivorechiya i perspektivy. Koni, kolesnicy i kolesnichie stepej Evrazii. Ekaterinburg-Samara-Donetsk, 2010. P. 238-291. (in Russ.)

9 Makkey J. The early Mycenaean rulers and the contemporary early Iranians of the Northeast. Traktata Minuscula. 22. Budapest, 2000. P. 1-71.

И. А. Кукушкин, В. Г. Ломан

(Сарыаркинский археологический институт,
Карагандинский государственный университет им. акад. Е. А. Букетова, Караганда, Казахстан)

ЭЛЕМЕНТЫ КОЛЕСНИЧНОГО КОМПЛЕКСА В КУРГАНАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Резюме

На рубеже III–II тыс. до н.э. боевые конные колесницы появляются в степях Евразии в среде скотоводческого населения и распространяются на огромной по протяженности территории. В погребальном обряде колесничный комплекс представлен остатками колесниц, костяками упряжных лошадей, псалиями и

оружием дистанционного и ближнего боя. Исследования крупных курганов эпохи бронзы позволили выделить три культурно-хронологических горизонта. Памятники каждого периода имеют свои характерные особенности, отразившиеся в погребальном обряде, инвентаре и керамике.

К первому культурно-хронологическому горизонту отнесены курган 1, могильника Жыланды 1; курган 1, могильника Жыланды 3, имеющих определенные аналогии с древностями ямно-афанасьевского круга.

Ко второму горизонту отнесены памятники с яркой колесничной атрибутикой, такие как могильники Ащису, Танабай, Нураталды 1. В материалах курганов зафиксированы парные захоронения лошадей, а также оружие и орудия труда, изготовленные из бронзы с применением инновационных для эпохи бронзы технологий.

Третий культурно-хронологический горизонт характеризуется материалами могильника Жыланды 4, имеющих синкретические алакульско-федоровские черты. Элементы колесничного комплекса представлены изделиями из кости и рога, входившими в конструкцию ременного оголовья лошадиной упряжи.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Центральный Казахстан, колесница, конская узда, керамика.

I. A. Kukushkin, V. G. Loman

(Saryarka Archaeological Institute,
academician E. A. Buketov Karaganda state university, Karaganda, Kazakhstan)

ELEMENTS OF THE CHARIOT COMPLEX IN THE BRONZE AGE BARROWS OF CENTRAL KAZAKHSTAN

Summary

On boundary of the III–II millennia BC fighting horse chariots appears in the steppes of Eurasia among the cattle breeding population and extends to enormous distances. In the funeral rite chariot complex is represented by the remains of chariots, skeletons of coach horses, cheek pieces and the weapon of remote and close-in fight. Researches of large barrows of the Bronze Age have allowed to allocate three cultural-chronological horizons. Sites of each period have the prominent features reflected in a funeral ceremony, stock and ceramics.

The first cultural-chronological horizon is attributed with barrow 1 of burial ground Zhylandy 1, and barrow 1 of burial ground Zhylandy 3, which have certain analogies with the antiquities of jamny-afanasyev circle.

The second horizon is attributed with bright chariot attributes sites such as burial grounds of Aschisu, Tanabaj, Nura-Taldy 1. In materials of barrows pair burial places of horses, and also the weapon and the instruments of labour made of bronze with application of innovative technologies for the Bronze Age are fixed.

The third cultural-chronological horizon is characterized by materials of a burial ground of Zhylandy 4 having syncretic alakul-fedorov features. Elements of chariot complex are represented by products from a bone and a horn, entering into the design of the belt on the horse's harness.

Keywords: Bronze Age, Central Kazakhstan, the chariot, harness, ceramics.

Поступила 10.09.2014 г.

УДК 903/904(574.5)"637"

К. М. БАЙПАКОВ, С. Ш. АКЫЛБЕК, Д. А. ВОЯКИН, С. Ж. ЖОЛДАСБАЕВ

(Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Казахстан)

ГОРОДИЩЕ СЫГНАК: МАВЗОЛЕИ

Аннотация. Проблема изучения позднесредневековых городов в Южном Казахстане имеет важное значение для истории Казахского ханства. Одним из крупных городов этого времени был Сыгнак – городище Сунак-Ата. Рядом с ним, южнее находился огромный некрополь, на котором хоронились знатные люди, ханы, султаны Казахского ханства и Государства кочевых узбеков, также и рядовое население.

Один из мавзолеев (№3), сильно разрушенный и превратившийся в оплывший бугор, был раскопан. Удалось выявить его планировку, собрать резные декоративные плиты облицовки и предварительно датировать мавзолей второй половиной XV в.

Ключевые слова: Казахское ханство, Сыгак, Сунак-Ата, некрополь, мавзолеи.

Тірек сөздер: Қазақ хандығы, Сығанақ қаласы, Сунақ-Ата, мазарат, кесенелер.

Keywords: Kazakh Khanet, Sygnak, fort Sunak-Ata, necropolis, mausoleum.

Городище Сунаката расположено на территории Кызылординской области в Жанакорганском районе, в 2 км к северо-западу от с. Сунаката, к северу от железной дороги между станциями Шиели и Тумен-арык.

Городище отождествляется с одним из крупных городов средневекового Казахстана – Сыгнаком, игравшим важную роль в исторических судьбах Караханидского и Кыпчакского государства, Акорды и Казахского ханства. Он был крупным торговым узловым центром на Великом Шелковом пути[1].

Достаточно уверенно можно предполагать, что возникновение оседлого поселения на месте городища Сунак-Ата произошло в первые века н.э., как и большинство других крупных городов региона – Туркестана, Отрара, Сауран, Сидака.

К X–XIII вв. относятся упоминания о Сыгнаке в письменных источниках как о крупном городе.

В начале XIII в. городские центры Южного Казахстана пострадали в ходе вторжения войск Чингисхана. Возрождение жизни в них относится к середине – второй половине XIII в. Несмотря на разгром монголами городской культуры Южного Казахстана, быстрее других поднялись города Отрар, Сауран, область Караспан на Арыси, Сыгнак, Сауран и в XIV в. стали центрами Ак-Орды.

Первым исследователем долины Сырдарьи был П. И. Лерх, который охарактеризовал встреченные им остатки городов, сопоставил их с данными письменных источников[2].

Одно из интересных описаний Сыгнака оставил И. А. Кастанье: «Трудно себе представить что-нибудь более грустное, чем развалины Суганака. Уже не доезжая, попадаются по дороге многочисленные обломки кирпичей, посуды, обвалившиеся стены, мавзолеи и пр. Но вот выделяется высокий курган в виде четырехугольника длиною в окружности до 100 шагов, высотою до 15 шагов. Это бывшая крепость, покрытая ныне вековым саксаулом, как и окружающие развалины. У подножия крепости проведен глубокий ров, который сообщается с арыком и следы которого видны на юго-восточной стороне крепости. Арык этот, называемый Тюмень, некогда своей влагой приносил жителям изобилие и плодородие».

[1] *Бартольд В.В.*Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения. – М., 1963. – Т. I. – С. 230; *Якубовский А.Ю.* Развалины Сыгнака (Сугнака) // Известия Государственной Академии наук материальной культуры. – Л., 1929. Т. II. С. 123-159; *Пищулина К.А.* Присырдарьинские города и их значение в истории Казахского ханства в XV–XVIII вв. – Алма-Ата. – С. 13-17; *Байпаков К.М.* Великий Шелковый путь на территории Казахстана. – Алматы, 2007. – С. 94-96.

[2] *Лерх П.И.* Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. – СПб., 1870.

После характеристики ирригации средневекового города он описал обширное кладбище с мавзолеями и «полуврытыми» в землю надгробными камнями с куфическими надписями: «Но что здесь поражает на этом обширном кладбище, это огромные размеры некоторых надгробных мавзолеев из жженого кирпича»[1].

Обстоятельное исследование развалин городища Сунак-Ата и его окрестностей выполнил А. Ю. Якубовский в 1927 г. по поручению Академии истории материальной культуры[2].

В 1947 г. Южно-Казахстанской археологической экспедицией под руководством А. Н. Бернштама были проведены работы в регионе Сырдарьи, включая Сыгнак. Результаты исследований были опубликованы, составлен топоплан городища[3].

В начале 50-х гг. XX в. Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич зафиксировали разрушение остатков мавзолея Кок-Кесене, описанного А. Ю. Якубовским. «В настоящее время, – пишут они, – остался лишь большой холм из обломков жженого кирпича и глины»[4].

В 1970 г. археологические исследования здесь проводила Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция, возглавляемая К. А. Акишевым[5].

С 2003 г. по настоящее время на городище работает археологическая экспедиция Международного казахско-турецкого Университета им. Х. А. Ясави во главе с С. Ж. Жолдасбаевым[6].

Раскопки мавзолея №3. В 2011 г. в ходе работ по изучению памятников на строящейся автотрассе Западный Китай – Западная Европа были исследованы остатки мавзолея, получившие индекс №3, расположенные севернее трассы Самара – Ташкент в Жанакурганском районе, в 500-х метрах к западу от окраины села Сунак-Ата.

Сейчас это бугор овальный в плане, вытянутый с юга на север на 35 м, с востока на запад на 20 м. Высота самой высокой точки его примерно 1,7 м. Восточная и северная части бугра частично разрушены.

На месте разрушений обнаружены обломки жженого кирпича и фрагменты керамических изделий.

На объекте был заложен раскоп размером 15х15 м. Между раскопами была оставлена бровка шириной 1 м. Вершина бровки была использована как точка репера для снятия плана раскопа.

Был снят верхний дерновой слой на глубину 20 см. При расчистке были обнаружены фрагменты жженых кирпичей различных размеров. Целых кирпичей обнаружено не было.

При снятии второго слоя стали выявляться завалы из жженых кирпичей.

В юго-западном углу раскопа была расчищена кирпичная кладка толщиной и шириной в один ряд жженого кирпича размером 25х25х5 см.

Длина кладки 1,25 м. Как выяснилось, эта кладка оказалась надмогильным сооружением.

На северной стороне раскопа был расчищен завал из жженых кирпичей. Некоторые участки завала представляют собой обвалившуюся постройку. Обнаружены целые кирпичи размером 25х25х5 см. Скорее всего, этот завал образовался в результате обрушения стен мавзолея.

В основании завала после расчистки была выделена кладка высотой в два, местами в три ряда жженых кирпичей. Остальная часть кладки была под завалом. Параллельно ей была расчищена вторая кладка аналогичная первой. Таким образом, можно было предположить, что они представляют собой остатки южной стены мавзолея.

У восточного края завала была обнаружена могила с захоронением ребенка. Трупоположение на правом боку головой на северо-запад, лицом на юг. Анатомическое расположение костей правильное. Руки сложены у живота. Костей ног не обнаружено. Можно предположить, что захоронение позднее.

---

[1] *Кастанье И.А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края. – Алматы, 2007. – С. 282-283.

[2] *Якубовский А.Ю.* Развалины Сыгнака (Сугнака). – С. 148.

[3] *Бернштам А.Н.* Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // ИАН КазССР. Серия археологическая. – Вып. 2. – Алма-Ата, 1949. – № 671. – С. 55-59, 86-87.

[4] *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. – Алма-Ата, 1958. – Т. 5. – С. 96-97.

[5] *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар. – Алма-Ата, 1972. – С. 157-160.

[6] *Жолдасбаев С.Ж.* Средневековый город Сыганак. – Туркестан, 2010.

В северной части раскопа также были выявлены завалы из жженых кирпичей с фрагментами кладок. Рядом с завалом была обнаружена кладка северо-западного угла и западной стены мавзолея. Также была зачищена портальная часть мавзолея с входом.

Восточная стена мавзолея сильно разрушена. Остатки ее также были выявлены в процессе раскопок.

В дальнейшем выявились контуры стен мавзолея. Выяснилось, что мавзолей представляет собой четырехугольное здание размером 8х10 м.

Для выяснения полной картины раскоп расширили.

В процессе расширения было расчищено еще 8 захоронений, которые располагались вне стен мавзолея. Надмогильные сооружения 5 захоронений были выложены жженными и 3 – сырцовыми кирпичами.

Западная стена мавзолея была выявлена в процессе раскопок в северо-западной части раскопа. Она сохранилась местами на высоту до 0,8 м (14 рядов кладки), длина стены 10 м, толщина около 0,8 м. В середине стена разрушена практически до основания. Возможно, в стене был проход в мавзолей. Северо-западный угол мавзолея, являющийся краем западной стены, толще самой стены. Таковыми являются все четыре угла мавзолея, откуда следует, что у мавзолея первоначально был купол.

Южная стена мавзолея была выявлена в процессе расчистки завала в центральной части раскопа. Вначале был расчищен юго-восточный угол мавзолея. Затем был выявлен юго-западный угол мавзолея. Стена имеет длину 8 м. Сохранилась кладка местами до 5 слоев. В середине, также как и у западной стены, кладка не сохранилась.

В северной стене мавзолея находился центральный портал с входом в мавзолей, ширина входа 1,2 м.

С восточной стороны мавзолея были обнаружены три захоронения, они остались нерасчищенными.

Внутренняя часть мавзолея представляет собой квадратное помещение размером 5х5 м. В нем обнаружено несколько захоронений с остатками надмогильных сооружений. С правой стороны – три захоронения. С левой стороны – два. Вскрыты два захоронения.

Захоронение № 1. Надмогильное сооружение разрушено. При расчистке ясно выделился контур могильной ямы размером 2х1 м.

По краям яма обложена сырцовыми кирпичами. Кладка, постепенно сужаясь напуском кверху, перекрывает могильную яму.

При расчистке ямы на глубине 1 м от уровня пола был обнаружен скелет человека. Трупоположение скелета на спине, головой на запад, лицом на север. Кости скелета в анатомическом порядке. Длина скелета примерно 1,7–1,75 м. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые. В процессе расчистки скелета обнаружено несколько проржавевших гвоздей. Судя по этим находкам, труп находился в гробу.

Захоронение № 2 расположено рядом к северу от захоронения №1. При расчистке выявился контур могильной ямы размерами примерно 1,6х0,8 м. При расчистке могильной ямы на глубине 0,3–0,4 м был обнаружен скелет человека длиной 1,1 м. Над скелетом обнаружены следы деревянного перекрытия, по всей видимости, остатки гроба.

Трупоположение скелета на спине, головой на запад, лицом повернут на юг. В процессе расчистки также были обнаружены несколько проржавевших гвоздей, что подтверждает предположение, что труп первоначально находился в гробу. Анатомическое расположение костей скелета правильное. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги чуть согнуты в коленях.

Рядом с захоронением №2 с северной стороны также был выявлен контур могильной ямы, размером 1х0,5 м, судя по всему, захоронение детское.

Сейчас можно предположить, что мавзолей представлял собой купольное сооружение прямоугольной формы размером 8х10 м. Он был построен из квадратного жженого кирпича 25х25х5 см. Мавзолей являлся семейным склепом, в нем было захоронено по предварительным данным 5 человек, предположительно, представители сыгнакской знати, о чем свидетельствует богатое убранство портальной части сооружения. Многочисленные изразцы были обнаружены в завалах перед порталом мавзолея.

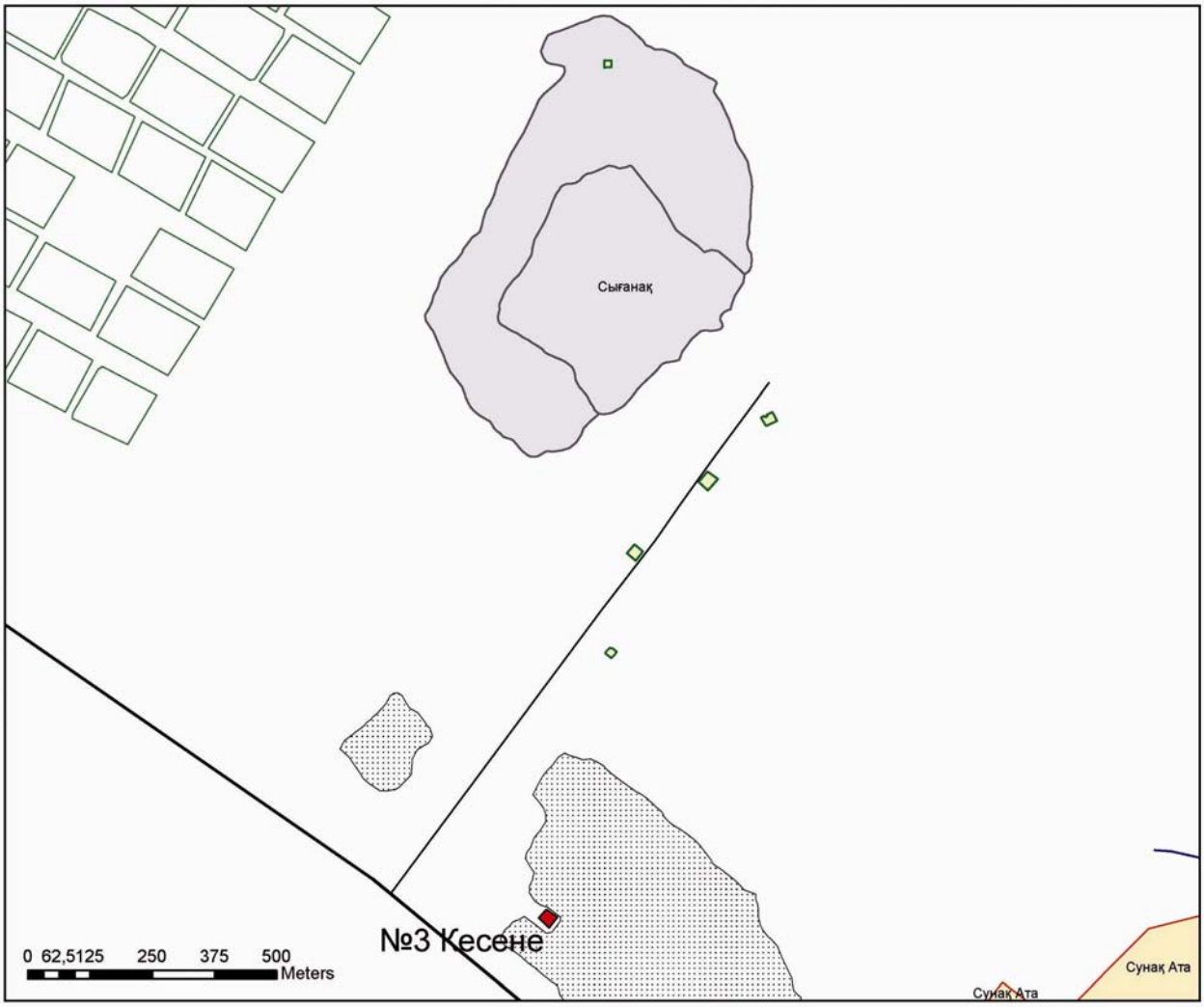

Рисунок 1 – Ситуационный план

Рисунок 2 – Раскопки мавзолея

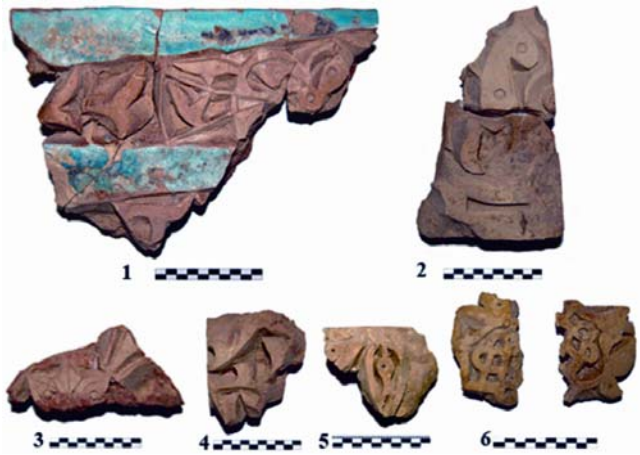

Рисунок 3 – Облицовочный кирпич
с растительным орнаментом

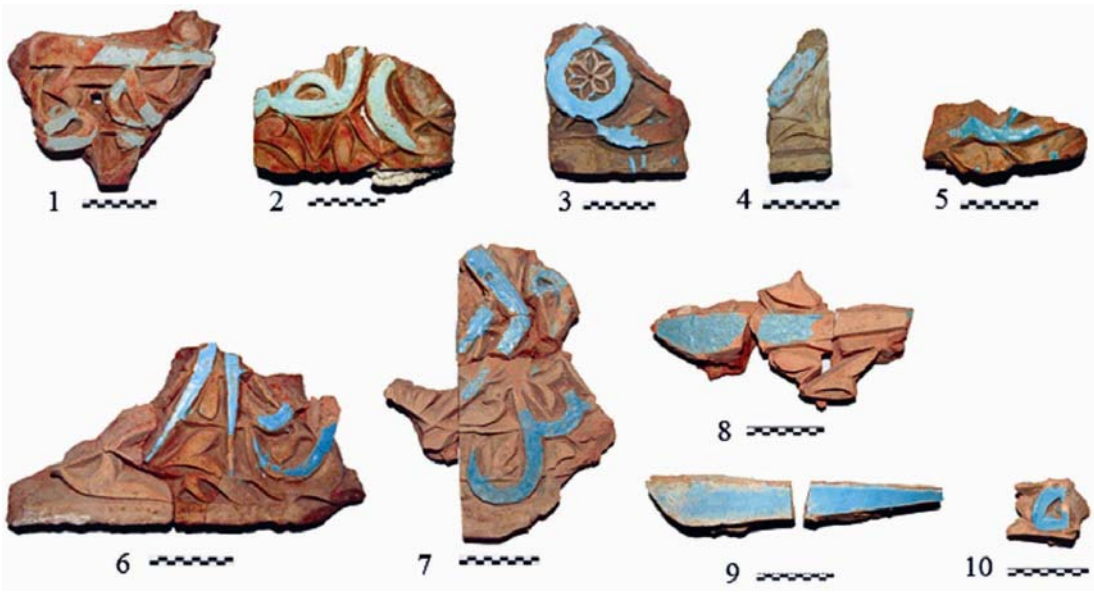

Рисунок 4 – Облицовочный кирпич с эпиграфическим орнаментом

Рисунок 5 – Облицовочный кирпич с геометрическим орнаментом

Самый распространенный материал, обнаруженный при раскопках, разрозненно, а также в виде скоплений в завалах, был жженый кирпич размером 25х25х5 см. Он являлся основным строительным материалом при возведении мавзолея. Были извлечены как фрагментарные, так и целые экземпляры.

Массовым материалом является декоративная облицовка, представленная резной терракотой, покрытая поливой. Рельефный орнамент на лицевой поверхности – растительный, геометрический и эпиграфический сверху покрыт непрозрачной голубой глазурью. Вот некоторые образцы.

Орнаментальная композиция: пояс растительного орнамента состоит из побегов с острыми листьями и бутонов полураскрывшихся цветов, в контуре из рядов штриховидных полос (расширяющихся справа налево).

Встречены композиции из растительного орнамента в виде извивающихся побегов и кругов, украшенных горошинами.

Есть орнаментальная композиция: восьмилучевая звезда (сохранилось три луча) в круге: две пары лучей листовидные, две – ромбовидные. В листовидных лучах рельефные «горошины». На поверхности узора видны следы разметки орнамента мастером.

В другой орнаментальной композиции растительный узор в виде извивающихся побегов с нависающими листьями.

Обнаружена орнаментальная композиция: сложная восмерковидная фигура в миндалевидном контуре.

Интересен орнамент в виде «узлов счастья» на фоне растительного орнамента в виде побегов с широкими листьями.

Эпиграфический орнамент представлен фрагментами арабографичной надписи почерком сульс, украшенной растительным орнаментом в виде листков и пальметок.

Интересны облицовочные плитки с рельефным орнаментом на лицевой поверхности, покрытые непрозрачной голубой глазурью.

Орнаментальная композиция: эпиграфика (часть арабской буквы) и растительный орнамент в виде остролистых извивающихся побегов.

Обнаружен фрагмент арабографичной надписи, украшенной растительным орнаментом в виде извивающихся побегов с широкими листьями.

Встречена орнаментальная композиция с узором в виде плетенки из двух рельефных полос.

Орнаментальная композиция, где геометрический орнамент из двойной рельефной линии заключен и в миндалевидный контур.

Есть орнаментальная композиция, где элементы крупной розетки в виде центрального круга, залитого синей глазурью, оконтуренной по краям бордюрами. Розетка украшена по краям растительным орнаментом из вьющихся листьев и эпиграфики.

Следует отметить, что мавзолей находится на территории огромного кладбища, где возвышались некогда многочисленные мавзолеи, среди которых наиболее известным был мавзолей Кок-Кесене. Вот как о кладбище и о нем пишет автор XVI в. Рузбихан Исфагани: «Могилы и гробницы всех ханов узбеков из шабановцев, юрты которых в старину были близки к Туркестану, находятся в самом Сыгнаке и в его округе, потому что он является окраиной благоустроенной области, в которой имеются город, городские власти, основание мечети и рынок, а по ту сторону его – обширная степь, где нет ни признака благоустройства. Признаков городов в ней совсем не существует. Поневоле, из именитых ханов Дешта гроб каждого, кому наступал час предопределенной смерти, обязательно доставляли в Сыгнак, и над могилой его воздвигали здание, похожее на купол.

Озаренная светом гробница и пречистая могила его величества хана мира, хакана времени Абул-Хайр-хана, да осветит Аллах его доказательства, расположена вне города Сыгнака, и зодчий высоких помыслов нашего ханского величества построил над могилой доброго деда очень высокое здание»[1].

Мавзолей Кок-Кесене представляет, по характеристике Г. А. Пугаченковой, парадный вариант шатрово-купольной усыпальницы. Он квадратный в плане, под ним был устроен склеп. Вход

[1] *Рузбихан ибн Исфагани Фазлаллах.* Записки бухарского гостя / Перевод, предисловие и примечание Р. П. Джаиловой / Под ред. А. К. Арендса. – М., 1976. – С. 117-118.

выделен стройным порталом и стрельчатой аркой, главный объем имеет вид квадратной призмы, переходной восьмигранник, шестнадцатигранный барабан и конический шатер.

Снаружи он был облицован цветными глазурованными кирпичами и многоцветными мозаиками. Внутри под куполом проходила арабская надпись. Композиция мавзолея восходит к традициям хорезмской архитектуры XIV в. Возможно, мавзолей связан с захоронением хана Абулхаира[1]. Абулхаир, провозглашенный ханом «кочевого государства», правил в 1428–1468 гг. Это государство, достигавшее порой огромных размеров, простиралось от Иртыша до Яки (Урала), называлось в письменных источниках «Улусом Абулхаира», «Улусом Шайбана» или «Узбекским Улусом»[2].

В 1446 г. Абулхаир подчинил себе сырдарьинские города: Сыгнак, Аркук, Сузак, Узкент и другие.

В середине 60-х годов сформировалось Казахское ханство во главе с ханами Жанибеком и Гиреем, которые вступили в борьбу с государством Абулхаира.

Абулхаир погиб в 1468 г. во время похода на Могулистан[3].

Итак, если согласиться с мнением, что Кок-Кесене является усыпальницей Абулхаира, то дату его постройки надо отнести к 60-м годам XV в. Расположенный вблизи Кок-Кесене мавзолей №3, судя по планировке, декору, видимо, относится ко второй половине XV в., сохранившим традиции архитектуры XIV в.

Безусловно, было бы важным исследование некрополя, расположенного рядом с крупным позднесредневековым городом Сыгнаком.

К. М. Байпақов, С. Ш. Ақылбек, Д. А. Воякин, С. Ш. Жолдасбаев

СЫҒАНАҚ ҚАЛАШЫ: КЕСЕНЕЛЕР

Резюме

Оңтүстік Қазақстандағы кейінгі ортағасырлық қалаларды зерттеу мәселесі Қазақ хандығының тарихы үшін маңызды. Бұл уақыттың ірі қалаларының бірі Сығнақ қаласы – Сунақ-Ата қалажұрты болған. Оның қасында, оңтүстікке таман Қазақ хандығы мен көшпелі Өзбек мемлекетінің игі жақсылары, хандары мен сұлтандары, сонымен қатар, қатардағы тұрғындары жерленген ірі мазарат болған.

Қатты бұзылып, төбеге айналған кесенелердің бірі (№3) қазылды. Оның жоспары анықталып, оюлы әшекей әрлеуіш тақталарын жиналды және кесене алдын ала XV ғ. екінші жартысына жатқызылды.

Тірек сөздер: Қазақ хандығы, Сығанақ қаласы, Сунақ-Ата, мазарат, кесенелер.

K. M. Baipakov, S. Sh. Akylbek, D. A. Voyakin, S. Zh. Zholdasbaev

THE SETTLEMENT SIGNAC: MAUSOLEUMS

Summary

The problem of late medieval towns studying in southern Kazakhstan is important for the history of the Kazakh Khanet. One of the major cities of this time was Sygnak – the Sunak-Ata fort. Next to him, to the south was a huge necropolis, where the nobles, khans, sultans and the nomadic Uzbeks of the State of Kazakh Khanet, and also ordinary people were buried.

One of the mausoleums (№ 3), badly damaged and turned into swollen mound was excavated. It was a success to identify its plan, to collect carved decorative wall plates and to date the mausoleum by the second half of the XV century.

Keywords: Kazakh Khanet, Sygnak, fort Sunak-Ata, necropolis, mausoleum.

Поступила 10.09.2014 г.

[1] *Пугаченкова Г.А.* Зодчество Центральной Азии в XV в. – Ташкент, 1976. – С. 80-81.
[2] История Казахстана. – Алматы, 1997. – Т. II. – С. 148-153.
[3] История Казахстана. – С. 327-335.

УДК 903/904 (574.5)

К. М. БАЙПАКОВ, С. М. КАСЕНОВ

(Институт археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК, Алматы, Казахстан)

РАСКОПКИ ЦИТАДЕЛИ И НЕКРОПОЛЕЙ НА ГОРОДИЩЕ КОСТОБЕ В ТАЛАССКОЙ ДОЛИНЕ

Аннотация. В статье публикуются материалы из раскопок городища Костобе, отождествляемого с крупным городом в Таласской долине Джамукатом (VI – начало XIII в.). Интересны остатки дворцового комплекса на цитадели. В постройке выделяются парадные залы, жилые покои, святилища с алтарями огня. Интерьеры парадных залов и святилищ украшены резьбой по штуку, алебастру. Сохранились остатки росписей на стенах. Дворец существовал в XI–IX вв. и в X – начале XIII в.

Рядом с центральной частью городища находились два некрополя. Погребения в них совершались в наусах, в грунтовых могилах; захоронения костей в хумах и в виде отдельных кучек. Захоронения совершены по зороастрийскому и мусульманскому обрядам. Датируются некрополи V–XI вв.

Ключевые слова: Костобе, Джамукат, цитадель, дворцовый комплекс, некрополь, металлические предметы.

Тірек сөздер: Қостөбе, Жамұқат, қамал, сарай кешені, мазарат, металды заттар.

Keywords: Talas valley, Dzhamukat, palace complex, citadel, necropolis, metal items.

Топография городища. Одним из многих средневековых городов Таласской долины был Джамукат (Хамукат).

Упоминание о Джамукате встречается у географа X в. ал-Макдиси, который сообщает, что «Джамукат – большой город, вокруг него стена, соборная мечеть в ней, а рынки в рабаде»[1]. Автор «Тарих-и Бухара» Нершахи время постройки города относит к VI в. Он пишет о том, что город был основан бухарцами, бежавшими от притеснений эмира Абруя. Их возглавлял некий Джамук (Хамук), именем которого был назван город. Известно также, что он находился рядом с Таразом[2].

В результате исследований 1985–1987 гг. городище Костобе в рамках программы «Подготовка Свода памятников истории и культуры Жамбылской области» были получены материалы, позволившие отождествить городище с городом Джамукатом»[3].

Новые данные по топографии памятника свидетельствовали о том, что к центральным развалинам примыкала ремесленная и сельскохозяйственная округа, окруженная «длинными» стенами, которые сейчас распаханы. Было установлено, что городище Костобе – одно из наиболее крупных в Таласской долине. Топография его, включая отдельно стоящий куполообразный бугор (возможно, храм огня) и некрополи, расположенные к северу за крепостной стеной шахристана, близка топографии таких городищ Шуйской долины, как Акбешим и Красная Речка, отождествляемые с остатками городов Суяб и Навакет.

Центральные развалины городища Костобе представляют собой возвышенный подпрямоугольный в плане участок (420х450 м), обнесенный по трем сторонам двойными стенами с башнями, рвом между ними за внешней стеной. С запада стены нет, ее роль выполнял канал, выведенный из Таласа, использующийся и сейчас. Стена сохранилась на высоту 3 м, со всхолмлениями башен высотой до 3,5 м. Ширина вала в основании 10–12 м и 3–4 м по верху. «Языки» башен снаружи выступают на 16–18 м. Внутрь городища вели трое ворот, от них сохранились разрывы в стенах.

Внутри этой укрепленной территории выделяются участок шахристана 1 и бугор цитадели. Квадратный в плане шахристан со стороной 150 м занимает юго-западную часть укрепления, отделен от основной части стеной с башнями на северо-западном и северо-восточном углах и по периметру. Въезд на территорию шахристана располагается в северной стене. Он был общим и для

[1] *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. – Алма-Ата, 1960. – Т. 8. – С. 81.

[2] *Бартольд В.В.* Отчет о командировке в Среднюю Азию с научной целью: Сочинения. – М., 1966. – Т. IV. – С. 34.

[3] *Байпаков К.М.* К вопросу о локализации Джамуката // «Маргулановские чтения» Сборник материалов конференции. – Алма-Ата, 1989. – С. 25-30.

цитадели. Бугор цитадели – прямоугольный в плане (70х90 м) высотой 12–15 м, примыкает к западной стене ближе к юго-западному углу. Вершина его плоская размером 30х40 м. Въезд на территорию цитадели вел через городские ворота, устроенные в северо-западной стене, по пандусу поднимался на территорию шахристана, и уже оттуда, с восточной стороны цитадели, по пандусу приводил в цитадель.

У северной стены укрепления за валом – бугор подтреугольной формы. Его северо-западная часть отделена от северо-восточной дорогой, выходящей из северных ворот городища. На ней расположены отдельные куполообразные всхолмления (некрополь 2). Дорога от северных ворот через 150 м, упирается в подпрямоугольный бугор, в топографии которого четко выделяется овальный холм размером 7х10 м и высотой 5 м, к которому с восточной и северной сторон примыкает квадратная площадка со стороной 20 м – некрополь 1. В 70 м от этого бугра, северо-восточнее, находится двухъярусный бугор, состоящий из куполообразного всхолмления высотой 15 м, диаметром в основании 80 м. Более низкая площадка, примыкающая к высокому бугру с юго-восточной стороны, квадратная со стороной 70 м. Въезд в виде промоины, располагается с южной стороны. Границы выхода культурного слоя, находки керамики прослеживаются в южной, восточной и северной направлениях в радиусе до 3–5 км. Условно он назван «храмом огня».

Отдельные всхолмления – возможно, остатки усадеб подступают к правому берегу р. Талас до современного с. Байзак и сосредоточены, видимо, вдоль древней караванной дороги, соединявшей города и поселения низовьев р. Талас с г. Нижний Барсхан (городище Тортколь), стоявшим на трассе Великого Шелкового пути.

Дворцовый комплекс на городище Костобе. Остатки цитадели городиша Костобе до раскопок представляли собой четырехугольный в плане бугор с плоской площадкой наверху. Проведенные здесь работы выявили постройки нескольких хронологических периодов. Строительство и перестройки осуществлялись поэтапно с VI по XII в. Заброшенная, цитадель позднее – с XII – конца XIII в. – использовалась под мусульманский некрополь, захоронения которого сильно повредили постройки верхнего строительного горизонта.

Рисунок 1 – Костобе. Аэрофото

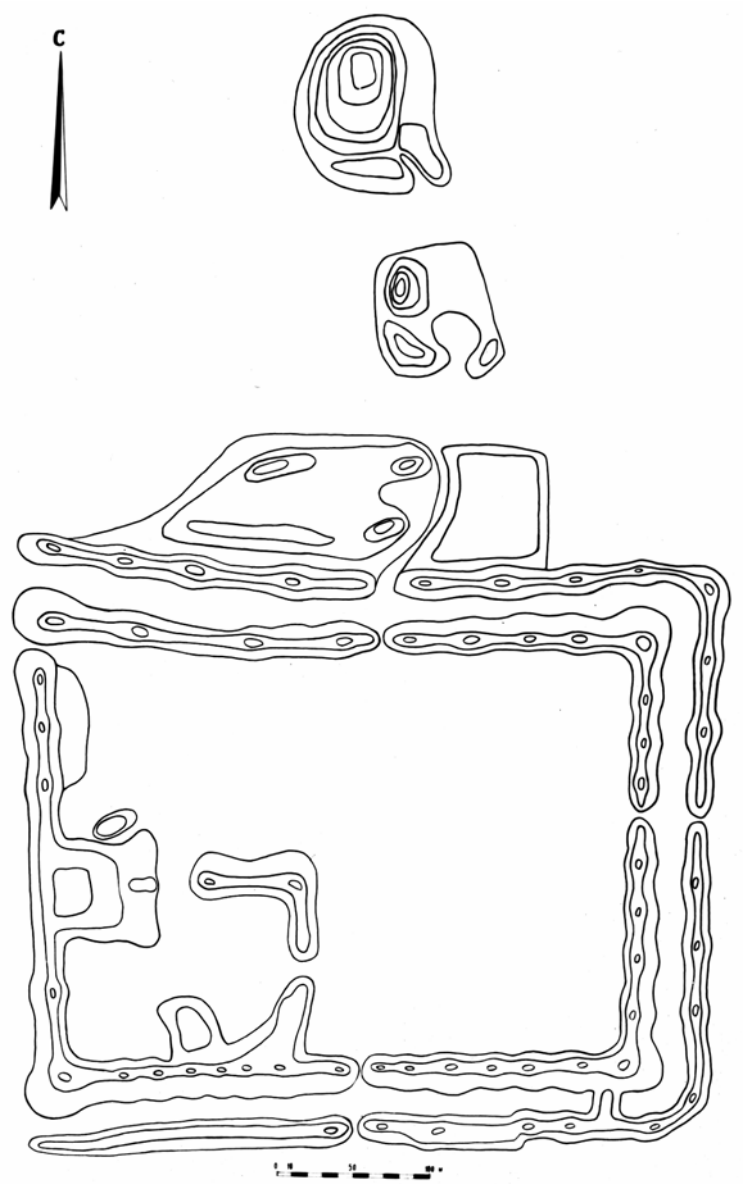

Рисунок 2 – Костобе. План

Рисунок 3 – Костобе. Фото

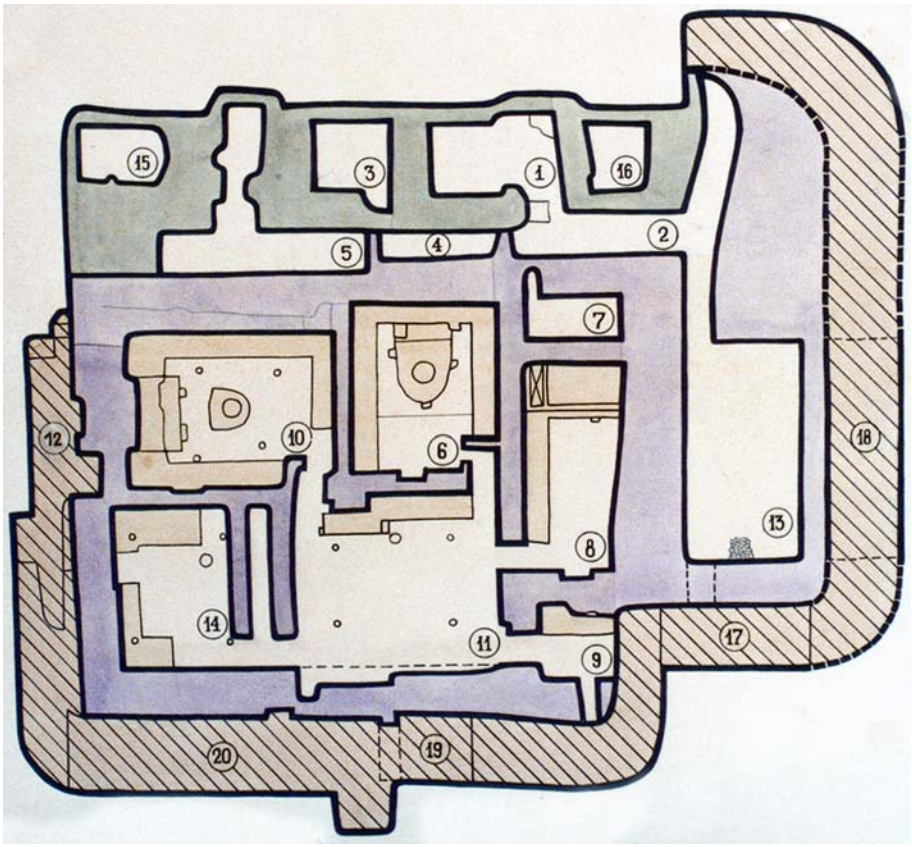

Рисунок 4 – Костобе. План раскопа цитадели

Рисунок 5 – Зал с гофрами

Первоначально же дворец представлял собой одноэтажное здание, его возведение и перестройка продолжалась с VI до начала IX в. Она велась в два этапа: VI–VIII вв., VIII–X вв. В ходе повторного строительства менялась не только планировка внутренних помещений дворца, но и месторасположение крепостных стен. Так, крепостная стена с северной стороны возводилась значительно ближе к центру дворца. На втором этапе строительства крепостная стена была сдвинута к северу, а в старой крепостной стене были вырублены помещения: 15, 3, 1, 16.

Всего расчищено 20 помещений дворца, среди которых имеются жилые комнаты, помещения культового характера, парадные (для приемов), хозяйственные, а также обводной коридор, по которому можно было обойти весь комплекс по периметру.

В качестве строительного материала использовали глину и дерево. Из глины изготавливали сырцовые кирпичи размером 30х15х7 см, 44х22х10 см. а также пахсовые блоки, различные по длине 1х1,4х1,1-1,65 м.

Большинство стен дворца сложены из сырцового кирпича кладкой «вперевязку» на глиняном растворе, и только одна стена дворцового двора возведена из пахсовых блоков. Стены помещений покрыты глиняной штукатуркой в несколько слоев, полы ровные, обмазаны глиняным раствором.

Из дерева вытесывали колонны, дверные полотнища, косяки, пороги, а также возводили перекрытия над помещениями. На это указывают остатки древесной трухи в углублениях от баз колонн, на местах порогов; в восточной части дворца обнаружен фрагмент деревянного перекрытия.

Часть перекрытий над большими помещениями «дарвазного» типа, на это указывают углубления в полу от баз колонн. Другая часть помещений имеет балочное перекрытие: над маленькими комнатами и над обводным коридором.

Парадные и культовые помещения Костобе имели богатый и разнообразный декор: резной штук по толстому слою глиняной штукатурки, архитектурные детали, выполненные из алебастра, росписи. Резьба по глине раскрашена разноцветными красками.

Центральным в архитектурном комплексе являлось прямоугольное помещение 11 размером 9,5х8,2 м. Здесь пересекались основные пути движения по дворцу, сюда сходились выходы из парадных и культовых залов.

Углубления от баз колонн указывают на наличие здесь «дарвазного» перекрытия. Выявлено четыре углубления диаметром около 60 см в полу зала, ближе к центру: колонны были весьма внушительными, а высота помещения, судя по диаметру колонн, предположительно, более 3 м.

Юго-восточный дверной проем зала вел в небольшое помещение 9 (3,84х3,7 м). Северная часть комнаты была занята суфой, шириной 1,15 м, над которой располагался внутристенный камин. В южной стене сохранился узкий выход, по-видимому, в обводной коридор. Основной выход из помещения довольно широкий – 1,3 м.

Еще один дверной проем в восточной стене распределительного зала вел в парадный зал 8. Он условно назван «зал с гофрами». Зал был украшен резьбой и росписями на стенах. Помещение размером 8,82х4,35 м вытянуто по оси север – юг.

С востока к залу с гофрами примыкал дворик 13 размером 10х5,45 м. Он протянут по оси север – юг и имеет в северо-западном углу проем шириной 1,62 м, ведущий в северные помещения дворца. Стена, разделяющая парадный зал и дворцовый двор, имеют ширину от 2,25 до 2,55 м. С юга и востока двор обрамлял обводной коридор. В юго-западном углу находился проем, ведущий к обводному коридору. Восточная стена дворцового двора толщиной 1 м сложена, в отличие от других стен, из пахсовых блоков. У южной стены находилась груда булыжников. Они, видимо, предназначались для камнеметной машины. Наличие камней подтверждает, что помещение не имело перекрытия и являлось именно двором дворца. Логичным представляется и возможное расположение камнеметной машины в восточной части двора, поскольку именно на этой стороне находился главный вход во дворец, и здесь была необходима дополнительная надежная защита дворца.

Особое положение во дворце занимали культовые помещения 6 и 10, расположенные северо-западнее и севернее центрального зала. В них размещались алтари огня. В помещения вели северные дверные проемы распределительного зала. Вдоль трех стен культового зала 6 (размером 7,8х5,7 м), кроме южной, устроены суфы. Ближе к центру располагается большая полукруглая суфа-эстрада со ступеньками, примыкающая торцом к северной суфе.

В центре суфы-эстрады – алтарь диаметром 1,3 м. Стены парадного культового зала были украшены резьбой по штуку.

Второй культовый зал 10 (размером 7,65х5,9 м) располагался с северо-запада от центрального распределительного зала, и также имел в центре полукруглую суфу-эстраду с очагом в середине, однако она гораздо меньших размеров и отдельно стоящая. Вдоль всех стен имелись суфы, западная – самая широкая, двухъярусная со ступеньками. Следов какого-либо декора здесь не отмечено. По-видимому, в главном культовом зале отмечались особо торжественные религиозные праздники, в другом, отправлялись рядовые обряды.

По остальным признакам культовые залы сходны между собой. Так, идентично решены оба входных проема в залы: вытянуты по оси север-юг, располагаются в юго-восточных углах помещений и имеют выход налево. В полу помещений сохранились углубления от баз колонн, свидетельствующие о перекрытии «дарвази» с наличием опор.

Таким образом, дворцовый ансамбль на Костобе включал храмовый комплекс из двух помещений-святилищ. Если искать аналогии, то таким же образом был устроен культовый комплекс замка-дворца на цитадели городища Канка III в. до н.э. – XII в. н.э. в Ташкентском оазисе[1].

Цитадель Канки представляет собой возведенный по единому архитектурно-планировочному замыслу замок-дворец с выступающими за линию стен четырьмя прямоугольными башнями с крытой обводной галереей. Внутрь дворца вел коленчатой формы «приемник», имеющий два очага на некотором расстоянии один от другого. Очаги были устроены таким образом, что мимо огня проходил каждый входящий в цитадель[2].

На территории шахристана III в жилом комплексе вскрыто еще одно культовое помещение с алтарем[3].

Цитадель Ак-тепа Юнусабадская в Ташкентском оазисе также включала храмовый комплекс. Впоследствии исследователи выдвинули гипотезу, что храмовый комплекс Ак-тепа объединяет три помещения[4]. Центральное купольное здание было храмом-мавзолеем, а остальные помещения были составными частями храмового комплекса, основное место в котором занимало святилище огня. Последний период функционирования комплекса датируется VIII в. Планировка помещения святилища Ак-тепа сходна с парадным культовым залом Костобе: та же стенка-экран, создающая небольшой тамбур при входе, такие же суфы вдоль трех стен, а главное – в центре помещения аналогичный напольный очаг-алтарь с закруглением, углублением в центре для огня. Оба помещения ориентированы по оси юг-север, оба входа расположены в юго-восточном углу[5].

В научной литературе описаны случаи, когда во дворцово-замковой архитектуре важная роль отводилась культовой зоне, включавшей одно или несколько помещений, образовывавших собой храмовый комплекс. Так, например, в жилой усадьбе Кайрагач юго-западной Ферганы культовая зона была выделена в храмовый комплекс, образованный тремя помещениями. Памятник датируется концом IV–VI в. Это более раннее сооружение, чем костобинский дворец, но уже здесь наблюдается четкое разграничение помещений по функциональным зонам[6].

В связи с изучением храмовых комплексов во дворцах интересны исследования Ю. Ф. Бурякова и Г. И. Богомолова на цитадели городища Канка в Ташкентском оазисе.

Показательно, что во дворце Топрак-кала в Хорезме у входов в тронный зал также находились два очага культового назначения, расположенные в непосредственной близости от входящих в зал. В обоих случаях огню приписывали очистительные свойства. Возможно, что узкий проход между очагом-алтарем и суфой в культовых залах Костобе имел ту же цель: близость огня должна была «очистить» посетителей от злого умысла и от скверны.

Святилища с алтарями были открыты и на других памятниках – городище Минг-Урюк в Ташкентском оазисе с культовым помещением, имеющим очаг подковообразной формы, городище Ак-тепа Юнусабадское. Исследователи считают, что широкое распространение в V–VIII вв. по

[1] *Буряков Ю.Ф., Богомолов Г.И.* К планировке и архитектуре раннесредневекового Хараджкета // Градостроительство и архитектура. – Ташкент, 1989. – С. 66. – Рис. 14.

[2] *Буряков Ю.Ф., Богомолов Г.И.* К планировке и архитектуре раннесредневекового Хараджкета. – С. 63-64. – Рис. 1, *2.*

[3] *Буряков Ю.Ф., Богомолов Г.И.* К планировке и архитектуре раннесредневекового Хараджкета. – С. 69. – Рис. 5.

[4] *Нильсен В.А.* Архитектура Средней Азии. – Ташкент, 1966. – С. 98, 104, 108-109, 132. – Табл. IV.

[5] *Филанович М.И.* Ташкент: Зарождение и развитие города и городской культуры. – Ташкент, 1983. – С. 199. – Табл. IV.

[6] *Брыкина Г.А.* Юго-Западная Фергана в первой половине 1 тыс. до н.э. – М., 1982. – С. 36, 46. – Рис. 21.

Рисунок 6 – Святилище с алтарем

Рисунок 7 – Детали интерьера святилища

всей территории Средней Азии подковообразных алтарей и устойчивость этого приема в течение нескольких веков были бы невозможны без глубоких, устоявшихся традиций. Авторы предполагают, что традиции эти связаны с выделением культовых ниш, перед которыми возжигался огонь. На их взгляд, взаимосвязь алтарного подиума и ниши настолько тесна, что подиум перенимает форму арочной ниши, имитируя перевернутую культовую арку. По их наблюдениям,

на долгое время сохранилась также закономерность возведения суф в культовом помещении вдоль стен, исключая стену с нишей[1].

Это в полной мере подтверждается и на Костобе: в парадном культовом зале вдоль всех стен, кроме стены с нишей, устроены суфы; культовые ниши фланкировались декоративными колонками; вход в помещение осуществлялся через тамбур.

Центральную группу больших залов во дворце Костобе замыкает помещение 14, расположенное южнее второго культового зала и западнее центрального распределительного зала. Оно является крайним юго-западным помещением (7,4х5,5 м), в котором имеются две суфы: одна Г-образная в юго-западном углу, вторая – у северной стены.

Во дворце имелась еще одна группа помещений – периферийная. Располагаясь рядом с крепостной стеной, она в первую очередь подвергалась ремонтам, перестройкам, переоборудованию. За время существования дворца эти помещения не один раз меняли свой облик и назначение.

На первом этапе жизни дворца помещения 5, 4 и 2 являлись частью обходного коридора. В дальнейшем, когда дворец стал расширяться, северный участок крепостной стены выстроили заново, а в толще старой стены прорубили помещения 15, 3, 1, 16. Соответственно, участок старого обходного коридора замкнули в двух местах стенками, образовав тем самым три вытянутых помещения. Глядя на план, можно заметить, что все вновь образованные из стены и из коридора помещения одинаковы по ширине (из стены – все одной ширины, из коридора – все другой ширины), что подтверждает версию их образования.

Самое крупное в периферийной группе помещение 1 – трапециевидное в плане. Длина его 5,8 м, ширина 3,35–4,3 м. Это жилая комната: в северо-восточном углу ее находится напольный очаг, у южной стены рядом с входным проемом сохранился фрагмент разрушенной суфы.

Помещение 1 смежное с помещением 2 (9,76х2,1 м), которое представляет собой хозяйственно-бытовую комнату. Оба эти помещения через коридор связаны с двором дворца.

В дворцовых комплексах, как правило, уделялось повышенное внимание коридору – его удобной конфигурации, прочности стен, надежности перекрытия, а также внутренней отделке. Нередко стены коридоров украшались резным штуком, росписями. Так, например, на городище Калаи Кафирниган (Таджикистан) в районе шахристана был обнаружен большой комплекс монументальных построек (предполагается, что первоначально комплекс имел культовое назначение). Обводной коридор центральной постройки комплекса был украшен резными деревянными панно, плахами и балками. В углу коридора была установлена резная деревянная колонна. Среди мотивов резьбы выделяются изображение стилизованной птицы, виноградная лоза, многолепестковые розетки[2].

Остановимся на общем композиционном решении и графической реконструкции дворца правителя на городище Костобе. Учитывая, что он был возведен на высокой платформе со стороны города, то можно было видеть лишь мощные крепостные стены, скрывающие дворец и его обитателей.

Казалось бы, одноэтажное здание предполагает одну высоту всего сооружения. Однако сохранившиеся руины стен в центральных помещениях значительно выше по сравнению с невысокими стенами вспомогательных помещений, что дает возможность предполагать разновысотность помещений. То есть, все залы с учетом отводимой им роли были разновысотными, что создавало снаружи очень интересную панораму объемов. Все помещения дворца были скомпонованы по высоте как бы в три яруса. Самое высокое и респектабельное помещение комплекса – распределительный зал – первый верхний ярус, затем вокруг него расположился полукольцом второй ярус более низких залов, и третьим ярусом примкнули с севера периферийные помещения. Верхние два яруса помещений венчались бревенчатыми «дарвази», вокруг которых кровля имела некоторый скат. Самый большой из них располагался над распределительным залом, остальные четыре – скромнее и уровнем пониже. Таким приемом разбивки высот по ярусам создавалась оригинальная композиция всего комплекса.

---

[1] *Филанович М.И.* Ташкент: Зарождение и развитие города и городской культуры. С. 110; *Буряков Ю.Ф.* Цитадель // Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. – Ташкент, 1990. – С. 9. – Рис. 3.

[2] *Литвинский Б.А.* Калаи-Кафирниган (раскопки 1975 г.) // Археологические раскопки в Таджикистане. – Душанбе, 1980. – С. 121-124. – Рис. 1, *2.*

Некрополи. Исследования, которые проводились на некрополях 1 и 2, показали, что большинство захоронений на них совершалось в наусах – прямоугольной и квадратной формы погребальных постройках из сырцового кирпича.

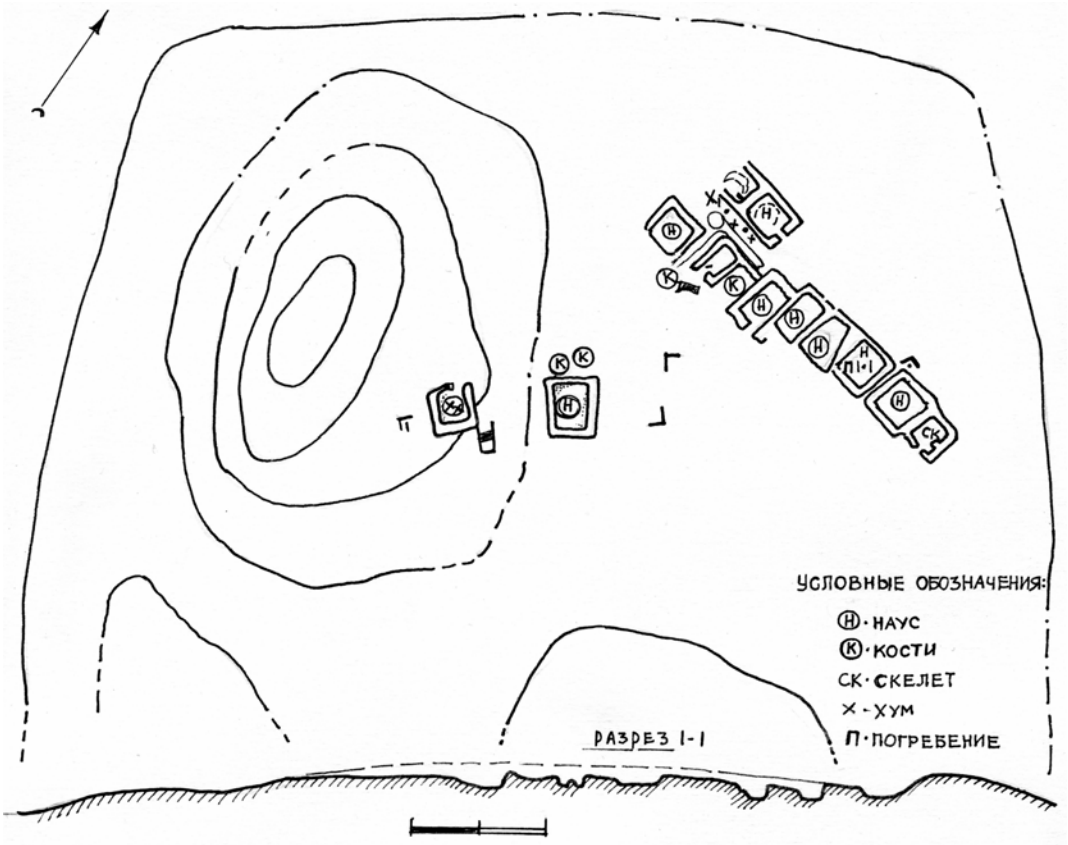

Рисунок 8 – Некрополь. План

Рисунок 9 – Некрополь. Раскопки

Некрополь I расположен в 500 м севернее центральных развалин Костобе и представляет собой отдельный бугор подпрямоугольной в плане формы. Размер его в основании 80х80 м. В топографии бугра прослеживается более высокая западная часть, имеющая вид овала в плане всхолмление длиной 35 м, шириной 25 м и высотой 5 м. Центральная часть бугра имеет понижение в виде дворика. Въезд во дворик представляет собой овальный скат в южной части бугра.

Погребальные конструкции, раскопанные в северо-восточной части холма, выглядят следующим образом: в расположении наусов наблюдается определенная закономерность – они расположены на одной линии: юго-запад и северо-восток, вплотную примыкая друг к другу, имеют общие стены. Пространство между конструкциями заполнено утрамбованной глиной или же стены плотно примыкают одна к другой.

Общим для первого ряда наусов является ориентация самих погребальных конструкции с юго-запада на северо-восток.

Вторая линия наусов выявлена с северо-восточной стороны некрополя. В первой линии, ближе к краю, раскопаны два науса, которые сохранились очень плохо. Наусы образовывают подобие своеобразного полукруга с двориком в центре.

Раскопки городского некрополя позволили выяснить несколько типов захоронений.

Основную часть их составляли коллективные погребения в наусах из сырцового кирпича размерами: 42–44х20х8 см. Размеры наусов различные: квадратные: 3,3х3,4 м, 3,9х3,8 м, 3,5х3,5 м; прямоугольные: 2,7х4 м, 2,5х3,7 м. Всего расчищен 21 наус. Каждый из них является групповой усыпальницей, в которой похоронено от 3 до 20 человек.

При каждом новом погребении кости или полуразложившиеся части предшествующих покойников сдвигались в сторону, некоторые наусы к тому же неоднократно грабились. Поэтому положение костей самое невероятное, как и различное количество самих костей.

В тех же наусах, которые не разграблены, скелеты лежат рядом один к другому, иногда в два и три слоя. Скелеты ориентированы головой к входам, которые ориентированы во двор. Как правило, погребенные положены на спину в вытянутом положении.

Полы некоторых наусов выложены в один ряд сырцовым кирпичом и покрыты глиняной обмазкой, либо полом служит только обмазка.

Второй тип захоронения хумные – это кости, сложенные в хум с отверстием у дна. Найдено 7 хумов. Все они находились в северной части некрополя в проходе между двумя рядами наусов. Хумы различного размера, высотой от 0,5 м до 1 м. Сверху они перекрывались плоскими каменными плитами. В хумах находились неполные костяки людей, череп и длинные кости. В некоторых из хумов вместе с костями были положены украшения: серьги, кольца.

Еще один тип захоронений представлен кучками костей в ямах. Такие кучки расположены бессистемно на всей территории некрополя между наусами на свободных участках.

На некрополе встречены захоронения в грунтовых могилах, от которых сохранились костяки. Иногда кости ног расположены ромбом – «поза всадника».

Интерес представляют мусульманские захоронения в склепах, обложенных по краю прямоугольной оградкой из сырцовых кирпичей и перекрытых сырцовыми кирпичами, положенными «шалашиком». Погребенные в могилах лежат на спине головой на северо-запад, лицом на юго-запад. Все они без инвентаря. Два таких погребения перекрывают наусы сверху, три находятся в коридорах между наусами, в одном из погребений найден череп коня.

Захоронения в наусах.

Науc 1 ориентирован углами по странам света. Его длинные стороны равны 2,7 м, короткие – 0,5 м. Стены науса сложены из сырцового кирпича размером 48–50х24х8 и 26х8-10х5 см. Кирпич положен рядами «ложком» и «тычком». На полу, выложенном сырцовым кирпичом того же формата, был расчищен одиночный скелет, ориентированный головой на северо-восток. Сохранность костяка плохая, сохранились череп и кости верхней половины туловища. Сопровождающий инвентарь представлен кувшинчиками ручной лепки, поясной бляшкой и серьгой. Под полом расчищен еще один костяк, ориентированный головой на восток. Сохранился череп, верхние позвонки, плечевая и локтевая кости левой руки и длинные кости правой ноги. Погребенный был захоронен в другом наусе, более нижнем (раннем), судя по тому, что череп уходил под основание северо-восточной стены науса.

Рисунок 10 – Захоронения в наусе

Наус 2 – прямоугольное сооружение из кирпича размером 47х27х10 см. Размеры науса 3х1,7 м, высота стен – 0,6 м. Способы кладки кирпича – «ложком», «тычком» на глиняном растворе. В центральной части науса в боковой стенке кирпич уложен в 5 рядов. Стенки науса не обмазывались глиняным раствором.

Пол выложен кирпичом, который хорошо фиксируется, обмазки нет. Кирпич размером 46х23х8 см. Вход расположен с юго-западной стороны, вплотную к западному углу. Его ширина 0,8 м.

Выход забутован кусками кирпича, плотной глиняной массой. В заполнении науса обнаружены обломки глины и кирпича, остатки со временем разрушившегося свода. После полной расчистки науса обнаружены человеческие кости. Наус был ограблен. Кости 10 погребенных были разбросаны. Об ориентировке погребенных данные отсутствуют.

Из погребального инвентаря обнаружено 2 бронзовых колечка. В заполнении науса найдена пластинка длиной 1 см и толщиной 2 мм, обломки серьги.

Наус 3 размером 2х0,8 м, высота стенок 0,4 м. Вход с юго-западной стороны шириной 0,5 м, заложен кирпичом. По линии юго-запад – северо-восток обе стенки науса имеют небольшие бортики и хорошо фиксируемый ряд кирпича. Бортик юго-восточной стенки к краю науса немного приподнят относительно горизонтальной поверхности стены науса. Толщина стенок – 0,7 м, юго-восточная стенка тоньше – 0,45 м. Наус ограблен, кости выброшены.

Наус 4 размером 2х0,95 м, высотой 0,35 м. Толщина стенок разная: юго-западная – 0,95 м, северо-восточная – 0,7 м, северо-западная – 0,66 м, юго-восточная – 0,25 м. Ширина входа – 0,95 м, он заложен кирпичом. Стены сложены из сырцового кирпича размером 45х18х10 см. Кладка состоит из двух рядов сырцового кирпича. Пол фиксируется на глубине 0,35 м, выложен кирпичом в один слой. В заполнении среди обломков кирпичей обнаружены останки погребенных: 4 скелета, ориентированных головой на юго-запад.

Найдены бронзовая трубка длиной 4 см, диаметром 1 см, пастовая бусина, 2 серебряные серьги, бронзовая серьга, фигурка.

Наус 5 размером 2,3х1,3 м, ориентирован на юго-запад – северо-восток. Пол фиксируется на глубине 0,65 м. Толщина северо-западной и юго-восточной стен 0,8 м, юго-западной – 0,47 см, северо-восточной – 1 м. Размер кирпича 43х22х8 см. Вход шириной 0,8 м находился в юго-западной стене. Найдены останки 4 погребенных.

Рисунок 11 – Захоронения в наусе

Наус 6. Погребальная постройка представляет собой подквадратное в плане строение размером 2,8х2,5 м, ориентированное по линии юго-запад – северо-восток. Толщина стен разная: северо-западная – 1,8 м, северо-восточная – 0,5 м, юго-западная – 0,75 м, юго-восточная – 0,7 м. Вход расположен в юго-западной стенке шириной 0,5 м. Высота стенок от пола 0,35 м. Наус разрушен в результате ограбления, кости разбросаны. Судя по остаткам черепных коробок, в наусе были погребены 5 человек. Обнаружены позвонки и зубы детского скелета. Кости плохой сохранности. Об ориентировке погребенных судить невозможно.

В западном углу на уровне пола найдена бронзовая сережка, аналогичная серьга находилась в юго-западном углу. В центре науса найдены серебряные серьги.

Наус 7 расположен во второй линии к северо-востоку от науса 3. Прямоугольное сооружение размером 2,9х1,9 м из сырцового кирпича, ориентированное с северо-запада на юго-восток. Толщина стенок 0,6 м, высота – 0,5 м. Конструкция расположена на окраине возвышения, сильно разрушена, стенки фиксируются с трудом. В заполнении из рыхлого грунта кости отсутствуют.

Наус 8 находится к северо-западу от науса 7. Это прямоугольное сооружение размером 1,9х2,2 м, ориентированное с северо-запада на юго-восток, стенки фиксируются с трудом. Сильно разрушен. В заполнении – рыхлый грунт вперемешку с обломками сырцового кирпича. Кости погребенного отсутствуют. В юго-восточном углу обнаружена нижняя часть хума с останками погребенного. Верхняя часть хума разрушена. Сохранность костей плохая, инвентарь не найден. Видимо, хум был поставлен в наус позже.

Наус 9 располагается юго-западнее науса 4. Размером приблизительно 3х2,5 м, стенки разрушены. На глубине 0,45 м обнаружены скелеты. Кости разбросаны на уровне пола. Судя по останкам, было захоронено 4 человека. У северо-восточной стенки найден сосуд.

Наус 10 находится в первом ряду между 1 и 6 наусами. Прямоугольное сооружение размером 2,6х2,4 м, ориентировано по оси северо-восток – юго-запад. Для строительства использован сырцовый кирпич размерами 45х22х9 и 47х23х8 см, кладка на глиняном растворе. В кладке ряды кирпича чередуются «ложком» и «тычком». Вход шириной 0,95 м расположен в юго-западной стенке. Толщина стенок: северо-восточная и юго-восточная – 0,45 м, юго-западная и северо-западная – 0,7 м, высота – 0,5 м. Пол хорошо утрамбован. В заполнении – оплывшая глина, обломки кирпичей, останки погребенных – всего 7 скелетов – разбросанных по полу. У северо-западной стенки кости погребенных лежат в анатомическом порядке, по расположению которых наблюдается юго-западная ориентация, при этом прослежено, что скелеты головой обращены к стенке, в которой расположен выход. Большая часть костей разбросана по всему полу.

Здесь найдены бронзовые серьги, согнутые в колечко диаметром 18 мм, 2 бусины из пасты черного и красного цвета.

Наус 11 расположен к северо-западу от науса 3. Это прямоугольное сооружение размером 2,2х2,2 м из сырцового кирпича на глиняном растворе. Толщина стенок разная: северо-западная – 0,7 м, северо-восточная – 0,65 м, юго-восточная – 0,5 м, юго-западная – 0,8 м. Выход с юго-западной стороны шириной 0,6 м, высота науса 0,22 м. Наус заполнен оплывшей глиной, обломками глиняного кирпича, наус ограблен. На уровне пола в беспорядке разбросаны кости погребенных. Судя по останкам, было захоронено 4 человека. Вещевой материал отсутствует.

Наус 12 находится на юго-западной окраине некрополя. Сооружение размером 2,4х2 м, ориентированное с северо-запада на юго-восток. Выход ориентирован на северо-восток, ориентировка погребенных восточная. Стенки погребальной конструкции сложены из кирпича, скрепленного глиняным раствором. Стенки выложены по принципу чередования рядов кирпича «ложком» и «тычком». Пол фиксируется на глубине 0,5 м. Останки 6 погребенных расположены на полу, ориентировка – головой на восток с небольшим отклонением к северу на 20°. Выход шириной 0,7 м расположен с восточной стороны.

Сохранность погребенных в данном наусе позволяет проследить «очередность» положения скелетов: тазовая кость второго погребенного лежит на локтевой трубчатой кости первого, на скелете 4 находятся кости скелета 5. В центральной части науса также прослеживается положение костей, вполне вероятно, что здесь наблюдается дополнительное захоронение, судя по положению одних останков. В наусе обнаружены бронзовые сережки, свернутые в колечко.

Наус 13. Сооружение ориентировано по оси северо-восток – юго-запад. Выход находится в южном углу шириной 0,75 м, толщина стенки 0,7 м. Размеры кирпича 48х23х10 см. Размер сооружения 2,4х1,2 м. На глубине 45 см на уровне пола обнаружены 4 скелета, лежащие в анатомическом порядке. Головой ориентированы на юго-запад, лежат вытянуто на спине лицом вверх, руки и ноги вытянуты. Длина скелетов 2 и 3 – 1,6 м, 1 и 4 – 1,65 м, 1 и 2 скелет лежат друг на друге.

Наус 14 расположен в 5,8 м северо-западнее науса 12. Прямоугольное сооружение размером 3х1,8 м, вытянуто по линии север – юг. Высота стенок 0,8 м, толщина стенок разная: северной – 0,35 м, западной – 0,65 м, восточной – 0,2 м, южной – 0,4 м. Размеры кирпича 40х20х10 см. Выход шириной 0,7 м в юго-восточной стене. В заполнении науса оплывшая глина, обломки кирпичей. Останки погребенных (всего 4 скелета) находятся на полу. Частичная сохранность костей позволяет судить о южной ориентировке погребенных, лицом вверх. На костях зеленые пятна окиси меди. Вещевой инвентарь отсутствует.

Наус 15 ориентирован с северо-востока на юго-запад, его размеры: 2,25х1,9 м. Стенки науса сложены из сырцового кирпича, сохранившаяся высота – 0,29 м. Вход расположен в северо-восточной стене вплотную к восточному углу. Ширина его 0,68 м, заполнен обломками кирпичей.

После полной расчистки обнаружены остатки 4 человеческих скелетов. Кости погребенных находились в анатомическом порядке и ориентированы головой на северо-восток.

Скелет 1 – сохранились кости челюсти, берцовая и лучевая кости. Судя по положению костей, руки и ноги были вытянуты.

Скелет 2 лежал на спине лицом вверх, руки и ноги вытянуты. Длина костяка – 1,51 м. Судя по находкам, скелет – женский. При расчистке в области левого плеча были обнаружены бронзовые серьги, согнутые в колечко диаметром 2,5 см, и серебряные серьги диаметром 3 см. На левом запястье руки найден железный браслет диаметром 7 см, толщиной 0,5 см, и 8 бусин. Бусины выполнены из различного материала – 4 из стекла серовато-голубого цвета бочкообразной формы, 4 – пастовые разной формы.

Скелет 3 лежал на спине, лицо обращено на юго-восток. Длина костяка 1,55 м, руки и ноги вытянуты. В области правого плеча найдено бронзовое дисковидное зеркало, в центре обратной стороны имеется втульчатый шпенек с отверстием для подвешивания. В области груди находилось ожерелье из бус: 7 из пасты, бочкообразной формы, 2 – из мелких ракушек, 3 бусины конусовидной и трубчатой формы из синего стекла разных оттенков. Одна бусина изготовлена из камня.

Скелет 4 лежит на спине вытянуто, лицом вверх. Длина костяка 1,6 м.

Наус 16 расположен к юго-востоку от науса 15. Это прямоугольное сооружение размером 1,85х0,53 м из сырцового кирпича, кладка на глиняном растворе. Толщина стенок разная: северо-

восточная – 0,33 м, юго-восточная – 0,55 м, северо-западная – 0,21 м, юго-западная – 0,5 м, сохранившаяся высота стенок науса – 0,37 м. Вход шириной 0,5 м расположен в северо-восточной стороне, забутован оплывшей глиной, обломками сырцового кирпича. Вещевой материал в наусе отсутствует.

Наус 17 находится юго-восточнее науса 16 и представляет собой прямоугольное сооружение размером 2,25х1,7 м. Стенки погребальной конструкции выложены из сырцового кирпича размером 30х19х10 см. Хорошо сохранилось сводчатое перекрытие. Оно состоит из двух слоев кирпичей размерами 32х20х9 см. Высота сводчатого перекрытия до уровня пола – 0,9 м. Толщина стенок: северо-западной – 0,45 м, юго-восточной – 0,65 м, юго-западной – 0,4 м. Вход шириной 0,6 м расположен в северо-восточной стороне, забутован обломками кирпичей. Кости погребенных разбросаны.

Наус 18 – прямоугольное сооружение размером 2,27х2,47 м, находится юго-восточнее науса 17. Высота науса 0,3 м, толщина стенок 0,7 м. Вход шириной 0,55 м расположен северо-восточной стенке. Пол хорошо утрамбован глиной. В заполнении науса оплывшая глина, обломки кирпичей. Останки четырех погребенных разбросаны по полу.

Наус 19 ориентирован с северо-востока на юго-запад. Размеры науса 3х1,2 м. Стены науса сложены из сырцового кирпича размером 35х14х8 см. Сохранившаяся высота стен 0,7 м. Вход расположен в северо-восточной стене, шириной 0,6 м, заполнен обломками кирпичей. После расчистки науса обнаружены человеческие останки, кости разбросаны. Судя по черепным коробкам, в наусе были погребены 14 человек, в т.ч. 4 черепа – детские.

При расчистке науса найдены: серебряный нательный крест длиной 3,5 см, толщиной 0,6 см, бронзовая фигурка петуха высотой 2,6 см, бронзовый бубенчик и остатки ткани; шесть бронзовых серег и одна серебряная; бронзовый гвоздь; стеклянная бусина серовато-голубого цвета бочкообразной формы.

Наус 20 находится во втором ряду, в южнее науса 17. Это прямоугольное сооружение размером 2,8х2 м из сырцового кирпича на глиняном растворе. Толщина стен 0,5 м. Выход не прослежен. Высота северо-восточной стены науса 1 м, юго-западной и северо-западной – 0,7 м. Заполнение науса – оплывшая глина и обломки сырцовых кирпичей. Наус расчищен до уровня пола, где обнаружены останки 3-х человеческих скелетов, ориентированных головой на юго-восток. Вещевой материал не обнаружен.

Скелет 1 лежит вытянуто на спине лицом вверх, длина скелета 1,6 м.

Скелет 2 лежит в вытянутом положении на спине лицом на юго-запад, длина – 1,5 м.

Скелет 3 лежит в вытянутом положении на спине, лицом вверх. Руки вытянуты вдоль туловища.

Наус 21 расположен к юго-востоку от науса 20. Уровень пола ниже на 0,5 м соседнего науса 20. Размеры науса 4,1х1,1 м, вытянут по линии северо-запад – юго-восток. На уровне пола расчищены кости погребенных, они разбросаны. Судя по остаткам черепных коробок, в наусе погребены 21 человек. Из вещей обнаружены серебряный перстень, каменный амулет, бронзовая заклепка в виде сердечка, 1 пастовая и 1 стеклянная бусина.

Захоронения в хумах. Пространство между 1 и 2 линиями наусов в виде траншеи шириной 0,75 м и глубиной 0,8 м, длиной 9 м, заполнено глиной, в которую были вкопаны захоронения в хумах.

Хум 1 находился юго-западнее науса 8. Он разрушен, сохранилась только нижняя часть, в которой находились разрозненные кости погребенного.

Хум 2 был вкопан на глубину 0,8 м северо-восточнее науса 3. Высота хума 0,7 м. Хум сверху накрыт каменной плиткой размером 44х35х4 см. Внутри него находились части черепа, трубчатые кости рук и ног взрослого человека.

Хум 3 находился на расстоянии 1,5 м северо-западнее хума 2. Он был вкопан на глубину 1,4 м. Венчик и горло сосуда отбиты. Высота хума 0,58 м. Хум сверху был накрыт каменной плиткой размером 15х22х5 см. Внутри хума находились остатки трубчатых костей. Вещевой материал отсутствует.

Хум 4 обнаружен в широкой части этой траншеи в 2 м северо-западнее хума 3. Он лежал на боку. Горловина обращена на север. Высота хума 0,8 м, диаметр горловины 0,31 м, тулова – 0,57 м. На стенках хума имеются следы починки. Это просверленные дырочки с обеих сторон от трещины, через них когда-то пропускались веревочки для стяжки. Хум был заполнен светло-желтой мягкой

Рисунок 12 – Захоронения в могильных ямах

глиной. Предположительно, в хуме захоронены останки двоих детей и женщины: внутри сосуда лежали два детских черепа и длинные трубчатые кости детских и взрослого скелета. Так как все кости не помещались в сосуд, взрослый череп и ребра были положены рядом. Под костями внутри сосуда были найдены две бронзовые серьги.

Хум 5 находился в полуметре северо-восточнее хума 4. Горловина его частично разрушена. Хум лежал на боку, горловиной на юго-восток. Крышка хума сделана из стенки от крупного керамического сосуда. Высота его 0,68 м, диаметр тулова 0,25 м. Сосуд гладкий, правильной формы, без орнамента. В нижней части тулова имеется небольшое отверстие. Судя по костям, захоронен был взрослый мужчина. Часть костей скелета находились рядом с хумом. В захоронении отсутствовали мелкие кости конечностей скелета.

Хум 6 разрушен, находился в западной части коридора. От него сохранилась часть горловины и несколько фрагментов от стенок.

Хум 7 также разрушен, он находился в северо-западной стороне от науса 17. Сохранилась придонная часть, в которой находились несколько разрозненных костей погребенного.

Захоронения в кучках. Выше даны описания захоронений человеческих останков в наусах и хумах. Но на той же площадке на глубине 0,6–0,7 м было раскопано несколько отдельных кучек (скоплений) человеческих костей, аккуратно сложенных, без какого-либо анатомического порядка.

Кучка 1 располагалась северо-восточнее науса 2. Кости собраны в кучу: череп, тазовые кости, лопатка, ключица, трубчатая ноги и лучевая руки. Мелкие кости, нижняя челюсть, кости кистей рук и ног отсутствуют. Инвентаря нет.

Кучка 2 находилась северо-западнее хума 3. В ней были череп, нижняя челюсть и длинные кости верхних и нижних конечностей, кости таза, ребра и лопатки.

Кучка 3 была сложена из черепа, нижней челюсти и длинных костей верхних и нижних конечностей, костей таза, ребер. Располагалась к юго-востоку от науса 5.

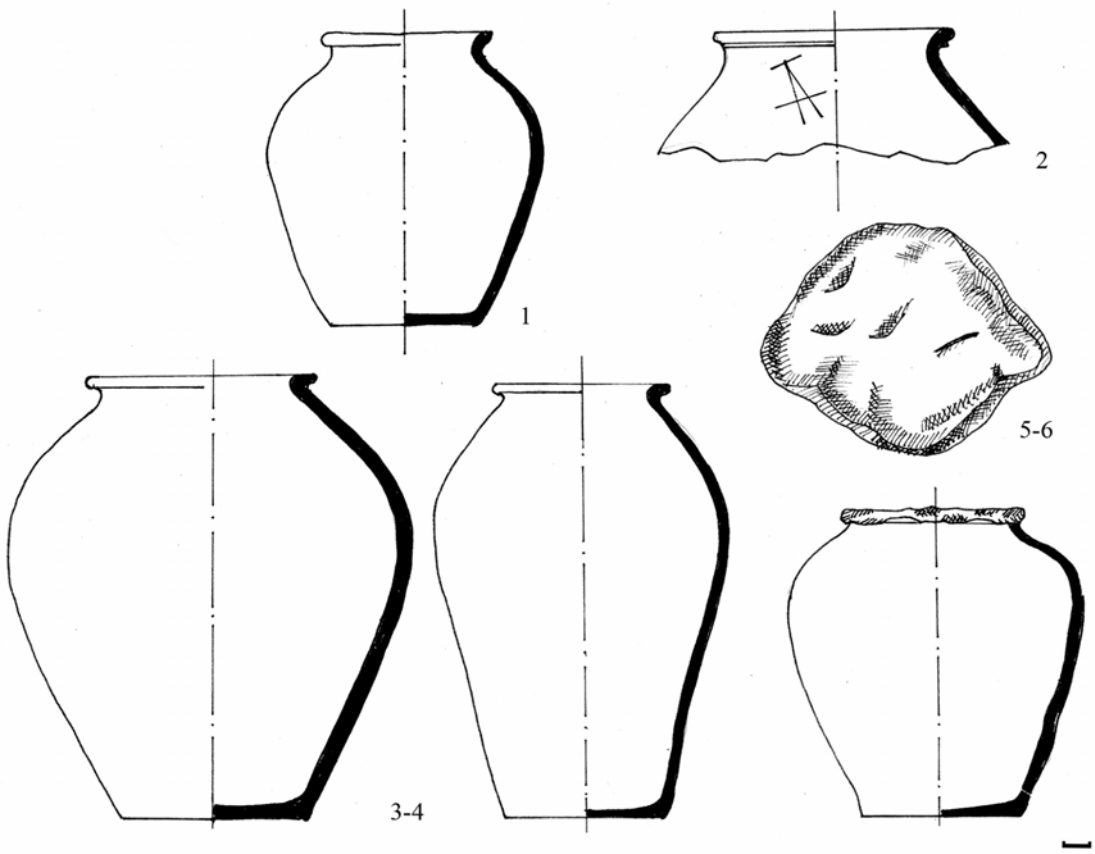

Рисунок 13 – Хумы-оссуарии

Кучка 4 расчищена к юго-востоку от науса 7. В ней были череп и длинные кости, лопатки и ребра, кости таза. Рядом с юго-восточной стороны лежал череп лошади.

Кучка 5 находилась в северо-восточном углу науса 11. В ней собраны в кости черепа, таза, бедренные, ребра и позвонки.

Кучка 6 находилась в ямке глубиной 1,2 м с северо-западной стороны науса 14. В ней аккуратно сложены тазовые кости, лопатки, плечевая кость, локтевая, лучевая, ребра. Череп лежал на самом верху кучки. На всех костях следы окисла меди.

Кучка 7 расположена северо-западнее кучки 6. Она состояла из черепа, длинных костей, бедренных, ребер, позвонков. Под черепом найдены две медные серьги с бусинами из пасты черного цвета.

Кучка 8 была найдена на северо-восточной стороне науса 20. В ней были череп, нижняя челюсть и длинные кости верхних и нижних конечностей, кости таза, лопатки, ребра. Кости детские. Найдена бронзовая серьга и остатки ткани.

Кучка 9, состоящая из 2 черепов, нижней челюсти, длинных костей верхних и нижних конечностей, костей таза, лопаток и ребер, расчищена северо-западнее хума 7.

Погребения в склепах были встречены при расчистке верхнего горизонта. Раскопано 9 погребений, скелеты в них лежали на спине в вытянутом положении, ориентированы головой на северо-запад. Сверху склепы были прикрыты сырцовым кирпичом, в положении плашмя (или на ребро) с наклоном друг к другу (шалашиком).

Погребение 1 расположено в северо-западной части «коридора» на самом краю холма. Погребенный ориентирован головой на восток, лицо повернуто на юго-восток. Положение лежа, вытянуто на спине. Кости правой руки скелета слегка согнуты в локте, кисть находится в области таза с правой стороны, кости левой руки также согнуты, но кисть руки находится на правой тазовой кости. Вещевой материал отсутствует.

Погребение 2 совершено поверх науса 10. Остатки скелета расчищены среди обломков сырцовых кирпичей размером 36х22х8 см. Ориентировка головой на северо-запад.

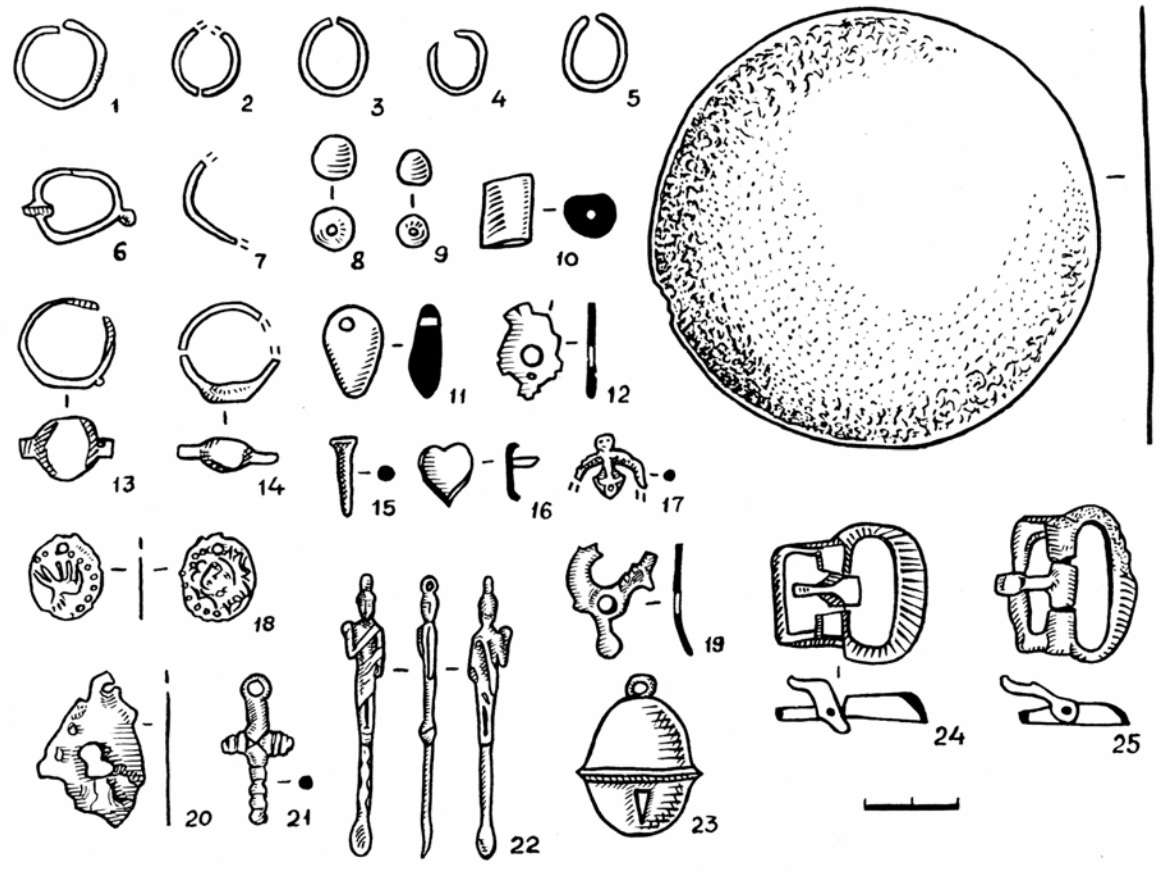

Рисунок 14 – Находки из наусов и погребений

Погребение 3 находится в склепе поверх науса 9. Ориентировка скелета – головой на северо-запад. Склеп разрушен, в северо-восточной стороне сохранилось перекрытие «елочкой». Размер сырцового кирпича 37х20х8 см.

Погребение 4. Скелет лежит на правом боку, лицом на юг. Ориентировка – головой на запад. Руки согнуты в локтях, ноги согнуты в коленях. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение 5 находится с юго-восточной стороны науса 12. Костяк уложен в узком коридоре шириной 0,8 м, длина погребенного 1,6 м. Положение вытянутое, ориентировка на юго-восток, лицо повернуто на юго-запад. В черепе имеется отверстие диаметром 3 см. Правая рука вытянута, левая – чуть согнута в локте, кисть лежит на левой половине тазовой кости. Обе ноги немного согнуты в коленях.

Погребение 6 находилось в склепе из сырцового кирпича, перекрытие возведено также из сырцового кирпича размером 50х25х11 см, уложенного плашмя. Захоронение расположено у юго-западной стенки науса 3. Размеры склепа: 1,6х1 м. Стенка склепа сложена в один ряд из кирпича. Скелет лежит на спине, правая рука согнута в локте, кисть – в области живота, левая рука – вытянута. Обе ноги согнуты в коленях.

Погребение 7 расположено в северо-восточном углу науса 14. Погребение находится в кирпичном склепе с плоским перекрытием. Размер склепа 1,8х0,5 м. Скелет лежит вытянуто на спине, головой на северо-запад, лицом повернут на юг. Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть находится в области коленного сустава, левая рука согнута в локте, кисть – в области живота. Обе ноги согнуты в коленях.

Погребение 8 находится с северо-западной стороны науса 21. Глубина от дневной поверхности 2 м. Ориентировка погребенного головой на восток, лицо повернуто на юго-восток. Положение – на спине вытянутое, руки – вдоль туловища, длина погребенного 1,4 м. При расчистке с левой стороны костяка обнаружено бронзовое зеркало. Диаметр диска 10 см, толщина 1 мм. На кисти правой руки найден бронзовый перстень.

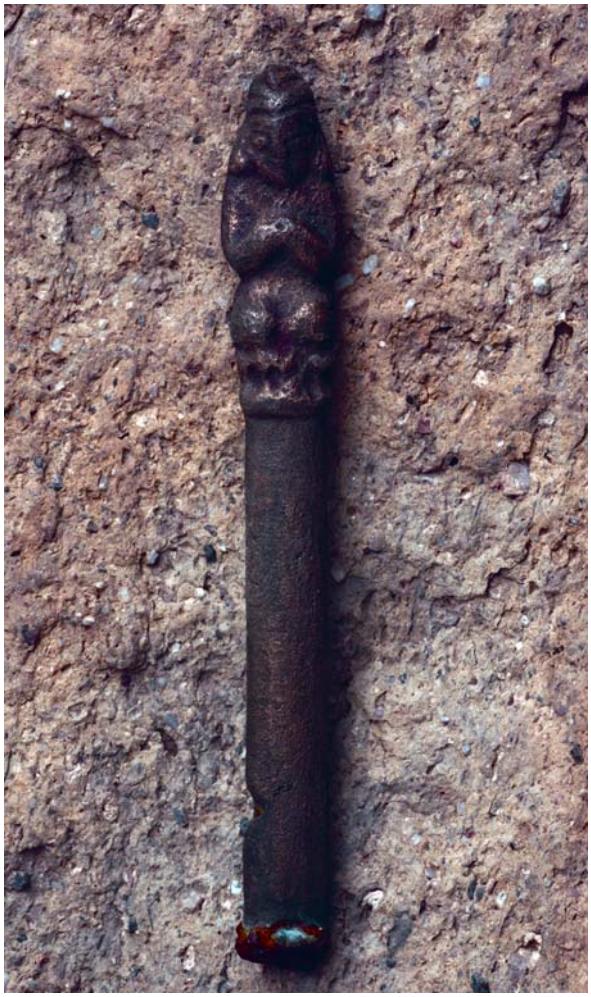

Рисунок 15 – Ручка зеркала

Погребение 9. Следов построек не прослежено. Скелет лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на юг, лицом вверх. Длина скелета 1,6 м. Обе руки согнуты в локтях, кисти находятся на уровне головы. Ноги согнуты в коленях и вывернуты наружу.

Некрополь II расположен в 50 м на юго-запад от некрополя I на отдельном бугре овальном в плане формы. Размер его по основанию 180х80 м. В топографии бугра прослеживается более высокая западная часть высотой до 5 м.

Раскопы заложены в центральной части холма. Всего расчищено 3 науса, 2 хума с захоронением, 3 позднемусульманских захоронения и коллективное захоронение без ориентировки.

Наус 1 ориентирован углами по странам света. Размеры науса 2,2х2,5 м, глубина 0,15 м, стены разрушены. В заполнении науса – натечная глина вперемежку с обломками кирпичей. После расчистки науса обнаружены разбросанные кости, судя по черепам, 10 погребенных, из них пять черепов – детские. Из погребального инвентаря в скоплении костей обнаружен кувшин.

Наус 2 расположен к юго-западу от науса 1, ориентирован углами по сторонам света. Размеры науса 1,2х2 м, глубина 0,6 м, стенки разрушены. В наусе обнаружены останки 2 погребенных. Кости скелетов – в анатомическом порядке и ориентированы головой на восток.

Скелет 1 вытянут, лежит на спине, лицом на юго-восток. Обе руки вытянуты прямо, ноги чуть согнуты в коленях. В области живота найдена бронзовая пряжка. В области левого плеча – круглодонная чаша и бокал с ручками.

Скелет 2 вытянут, лежит на спине лицом на северо-восток. Обе руки вытянуты прямо, левая нога согнута в колене и скрещивается с ногой первого скелета.

Наус 3 расположен к юго-западу от науса 2. Это прямоугольное сооружение размером 2,6х1,4 м, длинной стороной ориентировано по линии восток – запад. Глубина науса 15 см, стенка не сохра-

нилась. На уровне пола в беспорядке разбросаны кости погребенных. Судя по остаткам, в наусе было захоронено 4 человека. Найдена бусина из стекла.

Хум 1 находился в северной стороне от науса 3 на глубине 0,1 м. От него сохранилась донная часть, в которой находились разрозненные кости погребенного.

Хум 2 был закопан на глубину 1 м, находился в 1,5 м к западу от хума I. Он разрушен, сохранилась только нижняя часть, в которой находились разрозненные кости погребенного.

Погребение 1 раскопано с южной стороны 2 науса. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад, лицом вверх. Обе руки согнуты в локтях, кисти находятся в области живота. Длина костяка 1,7 м.

Погребение 2 находилось западнее погребения I. Ориентировка погребенного головой на северо-запад, положение, вытянутое на спине.

Погребение 3 располагалось восточнее хума 1. Ориентировка погребенного головой на северо-запад. Скелет лежит на спине, руки и ноги вытянуты.

Следует отметить, что некрополь, аналогичный костобинскому, раскапывался еще в конце 30-х – начале 40-х годов на возвышенности Тектурмас. Раскопки выявили, что на склонах горы в каменных массивах выдалбливались могильные ямы, овальные или прямоугольные в плане, глубиной 0,25–0,45 м, длиной 0,6–2,5 м и шириной 0,3–0,6 м. Сверху могилы перекрывались плитками известняка или плоскими кусками песчаника. Покойники были положены в могилы головой на запад или юго-запад. Они лежали на спине с вытянутыми ногами. Руки находились на груди, либо в области таза. В пяти могилах погребенные были положены в гробы, доски которых были скреплены железными гвоздями и скобами. В трех случаях могилы сверху были закрыты деревянными досками. Никакого сопровождающего инвентаря не было найдено, кроме обрывков, по-видимому, остатков истлевшей одежды из ткани и кожи.

На этом же кладбище были найдены захоронения в хумах с отверстиями у дна и в оссуариях, причем последние находились по несколько штук сразу в каменных нишах.

Обнаружены захоронения костей в виде кучек.

Здесь же были открыты и мусульманские захоронения, для которых была характерна северная и северо-западная ориентировка.

Некрополи, аналогичные костобинскому, широко распространены на территории Средней Азии, Южного Казахстана и Семиречья. Наиболее близкий Костобинскому по характеру захоронений некрополь расположен рядом с г. Таразом на горе Тектурмас на левом высоком берегу Таласа.

Много общего прослеживается при сопоставлении Костобинского некрополя с наусами Пенджикента, Борижарского могильника, Шаги, Красной Речки, относящихся к VI–VIII вв.

Г. И. Пацевич, проводивший раскопки, датировал некрополь на Тектурмасе VI–XII вв. Он отнес захоронения в оссуариях и хумах к зороастрийцам, а погребения в могилах считал либо христианскими, либо буддийскими[1].

Захоронения в хумах и оссуариях были обнаружены также при строительстве на территории мучного базара в г. Джамбуле[2].

Некрополь, аналогичный костобинскому, исследовался в Чуйской долине на городище Красная Речка[3]. На этом кладбище были погребения в наусах, захоронения костей в хумах, в кучках костей, мусульманские захоронения.

Расчищено парное захоронение мужчины и женщины с конем[4]. Некрополь Навакета был отнесен к VII–XI вв.

Вообще же захоронения в наусах были распространены достаточно широко. В Пенджикентских некрополях насчитывалось около 150 наусов, из которых было вскрыто 29. До раскопок это была группа курганов.

---

[1] *Пацевич Г.И.* Древний гуристан Тараза на горе Тектурмас // Труды Семиреченской археологической экспедиции (1936–1938 гг.) «Таласская долина». Рукопись. – Алма-Ата, 1949. – С. 140-146.

[2] Там же. – С. 145-146.

[3] *Байпаков К.М., Горячева В. Д.* К вопросу о локализации Навакета // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии». – Л., 1983. – Вып. 1. – С. 74-75.

[4] *Горячева В.Д., Байпаков К.М.* Работы на Краснореченском городище // Археологические открытия 1982 года. – М., 1984. – С. 507; *Горячева В.Д.* Наусы некрополя Краснореченского городища // Красная Речка и Бурана. – Фрунзе, 1983. – С. 85-95.

В отличие от костобинского некрополя, где наусы были пристроены впритык друг к другу, здесь каждый из них представлял отдельную постройку, до раскопок образующих цепочку курганов.

В наусах, квадратных и прямоугольных постройках, сложенных из сырцового кирпича и перекрытых сводами из сырцового кирпича, на суфах и полах расчищены кости захороненных, найдены фрагменты керамических сосудов и оссуариев.

В наусах имелись невысокие входные проемы высотой до 1,2 м типа лаза. Вначале они закрывались деревянными заслонками, позднее забивались пахсой, камнями или закладывались кирпичами. Датируется Пенджикентский некрополь VII–VIII вв[1].

На территории Южного Казахстана захоронения в наусах обнаружены при раскопках Борижарского могильника на Арыси и могильнике Шага вблизи Туркестана, на южных склонах Каратау[2].

Наусы, как и в Пенджикентском некрополе, до раскопок представляли собой курганы диаметром до 15 м и высотой до 3 м. Раскопки показали, что первоначально это были квадратные либо прямоугольные в плане одно- или двухкамерные постройки, стены которых сделаны из пахсы.

Площадь наусов от 4 до 10 кв.м. Наусы имеют входные коридоры длиной до 2,5 м. На полах из битой глины с примесью речной гальки или вымощенных обломками керамических сосудов расчищены скелеты и разрозненные кости. В ориентировке погребенных определенной закономерности не прослеживается. В наусах обнаружены железные мечи, однолезвийные ножи, трехлопастные наконечники стрел. Украшения представлены сердоликовыми бусами, бронзовыми гладкими браслетами с утолщенными концами; браслетами с концами в виде головок змей; бронзовыми пряжками с подвижным язычком; серебряными бляхами и пряжками от наборных поясов.

Керамика представлена кувшинами, кувшинами с носиком. Некоторые из них энохоевидной формы. Есть сосуды, покрытые вишневым ангобом и лощением. Интересны кувшины с выступами на верхней части ручек.

В комплексе керамики есть горшкообразные сосуды, кружки, в том числе краснолощеные кружки с реберчатыми очертаниями, подражающие металлическим образцам.

Однозначного мнения о хронологии наусов Борижарского могильника нет. Первые исследователи могильника Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич датировали его VIII–X вв., а затем VI–VII или VI–VIII вв.[3]

В.И.Распопова, основываясь на хронологии поясных наборов, отнесла могильник к VI–VII вв.[4] Л. М. Левина, проанализировав керамический комплекс, датировала могильник VI–VIII вв.[5]

На наш взгляд, могильник следует датировать второй половиной VII–VIII вв.[6], ибо керамика Борижарского могильника несет в себе согдийские черты, характерные для нового стиля, получившего распространение в VII–VIII вв.[7]

Ценную информацию дали раскопки могильника Шага, где было выявлено пять курганов, содержавших погребения в наусах.

Курганы имели диметр от 10–30 м и высоту от 1,2 м. Наусы представляли собой, так же как и в Борижарском могильнике, прямоугольные однокамерные постройки с коридором, стенки делались или из пахсы или из сырцового кирпича размером 50х20–25х9–10 см. Сохранность наусов позволила обнаружить в ряде случаев купольные и коробовые своды из сырцового кирпича. В двух

[1] *Ставиский Б.Я., Большаков О.Г., Мончадская Е.А.* Пенджикентский некрополь // . Материалы и исследования по археологии СССР / Труды Таджикской археологической экспедиции. – М.–Л., 1953. – Т. II, № 37. – С. 64-95.

[2] *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. // Труды Института истории, археологии и этнографии КазССР. – Алма-Ата, 1956. – Т. 1. – С. 33-60; *Нурмуханбетов Б.Н.* Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана // Древняя культура скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата, 1969. – С. 108-120; *Нурмуханбетов Б.Н.* Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1910. – С. 108-128; *Максимова А.Г.* Гробницы типа наусов с. Чага // В глубь веков. – Алма-Ата, 1974. – С. 95-118.

[3] *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. – Алма-Ата, 1958. – Т. 5. – С. 109.

[4] *Распопова В.И.* Поясной набор Согда // Советская археология. – М., 1965. – № 4. – С. 85.

[5] *Левина Л.М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи. – М., 1971. – С. 217.

[6] *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. – Алма-Ата, 1986. – С. 58.

[7] *Маршак Б.И.* Керамика Согда V-VII вв. как историко-культурный памятник: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Л., 1965. – С. 25.

наусах и погребальных камерах имелись суфы, стенки наусов изнутри штукатурились и белились. Размеры помещений наусов 2,8х2,2 м, коридора – 3,5 м; 2,9х2,9 м, коридора – 1,7 м; 2,2х2,2 м, коридора – 1,6 м; 2,2х2,2 м и 2,6х2,6 м.

В разграбленных наусах на полах расчищены разрозненные кости скелетов, в тех же, которые грабители мало потревожили, сохранились коллективные погребения. В одном из наусов погребенные лежали в три яруса. В нем были обнаружены 9 черепов, сдвинутых вместе с грудой костей в западную часть камеры и костяк человека, лежавший в анатомическом порядке. Здесь же находился череп собаки.

В коридоре расчищен скелет человека, похороненного в скорченном положении и также костяк собаки.

Изделия из металла представлены железным черешковым наконечником стрелы, железной наременной бляшкой, бронзовой сережкой с шариком.

Среди керамики – энохоевидные кувшины, покрытые красным ангобом и лощением, краснолощенные кружки с кольцевыми ручками, миска с перегибом в средней части, кухонные горшки.

Находка согдийской монеты позволила уточнить датировку науса могильника Шага, отнесенного А. Г. Максимовой к концу VII – первой половине VIII в.[1]

Много общего в конструкциях наусов, способе захоронений прослеживается также при сопоставлении некрополя Джамуката с наусами Пскента и Тюябутуза[2].

Можно сопоставить некрополь на Костобе с Куркатским могильником на севере Таджикистана. Захоронения здесь совершались в склепах, вырубленных в массивах склонов гор. В склепе размером 6,25х3,7 м, высотой 2,14 м находилось коллективное захоронение, видимо, предварительно очищенных костей. В одном из склепов было расчищено 58 черепов, в другом зафиксировано 150 черепов.

Собранный материал представлен бронзовыми серьгами, перстнями, булавками, бусами, амулетами. Датируется некрополь III–VII вв.[3]

Известное сходство прослеживается при сравнении захоронений в наусах на Костобе и захоронений в склонах, вырубленных в лессе на склонах в могильнике Биш-тепе в Чаганиане.

Квадратные, прямоугольные и крестовидные камеры со сводчатым потолком, куда вели дромосы длиной до 1,5 м и высотой более 1 м, были предназначены для коллективных разновременных захоронений. В наусах расчищено до 15 погребений, лежавших в вытянутом положении на спине с различной ориентировко[4]. Склепы, обряд захоронения однотипны с костобинскими, за исключением лишь строительной техники. В Биш-тепе склепы вырубались, в Костобе сооружались из сырцового кирпича. Эти различия диктовались наличием в Биш-тепе удобных лессовых склонов.

Железные пряжки с подвижным язычком, перстни с гладкими овальными щитками и выступом, серьги с шариком, известные из раскопок могильника Биш-тепе, датируют могильник концом V–VIII в.[5]

Теперь следует более обстоятельно остановиться на характеристике находок из некрополя Костобе, в частности, изделий из металла, которые привлечены для определения его хронологии.

Среди них наибольший интерес представляет ручка от изделия (возможно, зеркала), найденная в наусе 3. Это предмет длиной 5 см, заканчивающийся коленопреклоненной женской фигуркой со скрещенными на груди руками. У женщины миндалевидные глаза, «горбатый» нос. На голове у нее маленькая шапочка, из-под которой на плечи и спину ниспадают распущенные волосы. «Одета» женщина в длинное глухое платье. Прямые аналогии фигурке найти пока не удалось. Можно

[1] *Максимова А.Г.* Гробницы типа наусов с. Чага. – С. 116-117.

[2] *Буряков Ю.Ф.* Пскентские наусы // Советская археология. – М., 1968. – № 3. – С. 131-135; *Агзамходжаев Т.* Тюябугазские наусы // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент, 1963. – № 3. – С. 71-79.

[3] *Негматов Н.Н.* Некоторые итоги и перспективы археологии северного Таджикистана в сезон создания СТАКЭ. Краткие результаты работ 1974 г. // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 1979. – Вып. XIV. – С. 332-338; *Мирбабаев А.К.* Раскопки Куркатских склепов // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 1979. – Вып. X. – С. 295-302.

[4] *Ртвеладзе Э.В.* Средневековый могильник Биш-тепе в Чаганиане // Советская археология. – М., 1986. – С. 194-209.

[5] *Ртвеладзе Э.В.* Средневековый могильник Биш-тепе в Чаганиане. – С. 207. – Рис. 1-7.

назвать лишь сходную по манере исполнения фигурку богини, венчающую костяную булавку из Зартепе, датированную IV – серединой V в.[1]

Поза фигурки «со скрещенными на груди руками» характерна для образов, выполненных в коропластике Южного Казахстана и Семиречья. Это, например, терракотовые фигурки женского божества из Отрарского оазиса, найденные в слоях VI – первой половины IX в.,[2] налепы на оссуариях из Тараза[3] и изящно выполненные с детальной проработкой фигурки – налепы с Краснореченского оссуария, датированного VII–VIII вв.[4], а также налепы на сосуде из Александровского городища[5].

Интересна подвеска-медальон из золотистой бронзы с ажурным изображением двух стоящих птиц (петухов, павлинов или фениксов) у дерева. Сюжет с двумя птицами распространен в прикладном искусстве Евразии с древних времен до современности. Медальоны, наиболее близкие костобинским, известны в материалах средневековых могильников, относимых к кимакам[6].

В данной связи вызывает интерес сообщение Махмуда Кашгарского, который писал о городе Кенджак-Сенгире – «пограничной крепости кипчаков вблизи Тараза»[7].

Как установлено, кимаки из Прииртышья стали продвигаться на запад уже во второй половине VIII в., а отделившиеся от них кипчаки в IX в. на юге граничили с печенегами, то есть расселялись на широкой территории от Иртыша до Приаралья [8].

Видимо, какие-то группы их приникали в Семиречье. Поэтому вполне объяснимо появление на городском кладбище Джамуката кимакских и кипчакских украшений, также как и захоронение коней или частей конских туш.

Среди находок из металла были бронзовые и серебряные перстни и серьги.

Перстни имеют овальные и округлые шпеньки-выступы. Такие перстни были широко распространены в Средней Азии, в Пенджикенте[9]. Выступ, по мнению исследователей, служит для правильного наложения щитка при оттиске печати, когда на щитке есть резные изображения[10].

Серьги, сделанные из серебра, представляют собой незамкнутое кольцо, края которого заострены, а середина утолщена. Такие серьги известны по раскопкам в Пенджикенте[11].

Более сложные серьги из бронзы характеризуются добавлением к шиповидному отростку бусины, одеваемой на серьгу, крючка для подвижных подвесок. Такие серьги распространены достаточно широко в раннем Средневековье. Большая коллекция их найдена при раскопках Пенджикента[12]. Проведена их классификация и установлено, что они связаны с последним периодом существования города в VIII в.[13] Этим же временем, или же VI–VIII вв., датируются такие же или похожие серьги из Семиречья, Ферганы и Хорезма[14].

Таким образом, изделия из металла (железные пряжки, бронзовые перстни, серьги из серебра и бронзы), найденные в наусах, погребальных хумах некрополя Костобе, датируются VII–VIII вв. На основании всего вышеуказанного время функционирования некрополя Костобе следует отнести к VII–VIII вв., а мусульманские захоронения, обнаруженные в верхнем горизонте, относятся к IX–X вв.

---

[1] *Завьялов В.А.* Раскопки на городище Зартепе // Археологические открытия1984 года. – М., 1986. – С. 459.

[2] *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI–XIII вв.). – С. 52. – Рис. 114.

[3] *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. – Алма-Ата, 1972. – Табл. IV.

[4] Памятники культуры и искусства Киргизии / Каталог выставки. – Фрунзе, 1983. – С. 57-58. – № 231.

[5] *«Чуйская долина»* // Материалы и исследования по археологии СССР / Труды Семиреченской археологической экспедиции. – М., 1950. – Т. 14. – Табл. X.

[6] *Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л., 1984. – С. 114-118.

[7] *Волин С.Л.* Сведения арабских источников о долине р. Талас и смежных районах. – С. 84.

[8] *Кумеков Б.Е.* Государство кимаков IX–XVI вв. по арабским источникам. – Алма-Ата, 1972. – С. 53-58.

[9] *Распопова В.И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л., 1980. – С. 114-115. – Рис. 76.

[10] *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. – Л., 1973. – С. 84. – Рис. 52.

[11] *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большиков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. – Рис. 51.

[12] *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большиков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. – С. 85. – Рис. 52.

[13] *Распопова В.И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. – С. 112-114.

[14] *Кызласов Л.Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – М., 1959. – Т. II. – С. 216. – Рис. 45, *24*. *Оболдуева Т.Г.* Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала // Труды Института истории и археологии АН УзССР. – Ташкент, 1951. – Т. 4. – Табл. VI, *12*; *Толстов С.П.* Древний Хорезм. – М., 1948. – С. 253. – Рис. 73.

В числе уникальных находок – серебренный носильный крестик[1]. Носильные кресты в Семиречье известны по находкам на городище Красная Речка, где были найдены бронзовые и серебряные крестики и прекрасный нефритовый несторианский крест. Наличие христианских храмов, эпитафии, изображения крестов на посуде, кирпичах, а также согдийские надписи на керамике с христианскими именами и церковной титулатурой подтверждают наличие среди жителей городов Семиречья христиан несторианского толка. Общины несторианцев существовали здесь до XII – начала XIV в. – до последнего периода жизни самих городов.

Таким образом, христиане, судя по находке серебряного носильного креста, проживали и в Джамукате[2].

Интерес представляет серебряная уховертка, заканчивающаяся головой Будды.

Полученные материалы из раскопок городища Костобе, отождествляемым с городищем Джамукат, характеризуют семиреченский город эпохи раннего Средневековья – одного из важных этапов урбанизации Казахстана.

К. М. Байпақов, М. С. Қасенов

(А. Х. Марғұлана атындағы археология институты МОН РК, Алматы, Қазақстан)

ТАЛАС АЛҚАБЫНДАҒЫ ҚОСТӨБЕ ҚАЛАШЫҒЫНЫҢ ҚАМАЛЫ МЕН МАЗАРАТТАРЫНЫҢ ҚАЗБАСЫ

Резюме

Мақалада Талас алқабындағы ірі қала болған Жамұқтқа (VI–XIII ғғ. басы) баланатын Қостөбе қалашығындағы қазба материалдары жарияланады.Қамалдағы сарай кешенінің қалдықтары өте қызықты. Құрылыста салтанат залы, тұрғын жайлары, отқа табынушылардың ғибадатханасы айқын байқалады. Салтанат залдары мен ғибадатхананың интерьері саз және алебастрдан оймышталып безендірілген. Қабырғаларда сурет қалдықтары сақталып қалған. Сарай XI–IX ғғ. және X–XIII ғ. басында өмір сүрген.

Қалашықтың орталық бөлігінің қасында екі мазарат болған. Оларда наустарда, жерден қазылған көрде; сүйектерді құмыраларға салып және де оқшаулап үйіп жерлейтін болған. Жерлеу рәсімі зороастрлық және мұсылмандық ғұрыптар бойынша жасалған. Мазараттар V–XI ғғ.мерзімделеді.

Керамика, металл бұйымдар, күміс, сүйек коллекциялары қызығушылық тудырады.

Тірек сөздер: Қостөбе, Жамұқат, қамал, сарай кешені, мазарат, металды заттар.

K. M. Baipakov, M. S. Kasenov

EXCAVATIONS OF CITADEL AND CEMETERIES ON KOSTOBE SITE IN TALAS VALLEY

Summary

In the article there are published materials from excavations of the Kostobe site, identified with the largest city in the Talas valley Dzhamukat (VI – early XIII c.). The remains of the palace complex on the citadel are interesting. In construction there are parade halls, living quarters, temples with altars of fire. Interiors of ceremonial halls and shrines are decorated with carved, alabaster. Wall paintings remains were preserved. Palace existed in XI–IX centuries. and X – the beginning of the XIII century.

Near the central part of the settlement there were two necropolises. The burials there were done in nauses in ground graves; the burials of bones in hums and in a form of separate piles. The burials were done by Zoroastrism and Muslim ceremonies. Necropolis is dated V–XI centuries.

There are interesting collection of ceramics, metal, silver and bones items.

Keywords: Talas valley, Dzhamukat, palace complex, citadel, necropolis, metal items.

Поступила 10.09.2014 г.

[1] *Байпаков К.М., Нуржанов А.А.* Ұлы Жібек жолы және ортағасырлық Қазақстан. – Алматы, 1992. – С. 121; *Соловьев В.С.* Поселение Ширкент // Археологические открытия 1984 года. – М., 1986. – С. 484-485.

[2] *Байпаков К.М.* Христианство в Казахстане в средние века // Из истории древних культов Средней Азии / Христианство. – Ташкент, 1995. – С. 96-100; *Горячева В.Д., Перегудова С.Я.* Памятники христианства на территории Кыргызстана // Из истории древних культов Средней Азии / Христианство. – Ташкент, 1995. – С. 84-95.

УДК 903/904(574.54) «653»

К. М. БАЙПАКОВ

(Институт археологии МОН РК, Алматы, Казахстан)

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ГОРОДОВ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА

Аннотация. В работе предпринята попытка отождествить городища XV – первой половины XIX вв. Южного Казахстана с городами и селениями на основе данных широкомасштабных археологических поисков и раскопок, определения их хронологии в контексте анализа письменных источников и нумизматических материалов, картографии. На основе локализации городов и поселений составлена историко-географическая карта населенных пунктов Казахского ханства.

В процессе изучения урбанизации ключевым является вопрос о количестве городов и их локализации – месторасположении на конкретной территории. В предлагаемой статье дается обзор городов в долине Сырдарьи и Приаралья; долине Чу-Таласского междуречья; предгорьях Таласского и Киргизского Алатау; в Илийской долине и предгорьях Заилийского и Джунгарского Алатау; Центральном Тянь-Шане; на северных и южных склонах Каратау; в долине р. Жайык (Урал).

Ключевые слова: урбанизация, города, картография, историческая география, казахские ханы, письменные источники, городская жизнь.

Тірек сөздер: қалалану, қала, картография, тарихи география, қазақ хандары, жазбаша деректер, қала өмірі.

Keywords: urbanization, city, cartography, historical geography, the Kazakh khans, written sources, urban life.

Широкомасштабные археологические поиски и раскопки позднесредневековых городищ Южного Казахстана, определение их хронологии в контексте анализа письменных источников и нумизматических материалов, картография позволяют отождествить городища с конкретными населенными пунктами XV – первой половины XIX вв., с городами и селениями и на основе локализации городов и поселений составить историко-географическую карту населенных пунктов Казахского ханства.

Эта проблема интегрирована в историческую географию и связана с вопросами географии населения и политической географии: формированием населения, размещением и передвижением, путями сообщений, выявлением границ определенных территорий и районов, локализация городов и селений, крепостей, оборонительных сооружений, мест сражений [1, с. 3-6].

Историческая география не получила широкого распространения в исторических и археологических исследованиях в Средней Азии и Казахстане [2; 3, с. 114-237; 4, с. 21-91; 5; 6, с. 7-10; 7, с. 3-215; 8]. Значимость исторической географии очевидна, особенно в вопросах, заявленных в названии главы.

Первые работы такого направления, не связанные с локализацией позднесредневековых городов Казахстана, появились в последней трети XX в. и были основаны на имеющихся тогда материалах [9, с. 201-209]. С тех пор источниковедческая база исследований этого направления увеличилась, что дает возможность вернуться к этой важной проблеме [10].

Одним из ключевых вопросов в изучении урбанизации является вопрос о количестве городов и их локализации – месторасположении на конкретной территории, в данном случае на территории Казахстана: долины Сырдарьи и Приаралья; долины Чу-Таласского междуречья; предгорий Таласского и Киргизского Алатау; Илийской долины и предгорий Заилийского и Джунгарского Алатау; Центрального Тянь-Шаня; северных и южных склонов Каратау; долины р. Жайык (Урал).

Это направленное исследование связано, как выше отмечалось, с исторической географией, составлением карт позднесредневековых городов, поселений Казахстана и отдельных регионов.

Оно крайне актуально и для получения динамики развития урбанизации Казахстана, истоки которой находятся в эпохе бронзы, а развитие прослежено на протяжении раннего железного века, раннего и развитого средневековья [11; 12].

Решение этих вопросов имеет важное значение для понимания истории Казахстана.

Город Ясы-Туркестан, города и поселения его округи

Во второй половине XV – первой половине XIX вв. город Ясы был центром тимуридских, а затем шайбанидских наместников. Город Ясы стал называться Туркестаном к концу XVI в. Непродолжительное время, в 1579 г., Ясы-Туркестан принадлежал хану Хакк-Назару. Он был отдан ему вместе с городом Саураном шайбанидом Бабасултаном за помощь в борьбе против Абдаллах-хана. Затем в нем, как и во всем Туркестане, на некоторое время утвердился Абдаллах-хан, поставивший во главе Сырдарьинских городов своих наместников. Окончательно же город перешел к казахам в 1598 г. вместе с Ташкентом. Казахский хан Ишим заключил в этом же году договор с бухарским правителем: «...По доброму совету шейхов накшбенди между ним (Баки-Мухаммадом) и правителем казахского народа, который был в Ташкенте, был заключен мир на том условии, что самаркандское войско не будет посягать на Ташкент» [13, с. 19]. Ишим-хан сделал город Туркестан своей резиденцией. Политическим центром владений казахских ханов г. Туркестан оставался в XVII – конце XVIII вв., в первой половине XIX в. до 1866 г. город принадлежал Кокандскому ханству.

Строительство Тимуром в городе Ясы мемориально-культового комплекса над могилой Ходжи Ахмеда Ясави превратило город в религиозный центр Центральной Азии и сыграло важную роль в его развитии. Около памятника образовалось поселение потомков и последователей святого. В Ясы стекались паломники. Много среди них было зажиточных мусульман, которые приезжали не только поклониться святому, но и осесть здесь. В город переселилась казахская элита и рядовое казахское население.

Приток населения сказался на росте города, что привело в свою очередь к изменению его планировочной структуры. Наряду со строительством комплекса мечети-мавзолея укреплялся сам город. Уже при Тимуре Ясы приобрел военное стратегическое значение как форпост, призванный противостоять набегам кочевников на северные границы государства. Но расцвет города зависел не только от его стратегического положения. Он находился на караванной дороге, соединявшей Мавераннахр с Дешт-и Кыпчаком. Караванный путь активно функционировал и Ясы-Туркестан стал пунктом местной, межобластной и международной торговли земледельческих районов Средней Азии и кочевых районов Центрального Казахстана. Город особенно оживал в базарные дни, когда из степей пригоняли скот, а из Средней Азии приходили караваны с продуктами сельского хозяйства, изделиями ремесла, с предметами роскоши. Предметами транзитной торговли, как и раньше, были: шелк, ткани, оружие, кони, высокохудожественные изделия из кости, керамики, металла, ювелирные украшения, хлеб, ткани, сухофрукты, изюм, сладости.

В условиях нестабильности город укрепляется, становится крепостью.

В источниках, описывающих события конца XV–XVI в., говорится о «крепости Ясы» [14, с. 118-120]. В «Шайбани-наме» [14, с. 95] сообщается: «Султан Махмуд-хан... отправил в вилайет Туркестана, прежде всего в Йассы, могульское войско... Они пришли (и) Бурундук-хан посоветовался с эмирами и могулами: „Крепость Йассы укреплена и хазрат наместник всемилостивого (Мухаммед Шайбани-хан) тоже находится там... Целесообразно было бы пойти нам с начала и взять крепость Отрар, а после этого вернуться к крепости Йассы“« [14, с. 120].

Надо полагать, что в это время Ясы, как и другие города на Сырдарье [13, с. 16-18], превратился в сильную крепость, способную выдерживать длительные осады благодаря мощной фортификации, запасам продовольствия и воды. Город включал в себя шахристан и рабад, обнесенные стенами с башнями. Они составляли основное городское ядро-хисар [15, с. 204]. В хисаре выделялась укрепленная цитадель (кала).

В последние три десятилетия XV в. за сырдарьинские города боролись тимуриды, шайбаниды, казахские и могульские ханы [16, с. 152]. Долина р. Сырдарьи и Дешт-и Кыпчака были основными районами их соперничества. В этот период г. Ясы часто подвергался осадам и принадлежал то одним, то другим правителям [14, с. 31, 73, 117].

В конце 60-х годов XIV в. в Ясах еще находился тимуридский наместник – Мухаммад Мазид-тархан [13, с. 33]. Но уже в начале следующего десятилетия город несколько раз переходил в руки то узбекских, то казахских ханов.

В первой половине 80-х годов им овладел Мухаммад Шайбани, но казахское войско осадило Ясы [14, с. 73]. В борьбе с казахами Шайбани потерпел поражение и был вынужден уйти в Хорезм

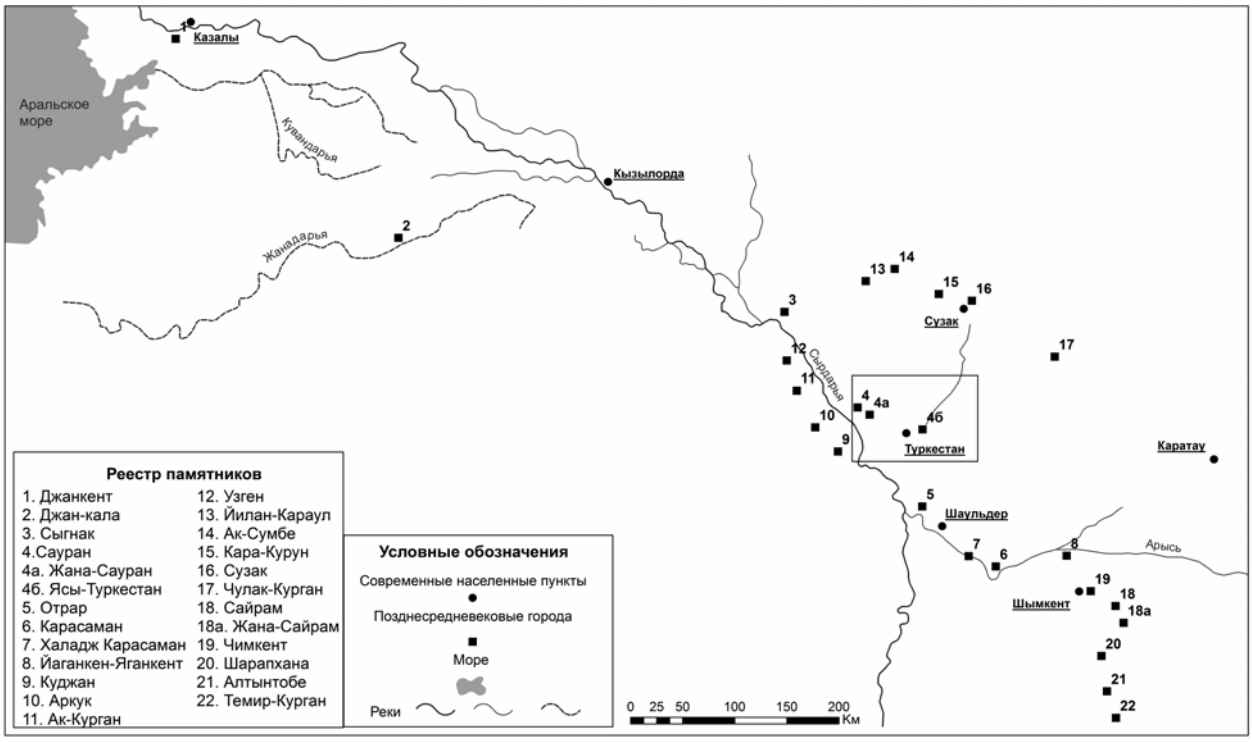

Рисунок 1 – Карта городов Казахского ханства XVI–XVIII вв., города первой половины XIX в.

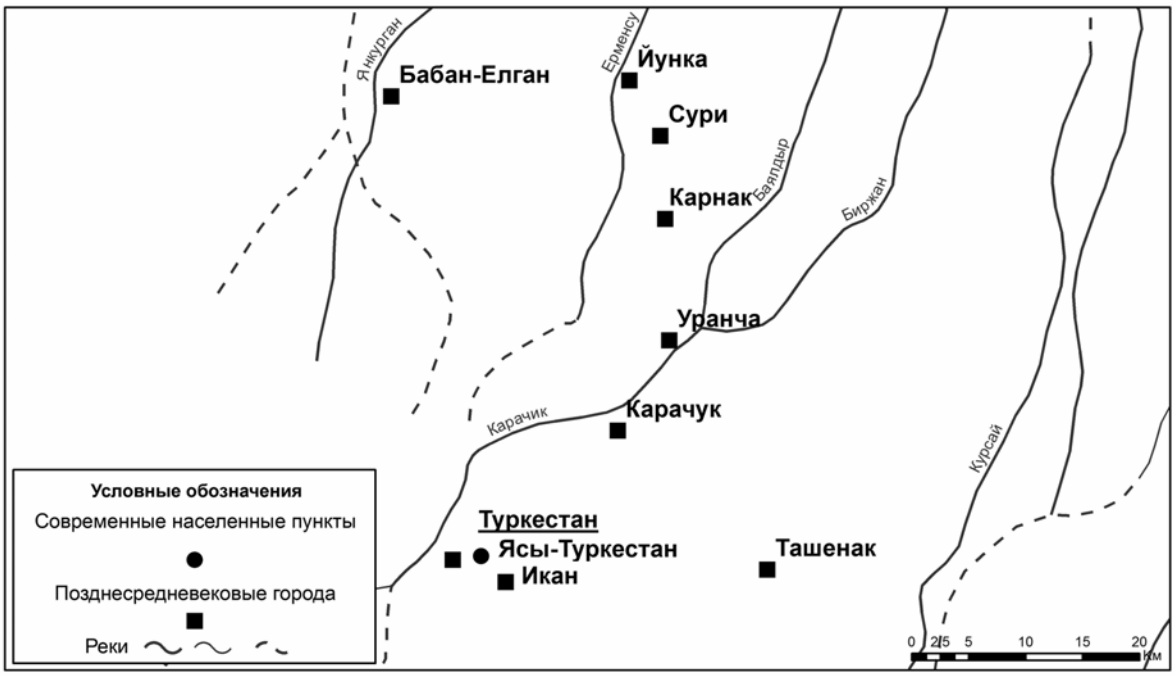

Рисунок 2 – Карта городов Туркестанского оазиса

[17, с. 146]. Однако в начале 90-х гг. Мухаммад Шайбани, при поддержке могульского хана Султан Махмуда, овладел Отраром, а затем захватил Сауран и Ясы [14, с. 29-30, 117-118].

В XVI в. войны за присырдарьинские города вспыхнули с новой силой.

В последние годы своей жизни Мухаммад Шайбани совершил несколько походов на казахов. Крупный поход состоялся в январе 1509 г. Оставив основной лагерь в Ясы, Шайбани двинулся на Сыгнак и разграбил казахские зимовья. Огромная добыча была переправлена в Мавераннахр [15, с. 132, 252].

Но уже в следующем году во время похода на Улутау войска Мухаммада Шайбани были разгромлены казахами [14, с. 133-134, 217-218]. В 1512 г. казахский хан Касым (1511–1525) занял г. Сайрам и опустошил окрестности Ташкента [18, с. 365]. Большинство городов Сырдарьи стали владениями Касым-хана.

Несмотря на периодически повторяющиеся войны, XV – первая половина XVI вв. были периодом подъема сырдарьинских городов: Ясы, Отрар, Сауран, Сыгнак, Аркук, Сайрам стали крупными городскими центрами, игравшими значительную роль в политической, экономической и культурной жизни оседлого и кочевого населения Казахстана. Об этом свидетельствуют источники XV–XVI вв. [19, с. 156].

Следует отметить, что во второй четверти XVI в. в Казахском ханстве разгорелись междоусобицы.

Летом 1581 г. шайбаниду Абдаллах-хану удалось изгнать Баба-султана из Ташкента. Однако тот захватил города Ясы, Сауран, Аркук, Сайрам, Сузак [14, с. 256, 296, 283, 308-309].

В 1582 году Абдаллах-хан II вместе с казахскими ханами Шигаем и Тевеккелем выступил в поход против Баба-султана. Были осаждены занятые им города. В битве около г. Ясы Тевеккель разбил войска Баба-султана, убил его самого, после чего сырдарьинские города Сауран, Туркестан (Ясы), Отрар, Сайрам отошли к Абдаллах-хану [14, с. 283, 310-311].

Он с перерывами владел г. Туркестаном до 1596 г. По его приказу было окончено строительство портальной части мечети-мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, оставшейся незавершенной после смерти Тимура. Кроме того, произведен частичный ремонт памятника (укреплено основание, реконструирована ниша у северного минарета, переделаны перекрытия и т.д.) [20, с. 121-130; 21, с. 8, 14]. Абдаллах-хан построил много зданий, в том числе баню-хаммам, отапливаемую дымоходом, которая сохранилась до сих пор [22, с. 133-138].

В 1596 г. Абдаллах-хан вернул себе Ташкент, но после его смерти Тевеккель за короткое время завоевал Ташкент, Фергану, Самарканд. Ташкент почти двести лет (1598-1798 гг.) оставался во власти казахов [18, с. 407]. В это же время Тевеккелем был завоеван и г. Ясы-Туркестан и город окончательно перешел к казахским правителям.

Именно в этот период происходит подъем города Ясы – он начинает называться Туркестаном [14, с. 280; 13, с. 19, сн. 102].

Однако длительные войны шайбанидов и казахских ханов в целом отрицательно сказались на экономике и состоянии городской жизни края. Частый переход присырдарьинских городов из рук в руки, отсутствие твердой власти, грабежи, продовольственные реквизиции у населения подтачивали основу стабильного развития городов как центров ремесленного производства и торговли, их земледельческой округи [18, с. 279].

Хан Есим (1598–1628) сделал Туркестан столицей Казахского ханства и в знак самостоятельности своего правления стал чеканить здесь монету, собирал с населения пошлину и поземельный налог [23, с. 58-68]. С этого времени и до XIX в. г. Туркестан является одним из центров и официальным местом пребывания казахских ханов то Старшего, то Среднего жузов.

Из г. Туркестана казахские ханы совершали походы на Андижан, Самарканд, боролись за Ташкент [18, с. 282-284].

При хане Тауке (1652–1718) ханская власть в присырдарьинском регионе была прочной [18, с. 286].

В XVII в. усилились контакты между Россией и Казахским ханством. В Туркестан, как столицу, приезжали русские посольства к казахскому хану, останавливались дипломатические или торговые миссии, направлявшиеся в Среднюю Азию. Отсюда же казахские ханы отправляли в Россию посланников с важными дипломатическими поручениями. Хан Тауке только в 1686–1693 гг. отправил к русскому царю пять посольств [18, с. 296-297]. В 1694 г. в г. Туркестан прибыло посольство из русского государства во главе с Ф. Скибиным и М. Трошиным [24, с. 228]. По некоторым данным в XVII в. через казахские степи прошло 44 посольства из Бухары и Хивы в Россию и 9 русских посольств в среднеазиатские ханства [25, с. 5].

Подробное перечисление сырдарьинских городов с указанием расстояния между ними содержится в описании «городков Казачьей Орды по пути от Тобольска до Тургистану», составленном в 1696–1697 гг. Ф. Скибиным и М. Трошиным, которые возвратились от хана Тауке [26, с. 262-263].

Они сообщают: «Первый город по Савранской дороге с правою сторону Савран. Позади того города Саврана вниз по Сыр-Дарье реке в каракалпацкую сторону городок Сырнак, а промеж

Савраном и Сырнаком ходу день. От Саврана с правую сторону под западом за Сырдарьею рекою городок Оккорган, а от Саврана до этого городка ходу больше полудня. С левою сторону от Саврану городок Сусак, а ходу от него до Саврана два дня, стоит в каменю. В полуденной стороне от Саврана город Тургистан, в котором владелец Тевки хан, а промеж Саврану и Туркестану ходу день. От Саврану городу, идучен к Тургистану на полудороге стоит город пуст, а по ведомости разорил де Кучук салтан хан. Да по той же дороге с левою сторону город Карачюк, до Тургистану не дошед на 5 верст, да с левою же сторону под каменем город Карнак, а от Тургистану в русскую сторону за 10 и больше. Да против Тургистану под восток с левую сторону под каменем город Уралхай, до него от Тургистану верст с 10. Да от Тургистану же промеж востоком и полуднем в 5 верстах город Ташенак. Да от Тургистану же в полдень город Гихан, а ходу от него до Тургистану верст с 20, а ныне многие городки близ Тургистану, а имян их не ведаем.

Да в полуденную сторону от Тургестану город Отров, а ходу до него день. Да от Тургистану же промеж полуднем и западом город Сайран, а ходу от него до Тургистану 2 дни. А всех городков в Казачьей орде – 32» [27, с. 378-379].

В источниках конца XVII в. сохранились описания города Туркестана той поры. Участник русского посольства Тауш Мергень сообщал: «... а город де Тургустан кладен необожженным кирпичем, а в иных местах жженый кирпич: в вышину тот город сажен в три, в толщину – аршина в два и сажень, а кругом сажень с 500, и на стенах поделаны бойницы: да в том же городе башня да четвера ворот проезжие, да казахов живет в том городе ... человек с 1000 ... Да в том же городе по их закону построена мечеть, а кругом того Тургустана города пролегла степь» [24, с. 172]. Он также сообщал: « …а пушек нет, только де есть у тех людей, которые живут в городе, ружья пищали, копья и луки, и пассыри, да и на базаре продаются рублев по 12 и по 13, а пищали против тобольской цены. Да в том же городе по их закону построена мечеть» [27, с. 405].

Это сообщение перекликается с наблюдениями Ф. Скибина и М. Трошина: «...А крепости де в Туркестане и в городах валены, валы земляные и по валу кладены стены кирпичные необожженные, а вышиной и с валом стена сажени в пол-третьи, а шириною местами в сажень, а иными местами и больше и меньше; а к верху аршина по полутора и по 2; а больше де у них в городах валены одни земляные валы без кирпичу, а земля плотна и не сыпуча, а рвов де копанных нет...» [27, с. 383].

Сохранился схематический аксонометрический план г. Туркестана (зарисовка начала XVIII в.) [28, с. 55; 29, с. 26; 24, с. 173]. На нем видно, что город имеет крепостную стену, с внешней стороны которой местами вырыты рвы с водой. Шесть городских ворот укреплены въездными башнями с бойницами. Зигзагообразные улицы рассекают городскую территорию на несколько частей. Дома примыкают друг к другу, образуя плотные жилые массивы вдоль улиц. На плане изображены колодцы, указаны места базара и караван-сарая. Городская территория имела вытянутую овальную планировку.

Дома возводились из сырцового кирпича с камышовыми плоскими крышами, обмазанными глиной. Городскую территорию разрезали улицы, площади, базары. Общественные постройки представлены мечетями, банями.

В конце XVIII в. Туркестан завоевал ташкентский правитель Юнус-Ходжа. После его смерти в 1810 г. город был присоединен к Бухарскому ханству. П. И. Рычков, описывая «Туркестанское владение», отмечал, что город «не так знатен как прежде» и дал такую характеристику Туркестану середины XVIII в.: «...Сей город... стоит на речке, называемой Карасу. Улицы в нем кривые и весьма тесные так, что поперек инде меньше одной сажени. Домов в нем по тамошнему обыкновению строенных, однако, гораздо хуже ташкентских с тысячу. Крепостного строения регулярного нет, только имеется круг всего жилья стена глиняная и вокруг нее небольшой ров с водою. Мечети в ней три, из которых одна древней и хорошей работы имеет в себе многое число разных покоев; в ней погребен вышеупомянутый магометанский чудотворец. Во всем городе никаких базаров нет, а жители со всеми торгами отъезжают в Ташкент... Прежде сия провинция собственно имела в себе городов до тридцати, а ныне более десяти нет...» [30, с. 18-20].

После джунгарских вторжений наблюдался упадок хозяйственной жизни в крае. В округе Туркестана, о чем пишет П. И. Рычков, уменьшилось количество населенных пунктов. Сократилась торговая деятельность города, особенно транзитная, имевшая первостепенное значение для развития города. Все это привело к тому, что к концу XVIII в. Туркестан значительно запустел. Это

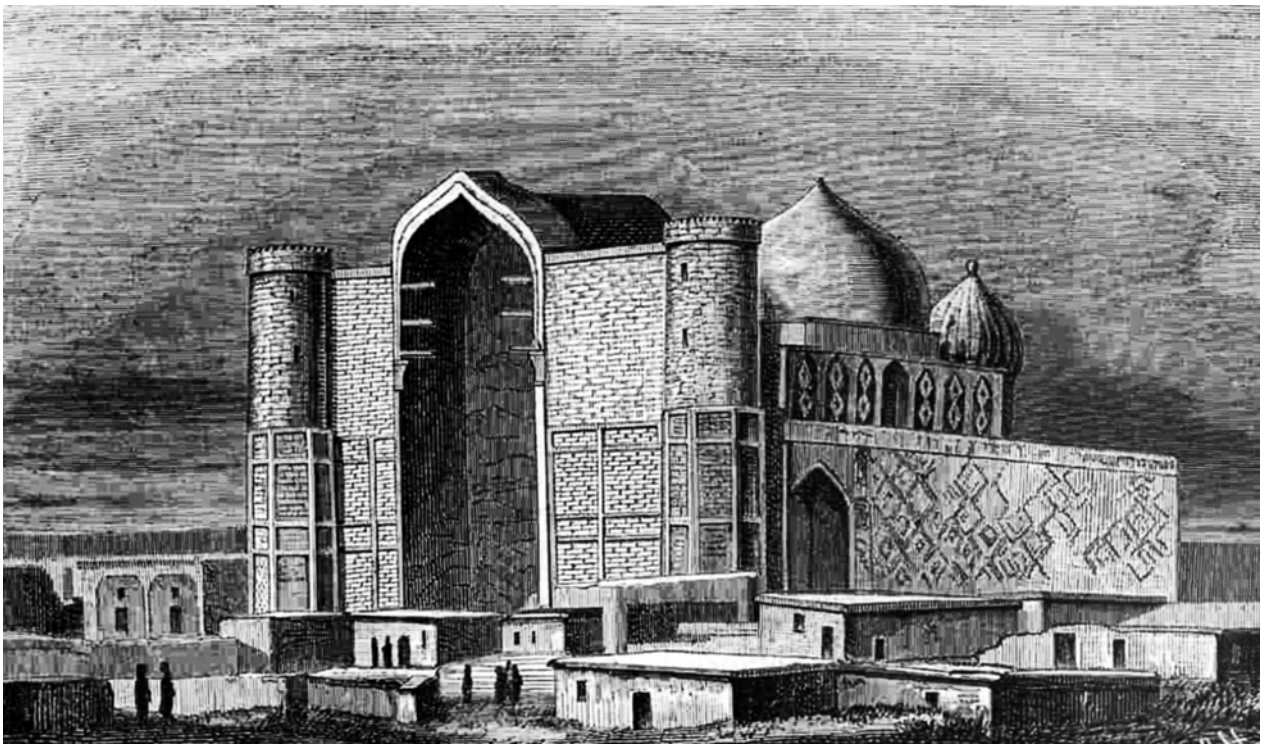

Рисунок 3 – Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави. Рис. на дереве А. Н. Писченкова, гравёр Н. Кондем
(по наброску Д. В. Вележева, 1866 г.)

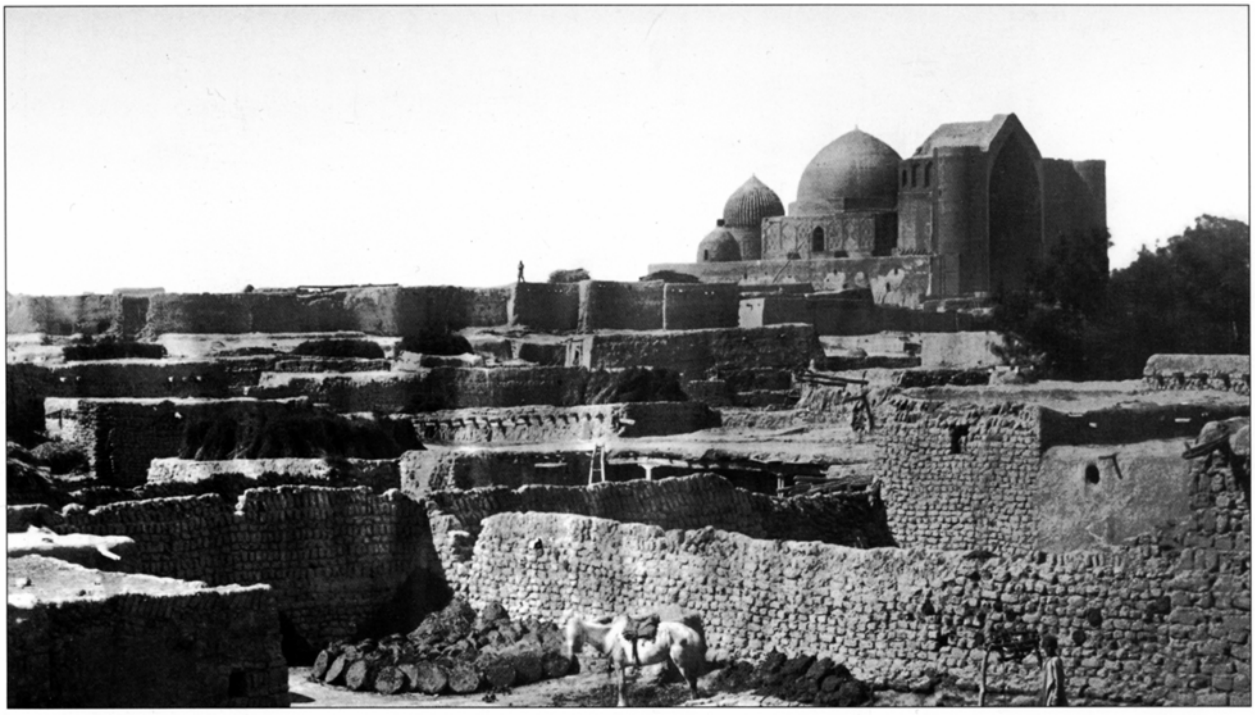

Рисунок 4 – Вид города Туркестана и мавзолея Хаджи Ахмеда Ясави. Фото М. К. Приорова. 1866 г.
Из «Туркестанского альбома». 1871 г.

подтверждали донесения Т. Бурнашева и М. Поспелова, побывавших в 1800 г. в Туркестане и Туркестанском крае по приглашению ташкентского правителя Юнус-Ходжи: «Сей довольно известный в древности город столь опустошен, что не считают в нем более 300 домов, и обширность прежнего селения видна уже в одних только развалинах» [31, с. 29].

В первой половине XIX в. Туркестан, как и другие города Южного Казахстана, Жетысу и Приаралья, захватило Кокандское ханство.

Подробности взятия Туркестана кокандцами описывает В. Наливкин: «Летом 1819 г. хан Омар решил идти к Туркестану, во-первых, с целью его завоевания (Туркестан в то время находился под властью Бухары), а во-вторых, для поклонения святыне, столь чтимой во всей Средней Азии».

...Хушвакт-Кушбеги, Хан-Ходжа, Мир-Асат, Туре-Хан и Ма-Шариф-Парванчи с их нукерами были направлены против Туркестана. Кокандский отряд спешился: на рассвете несколько человек охотников без шума перелезли через крепостную стену, изрубили привратников и открыли ворота; город был занят почти без боя и немедленно же разграблен. Токей-туре (бухарский наместник) удалось бежать с семьей во время всеобщего переполоха через отверстие в городской стене... Тотчас же по занятии Туркестана к Омару были посланы гонцы... Омар вступил с остальными войсками в Туркестан...» [32, с. 111].

В литературе второй половины XIX в. сохранилось множество сведений о г. Туркестане периода кокандского владычества. Описания русских путешественников, исследователей, ученых и военных дают хорошее представление о том, что представлял из себя Туркестан в середине и начале второй половины XIX в. [33, с. 273-297; 34, с. 209-217; 35, с. 52-63; 36; 37, с. 61-65; 38, с. 11-13 и др.].

Приведем некоторые из них. Попавший в плен к кокандцам путешественник Н.А. Северцев описал сам город, цитадель и включенный кокандцами в состав крепости комплекс мечети-мавзолея Ахмеда Ясави: «Проехали мы пояс лугов и полей... и пояс садов и увидели (г. Туркестан)... стена глиняная и город тоже квадратный, каждая сторона около версты; въехали... Улицы, разумеется, не ровны, не мощены, выбиты прохожими и проезжими верблюдами и лошадьми, узки и только на них и видно, что глиняные стены в рост верхового, одного цвета с землей.

...Окон нет нигде на улицу; домики пренизкие, прислонены к какой-нибудь из четырех стен, окружающих квадратные дворики, где есть досчатые двери во двор, где и просто вместо двери, ограда прерывается аршина на полтора, но дома большей частью не видно: он не против этого отверстия, а сбоку или в углу. Просто, мертво; зелени не видно, ни на улицах, ни на дворах ни деревца, ни травки; киргизское кладбище со своими разнообразными могилами приветливее смотрит и более похоже на обитаемое место, чем эта путаница переулков, идущих между однообразными грязно-сероватого цвета оградами...

Базар состоял из таких же улиц, как и прочие, пошире немножко, и одна расширена даже вроде площади... Лавки – открытые спереди навесы, прислоненные к глиняным оградам. Вообще туркестанские улицы коротки и отправляясь куда-нибудь в городе, всегда едешь зигзагом...

...Мы подъехали к городской цитадели, которая окружена особой стеной, такой же глиняной, как и город. Цитадель четырехсторонняя, а одна сторона прислонена к общегородской стене. В этой цитадели живет датка, его офицеры и гарнизон; там же – большая мечеть Азрет-Султан и еще другая, поменьше, но тоже старинная... Единственные ворота в цитадели пробиты в стене напротив той стороны, которая прислонена к общегородской стене. У стены, от ворот влево, если посмотреть снаружи, стоят шесть пушек; за ними снаружи стены, для главного караула. Кругом цитадели широкий и глубокий ров с водой, через него у ворот мост... Вершина стены на глазомер около 3–4 саженей.

Мы въехали в ворота... Тут представилась улица, опять так же глиняные ограды, как и в городе. У первых ворот налево мы сошли с лошадей и вошли во двор... потом несколько ступеней, еще ограда и второй двор, а там уже и жилище датки... Мой новый проводник повел меня под крепостные ворота, и мы вошли через низкую дверь в темную пустую комнату. Стены были глиняные, пол глиняный, вместо потолка камышовая плоская крыша, внутри обеленная тоже глиной, отчасти обвалившейся, на кривых стропилах; вместо окна – дырка в стене, в которую разве пятилетнему ребенку с трудом пролезть...» [33, с. 214-215].

М.С. Бекчурин, побывавший в Туркестане в 1865-1866 гг., отмечал: «Мечеть... находится за городским валом в особом дворе, окруженном высокой глиняной стеной, по углам которой устроены из жженого кирпича бастионы, вооруженные крепостными орудиями. Двор разделен на

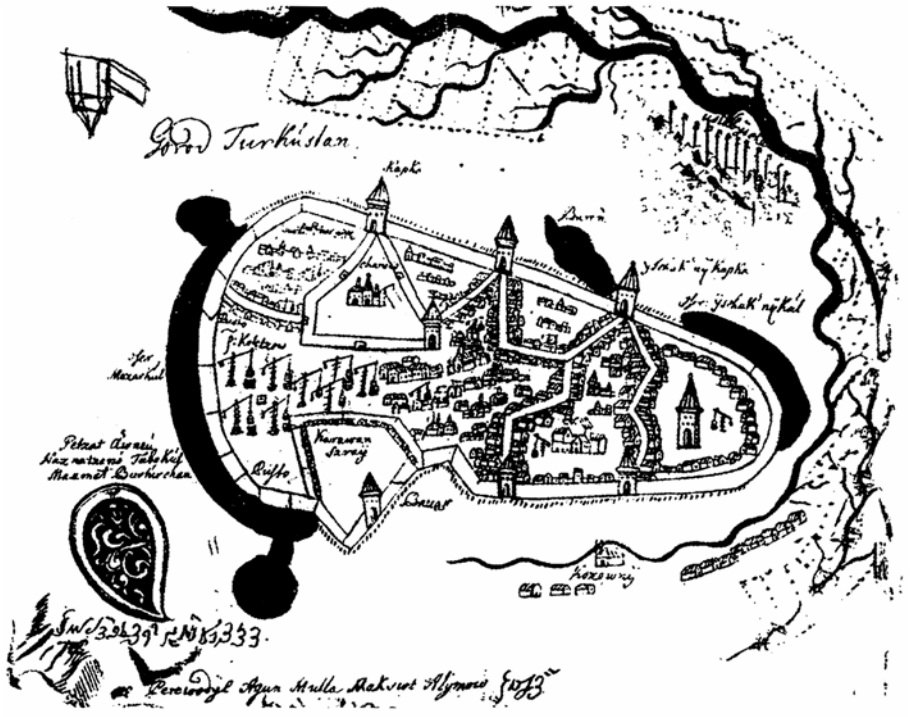

Рисунок 5 – План города Туркестана из архива Д. Г. Мессершмидта

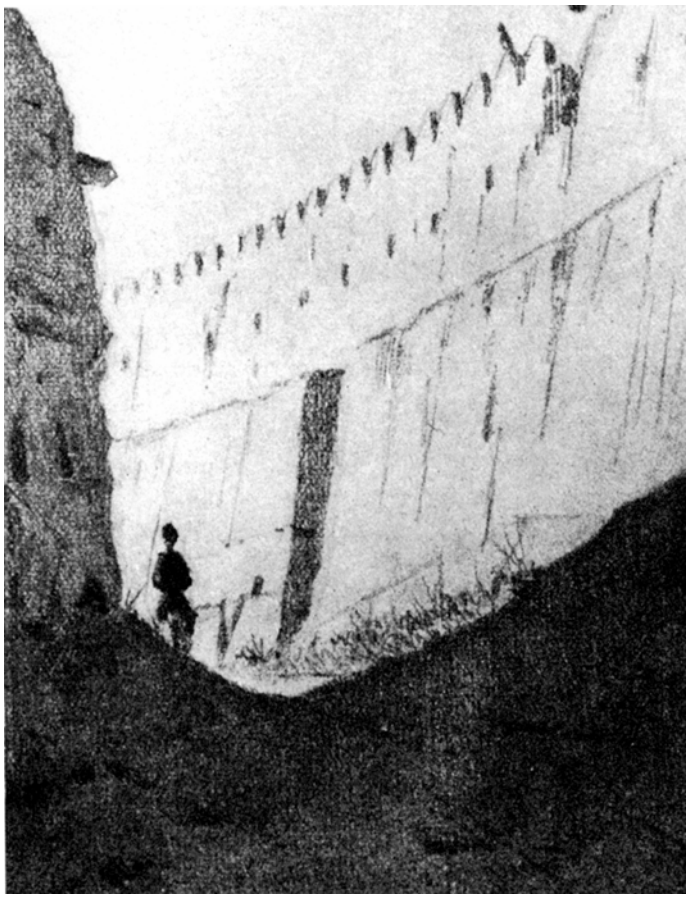

Рисунок 6 – Стена города Туркестана. Рисунок В. В. Верещагина

две половины: в первой ныне находится гауптвахта и квартира интендантского чиновника, переделанная из сакел, в которых до прихода русских помещался туркестанский хаким (комендант), а мечеть Азрета стоит в другой половине» [35, с. 52].

Художник В.В. Верещагин писал в 1866 г.: «...Мы приближались к городу Туркестану, ему предшествует множество садов. Вскоре показалась мечеть Газрет... и мы увидели, наконец, зубцы огромной крепостной стены...

...Город, расположенный к юго-востоку от крепости, походит на все туземные города этой страны; в домах нет окон на улицу и частная жизнь скрыта от любопытных взоров. На земляных полах сидят и разговаривают сарты всех возрастов... По улицам расхаживают женщины, закутанные в какие-то темно-синие халаты, прикрывающие даже голову; лица их закрыты темной сеткой с частыми петлями, сделанной из конского волоса. На улицах бродят или сидят нищие, гнусавя на все тоны и лады. Дервиши, призывающие благословение неба на всех честных людей, дерзко выпрашивают милостыню... они ходят в остроконечной шляпе в разорванной одежде, с котомкой за спиной, держа в одной руке палку, а в другой – длинную чашу из тыквенной или кокосовой коры.

На туркестанском базаре продаются туземные товары и многие предметы, привезенные из России. Там есть много заведений, похожих на наши рестораны, где продают преимущественно чай и пирожные, каковы пельмени и самуссы, небольшие пирожки из пресного теста с мясом.

...Религиозные здания отличаются от частных домов только большим простором и чистотою, а иногда и небольшим куполом. При каждом из них есть двор с бассейном, окруженным деревьями, и галерея, где правоверные оставляют свою обувь... карнизы, колонны и потолок этой галереи украшены яркими рисунками...

Улицы Туркестана узкие и темные: с одного края на другой протянуто полотно, отражающее солнечные лучи, и это распространяет очаровательную прохладу...» [36, с. 221].

Н. А. Таранов писал: «Туркестан... является центром киргизской жизни. Дома выведены из нежжёного кирпича – одноэтажные; но большинство слеплены из глины и довольно однообразной архитектуры. Улицы имеют оригинальный и вместе с тем непривлекательный вид..., т.е. конюшни, сараи и другие службы выходят на лицевую сторону улицы. Жилые же помещения находятся сзади этих построек и лицевой стороной обращены на задний двор.

Посреди города находится обширный базар, стены которого выстроены из кирпича, а вместо крыш служат жерди с навешенными на них тряпьем или рогожами, как защита от солнечных лучей и дождя. Город весьма богат садами, что значительно украшает его; особенно он красив издали...» [39].

К. Абаза: «Туркестан... весь глиняный: стены, цитадель, прочие мечети, дома – все глиняные. Стены крепости так толсты, что на них могут разъехаться несколько всадников. Из главных ворот идет большая широкая улица к середине города, где находится торговая площадь. И площадь, и

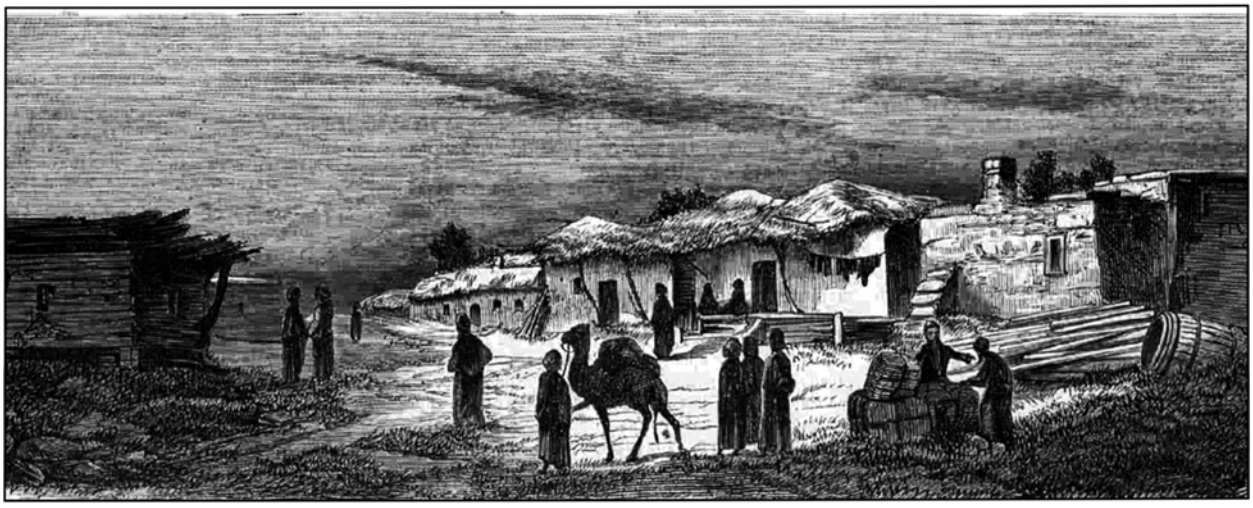

Рисунок 7 – Базар в Туркестане. Рис. на дереве А. Н. Писчекова, гравёр Н. Кондем (по наброску Д. В. Вележева, 1866 г.). Из «Всемирной иллюстрации»7 1870 г.

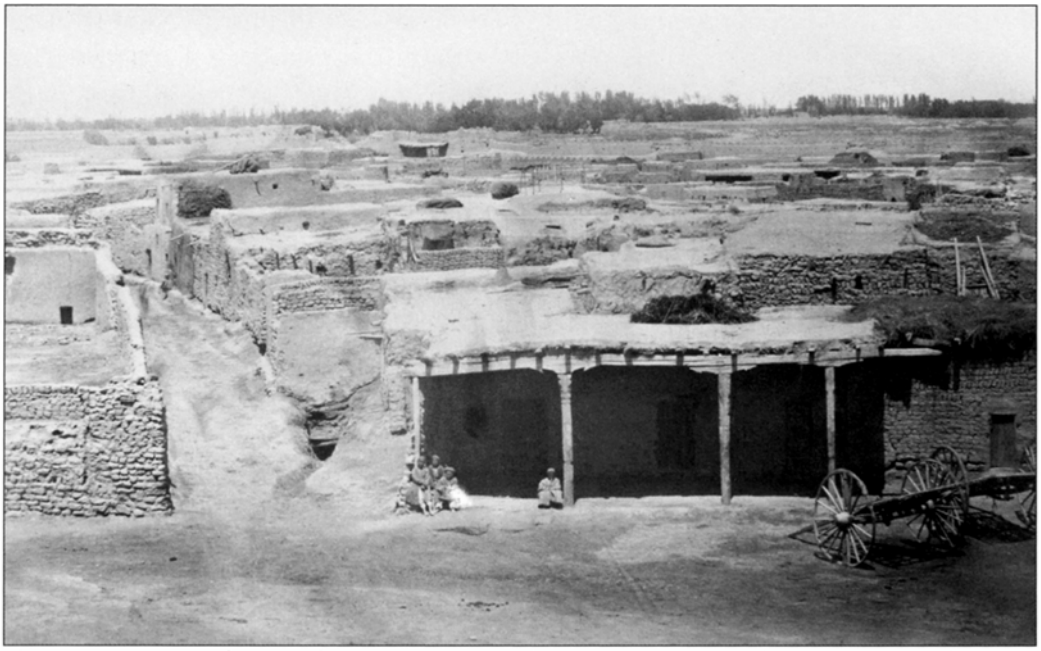

Рисунок 8 – Туркестан. Часть города «Ходжалык». Фото из «Туркестанского альбома». 1871 г.

улицы унизаны множеством лавчонок, в которых продают предметы первой необходимости. Дома непрочны, неуклюжи... Каждый хозяин живет особняком: посередине дверь, а на улицу выходит узкая калитка, все же окна – во двор. Крыши на домах – плоские, присыпанные землей и глиной; тут же лежат собаки, живут которые, охраняется сено и другие запасы. Туркестан весь окружен садами» [40, с. 78].

Эти и другие свидетельства рисуют довольно наглядную картину жизни г. Туркестана, похожую на жизнь других городов. Туркестан имел цитадель и был окружен крепостной стеной протяженностью более 3 км [41, с. 279]. В середине XIX в. в нем насчитывалось 1200 домов. Город не имел четкой правильной планировки. Узкие, грязные внутриквартальные улочки пролегали в разных направлениях, соединяя кварталы (махалля) с магистральными улицами, базарной площадью и центральной частью города, где находился мавзолей Ахмеда Ясави. Внутри города зелени было мало. Орошаемые земли с полями, садами, лугами располагались вокруг Туркестана, за пределами крепостных стен [42, с. 126. В середине XVIII в. в городе было 1000 домов. См. 30, с. 20].

Город делился на пять частей. Четыре из них именовались по названиям ворот (Ишан-капка, Мусалля-капка (Баб-Араб), Иетты-ата-капка, Дарваза-капка) [21, с. 9] и были населены горожанами. В пятой небольшой части – цитадели находился мавзолей Ахмеда Ясави, различные культовые сооружения, гарнизонные постройки и проживало до 30 семей ходжей и часть гарнизона.

По сравнению с началом XIX в. население города увеличилось за счет населения из Средней Азии и Коканда [по переписи 1867 г. население г. Туркестана составляло 5000 человек. См. 43, с. 520].

Туркестан населяли торговцы, ремесленники и земледельцы [42, с. 126-127]. Жители г. Туркестана, как и население других городов, широко занимались мелкой внутренней торговлей менового характера, а также ремеслом. Ремесленные заведения представляли собой мелкие мастерские по переработке сельскохозяйственного сырья. Довольно оживленной была внешняя торговля. На внешних рынках Коканд торговал с Западной Монголией, Восточным Туркестаном, Бухарой, Хивой, Россией.

При кокандцах сохранялось религиозное значение города, как одного из крупных мусульманских центров. Это отвечало интересам политики Коканда на завоеванных территориях, направленной на усиление позиций ислама среди подвластных казахов и киргизов. Все кокандские ханы подтверждали законность вакфных грамот шейхов мавзолея Ахмеда Ясави [21, с. 9].

После присоединения к России город стал быстро расти. Рядом с крепостью возникли новые улицы, их планировка, благоустройство отличались от «старого» города [42, с. 127]. В истории города Туркестана начался новый период.

Город Ясы-Туркестан локализуется на месте городища Иски-Туркестан, расположенного в центре современного города, включающего в себя и комплекс мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави. История его изучения начинается с 1867 г. и связана с научной поездкой в Туркестанский край востоковеда П. И. Лерха. Много сделали для изучения Туркестана, прежде всего в аспекте его истории, описания топографии В. В. Бартольд, А. А. Диваев, Н. С. Лыкошин, А. И. Добросмыслов. Археологические и историко-архитектурные исследования, связанные с изучением мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави, были начаты в 1928 г. М. Е. Массоном, затем проводились Б. Н. Засыпкиным, Т. Ш. Карумидзе, Л. Ю. Маньковской, Н. Б. Немцевой, Б. Т. Туякбаевой, А. Н. Проскуриным.

Археологические раскопки на городище Туркестана проводились Т. Н. Сениговой, Л. Б. Ерзаковичем, Е. А. Смагуловым, М. К. Туякбаевым. Продолжаются они и сейчас. Накопленные материалы позволяют проследить историю города на всем протяжении его существования [44; 45; 46, с. 82-100].

Город Ясы-Туркестан был центром большого округа. Источники упоминают и характеризуют многочисленные городки и селения вокруг.

Селению *Карнак* соответствует позднесредневековое городище Ишкан в с. Карнак, в 25 км севернее Туркестана. Село сохранило имя древнего города, который получил известность как место, где отливался знаменитый той казан для мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави [21, с. 16]. Городище Ишкан датируется исследователями XIII–XIX вв. Ранее предложенные отождествления Карнака с городищем в с. Чарнак, а городища Ишкан в свою очередь с Шагильджаном [7, с. 102-104], предложенные Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевичем, не выдерживают критики. Ишкан не дает материалов раньше XIII в., которые обязательны для домонгольского Шагильлжана, упомянутого в X в., а Садык-Ата-тобе (Сейдак-Ата), бывшее село Чарнак, прекращает жизнь в X в. [47, с. 305-309].

Карачук и Йунка названы Хафизом Танышем в описании похода Абдаллах-хана [14, с. 269]. Карачук, кроме того, известен и в русских источниках XVII в. Он помещен в 5 верстах не доезжая Туркестана, на караванной дороге из Сибири в Туркестан [27, с. 378].

В «Сказке» Ташкентского сарта Нурмухаммеда Алимова о казахских ханах, городах Ташкенте, Туркестане и прочих достопримечательностях этих мест, датированной от 15 марта 1735 г., «в числе

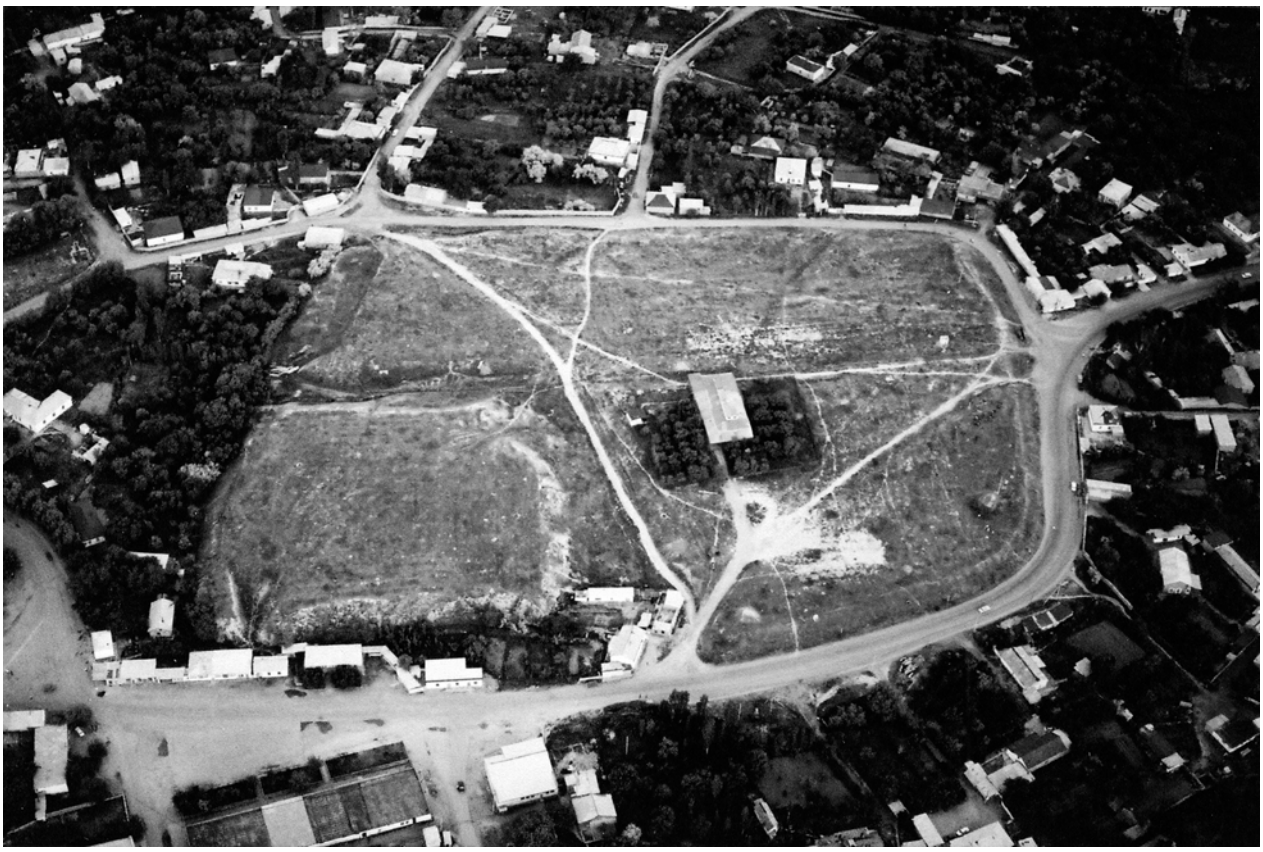

Рисунок 9 – Городище Ишкан – город Карнак. Аэрофото

городов во владении Туркестана назван город Карачук» [48, с. 29]. Название Карачук сохранилось в имени речки Карачик. На берегах ее найдено и обследовано несколько городищ.

Поздний материал встречен па городище Тортколь-тобе II, которое расположено на левом берегу р. Карачик, в 8 км от Туркестана. Оно состоит из двух частей, разделенных промоиной шириной 20 м. Западная часть представляет прямоугольный плоский бугор высотой 4–5 м, окруженный со всех сторон оплывшей стеной высотой 5,5 м. На ней через каждые 25–30 м устроены башни, от которых сохранились всхолмления высотой 0,5 м над общим уровнем вала.

Северная стена городища равна 120 м, северо-западная – 60 м, западная – 130 м, южная – 100 м и восточная – 120 м. Главный въезд в эту часть городища находился с северо-запада. Это впадина в стене шириной 5 м. От въезда, под утлом к западной и южной стенам, идут две улицы, вдоль которых группировались жилые постройки. От них сохранились плоские прямоугольные, квадратные и округлые в плане бугры. В 10 м юго-западнее расположен подтреугольный бугор со стороной 60 м и высотой 2 м. Он покрыт кусками шлака, бракованной посудой, зольниками. Думается, что здесь ближе к реке располагались керамические мастерские. Восточная часть городища в значительной степени размыта р. Карачик. Полностью сохранились западная, южная и восточная стены. Размеры их равны соответственно 130, 125 и 200 м. По периметру городище укреплено валом. Особенно укрепленным был вал с восточной припольной стороны. Башни на нем устроены через каждые 10 м. Мощность культурного слоя, судя по срезу обрыва в северной части городища, составляет 4,5–5 м [49, с. 175-176].

В керамике преобладают типы посуды, характерные для XV–XIX вв. Таким образом, отождествление Тортколь-тобе II и позднесредневекового Карачука не вызывает особых сомнений.

Городище, которое должно соответствовать селению Йунка, согласно сообщению Хафиза Таиыша, следует искать неподалеку от Карачука.

Рядом с городищем Тортколь-тобе II, в 7–8 км северо-восточнее, находится городище Жойнек-тобе. Как явствует из названия городища, оно в несколько искаженном виде сохранило имя позднесредневекового города Жойнек. Часть городища подмыта р. Ирменсай и обвалилась. В разрезе берега определяется толщина культурного слоя, которая достигает 10–12 м. Оставшаяся часть

Рисунок 10 – Городище Тортколь II – город Карачик

Рисунок 11 – Городище Жойнек – город Йунка

памятника представляет собой овальный бугор, наибольшая высота которого равна 10 м. Здесь находится круглая в плане площадка диаметром 15 м. Вся поверхность городища занята буграми, плоскими сверху и округлыми в плане. Вход прослеживается в середине южной стороны и представляет собой ложбину шириной 10 м. Размеры сторон бугра: юго-восточная 70 м, восточная – 150 м. За пределами главного бугра городища видны следы застройки. Они тянутся вдоль реки на 200 м.

Керамика, собранная на поверхности городища, извлеченная из осыпей, из культурных наслоений, охватывает время с V–VIII по XVIII вв. [49, с. 176-177].

О Сури известно по сведениям Хафиза Таныша. Здесь, сообщает он, расположились войска Абдаллах-хана, которые до этого находились в Халадж-Карасмане. Они «пришли в Сури – подвластную Туркестану землю и расположились здесь лагерем» [14, с. 283]. Согласно переводу К. А. Пищулиной, Сури было селением [13, с. 20].

Восточнее Туркестана находится городище *Сор-тобе,* которое, видимо, и следует отождествить с позднесредневековым Сури, тем более что городище дает материалы с VII по XVIII вв.

Икан. У Хафиза Таныша в описании похода Абдаллах хана в 1582 г. в Дешт-и Кыпчак Икан назван как «местность вблизи Яссы-Туркестана» [48, с. 282].

Однако Икан (Ихкан) как город и место рождения ряда шейхов был широко известен в сочинениях арабских источников начала XIII–XIV вв. Об этом свидетельствует их нисба, при этом вторая нисба связывает их происхождение и с Фарабом [50, с. 86, 135, 150, 160].

В XVIII в. в 1735 г. об Икане сообщал Нурмухаммед Алимов, как о городе [48, с. 29]. Как о небольшой деревне «Икант, находящейся от Туркестана верст 20» пишет в 1738 г. Карл Миллер [48, с. 161-162, 166-168]. В материалах о поездке казачьего атамана поручика Дмитрия Телятникова и сержанта Алексея Безносикова с Иртышской линии в Ташкентские владения в 1796 г. Икан назван «местечком».

Сказано так же, что Икан был построен Букей-султаном из Средней Орды. Иканом правил Барак хан, сын хана Турсуна, который в свою очередь овладел Иканом в 1717 г. Он умер недалеко от Икана в городе Карнаке [48, с. 388-389].

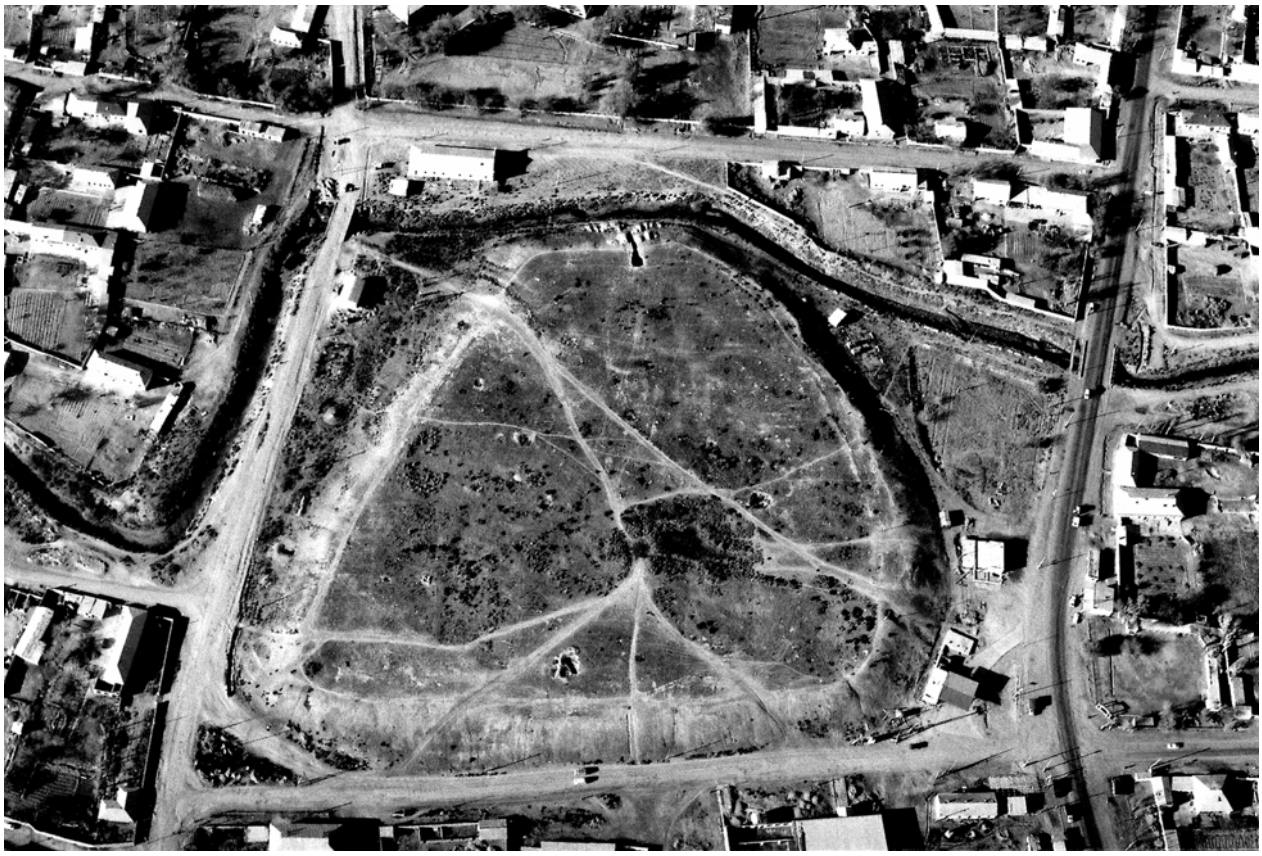

Рисунок 12 – Городище Икан – город Икан

Как сообщают русские источники, Букей-султан собрал сюда из Ташкента 200 семей и поселил их в Икане и Туркестане. Сам он всегда проживал в этом городке. Жители Икана питаются пахотою, скотоводства у них нет, довольно обильно у них родится хлопчатая бумага, из которой они одеваются, а излишнее продают. «В Икане и Туркестане, по словам русских источников, родится обильно пшеница, ячмень, просо, а из плодов – дыни и арбузы» [48, с. 161-162, 166-167].

Бабан-Елган. В фонде Сибирского приказа сохранился документ, датированный мартом 1691 г. Это запись переговоров Иркутского воеводы Л. К. Кислянского и посланцев Галдана Башокты-хана, где на вопросы воеводы о Казачьей Орде посланцы отвечают: «В Казачьей Орде владел Тауке-хан, а жили они городками, а городки у них в середине дерево, а промеж кладки кирпича, а дворы делали как городки из кирпича, а городков де у них одиннадцать. Тауке-хан живет, а тот де город славит Ясу, а величиною де тот город средний, а посади де кругом городков великие».

Посланцы говорили: «Кроме де Ясу, другой город Сайрам… седьмой Бабан-Елган» [27, с. 396]. Это название, видимо, искаженное от Бабай-Курган. Городище, известное как Бабай-Курган, сохранилось до сих пор. Оно расположено на окраине современного села, сохранившего древнее название.

В его планиграфии выделяется цитадель и шахристан общей площадью 7,8 га. Датируется сооружение XV–XVI вв. [51, с. 123-125].

Новые исследования установили, что верхняя граница жизни городища может быть доведена до XVII–XVIII вв.

Город Текек. Он также назван в списке городов казахов джунгарским послом от Галдана Бошокту-хана в беседе с иркутским воеводой Л. К. Кислянским [27, с. 166-167, 161]. Название Текек стоит рядом с городом Бабан-Елганом, отождествляемым с городищем Баба-Курган. Текек, возможно, надо поместить в Туркестанском оазисе, где сохранилось современное село Теке, вблизи которого сохранилось городище Актобе Текинское [51, с. 39]. Оно доживает до VIII в., но керамика XVI–XVIII вв. встречается в окрестностях с. Теке.

Город Ташеник. В «Сказке» купца Нурмухаммеда Алимова в перечне городов Туркестанского владения назван город Ташеник. Он находится рядом с Ихканом (Иканом) и Каричиком (Каричюком) [48, с. 29]. До сих пор сохранился топоним Ташнак. Это три городища: Ташнак, Абд-ал-Малик Ташнак и Жогары-Ташнак. Все они привязаны к современному селу Ташнак. Городище Ташнак датируется XIII–XV вв., Абд-ал-Малик-Ташнак – XIII–XVIII вв. и Жогары-Ташнак – XVIII–XIX вв. Безусловно, Ташнак, Абд-ал-Малик Ташнак либо Жогары-Ташнак и являются остатками городка из списка Нурмухаммеда Алимова.

Уранча. Этот город также находится в Туркестанском владении, и о нем также сообщает Нурмухаммед Алимов [48, с. 28].

Под очень похожим названием Оренг известна крепость вблизи Туркестана, упоминаемая в источниках XIII–XIV вв. [52, с. 83].

Топоним Уренгай-Орангай сохранился до сих пор в названии села, на территории которого имеются разрушенное городище Культобе Орангайское [51, с. 38]. Оно отождествляется с городом Уранча-Орангай [53, с. 89].

Датируется памятник XIII–XIX вв. Именно отсюда происходит клад медных монет, количеством 803 экземпляра. Клад был продатирован XVI – началом XIX вв. [55, с. 27].

Таким образом, есть все основания отождествить города Уранча и городища Культобе Урангайское, расположенное неподалеку от современного Туркестана.

Баулюк. Ташкентский купец Нурмухаммед Алимов называет этот город, который, возможно, следует отождествить, исходя из созвучия с городищем вблизи Туркестана. Сейчас оно называемо Бузау-Корган и датировано XIII–XV вв. [48, с. 29].

Однако на территории вокруг центральной части собрана керамика XVI–XIX вв.

Относительно недавно в Туркестанском оазисе была обнаружена и исследована группа позднесредневековых городищ, среди которых: городище Айнекольтобе, датированное IX–XI вв.; поселение Бузау-Корган, жившее в XIII–XIX вв.; городище Саухим-Ата, отнесенное к XIV–XVIII вв.; городище Шага I, датируемое IV–XVIII вв.; городище Коскорган, жившее в XIII–XVIII вв.; поселение Костобе, датированное XVII–XVIII вв.; поселение Кунгашир, датированное XVIII в.

Рисунок 13 – Городище Оренгай – город Уранча

Имена городов, с которыми они могли быть отождествлены, не известны, но наличие памятников XVI–XIX вв. – яркий показатель интенсивности жизни Туркестанского оазиса в XVI–XIX вв. [51, с. 37].

Город Сайрам: города и поселения его округи

Средневековый город, крупнейший в раннем и развитом средневековье городской центр Южного Казахстана – Испиджаб [51, с. 37]. Махмуд Кашгарский в XI в. писал: «Сайрам – это Испиджаб» [55, с. 83]. Город играл важную роль в событиях VI – начала XIII вв. [3, с. 232-233; 56, с. 237-243]. Он был взят штурмом монголами. Но, видимо, сильно не пострадал, поскольку даосский монах Чань-Чунь, посетивший город в 1221-1223 гг., ничего не пишет о его разрушениях и о его упадке [57, с. 22].

В послемонгольское время Сайрам продолжает оставаться крупным политическим, экономическим и культурным центром Южного Казахстана.

Во второй половине XIV в. город входит в состав империи Тимура и упоминается в письменных источниках в связи с событиями, связанными с борьбой за власть в Ак-Орде хана Токтамыша и Урусхана, походами Тимура вглубь Дешт-и Кыпчака [58, с. 265-270]. На Сайрам, как и другие города Южного Казахстана в XIV – начале XV вв., претендуют могулы. В борьбу с ними вступает Улугбек, который продолжает политику Тимура, стремившегося обезопасить империю от нападений могулов и предпринявшем ряд опустошительных военных компаний против Могулистана в Жетысу.

При хане Исан-Буге, начиная с 1451 года, войска Могулистана захватили Туркестан, Сайрам, Ташкент. В 70-е гг. XV в. города Ташкент и Сайрам вошли в состав Могулистана [16, с. 13, 120-121].

Сайрам же был одним из пограничных пунктов на северо-востоке владений тимуридов.

При последних Тимуридах Сайрам, как и другие города северного Мавераннахра, становится объектом междоусобных войн тимуридов.

К концу XV в. государство эмира Тимура распалось на мелкие уделы. Отсутствие сильной центральной власти в конечном итоге привело к полному крушению этой державы, не выдержавшей в начале XVI века натиска узбеков-шайбанидов. В борьбу за Сайрам и Ташкент активно вмешиваются казахи.

События тех лет описаны Мухаммедом Хайдаром Дулати. Он сообщает, как после неудавшейся попытки Бабура утвердиться в Самарканде, тот отдает правление Ташкентом Эмиру Мир Ахмад

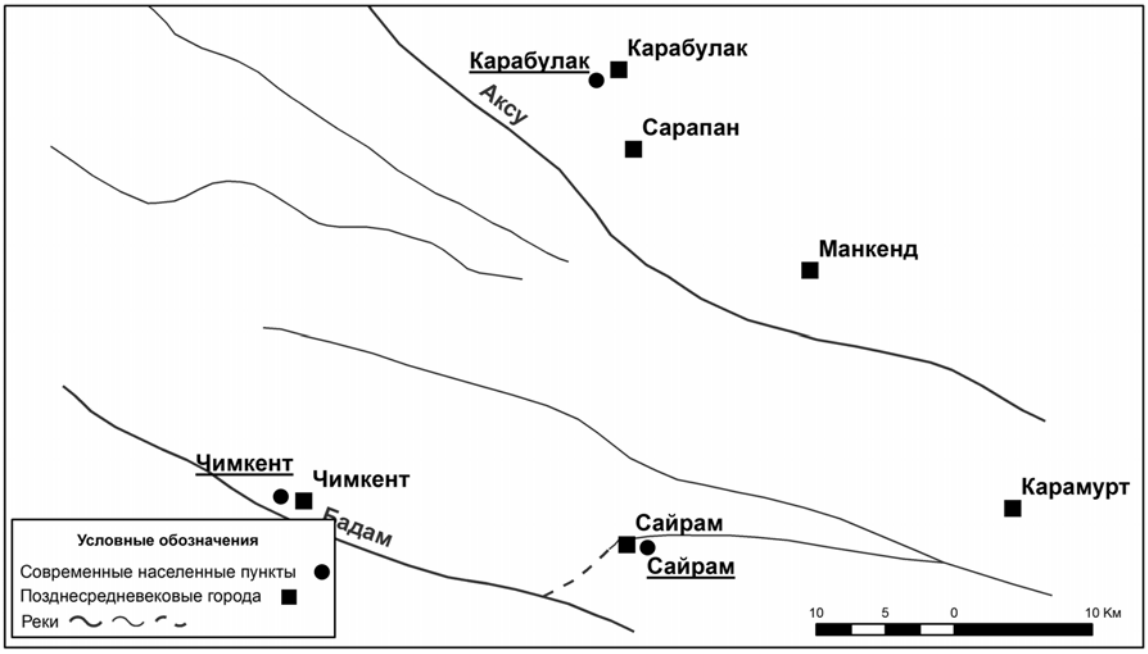

Рисунок 14 – Карта городов округа Сайрам

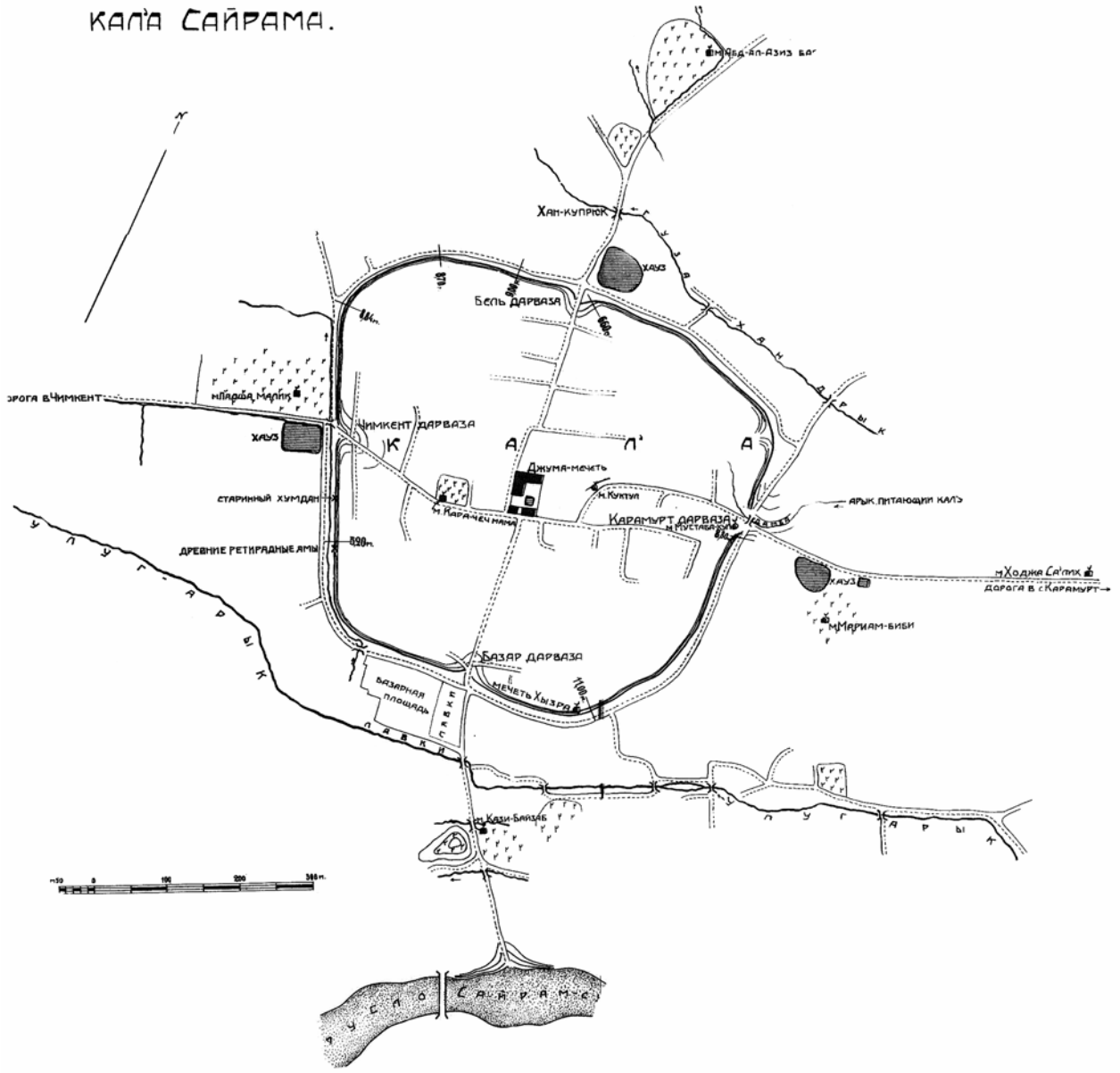

Рисунок 15 – Городище Сайрам. Центральная часть. План

Касым кухбару, а Сайрам – его брату Каттабеку [59, с. 347-353]. Весной 1513 года Каттабек обращается к Касым хану, отправив к нему доверенное лицо вместе с главами Сайрама, и передает «ключи от города» [59, с. 325].

Затем Касым-хан направляется с войском к Ташкенту. Простояв ночь у крепостных стен, он так и не решился штурмовать город и, разграбив его окрестности, возвратился в Сайрам [59, с. 324].

Сайрам наряду с Туркестаном сохранял в XVI–XIX вв. свое значение крупного административного центра, торгово-ремесленного города и стратегического пункта. Он был и духовным центром, где находились многие общемусульманские святыни. Это объясняется той большой ролью, которую он играл в политической, экономической и духовной жизни Казахского ханства.

Сайрам был укреплен и представлял собой крепость, которая могла отразить осаду неприятеля. О ее неприступности автор «Книги шахской славы» Хафиз Таныш написал так: «Сайрам, который в исторических сочинениях пишется Испиджаб, был крепостью укрепленной до такой степени, что мысль была бессильна представить себе (возможность) завоевать ее… Поэтому жители этой высокой местности (хатта) загордились укрепленностью и прочностью ее, и (имеющимися у них) средствами ведения войны (асбаб) и изобилием провизий» [14, с. 264].

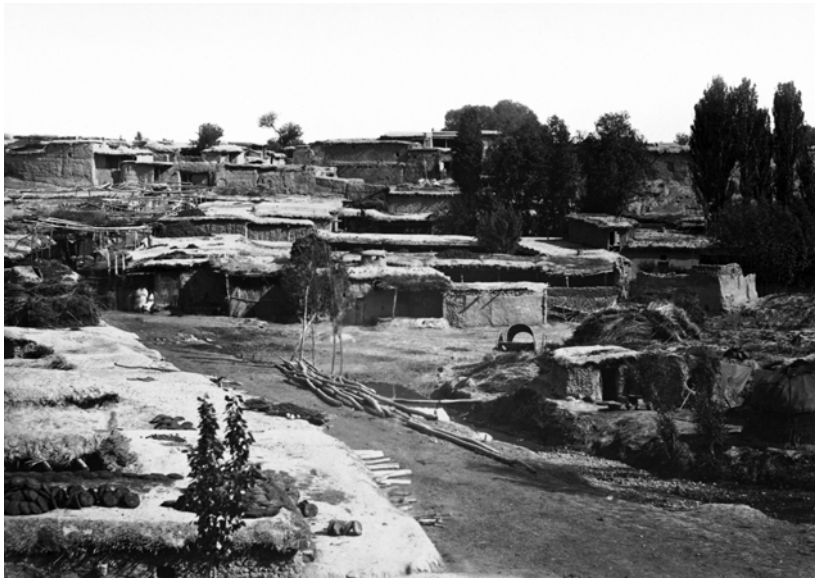

Рисунок 16 – Городище Сайрам. Фото 1871 г.

В 1681 и 1683 гг. к Сайраму подходили джунгары, а в 1684 г. они разграбили и разрушили его, часть городского населения была уведена ими на р. Или и поселена в военных ставках, а затем переселена в Восточный Туркестан [60, с. 335-339]. Вторично Сайрам завоевали джунгары в 1723 г. вместе с Ташкентом и Туркестаном [13, с. 22].

Сайрам был центром большого земледельческого округа и являлся аграризированным городом, производящим и торгующим земледельческой продукцией.

О значительной площади возделывавшихся земель внутри огороженного двумя линиями стен пространства, занятых очевидно, садами и другими древесными насаждениями, писал М.Е. Массон. По его наблюдениям, за линией стен располагались поля, занятые посевами зерновых [61, с. 37].

Город славился своим богатством: базарами, искусными ремесленниками [13, с. 23; 14, с. 297].

Сюда, в Сайрам, Абдаллах-хан посылал за зерном Эмира Шахим-бия, который осаждал Сауран и испытывал острую нужду в продовольствии. В Сайраме удалось собрать большое количество зерна… «…воины приводили караваны, катары верблюдов и мулов и увозили зерно. Вновь и вновь приходило все больше людей, которые предлагали взять зерно» [13, с. 23].

Земля в окрестностях Сайрама орошалась арыками, выведенными из реки Сайрамсу.

В 1810 г. Коканд подчинил себе города Сайрам и Чимкент, в 1816 г. пал Туркестан [62, с. 165, 251].

Чимкент. Селение Чимкент в форме Чими-Кент впервые упомянуто в «Зафар-наме» Шараф ад-Дином Али Йазди [63, с. 563-564] как селение рядом с Сайрамом, но постепенно роль экономического и административного центра из Сайрама перешла в середине XVIII в. в Чимкент.

В связи с этим следует обратить внимание на сообщение М. Поспелова и Т. Бурнашева, чиновника и горного инженера – участников русского посольства в Ташкент и Бухару, посетивших Чимкент в начале XIX века. Они писали, что Чимкент после Ташкента занимает ведущее положение в крае. В городе в это время находилось около 700 домов, а вокруг него имелось 10 небольших селений. Они отметили, что селения эти находятся на возвышенностях и обнесены глинобитными стенами [31, с. 29].

О Шымкенте пишет Ф. Назаров: «Чимкент, завоеванный коканцами, близь коего видели обиталище прежних киргизов, их сады, курганы и поля. Теперь все это запустело, ибо они перешли кочевать к китайским границам. Мы расположились ночевать на речке Аре, с шумом выпадающей с гор. Опустелые места сии и курганы, по временам освещаемые бледным сиянием луны, проглядывавшей между гонимых бурным ветром туч, живо напоминали о превратности времен и о гибельных войнах, поглощающих целые государства и народы. В сих самых местах, где раздавались некогда по пригоркам клики тысяч людей, теперь нарушается безмолвная тишина одним шумом клубящейся с гор реки, и встревоженный обитатель давно покинул жилище, где некогда вкушал прелести беззаботной жизни.

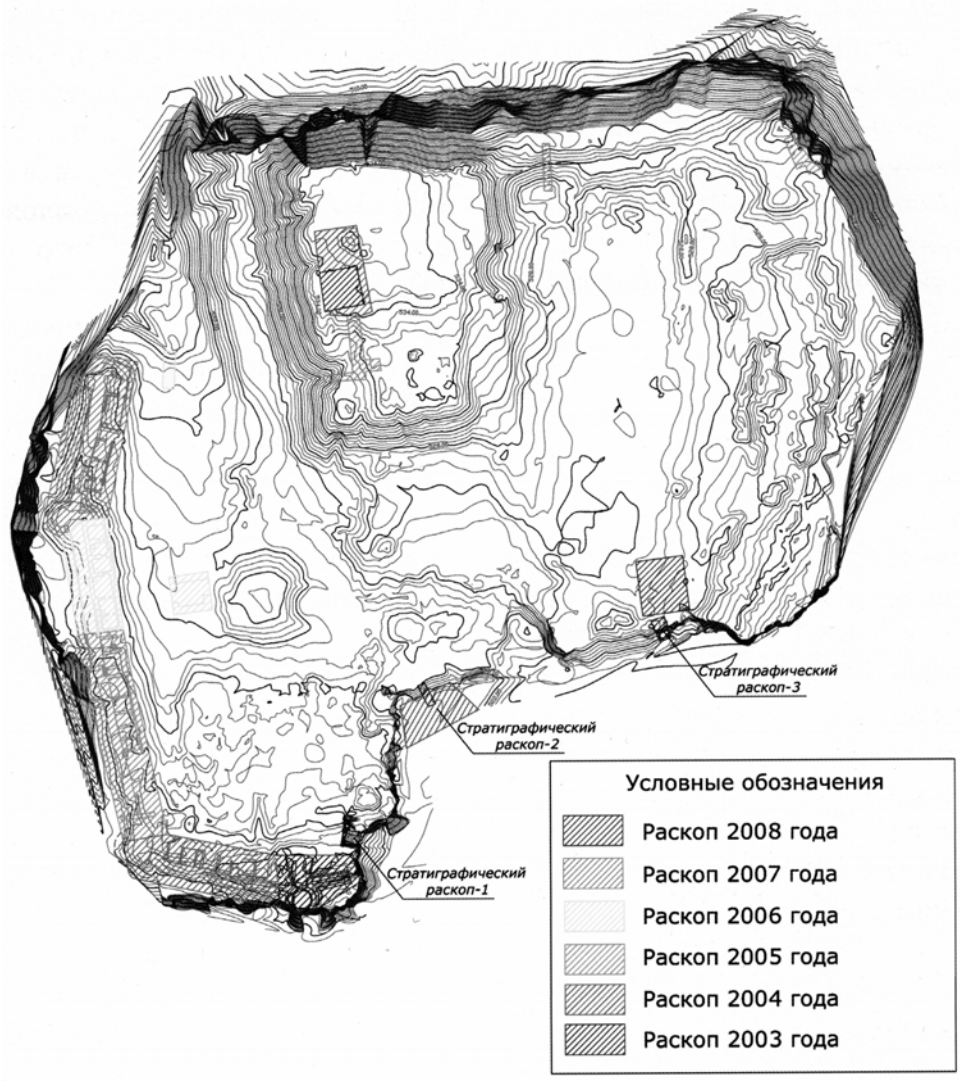

Рисунок 17 – Городище Шымкент. Центральная часть. План

На другой день мы дали знать о своем прибытии начальнику, который принял меня ласково, угощал бывшего со мною у него офицера и некоторых козаков и дал для сопровождения до города Ташкента 200 человек войска. Чимкент находится при речке Бадаме; выстроен на возвышенном месте и обнесен к яру весьма высокою стеною. Въезд в город со стороны реки по узкой дороге, не позволяющей ехать иначе, как в одну лошадь. Вода, пущенная из реки через сделанные в стене окошки, наполняет ископанные в городе каналы, на коих построены мельницы. Домы выстроены из нежженого кирпича, наподобие китайских, без окон, почему для свету в квартирах везде видишь растворенные на улицах двери. Женщины их <довольно пригожи>, обходительны и не скрываются от мущин» [64, с. 33].

Н. И. Потанин, посетивший Шымкент в 1830 г., писал: «Город Чемкент расположен при речке Бадам, в лощине, посреди которой на возвышенном месте находится небольшая крепостца (по-ташкентски «орда»), обнесенная со всех сторон высокою стеною, сделанною из глины и имеющая въезд со стороны речки по узкой дороге, по которой можно ехать только в одну лошадь. В крепостце выкопаны многие каналы, наполненные водою, втекающую в них из речки посредством окошек, сделанных в стене, на каналах этих выстроены мельницы. Дом начальника также находится в крепостце, в которой, кроме него, помещается до 250 человек войска. Домов в Чемкенте находится до 600; улицы в городе узкие и неправильные. Дома выстроены таким же образом, как в местечке Чолаккорган; некоторые из них довольно порядочны» [65, с. 211-212; 48, с. 261-262]. Жители преимущественно занимаются хлебопашеством и часть торговлею с кочующими поблизости

киргизами Большой Орды. Женский пол довольно красив, обходителен и не скрывается от мужчин, но это только можно сказать о простонародье, ибо жены чиновников и даже богатых людей мужчинам не показываются. В Чемкенте по большей части берут в замужество у зажиточных киргизов, оттого женщины их не почитают «неприличным показываться мужскому полу».

В первые годы после присоединения Южного Казахстана к России, сведения о Чимкенте увеличиваются. Новый край привлекал сюда ученых, художников и путешественников. Среди них П. И. Пашино, А. К. Гейнс, В. В. Верещагин.

Весной 1866 года Чимкент посещает тогда еще публицист, в будущем известный востоковед П. И. Пашино. Двигаясь маршрутом из Оренбурга до Ташкента, он характеризовал на своем пути позднесредневековые города Южного Казахстана [37, с. 179]. Вместе с ним в этом путешествии следовал русский художник Д. В. Вележев, который оставил уникальные рисунки городища Чимкент, зафиксировал особенности его топографии и фортификации [66, с. 158-162].

Осенью того же года город посетил член Русского географического общества А. К. Гейнс.

Его дневники, написанные в 1866 году, содержат сведения об этническом составе горожан, общественному и административному управлению, традиционному укладу, обычаям и быту горожан, описывают топографию и географические особенности самого города...

Ценность этого источника, прежде всего, в том, что они записывались со слов очевидцев событий тех лет.

В этом же дневнике описан и Сайрам. А. К. Гейнс первым обследовал памятники исламской архитектуры – местную джума-мечеть и мечеть пророка Хызра. Его внимание привлекла каменная колонна из джума-мечети [67, с. 380-381].

О Шымкенте А. К. Гейнс писал так: «Внешний вид Чемкента очень интересен. Весь город расположен в котловинной впадине так, что едва виден с самого близкого расстояния. Каждый дом обсажен со всех сторон деревьями, которые выглядывают из-за заборов, будто нарочно посаженная по обеим сторонам дороги аллея. В некоторых улицах всегдашняя тень, падающая от высоких тополей, осин, верб и фруктовых деревьев. Обойдя Чемкент, я не встретил ни одного двора без деревьев» [67, с. 380-331].

Интересные сведения из жизни населения Южного Казахстана содержат рисунки художника В. В. Верещагина. В частности, о городе Шымкенте он отзывался так: «Чемкент положительно затоплен садами. Издали видно только целое море деревьев и верхушка полуразвалившейся крепости, стоящей на живописном холме. Стены Чемкентской крепости возвышаются над соседними улицами более чем на 60 футов» [36, с. 27-28]. Художнику принадлежит рисунок цитадели Чимкента [68].

Город Манкент. Впервые название этого населенного пункта появляется в X в. у ал-Макдиси, который называет город Маданкент (Манкент) в числе городов Испиджаба [55, с. 80].

Якут, арабский географ XII–XIII вв. сообщает: «Манкент – одно из селений Испиджаба» [55, с. 87]. Этот город отождествляется с городищем Булак-ковал, расположенным южнее современного населенного пункта. Оно датируется X–XII вв. [53, с. 83].

В позднее средневековье город под названием «Менкет» перечислен в списке одиннадцати городов Казахского ханства, об этом сообщали посланцы Галдана Бошокту-хана при переговорах с иркутским воеводой Л.К. Кислянским в 1691 году.

Посланцы говорили: «Кроме Ясу, другой город Сайрам, третий Менкет, четвертый Карасаман…» [27, с. 396-397].

Затем в 1859 г. город под названием «Манкендт» фигурирует в описании пути от укрепления Верного через Пишпек в Ташкент и Коканд, составленном коллежским регистратором И.А. Бардашевым. Он пишет: «От Джанкучи дорога лежит к урочищу Каракчибулак, лежащему в верстах 10-ти и пересекающему дорогу, отсюда через 20 верст течет р. Машат… С Машата дорога ведет в селение Манкендт, расположенное на реке того же имени. Расстояние от Машата до Манкендта верст 13, р. Арыш остается вправо верст на 5 ниже дороги. Хотя в Манкендте и есть самая незначительная крепостца, но в ней ничтожное количество гарнизона без населения: глиняных мазанок, населенных сартами, считаются от 1/2 тысяч, здесь живут исключительно пахари и мелкие торгаши… Из Манкендта дорога ведет к кургану Сайрам или Сарьям, отстоящему отсюда верст на 36» [48, с. 344].

Рисунок 18 – Общий вид цитадели Шымкента со стороны старого города. Рисунок Д. В. Вележева

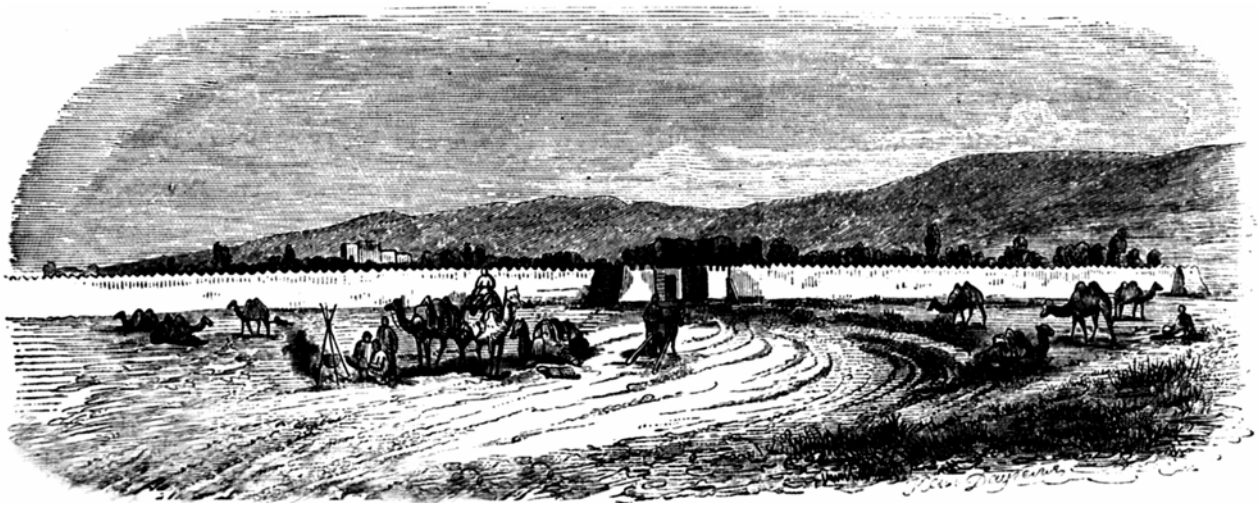

Рисунок 19 – Внешние стены города Шымкент из книги П. П. Пашино «Туркестанский край». Рисунок Д. В. Вележева

Остатки позднесредневекового Манкента, безусловно, должны быть неподалеку от современного поселка Манкент и скорее всего ему соответствует городище Майкес, расположенное южнее современного Манкента на левом берегу р. Аксу. Это прямоугольный в плане бугор, окруженный стеной с башнями по углам и периметру. Диаметр башен – до 18 м и высота до 4 м. Городище имеет цитадель размером 50х50 м. Вокруг центральной части прослеживаются остатки застройки. Городище сильно разрушено. Керамика, собранная здесь, относится к XVI–XIX вв. Скорее всего, это и есть остатки позднесредневекового Манкента [69, с. 256, №3682].

В пользу такого месторасположения Манкента свидетельствует сохранившийся до сих пор ойконим.

Но Манкенту может соответствовать и безымянное городище, расположенное восточнее моста через р. Аксу, центральная часть которого имеет размеры 40х30 м [69, с. 256, №3681]. Точно на этот вопрос могут ответить материалы раскопок двух этих памятников.

Город Карамурол (Карамурт) также назван посланцами Галдана Бошокту-хана в числе 11 городов Казахского ханства [27, с. 369].

В донесении капитана Ивана Унковского о пребывании его к хунтайджи Цэван-Рабтана в 1722–1724 гг. есть сведения о том, что в 1723 г. джунгары завоевали три городка казачьей орды – Ташкент, Сайрам, Харамурт (Карамурт) и захватили там 5000 семей казаков, из которых 1000 семей увели в плен [60, с. 339].

Населенный пункт Карамут был назван ташкентским купцом Нурмухаммедом Алимовым в Уфе, когда он прибыл в марте 1735 г. В рассказе «О владении Ташкентом» он перечисляет города и владения и среди них Карамут, Сайрам – город немалый, Чимин, также и другие мелкие [История 48, с. 28]. Современное поселение Карамурт находится в Сайрамском районе. Рядом с ним находятся остатки городища, где был обнаружен клад шайбанидских медных монет [69, с. 258, №3702]. Оно и является, скорее всего, остатками Карамурта.

Карабулак. Этот город упоминается в отчете казачьего атамана Д. Телятникова и сержанта А. Безносикова, совершивших поездку с Иртышской линии в Ташкентские владения в 1796–1797 гг. В числе городов, принадлежавших Ташкенту, они называют Карабулак. Обратный их путь из Ташкента проходил также через Карабулак.

Расстояние из Ташкента до Карабулака посольство прошло за 3 дня. Из Ташкента шли степью до р. Керлес (Келес), где была ночевка, откуда дошли до Карабулака. Из этого ясно, что путь пролегал по дороге, которая шла в Сайрам через Турбат [48, с. 167, 170-174].

Локализацию Карабулака необходимо рассматривать в связи со средневековым городом Шарабом, стоявшим на южно-казахстанском участке Шелкового пути.

Этот город назван в маршрутниках Ибн Хордадбех и Кудамы. В них описывается путь из Тараза, который проходил через города Будухкент, Шараб в Испиджаб [55, с. 74-76].

Следует согласиться с Б.А. Байтанаевым, который отмечает, что дорога из Тараза в Будухкет, описанная Ибн Хордадбехом и Кудамой, не совпадает с современной автотрассой, а шла по старому торговому тракту, который пересекал реку Машат не в том месте, где сейчас она пересекает глубокий каньон, а проходила южнее, в степной зоне. Он же предложил отождествить Шараб с одним из городищ в районе села Карабулак. И Шараб, и Карабулак переводится как «черная вода», «черный источник».

Достаточно убедительно звучит предложенное им же отождествление города Будухкента с городищем Тортколь в с. Балыкчи (Байтанаев, 2003, с. 48-50). Что же касается локализации позднесредневекового Карабулака, то в этом вопросе есть несколько вариантов ответов, потому что на северной окраине с. Карабулак сохранились остатки трех городищ Сагындык-тобе, которое предварительно датируется X–XV вв., городище Ходжакорган, оно датируется предварительно X–XV вв. и, наконец, рядом с селом у источника Карабулак сохранилось городище Ушкорган-тобе, по другой версии Ишкорган-тобе, отнесенное исследователями к XIII–XVII вв. [70, с. 190; 71, с. 52]. По последним данным в XIII-XIX вв., скорее всего, город менял свое месторасположение в разное время, но на этот вопрос могут окончательно ответить лишь археологические исследования, которые позволяют дать более точную хронологию городищ и тогда локализация позднесредневекового города будет уточнена, хотя и сейчас, скорее всего, Карабулак отождествляется с городищем Ишкорган-тобе.

С караванной дорогой, ведущей в Сайрам и далее в Ташкент, следует связать еще ряд городков или местечек. Так, в сообщении капитана Д. Телятникова и сержанта А. Безносикова названы кроме городов Чемкента и Сайрама, местечки Сарапан, Алтын-тобе, Темир [48, с. 174].

Интересную информацию о городах этого района содержит описание дороги из укрепления Верный через Пишпек в Ташкент, в Коканд, составленное И. А. Бардашевым в 1859 г. Он пишет: «Из Манкендта дорога ведет к кургану Сайрам или Сарьям... от Сайрама через Текебулак и слабые возвышенности Кызыкурт-Ата спускается к курганчику Дувана, отстоящему от Текебулака верст на 18, затем от Дувана дорога пролегает к местечку Шарибхана на 10 верст. От Шарибхана дорога лежит к урочищу и кургану Темир в 14 верстах и отсюда на Акджар, отстоящий на 16 верст; далее на р. Каляс, отстоящей на 16 верст; далее на р. Каляс к броду Джазкичу на 20 верст; отсюда в 10 верстах протекает канал, проведенный из р. Чирчик и называемый Узак-арык; в 15 верстах лежит предместье Ташкента Кара-камыш на р. Узащи и, наконец, в Ташкент, до входящих ворот, которых считается верст 8» [48, с. 344].

В списке городов привлекает внимание город Сарапан (Сараван), поставленный в списке вслед за Карабулаком [48, с. 167-174].

Недалеко от Карабулака, в 10 км находится городище Мазаратобе по дороге, идущей из Карабулака в Сайрам. Оно расположено на берегу ныне сухого русла реки, к северо-западу от современного поселка Сайкым.

Рисунок 20 – Манкент. Местность Шарбаглык. Фото из «Туркестанского альбома. 1871 г.

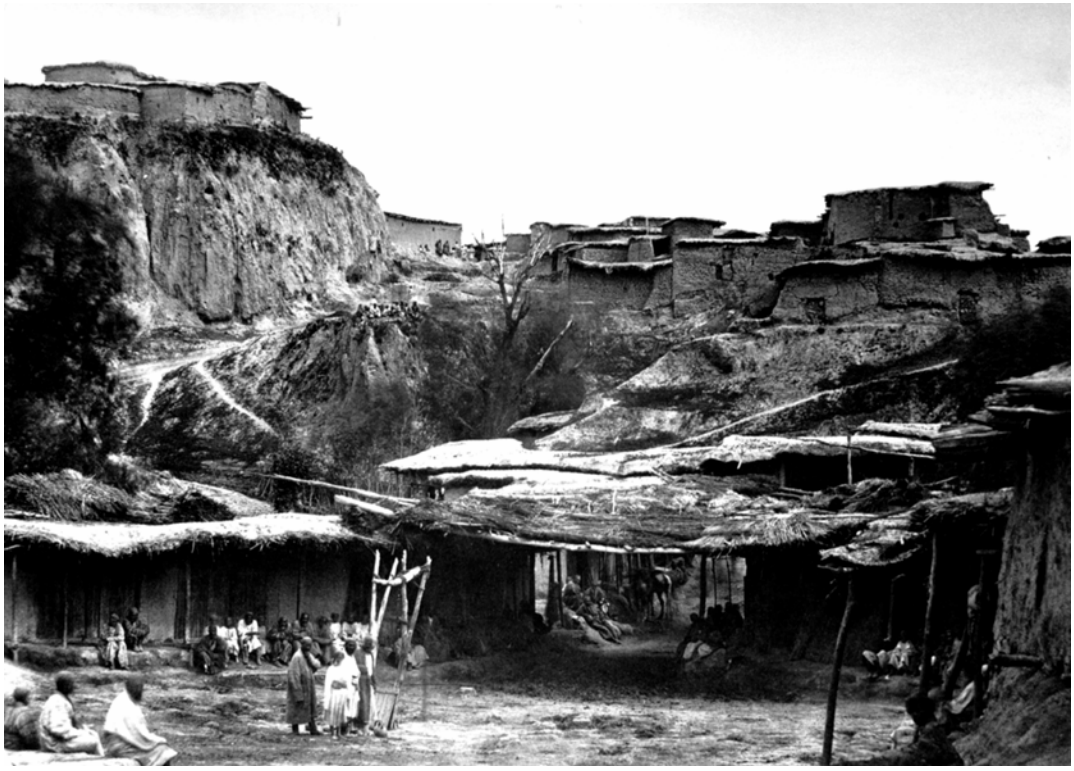

Рисунок 21 – Карабулак. Местность Дун-Тепе. Фото из «Туркестанского альбома. 1871 г.

Городище занимает площадь не менее чем 2 га (100х200 м). Оно сильно разрушено, но раскопки его дали интересные материалы (керамика, монеты), относящиеся к XVI–XIX вв.

Городище, судя по выходам городского слоя, погибло в результате пожара. Интересно, что оно находится рядом с городищем IX – начала XIII вв., есть также участки обжитые и в XIII–XIX вв. (в комментариях к тексту он сопоставляет с Саураном. См. 48, с. 167. Это неправильно, поскольку список городов конкретен и связан с отрезком дороги от Карабулака до Ташкента). По нашему мнению, городок Сарапан может быть отождествлен с городищем Мазаратобе.

Шарибхана. Месторасположение этого населенного пункта определяется точно, поскольку сохранилось городище почти с тем же названием – Шарапхана. О нем сообщают Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич, которые охарактеризовали городище, определили его месторасположение в долине Келеса и отождествили с городом IX–XII вв. Газгирдом [7, с. 146-147].

Кстати, Газгирд продолжал жить и в позднее средневековье.

Городище Шарапхана находится на правом берегу р. Келес. В его топографии выделяется прямоугольная в плане цитадель размерами 80х65 м. Она окружена стеной с башнями по углам. К цитадели примыкает шахристан и рабад размерами 100х140 м. В топографии его «читаются» улицы. Подъемный материал относится к монголо-тимуридскому времени [70, с. 178].

Названный Газгардом, он упоминается во второй половине XVI в. По новым данным на городище встречен материал XVIII–XIX вв.

Местечко или селение Алтын-тобе, скорее всего, находилось южнее Сайрама на Турбатской дороге, которая проходила через перевал Турбат в долину Чирчика и далее в Ташкент. Алтын-тобе находится на высоком левом берегу р. Каражансу. Центральная часть его имеет размеры 100х120 м и высоту 10–15 м. Городище окружено стенами и рвом. Вокруг находятся бугры – остатки застройки, расположенные на расстоянии до 300 м. На городище собрана керамика, относящаяся к VII–XIX вв. (Свод памятников истории и культуры Казахстана, 1994, с. 175-176.)

Темиркорган. Следует отметить, что в эпоху раннего средневековья на этом пути был известен топоним Темир.

В переводе С. Г. Кляшторного текста памятника Кюль-тегина есть следующие строки: «Когда сидел на престоле мой дядя-каган, я (Бильге-каган), а сам был шадом над народом Тардуш. С моим дядей-каганом мы ходили войной вперед (т. е. на восток), вплоть до Шантунгской равнины, орошаемой Яшиль-угузом; назад (т. е. на запад), мы ходили войной вплоть до Темир-Капыга; мы ходили войной на Когменскую чернь, до страны кыргызов. Всего мы ходили в поход 25 раз, а дали 13 сражений, отняли племенные союзы у имевших племенные союзы и отняли каганов у имевших (во главе у себя) каганов, имевших колени заставили преклонить (колени), имевших головы заставили склонить (голову)… Вперед (т. е. на восток), за Кадырканской чернью мы посетили, таким образом, народ и завели в нем порядок; назад (т.е. на запад), вплоть до Кангу-Тарбан, таким образом, тюркский народ и завели в нем порядок» [72, с. 54-55].

О том, что граница между согдийцами и тюркским каганатом проходит по Келесу писал В. В. Бартольд: «С северной стороны культурная полоса Чирчика была ограничена стеной, простиравшейся от гор Сабалык, или Сайлык, до берега Сыр-Дарьи и построенной для защиты от набегов турков, очевидно, еще в эпоху арабского господства, до завоевания Саманидами Исфиджаба, т. е. 840 г. Ибн Хаукаль приписывает постройку стены Абдаллаху б. Хумейду; может быть, имеется в виду Абдаллах б. Хумейд б. Кахтаба, правивший Хорасаном в 776 г. в течение пяти месяцев после смерти своего отца. За стеной начиналась степь Калас; пройдя 1 фарсах в степи, достигали рва, также простиравшегося от гор до Сыр-Дарьи. Остатки стены сохранились до настоящего времени в виде вала, который у туземцев, подобно бухарскому валу, носит название Кемпир-дуал. Пока осмотрена только западная часть вала, длиною в 35 верст, от обрывов арыка Бозсу до селения Джалдамы; туземцы даже говорили, что „вал переходит на левой берег Сыр-Дарьи и тянется Голодный степью к городу Джизак“; но эти рассказы не могли быть проверены. Сохранились ли какие-нибудь остатки восточной части вала, неизвестно. Упомянутый у Ибн Хаукаля ров несомненно тождествен с „крутобережим и глубоким“ оврагом арыка Бозсу; за оврагом „начинаются бугристая степь, пересеченная двумя протоками реки Келес“. Очень возможно, что, несмотря на разницу в правописании, арабское название степи Калас тождественно с названием реки» [73, с. 229-230; 74, с. 222].

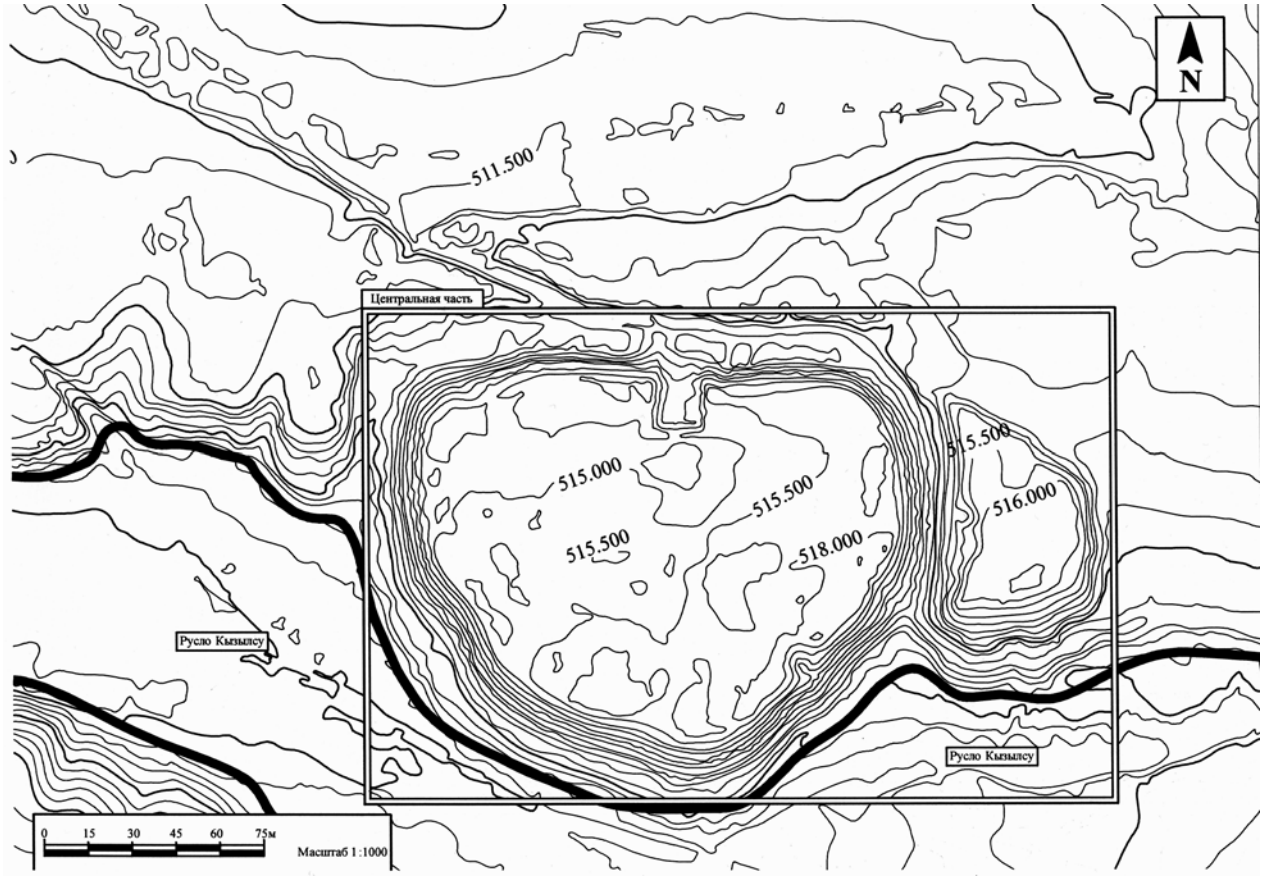

Рисунок 22 – Городище Мазараттобе. Центральная часть. План

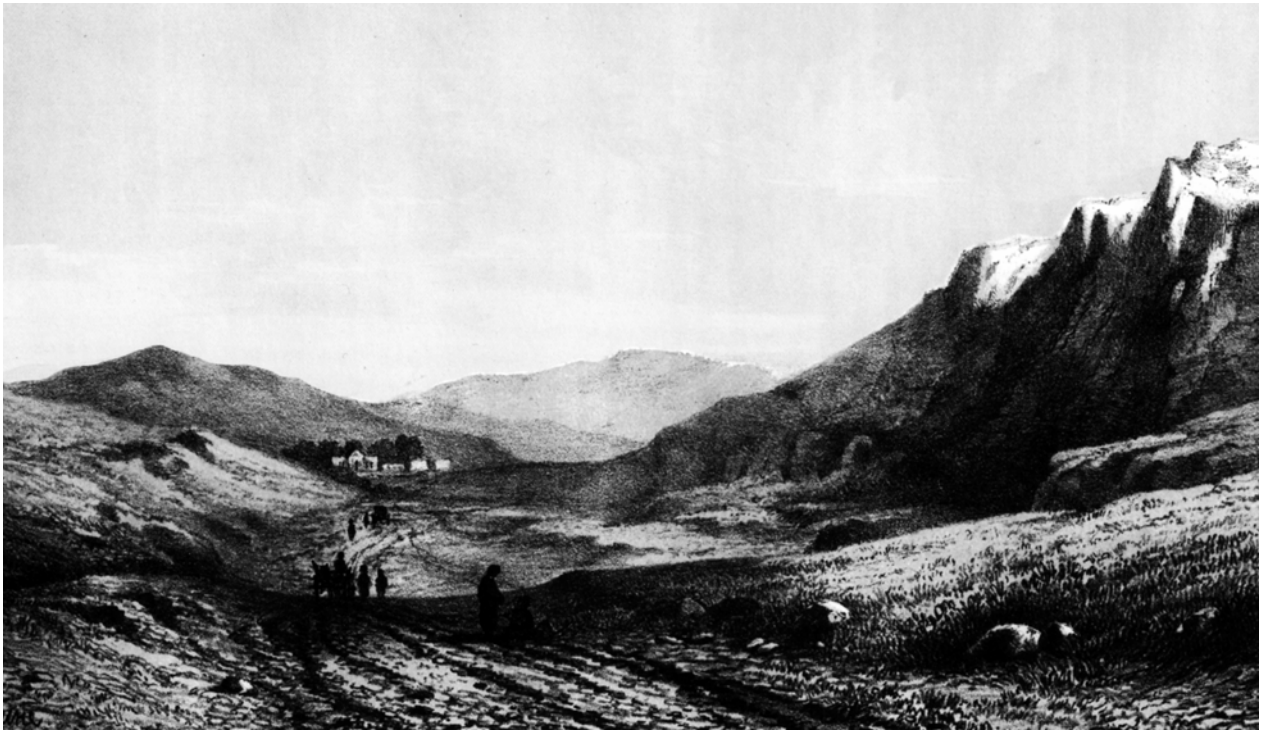

Рисунок 23 – Городище Шарапхан. Рисунок Д. Вележева

Вывод, который можно сделать из вышеизложенного, – стена, построенная согдийцами для защиты от нападения тюркских племен, пролегала от нынешней горы Космола через Келесскую долину до Сырдарьи. В арабском источнике неизвестного автора говорится о том, что эта защитная стена была возведена приблизительно во второй половине VIII в. Нет никаких сомнений в том, что эта защитная стена на протяжении определенного времени играла роль границы, разделявшей согдийцев и Тюркский каганат. Та часть трансконтинентального торгового пути, соединявшего Восток и Запад, которая соединяла города Испиджаб и Шаш, проходила через своеобразные ворота. О местонахождении этих ворот можно узнать по письменным источникам и археологическим материалам. К примеру, в малой надписи, посвященной Кюль-тегину, есть такие сведения: «…Вперед (т. е. на восток) вплоть до Кадырканской черни, назад (т.е. на запад) вплоть до Темир-Капыга (до Железных ворот) они расселили (свой народ) [75, с. 171, 175]. Из этих строк видно, что граница тюрков доходила до Железных ворот. У арабского географа IX в. Ибн-Хордадбека есть такие слова: «От Шаша до Железных ворот – 2 мили, затем до Кубала 2 фарсаха, затем до Газгарда 6 фарсахов. Дальше до Испиджаба по равнине 4 фарсаха» [55, с. 74].

И через этот пункт «Железные ворота» шли караваны в Ташкент. Есть интересное предположение о том, что местность Темир Капыг маркирует городище Какпак у с. Какпак [76, с. 114-120]. Перевод этого топонима – «ворота» и именно здесь в позднее средневековье мог находиться городок Темир, названный Д. Телятниковым и А. Безносовым, а также И. А. Бардашевым.

Города и поселения в долине р. Арысь

В среднем течении Арыси, согласно источникам, располагались три города.

Наибольшей известностью пользовался *Карасаман* – Кара-Саман. Впервые о нем сообщает Низам ад-дин-Шами в своем сочинении «Зафар-наме» [58, с. 221, 308].

Здесь в Карасамане в январе 1391 г. Тимур принимал посла Тохтамыша.

В начале XV в. город упоминается в связи с войной Улугбека и армии могулов, предводимой Шах-Джеханом. Последний осадил Сайрам и дошел «до Карасамана в окрестностях Отрара» [77, с. 93]. Во время своего похода на казахов в Карасамане (Кара-Самане) был оставлен обоз армии Абдаллах-хана [13, с. 26].

В 1691 г. Карасаман упоминается в списке городов Казачьей Орды, который приводят посланцы Галдана Бошокту-хана при разговоре их с иркутским воеводой Л.К. Кислинским и назван «Харасаман» [27, с. 396].

Город Карасаман уверенно отождествляется с городищем Караспан. Раскопки на нем установили, что город существовал с первых веков н. э. до XIX в. [7, с. 107-108; 78, с. 309-314; 11, с. 191-200].

Городище, сохранившее историческое, узнаваемое имя позднесредневекового города, находится на окраине с. Караспан. Это бугор подпрямоугольной формы размерами в основании 260х220 м и высотой 22 м. Вокруг него ров, а за ним находится кольцевидный рабад в виде всхолмлений шириной 60–150 м и высотой 3–5 м. Общие размеры городища составляют 600х850 м. Выше отмечалось, что раскопки Караспана показали – верхние слои тобе датируются XIII–XIX вв., тогда как рабад относится к I–XII вв. н.э. На территории предместья, ныне распахиваемом, обнаружены чагатаидские медные монеты XIII в. Такие же монеты известны в кладах XIII в. и отнесены Е. А. Давидович к чекану Тараза и Кендже. Монеты Кендже многочисленны и достаточно разнообразны, были выпущены после реформы Масуд-бека в 40–50 гг. XIII в. [79, с. 73-83].

Наряду с названием Карасаман в исторических источниках фигурирует город под названием *Халадж-Карасаман*. Он известен в сочинении Хафиза Таныша «Шараф-наме-йи шахи» в эпизодах, повествующих о походе Абдаллаха в 1580–1582 гг. в Туркестан и казахские степи. Халадж-Карасаман назван в этом сочинении как город [14, с. 271, 280, 283], хотя в указателе названий определен как местность [14, с. 680]. Халадж и Отрар названы Рузбиханом: «Эта местность расположена напротив области Отрар и Халадж» [80, 1976, с. 145]. Неподалеку от городища Караспан, ниже по Арыси в районе железнодорожной станции Калаш, расположено городище Калаш, которое датируется I–XVIII вв. и видимо оно и соответствует городу Халадж-Карасаману [11, с. 197].

В долине среднего течения Арыси находился еще один позднесредневековый город – *Яганкент (Йаканкент)*. В свое время С. Л. Волин обратил внимание на отрывок из сочинения «Абдулланаме», где написано, что в 1581 г. Абдаллах-хан во время своего похода выступил из Сайрама и

«…расположился лагерем на р. Арс в окрестностях Йаканкента, при впадении в (р. Арысь) реки Буралдай [55, с. 81, прим. 51]. В. П. Юдин уточнил в своем переводе «…расположился лагерем на берегу р. Арс в окрестностях Йаканкента, при впадении (в р. Арысь) реки Буралдай [81, с. 65]. На правом берегу р. Арысь неподалеку от впадения в нее р. Боралдай было обнаружено и обследовано городище Бекет, которое имеет подчетырехугольную планировку и занимает площадь около 2 га. Керамика, собранная здесь, датируется XV–XVIII вв. Оно является остатками города Яганкента.

Город Отрар

Этот широко известный древний и средневековый город во второй половине XV в., как и в предыдущее время, выступает как крупный политический и экономический центр на Сырдарье. Овладеть городом стремились узбекские и казахские ханы. Уже в 1426 г. хан узбеков Барак высказывает притязания на сырдарьинские земли, мотивируя свое выступление правами джучидов на данную территорию. Поход Улугбека на Барака окончился поражением его войск; узбеки вторглись в глубь Мавераннахра и лишь благодаря помощи Шахруха города на Сырдарье остались под контролем тимуридов [17, с. 40].

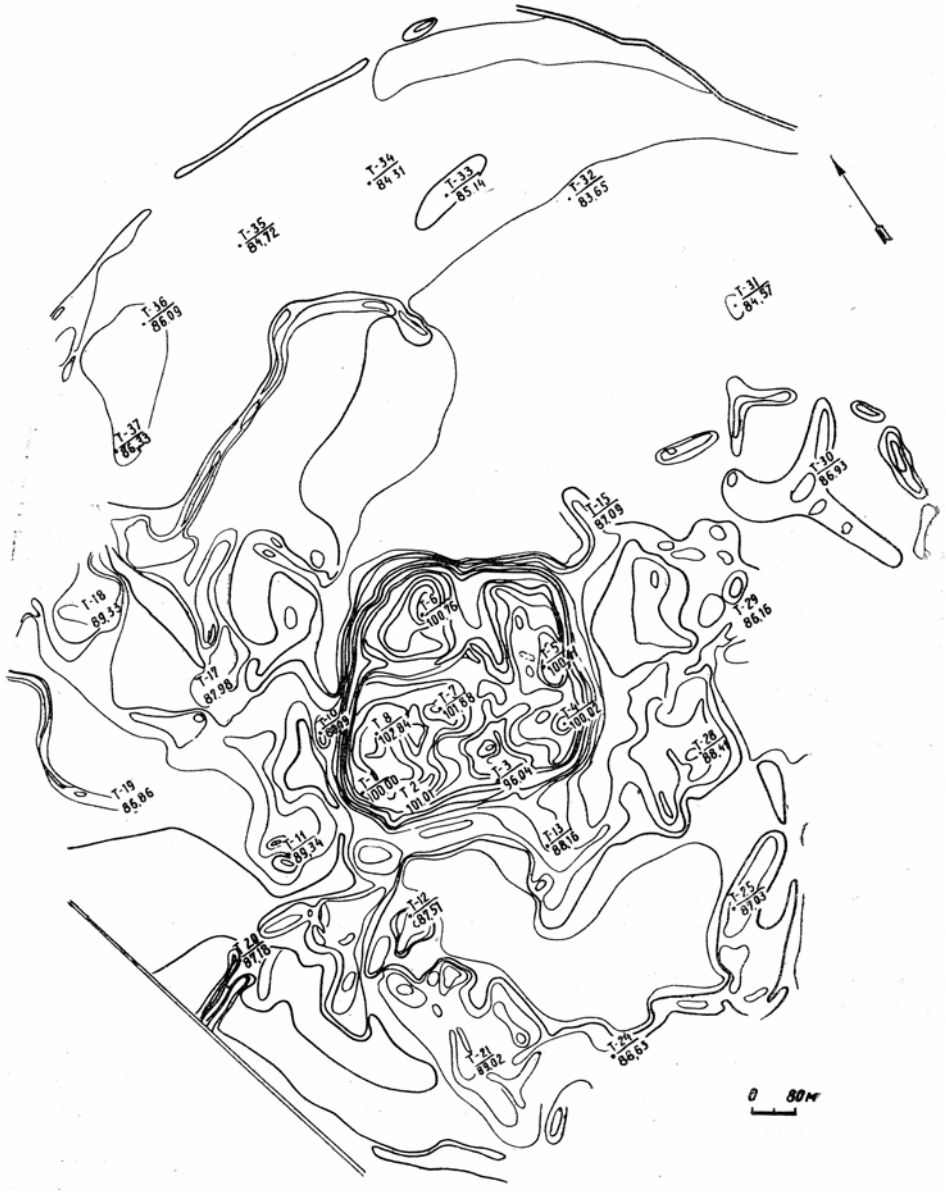

Рисунок 24 – Городище Отртобе. План

Но уже к середине XV в. сырдарьинские города подчинил себе Абу-л-Хайр-хан. В «Истории Абу-л-Хайр-хана» Масуда бен Усмана Кухистани говорится: «Когда хаким города [Сыгнака] увидел многочисленность и величественность войск хакана [Абу-л-Хайр-хана], то, выйдя к нему с повиновением и послушанием, вручил город.... и Ак-Курган, и Аркук, и Сузак, и Узгент также подчинились деснице власти...» [14, с. 159].

Среди завоеванных узбеками городов нет Отрара, Саурана и Ясы. Видимо, некоторое время они оставались независимыми. Это подтверждается и фактом посылки узбеками военной помощи владетелю Отрара [82, с. 54-55].

В 30–40 годы XV в. Абу-л-Хайру пришлось вести упорную борьбу с казахскими ханами и султанами, среди которых наиболее настойчиво действовали Джанибек и Буреке-султан.

Борьба между ними усилилась с распадом государства кочевых узбеков в 1468–1469 гг.

Одной из ее причин было стремление враждующих сторон захватить и подчинить сырдарьинские города [19, с. 149-150].

В 80-е годы Мухаммед Шайбани сначала занял левобережные сырдарьинские города Аркук, Узгент, а затем Отрар и сделал его опорной базой для дальнейшей борьбы с казахами: «И, оставив в Аркуке Махмуд Бахадур-султана, Мухаммад Шайбани-хан... занял и укрепил Сыгнак... Затем [Мухаммад Шайбани-хан] пошел, объединился с Мухаммад Мазид-беком и перезимовал в Отраре» [14, с. 28].

О важном значении Отрара в иерархии сырдарьинских городов говорит такой эпизод из сочинения «Таварих-и Гузида»: «В это время, когда [Султан Махмуд-хан] отдал Отрар [Мухаммад Шайбани-хану]... Кул-Мухаммад-тархан был в Сабране. Все люди и муллы и ходжи Сабрана посоветовались; „Отрар опять попал в руки Мухаммад Шайбани-хана. Изо дня в день его могущество увеличивается. Теперь он захватит весь вилайет“, послали человека, привели Махмуд-султана [брата Шайбани-хана] и отдали ему Сабран. Как свидетельствует этот эпизод, Отрар занимал ключевое положение в Туркестане. Взятие города в данном случае делало Мухаммед Шайбани-хана владетелем и других сырдарьинских городов [по мнению К.А. Пищулиной, притязание на Отрар в то время означало притязание на весь Туркестан. См. 13, с. 21].

Отрар для тех времен являлся первоклассной военной крепостью и мог выдержать длительную осаду. В «Шайбани-наме» описывается осада Отрара войском Бурундук-хана [14, с. 117]. В штурме города участвовало более 30 тысяч человек, «осаждавшие каждый день завязывали большие сражения, однако безуспешно» [13, с. 22].

Борьба за присырдарьинские города продолжалась. Но Отрар к середине XVI в. окончательно перешел в руки казахов. В 1588 г. он назван Хафиз Танышем в связи с войной Абдаллах-хана с Баба-султаном как казахский город [13, с. 22].

Стремление враждующих сторон захватить, прежде всего, Отрар, борьба за него, грабежи и разрушения сказались на экономике города. Начался его упадок, на первое место выдвинулся город Ясы, который стал центром Туркестана, о чем свидетельствует изменение его названия [13, с. 19-20].

Сведения об Отраре содержатся в описаниях русских путешественников о Средней Азии, на старинных картах и в маршрутниках. В «Книге Большому Чертежу», составленной в начале XVII в. по материалам XVI в., в списке городов на Сырдарье названы Сунак, Ясырван, Тюркустан, Аркан и другие. «А от Тюркустана 140 верст на реке Сыре город Аркан» [83, с. 95]. Исследователи отождествляют Аркан с Отраром [84, с. 31].

Отрар упомянут также Спафарием – главой русского посольства, ездившего в Китай в 1675 г. [85, с. 50].

В описании городков Казачьей орды, составленном в 1696–1697 гг. на основании данных экспедиции Федора Скобина, говорится: «От Тобольска до Тургистану: первый город Савранской дороге с правую сторону Савран: позади того города Саврана вниз по Сырдарье в Каракалпакскую сторону городок Сыгнак... Да в полуденную сторону от Тургистану город Отров. а ходу до него день [26, с. 262-263].

В начале XVII в. на рукописной «Карте описание Каспийского моря и Узбекской страны...» на Сырдарье показаны сверху вниз по течению города Аскет, Фараб, Есвиджаб, Арал и другие [86, с. 53]. Но на карте геодезиста Ивана Красильникова, датируемой 1753 г., Отрар фигурирует как известный ему поселок [86, с. 69]. Отрар есть также на «Новой карте Российской империи, разделенной на наместничества», составленной в 1786 г. Трускотом Шмидтом и Шубертом [86, с. 74].

Рисунок 25 – Городище Отрартобе. Аэрофото

Интересные известия о городе Отраре имеются в сообщении переводчика М. Арапова, возвратившегося в 1749 г. из поездки к Барак-султану. Он пишет: «Городки Икан, Ташкент, Отрар, Угустау и Созах, в коих живут пахотные люди», принадлежат Бараку [87, с. 487-488].

С этими сведениями перекликаются более обстоятельные известия об Отраре, содержащиеся в топографии Оренбургской губернии П.И. Рычкова, датируемой 1762 г. Он довольно подробно описывает «Туркестанское владение», сообщает легенду о постройке Тюркустана, Утрара и Саурана, пишет о земледелии и промыслах населения. «Прежде, – замечает он, – сия провинция собственно имела в себе городов до тридцати, а ныне более десяти нет. Оными городами владеют ныне киргиз-кайсацкие владельцы». По данным П. И. Рычкова, в Отраре в это время насчитывалось 40 семей (Рычков, 1887, с. 18-20). По сравнению с Туркестаном (1000 семей), Иканом (300 семей) и Саураном (100 семей) он был незначительным.

В начале XIX в. Отрар как «достопримечательный город поблизости Кокандского государства» упомянут Филиппом Назаровым, который в 1813 г. совершил поездку из Омска через Петропавловск, Сузак и Чимкент в Коканд.

Рисунок 26 – Городище Отрартобе. Центральная часть. Аэрофото

Но к этому времени город уже, видимо, запустел и, скорее всего, окончательное запустение его произошло в середине XVIII в.

Интересно, что последний период жизни Отрара и причины его падения сохранились в памяти населения, продолжавшего жить в селениях и вблизи развалин Отрара. Так, в статье члена Туркестанского кружка любителей археологии А. К. Кларе, руководителя археологических исследований на Отраре в 1904 г., записан рассказ чиликского волостного управителя Туле Байтерекова.

Он рассказывал, что «в начале XV столетия, после смерти Тамерлана, отрарская земля орошалась водою Чирчика и его притоков, Арыси и Бугуни. В то время Чирчик не впадал в Сыр-Дарью; р. Сыр-Дарья, минуя Ходжент, около Ирджара сворачивала на Джизакский уезд и дальше соединялась с Аму-Дарьей. Ныне там сухое русло, именуемое Сор или Сор-Дарья, т. е. солонцовое русло.

Так как вследствие обширности культурной земли ощущался недостаток воды, то Отрарский аксакал решил увеличить количество воды в Чирчике, проведя в него арык из Сыр-Дарьи. Но когда начали копать голову арыка, на другой стороне Дарьи появился какой-то старец на ишаке и кричал аксакалу, проводящему арык, что шутить с великаном нельзя. На второй и третий год работ являлся вновь тот же старец, повторяя свое предостережение; но отрарцы его не слушали и продолжали свою работу. Наконец работа была окончена; только голова арыка не была как следует укреплена.

Орошение Отрарской земли после проведения арыка стало ежегодно увеличиваться и улучшаться. Несколько лет жители местности под Отраром пользовались вновь проведенной водою, но в одну весну случилось наводнение и вся Дарьинская вода пошла по арыку и нахлынула в Чирчик, затопляя всю местность с полями, арыками, поселками и городами.

Это было приблизительно 450 лет тому назад (около 1450 г.). Во время этого наводнения погибла большая часть Отрарского населения, а оставшиеся в живых рассеялись: некоторые ушли в Бухару, Балх, Бадахшан, а другие на север – к Янькенту и Дженду».

Это один рассказ об опустошении Отрара. Другой объясняет большое наводнение несколько иначе, а именно: «После Тамерлана лет 400 тому назад, в Туркестанском крае появился из Кашгара

китайский полководец Аляку с многочисленным войском, покорив нынешнюю Фергану, он пришел в г. Дженд, который ему понравился, и Аляку назвал его Худжент, т. е. „красивый город".

Взяв Иски-Ташкент, Аляку перешел на Отрарскую землю. Отрарцы храбро сопротивлялись Аляку, тогда он, не достигнув никакого успеха, осенью отступил к Иски-Ташкенту и целую зиму с многочисленными войсками копал арык от Дарьи до Чирчика и Чиназа.

Весной во время высокой воды Аляку открыл голову арыка и пустил воду по Чирчику на Отрарскую землю, а сам с войском направился на Отрар.

Все спасшиеся от наводнения были убиты войсками Аляку или уведены в плен.

В Отраре Аляку оставил часть своих войск, состоявших из калмыков и китайцев. Последние поселились в Отраре, но оседлую жизнь вести не могли, так как Дарья разрушила арычную сеть, которую восстановить они не сумели.

Лет через 150 или 200 они разошлись, причем калмыки направились в Оренбургскую степь, а китайцы вернулись к себе на родину в Китай. Это было лет 250 тому назад (около 1650 г.).

После ухода калмыков и китайцев потомки древних Отрарских жителей стали собираться на родину из Бухары, Сарьяма, Балха, Ургенча и других мест, в которых они поселились после большого наводнения.

В течение ста лет они пытались восстановить орошение края и обновлять города своих предков; но это им не удалось, и они опять расселились по Фергане, Бухаре, Ургенчу.

Последним ушел со своим семейством некий Бабашуль» Это было приблизительно в 1750 году [88, с. 29-31].

Из этого признания, безусловно, можно извлечь рациональное зерно.

Народная память сохранила разрушительные походы калмыков, которые имели место в XVII в. По мнению М. Кожи, завоевания калмыков можно связать со следами последнего пожара, обнаруженного в верхнем слое городища Отрар на всех раскопках [90, с. 57-61].

Важна и дата окончательного запустения Отрара – середина XVIII в. [90, с. 604].

Город Сауран и его округа

В послемонгольское время этот город впервые упоминается в сочинении армянского царя Гетума, совершившего в 1254 г. поездку в Кара-Корум к верховному хану Мунке. Возвращаясь на родину, он описывает дорогу, в том числе и ее участок, проходивший по Южному Казахстану

В числе городов, в которых он побывал, есть и Сауран: «Оттуда они направились в Сгнах и Савран, который очень велик» [91, с. 224].

Сауран был при хане Эрзене столицей Ак-Орды. Муин ад-дин Натанзи пишет об Аккординском хане Эрзене, о котором известно, что «большая часть медресе, ханака, мечетей и прочих благотворительных учреждений, которые находятся в Отраре, Сауране, Дженде и Барчканде устроил он…» [82, с. 129].

В XIV в. Сауран фигурирует в событиях, связанных с взаимоотношениями Тимура и Тохтамыша в «Книге побед» Шараф ад-дина Йезди. В частности, упоминается о пожаловании Тохтамышу области Саурана и Сыгнака и борьба за эти области, разгоревшаяся между Тохтамышем и Улус-ханом [82, с. 147; см. также: 14, с. 17, 21, 30, 67, 77-78, 116-117]. Город в это время сохранял свое значение политического и экономического центра Ак-Орды [13, с. 17].

Сауран фигурирует в XV–XVI вв. в источниках, повествующих о войнах казахов и узбеков. Окончательно Сауран был завоеван казахами в конце XVI в., но и до этого он на продолжительное время переходил из рук в руки.

Например, в течение некоторого времени в 80-е годы XV в. его правителем был Иренчи-хан, сын одного из первых казахских ханов Джаныбека.

Сауран являлся одной из лучших туркестанских крепостей. О неприступности крепостных стен и других оборонительных сооружений Саурана сообщают источники, относящихся к XVI–XVII вв.

Рузбихан по пути из Сыгнака в Ясы проехал город Сабрам и в своем сочинении «Записки бухарского гостя» пишет: «…нашел его необыкновенно приятным городом. Построен он в открытой ровной степи. Он чрезвычайно веселый, светлый, с мягким бодрящим воздухом, который придает разуму радость и силу. В окрестностях его подобно овцам пасутся стада диких коз и по всей округе растут и виднеются разного рода красивые деревья. Сам город окружен высокой

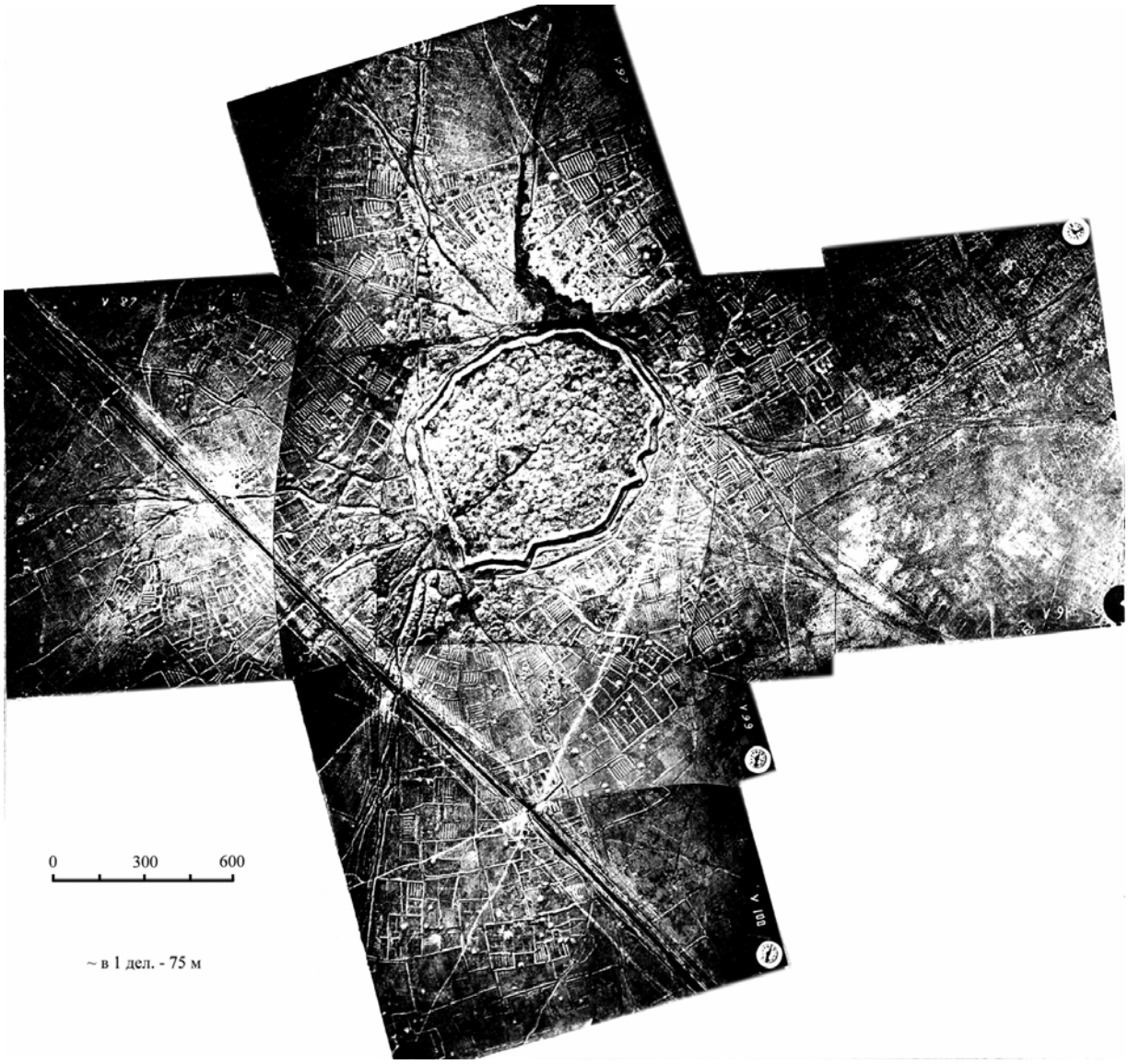

Рисунок 27 – Городище Саурантобе. Аэрофото

стеной, которую нельзя взять властной рукой, а вокруг нее неприступный ров…» [80, с. 140]. Рузбихан в данном отрывке пишет о Сауране, но не о Сайраме, как считает К.А. Пищулина [13, с. 23].

В 1513–1514 гг. в Сауране поселился известный писатель Васифи, который в своих мемуарах оставил интересные сведения о Сауране, куда забросила его судьба. Интересна характеристика города, его широко известных в то время построек – медресе и подземных каналов-кяризов. Он пишет: «Медресе было построено по приказу Убайдулла-хана. Надзирателем и распорядителем постройки был визир Кавамаддин Ходжа Султан-Ибрахим» [92, с. 160-161].

После окончания постройки Убайдулла прислал из Бухары несколько приближенных и наибов с подарками и пожалованиями и, собрав всех вельмож, знатных улемов и просвещенных Туркестана, назначил мударрисом сейида Шамсаддина Мухаммада Курти. На торжественном собрании по случаю назначения Курти (мадлиси идлос) присутствовало более пятидесяти отборных студентов, из числа постоянно проживавших в медресе [92, с. 161].

Васифи сообщает еще об одном удивительном сооружении Саурана – подземных каналах (кяризах), служивших для орошения [92, с. 161, 335].

Сауран в XVII в. описывается и в русских письменных документах. Так, о возможности торговли с правителем казахов «Савранским царем Аблаханом» говорится в «Отписке тобольского воеводы И. С. Куракина в Посольский приказ…» от 1616 г. [93, с. 45-46, 49]. В дорожном дневнике

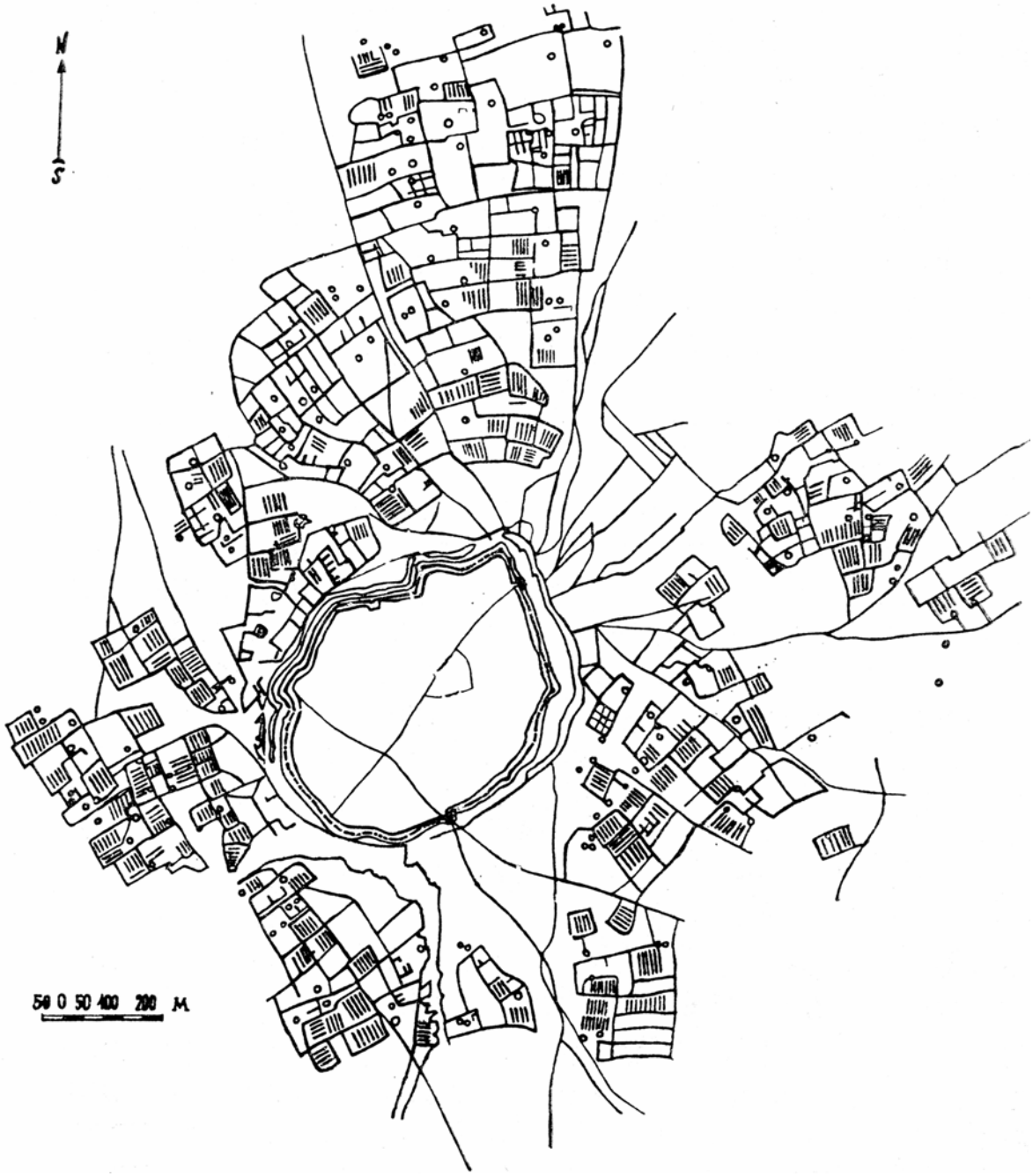

Рисунок 28 – Городище Сауран. План

Николая Спафария, написанном в 1675 г., есть слова: «А по Сырю вниз от Киндерли реки – 150 верст бухарский город – Ясырбан, а ниже Ясырбана – 90 верст, город Туркестан» [86, с. 31; 85, с. 50). В сочинении П. И. Рычкова «Топография Оренбургской губернии», а это 1762 г., Сауран назван Сабран. Он также называет три города, построенных Жамшид-ханом – Тюркестан, второй – Утрар, третий – Сауран. По данным П. И. Рычкова, в Сауране проживало 100 семей [30, с. 18-20].

Окончательное запустение города Сауран произошло в середине XIX в., поскольку проехавший здесь и осмотревший Сауран в 1866 г. П. И. Пашино писал о Сауране как уже о развалинах [37, с. 59-60].

Письменные источники помещают вблизи Саурана, в его округе селение (маузи) Джан-Курган, где располагался обоз армии Адаллах-хана [14, с. 288].

Городище под названием *Жана-Сауран* находится в полукилометре южнее железнодорожной станции 33, в 7 км восточнее городища Сауран, на старице сухого русла р. Майдан-тал. Городище

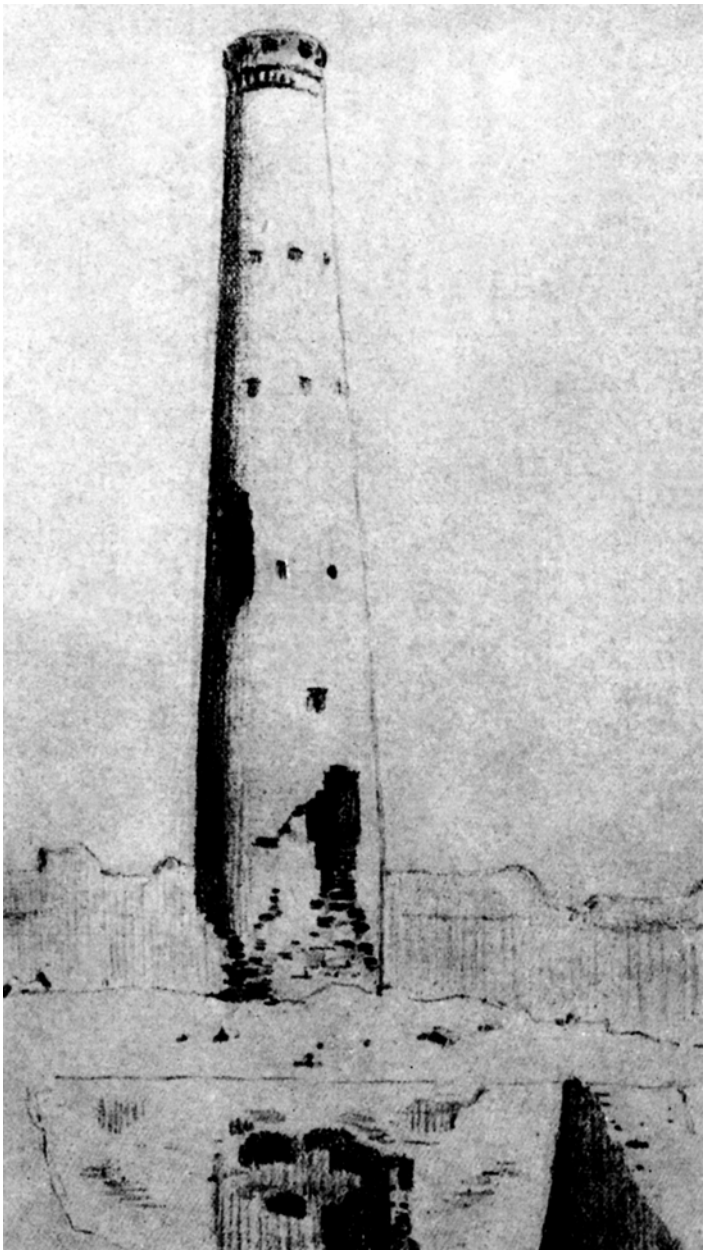

Рисунок 29 – Минарет Сауранского медресе. Рисунок В. В. Верещагина

распахано. В центре его находился участок городища размерами 100х35 м. В топографии прослеживаются улочки. Датируется оно XVIII–XIX вв. (51, с. 112-114, рис. на с. 183). Городище существовало вплоть до конца XIX в. и славилось своим скотным базаром.

О том, что городище Жана-Сауран существовало в XVI в. свидетельствует собранный здесь комплекс керамики XVI–XIX вв.

Очевидно, поселение Жана-Курган продолжало жить и в XVIII–XIX вв. Именно сюда переселились люди из заброшенного в середине XVIII в. города Саурана, отчего Жана-курган стал называться Жана-Сауран.

Город Сауран сохранил свое название и ему соответствует городище Сауран – одно из крупнейших в Казахстане и одно из наиболее хорошо изученных.

Сауран трижды менял свое месторасположение. Сауран первых веков н.э. – начала XIII в. соответствует городищу Каратобе [94, с. 65-70; 95], а городище Сауран XIII–XVIII вв. является остатками Саурана XIII–XVIII вв. [96]. Городище Жана-Сауран, датируемое XVI–XIX вв., отождествляется с одноименным городом.

Город Сыгнак

Возрождению разрушенного монголами Сыгнака способствовало выгодное хозяйственно-экономическое положение городища, находившегося на стыке оседло-земледельческой территории и Дешт-и Кыпчаком. Город постепенно превратился в крупный торгово-ремесленный и земледельческий центр, стал хорошо укрепленной крепостью. В XIV в. Сыгнак был столицей сильного политического объединения – Ак-Орды. Отстроенный Эрзеном и особенно Урус-ханом [97, с. 130-133], Сыгнак и в XV в. продолжал сохранять значение экономического и политического центра для целого ряда сменявших друг друга правителей Дешт-и Кыпчака [77, с. 116]. В 1446 г. Сыгнаком овладел Абу-л-Хайр-хан.

В 80-е годы XV в. город был захвачен Мухаммад Шайбани-ханом, но позже, после нескольких сражений с казахским ханом Бурундуком и сыновьями Джанибека – Махмудом и Касымом, Мухаммад Шайбани ушел на Мангышлак [77, с. 116]. Сыгнак же перешел в руки казахов и в дальнейшем городом владел Бурундук-хан: «Наконец, такие [люди] как Кази Садр ал-ислам, Чакмак-йузбеги и Сиддик-шайх, эта группа представителей [горожан], созвав людей Сыгнака, сказали: «Прежде этот вилайет принадлежал Бурундук-хану. Целесообразно нам передать этот вилайет Бурундук-хану, чтобы тем самым устранить неприятности» [13, с. 14].

В течение длительного периода борьбы за присырдарьинские города Сыгнак чаще, чем другие города, попадал в руки казахских ханов, так как именно здесь, в его окрестностях, находились обширные зимние кочевья казахов, что облегчало возможность подчинения и самого города. Так, сообщение Рузбихана Исфагани, относящееся к 1504–1505 гг., включает Сыгнак в число подвластных казахам территорий: «Когда [Мухаммад Шайбани-хан] достиг пределов казахских земель, он

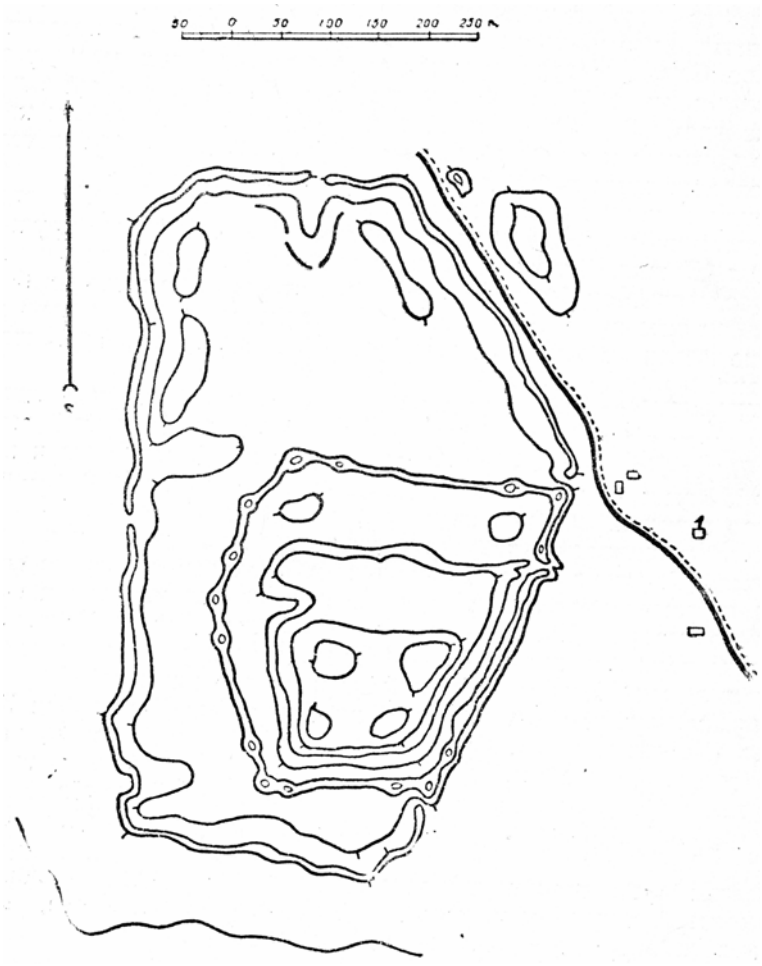

Рисунок 30 – Городище Сыгнак. План

прошел Сыгнак и дошел почти до Кара-Абдала, который является центром их зимнего кочевья» [13, с. 14]. Как уже говорилось выше, казахи владели Сыгнаком и в середине XVI в. Неоднократно упоминается Сыгнак и в событиях 70–80-х гг. XVI в., связанных с борьбой хана Абдаллаха с Баба-султаном и другими непокорными султанами.

Яркое описание Сыгнака и его значения в жизни региона приводит Рузбихан. «Владение Сыгнак – конец благоустроенных земель северной стороны области Дешта. В старину он был очень большим, цветущим городом. Вся эта область весьма благоустроена и возделана, и всему тому краю содействовали всякого рода блага и спокойствие. Этот город в действительности является пограничной заставой Дешт-и Кыпчака и славится по всему миру обширностью площади и наличием безопасности и спокойствия. От заслуживающих доверия людей той страны стало известно, что в прежние времена и предшествующие эпохи в этом благоустроенном владении и обильной радостями стране было так много жителей и обитателей, что ежедневно на рынках жарили пятьсот верблюдов и к вечеру на базарах не оставалось ни куска. Поистине, эта земля способна поддаваться такому благоустройству.

Оросительные каналы ее обработанных полей все выведены из реки Сейхун. Степи и поля той страны богаты водой, травой, кустарником «*так»* для топлива. В степях того владения, как стада овец на пастбищах, пасутся дикие сайгаки, куланы, степные бараны и разные другие животные. Все люди, обитающие в том владении, в незимние дни много охотятся и заготавливают на зиму запасы продовольствия. Мясо животных, добытых на охоте, в том владении бывает дешевым, стоит мало. В эту страну со стороны Дешта из Хаджи-Тархана доставляют множество благ: овец, коней, верблюдов и другие ценные товары, как-то: шубы из меха киша и тина, то есть из соболя и белки, тугие луки, стрелы из белой березы, шелковые ткани и другие драгоценные изделия. Так как [Сыгнак] является началом благоустроенности центра того владения по отношению к обитателям Дешта, то купцы владений и местностей Дешт-и Кыпчак до пределов реки Адил, которые являются северным краем благоустроенных [земель] и примыкают к побережью Бахр ал-Мухит, сделали город Сыгнак местом складов своих [и] приводят сюда торговые товары. Купцы областей Туркестана, Мавераннахра и с Востока до пределов Кашгара, Хотана привозят в Сыгнак товары этих стран и совершают с людьми Дешта торговые сделки и обмен. Поскольку эти торговые сделки совершаются в Сыгнаке, то это владение постоянно является местом пребывания купцов из [разных] стран, и добра, и товаров всех стран там в изобилии. Обитателей [Сыгнака] хотя и немного, но все они воины и люди боевые, закинувшие луки за плечо мужества и опоясавшиеся саблями на битву. Никто из казахов не жаждет напасть и ограбить их земли, и они проживают в том всюду благоустроенном владении и радостном краю в полном спокойствии и веселии под сенью богатства и изобилия. Он так же пишет:

«Славен город Сыгнак,
Что является местом проезда в Дешт-и Кипчак.
К нему дары Дешта везут
Все, что привозят оттуда, к нему везут.
Он – пограничная застава всех владений Туркестана,
В нем народу спокойно и безопасно.
Уже раньше эта спокойная страна
Была местом жительства ученых людей.
Из нее составитель книги «Нихайа» [80, с. 116-117],
Из нее толкователь трудных мест «Хидайа».
Если наша жизнь продлится долго,
Мы еще раз станем сыгнакцами» [80, с. 116-117].

Сыгнак был важным религиозным центром. Рядом с ним находилось кладбище, куда свозили хоронить всех ханов. Над могилами знатных людей «возводили здание, похожее на купол», то есть купольные мавзолеи. На кладбище находилась гробница Абу-л Хайр-хана [80, с. 117-118].

Как отмечал Рузбихан, окрестности Сыгнака были плотно заселены казахами, которые здесь зимовали, а часть проживала постоянно. В результате сражений с казахами победителям доставалась богатая добыча, о чем сообщает Рузбихан, поражаясь богатству казахских центров, скорее всего юрт знатных казахов, сравнивая их с замками. Он восклицает «...Ах, какие шатры! Замки, воздвигнутые высоко, дома построенные из дерева в воздушном пространстве» [80, с. 128].

В самом городе имелись мечети.

Он же сообщает о громадной добыче, которая досталась узбекам после разгрома казахов [80, с. 128-131].

Русские источники содержат сведения о Сыгнаке XVIII в. Так, в «Сказке ташкентского купца» Алима Нурмухаммеда, относящейся к 1735г., город «Сырнагата» (Сыгнак) причислен к городам Туркестана [48, с. 28].

В материалах поездки поручика Дмитрия Гладышева и геодезиста Ивана Муравина из Оренбурга в Хиву в 1740–1741 гг. Сунак-Ата, Ата-Сауран, Туркустан (Туркестан), Ташкент помещены на реке Сырдарье, правителем в них был Юлбарис [14, с. 80].

А. Ю. Якубовский проанализировал вакуфные грамоты из Сыгнака и установил, что почти все названия арыков и речек, встречающиеся в вакуфных документах, сохранились до наших дней. Проезжая через степь Тюмень-Арык до Сыгнака, заметны следы арыков. Их много на юг и запад от развалин и меньше на север и восток. Иски-Тюмень-Арык выходит из Сырдарьи и проходит к холму Ак-Тобе и разветвляется, один канал идет к Кок-кесене, другой к Сыгнаку. Бузгул-Узяк вытекает из озера того же имени. Озеро образовано разливами Сырдарьи. Находится озеро между ж.-д. станциями Тюмен-Арык и Яны-Курган.

Мын-Булак, Чулак, Арсланды, Кызыл-Тал, Кельте-Чалгия – речки, вытекающие из гор Каратау [97, с. 159].

Сыгнак был центром богатой земледельческой округи, орошавшейся речками, стекающими с южных склонов Каратау и выведенными из них арыками, а также магистральными каналами Тюмен-арык, берущими начало из Сырдарьи.

Локализация Сыгнака очевидна, он находится на месте крупного городища Сунак-Ата, что подтверждается сведениями письменных источников и археологических материалов [69, с. 228, №3842].

Города и поселения левого берега Сырдарьи

На левом берегу Сырдарьи, напротив Отрара, Туркестана и Саурана, согласно сведениям письменных источников, находилась группа городов и селений. Это *Куджан (Куган)*, который впервые упоминается в связи с походом Абдаллах-хана в Дешт-и Кыпчак. По пути в Узгент его отряды последовательно прошли Куджан, Аркук, Ак-Курган [14, с. 258, 259; 13, с. 31].

Куджану, как удалось доказать, соответствует городище Кавган-Ага (Кауган-Ата) [9, с. 205].

Городище Кавган-Ата находится на южной окраине аула Балтакуль и представляет округлый в плане плоский бугор высотой 8–10 м. Диаметр его равен 160–170 м. По периметру городище окружено стеной, состоящей из сомкнутых под тупым углом отрезков.

В местах соединения их располагались башни. Вокруг стены находится оплывший ров шириной до 15 м и глубиной 2 м. Въезд внутрь городища устроен в южной части стен. Улица, которая начинается прямо от въезда, делит территорию городища на две равные части. В центре городища от центральной улицы на запад отходит еще одна, отчетливо прослеживаемая в топографии улица. Вокруг центрального бугра видны следы застройки.

Керамика, собранная па поверхности городища, датируется XV–XVIII вв. Встречаются отдельные фрагменты и более раннего времени [49, с. 162-164].

Город Аркук, названный в перечне населенных пунктов па Сырдарье, характеризуется в источниках достаточно обстоятельно [13, с. 24, 25].

Первое упоминание о нем встречено во второй четверти XV в. в сочинении Масуда бен Османи Кухистани. Аркук наряду с Ак-Курганом и Узгентом упоминается как город, захваченный Абулхайр-ханом во время его похода на Сыгнак [14, с. 159].

Обстоятельная характеристика этого города приводится Рузбиханом, советником и историографом Мухаммада Шайбани.

Он писал: «Первая крепость из числа туркестанских крепостей, которая явилась стоянкой августейших знамен, была крепость Аркук. Эта крепость в одном фарсахе от реки Сейхун и расположена она на западной стороне реки. Через нее проходит дорога в восточные крепости Туркестана, как-то: Ясы, Сабрам и другие владения. Хотя крепость Аркук по количеству зданий невелика и [состоит] из нескольких домов, но наблюдается удивительное дело в ее благоустройстве.

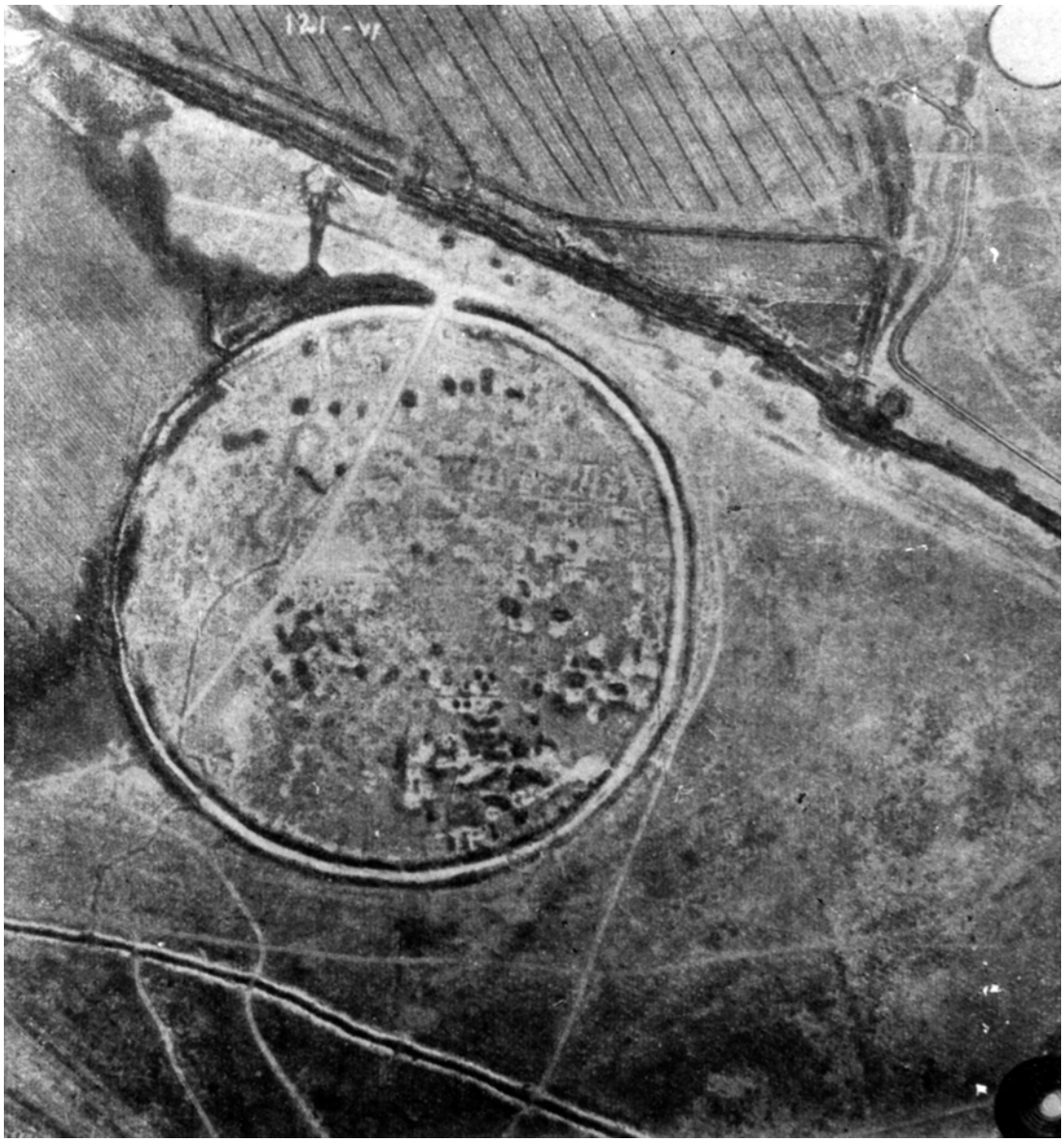

Рисунок 31 – Городище Бозук – город Аркук

Через эту крепость проходили в этом году все победоносные воины. Все [воины] вышли из самаркандских и бухарских полей и степей и ни у одного не было [с собой] съестных припасов. Решено было собрать на месяц с лишним продовольствия для похода на узбекские и казахские города, [и что] город Аркук с помощью других незначительных селений, находящихся на западном берегу Сейхуна, полностью обеспечит войска хлебом и продуктами.

Несмотря на то, что была середина зимы, самое время дороговизны хлеба и скудости продуктов питания, этакое несметное войско, от числа и счета которого останавливается в нерешительности [даже] счетчик фантазии, а обладающий разумом [человек] не берется за перо точности, [чтобы] охватить [хотя бы] часть его, расположилось на пространстве той крепости, и все с большой поспешностью направились в дома того города для сбора продовольствия и заготовили все необходимое для всего войска, без того чтобы кто-либо пожаловался на войско за несчастье или просил заступничества от насилия его.

Поскольку в том городе нет лавок и базаров и большая часть купли-продажи производится в домах жителей, то воины выходили из домов жителей, обремененные ношей. Их обозы и верблюды [были] перегружены всяким добром и показывали, что большинство селений Туркестана по благосостоянию подобны крепости Аркук и даже еще более цветущи.

И это – дело весьма диковинное, потому что если бы прохождение такого войска случилось через большую часть местностей Мавераннахра, Хорасана, Ирака и Азербайджана и оно потребовало бы продовольствия на один месяц, то, возможно, разорилось и погибло бы множество народа от наказаний и мучений при поисках зерна. Войско не смогло бы удовлетворить свои потребности, а те местности лишились бы красы благоустройства и процветания, и даже долгое время спустя никто бы не посеял семян на пашнях ни в одном округе из округов. И это благоустройство туркестанских городов полностью зависит от бесконечных милостей его величества, наместника всемилостивого, и доброй заботливости, которая появилась в повелителе стран света по отношению к нему [городу Аркуку], за исполнение правил согласия, которое с самого начала исходило с их стороны» [80, с. 75-76].

Во второй половине XVI в. Аркук упоминается как город на караванной дороге, проходящей по левому берегу Сырдарьи. Известно также, что в окрестностях Аркука и Куджана формировались отряды Бузахар-Султана [14, с. 260, 261].

В свое время Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич отождествляли с Аркуком городище Артык-Ата, расположенное в урочище Ак-Куль [7, с. 125-128].

Однако датировка, предложенная ими для памятника, оказалась неточной. Городище Артык-Ата доживает до XII в. Но, неподалеку от городища Артык-Ата находится еще один памятник-городище – Бозуктобе.

Оно датируются на основании подъемного материала XV–XVIII вв. Таким образом, средневековому Аркуку соответствует городище Бозуктобе [9, с. 206].

За Аркуком вниз по Сырдарье источники XV–XVII вв. помещают город *Ак-Курган.* В «Истории Абу-л-Хайр-хана» автор Масуд бен Осман Кухистани называет Ак-Курган в числе городов, добровольно сдавшихся Абу-л-Хайр-хану наряду с Сыгнаком, Сузаком и Аркуком [14, с. 159].

Хафиз Таныш упоминает Ак-Курган в связи с деятельностью шейбанида Баба-султана [14, с. 260].

Город известен и в русских источниках. В «Книге Большому Чертежу» Ак-Курган-град помещен в 70 верстах от Яныкургана и к 110 верстах от Сайряма [98, с. 31].

Городище Актобе или Ак-Курган, сохранившее название города, расположено в 4 км от берега Сырдарьи. Это большой двухъярусный бугор трапециевидной формы, ориентированный сторонами по странам света. Наиболее высокая часть городища, размерами 150х110 м, возвышается на 6 м над общей поверхностью местности. Эта часть городища – цитадель, была укреплена стеной с башнями.

Вокруг возвышенной части расположены развалины в виде плоского, подчетырехугольного в плане бугра. Размеры его сторон: восточная – 210 м, западная – 240 м и южная – 230 м. Городище опоясано рвом. Датируется памятник на основании подъемного материала XIII–XVIII вв.

Таким образом, отождествление Ак-Кургана с одноименными развалинами не вызывает сомнения [9, с. 205].

Уверенно локализуется еще один левобережный город – *Узгент.* Он впервые упоминается вместе с Сыгнаком, Аркуком и Ак-Курганом в числе городов, добровольно сдавшихся Абу-л-Хайр-хану.

Затем город описывается в связи с началом деятельности Мухаммеда Шайбани-хана.

Именно из Узгента навстречу Муххамаду Шайбани-хану выступил отряд Хамзы-бека после того, как Мухаммед Шайбани-хан занял Аркук. Отряд был разбит, а Узгент сдался без боя. В городе оставлен гарнизон в 20 человек во главе с Мухаммад-Тимуром.

Город славился своими укреплениями. Известен факт, когда город выдержал осаду четырехтысячного войска [14, с. 112-113].

Затем Узгент упоминается Хафизом Танышем в событиях второй половины XVI в. [14, с. 260, 261].

Городище, которое называется Кыр-Узгент, представляет собой многоугольный бугор, окруженный по периметру стеной с башнями. Наибольшая протяженность бугра с севера на юг составляет 250–300 м. По периметру его идет стена с 15 башнями. Городище опоясано также рвом. Въезд расположен в восточной части. Центральная улица, которая начинается въездом, пересекает всю территорию и подходит к водохранилищу – хаузу, расположенному в западной части городской территории. Вокруг центрального бугра прослеживаются участки полей, остатки ирригационных сооружений. Датируется городище XIII–XVIII вв. [49, с. 160, 161].

В низовьях Сырдарьи на ее левом берегу находился город *Жанкент-Янгикент* (Янгекент, Янакент; ал-Карьят ал-Хадиса, Дих-и Нау).

Жанкент – город, известный как столица огузов с X в., и имеющий богатую событиями историю.

Раскопки городища Жанкент начались уже во второй половине XIX в. сразу же после завоевания Южного Казахстана Россией.

Джанкент посетил востоковед П. И. Лерх, затем художник В. В. Верещагин, которые провели там разведывательные раскопки и собрали интересный материал. Археологическое изучение городища составило интересную страницу истории археологии [99, с. 197-230].

Изучение городища продолжала Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция во главе с С. П. Толстовым [100, с. 58-62, 98-102]. Работы на городище проводятся и сейчас [101, с. 35-61; 102, с. 22-24; 103; 12, с. 157-163].

В итоге удалось установить, в том числе с большей долей уверенности, что новой столице Джанкенту предшествовала старая – город Хувара-Джувара и отождествляется с городищем Куюк-Кескенкала, расположенном в 25 км южнее городища Джанкента [12, с. 36-37].

Следует отметить интересный факт, характерный позднесредневековой истории этого города. Он после монгольского нашествия поменял место своей дислокации и Джанкенту XIII–XIX вв. соответствуют развалины городища Мынтобе или Джанкала, которое находится в 3 км южнее городища Жанкент. Это прямоугольное в плане четырехугольное укрепленное поселение. Размеры его 1,2х1,2 км. Стена сохранилась на отдельных участках на высоту до 3 м. И именно это городище исследовалось П. И. Лерхом и В. В. Верещагиным и отсюда происходят материалы, в частности, облицовочные изразцы XV в.

Во второй четверти XVIII в. Северное Приаралье стало основным районом зимнего пребывания хана Абулхаира, который разместил у развалин Жанкента свою главную ставку. Он просил российское государство восстановить Джанкент.

В «отписке» Ф. Скрябина, датированной 1697 г. есть сообщение о городе Джанкенте-Янги-+кенте: «А от Туркестана до земли вниз по Сырту рек на три дня до города Юзюганту. И в том де городе Тявку-хан в прошлом году поступился каракалпакам сбору половиною городов. И пашут пашню с казахами живучу сообща. И от Юзюганту вниз же по Сарту, по обе стороны кочуют каракалпаки, на десяти днищах до мечети их курчут. А городов де особых нет...» [27, с. 384].

Указом императрицы Анны Иоанновны от 20 августа 1739 г. начальнику Оренбургской экспедиции В. А. Урусову поручено было ответить хану, что вопрос о возведении города может быть решен только после предварительного изучения местности.

С этой целью царское правительство распорядилось направить в ставку Абулхаира «способного офицера и поручить тому осмотреть тамошние места, описать эти места и учинить ландкарту».

Выполнение этого задания было возложено на поручика Оренбургского драгунского полка Дмитрия Гладышева и геодезиста Ивана Муравина, которые в сентябре 1740 г. выехал из Оренбурга в низовья Сырдарьи.

Основные результаты проведенного ими беглого осмотра развалин Жанкента и его окрестностей были изложены в «показаниях» И. Муравина, который обнаружил на территории городища всего лишь «ветхий остаток» крепостных стен [48, с. 56-77]. Поэтому просьба Абулхаира не была удовлетворена.

Но в сознании многих поколений казахов руины Жанкента оставались символом многовековой истории кочевых и оседло-земледельческих народов Приаралья. Память об историческом прошлом Жанкента как процветавшей некогда столице обширного ханства сохранялась в народных преданиях и легендах.

Поэтому Абулхаир стремился разместить свою ставку не только в окрестностях Жанкента, но и непосредственно на территории самого городища.

Благодаря Абулхаиру, название и местонахождение древней столицы Приаралья стало известно в России и Европе и было впервые нанесено на географические карты азиатской части континента [104, с. 229-232; 48, с. 410-411].

После смерти хана Абулхаира Северо-Восточное Приаралье перешло к его давнему сопернику султану Батыру (ум. в 1771 г.). а затем – его старшему сыну хану Каипу (ум. в 1795 г.). Каип, следуя примеру своего знаменитого предшественника, также выбрал развалины городища Жанкент, точнее их окрестности, в качестве постоянной резиденции. Развалины города оставались постоянной

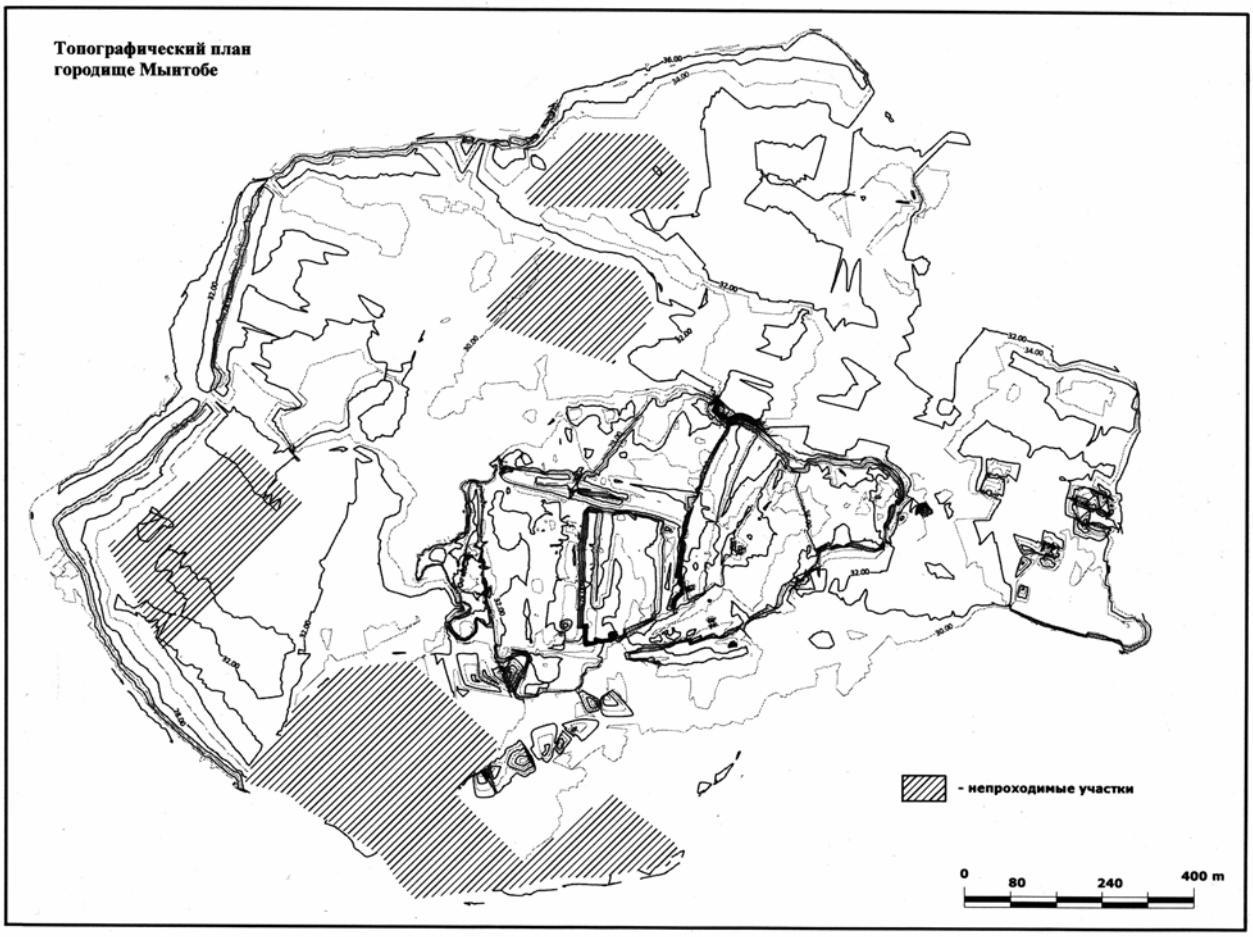

Рисунок 32 – Городище Мынтобе. План

ставкой старшего сына Каипа, султана Абулгазы (ум. в 1815 г.), избранного в 1797 г. приаральскими казахами ханом.

Широкую известность древнее городище в низовьях Сырдарьи приобрело в годы правления старшего сына Абулгазы – Арынгазы-хана (1815–1821), ставшего в это время самым влиятельным и знаменитым среди казахских правителей. Его детство и юность прошли вблизи Жанкента, где он впоследствии по традиции расположил свою зимнюю ставку. Местом для церемонии провозглашения Арынгазы ханом был выбран Жанкент, и на территории легендарного города в 1815 г. он был поднят по древнему обычаю на белой кошме. Обладая большим честолюбием, сильной волей и незаурядным умом, Арынгазы сумел быстро добиться усиления своей власти, пресек внутренние междоусобицы и нападения подвластных ему кочевников на оседло-земледельческие селения и торговые караваны, активно содействовал русским и бухарским купцам в развитии транзитной торговли. Благодаря этому, Арынгазы приобрел большой авторитет как в Казахской степи, так и в среднеазиатских ханствах.

Однако широкая популярность Арынгазы среди казахского населения всех трех жузов вызвала у российских чиновников серьезные опасения в его политической благонадежности и сохранении лояльности к императорскому престолу. Поэтому в 1821 г. он вызван был в Петербург, награжден там серебряной медалью за успешное сопровождение российской дипломатической миссии в Бухару, а затем на обратном пути задержан царскими властями и сослан в Калугу, где и скончался в 1833 г.

После отправления Арынгазы в далекую ссылку в Жанкенте на некоторое время воцарился его главный политический противник – султан Жангазы, или Маненбай (1802–1852), принявший ханский титул и подданство Хивинского ханства. Через год после его смерти в низовье Сырдарьи пришли российские войска, уничтожившие там опорные пункты Хивинского ханства [105, с. 698-711].

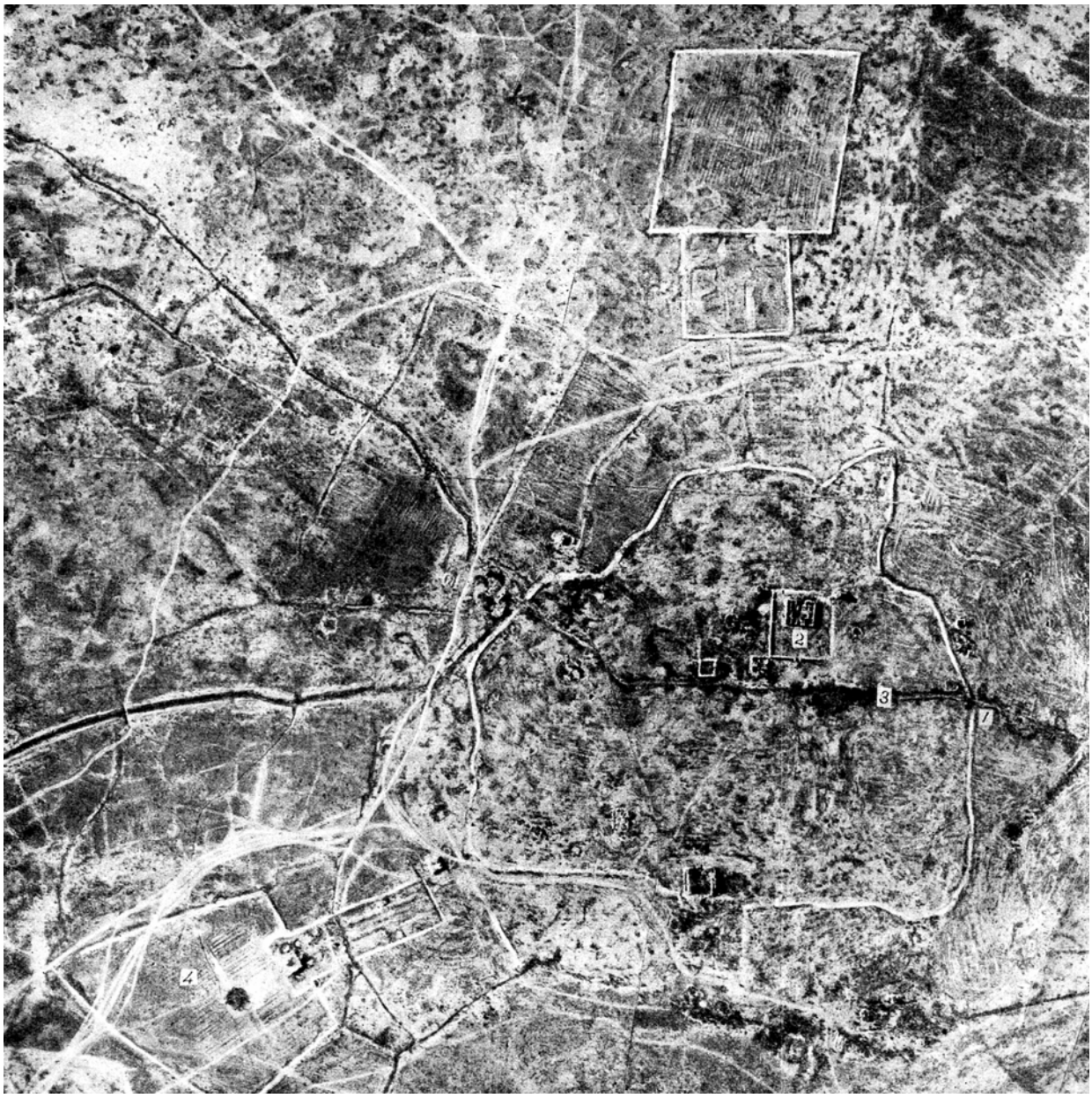

Рисунок 33 – Городище Джан-кала, развалины средневекового города Дженд.
1 – стена и ров; *2* – цитадель; *3* – канал; *4* – садово-парковые комплексы. Аэрофото

Джан-кала. В Приаралье находится позднесредневековое городище Джанкала, отождествленное в свое время С.П. Толстовым с крупным средневековым городом Джендом [106, с. 288-291]. Это положение не подтверждается материалами новых археологических исследований и тождество Джанкалы и Дженда поставлено под сомнение [107, с. 100-122]. Но, город на месте городища Джанкала существовал в XIV–XIX вв. Об этом свидетельствуют раскопки дворца, мечетей, караван-сараев. Известно, что городом в последний период его жизни управлял казахский султан Джангазы [48, с. 316-317, прим. 1]. В 1847 г. город был разрушен русскими войсками и больше не восстанавливался.

Сузак, города и поселения, крепости на северных склонах Каратау

Сузак. Этот город впервые упоминается в середине XIII в. в событиях, связанных с поездкой армянского царя Гетума к хану Мунке [91, с. 222]. Достигнув Каракорума, Гетум был принят великим ханом «и по достоинству почтен им». «Он пробыл в Орде пятьдесят дней, (хан) пожаловал

ему указ с печатью, дабы никто не смел притеснить его и страну его; он пожаловал так же грамоту, освобождавшую повсеместно церкви (от податей)».

Возвращаясь, посольство Гетума проехало города Хутухчин, Пергант, Сухул-хан, Уросо-хан, Кайкант, Хузак, т. е. Камоц, в Хундахойр и Сгнах, к горам Харчук. Оно также проехало через города «Сгнах и Совран, который очень велик (затем) Харчук и Асон в Саври и Отрар, Зурнук и Дизах. Оттуда через тридцатый день они достигли Самарканда…» [91, с. 224].

В этих названиях легко узнать города, известные по другим письменным источникам: Сугулкент, Кумкент, Сузах, Карачук, Ясы, Сауран, Отрар, Зернук. Они достаточно уверенно отождествляются с конкретными городищами [53, с. 91-92, карта]. Именно в это время становится оживленным отрезок Шелкового пути, проходивший вдоль северных склонов Каратау.

В событиях второй половины XV – первой половины XIX в. Сузак часто упоминается как город на северных склонах Каратау, откуда дорога вела на север в Дешт-и Кыпчак и на юг в Сыгнак, Яссы, Отрар, в Среднюю Азию, на запад в Приаралье и на восток в Тараз.

Сузак часто переходил из рук в руки в период войн казахов и Шайбанидов. Так, в сообщении Рузбихана «во рве Сузака» Шайбаниды разгромили войско сына Джанибека Махмуд-султана, а затем вместе с людьми Сузака и Кара-коза на перевале Согунлук, через который шла дорога из Сузака в Сыгнак, еще раз разбили войско Бурундук-хана [14, с. 21, 73-77, 105-106].

Сузак известен как город, откуда бежал Махмуд-султан от своих преследователей после отдачи Саурана [14, с. 116-117].

В сочинении «Тарих и Абу-л-Хайр-хани», написанного Масудом бен Усманом Кухистани, описывается поход хана на Сыгнак. Увидев многочисленное войско, Абул-Хайр-хан сдал город, и вслед за ним на милость хана сдались Ак-Курган, Аркук, Сузак и Узгент. Сузак был пожалован в управление султану Бахтияр-султану, Сыгнак – Мане-оглану, а Узгент – Вахис-бию Мангиту [14, с. 159].

В сочинении «Шараф-наме и шахи» и «Абдаллах-наме» (книга, принадлежавшая перу Хафиза Таныша) описывает поход хана Абдаллаха в степь, при этом Сузак был своеобразной базой похода [14, с. 287]. Но в тоже время Сузак стал местом схватки войск Абдаллаха и Баба-султана, за обладание города шли ожесточенные схватки, причем казахи блокировали перевалы на пути из Сузака в Сауран [14, с. 293].

В 1743–1745 гг. Сузак вместе с городами Туркестан, Сауран, Отрар управлялся казахским ханом Абулмамбетом [48, с. 386].

Интересные сведения о Сузаке и об оседлых поселениях казахов в ущельях гор Каратау приводит Филипп Назаров, совершивший свою поездку в 1814–1815 гг.

«Дорогою (к Сузаку) мы находили весьма много черепах. (В исходе сентября) на рассвете караван остановился в 4-х верстах расстоянием от города. Я с чиновниками и султанами был приглашен к правителю, или губернатору города; он нас угощал чаем, виноградом, дынями; почивал курительным табаком и потом позволил осмотреть город. Сузак заключает в себе от 500 каменных домов, выстроенных столь плотно один к другому, что войдя в улицу, думаешь видеть ее огражденную каменным забором; окна в домах выстроены (вообще) на двор, во всем городе одна токмо круглая улица. Город сей стоит на возвышенном месте, в яру обнесен высокою, каменною стеною, внутри изобилует ключами; до 200 человек гарнизону охраняет город. В предместии его находятся пашни и рассеянные юрты бедных киргизов: жители трудолюбивы, занимаются хлебопашеством и производят мену товаров с кочующими на Сарысе и Чуе киргизами. Женщины их весьма ласковы и столь знакомиты, что приходили многие из них в караван наш» [64, с. 31].

Далее Ф. Назаров направился с караваном вдоль северных склонов Каратау на юго-восток и через «Чулак-курган» и далее в сторону Арыси и в Чимкент.

Про Каратау он пишет: «Мы повстречали в сем месте киргизов (казахов), которые от набегов разбойников и черных (дикокаменных) киргизов имеют каменные укрепления, поблизости коих видны обработанные поля и передвижные юрты. Они занимаются хлебопашеством, променивают хлеб проходящим караванам за товары. В опасных случаях они в укреплениях своих скрывают стариков, жен, детей и скот, защищая их до последней капли крови» [64, с. 32].

В 1829–1830 гг. о Сузаке, как о крупном городе на торговом пути из Сибири в Среднюю Азию, упоминает Н. И. Потанин, сопровождавший кокандского посланника, и в это время караваны шли

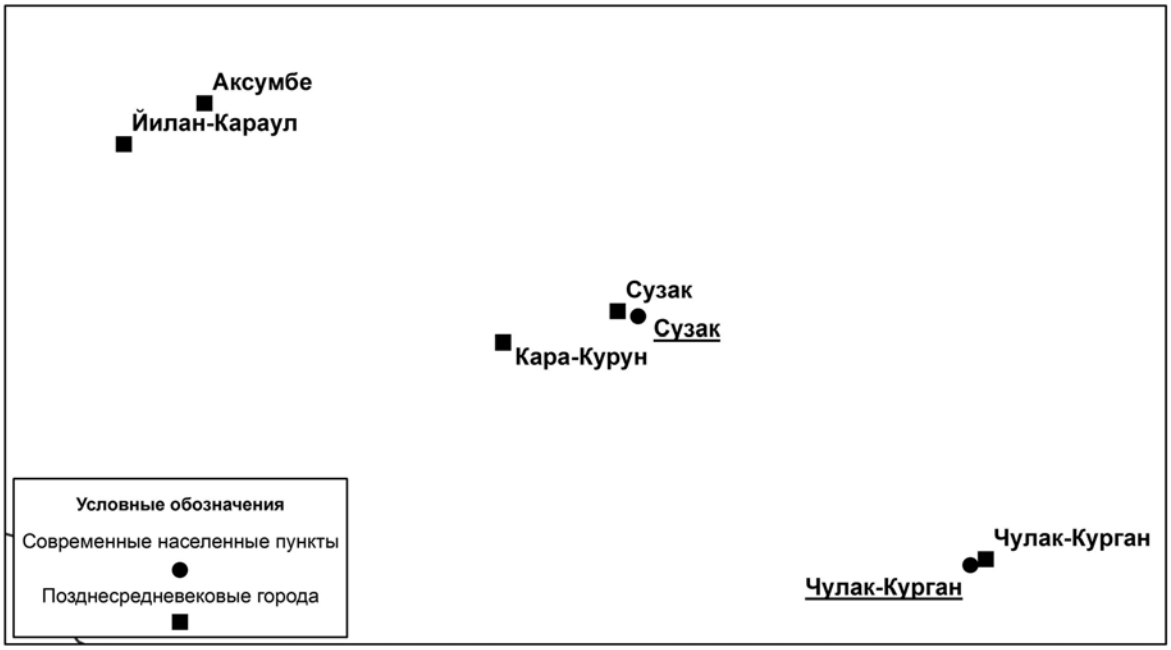

Рисунок 34 – Города, поселения, крепости на северных склонах Каратау

и через «Чолак-Курган», который, как пишет Н. И. Потанин, находился в 100 верстах от Туркестана и в 20 верстах от Сузака [48, с. 345].

Спустя три десятилетия (1859) переводчик коллежского регистратора Н. И. Бардашев характеризует дорогу из города Аулиеата в Сузак, которая шла по ущелью Карой в долину р. Асса и далее выходила на северные склоны Каратау и приводила в Чолаккорган и оттуда через 55 верст в Сузак [48, с. 345].

В округе Сузака находилось несколько городов и крепостей. *Йилан-Караул* упоминается в связи с событиями похода Абдаллаха в Туркестан и Дешт-и Кыпчак. В сочинениях Хафиза Таныша описывается ситуация, как путь из Сузака в Сауран перекрыли казахи, использовав крепость Йилан-Караул. Он пишет, что части войска Абдаллаха во главе с Ибалах-султаном «были направлены в сторону Саурана. По пути они прибыли к одной крепости, укрепленной и сильной, носящей название Йилан-Караул. Здесь, укрепившись, сидели многочисленные войска Дешта и препятствовали проезду. Известно еще одно название этой крепости – Йиланчук. Именно здесь Абдаллах расположил свой лагерь, следуя походам на казахов [14, с. 236]. Крепость была окружена, но проживавшее там войско оказало упорное сопротивление, но все же не смогли удержать крепость, она была захвачена. Победителям достался обоз и снаряжение [14, с. 213-214].

Есть мнение, что крепость Йилан-Караул соответствует укреплениям Кырык-Кыз (Кыз-Курган) и Бала Корган [9, с. 388]. Крепость Кырык-Кыз (Кыз-Курган) имеет форму неправильного круга с диаметрами 80 и 85 м. Крепостные стены сложены из камня-плитняка. Толщина крепостных стен 1,5–2 м, сохранившаяся высота – до 4 м. В стенах имелись проемы типа бойниц.

В северо-восточной стене крепости имеются предвратные сооружения в виде выступающих наружу пилонов, сложенных из такого же камня-плитняка и защищающих въезд в городище.

В центре крепости имелись более крупные строения, состоящие из нескольких комнат. Дома имеют 2–3 и более комнат. Очаги земляные. В некоторых постройках имеются небольшие отсеки – хозяйственные помещения. Общие размеры помещений 10–12 м^2.

В одном километре севернее Кырык-Кыза находится вторая крепость Бала-Курган. Северо-западная стена ее стоит на кромке отвесного обрыва, труднодоступна; северо-восточная – прикрыта горами. Наиболее уязвима крепость с юго-восточной и юго-западной сторон, поэтому она усилена башней прямоугольной формы и (как продолжение ее) вперед вынесена вторая башня округлой формы.

Размеры крепости 75х37 м, высота стен 3–3,5 м. В одном из помещений в крепостной стене имеется бойница, обращенная к входу в ущелье Кызыл-Сай.

Рисунок 35 – Городище Сузак. Аэрофото

Были раскопаны и расчищены от завалов шесть помещений в жилой части крепости; пять из них пристроены к северо-западной стене, одно – к северо-восточной. Размеры комнат 4–5х2х2,5 м, толщина стен – 1 м. Комнаты однотипны, почти одного размера: примерно 8–10 м^2 каждая. Это комнаты казарменного типа. Очевидно, они служили помещениями для гарнизона крепости.

Можно считать, что Бала-Курган являлся форпостом, прикрывающим большой Кырык-Кыз с севера со стороны степи. Фактически культурный слой в раскопанных помещениях этих двух крепостей отсутствует, кроме небольшого количества маловыразительных черепков от хумчей и кувшинов. Две обнаруженные монеты датируют их XV–XVIII вв.

Каменные крепости Бала-Курган и Кырык-Кыз запирали сквозной проход по ущелью Кызыл-Сай со стороны степи в Туркестанский оазис. Вероятно, крепости сохраняли свои функции в продолжение нескольких веков – с XV по XVIII вв.

Рядом с Кырык-Кызом, к югу от него, расположен позднесредневековый могильник Кызыл-Ата. Он состоит из 296 погребальных памятников разного типа. Из них каменных колец – 65, каменных набросков – 21, каменных ящиков – 2, все остальные – земляные насыпи. Намогильные каменные плиты – кулыптасы имеются почти на всех памятниках.

Большая часть высеченных на них тамг относится к знаку в виде буквы «Т», являющейся тамгой племени «Каракерей» из казахского Среднего жуза. Надо отметить, что схожее начертание тамги имеет крупный род «жагалбайлы» племени «алшын» Младшего жуза.

По арабской графике на одном из кулуптасов с каракерейской тамгой нам стало известно имя одного из погребенных.

«Здесь был захоронен Сыдык – сын Кокея (?) из рода Каракерей». По палеографии эпитафии время захоронения относится к XVIII в.

Кроме тамги каракереев встречаются тамги: «донгелек» – дулатов, «тумар» – шапрашты, «босога» – коныратов и некоторые другие. Судя по тамгам, среди захороненных встречаются представители племен и народов всех трех казахских жузов.

Вероятно, могильник Кызыл-Сай был войсковым кладбищем [108, с. 85-88].

Рядом с Сузаком источники XV–XVI вв. помещают населенный пункт *Кара-Курун*. У Бенаи в «Шейбани-наме» описывается эпизод подготовки Бурундук-хана к военной кампании против узбеков: «Собрав пешие и конные войска из людей Сузака и окрестностей Кара-Куруна, соединил [их в одно] большое войско» [14, с. 21]. Есть мнение об отождествлении Кара-Куруна с местностью

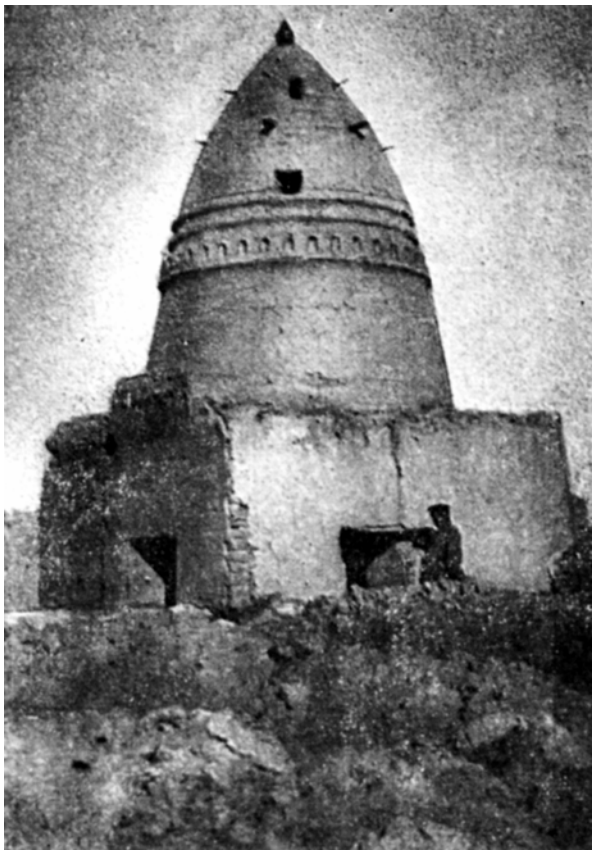

Рисунок 36 – Сузак. Мавзолей Кулак-Ата. XIX в. Фото. 1946 г.

Кара-Куль [14, прим. 20 на с. 509]. Это, однако, не соответствует действительности, поскольку Кара-Кулем называлась местность и канал, выведенный из Сырдарьи вблизи Сыгнака, тогда как Кара-Курун находится на северных склонах Каратау. Поиски здесь привели к открытию городища Куль-тобе, расположенного в 25 км северо-западнее. Сузака в ущелье, носящее название Карагур.

Цитадель городища в плане имеет вид треугольника, окруженного стеной из плит камня. Размеры сторон соответственно равны: северная – 30 м, западная – 70 м, юго-западная – 40 м, юго-восточная – 60 м и восточная – 30 м.

Внутри поверхность цитадели плоская. На ней в южной части находится бугор диаметром 15 м. К цитадели с южной стороны примыкает плоский бугор с подковообразным возвышением по краю.

Раскопки городища открыли часть застройки из каменных плит. В двух-пятикомнатных домах имеются жилые помещения с очагами-тандырами, суфы. Другие помещения были кладовые. В топографии городища прослеживается площадь для загона скота.

Керамика, собранная на поверхности городища, датируется XV–XVI вв. [49, с. 179-180].

Еще одно аналогичное поселение открыто в ущелье Ран. Оно также было огорожено стенами. Внутри прослежена жилая застройка. Датировка его XVI–XIX вв. Историческое название этого поселения неизвестно. Видимо, Кара-Курун – городище Культобе и город на месте городища Ран являются остатками тех самых «казахских каменных крепостей», о которых писал Ф. Назаров [64, с. 32].

Селение Чолаккорган. Расположено на северных склонах Каратау. В 1813 г. Ф. Назаров с грамотой и подарками к хану Коканда, в составе специального каравана прошел путь из Омска в Коканд, через казахские степи добрался до Сузака, а оттуда по новому для караванов пути вдоль северных склонов Каратау через урочище Чулак-Ашу и перевал Арыстанда в Чимкент и Ташкент [64, с. 32]. Он ничего не сообщает о городе Чолаккорган, но видимо здесь была одна из каменных крепостей казахов.

О Чолаккоргане сообщает Н. И. Потанин, сопровождавший в 1829–1830 гг. также кокандских посланников, бывших в Санкт-Петербурге в Коканд.

«Выехав из Семипалатинска, он (караван) пересек Бетпак-Далу, переправился через р. Чу, добрался до пограничного городка Чолаккорган. Селение насчитывало около 70 домов тесно расположенных один к другому. Дома делаются из глины с деревянными потолками. Местечко это окружено глинобитной стеной и расположено на высокой горе, вокруг которой проведен канал, сажени в три шириной, через него сделан один только мост и поэтому местечко имеет один только выезд» [48, с. 259].

Это был торговый центр, через который проходили караваны из России и Китая в Ташкент и обратно. Жители обслуживали караваны, занимались хлебопашеством, торговлей с кочевниками, охотой.

Рядом, в 15 верстах от Чулаккоргана, находилось еще одно селение – Джарыкорган. Отсюда шел путь в Чимкент, из Чимкента караван добрался до Ташкента [48, с. 260].

На обратном пути, возвращаясь в Омск, Н. И. Потанин заезжал в Чолаккорган [48, с. 281].

Чолаккорган упоминается в дневнике С.Я. Ключарева, совершившего путешествие в 1851–1852 гг. из Троицка в Ташкент и обратно.

Чолаккорган и сейчас продолжает жить под своим именем – это поселок в Южно-Казахстанской области, в 190 км к северу от Чимкента. В восточной части его находится городище. Оно неоднократно обследовано археологами, но раскопки здесь не проводили, датировано оно на основании подъемного материала XIII–XVI вв. [70, с. 428].

Но, однако, здесь была найдена керамика и XVII–XIX вв.

Башня и селение Аксумбе. Башня Аксумбе впервые описана в Зафар-наме «Шараф ад-дина Али Йезди» в связи с борьбой Тимура и Адилшаха. Последний был пойман в горах Каратау и казнен в крепости Аксумбе, это произошло в 1376 г. [109, с. 133].

Аксуме (Аксумбе) упоминается в сочинении Шараф-наме-йи шахи Хафиза Таныша в событиях 1582 г., описавших поход Абдаллаха на казахов. Там написано: «...проехал Аксумбе и Йурунджкалык и расположился лагерем» [14, с. 270].

В материалах Посольского и Сибирского приказов сохранилась «отписка по расспросам Ф. Скибина и других лиц, путешествующих в Казахскую Орду и Бухарию», датируемая 1697 г. Они, доехав до гор Каратау, пишут: «...а наверху того камени башня и караул, и по степи де видать всяких людей, долечи в ходу до подле того камени два дня. А на выходе до того камня казачий город Юзугант, а от Юзуганта ходу казацкими городами до Туркестану три дня» [27, с. 382-383. Названный в отрывке город Юзугант по нашему мнению – Узгент].

Башня сохранилась до сих пор на окраине современного села Аксумбе Южно-Казахстанской области. Башню и городище рядом с ней обследовала Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция, возглавляемая А. Х. Маргуланом еще в 1946 г. По его мнению, башня была построена в конце XIII в. В 2007 году были проведены археологические раскопки городища Аксумбе, получен материал по нему, определена хронология поселения в диапазоне с X по XIII в. [110, с. 109-110]. По мнению участников раскопок А. А. Байтанаева и А. А. Ергешбаева, башня Аксумбе была, скорее всего, мечетью, сооружена в период правления Хорезмшаха Муххамеда в XI–XII вв. [111, с. 147-156].

Однако, очевидно, что башня Аксумбе выполняла свою роль наблюдательного и сигнального пункта на границе степи и зоны оседлости в позднее средневековье. И все это время здесь обитали воинские отряды и обслуживающее его население. Так было в X–XIII, XIV–XV и до XIX в.

Керамика, собранная на поселении, датируется до XVIII в. и подтверждает время функционирования башни в XIII–XVIII вв.

Города Шу-Таласского междуречья

Город Аулие-Ата. Наиболее полные сведения о городе и крепости Аулие-Ата оставил генерал-майор М. Г. Черняев. Он писал: «Бывшая кокандская крепость Аулие-Ата лежит на небольшой возвышенности левого берега Таласа.

Аулие-Ата состояла из крепости и слободки-города. Крепость имела в плане вид четырехугольника, длина фаса которого составляет 170 сажен. В северо-западном ее углу находилась цитадель, западный фас которой равняется 50 саж., а северный – около 70. К югу и востоку от крепости была расположена слободка-город. Она тянулась на юг почти на версту, а на восточной –

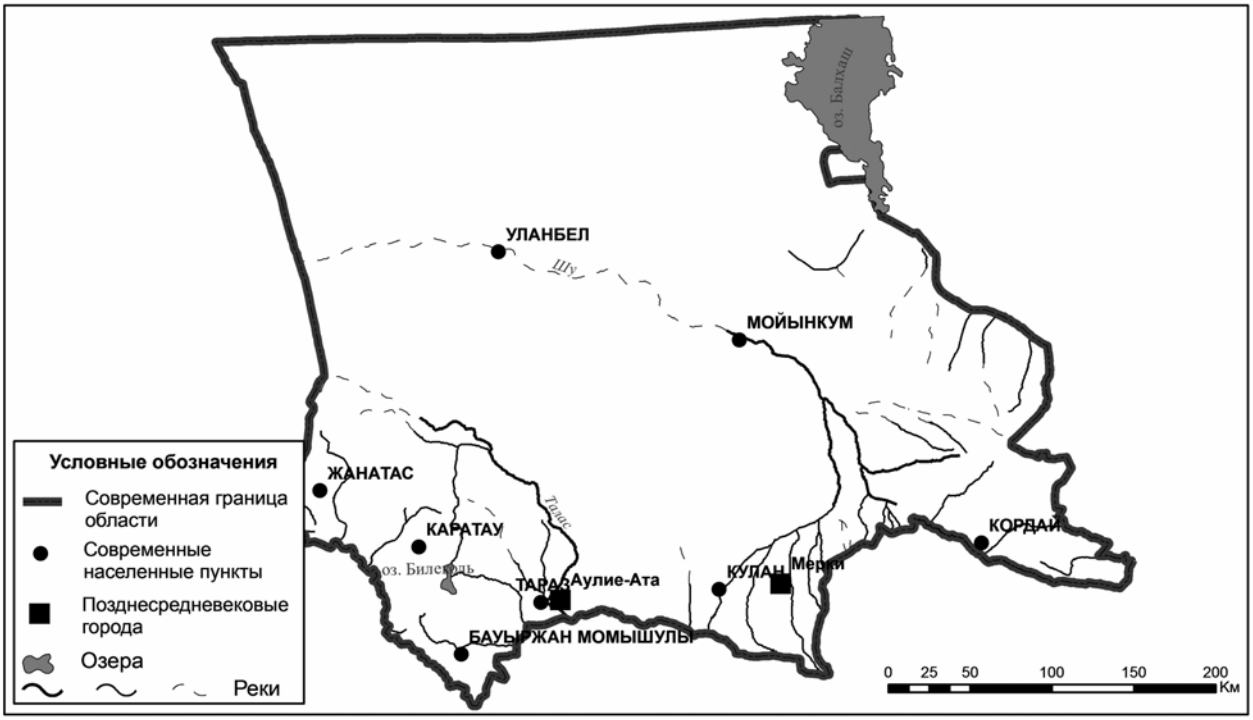

Рисунок 37 – Городище Шу-Таласского междуречья

на 275 саж. Город был также обнесен стеной… К западу от Аулие-Ата саженях в 400 находилось кладбище, среди которого возвышался полуразрушившийся мавзолей из жженого кирпича, довольно обширный внутри по имени *Карган* (Карахан), могила здесь которого дала название крепости Аулие-Ата. В полуторах верстах к востоку на значительной возвышенности стоял мавзолей по имени Текгурмас.

В цитадели помещались дом коменданта, жилища его приближенных и казармы (солдат). Вокруг цитадели имелась незастроенная полоса.

В крепости имелись прямых 5 продольных и 5 поперечных узких улиц, застройка насчитывала 517 домов с лавками и 66 – без лавок, 3 мечети и чугунно-литейную мастерскую, 8 кузниц и на юго-восточной стороне караван-сарай.

Город имеет 4 правильных улицы и 250 домов, 5 мечетей при которых имелось 22 лавки. Здесь также была чугунно-литейная мастерская и 15 кожевенных заведений, а также 3 караван-сарая – один на восточной стороне для кульджинских караванов, другой – на южной для наманганских и третий – на юго-западной для ташкентских; 2 мыльных и свечных мастерских и 2 бани.

В числе этих домов были три дома почетных киргиз.

Все постройки сделаны из сырцовых кирпичей и пахсы. В городе и в окрестностях имелись посадки деревьев – ивы, тополя и тала.

Жители занимались торговлей. Число их, судя по числу жилых домов, считая в каждом не менее 5 человек, приблизительное число их доходит до 2500.

…Занимаясь по преимуществу торговлей, здешние жители пашен и скота имеют мало, охотнее разводят сады, огороды и бахчи.

Через Аулие-Ата велась международная торговля. Находясь на пути в Кульджу, Алматы, Копал и Семипалатинск, город служит пристанищем всех караванов, идущих туда из Ташкента, Намангана и других городов. Торговлю его можно разделить на внешнюю и внутреннюю. Здешние купцы по получении товаров, состоящих из шелковых и бумажных материй и выделанных кож, снабжают ими население киргиз (казахов), кочующее по Таласу и Чу. Товары свои они выменивают у киргизов на скот, преимущественно на баранов, огромные гурты которых перегонялись ими в Среднюю Азию или же в Петропавловск приезжающими оттуда купцами. Число приходивших караванов здешние жители определить не могут, по их рассказам, караваны туда и обратно проходят через Аулие-Ата беспрестанно, по нескольку в день.

Городище Тараз. Город Аулие-Ата, цитадель. План

…Постоянная торговля в городе производилась в лавках, устроенных правильными рядами, занимающими целые кварталы. Значительное число лавок с ташкентскими шелковыми, шерстяными и бумажными тканями, с коврами и с сукнами русского изделия. Много лавок с урюком, изюмом, орехами различных сортов; есть шорные лавки, продаются также: чай, сахар, табак ташкентский, писчая бумага, глиняная посуда местного производства, мыло, свечи, но больше всего мясных, булочных лавок и с зеленью. Тут же помещаются харчевни. Есть также лавки с медными, чугунными и железными изделиями. На базарной площади, находящейся вблизи лавок, ежедневно производится большей частью киргизами продажа лошадей и скота; муки, зернового хлеба.

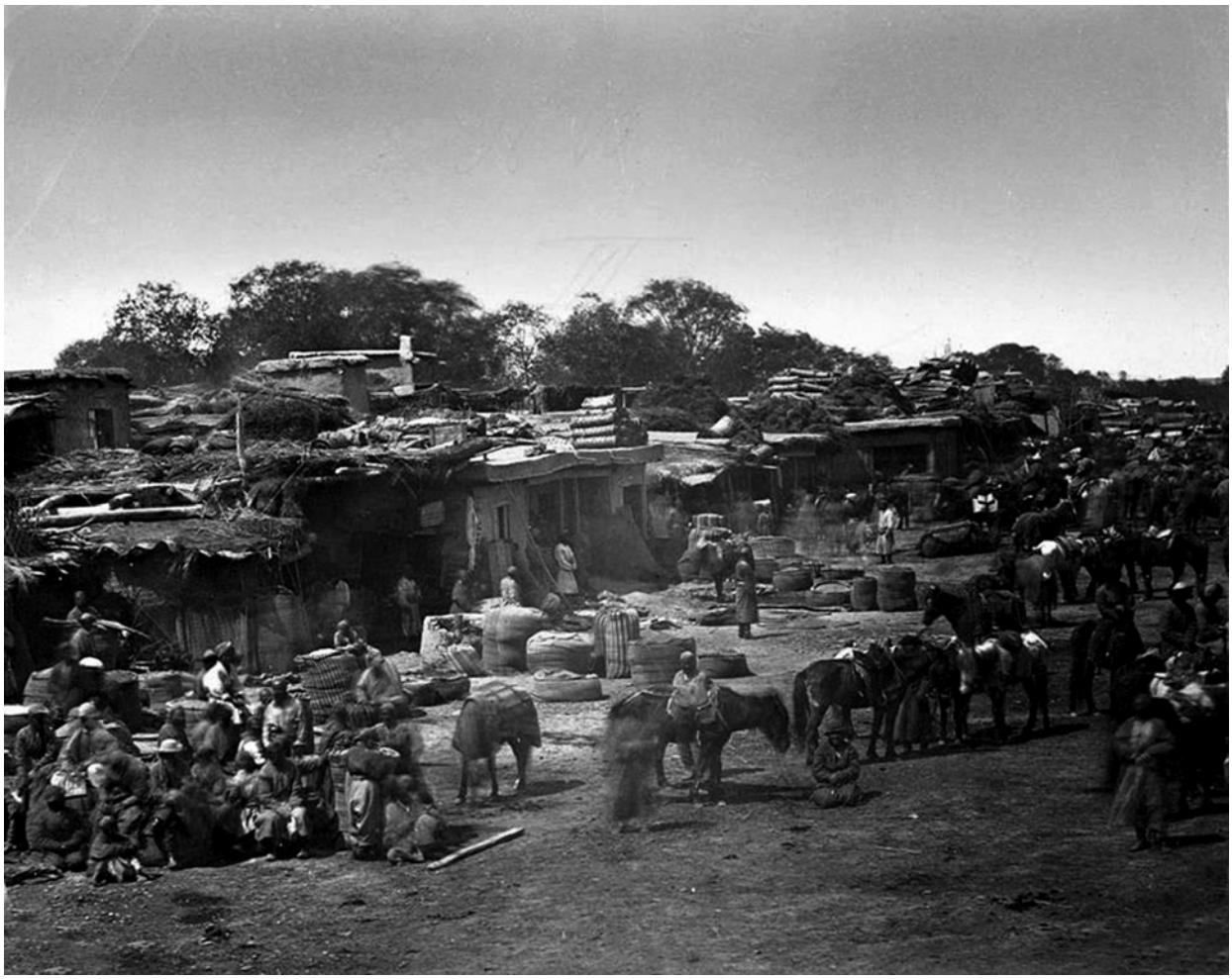

Рисунок 39 – Город Аулие-Ата, базар. Фото конца XIX в.

Город управляется семью аксакалами (старшинами), назначавшимися беком (комендантом) по выбору жителей и от которых они получили вознаграждение за эту службу, смотря по состоянию каждого торговца и жителя. Обязанность их состояла в наблюдении за правильностью продажи товаров, съестных припасов.

Большую же часть доходов город получал с поданных ему киргиз. Так, каракиргизы платили с юрты батман хлеба (около 10 пуд.), воз дров, воз сена для крепости и так называемый зякет со 100 баранов – 3 барана. Киргизы же были обложены меньшей податью: они платили с обыкновенной величины пашни 2 тиля и зякет в том же размере. Кроме этих, имеющих уже законную форму сборов, как на тех, так и на других киргиз, это были налог на транспорт – подводы и лошадей (История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв., 2007, с. 351-355).

Город Мерки отождествляется с городищем Мерки.

В арабских источниках Мирки впервые упоминается как «большое селение», лежавшее на караванном пути между городами Куланом и Аспарой в дорожнике «Китаб ал-Масалик в ал-мамалик» Убейдаллаха ибн Абдаллаха ибн Хордадбеха, арабского географа, родившегося около 820 г. и занимавшего должность начальника почты в одной из провинций. Его сочинение написано в 846–847 гг. Ибн Хордадбех пользовался какими-то более старыми источниками, восходящими к середине VIII в. [55, с. 74].

Более обстоятельная характеристика города приводится в сочинении арабского географа Мухаммед ибн Ахмед ал-Макдиси. Его сочинение «Ахсан ат-такасим фи-ма рифат ал-акалим», составлено около 985 г. Ал-Макдиси пишет: «Мирки (город) средней величины, укрепленный, имеет цитадель. Соборная мечеть была в древности церковью. Эмир-Амид-ад-Даула-Фаик (крупный военачальник при саманидах) построил рабад за стеной» [55, с. 82].

Еще одно важное упоминание о городе Мирки в источниках на персидском языке по историко-географической тематике содержит анонимный труд Худуд-ал-Алем («Границы мира»), написанный в 982–983 гг. Говоря об о карлуках и городах их, сообщается в сочинении, что округ этот граничит с мусульманами, и что «Мирки – селение, в нем (живут) халухи, приходят также купцы. Между этими двумя селение (т. е. Куланом и Мирки) находятся три халухских племени, их называют: бистан, хайм, бириш» [14, с. 42].

После X в. селение Мирки в источниках не упоминается, но оседлое население существовало здесь в XI–XIII вв., XIV–XVIII вв.

В связи с расширением границ Кокандского ханства, включившего в себя районы Юго-Западного Жетысу, в 1815 г. на территории городища была построена крепость, где располагался кокандский гарнизон.

Продвижение русских войск на восток привело в 1864 г. к взятию города Аулие-Ата (Тараз). До этого события, весной 1864г., войска без боя заняли укрепление Мерки [112, с. 277-278].

Основная часть средневекового городища Мерки находится на правом берегу р. Карасу в центре современного села Мерке. Городище вытянулось вдоль берега реки и производит внушительное впечатление, особенно в центральной части, на которой возвышается цитадель с башней. В топографии развалин городища хорошо читаются внешний вал, шахристан и башня на цитадели.

Сравнительно хорошо вал сохранился вдоль восточной стороны, но лучшую сохранность он имеет вдоль северной стороны. С внешней стороны вала проходит ров. В северной стене, ближе к северо-восточному углу, имеется глубокий пролом через вал, разрезающий его почти до основания и вскрывающий конструкцию. Ядром вала является массивная стена, выложенная из сырцового кирпича толщиной около 4 м. Сам вал имеет высоту 5 м и толщину 20 м. Глубина рва 1,5 м и ширина 15 м. По верху вала и отчасти вдоль береговой линии укрепления проходит невысокая, местами разваливающаяся глинобитная пахсовая стена толщиной 50-60 см и высотой от 1,8 до 2 м. В ее основании в качестве фундамента положен слой гальки размером примерно 10х10 см. Стена имеет три слоя. Высота вала над уровнем внутренней поверхности – около 3 м.

Само городище в плане представляет собой прямоугольный бугор, вытянутый по линии восток-запад. Северная сторона равна 380 м, восточная – 275 м, западная – 250 м. В юго-западной части городища возвышаются остатки цитадели. Она отделена от шахристана стеной, превратившейся в настоящее время в оплывший, сильно задернованный земляной вал высотой 1,5–2 м. Углы стен укреплены круглыми башнями, еще две башни фланкировали въезд в цитадель в юго-западном углу южной стены. Изнутри цитадель имеет вид прямоугольной площадки размером 110–75 м. На ее поверхности видны остатки построек в виде бугров различных форм и размеров. К середине западной стены цитадели примыкает правильной формы прямоугольный холм высотой 4,5 м над общей поверхностью цитадельной площадки. На вершине его плоская площадка размером 17х10 м.

Стены и башни цитадели были обновлены и достроены при восстановлении Мерки кокандцами.

Шахристан представляет неправильный четырехугольный бугор высотой 3 м, окруженный оплывшей стеной. По углам и по периметру прослеживаются следы башен в виде выступающих холмов высотой 1,5–2 м.

Во время археологических раскопок полевого сезона 2006 г. в районе северной стены цитадели, на примыкающей к ней площадке размером 50 х 50 м, была вскрыта жилая усадьба кокандского времени с большим двором и жилыми постройками. В раскопе размером 31х31,5 м находились шесть помещений. В юго-западной части помещения 2 было расчищено основание печи, возвышающееся на 0,2 м от пола, выложенное из жженого кирпича. Снаружи основание обложено сырцовым кирпичом.

В помещении 3 расчищены остатки открытого очага-сандала размером 0,8х0,9 м. Сандал заглублен на 0,1 м, дно его вымощено обломками жженого кирпича. Бортики оформлены жженными кирпичами, поставленными на ребро. Топка шириной 0,5 м находилась с северо-западной стороны. Во время раскопок были найдены кирпичи с арабской надписью и железный топор, все эти находки могут быть датированы первой половиной XIX в.

Вскрыта постройка, скорее всего, является жилищем коменданта кокандской крепости.

Описание Мерки оставил переводчик начальника Алатавского округа и киргизов Большой Орды И. А. Бардашев в 1859 г. Он сообщает: «Мерке – простенький курган на реке того же имени,

устроен на незначительной возвышенности и имеет длину около 50 сажен, поперечник около 30, толщина стен в основании не более 1 сажен, которая, утоньшаясь кверху, увинчена зубцами, вокруг стен рва не имеет» [48, с. 342].

Город Сарайчик. По мнению большинства исследователей, город возник в эпоху Золотой Орды.

Процессы урбанизации в Золотой Орде начались во время правления хана Берке. Золотоордынские города принимают «восточный» облик, застраиваясь монументальными зданиями мечетей, медресе, караван-сараев и бань. Собранные в Золотой Орде ремесленники принесли с собой свои архитектурные каноны и строительные приемы, испытанные строительные материалы и технологию их производства разных регионов Центральной Азии, Казахстана, Ирана, Крыма.

Расцвета городская культура достигла при хане Узбеке и наследовавшем ему Джанибеке. Время их правления характеризуется ростом территории городов и возникновением значительного числа новых населенных пунктов.

Жизнь подавляющего большинства золотоордынских городов была прервана в очень короткий срок – практически одновременно, во время второго похода Тимура на Золотую Орду. Достаточно сказать, что на территории прикаспийских степей разрушению не подверглись лишь два города – Сарай (на Ахтубе) и Сарайчик (на Урале) [113, с. 75-78]. Интересные сведения о Сарайчике приводит Ибн Баттута.

Время путешествия Ибн Баттуты – XIV в., точнее, его первая половина, а это было время, когда торговый и дипломатический путь из Европы в Китай через Поволжье, Хорезм и Бухару стал самым оживленным.

На своем пути Ибн Баттута побывал в городе Сарайджук (Сарайчик) на реке Урал. И вот, что пишет Ибн Баттута: «Через несколько дней после Сара (Сарая) мы прибыли в город Сарайджук, джук значит «маленький». Таким образом, они хотели выразить, что Сарай – малый. Город этот расположен на берегу полноводной реки, называемой Улусу, значение чего «великая вода». Через нее переброшен мост из лодок как в Багдаде» [114, с. 72].

Полную и наиболее точную сводку сведений о Сарайчике, извлеченных из письменных источников, приводят В. Л. Егоров и В. В. Трепавлов [113, с. 124-125; 115, с. 225-244].

Возник город, если следовать письменным источникам, по повелению основателя Золотой Орды хана Бату, правившего в 1227–1254 гг.

Городище находится на правом берегу р. Урал, у пос. Сарайчик. Название города хорошо известно по письменным источникам и чеканившимся здесь в XIV в. монетам. Основание его относится, как отмечалось, ко второй половине XIII в., окончательное разрушение связано с нападением яицких казаков в 1580 г. [116, с. 10].

Город длительное время являлся крупным транзитным пунктом, позволявшим золотоордынскому и западноевропейскому купечеству торговать со странами Азии. Он был связан, с одной стороны, прямой дорогой с первой столицей Золотой Орды – Сараем, с другой, с центром Хорезма – Ургенчем. В XIII–XIV вв. этот путь служил основной караванной артерией, связывавшей Восток с Западом. Путь от Сарайчика до Ургенча издавна привлекал внимание исследователей и довольно хорошо известен. По всей трассе этой караванной дороги, начальный отрезок которой шел прямо на восток до р. Сагиз, через которую был устроен брод из обтесанных камней и пролегал по пустынным безводным районам, на расстоянии, примерно соответствующем одному дневному переходу, были построены караван-сараи.

Хорошо сохранился караван-сарай Тас-кичу, представлявший собой прямоугольную кирпичную постройку (45х42 м) с внутренним двором и помещениями вдоль стен. Отсюда путь сворачивал резко на юг к переправе через р. Эмбу и далее через плато Устюрт продолжался до самого Ургенча. На протяжении всего пути от р. Сагиз до столицы Хорезма к настоящему времени сохранились остатки около 15 караван-сараев с обязательными при них колодцами [117, с. 14-15].

Бытует мнение, что Сарайчик существовал еще в X–XII вв. Как считал известный археолог С. П. Толстов, на этом месте уже в X–XI вв. находилась «хорезмская колония» [118, с. 304].

Монетный двор Сарайчика чеканил медные деньги. В конце XIV – начале XV вв. выпускались монеты-пулы. На одной стороне их оттиснуто «чекан города Сарайджука», а на другой – изображение цветка и хищного животного, возможно, льва. При раскопках Сарайчика найдено много монет, которые чеканились в городах Золотой Орды, а также Хорезма, Самарканда, Ирана.

Раскопки Сарайчика открыли городскую застройку. Она состояла из домов, построенных из сырцового кирпича. В них насчитывалось от двух до трех комнат, отапливаемых при помощи каналов (каннов), проложенных под полом. В кладовых имелись емкости для хранения запасов продуктов: зерна, фруктов.

Удалось раскопать и часть дворцового здания Сарайчика, стоявшего на искусственном возвышении. Дворец имел портал (входную часть), башни по углам окружающих его стен. Вскрыты остатки бани-хаммам [119].

В развитии гончарства Сарайчика велик был вклад мастеров из Хорезма и Южного Казахстана, из сырдарьинских городов [120, с. 60-68].

Город Сарайчик был разграблен и разрушен в 1581 г. казаками [115, с. 231].

ЛИТЕРАТУРА

1 Муравьев А.В, Самарин В.В. Историческая география эпохи феодализма (Западная Европа и Россия в V–XVII вв.). – М., 1973. – 144 с.

2 Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. – СПб., 1870. – 40 с.

3 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч.– М., 1963. – Т. I.

4 Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 // Соч. – Т. IV. – М., 1966. – С. 21-91.

5 Массон М.Е. Ахангаран. Археолого-топографический очерк. – Ташкент, 1953. – 144 с.

6 Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина // МИА. – Т. 14. – М.-Л., 1950. – 188 с.

7 Агеева Е.И, Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. – 1958. – Т. V. – С. 3-215.

8 Беленицкий А.М, Бектович И.Б, Большаков О.Г**.** Средневековый город Средней Азии. – Л., 1973. – 512 с.

9 Байпаков К.М. О локализации позднесредневековых городов Казахстана // СА. – 1977. – № 2. – С. 201-209.

10 Байпаков К.М. Проблемы позднесредневековых городов Казахстана. – Алма-Ата, 1990.

11 Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). – Алматы, 2012б. – Кн. I: Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье. – 390 с., ил.

12 Байпаков К.М. Древняя и средневековая археология Казахстана. – Алматы, 2013. – Кн. II: Урбанизация Казахстана в IX – начале XIII вв.

13 Пищулина К.А. Присырдарьинские города и их значение в истории Казахских ханств XV–XVII вв. // Казахстан в XV–XVIII вв. – Алма-Ата, 1969. – С. 5-49.

14 Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Составили С. К. Ибрагимов, Н. И. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдина. – Алма-Ата, 1969. – 655 с.

15 История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1979. – Т. 2. – 424 с.

16 Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI вв. (вопросы политической и социально-экономической истории). – Алма-Ата, 1977. – 288 с.

17 Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. – М.: Наука, 1965. – 180 с.

18 История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах. – Алматы, 1997. – Т. II. – 624 с.

19 Ибрагимов С.К. «Михман-наме и Бухара» Рузбихана как источник по истории Казахстана XV–XVI вв. // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1960. – Т. 8. – С. 141-157.

20 Семенов А.А**.** Мечеть Ходжи Ахмеда Есевийского в г. Туркестане. Результаты осмотра в ноябре 1922. г. // Известия Средазкомстариса. – Ташкент, 1926. – Вып. 1. – С. 121-130.

21 Массон М.Е**.** Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави. – Ташкент, 1930. – 22 с.

22 Проскурин А.Н., Туякбаева Б.Т. Средневековая баня на территории архитектурного комплекса «Ахмед Ясеви» в г. Туркестане // Архитектура и строительство. – Алма-Ата, 1975. – Вып. 4.

23 Бурнашева Р.З. Клады медных монет из города Туркестана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата, 1969. – С. 58-68.

24 История Казахской ССР. – Алма-Ата, 1957. – Т. 1.

25 Маслова О.В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. – Ташкент, 1955. – Ч. 1. – 1715-1856. – 83 с.

26 Материалы по истории Узбекской. Таджикской, Туркменской ССР. – Л., 1932. –Вып. 3. – Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. / Ред. А. Н. Самойлович. – 506 с.

27 История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. – Алматы, 2005а. – Т. I.

28 Брентьес Б**.** Планы городов Бухары и Туркестана XVIII в. // ОНУ. – 1985. – № 6.

29 Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологический обзор и описание архивных материалов // Труды Архива АН СССР. – М.-Л., 1940. – Вып. 4. 310 с.

30 Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. 1762 год. Издано на средства Ф. И. Базилевского. – Оренбург, 1887. – 405 с.

31 Поездка М. Поспелова и Т. Бурнашева в Ташкент в 1800 г. // Вестник РГО. – СПб., 1851. – Ч. 1, кн. 1, отд. VI. – С. 1-56.

32 Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. – Казань, 1886. – 215 с.

33 Северцев Н**.** Месяц плена у кокандцев. Сочинение Н. Северцева с картою низовьев Сыр-Дарьи. – СПб., 1860.

34 Бекчурин М.С. Описание мечети Азрета, находящейся в г. Туркестане // Военный сборник. – 1866. – № 8, отд. 2. – С. 209-217.

35 Бекчурин М.С. Туркестанская область. Заметки Статского советника Бекчурина. – Казань, 1872. – 70 с.

36 Верещагин В.В. От Оренбурга до Ташкента. 1867–1868 гг. // Всемирный путешественник. – 1874. – № 5. – С. 1-118.

37 Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году. Путевые записки. – СПб., 1868. – 176 с.

38 Хорошкин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. – СПб., 1876. – 531 с.

39 Таранов Н.А. Нижнее течение Сыр-Дарьи. 1. Сыр-Дарьинская область // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под общ. ред. П. П. Семёнова. – СПб.–М., 1885. – Т. 10. Русская Средняя Азия. – 448 с., 43 л. ил.

40 Абаза К. Завоевание Туркестана: Рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нравов туземцев в общедоступ. излож. С рисунками, картами и планом текинской крепости Деонгил-тепе. – СПб., 1902. – Т. 1. – 316 с.

41 Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. – СПб., 1906. – Т. 1. – 510 с.

42 Добросмыслов А.И. Города Сыр-Дарьинской области. – Ташкент, 1912. – 204 с.

43 Бартольд В.В. Туркестан // Соч. – М., 1965. – Т. III. – С. 518-520.

44 Елгин Ю.А. Археологические и историко-архитектурные исследования мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави. – Алматы, 2013.

45 Смагулов Е., Григорьев Ф., Итенов А**.** Очерки по истории и археологии средневекового Казахстана. – Алматы, 1999. – 232 с.

46 Смагулов Е.А., Ержигитова А.А**.** Цитадель древнего Туркестана: некоторые итоги изучения. 2011–2012 гг. // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гуманитар. наук. – 2013. – № 3. – С. 82-100.

47 Смагулов Е.А. Исследование домонгольского храмового комплекса на городище Сидак // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2005 г. – Алматы, 2005.

48 История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. – Алматы, 2007. – Т. VI. – 516 с.

49 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар: топография, стратиграфия, перспективы. – Алма-Ата, 1972. – 215 с.

50 История Казахстана в арабских источниках XV–XX вв. – Алматы, 2006. – Т. III. Извлечения из сочинений XII–XVI веков. – 272 с.

51 Туякбаев М.К. Историческая топография и развитие городов и поселений Туркестанского оазиса (XIII–XIX вв.). – Алматы, 2009. – 207 с.

52 Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – СПб.,1884. – Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – 564 с.

53 Байпаков К.М. О локализации средневековых городов Южного Казахстана // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата, 1977. – С. 81-82.

54 Бурнашева Р.З., Смагулов Е.А., Туякбаев М.К. Клады и монеты Туркестана. – Алматы, 2006. – 204 с., ил.

55 Волин Л.С. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / Тр. ИИАЭ. – Т. 8. – Алма-Ата, 1960. – С. 72-92.

56 Бартольд В.В.Туркестанский край в XIII в. (по рассказу китайского путешественника) // Соч. – М., 1965. – Т. III. – С. 237-243.

57 Акишев А.К. «Сиюйцзи» – «Записки о западном крае» даосского учителя Чань Чуня // Туған өлке – родной край. Историко-краеведческий журнал. – 2008. – № 1-2 (10-11).

58 История Казахстана в персидских источниках. – Алматы, 2006. – Т. IV. – 614 с.

59 Дулати Мухаммед Хайдар. Тарих-и-рашиди. Введение / Перевод с персидского А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой. Примечание, указатели Р. П. Джалиловой и Л. М. Епифановой. – Ташкент, 1996.

60 История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. – Алматы, 2005. – Т. II. – 448 с.

61 Массон М.Е. Старый Сайрам // Известия Срыдазкомстариса. – Ташкент, 1928. – Вып. III. – С. 23-42.

62 Бейсембиев Т.К**.** Кокандская историография. Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII–XIX веков. – Алматы, 2009. – 1263 с.

63 Бартольд В.В. Чимкент // Соч. – 1965. – Т. III. – С. 563-564.

64 Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. – М., 1968. – 66 с.

65 Потанин Н.И. Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия по описанию хорунжего Н. И. Потанина // Юбилейный сборник, изданный Западно-Сибирским отделом Императорского Русского географического общества в честь Г. Н. Потанина. – Омск, 1909. – С. 191-258.

66 Елгин Ю.А. Первый художник в Чимкенте // Культурное наследие Южного Казахстана: сб. ст., посв. 80-летию Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. – Шымкент, 2002. – С. 158-162.

67 Гейнс А.К. Путешествие в Туркестан: Дневник 1866 года // Собрание литературных трудов А. К. Гейнса. – СПб., 1898. – Т. II.

68 Shpuler E. Turkestan. – New-York, 1876. – Vol. I, II.

69 Археологическая карта Казахстана. Реестр. – Алма-Ата, 1960. – 488 с.

70 Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. – Алма-Ата: Энциклопедия, 1994. – Т. 1. – 367 с.

71 Байтанаев Б.А. Древний Испиджаб. – Шымкент-Алматы, 2003.

72 Кляшторный С.Г. Кангюйская этнотопонимика в Орхонских текстах // СЭ. – 1951. – № 3. – С. 54-63.

73 Бартольд В.В. Географический очерк Мавераннахра // Соч. – М., 1963. – Т. I. – С. 114-237.

74 Бартольд В.В**.** К истории орошения Туркестана // Соч. – М., 1965. – Т. III. – С. 97-236.

75 Жолдасбеков М. Орхон ескерткіштерінін мутіні // Орхонские надписи: Кюль-Тегин. Бильге-Каган. Тоньюкук. – Семей, 2001.

76 Талеев Д. Юго-западные ворота тюркского мира // Мобилизованный археологией. – Алматы, 2004. – С. 179-181.

77 Бартольд В.В. Улугбек и его время // Соч. – М., 1964. – Т. II, ч. 2. – С. 25-196.

78 Байпаков К.М., Шербаев Р.К. Археологические исследования на городище Караспан // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие в 2005 г.». – Алматы, 2006. – С. 309-314.

79 Давидович Е.А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.). – М., 1972. – 174 с.

80 Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани. Михман-Наме-Йи Бухара (Записки бухарского гостя) / Перевод, предисл. и прим. Р. П. Джалиловой / Под ред. А. К. Арендса. – М., 1976. – 400 с.

81 Юдин В.П. Рецензия. С.Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источники по истории Средней Азии. – Л.,1964 // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. – 1968. № 1.

82 Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – М.-Л., 1941. – Т. 2. – 308 с.

83 Книга Большому Чертежу / Подготовка к печати и редакция К. М. Сербиной. – М.-Л., 1950. – 228 с.

84 Макшеев А.И. Географические сведения «Книги Большого Чертежа» о киргизских степях и Туркестанском крае (Приложения) // ИРГО по отделению статистики. – СПб., 1878. – Т. XIV, вып. I. – С. 1-30.

85 Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. Б. Арсеньева // Записки РГО по отд. этнографии. – СПб., 1882. – Т. X., вып. 1. – 214 с.

86 Федчина В.Н. Как создавалась карта Средней Азии. – М., 1967. – 132 с., карт.

87 Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках». Сборник документов и материалов. – Алма-Ата, 1961. – 740 с.

88 Кларе А.К. Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах // ПКТЛА, год IX. – Ташкент, 1904. – С. 13-42.

89 Ходжаев М. Причины последнего общегородского пожара и окончательного запустения Отрара // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 1993. – № 5. – С. 57-61.

90 Россия. Полное географическое описание нашего отечества. – СПб., 1913. – Т. XIX. Туркестанский край. – 882 с.

91 Гандакеци К. История Армении. – М., 1976.

92 Болдырев А.Н. Зайнаддин Васифи. Таджикский писатель XVI в. – Сталинабад, 1957. – 356 с.

93 Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636. Сборник документов. – М.: Восточная литература, 1959. – 352 с., ил.

94 Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. – Алматы, 1998.

95 Смагулов Е.А**.** Древний Сауран. – Алматы, 2011. – 436 с., ил.

96 Байпаков К.М, Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран. – Алматы, 2005. – 201 с.

97 Якубовский А.Ю. Развалины Сыгнака // Сообщения ГАИМК. – 1929. – Т. II. – С. 123-159.

98 Макшеев А.И. Географические сведения «Книги Большого Чертежа» о киргизских степях и Туркестанском крае // Записки Российского географического общества по отделению этнографии. – СПб., 1880. – Т. VI. – С. 1-141.

99 Чабров Н.Г. Из истории изучения развалин древнего города Джанкента // Труды САГУ. Новая серия. – Вып. 111. Исторические науки, кн. 25: Археология Средней Азии. – 1957. – № 4. – С. 197-230.

100 Толстов С.П. Города огузов // СЭ. – 1947. – № 3. – С. 55-102.

101 Байпаков К.М. Огузы, туркмены, сельджуки в городах Жетысу и Южном Казахстане // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2007. – № 1. – С. 35-61.

102 Байпаков К.М, Воякин Д.А, Ильин Р.В. Города Хувара и Янгикент – старая и новая столица государства огузов // Вестник МИЦАИ. – Самарканд, 2012. – Вып. 16.

103 Курманкулов Ж.К., Аржанцева И.А, Заливинская Д.Д., Рудакова С.А, Садыкова Ж.Т. Материалы Джанкентской археологической экспедиции. Археологические работы на городище Джанкент в 2006 г. – Алматы, 2007. – 124 с., ил.

104 Ерофеева Н.В. Хан Абулхаир. Полководец, правитель, политик. – Алматы, 2007. – 452 с.

105 Байпаков К.М., Ерофеева И.В. Городище Жанкент // От Алтая до Каспия. Атлас памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана. – Алматы, 2011. – Т. II: Юго-Восточные и Южные регионы. – 728 с., ил.

106 Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. – 322 с.

107 Байпаков К.М, Воякин Д.А Исследование городища Дженд // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2010. – № 1. – С. 100-122.

108 Акишев К.А. Средневековые каменные крепости Казахстана // Информационный бюллетень. Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Спец. вып. – М., 1987. – С. 85-88.

109 Акимушкин О.Ф. Зафар-наме Шараф ад-Дина Ам Йедзи // Материалы по истории киргизов и Киргизии. – М., 1973. – Вып. 1.

110 Маргулан А.Х**.** Оседлое поселение VIII-XIII вв. на Северных склонах Каратау (извлечено из археологического отчета) // Известия АН КазССР. Сер. археолог. – 1948. – № 46. – С. 109-115.

111 Байтанаев Б.А, Ергешбаев А.А. Исследование городища Аксумбе // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2009. № 1. – С. 147-156.

112 Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами. – Алматы, 2012. – Т. 1. – 546 с.

113 Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XV вв. – М., 1985. – 224 с.

114 Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. – М., 1988. – 128 с.

115 Трепавлов В.В. Сарайчук: переправа, некрополь, столица, развалины // Тюркологический сборник. – 2001. – М., 2002. – С. 225-244.

116 Левшин А.И. Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. – СПб., 1823. – 84 с.

117 Толстов С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в1949–1953 гг. // Труды ХАЭЭ. – 1958. – Т. II. – С. 7-258.

118 Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР 1950 г. // СА. – 1953. – Т. XVIII. – С. 301-325.

119 Тасмагамбетов И.Н., Самашев З.С. Городище Сарайчик. – Алматы, 2001. – 320 с.

120 Ерзакович Л.Б. О Южно-Казахстанском компоненте в материальной культуре Золотой Орды // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата, 1970. – С. 60-68.

REFERENCES

1 Murav'yev A.V, Samarin V.V. Istoricheskaya geografiya epokhi feodalizma (Zapadnaya Yevropa i Rossiya v V–XVII vv.). M., 1973. 144 s.

2 Lerkh P.I. Arkheologicheskaya poyezdka v Turkestanskiy kray v 1867 godu. SPb., 1870. 40 s.

3 Bartol'd V.V. Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya // Soch. M., 1963. T. I.

4 Bartol'd V.V. Otchet o poyezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoy tsel'yu. 1893-1894 // Soch. T. IV. M.,1966. S. 21-91.

5 Masson M.Ye. Akhangaran. Arkheologo-topograficheskiy ocherk. Tashkent, 1953. 144 s.

6 Bernshtam A.N. Trudy Semirechenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. Chuyskaya dolina // MIA. T. 14. M.-L., 1950. 188 s.

7 Ageyeva Ye.I, Patsevich G.I. Iz istorii osedlykh poseleniy i gorodov Yuzhnogo Kazakhstana // Trudy IIAE AN KazSSR. 1958. T. V. S. 3-215.

8 Belenitskiy A.M, Bektovich I.B, Bol'shakov O.G. Srednevekovyy gorod Sredney Azii. L., 1973. 512 s.

9 Baypakov K.M. O lokalizatsii pozdnesrednevekovykh gorodov Kazakhstana // SA. 1977. №2. S. 201-209.

10 Baypakov K.M. Problemy pozdnesrednevekovykh gorodov Kazakhstana. Alma-Ata, 1990.

11 Baypakov K.M. Drevnyaya i srednevekovaya urbanizatsiya Kazakhstana (po materialam issledovaniy Yuzhno-Kazakhstanskoy kompleksnoy arkheologicheskoy ekspeditsii). Almaty, 2012b. Kn. I: Urbanizatsiya Kazakhstana v epokhu bronzy – rannem srednevekov'ye . 390 s., il.

12 Baypakov K.M. Drevnyaya i srednevekovaya arkheologiya Kazakhstana. Almaty, 2013. Kn. II: Urbanizatsiya Kazakhstana v IX – nachale XIII vv.

13 Pishchulina K.A. Prisyrdar'nskiye goroda i ikh znacheniye v istorii Kazakhskikh khanstv XV-XVII vv. // Kazakhstan v XV-XVIII vv. Alma-Ata, 1969. S. 5-49.

14 Materialy po istorii Kazakhskikh khanstv XV-XVIII vekov (Izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy). Sostavili S.K. Ibragimov, N.I. Mingulov, K.A. Pishchulina, V.P. Yudina. Alma-Ata, 1969. 655 s.

15 Istoriya Kazakhskoy SSR (s drevneyshikh vremen do nashikh dney). V pyati tomakh. – Alma-Ata: «Nauka» KazSSR, 1979. T. 2. 424 s.

16 Pishchulina K.A. Yugo-Vostochnyy Kazakhstan v seredine XIV – nachale XVI vv. (voprosy politicheskoy i sotsial'no-ekonomicheskoy istorii). Alma-Ata, 1977. 288 s.

17 Akhmedov B.A. Gosudarstvo kochevykh uzbekov. M.: Nauka, 1965. 180 s.

18 Istoriya Kazakhstana s drevneyshikh vremen do nashikh dney v pyati tomakh. Almaty, 1997. T. II. 624 s.

19 Ibragimov S.K. «Mikhman-name i Bukhara» Ruzbikhana kak istochnik po istorii Kazakhstana XV-XVI vv. // Novyye materialy po drevney i srednevekovoy istorii Kazakhstana / Tr. IIAE AN KazSSR. 1960. T. 8. S. 141-157.

20 Semenov A.A. Mechet' Khodzhi Akhmeda Yeseviyskogo v g. Turkestane. Rezul'taty osmotra v noyabre 1922. g. // Izvestiya Sredazkomstarisa. Tashkent, 1926. Vyp. 1. S. 121-130.

21 Masson M.Ye. Mavzoley Khodzha Akhmeda Yasavi. Tashkent, 1930. 22 s.

22 Proskurin A.N., Tuyakbayeva B.T. Srednevekovaya banya na territorii arkhitekturnogo kompleksa «Akhmed Yasevi» v g. Turkestane // Arkhitektura i stroitel'stvo. Alma-Ata, 1975. Vyp. 4.

23 Burnasheva R.3. Klady mednykh monet iz goroda Turkestana // Kul'tura drevnikh skotovodov i zemledel'tsev Kazakhstana Alma-Ata, 1969. S. 58-68.

24 Istoriya Kazakhskoy SSR. Alma-Ata, 1957. T. 1.

25 Maslova O.V. Obzor russkikh puteshestviy i ekspeditsiy v Srednyuyu Aziyu. Tashkent, 1955. CH. 1. 1715-1856. 83 s.

26 Materialy po istorii Uzbekskoy. Tadzhikskoy, Turkmenskoy SSR. L., 1932. Vyp. 3. CH. 1: Torgovlya s Moskovskim gosudarstvom i mezhdunarodnoye polozheniye Sredney Azii v XVI-XVII vv. Red. A.N. Samoylovich. 506 s.

27 Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI-XX vv. Almaty, 2005a. T. I.

28 Brent'yes B. Plany gorodov Bukhary i Turkestana XVIII v. // ONU. 1985. №6.

29 Materialy dlya istorii ekspeditsiy Akademii nauk v XVIII i XIX vekakh: Khronologicheskiy obzor i opisaniye arkhivnykh materialov // Trudy Arkhiva AN SSSR. M.-L., 1940. Vyp. 4. 310 s.

30 Rychkov P.I. Topografiya Orenburgskoy gubernii. 1762 god. Izdano na sredstva F.I. Bazilevskogo. Orenburg, 1887. 405 s.

31 Poyezdka M. Pospelova i T. Burnasheva v Tashkent v 1800 g. // Vestnik RGO. SPb., 1851. CH. 1, kn. 1, otd. VI. S. 1-56.

32 Nalivkin V. Kratkaya istoriya Kokandskogo khanstva. Kazan', 1886. 215 s.

33 Severtsev N. Mesyats plena u kokandtsev. Sochineniye N. Severtseva s kartoyu nizov'yev Syr-Dar'i. SPb., 1860.

34 Bekchurin M.S. Opisaniye mecheti Azreta, nakhodyashcheysya v g. Turkestane // Voyennyy sbornik. 1866. №8, otd. 2. S. 209-217.

35 Bekchurin M.S. Turkestanskaya oblast'. Zametki Statskogo sovetnika Bekchurina. Kazan', 1872. 70 s.

36 Vereshchagin V.V. Ot Orenburga do Tashkenta. 1867-1868 gg. // Vsemirnyy puteshestvennik. 1874. №5. S. 1-118.

37 Pashino P.I. Turkestanskiy kray v 1866 godu. Putevyye zapiski. SPb., 1868. 176 s.

38 Khoroshkin A.P. Sbornik statey, kasayushchikhsya do Turkestanskogo kraya. SPb., 1876. 531 s.

39 Taranov N.A. Nizhneye techeniye Syr-Dar'i. 1. Syr-Dar'inskaya oblast' // Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v yego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii / Pod obshch. red. P.P. Semonova. SPb., M., 1885. T. 10. Russkaya Srednyaya Aziya. 448 s., 43 l. il.

40 Abaza K. Zavoyevaniye Turkestana: Rasskazy iz voyennoy istorii, ocherki prirody, byta i nravov tuzemtsev v obshchedostup. izlozh. S risunkami, kartami i planom tekinskoy kreposti Deongil-tepe. SPb., 1902. T. 1. 316 s.

41 Terent'yev M. A. Istoriya zavoyevaniya Sredney Azii. SPb., 1906. T. 1. 510 s.

42 Dobrosmyslov A.I. Goroda Syr-Dar'inskoy oblasti. Tashkent, 1912. 204 s.

43 Bartol'd V.V. Turkestan // Soch. M., 1965. T. III. S. 518-520.

44 Yelgin YU.A. Arkheologicheskiye i istoriko-arkhitekturnyye issledovaniya mavzoleya Khodzha Akhmeda Yasavi. Almaty, 2013.

45 Smagulov Ye., Grigor'yev F., Itenov A. Ocherki po istorii i arkheologii srednevekovogo Kazakhstana. Almaty, 1999. 232 s.

46 Smagulov Ye.A., Yerzhigitova A.A. Tsitadel' drevnego Turkestana: nekotoryye itogi izucheniya. 2011-2012 gg. // Izvestiya NAN RK. Ser. obshchestv. i gumanitar. nauk. 2013. №3. S. 82-100.

47 Smagulov Ye.A. Issledovaniye domongol'skogo khramovogo kompleksa na gorodishche Sidak // Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh po gosudarstvennoy programme «Kul'turnoye naslediye» v 2005 g. Almaty, 2005.

48 Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI-XX vv. Almaty, 2007. T. VI. 516 s.

49 Akishev K.A., Baypakov K.M., Yerzakovich L.B. Drevniy Otrar: topografiya, stratigrafiya, perspektivy. Alma-Ata, 1972. 215 s.

50 Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh XV-XX vv. Almaty, 2006. T. III. Izvlecheniya iz sochineniy XII-XVI vekov. 272 s.

51 Tuyakbayev M.K. Istoricheskaya topografiya i razvitiye gorodov i poseleniy Turkestanskogo oazisa (XIII-XIX vv.). Almaty, 2009. 207 s.

52 Tizengauzen V.G. Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. SPb.,1884. T. I. Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh. 564 s.

53 Baypakov K.M. O lokalizatsii srednevekovykh gorodov Yuzhnogo Kazakhstana // Arkheologicheskiye issledovaniya v Otrare. Alma-Ata, 1977. S. 81-82.

54 Burnasheva R.Z., Smagulov Ye.A., Tuyakbayev M.K. Klady i monety Turkestana. Almaty, 2006. 204 s., il.

55 Volin L.S. Svedeniya arabskikh istochnikov IX-XVI vv. o doline r. Talas i smezhnykh rayonakh // Novyye materialy po drevney i srednevekovoy istorii Kazakhstana / Tr. IIAE. T. 8. Alma-Ata, 1960. S. 72-92.

56 Bartol'd V.V.Turkestanskiy kray v XIII v. (po rasskazu kitayskogo puteshestvennika) // Soch. M., 1965. T. III. S. 237-243.

57 Akishev A.K. «Siyuytszi» – «Zapiski o zapadnom kraye» daosskogo uchitelya Chan' Chunya // Tuġan өlke – rodnoy kray. Istoriko-krayevedcheskiy zhurnal. 2008. №1-2 (10-11).

58 Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. Almaty, 2006. T. IV. 614 s.

59 Dulati Mukhammed Khaydar. Tarikh-i-rashidi. Vvedeniye. Perevod s persidskogo A. Urunbayeva, R.P. Dzhalilovoy, L.M. Yepifanovoy. Primechaniye, ukazateli R.P. Dzhalilovoy i L.M. Yepifanovoy. Tashkent, 1996.

60 Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI-XX vv. Almaty, 2005. T. II. 448 s.

61 Masson M.Ye. Staryy Sayram // Izvestiya Srydazkomstarisa. Tashkent, 1928. Vyp. III. S. 23-42.

62 Beysembiyev T.K. Kokandskaya istoriografiya. Issledovaniye po istochnikovedeniyu Sredney Azii XVIII-XIX vekov. Almaty, 2009. 1263 s.

63 Bartol'd V.V. Chimkent // Soch. 1965. T. III. S. 563-564.

64 Nazarov F. Zapiski o nekotorykh narodakh i zemlyakh sredney chasti Azii. M., 1968. 66 s.

65 Potanin N.I. Kirgizskiye stepi i Kokandskoye khanstvo v nachale XIX stoletiya po opisaniyu khorunzhego N.I. Potanina // Yubileynyy sbornik, izdannyy Zapadno-Sibirskim otdelom Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva v chest' G.N. Potanina. Omsk, 1909. S. 191-258.

66 Yelgin YU.A Pervyy khudozhnik v Chimkente // Kul'turnoye naslediye Yuzhnogo Kazakhstana: sb. st., posv. 80-letiyu Yuzhno-Kazakhstanskogo oblastnogo istoriko-krayevedcheskogo muzeya. Shymkent, 2002. S. 158-162.

67 Geyns A.K. Puteshestviye v Turkestan: Dnevnik 1866 goda // Sobraniye literaturnykh trudov A.K. Geynsa. SPb., 1898. T. II.

68 Shpuler E. Turkestan. New-York, 1876. Vol. I, II.

69 Arkheologicheskaya karta Kazakhstana. Reyestr. Alma-Ata, 1960. 488 s.

70 Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Kazakhstana. Yuzhno-Kazakhstanskaya oblast'. – Alma-Ata: Entsiklopediya, 1994. T. 1. 367 s.

71 Baytanayev B.A. Drevniy Ispidzhab. Shymkent-Almaty, 2003.

72 Klyashtornyy S.G. Kangyuyskaya etnotoponimika v Orkhonskikh tekstakh // SE. 1951. №3. S. 54-63.

73 Bartol'd V.V. Geograficheskiy ocherk Maverannakhra // Soch. M., 1963. T. I. S. 114-237.

74 Bartol'd V.V. K istorii orosheniya Turkestana // Soch. M., 1965. T. III. S. 97-236.

75 Zholdasbekov M. Orkhon yeskertkíshterínín mutíní // Orkhonskiye nadpisi: Kyul'-Tegin. Bil'ge-Kagan. Ton'yukuk. Semey, 2001.

76 Taleyev D. Yugo-zapadnyye vorota tyurkskogo mira // Mobilizovannyy arkheologiyey. Almaty, 2004. S. 179-181.

77 Bartol'd V.V. Ulugbek i yego vremya // Soch. M., 1964. T. II, CH. 2. S. 25-196.

78 Baypakov K.M., Sherbayev R.K. Arkheologicheskiye issledovaniya na gorodishche Karaspan // Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh po gosudarstvennoy programme «Kul'turnoye naslediye v 2005 g.». Almaty. 2006. S. 309-314.

79 Davidovich Ye.A. Denezhnoye khozyaystvo Sredney Azii posle mongol'skogo zavoyevaniya i reforma Mas'ud-beka (XIII v.). M., 1972. 174 s.

80 Fazlallakh ibn Ruzbikhan Isfakhani. Mikhman-Name-Yi Bukhara (Zapiski bukharskogo gostya). Perevod, predisl. i prim. R.P. Dzhalilovoy. Pod red. A.K. Arendsa. M., 1976. 400 s.

81 Yudin V.P. Retsenziya. S.G. Klyashtornyy. Drevnetyurkskiye runicheskiye pamyatniki kak istochniki po istorii Sredney Azii. L.,1964 // Izvestiya AN KazSSR. Ser. obshchestv. nauk. 1968. №1.

82 Tizengauzen V.G. Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. M.-L., 1941. T. 2. 308 s.

83 Kniga Bol'shomu Chertezhu. Podgotovka k pechati i redaktsiya Serbinoy K.M. M.-L., 1950. 228 s.

84 Maksheyev A.I. Geograficheskiye svedeniya «Knigi Bol'shogo Chertezha» o kirgizskikh stepyakh i Turkestanskom kraye (Prilozheniya) // IRGO po otdeleniyu statistiki. SPb., 1878. T. XIV. Vyp. I. S. 1-30.

85 Puteshestviye cherez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granits Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 g. Dorozhnyy dnevnik Spafariya s vvedeniyem i primechaniyami Arsen'yeva YU.B. // Zapiski RGO po otd. etnografii. SPb., 1882. T. X., vyp. 1. 214 s.

86 Fedchina V.N. Kak sozdavalas' karta Sredney Azii. M., 1967. 132 s., kart.

87 Kazakhsko-russkiye otnosheniya v KHVÍ-KHVÍÍÍ vekakh». Sbornik dokumentov i materialov. Alma-Ata, 1961. 740 s.

88 Klare A.K. Drevniy Otrar i raskopki, proizvedennyye v razvalinakh // PKTLA, god IX. Tashkent, 1904. S. 13-42.

89 Khodzhayev M. Prichiny poslednego obshchegorodskogo pozhara i okonchatel'nogo zapusteniya Otrara // Izvestiya NAN RK. Ser. obshchestv. nauk. 1993. №5. S. 57-61.

90 Rossiya. Polnoye geograficheskoye opisaniye nashego otechestva. SPb., 1913. T. XIX. Turkestanskiy kray. 882 s.

91 Gandaketsi K. Istoriya Armenii. M., 1976.

92 Boldyrev A.N. Zaynaddin Vasifi. Tadzhikskiy pisatel' XVI v. Stalinabad, 1957. 356 s.

93 Materialy po istorii russko-mongol'skikh otnosheniy. 1607-1636. Sbornik dokumentov. M.: Vostochnaya literatura, 1959. 352 s., il.

94 Baypakov K.M. Srednevekovyye goroda Kazakhstana na Velikom Shelkovom puti. Almaty, 1998.

95 Smagulov Ye.A. Drevniy Sauran. Almaty, 2011. 436 s., il.

96 Baypakov K.M, Smagulov Ye.A. Srednevekovyy gorod Sauran. Almaty, 2005. 201 s.

97 Yakubovskiy A.YU. Razvaliny Sygnaka // Soobshcheniya GAIMK. 1929. T. II. S. 123-159.

98 Maksheyev A.I. Geograficheskiye svedeniya «Knigi Bol'shogo Chertezha» o kirgizskikh stepyakh i Turkestanskom kraye // Zapiski Rossiyskogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii. SPb., 1880. T. VI. S. 1-141.

99 Chabrov N.G. Iz istorii izucheniya razvalin drevnego goroda Dzhankenta // Trudy SAGU. Novaya seriya. Vyp. 111. Istoricheskiye nauki, kn. 25: Arkheologiya Sredney Azii. 1957. №4. S. 197-230.

100 Tolstov S.P. Goroda oguzov // SE. 1947. №3. S. 55-102.

101 Baypakov K.M. Oguzy, turkmeny, sel'dzhuki v gorodakh Zhetysu i Yuzhnom Kazakhstane // Izvestiya NAN RK. Ser. obshchestv. nauk. 2007. №1. S. 35-61.

102 Baypakov K.M, Voyakin D.A, Il'in R.V. Goroda Khuvara i Yangikent – staraya i novaya stolitsa gosudarstva oguzov // Vestnik MITSAI. Samarkand, 2012. Vyp. 16.

103 Kurmankulov ZH.K., Arzhantseva I.A, Zalivinskaya D.D., Rudakova S.A, Sadykova ZH.T. Materialy Dzhankentskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. Arkheologicheskiye raboty na gorodishche Dzhankent v 2006 g. Almaty, 2007. 124 s., il.

104 Yerofeyeva N.V. Khan Abulkhair. Polkovodets, pravitel', politik. Almaty, 2007. 452 s.

105 Baypakov K.M., Yerofeyeva I.V. Gorodishche Zhankent // Ot Altaya do Kaspiya. Atlas pamyatnikov i dostoprimechatel'nostey prirody, istorii i kul'tury Kazakhstana. Almaty. 2011. T. II: Yugo-Vostochnyye i Yuzhnyye regiony. 728 s., il.

106 Tolstov S.P. Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta. M., 1962. 322 s.

107 Baypakov K.M, Voyakin D.A Issledovaniye gorodishcha Dzhend // Izvestiya NAN RK. Ser. obshchestv. nauk. 2010. №1. S. 100-122.

108 Akishev K.A. Srednevekovyye kamennyye kreposti Kazakhstana // Informatsionnyy byulleten'. Mezhdunarodnaya assotsiatsiya po izucheniyu kul'tur Tsentral'noy Azii. Spetsial'nyy vypusk. M., 1987. S. 85-88.

109 Akimushkin O.F. Zafar-name Sharaf ad-Dina Am Yyedzi // Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii. M., 1973. Vyp. 1.

110 Margulan A.KH. Osedloye poseleniye VIII-XIII vv. na Severnykh sklonakh Karatau (izvlecheno iz arkheologicheskogo otcheta) // Izvestiya AN KazSSR. Ser. arkheolog. 1948. №46. S. 109-115.

111 Baytanayev B.A, Yergeshbayev A.A. Issledovaniye gorodishcha Aksumbe // Izvestiya NAN RK. Ser. obshchestv. nauk. 2009. №1. S. 147-156.

112 Terent'yev M.A. Istoriya zavoyevaniya Sredney Azii. S kartami i planami. – Almaty, 2012. T. 1. 546 s.

113 Yegorov V.L. Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII-XV vv. M., 1985. 224 s.

114 Ibragimov N. Ibn Battuta i yego puteshestviya po Sredney Azii. M., 1988. 128 s.

115 Trepavlov V.V. Saraychuk: pereprava, nekropol', stolitsa, razvaliny // Tyurkologicheskiy sbornik. 2001. M., 2002. S. 225-244.

116 Levshin A.I. Istoricheskoye i statisticheskoye obozreniye ural'skikh kazakov. SPb., 1823. 84 s.

117 Tolstov S.P. Raboty Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii AN SSSR v 1949-1953 gg. // Trudy KHAEE. 1958. T. II. S. 7-258.

118 Tolstov S.P. Khorezmskaya arkheologo-etnograficheskaya ekspeditsiya Akademii nauk SSSR 1950 g. // SA. 1953. T. XVIII. S. 301-325.

119 Tasmagambetov I.N., Samashev Z.S. Gorodishche Saraychik. Almaty, 2001. 320 s.

120 Yerzakovich L.B. O Yuzhno-Kazakhstanskom komponente v material'noy kul'ture Zolotoy Ordy // Po sledam drevnikh kul'tur Kazakhstana. Alma-Ata, 1970. S. 60-68.

К. М. Байпақов

(ҚР БҒМ Археология институты Алматы, Қазақстан)

ҚАЗАҚ ХАНДЫҒЫ ҚАЛАЛАРЫН ОҚШАУЛАУ

Резюме

Жұмыста XV–XIX ғ. бірінші жартысындағы Оңтүстік Қазақстандағы қалаларына жүргізілген кең көлемді археологиялық ізденістер мен қазба жұмыстарының мәліметтері, жазбаша деректер мен нумизматикалық материалдарға, картографияға талдау контексінде олардың хронологиясын анықтау негізінде қалалар және қоныстармен баламалау әрекеттері жасалынады. Қалалар мен қоныстарды баламалау негізінде Қазақ хандығы елді мекендерінің тарихи-географиялық картасы құрастырылды.

Қалалануды зерттеу үдерісіндегі негізгі нәрсе қалалардың саны мен оның баламалануы – нақтылы аумақта орналасқан жері туралы мәселелер болып табылады. Ұсынылып отырған мақалада Сырдария өңірі мен Арал маңы; Шу-Талас өңірлері; Талас және Қырғыз Алатауы бөктерлері; Іле өңірі мен Іле және Жоңғар Алатауы бөктерлері; Орталық Тянь-Шань; Қаратаудың солтүстік және оңтүстік баурайы; Жайық (Орал) өзені алқабындағы қалаларға шолу беріледі.

Тірек сөздер: қалалану, қала, картография, тарихи география, қазақ хандары, жазбаша деректер, қала өмірі.

K. M. Baipakov

(Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan)

LOCALIZATION OF THE KAZAKH KHANET TOWNS

Summary

In this work there is an attempt to identify the sites of the XV – first half of the XIX cc of South Kazakhstan with towns and settlements on the base of data of wide scale archaeological searches and excavations, definition of their chronology in context of written sources analyses and numismatic materials, cartography. On the base of localization of towns and settlements the historical – geographical map of the Kazak Khanet's settlements is formed.

In the process of urbanization study the key problem is the issue of the towns' quantity and their localization on the concrete territory. In the present work the review of towns in Syrdaria River Valley and Aral region; valley of Chu-Talas region between rivers; foothills of Zailyisky and Dzhungar Alatau; Central Tien-Shan; on the northern and southern slopes of Karatau; in Zhaiyk River valley (Ural) is given.

Keywords: urbanization, city, cartography, historical geography, the Kazakh khans, written sources, urban life.

Поступила 10.09.2014 г.

УДК 903/904 (574.5)

К. М. БАЙПАКОВ, И. Р. КАМАЛДИНОВ

(Институт археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК, Алматы, Казахстан)

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА ОТРАР В 2013 ГОДУ

Аннотация. В статье представлены данные об археологических изысканиях на городище Отрартобе в 2013 году. Описан стратиграфический раскоп 9, расположенный у северной окраины шахристана, где был исследован третий строительный горизонт, представленный жилым массивом, керамический материал которого можно датировать XVII–XVIII веками. В работе описано несколько домовладений, помещений и две внутриквартальные улочки шириной около 2 м. Домовладения состоят из одного-двух помещений, интерьер которых представлен суфами со встроенными в них тандырами. Перед тандырами расположены площадки ташнау, вымощенные жжеными кирпичами. Стены построек сложены из сырцового кирпича.

Ключевые слова: Отрар, средневековье, городище, шахристан, жилой массив, домовладение, помещение, улочка.

Тірек сөздер: Отырар, орта ғасыр, қалашық, шахристан, тұрғын үй алабы, үй-жай, бөлме, көше.

Keywords: Otrar Middle Ages settlement, shahristan, housing estate, housing, space, street.

Городище древнего Отрара расположено в 11,5 км к западу от железнодорожной станции Тимур. На северо-западе оно примыкает к с.Талапты.

Отрартобе представляет собой пятиугольный в плане бугор (рис. 1), ориентированный углами по сторонам света с незначительным отклонением. Его южная сторона равна 380 м, юго-западная – 145 м, западная – 400 м, северо-восточная – 380 м и восточная – 350 м. Наибольшая высота бугра от подошвы (18 м) зафиксирована в точке 8 топоплана, т.е. в юго-западной части, ближе к углу; в среднем его высота колеблется от 10 до 15 м [1].

Городище окружено стеной. Лучше всего стены сохранились с северо-восточной и восточной стороны. В некоторых местах крутизна наружного фаса достигает 75–80°. Стена укреплена башнями. От них остались выступающие наружу оплывшие осыпи. Башни лучше всего сохранились на юго-западном и юго-восточном углах.

Рисунок 1 – Отрартобе (аэрофото)

Вокруг основного бугра прослеживаются остатки рва в виде лощины с покатыми краями. Глубина его ниже основания городища на 2–3 м, ширина 10–15 м. На северо-западной стороне ров целиком заполнен оплывами стены. В город вели три въезда. Два устроены напротив друг друга: один – в южной, второй в северо-восточной стене и третий – в середине западной стороны. Центральными были ворота южной стены. Они располагались в 135 м от южного угла. Судя по всхолмлениям на стене, въезд охраняли две башни. Современный проем-впадина достигает 20 м.

Северо-восточные ворота устроены там, где стена образует уступ, сделанный, видимо, для усиления обороны. Выступ позволял контролировать значительный участок перед въездом.

Третьи, западные ворота, менее заметны в топографии городища, проем въезда уже меньше, чем у первых двух, он равен 7–10 м.

Перед воротами внутри стены имеется свободная площадь в форме треугольника, основание примыкающего к воротам.

Центральная, главная, улица пересекает городище и соединяет ворота южной и северо-восточной стен. Она почти прямая и отчетливо прослеживается в топографии памятника в виде ложбины шириной 12 м. От нее под прямым углом отходят в сторону улицы, которые упираются в стены. От них в свою очередь ответвляются мелкие переулочки, и тупички делят территории городища на квадраты разной площади.

К центральному бугру городища примыкает территория, окруженная стеной, которая отчетливо видна на аэрофотоснимках. С северо-западной стороны к стене походит современный поселок Талапты [2].

У южной стены главного бугра сохранился восьмеркообразный котлован с плавно понижающимися стенками. Сейчас он зарос травой. Это бывшее водохранилище. Оно наполнялось водой из магистрального канала, выводившего воду из реки Арысь.[3].

Первые раскопки на городище были проведены Н. И. Веселовским еще в 1884 г., а в 1904 г. здесь работали и вели раскопочные работы члены Туркестанского кружка любителей археологии (г. Ташкент) А. К. Кларе и А. А. Черкасов. В конце 40-х гг. здесь, как и на городищах Отрарского оазиса, вели раскопки Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, возглавляемая А. М. Берштамом.

В 1969–1970 гг., раскопки Отрартобе проводились Отрарской археологической экспедицией[4], с 1971 г. – Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедицией (ЮККАЭ) Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, а с 1992 г. – Института археологии НАН РК. Материал изучения Отрартобе опубликован в нескольких монографиях и многочисленных статьях [5].

В полевом сезоне 2013 года продолжены работы на площади стратиграфического раскопа №9, заложенного в 2012 году, который расположен в северо-западной части центральной части городища Отрартобе, в 3 м к северу от края подновленного в 2004–2005 гг. стратиграфического раскопа 1969–1970 гг. [6]. Раскоп в плане прямоугольный, углами ориентирован по сторонам света с небольшим отклонением. Длина раскопа (СЗ–ЮВ) равна 30 м, ширина (СВ–ЮЗ) 15 м.

В полевом сезоне 2012 года раскоп был доведен до глубины 0,7 м в северной и 1,6 м в южной части раскопа, где было выявлено и исследовано два строительных горизонта. От первого строительного горизонта сохранились лишь мусорные ямы, которые разрушили значительную часть конструкции ниже лежащих слоев. К уровню первого строительного горизонта относятся 22 мусорные ямы. Ямы диаметром 1,1–1,5 м, глубиной 0,2–1 м. При расчистке ям найдены фрагменты позднесредневековой глазурованной и неполивной керамики, кости домашнего скота, четыре экземпляра медных монет, фрагмент каменного точила (кайрак).

Второй строительный горизонт был представлен остатками жилых построек с глинобитными суфами, тандырами с дымоходами, очагами открытого типа, ташнау, выложенных из обломков жженого кирпича и множество мусорных.

Раскопки показали, что на данном участке располагался жилой квартал с внутриквартальными улочками, сохранность объектов очень плохая, в связи с этим понять планиграфическую ситуацию не представляется возможным.

В полевом сезоне 2013 года на площади раскопа №9 на уровне третьего строительного горизонта выявлен жилой массив с несколькими домовладениями и двумя улочками (рис. 2, 3).

Рисунок 2 – Общий вид исследованной части квартала XVI–XVII вв.

Домовладение №1. В восточном углу раскопа выявлена часть помещения, которое относится ко второму строительному горизонту. С западной стороны к помещению примыкает внутриквартальная улочка. Размеры помещения 4х? м, восточная часть помещения осталась за пределами раскопа, в связи с этим длину выявить не представляется возможным. Размер стен помещения: толщина 0,7 м, высота 0,45–0,75 м. Помещение ориентировано стенками по сторонам света с небольшим отклонением. Выявлено несколько уровней полов, самый верхний выявлен на глубине 0,2 см от сохранившейся высоты стенки, на этом уровне выявлены два закрома расположенные вдоль западной стенки, один размером 0,65х0,6 м расположен ближе к северному углу помещения, второй к западному, размер его 0,75х0,65 м. Края закромов сложены из сырцового кирпича размерами 30х12х6 см, высота сохранилась всего на два ряда кладки. Посередине между закромами в западной стенке расположен проход с порогом шириной 1,1–0,9 м, порог выложен сырцовым кирпичом, поставленным на ребро, длина порога равна 1,2 м (дандана). Проход соединял помещение с улочкой. Центральную часть помещения прорезает яма №1 от верхнего строительного горизонта, диаметром 1,1 м, глубина 1,5 м, заполнение представлено золой, перемешанной с гумусированным лессом. В ходе расчистки ямы обнаружено множество костей домашнего скота, несколько фрагментов криц от плавки железа, облицовочная плитка, одна часть которой окрашена синей краской, размер плитки 13х5х6 м, не лицевая часть плитки заужена и имеет закругленные края. На дне ямы обнаружена часть площадки ташнау, выложенной жженым кирпичом.

После расчистки ямы №1 при прослеживании стратиграфии выявлен нижележащий слой глины желтого цвета, который оказался поверхностью суфы. Поверхность суфы расположена на 40–50 см ниже уровня первого пола. В центре суфы ближе к южной стенке выявлен тандыр диаметром 0,5 м, высотой 0,4 м. Заполнение тандыра представлено золой, перемешанной с гумусированным лессом, небольшим количеством фрагментов керамики и костей животных. Устье топки (25х20 см) расположено в ЮВ части стенки тандыра, дымоходный канал диаметром 0,2 м и длиной 1,8 м тянется от тандыра до западного угла помещения. Перед тандыром с ЮВ стороны расположена площадка ташнау, вымощенная жженым кирпичом (выявлена лишь небольшая часть, т.к. основная часть осталась за пределами раскопа). На внутренней стенке тандыра фиксируются прорезные насечки.

Рисунок 3 – План исследованной части квартала XVI–XVII вв.

В результате в помещение №1 было выявлено два пола. Изначально помещение было жилым с большой суфой, в которую был вмазан тандыр, перед которым располагалась площадка ташнау. Дверной проем в помещении предположительно находился в восточной стенке. Позже помещение стало хозяйственным, об этом свидетельствует наличие двух закромов. Дверной проход с порогом «дандана» расположен в западной стенке и выходит прямо на улочку. Данное помещение имеет наиболее хорошую сохранность.

В южном углу раскопа выявлена часть стены, восточная половина которой сложена из битого жженого кирпича, противоположная западная стена из сырцового кирпича. Длина стенки в пределах раскопа 7 м, ширина 0,6 м, высота 0,3–0,5 м (в восточной части 5 рядов кладки, в З части 3 ряда). Стенка ориентирована по линии В-З. Вдоль стенки с ее южной части зафиксирована истлевшая балка, длиной 3 м, шириной 0,25 м. Примечательно то, что улочка упирается в данную стенку и поворачивает в восточном направлении.

В центральной части раскопа на глубине 1,4 м от дневной поверхности обнаружены фрагменты дерева в виде балки, предположительно от обрушившейся кровли.

При проведении горизонтальной зачистки поверхности в восточной части раскопа выявлена яма №2 большого диаметра, равного 1,7 м, глубиной 1,6 м. В 0,3 м восточнее от края ямы расположена хорошо сохранившаяся стена второго строительного горизонта, западной оконечностью яма частично разрушила суфу помещения №2. Заполнение ямы представлено золой, перемешанной с грунтом, в зольнике найдены кости домашнего скота и фрагменты поливной и неполивной керамики. Помимо перечисленного, найден развал глазурованной, орнаментированной чаши и венчик пиалы из селадона светло-зеленого цвета с необычным выпуклым растительным узором «импорт».

Жилой массив в центральной части раскопа представлен семью домовладениями, состоящими из одного, двух и трех помещений. С южной и северной части массив ограничен внутриквартальными улочками (рис. 4).

Рисунок 4 – Улочка 1

Домовладение № 2. Состоит из одного помещения №2. Рядом с ямой №2 выявлена суфа с вмазанным в нее тандыром. Суфа в плане прямоугольной формы, ориентирована по линии восток-запад, длина ее равна 4 м, ширина 2,3 м и высота 0,6 м. С восточной части суфа граничит с хорошо сохранившейся стеной второго строительного горизонта, а с восточной стороны стенка практически до основания была разрушена ямами верхнего строительного горизонта. Северо-восточная часть суфы частично разрушена ямой №2 (верхний строительный горизонт). В северо-западную часть суфы вмазан тандыр округлой в плане формы, диаметр у основания 0,7 м и 0,55 м в верхней части. Высота тандыра равна 0,65 м. На внутренних стенках фиксируются множественные насечки. В заполнении тандыра встречена зола серого цвета, перемешанной с гумусированным лёссом, где были обнаружены кости домашнего скота и фрагменты керамики, среди которых наиболее интересным представляется развал глазурованной орнаментированной чаши. Устье топки тандыра зафиксировано в северной части, размер его имеет высоту 0,35 м и ширину 0,23 м, края устья обложены жженными кирпичами. В суфе в западном направлении проложен дымоходный канал, обложенный обломками жженого кирпича.

Перед суфой с её северной стороны зафиксирована площадка ташнау, которая представляет собой вымощенную целым и битым жженым кирпичом размером 25х25х5см. В центре площадки имеется сливное отверстие, под которым расположено устройство в виде перевернутой хумчи с выбитым дном. Диаметр хумчи 0,4 м, толщина стенок 1 см. Часть площадки из жженого кирпича перед устьем топки была разобрана. Размер сохранившейся части площадки ташнау размерами 1,7х0,8 м, вытянута с востока на запад. Примечательно, что вымощенная площадка выше уровня устья топки на 0,25 м. В центре площадки имеется понижение и там же расположен кирпич с канавками в виде пересекающихся линии и сливным отверстием в центре диаметром 2,5 см. С севера площадка ташнау ограничена стеной, сложенной из сырцового кирпича (32х18х7 см), стена является общей с помещением №2а. Параметры помещения длина с востока на запад равна 3,6 м, ширина 3,3 м. Восточнее площадки ташнау выявлено два зольника полуовальной в плане формы, заполненные золой светло-серого цвета, при расчистке которых обнаружены кости животных и фрагменты керамики. Размер зольников первый 0,8х0,4х0,25 м, второй 0,6х0,5х0,2 м. Расстояние между друг другом 0,35 м.

После разборки площадки ташнау, под ней, рядом с перевернутым хумчи, обнаружены остатки тандыра от нижележащего горизонта. Диаметр тандыра 0,6 м.

Домовладение №3 в пределах раскопа выявлена только часть одного помещения. Помещение №2а. Помещение относится к четвертому строительному горизонту и расположено вдоль СВ борта, с юга примыкая к помещению №2 (имеет с ним общую стенку). В пределах раскопа оказалась лишь южная часть помещения, которая представлена суфой с вмазанным в нее тандыром (половина тандыра оказалась вне пределов раскопа). Диаметр тандыра 45 см, высота 40 м. Устье топки расположено в северной стенке суфы. В южной зафиксировано отверстие дымохода диаметром 6 см, от которого в южном направлении до угла помещения внутри суфы прослеживается дымоходный канал диаметром 0,2 м, длиной 0,9 м. Ширина помещения и суфы (ВЗ) 2,8 м.

Помещение №3 расположено в центральной части раскопа, с запада к нему примыкает улочка. С южной стороны с помещением №2 имеет общую стенку. Оно относится к третьему строительному горизонту. Помещение имело хозяйственное предназначение, это подтверждается обнаруженными двумя закромами и развалом хумчи диаметром 0,35 м. Размер помещения: длина с востока на запад 3,6 м, ширина 3,3 м. В восточном углу обнаружен развал орнаментированной глазурованной чаши синего цвета. Вдоль восточной стенки расположены закрома. Первый закром занимает северо-восточный угол помещения и имеет размеры 1,1х1,1х0,3 м, второй выявлен в юго-восточном углу размер его 1,1х1,35х0,45 м. стенки закромов сложены из сырца размером 32х17х6 см, толщина стен закромов 0,35 м. Закрома разделяет стенка толщиной 0,45 м. С юга к помещению примыкает помещение №3а (второй строительный горизонт), а с запада помещение №8 (третий строительный горизонт).

После удаления закромов, опустившись на 30 см вглубь, выявлен второй пол помещения, а также был обнаружен дверной проход шириной 0,7 м, который расположен в восточной стенке (ближе к углу) и выходит на внутриквартальную улочку. В результате параметры помещения незначительно изменились: длина 4 м, ширина 3,2 м. Стены помещения имеют разную толщину и сохранившуюся высоту: восточная толщина 0,6 м, высота 0,4 м, северная 0,4 м, высота 0,35 м, западная толщина 0,45 м, высота 0,35 м и южная 0,6 м, высота 0,3 м. Размеры сырцовых кирпичей в северной и западной стенках 20х20х10 см, а в восточной и южной (внешние стены) 32х17х7 см.

Помещение №3а расположено в южной части раскопа, оно примыкает к улочке с западной стороны, северная стенка помещения является общей с помещением №3. Западная стенка помещения не сохранилась. Из конструкции выявлена лишь вымощенная жженым кирпичом площадка ташнау. Суфа с вмазанным в неё тандыром была исследована и удалена в 2012 г. Размеры площадки ташнау: длина (СЮ) 1,5 м, ширина (ВЗ) 1,1 м. Площадка сложена из целого и битого кирпича, между кирпичами встречаются фрагменты керамики, в центральной части размеры кирпича 25х25х5 см, в северной части кирпич 18х10х4 см. Под площадкой зафиксирована глиняная обмазка желтого цвета (на которую и укладывался кирпич), а также вокруг площадки фиксируется обкладка из сырцового кирпича. В центре площадка имеет западину, где расположен кирпич с пересекающимися канавками и отверстием посередине, диаметр отверстия 3 см, под отверстием расположен хум, диаметр венчика 0,25 м, диаметр тулова 0,6 м.

В 0,6 м западнее и на 0,25 м ниже от вышеописанной площадки ташнау выявлена еще одна площадка ташнау. Параметры площадки: длина (ВЗ) 0,95 м, ширина (СЮ) 0,75 м. Сложена из жженого кирпича (25х25х5 см), на западном и южном краю площадки жженый кирпич положен на ребро. В центре площадки расположен кирпич с отверстием диаметром 0,3 см, кирпич заглублен на 3–4 см. Под кирпичом с отверстием отсутствовал сосуд (хумча).

Помещение №4 расположено вдоль СВ борта раскопа, с востока к помещению примыкает помещение №2а, с юга помещение №2 и с запада помещение №5. В пределы раскопа попала только южная половина помещения, которая представлена площадкой ташнау и в СВ профиле раскопа выявлена суфа с устьем топки тандыра, который остался за пределами раскопа. Устье топки имеет форму полуовала высота 0,22 м, ширина 0,17 м. Край суфы обложен битым жженым кирпичом. Перед суфой расположена площадка ташнау, занимающая большую часть помещения. Площадка в плане прямоугольной формы длина с СЗ на ЮВ 1,9 м, ширина 1,45 м, сложена из жженого кирпича размером 25х25х5 см, в СВ части площадки кладка кирпичей отличается от остальной тем что она выложена ромбом, (т.е. один ряд кирпичей поломан пополам). В центре ташнау зафиксирована западина, кирпич со сливным отверстием не сохранился, в центре под площадкой традиционно располагался хумчи, диаметр венчика 0,2 м, тулова 0,6 м.

В процессе горизонтальной зачистки в северной половине раскопа встречаются кости домашних животных и фрагменты от хумчи и орнаментированной глазурованной столовой посуды преимущественно чаш, также было обнаружено несколько мелких сильно окисленных медных монет, фрагмент каменного оселка (каирака) и 2 керамических пряслица. В центральной части на глубине 1,3 м от верха западного угла обнаружены два дисковидной формы донца чаш, петлевидная ручка от сосуда, цилиндрической формы массивная ручка от крышки тандыра и фрагмент стеклянной прозрачной бусины.

Помещение №5 расположено в восточной части раскопа с ЮВ к нему примыкает помещение №4. Ширина помещения 2,5 м, длину выявить не представляется возможным, так как северо-восточная часть осталась за пределами раскопа. Помещение имело два пола. В период верхнего пола у помещения была мощная южная стена толщиной 0,7 м, сохранившаяся в высоту 0,5 м и сложенная из сырцового кирпича 32х17х7 см. Западную часть помещения прорезала яма от верхнего строительного горизонта, яма в плане овальной формы диаметром 1,5–1,1 м, глубина 0,4 м. В процессе расчистки ямы выявлено, что заполнение представлено золой, перемешанной с лессом, из находок выявлены фрагменты поливной и неполивной красноглиняной керамики, кости домашнего скота, найден развал орнаментированной глазурованной чаши. Второй пол был ниже первого пола на 0,5 м. Южная стена не выявлена, зафиксирована лишь несколько кирпичей. Западная стена имеет толщину в 0,6 м, сохранившаяся высота 0,4 м, сложена из сырцового кирпича 20х20х10 см, нижний четвертый ряд кладки имеет небольшое отклонение, в южной части стена на 0,4 м отклонена в восточную сторону. С внешней стороны западной стенки зафиксирован плотный глиняный слой зеленоватого оттенка, рядом севернее от него выявлена яма. Яма от верхнего строительного горизонта в плане округлой формы диаметром 1,2 м, глубиной 0,3 м, заполнение представлено золой, перемешанной с грунтом с фрагментами поливной и неполивной керамики, а также костями домашнего скота. Северная часть западной стены с внешней стороны сложены из битого жженого кирпича (20х15х6 см), где фиксируется 5 рядов кладки.

Домовладение 4 расположено в западной части раскопа обособленно от остальной части жилого массив. Дом состоит из двух помещений № 6 и 7.

Помещение №6 расположено в западном углу раскопа, раскоп (восточная стенка). С юго-востока к нему примыкает помещение №7. Пол помещения обмазан глиной желтого цвета. Единственная стена помещения, которая вошла в пределы раскопа, сложена из сырцового кирпича 32х17х7 см, ориентирована по линии СВ–ЮЗ, в высоту стенка сохранилась в 3–4 ряда кладки, толщина составила 0,7 м. Из находок обнаружена одна медная монета, фрагменты поливной и неполивной керамики от чаш, горшков с петлевидными ручками и др.

Помещение №7 расположено в западной части раскопа вдоль ЮЗ борта раскопа. С северо-запада помещение имеет общую стену с помещением №6. В пределы раскопа вошла только северная половина помещения. Длина помещения 4 м. Стены помещения сложены из кирпича желтого цвета 32х17х7 см, средняя толщина стен 0,7 м, сохранившаяся высота 0,3 м. Выявленную часть помещения занимает суфа, в СВ часть которой вмазан тандыр, верх которого при расчистке был

забутован битым и целым жженым кирпичом, а также галечником средней фракции, там же выявлена плитка крупного размера 44х40х6 см. Вокруг тандыр обложен битыми сырцовыми кирпичами. При расчистке тандыра были обнаружены две медные монеты. Диаметр тандыра 0,45 м, высота 0,5 м. Устье топки расположено в ЮЗ стенке, дымоходный канал прослеживается в С направлении от тандыра до С угла помещения, средняя длина канала 1 м. Часть СВ стены помещения прорезает яма крупного диаметра 1,2 м, глубиной 0,8 м, заполнена лессовидным грунтом, перемешанным с золой, также в ней выявлены фрагменты керамики и кости домашнего скота. ЮВ стену помещения разрушила большая яма подквадратной формы, заполненная рыхлым серо-коричневого цвета грунтом и золой, при расчистке ямы обнаружено множество костей животных и фрагментов поливной и неполивной керамики от чаш, хумчей, горшков и др.

Помещение №8 расположено в центральной части раскопа. С северно-западной стороны оно примыкает к помещению №3, с юго-запада примыкает к помещению №9, с юго-востока к помещению №10, с северо-востока с помещениями №11 и 12 и имеет с ними общие стены. В плане помещение подквадратной формы размерами: длина с востока на запад 2,4 м, ширина 2,2 м. В южном углу зафиксирован прокаленный участок со следами горения, предположительно здесь располагался напольный очаг. В ходе расчистки помещения обнаружено множество фрагментов керамики, среди которой начинает встречаться керамика с кобальтовым покрытием, относящаяся к концу XV века. В восточном углу обнаружены три плоские ромбовидной формы железные бляшки 3х3х0,3 см. (с тыльной стороны прослеживаются небольшие выступы). А также в помещении найдена одна медная монета. В СВ части помещения обнаружено множество фрагментов конского снаряжения из железа, и там же был обнаружен железный топор.

Помещение №9 – самое крупное помещение на площади раскопа, расположено в самом центре раскопа. С трех сторон помещение имеет общие стенки с другими помещениями: с СВ с помещениями №4 и 5, с ЮВ с помещением №2, с ЮЗ с помещением №8 и 10 и с СЗ стороны помещения расположена улочка. Каких-либо деталей интерьера в помещении не выявлено. Помещение прорезает 4 ямы от верхнего строительного горизонта. В ходе расчистки помещения выявлено большое количество фрагментов керамики как поливной, так и неполивной, в основном от хумчей, чаш, горшков. В ЮВ части помещения обнаружены две медные монеты, несколько фрагментов от стеклянных сосудов, один железный наконечник стрелы, фрагмент большого оселка и несколько керамических пряслиц.

Помещение №10 расположено в центральной части раскопа. Юго-восточной стороной оно примыкает к помещению №9, северо-западной – к помещению №11. Северную половину помещения занимает суфа, параметры суфы – длина по линии восток–запад 2 м, ширина 1,8 м. В южную часть суфы встроен тандыр. Верхняя часть тандыра не сохранилась, диаметр у основания 0,65 м, сохранившаяся высота 0,3 м. В суфе от тандыра проложен дымоходный канал диаметром 0,2 м, диной 1 м, подведен к северному углу помещения. Устье топки расположено в ЮЗ части стенки тандыра. Перед тандыром (суфой) с ЮЗ части расположена площадка ташнау, вымощенная жженым кирпичом. При расчистке площадки на её поверхности зафиксированы следы горения в виде копоти, сажи, золы. К центру площадка несколько понижается и там же в центре расположен квадратный жженый кирпич (25х25х5 см), с диагонально пересекающимися желобками. В месте пересечения желобков – круглое сквозное отверстие, под ней расположены хумчи с выбитым дном. ЮЗ стенка помещения разрушена ямой большого диаметра. Яма в плане овальной формы диметром 2,5–3 м заполнена рыхлым грунтом коричневого цвета, перемешанным с золой серого цвета, при расчистке в яме выявлено множество костей домашнего скота и фрагментов поливной и неполивной красноглиняной керамики.

Помещение №11 с запада примыкает к помещению №10 и имеет с ним общую стенку. Северная стена помещения общая с помещением №6, с внешней стороны стенки предположительно расположена улочка. Помещение в плане прямоугольное, длина с севера на юг 5 м, ширина 2 м. Каких-либо деталей интерьера в помещении не выявлено. Стены сложены из сырцового кирпича параметра 32х17х7 см, толщина стен 0,7 м, средняя сохранившаяся высота 0,2-0,35 м.

Помещение №12 расположено в юго-западной половине раскопа. С севера имеет общую стенку с помещением №10, с запада с помещением №11. В плане помещение прямоугольной формы вытянуто с В на З. Длина 4 м, ширина 2,5 м. Большую часть помещения прорезала яма крупного диаметра овальной формы. Яма прорезала также центральную часть южной стены, почти всю

северную стену. Толщина стен неодинакова: внешняя северо-западная – 0,7 м, юго-восточная стена тонкая 0,25–0,4 м и 0,7 м северо-восточная и юго-западная.

Помещение №13 расположено в южной части раскопа, западнее помещения №3а, южнее помещений №3 и 8, и восточнее помещения 12. Точные границы помещения не выявлены ввиду несохранившихся стен. В помещении выявлена только часть суфы с вмазанным в неё тандыром. Параметры суфы 1,3х1,3х0,3 м. В ходе расчистки помещения обнаружены: фрагмент железной подковы, зеленый глазурованный чираг с навершием на ручке в виде лепестка (резной орнамент), каменное пряслице, глазурованное насечками и фрагмент стеклянной крышечки от сосуда. Диаметр тандыра 0,4 м, высота 0,45 м. диаметр отверстия дымохода в стенке тандыра 6 см, канал выведен в ЮЗ направлении до стенки помещения. Устье топки расположено в ЮВ части тандыра 17х13 см. Перед тандыром (суфой) зафиксирована яма, которая прорезала основную часть площадки ташнау, сохранилось лишь несколько жженых кирпичей перед устьем топки. Яма в плане округлая диаметр 1,3 м, глубина 0,9 м. Заполнение ямы представлено золой, перемешанной с гумусированным лессом, также в яме обнаружено небольшое количество фрагментов в основной поливной керамики в виде чаш.

Интересна находка фигурки барана, покрытая поливой (рис. 5). Такие находки барана характерны для слоев городища I–VIII вв. Эти фигурки свидетельствуют о традиционном для Южного Казахстана культе барана. Различного рода изображения барана на керамике Сырдарьи, присутствующие здесь на протяжении многих столетий, связываются с культом этого животного, игравшего важную роль в жизни племен и народов, начиная с древних кангюев, средневековых кангаров (печенегов), огузов, канглы и кипчаков и кончая казахским племенем канглы. С образом барана соотносились не только реликты тотемизма, но и более сложные представления, связанные с сакрализацией животного мира и элементами зороастризма. Конечно, на протяжении веков идеи, порожденные этим популярным образом, менялись, что-то забывалось, что-то появлялось новое. Сложные этнические процессы, перемещения племён, их смешение тем не менее не привели к забвению культа барана-производителя, кошкара с мощными закрученными рогами, образ которого воспроизводили многие поколения гончаров [7].

Рисунок 5 – Фрагмент фигурки барана

В результате археологических изысканий в северной части шахристана в стратиграфическом шурфе-раскопе №9 был исследован третий строительный горизонт, где была исследована часть жилого массива с несколькими домовладениями и внутриквартальными улочками. По находкам керамики этот жилой массив можно датировать XVII–XVIII веками.

ЛИТЕРАТУРА

1 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. – Алма-Ата, 1972. – С. 43.

2 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. – Алма-Ата, 1972. – С. 13.

3 Байпаков К.М., Воякин Д.А. Городище Отрар // Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. – Алматы, 2007. – С. 178-217.

4 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Археологические работы в Южном Казахстане // АО 1969 года. – М., 1970. – С. 397-398.

5 Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. – Кн. 1. – Алматы, 2012. – С. 31-58.

6 Акишев К.А. Байпаков К.М. Ерзакович Л.Б Древний Отрар. – Алма-Ата, 1972. – С. 51-82.

7 Байпаков К.М. Культ барана у сырдарьинских племен // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1980. – С. 32-45.

REFERENCES

1 Akishev K.A., Bajpakov K.M., Erzakovich L.B. Drevnij Otrar. Alma-Ata, 1972. S. 43.

2 Akishev K.A., Bajpakov K.M., Erzakovich L.B. Drevnij Otrar. Alma-Ata, 1972. S. 13.

3 Bajpakov K.M., Vojakin D.A. Gorodishhe Otrar. Svod pamjatnikov istorii i kul'tury Juzhno-Kazahstanskoj oblasti. Otrarskij rajon. Almaty, 2007. S. 178-217.

4 Akishev K.A., Bajpakov K.M., Erzakovich L.B. Arheologicheskie raboty v Juzhnom Kazahstane. AO 1969 goda. M., 1970. S. 397-398.

5 Bajpakov K.M. Drevnjaja i srednevekovaja urbanizacija Kazahstana. Kn. 1. Almaty, 2012. S. 31-58.

6 Akishev K.A. Bajpakov K.M. Erzakovich L.B Drevnij Otrar. Alma-Ata, 1972. S. 51-82.

7 Bajpakov K.M. Kul't barana u syrdar'inskih plemen. Arheologicheskie issledovanija drevnego i srednevekovogo Kazahstana. Alma-Ata, 1980. S. 32-45.

К. М. Байпақов, И. Р. Қамалдинов

ОТЫРАР ҚАЛАШЫҒЫНДАҒЫ 2013 Ж. ҚАЗБА ЖҰМЫСТАРЫ

Резюме

Соңғы екі жылда қазба жұмыстары Отырартөбе шахристанының солтүстік бөлігіндегі 9-стратиграфиялық-қазба алаңында жүргізілді. 450 м^2 тең болатын қазба алаңы тереңдігі 3 м (горизонт 1–3) дейінгі қалыңдықтағы қабатты кесіп өтті.

Үшінші құрылыс горизонтын XVII–XVIII ғғ. жататын тұрғын үй құрылысының қалдықтары құрайды. Тұрғын үй құрылысы, қора-қопсы, көше мен қалалық абаттандыру сипатталады.

Тірек сөздер: Отырар, орта ғасыр, қалашық, шахристан, тұрғын үй алабы, үй-жай, бөлме, көше.

K. M. Baipakov, I. R. Kamaldinov

THE EXCAVATIONS OF THE OTRAR SETTLEMENT IN 2013

Summary

In the article the data of archaeological research on the Otrartobe settlement are presented. There is a description of stratigraphical excavation 9, located in the northern part of shakhristan, where the third constructive horizon has been investigated, which is presented by residential area, ceramic material of which could be dated with XVII–XVIII centuries. The thickness of the stratum to a depth of 3 meters (horizon 1–3) was cut on the area, which is equal to 450 m^2. There are living construction, home ownership, streets and urban beautification. Households consist of one or two rooms, the interior of which is sufamiso, with built-in tandyrs. In front of the tandyrs there are tashnau courts, paved with burnt bricks. The walls of the constructions are made of mud brick.

Keywords: OtrarMiddle Ages settlement, shahristan, housing estate, housing, space, street.

Поступила 10.09.2014 г.

УДК 903/904 (574)"05/1" "653"

Е. Ш. АҚЫМБЕК

(Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан)

2013 ЖЫЛЫ АҚТӨБЕ ҚАЛАШЫҒЫНДА ЖҮРГІЗІЛГЕН ЗЕРТТЕУ ЖҰМЫСТАРЫНЫҢ НӘТИЖЕЛЕРІ

Аннотация. Зерттеу нысаны ортағасырлық Ақтөбе қаласы болып табылады.

Мақалада ортағасырлық Ақтөбе қаласында 2013 жылы жүргізілген археологиялық қазба жұмыстардың нәтижесі қарастырылады. 2009 жылы ашылған XI–XII ғасырларға жататын мұнара іргетасының маңында қандай құрылыстар бар екендігін анықтау барысында жүргізілген зерттеулердің барысында ашылған көше орны жан-жақты сипатталады. Сонымен қатар мұнараның қандай қызмет атқарғандығы туралы ғылыми болжамдар жасалынып, табылған материалдар суреттеледі.

Қазба жұмысы цитадельден 50 м батыста, шахристаннан ашылған мұнара іргетасының солтүстік-шығыс және оңтүстік-шығыс бөліктерінде жүргізілді.

Тірек сөздер: Ақтөбе, мұнара, қазба, көше, бөлме, керамика.

Ключевые слова: Актобе, минарет, раскоп, улица, помещение, керамика.

Keywords: Aktobe, minaret, excavation, street, premises, ceramics.

Ортағасырлық Ақтөбе қаласы Жамбыл облысы Шу ауданына қарасты Ақсу ауылының оңтүстігінде, Шу өзенінің орта ағысында, тау алды тегістікте орналасқан. Географиялық координаттары: С. 43°13'43.86; Ш. 74°03'00.96. Ортағасырлық Ақтөбе қаласындағы 2013 жылғы далалық зерттеулер қаланың орталық бөлігінен (цитадельден) 50 м батыста, шахристанда жүргізілді. Осы жерде, 2009 жылы үстінде жүйесіз шашылып жатқан қыш кірпіш орнында қазба жүргізіліп, нәтижесінде екі бөліктен: іргетасынан (стилобат) және жоғарғы бөліктен (цоколь) тұратын, XI–XII ғғ. жататын мұнара құрылысының қалдықтары ашылған болатын [1]. Қыш кірпіштен қаланған құрылыстың сақталған биіктігі 3,6 м құрайды. Төртбұрышты мұнара іргетасының көлемі – 8,65х8,5 м, биіктігі – 2,6 м. Бұрыштары әлемнің төрт тарабына бағытталған. Тік төртбұрышты, барлық қабырғалары бірдей құрылыстың сақталған іргетасына қарағанда XI–XII ғғ. жататын Бурана мен Үзген мұнараларына ұқсас екендігі анықталды [2, с. 131-134]. Негізінен мұнараның төртбұрышты іргесі мен сегіз қырлы бөлігінің жобасы Бурана [3, с. 49-50], XI ғ. жататын Термез [4, с. 30-31] мұнараларына өте ұқсас. Бурана мұнарасы сөз етіп отырған мұнарадан біршама үлкен болғанымен, екеуі де қазаншұңқырға тұрғызылған және іргетасы мен сегіз қырлы бөлігі бірдей.

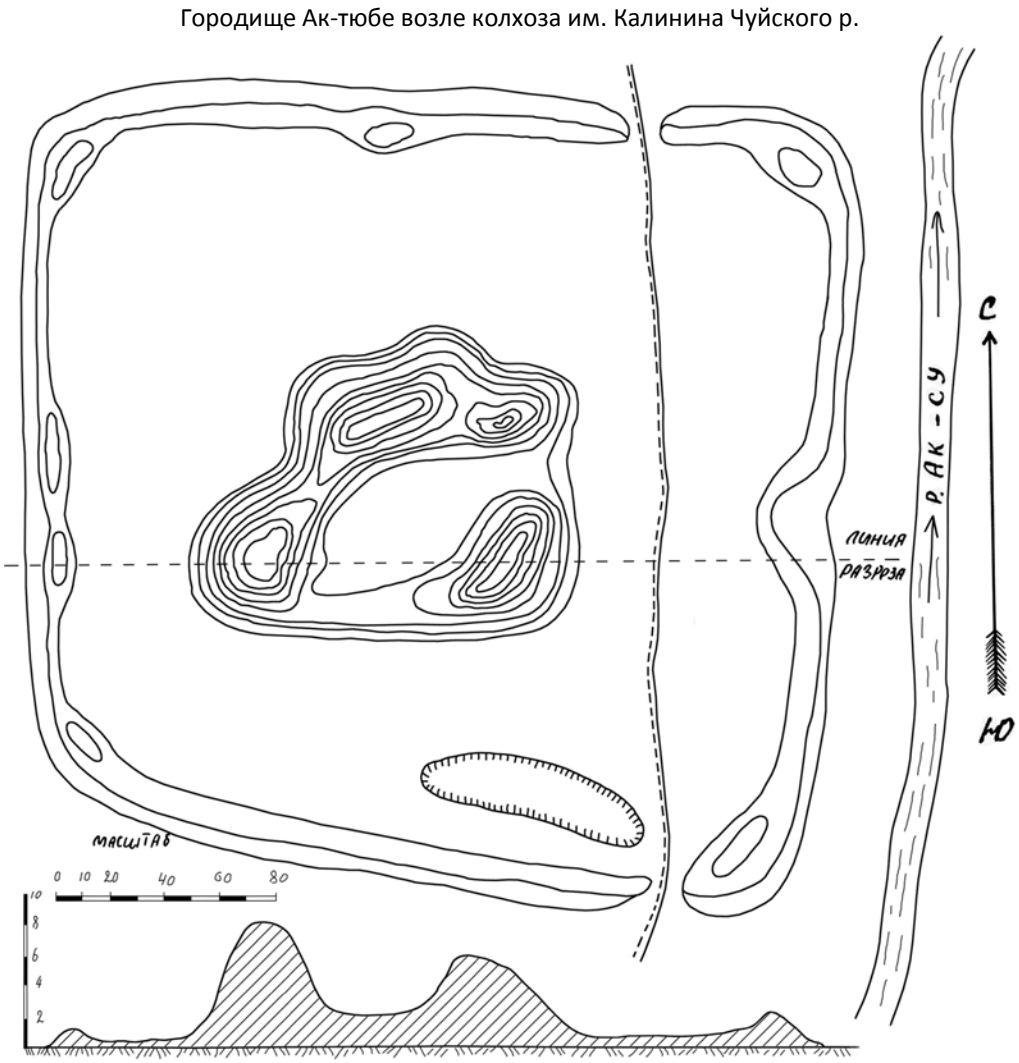
Мұнара негізінің сақталған биіктігі 3,6 м. Оның алғашқы биіктігі қандай болғаны белгісіз. Б. Н. Засыпкиннің ойынша, Бурана мұнарасының алғашқы биіктігі 40 м кем болмаған [3, с. 42]. Д. Ф. Винниктің есептеуі бойынша сақталған діңінің (ствол) биіктігі – 22 м [5, с. 60]. Олай болса Бурана мұнарасының тастан қаланған іргетасынан 3,65 м кіші Ақтөбе мұнарасы да биік болғанға ұқсайды.

Жүргізілген зерттеулер барысында мұнараның қандай мақсатта салынғанын (мешіт не бақылау (қарауыл) мұнарасы екенін) айту қиындық туғызған болатын. Алайда үш түрлі: мешіт, бақылау, бекініс мұнарасы деген болжам жасалынған еді [6].

1. Мұнара айналасында қыш кірпіштен тұрғызылған құрылыс жоқ болғанымен мұнара іргетасының (негізінің) солтүстік-шығыс жағынан қам кірпіштен қаланған қарама-қарсы қабырға өткендігін бақылау қазбасы көрсетті. Бұл мешіттің қабырғасы да болуы мүмкін. Себебі түбі сегіз қырлы Жарқорған мұнарасының (XII ғ.) батысындағы мешіттің сақталған кішкене бөлігі пахсадан тұрғызылған [7, с. 159].

2. Қаланың ұзын қорғанды қабырғасының сыртындағы биік жерлерде қам кірпіштен тұрғызылған бірнеше қарауыл (бақылау) мұнараларының орындары бар. Олар: Бозжорға, Жетіжар, Қамысбек, Қырықүй, Ортатөбе қарауыл мұнаралары мен төбелері. Осылардан алған белгілерді орталықтан бақылап тұратын мұнара болуы да мүмкін.

3. Г. И. Пацевичтің 1946 ж. қаланың орталық бөлігін түсірген топографиялық жобасында цитадельдің батысында айнала қоршап жатқан жалда сайдың орны көрсетілген (1-сурет) [8]. Бұл жерді 1967–1968 жж. Ақсу өзеніне су қоймасын салу кезінде тоған жасау мақсатымен техниканың күшімен сүргендіктен, бүгінде сайдың орны байқалмайды. Сонымен қоса 1974–1977, 1979 жж.

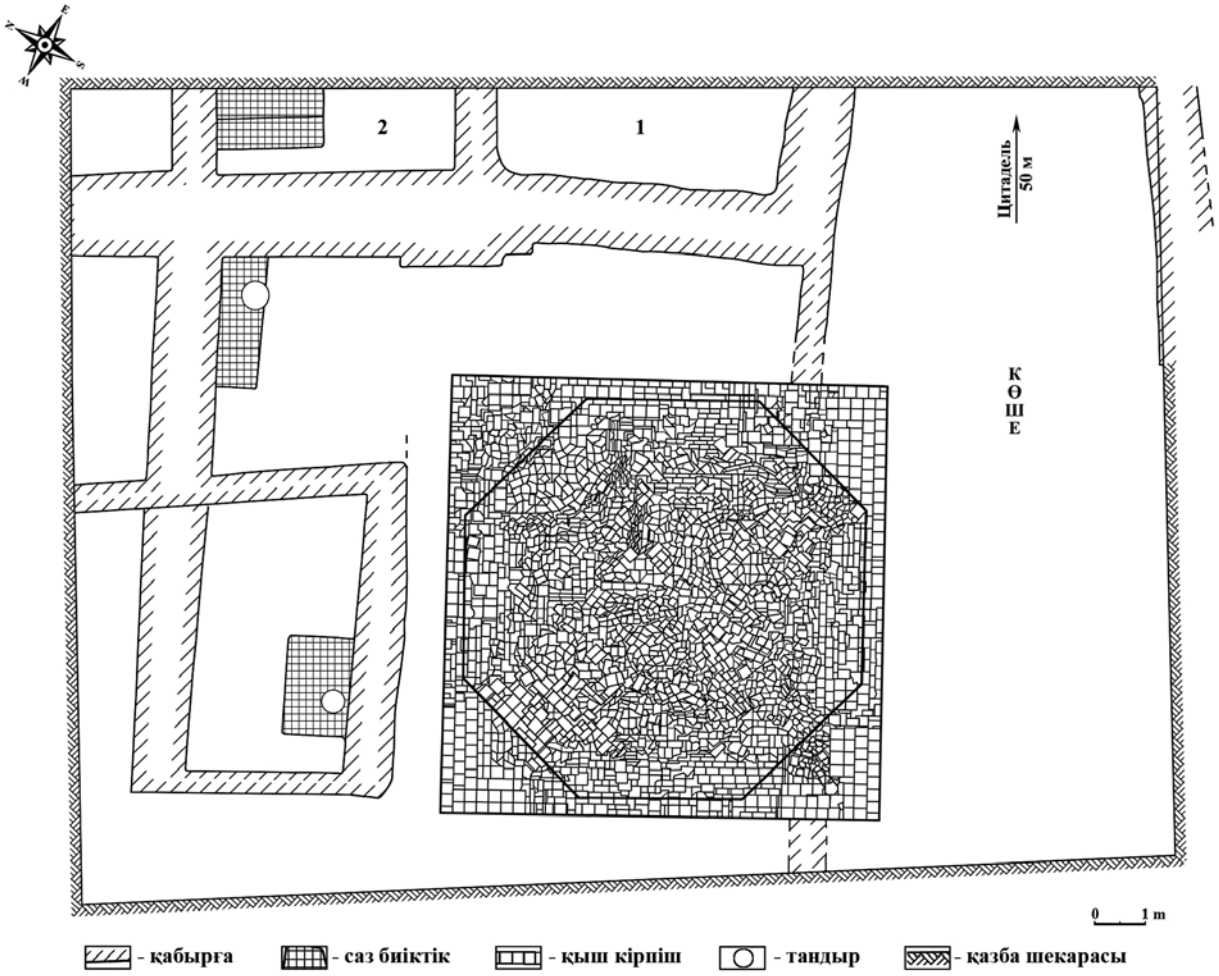
1-сурет – Ақтөбе қаласының орталық бөлігінің жоспары (Г. И. Пацевич бойынша)

жүргізілген зертеулерден осы жағынан су құбыры және көше ашылған болатын [9, 24-38 б.]. Қақпа жолы бойына тұрғызылған мұнара деп есептейтін болсақ онда қаланың орталығын қорғауға арналған бекініс (қарауыл) мұнарасының негізі болуы ықтимал.

Сондықтан 2013 жылы мұнара қандай қызмет атқарғандығын анықтау үшін далалық қазба жұмыстары мұнара іргетасының солтүстік-шығыс және оңтүстік-шығыс бөліктеріне жүргізілді.

Мұнараның оңтүстік-шығыс бөлігіне салынған көлемі 15х5 м, ал солтүстік-шығыс бөлігіне – 14х4,2 м қазба жұмыстары 0,5-1,2 м тереңдетілді. Нәтижесінде бөлме қалдықтары мұнараның солтүстік-шығыс бөлігінен анықталса, оңтүстік-шығыс бөлігінен екі шеті пахсадан және қам кірпіштен тұрғызылған қабырғалармен қоршалған шаруашылық аймағынан шахристанға кірер көшенің едені ашылды (2, 3-суреттер). Қалыңдығы 1 м асатын мұнараның құланды кірпіштерін тазалау барысында ашылған жолдың тапталған қабатының қалыңдығы 0,3-0,4 м жетеді. Солтүстік-шығыстан оңтүстік-батысқа қарай, яғни цитадельге бағытталған көше мұнараның оңтүстік-шығыс қабырғасын бойлай орналасқан, оның ашылған бөлігінің жалпы ұзындығы – 15 м, ені – 5,5-6,5 м. Көшенің солтүстік-шығыс бөлігін екі жағынан пахса мен қам кірпіштен тұрғызылған қабырғалар қоршап жатыр. Көшенің оңтүстік-шығыс жағындағы қабырғаның қалыңдығы – 1,1 м, сақталған биіктігі – 0,35 м.

Солтүстік-шығыс бөлігіндегі қазба барысында жоғарыда атап өткендей, бір қабырға бойында орналасқан екі бөлмеден тұратын үлкен құрылыс қалдығының бір бөлігі (оңтүстік-батыс шеті) анықталды. Олардың оңтүстік-батыс қабырғасы мұнараның солтүстік-шығыс қабырғасына қарама-қарсы орналасқан. Мұнара мен бөлме қабырғаларының арасы – 2,1-2,3 м. Сыртқы қабырғаларының

2-сурет – Ортағасырлық Ақтөбе қаласы. 2013 жылғы қазба жоспары

3-сурет – Қазба. Оңтүстіктен көрінісі

қалыңдығы – 1,3-1,6 м, сақталған биіктігі бөлме сыртынан есептегенде – 1 м, бөлме ішінде – 0,2-0,5 м, яғни бөлмелердің едені сыртына қарағанда биік жатыр.Өлшемі 41х20х9-10 см қам кірпіштердің арасына қалыңдығы 1-2 см лай пайдаланылған. Бөлмелер ашылуына қарай берілді.

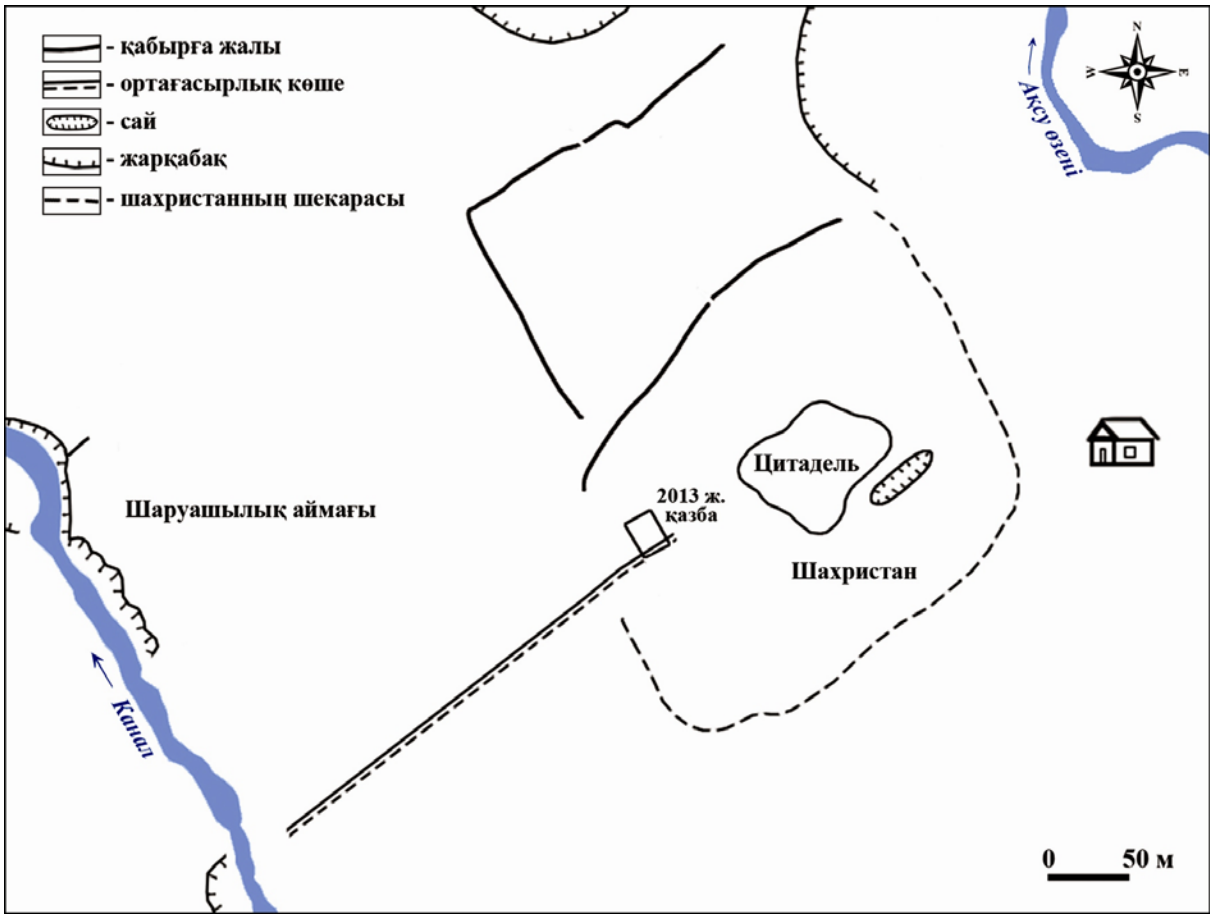
1-бөлме мұнараның солтүстік-шығысында орналасқан. Ашылған бөлігінің көлемі, ішінен есептегенде ені – 5,4 м, ал ашылған ұзындығы – 1,6-2 м. Оңтүстік-шығыс қабырғасы сыртынан көше өткен. Едені қабырға түбінен ортасына қарай дөңгеленіп, саз балшықпен сыланған. Өте қатты тапталған еденінде бөлменің шығыс бұрышына таман өлшемі 30х25 см жалпақ таудың тасы қойылған. Бұл бағана астына қойылған тұғыр тас болуы мүмкін.

2-бөлме 1-бөлменің солтүстік-батысында орналасқан. Екеуінің арасын қалыңдығы 0,8 м қабырға бөліп жатыр. Бөлменің ені – 4,6 м, ашылған ұзындығы – 1,6 м. Бөлменің солтүстік-батыс қабырғасын жапсарлай ені – 2 м, биіктігі 0,1-0,15 м биіктік байқалады. Ал оңтүстік-шығыс қабырғасында ені 1 м, биіктігі 0,4 м сыпаның (суфа) ізі сақталған.

Құрылыс қабырғалары бірнеше рет жөндеу жұмыстарынан өткендігін қабырғаларынан байқауға болады.

Ашылған бөлмелер тікелей мұнара құрылысымен байланысты екендігі ешқандайда күмән туғызбайды. Себебі 1-бөлменің оңтүстік бұрышынан шыққан ені 0,55 м қабырға мұнараның шығыс бұрышына таман (бұрышынан солтүстік-батысқа қарай 1,3 м) барып жалғасады. Осы қабырға 0,85 м қалыңдықта мұнараның осы солтүстік-шығыс қабырғасына қарама-қарсы оңтүстік-батыс қабырғасынан (оңтүстік бұрышынан солтүстік-батысқа қарай 1,05 м) ары қарай жалғасын тапқан. Яғни мұнара цоколінің көше жақ бетіндегі қабырғасының екі жақ беті де қабырғамен жалғасқан.

Жоғарыда аталған үш түрлі болжамның барлығы да қазба жұмыстарында ашылған құрылыстарға қатысты болғанымен, әзірге үшінші болжам толығымен ашылып келеді. Өйткені Г. И. Пацевичтің жоспарында көрсетілген цитадельдің айналасындағы қабырға жалдарының бүгінде қазба жүргізілген нысанның солтүстік және солтүстік-батысындағы бөлігі ғана сақталған (4-сурет).

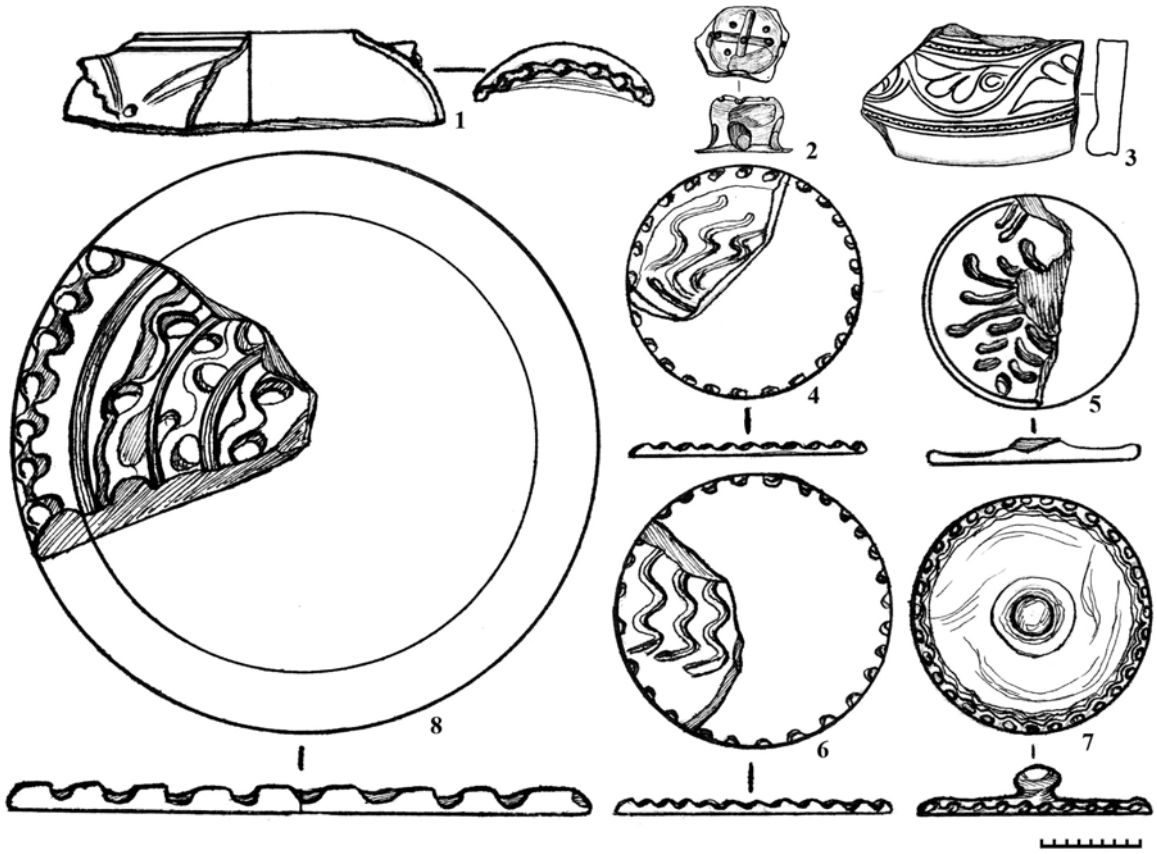
4-сурет – Ортағасырлық Ақтөбе қаласы. Орталық бөлігінің жоспары

Сақталған бөлігіне қарағанда қабырға жалы ашылған мұнара іргетасының маңынан өткен болуы керек. Бірақ оны анықтау мүмкін емес. Себебі кеңестік дәуірде ол жер су тоғанын салу мақсатында техниканың күшімен сырылып, топырағы алынған. Дегенмен мұнара іргетасының оңтүстік-шығысынан өткен көше шаруашылық аймағынан цитадельге тура бағытталғандығын 1970 жылдардың екінші жартысында жүргізілген зерттеулер көрсетіп берген. Көше бойынан жағалай ашылған құбыр жүйесі де тікелей цитадельге бағытталғандығын қазба жұмыстары және бүгінде қашыртқы каналдың сол жақ жарқабағынан шығып тұрған құбырдың қалдықтары дәлелдейді.

Қазба жұмыстары кезінде табылған заттардың пайыздық үлесі бойынша көбін қыштан жасалған бұйымдар (керамика) құрайды. Қыш бұйымдарды құрайтын негізінен ыдыс-аяқтарды қолданылу аясына қарай ас үйлік, асханалық, тұрмыстық және шаруашылық деп бөлуге болады.

Ас үйлік ыдыстардың ішінде қазан, қақпақ, көзе сынықтары бар.

Қазанның негізінен ернеу және тұтқа сынықтары (5-сурет, *1*). Құрамына құм, майда қиыршық тас аралас саз балшықтан қолмен жапсырылып (көбі) және шарықта (1 данасы) жасалынып күйдірілген. Біразы бірқалыпты күйдірілсе, бір бөлігінің күйдірілуі бірқалыпты емес. Ернеулерінің жасалуына қарай үш топқа бөлуге болады. Бірінші топтың қазандарының қабырғасы ішке қарай тіктеу иықтанып келіп доғалданып ернеуленген. Мұндай қазандардың тұтқалары негізінен бітеу ай құлақтанып келген. Тұтқасының тұла бойын саусақпен сылап бастырып бекіткен. Саусақтың іздері біршама анық байқалады. Олардың ернеуінің диаметрі – 28 см. Екінші топтың қазан қабырғасы бүйірінен жазық иықтанып барып, сәл жоғары көтеріліп доғалданып ернеуленген. Енеулерінің диаметрі – 18-21 см. Мұндай қазандардың тұтқасы сәл ғана доға тәрізденіп бітеу жапсырылып бекітіледі. Тұтқасының бойы саусақ ұшымен қиғаш бастырылып, бедерленіп өрнектелген. Осындай бір қазан тұтқасы тұсынан сондай доғаланып екі қатар сызық сызылған. Бірақ дәл осындай тұтқасы бар бір қазан ернеуі қайтарылмастан тік барып аяқталса, келесі бір қазанның осы сияқты, бірақ қысқа тұтқасының үсті саусақ ұшымен басылмаған. Келесі бір топты шарықта жасалынған бір қазанның ернеу сынығы құрайды. Көлбеу шыққан қабырғасы сәл тік қырланып, аяқталып ернеуленген. Іш жағынан ернеуіне қарай сыртқа қиғаш шыққан. Әдетте мұндай қазандар

5-сурет – Қыш қазан мен қақпақтар

қақпаққа ыңғайлы етіп жасалынған. Ернеуінің диаметрі – 17 см. Тұтқасы жоқ. Келесі бір қазанның тұтқасы бітеу қалың доғаланып, жапсырылып бекітілген. Тұла бойы саусақпен сыланып, ал ұшы саусақ ұшымен бастырылып бекітілген. Жалпы қазан қабырғаларының қалыңдығы – 0,7-1 см. Бұл қазанның жоғарғы бөлігіне тән қалыңдық. Негізінде түп жақтары бұған қарағанда қалың болады. Саусақ іздері жақсы байқалады. Қазандардың барлығының сыртын күйе жапқан.

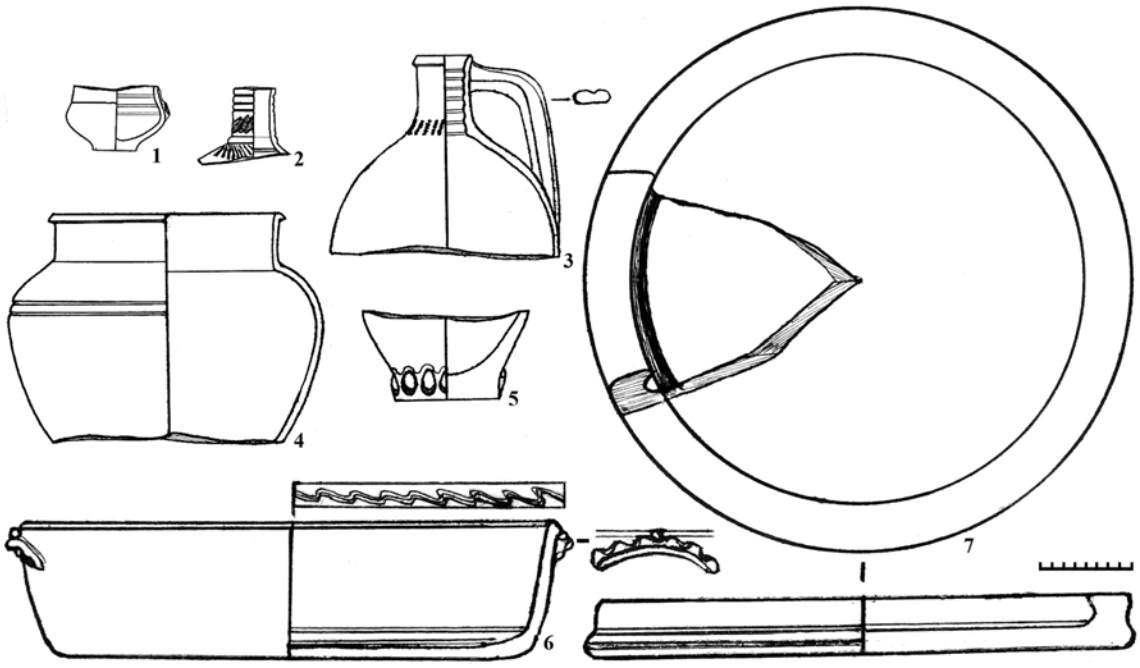
Жалпы жиналған қақпақтар жиынтығының көлеміне және қолданылуына қарай оларды қазанға, тандыр ошаққа және құмға (үлкен ыдыстарға) арналған деп бөлуге болады.

Қазанға арналған қақпақтар құрамына құм араластырылып саз балшықтан қолмен жапсырылып жасалынған (5-сурет). Бірқатары бірқалыпты күйдірілген болса, келесі бір тобының күйдірілуі бірқалыпты емес. Ортасындағы тұтқаларының біразы жуан, кейбірі жіңішке саңырауқұлақтанып жасалынған. Негізінен өрнектерінің барлығы саусақ ұшымен басу және сызу арқылы жасалынған. Бір топ қақпақтардың жиегіне өрнек жүргізілмегенімен, бетіне түзу, толқынды, нүктелі өрнектер саусақ ұшымен жүргізілген. Келесі топтың қақпақтарының жиегі саусақ ұшымен қиғаш бір бағытта және тік басылып, беті толқынды, түзу және қисық сызықтары саусақ ұшымен басылып сызылып өрнектелген. Тіпті өрнегі жоқ қақпақтар да бар. Саусақ іздері әртүрлі деңгейде батырылған. Қазанға арналған қақпақтардың диаметрі – 16-25 см, қабырғаларының қалыңдығы – 0,7-1,8 см. Кейбір қақпақтар ас үйлік көзелер мен көзелектерге де арналуы мүмкін. Бірақ оларды ажырату мүмкін емес. Дегенмен барлығының асты отқа күйген. Негізінен жиек жағын күйе жапқан.

Көзенің екі ернеу сынығы табылды. Оның бірі құмша тәрізді жасалынған. Құрамдарына құм араластырылған саз балшықтан бірі қолмен, екіншісі шарықта жасалынып, бірқалыпты күйдірілген. Бірінің бүйірінен шыққан қабырғасы сәл ғана көлбеу иықтанып мойнына жалғасып, тік шығып сыртқа болмашы иіліп барып ернеуленген. Ернеуінің диаметрі – 16 см, қабырғасының қалыңдығы – 1 см. Иығында, мойнында бір қатар, ернеу астында төрт қатар қатты затпен айнала сызылған сызықтары бар. Әдетте мұндай көзелердің бір-біріне қарама қарсы орналасқан иығы мен мойнына жапсырылып бекітілген кішкентай ілмек тәрізді жалпақ тұтқалары болады. Екінші ернеу сынығының қабырғасы қысқа мойынданып, сыртқа бірте-бірте шығып тік аяқталып ернеуі жиектелген. Үсті тегіс келген ернеуінің диаметрі – 22 см, қабырғасының қалыңдығы – 1,3 см.

Асханалық ыдыстарға құмыра, құман, көзе, көзелек (горшочек), саптыаяқ сынықтарын жатқызуға болады.

Құмыралардың негізінен ернеу және тұтқа сынықтары (6-сурет, *2, 3*). Құрамына құм (кейбіріне сонымен қатар майда қиыршық тас) араластырылған саз балшықтан, басым бөлігі шарықта, тек біреуі ғана қолмен жапсырылып бірқалыпты күйдірілген. Құмыралардың біразы әсем, яғни нәзік

6-сурет – Қыш ыдыстар

жасалғандығы байқалады. Негізінен мойын және ернеу бөліктеріне қарап тар және кең ауызды деп бөлуге болады. Ауыздары тар құмыралар өте нәзік жасалынған. Шар тәрізді бүйірі кең иықтанып, ұзын мойнына жалғасқан қабырғасы сыртқа сәл кеңіп шығып, сақиналанып ернеуленген. Ернеулерінің диаметрі – 5,5 см, мойнының ұзындықтары – 10 см, диаметрі – 3,4-4 см, мойын қабырғаларының қалыңдықтары – 0,4-0,6 см. Бірінің мойын бөлігі бөлек жасалып, бүйіріне жапсырылғандығы байқалады. Тұтқаларының жоғарғы жағы ернеу астына, ал төменгі жағы бүйір үстіне жапсырылып бекітілген. Тұтқалары қимасында сопақ және жалпақ. Бірінің иығында тарақ тәрізді затпен бастырылып сәл сызылған, ал мойны мен ернеу астында айнала сызылған бірнеше қатар сызықтардың арасы тарақ секілді затпен тігінен батырып отырып сызылған толқынды сызықтары бар. Бір құмыра қабырғасының сынығында екі қатар сызық қатты үшкір затпен айнала жүргізіліп, олардың арасына доңғалақ тәрізді (диаметрі -– 1,1 см) баспа (мөртабан) өрнек түсірілген. Бір қарағанда үлкен құмыралардың пішіндері бір-біріне ұқсағанымен, жасалу үлгісінде, тұтқаларында айырмашылықтар бар. Дегенмен мұндай құмыралардың мойындары қысқа келеді. Иығынан шыққан қабырғалары тік мойынданып келіп ернеуленген. Мойындарының биіктігі – 3-6,5 см, ернеулерінің диаметрі – 9-16 см, қабырғаларының қалыңдығы – 0,5-1,1 см. Тұтқаларының жоарғы жағы ернеу асты мойнына, төменгі жағы бүйір үсті иығына жапсырылып бекітілген.

Құмандардың негізінен шүмек және тұтқа сынығы. Бірінің жоғарғы бөлігі сақталған. Құрамдарына майда құм араластырылған саз балшықтан шарықта жасалынып бірқалыпты күйдірілген. Шар тәрізді бүйірінен (бүйір үстінен) шүмектеніп қиғаш шыққан бір құманның қабырғасы сыртқа сәл кеңіп барып, сақиналанып ернеуленген. Шүмегінің ұзындығы – 7,5 см, мойнының жіңішке тұсының диаметрі – 4 см, ернеуінің диаметрі – 5,3 см. «Г» тәрізді тұтқасының жоғарғы ернеу астына, ал төменгі жағы ыдыстың қақ ортасына жапсырылып бекітілген. Қимасында тұтқасы сәл сопақтау, бірақ тұтқа сыртында жоғарыдан төмен ортасынан саусақ ұшымен бастырылып сайланған. Ортасында керісінше белдеуі бар тағы бір тұтқаның үстіне диаметрі 1,6 см, биіктігі 0,4 см түйін жапсырылған. Мұндай түйіндер көбінде құмыралардың тұтқаларында кездеседі.

Көзелердің ернеу сынықтары (6-сурет, *4*). Құрамдарына құм және кейбіріне ірі құм араластырылған саз балшықтан шарықта жасалынып, біралыпты күйдірілген. Бұлардың ас үйлік көзелерден айырмашылығы осы құрамында. Бірінің еркін томпайып шыққан бүйірінен қабырғасы көлбеу иықтанып мойнына жалғасып, ол сыртқа қайтарылып барып, қимасында доғал үшбұрыштанып жиектеніп ернеуленген. Ернеуінің диаметрі – 21 см, қабырғасының қалыңдығы – 1-1,2 см. Бүйір үстінде айнала екі қатар сызығы бар. Қалған төрт көзенің ернеу сынықтарына қарап екіге бөлуге болады. Оның екеуінің ернеуі сыртқа қайтарылып барып жиектеніп ернеуленсе, екеуінің мойын қабырғасы тік шығып аяқталып ернеуленгенімен, ернеу астында бірнеше (бірінде екі, екіншісінде үш қатар) айнала сызықтары бар.

Көзелектердің тұтқа сынықтары. Құрамына құм араластырылған саз балшықтан қолмен жапсырылып (1 дана) және шарықта (3 дана) жасалынып бірқалыпты күйдірілген. Кішкентай келген, бірақ жалпақ дөңгелек тұтқалары ыдыстың иығына жапсырылып бекітілген. Екеуінің тұтқа сыртында, екі шетінен саусақпен жоғарыдан төмен сызылып, ортасына белдеу жасалынған. Тұтқалардың жалпақтығы – 2,1-2,7 см, қалыңдығы – 0,9-1 см.

Саптыаяқтың ернеу, түп және тұтқа сынықтары (6-сурет, *1*). Құрамдарына құм араластырылған саз балшықтан қолмен шарықта жасалынып, бірқалыпты сапалы күйдірілген. Ернеу және түп бөліктері бойынша пішіндерін ек түрлі топқа жатқызуға болды. Бірінің пішіні көзелек іспеттес болса, екіншісі кесеге ұқсайды. Көзелекке ұқсас саптыаяқтардың түбі өте кіші, диаметрі – 4-5 см, қабырғаларының қалыңдығы – 0,5-0,7 см. Тұтқасының төменгі жағы бүйіріне жапсырылып бекітілген). Кесеге ұқсас пішіндегі саптыаяқтардың түбі қалың тұғырланып шыққан. Түптерінің диаметрі – 5,3-7 см, қабырғаларының қалыңдығы – 0,5-1,1 см. Жоғарғы бөлігі сақталған бірінің түбінен қиғаш шыққан қабырғасы еркін жоғары қарай көтеріліп барып сыртқа сәл ғана иіліп ернеуленген. Ернеуінің диаметрі – 14,5 см. Қабырғасының қалыңдығы – 0,5-0,7 см. Тұтқа сынығына қарағанда ілмек тәрізді кішкентай тұтқасы ернеу астына жапсырылып бекітілген. Тұтқаның жалпақтығы – 2,2 см, қалыңдығы – 0,9 см.

Тұрмыстық және шаруашылық ыдыстарды сынапкөзе, шам, құм, құмша, тегеш, тегене, келі тәрізді ыдыс, дастарқан, тандырдың қақпақ сынықтары құрайды.

Сынапкөзенің (сфероконус) иық, бүйір, түп сынықтары шықты. Жақсы иленген саз балшықтан жасалып, жоғарғы температурада бірқалыпты күйдірілген. Түстері сұрғылт көк және қара көк.

Түптері сүйір келген. Бірінің бүйір қабырғасында бірнеше қатар шеңберлі сызығы, екінші бірінің иығынан бүйіріне қарай тарақ секілді түтікшемен басылған іздер, олардың арасы жоғарыдан төмен қиғаш екі қатарлы сызылған сызықтары, келесі бірінің иығында айнала екі қатар сызығы бар.

Шырақтың екі сынығы. Екеуі де қолдан жапсырылып жасалынған. Бірінің жалпақ түбінен жоғары қарай тік шыққан қабырғасы сәл ғана көтеріліп ернеуленген. Диаметрі – 1,05 см, ішінің тереңдігі – 0,4 см. Дәл ортасында басылған басбармақтың ізінің бір жағына қатты затпен батырылып сызылған бес қатар қысқа сызықтар бар. Екінші бірі тостаған секілді жасалынған. Түбінен еркін көтерілген қабырғасы дөңгеленіп аяқталып ернеуленген. Ернеуінің диаметрі – 7,5 см, қабырғасының қалыңдығы – 1 см.

Құмның тек екі ернеу сынығы ғана табылды. Әдетте құмдар бірнеше бөліктерден тұрады. Олар жеке жасалып бір-біріне қиюластырылады. Табылған осы ернеулер шарықта жасалынғанға ұқсайды. Қалың қабырғалары сәл ғана мойынданып, сыртқа біраз қайтарылып барып, бірі қырланып, екіншісі дөңгеленіп жиектеліп ернеуленген. Қырланып аяқталған бірінің ернеуінің диаметрі – 29 см, қабырғасының қалыңдығы – 1,6 см, екіншісінің диаметрі – 40 см, қабырғасының қалыңдығы – 2 см.

Құмшаның ернеу сынығы. Құрамына құм араластырылған саз балшықтан жасалынып, бірқалыпты күйдірілген. Пішіні кіші болғанымен ернеуі кең болған. Иық қабырғасы еркін дөңгеленіп мойынданып, сыртқа қайтарылып барып (қимасында үшбұрыш тәрізді) ернеуленген. Ернеуінің диаметрі – 30 см, қабырғасының қалыңдығы – 1,7 см.

Тегештің ернеу сынығы. Құрамына құма, ірі құм араластырылған саз балшықта қолмен жапсырылып жасалынып күйдірілген. Түбінен қабырғасы еркін дөңгеленіп қиғаш шығып қырланып аяқталып ернеуленген. Ернеуінің диаметрі шамамен – 25 см, жалпы биіктігі – 7,5 см, қабырғасының қалыңдығы – 1-1,4 см. Түп жағы бөлек жасалынғандығы байқалады. Ортасы саусақ ұшымен бастырылған сопақша келген кішкентай (түйенің қос өркешіне ұқсас) тұтқасы қабырғасына жапсырылып бекітілген.

Тегенелердің ернеу сынықтары (6-сурет, *б*). Құрамдарына құм, кейбіріне ірі құм араластырылған саз балшықтан қолмен жапсырылып жасалынып, күйдірілген. Оларды тұтқасы мен ернеуіне қарап екі топқа бөлуге болады. Бірінші топ тегенелерінің түптерінен қабырғалары қиғаш көтеріліп тік аяқталып ернеуленген. Негізінен (3 данасының) шомбал (2) және кіші (1) келген тұтқалары қабырғасына жапсырылып бекітілген. Олардың беті саусақ ұшымен және қатты затпен бастырылып белдеуленген. Ернеулерінің диаметрі – 36-42 см, қабырғаларының қалыңдығы – 1-1,4 см. Екінші топты бір тегененің сынығы құрайды. Оның қабырғасы түбінен қиғаш шығып сыртқа сәл қайтарылып барып, тік аяқталып ернеуленген. Ернеуінің диаметрі – 42 см, қабырғасының қалыңдығы – 1,2-2 см, жалпы биіктігі – 11,5 см. Түбіне қарай қалыңдаған. Түбі бөлек жасалынып біріктірілгендіктен, осы тұсынан сынған. Жарты ай секілді (мұндай тұтқа қазандарда кездеседі) тұтқасы ернеу жиегі астына жапсырылып бекітілген. Беті саусақ ұшымен бастырылып бедерленген және қақ ортасының үстіне түйін жапсырылған. Үсті тегіс ернеуінде тарақ секілді қатты затпен бірнеше (5) қатар толқынды сызықтар сызылған.

Келі тәрізді ыдыстың түп сынығы (6-сурет, *5*). Құрамына құм араластырылып жақсы иленген саз балшықтан ленталы жасалып, бірқалыпты күйдірілген. Қалың тұғырлы түбінен қабырғасы қиғаш шыққан. Тұғыры айнала саусақ ұшымен бастырылып өрнектелген. Түбінің диаметрі – 10,2 см, қабырғасының қалыңдығы – 1,2-1,5 см.

Дастарқанның тұғыр және ернеу сынықтары (6-сурет, *7*). Құрамдарына құм арластырылған саз балшықтан қолмен жапсырылып жасалынған. Күйдірілулері бірқалыпты емес. Барлығының беті тегіс. Бір дастарқанның жиегі астына қарай сәл қырланып қайтарылып барып (қимасында төртбұрышты), ішкі жағына саусақ ілінетіндей сайланып аяқталған. Мұның жиегінің диаметрі 60 см шамасында, қабырғасының қалыңдығы – 2,2 см. Астында ешқандай өрнек жоқ. Екінші біреуінің жиегі астына қарай сәл қырланып қайтарылып дөңгеленіп аяқталған. Оның диаметрі – 65 см шамасында, қабырғасының қалыңдығы – 2-2,7 см. Астында жиегін айнала және ортасындағы тұғырды айнала қатты затпен бірнеше қатар (ортасындағысы толқынды) сызықтар сызылып, осы екі аралыққа қатты үшкір затпен өсімдіктік өрнек түсірілген). Тағы бір сынық қабырғасында бірнеше қатар (тарақ тәрізді затпен түсірілген) толқынды сызықтары бар. Тұғыр сынықтарының екеуінің түп жағы сыртқа қайтарылып барып дөңгеленіп аяқталса, біреуі тік аяқталған. Соңғысының сыртында жоғарыдан төмен саусақ ұшымен қиғаш сызылған сызықтары бар. Тұғырларының диаметрі 30 см шамасында.

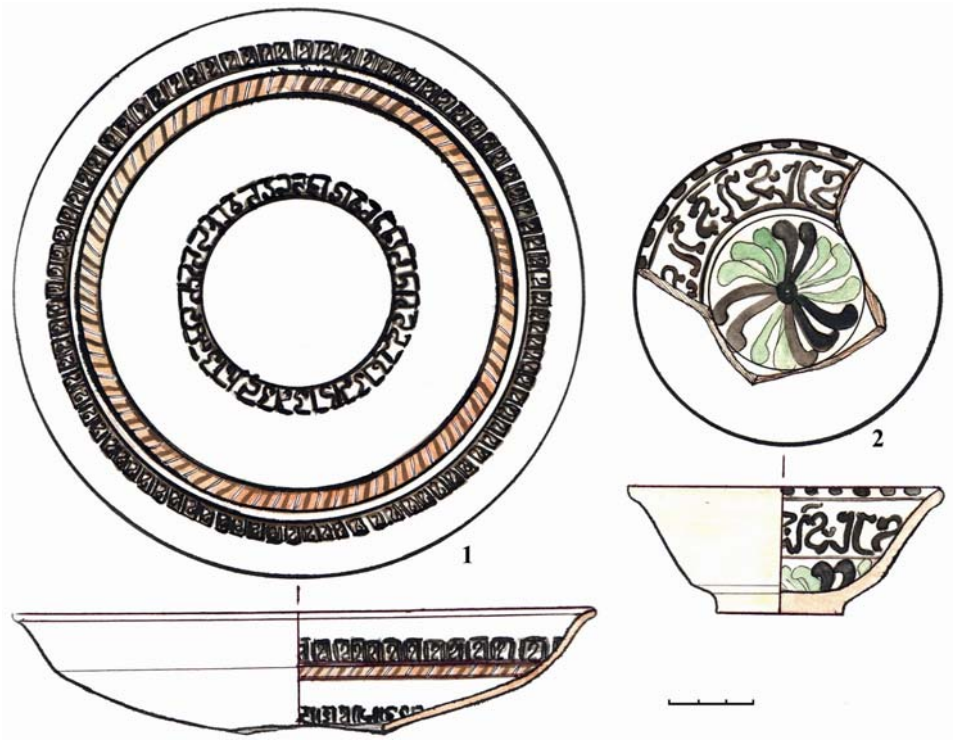
Тандырдың қақпақтары шаруашылық заттарының ішіндегі ең көбін құрайды. Құрамдарына құм, кейбіріне ірі құм араластырылған саз балшықтан қолмен жасалынып күйдірілген. Күйдірілу деңгейлері әртүрлі. Қақпақтардың барлығы бірдей болғанымен өрнектері алуан түрлі. Бірқатарының ешқандайда өрнегі болмаса, келесі біреулерінің тек жиегі саусақ ұшымен (әртүрлі жиілілікте) бастырылған, тағы біреулерінің жиегі және беті саусақ ұшымен бастырылып, кейде беті саусақ ұшымен сызылып өрнектелген, тағы біреулерінің шеті саусақ ұшымен бастырылып, үсті тарақ секілді затпен бірнеше қатар толқындатылып сызылған, келесі біреулерінің тек бетіне ғана қатты затпен геометриялық сызықтар түсірілген. Қақпақтардың диаметрлері – 38-44 см, қабырғаларының қалыңдығы – 1,5-2,6 см. Сондай ақ тұтқаларының пішіні де әртүрлі. Дегенмен жуан келген тұтқалары саңырауқұлақ және шар тәрізді келген. Тұтқалардың барлығы саусақ ұшымен жапсырылып бекітілген. Осы тұстарында қатты батырылған саусақ ұштарының ізі сақталған. Саңырауқұлақ сияқты тұтқаның жиегі саусақ ұшымен бастырылып бедерленген. Тағы бірінің үстіне крест сызылып, оның төрт ұшы мен қақ ортасы және сызықтарға перпендикуляр бос аралықтары түтікшемен бастырылған.

Ұршық тастың жартысы. Саз балшықтан томпақ етіліп жасалып күйдірілген. Оның диаметрі – 3,9 см, ортасындағы тесігінің диаметрі – 0,7-0,9 см, қалыңдығы – 2,5 см.

Сырлы ыдыстардың ішінде тостаған, табақ және шырақтың сынықтары бар.

Тостағандар жақсы иленген саз балшықтан шарықта жасалынып, бетітер сырланып бірқалыпты күйдірілген. Қабырғасы сыртқа сәл шалқайып барып дөңгеленіп аяқталған, ернеуінің диаметрлері – 11 см, қабырғаларының қалыңдықтары – 0,5-0,6 см, сәл ғана тұғырланған түптерінің диаметрі – 4,8-5,1 см. Бірінің іші-сыртына ангоб жағылып, оның үстіне ашық жасыл түсті сырмен ішіне және сыртының жартысына дейін көмкерілген, келесі бірінің ангоб үстіне сүт түстес сыр жағылған. Бір тостағанның ангоб үстіне ақ түсті сыр көмкеріліп, түбінің ортасына қара және бұлынғыр жасыл түсте (үш жасылдың арасына екі не үш қара түсте) гүлдесте (пәлек секілді) өрнегі, ал ернеуіне нүктелер қара түсте, одан төмен екі қатар қара түсте жолақтың арасына қара түсті сырды айнала каллиграфия жүргізілген (7-сурет, *2*).

Табақтардың ернеу, қабырға және түп сынықтары. Жақсы иленген саз балшықтан шарықта жасалынып, іші-сырттары ангобпен көмкеріліп, оның үстіне сыр жағылып, бірқалыпты күйдірілген. Түптерінің асты ортасына қарай сәл сайланып келген. Толығымен ангобпен көмкерілген

7-сурет – Сырлы табақ пен тостаған

кейбіреулерінің іші ашық жасыл және бұлынғыр сарғыш жасыл фонға қоңыр және қара түсті бояуда гүлдесте (пәлек тәрізді) салынған және біреуінің ортасына қара түс, оны айнала ақ, оның сыртынан қызғыш қоңыр түсте қалың шеңбер, оның сырты ашық қоңыр түсте айналдырылып, кейінгі екеуінің үстінен сәуле секілді қара сызықтар шашырап, аралары қара түсті нүктелермен толтырылған. Түптеренің диаметрлері – 8,5-9 см. Бірінің ернеу сыныңында ернеуінің үстіне қара түсте белгілі бір арақашықтықта жолақтар және тамызған нүктелер жүргізілген. Тағы бір табақтың іші-сырты ақ түсті ангобқа көмкеріліп, ашық жасыл көк түсте боялып, оның қабырғасының орта тұсынан (ішкі жағы) және ернеуінен төмен айнала араб әріптеріне ұқсас біркелкі төртбұрышты өрнектер қара түсте салынған. Ернеуінен төмен өрнектің астын айнала екі қатар сызық қоңыр түсте, арасы ашық қызғылт қоңыр түсте жолақ өтіп, оның бетіне астыңғы және үстіңгі сызықтарды қиғаш жалғаған қара түсті сызықтар жүргізіліп, олардың арасы қатты затпен қиғаш кертілуде астынға ашық жасыл көк түс көрініп қалған (7-сурет, *1*). Табақтың біреуінің ернеуінің диаметрі – 24 см, екінші үлкен табақ ернеуінің диаметрі 40 см шамасында, қабырғаларының қалыңдығы – 0,5-0,6 см.

Шырақтың тұмсық және тұтқа сыныңы. Науаланып шыққан тұмсығы ақ түсті ангобпен көмкеріліп, бетіне ашық сарғыш жасыл түсті бояу жағылған. Тұмсығының ұшы күйген. Ал тұтқа бөлігінің сыныңы қара түсте сырланған.

*Әшекей бұйымдардан м*оншақтардың екі данасы табылды.

Бірінші моншақ қою көк түсті шыныдан жасалынғанымен, бірнеше бөлікке сынып кеткен.

Екінші моншақ ақ түсті, кей жерлері қара тастан жасалынған. Орта тұсы бір жағына қарай қалыңдау келген моншақтың ұзындығы – 3,7 см, қалыңдығы – 1,2 см, жуан жерінің жалпақтығы – 1,7 см. Ұзынынан бойлай диаметрі 0,2 см тесік өткен. Моншақ тастың жасалынуына және қара түсті бөлігі қалыңдалған жағында болуына, ол жағы үшбұрыштанып келуіне қарап, мұны моншақ тізбегінің ортасында тұрған деп болжауға болады.

Металдан жасалған бұйымнан жебе ұшы мен тиын табылды.

Жебенің ұшы темірден жасалынған. Шегелі жебе ұшының ұзындығы – 4,7 см, төрт қырлы келген өзегінің өлшемі – 0,5х0,6 см. Сап жағында ағаштың қалдықтарын тот басқан жерінен көруге болады. Ағаш қалдықтары жоқ, үшкір жағының ұзындығы – 1,5 см.

Тиын. Қоладан жасалған тиынның диаметрі – 2,3 см, қалыңдығы – 0,3 см. Қатты тотыққан. Бетіндегі жазулары көрінбейді. Соған қарағанда дайындама болса керек.

Қорыта айтқанда, мұнараның оңтүстік-шығысындағы көше мен солтүстік-шығысындағы бөлмелердің орындары XI–XII ғғ. жататындығын табылған материалдар кешені дәлелдеп берді. Олардың қандай қызмет атқарғандығын алдағы жылдардағы зерттеулер анықтайтын болады. Дегенмен зерттеу жүргізілген жерде ерекше қоғамдық құрылыс кешені болғандығы анық.

ӘДЕБИЕТ

1 Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы аясында «Ортағасырлық Ақтөбе қаласы» тақырыбы бойынша ғылыми-зерттеу жұмысының есебі // ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының архиві. – Алматы, 2009.

2 Хмельницкий С. Между саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Ч. I. – Берлин-Рига, 1996. – С. 131-134.

3 Массон М.Е., Горячева В.Д. Бурана. – Фрунзе, 1985. – С. 49-50. – Рис. 7.

4 Засыпкин Б. Памятники монументального искусства Советского Востока // Художественная культура Советского Востока. – М.-Л., 1931. – С. 30-31.

5 Винник Д.Ф. Башня Бурана // Памятники Киргизстана. – Вып. 2. – Фрунзе, 1975. –С. 60.

6 Yeraly Akymbek, Beibit Baibugunov. Minaret of medieval city Aktobe // World Academy of Science, Engineering and Technology. – Issue 78 June 2013 Paris. – P. 2093-2096.

7 Хакимов З.А. Памятники архитектуры в Южном Узбекистане // Художественная культура Средней Азии. IX–XIII века. – Ташкент, 1983. – С. 159.

8 Пацевич Г.И. Археологические памятники района среднего течения реки Чу // ҚР БҒМ ҒК Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының мұрағаты. – 1946.

9 Шалекенов У.Х., Оразбаев А.М. Некоторые данные в водопроводной системе средневекового Актобе // История материальной культуры Казахстана. – Алма-Ата, 1980. – Б. 24-38.

REFERENCES

1 Memlekettik «Ma'deni" mura» baghdarlamasi' ayasi'nda «Ortaghasi'rli'q Aqto'be qalasi'» taqi'ri'bi' boyi'nsha ghi'li'mi"-zerttew jumi'si'ni'ng esebi. QR BGhM GhK A'.H. Marghulan ati'ndaghi' Arheologi"ya i"nsti"twti'ni'ng arhi"vi. Almati', 2009.

2 Hmel#ni"cki"y S. Mejdw samani"dami" i" mongolami". Arhi"tektwra Sredney Azi"i" HI – nachala HIII vv. Ch. I. Berli"n-Ri"ga, 1996. S. 131-134.

3 Masson M.E., Goryacheva V.D. Bwrana. Frwnze, 1985. S. 49-50. Ri"s. 7.

4 Zasi'pki"n B. Pamyatni"ki" monwmental#nogo i"skwsstva Sovetskogo Vostoka. Hwdojestvennaya kwl#twra Sovetskogo Vostoka. M.-L., 1931. S. 30-31.

5 Vi"nni"k D.F. Bashnya Bwrana. Pamyatni"ki" Ki"rgi"zstana. Vi'p. 2. Frwnze, 1975. S. 60.

6 Yeraly Akymbek, Beibit Baibugunov. Minaret of medieval city Aktobe. World Academy of Science, Engineering and Technology. Issue 78 June 2013 Paris. P. 2093-2096.

7 Haki"mov Z.A. Pamyatni"ki" arhi"tektwri' v Yujnom Wzbeki"stane. Hwdojestvennaya kwl#twra Sredney Azi"i". IH–HIII veka. Tashkent, 1983. S. 159.

8 Pacevi"ch G.I". Arheologi"cheski"e pamyatni"ki" rayona srednego techeni"ya reki" Chw. QR BGhM GhK A'. H. Marghulan ati'ndaghi' Arheologi"ya i"nsti"twti'ni'ng muraghati'. 1946.

9 Shalekenov W.H., Orazbaev A.M. Nekotori'e danni'e v vodoprovodnoy si"steme srednevekovogo Aktobe. I"stori"ya materi"al#noy kwl#twri' Kazahstana. Alma-Ata, 1980. B. 24-38.

Е. Ш. Акымбек

(Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Казахстан)

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ГОРОДИЩЕ АКТОБЕ В 2013 ГОДУ

Резюме

Объектом исследования является средневековое городище Актобе.

В статье рассматриваются итоги археологических работ на городище Актобе в 2013 году. Подробно исследована улица, расположенная в окрестности основания минарета XI–XII вв., который был обнаружен в 2009 году. А так же, были даны научные предположения о цели использования данного минарета. Материал описан и отрисован. В 50 м западнее цитадели на площади шахристана, обследовано основание минарета его северо-восточная и юго-восточная части.

Ключевые слова: Актобе, минарет, раскоп, улица, помещение, керамика.

E. Sh. Akymbek

(A. H. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan)

RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS OF THE CITY AKTOBE 2013

Summary

Object of study is medieval settlement Aktobe.

The article discusses the results of the archaeological work on the site of Aktobe 2013. Investigated in detail street located near the base of the minaret of XI–XII centuries. Which was discovered in 2009. And also , were given scientific assumptions about the purpose of the use of the minaret. Discovered material is described and illustrated.

50 m west of the citadel area on the base of the minaret (shakhristan) examined the north-eastern and south-eastern parts.

Keywords: Aktobe, minaret, excavation, street, premises, ceramics.

Поступила 10.09.2014 г.

УДК 903.02(574)«653»

Ә. Т. ТӨЛЕУБАЕВ, Д. Ә. ТАЛЕЕВ, Г. К. ОМАРОВ, М. С. ШАҒЫРБАЕВ

(Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан)

АЛАКӨЛДІҢ ЖАҒАЛАУЫНДАҒЫ АСУСАЙ ҚАЛАШЫҒЫНДА 2012 ЖЫЛЫ ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ҚАЗБА ЖҰМЫСТАРЫ

Аннотация. Мақалада Жоңғар қақпасында орналасқан ерте ортағасырлық Асусай қалашығына жүргізген далалық зерттеу жұмыстарының барысы қарастырылады. Қазба барысында алынған заттай деректер мен топографиялық мәліметтер қалашықтың X–XII ғасырлардағы жергілікті егіншілердің маусымдық мекені болғандығы анықталды. Сонымен қатар осы өңірді мекендеген түрік тектес тайпалардың көшпелі мал шаруашылығымен қатар отырықшы егіншілікті де жақсы меңгергендіктері мәлім болды. Алакөл аймағында жүргізілген зерттеу жұмысы барысында, Жетісу Алатауы мен Алакөл аймағында бұрын белгісіз болып келген бірнеше ортағасырлық елді мекендер мен керуен сарайларға сипаттама жасалған. Мақалада Асусай

қалашығынан табылған қыш ыдыстар пайдалану мақсатына қарай бірнеше топтарға жіктеле отырып, толық сипаттамасы берілген. Сондай-ақ, авторлар қазба барысында табылған қыш бұйымдардың негізінде, қалашықтың мерзімделу мәселесіне талдау жүргізген.

Тірек сөздер: археология, зерттеу, төрткүл, қалашық, қазба, кесік, қыш ыдыстар, диірментас, тандыр, ошақ.

Ключевые слова: археология, исследование, торткуль, городище, раскопка, разрез, керамика, зернотерки, тандыр, очаг.

Keywords: archeology, research, tortkul, settlement, excavation, cutting, ceramics, grinding stones, tandoor hearth.

Қазақ жерінен өткен Жібек жолының үлкен бір тармағы Жетісу Алатауы мен Тарбағатай сілемдерінің арасында жатқан, соңғы орта ғасырлар тарихында Жоңғар қақпасы деген атаумен белгілі болған үлкен жол торабымен байланысты. Қазақтың әл-Фараби атындағы Ұлттық университетінің профессоры Ә. Төлеубаев басқарған экспедициясы бұл аймақта 2007 жылдан бастап жұмыс істеп келеді. Бұл экспедицияны «Жер-Су» өнеркәсіптік-инвестициялық корпорациясы қаржыландырып келеді. Білімдар, ұлттық спорт пен мәдениетке меценаттық жасап жүрген азамат – осы корпорацияның директорлар кеңесінің төрағасы Бауыржан Кеңесбекұлы Оспанов біздің археологиялық зерттеулерімізге де қаржылық-ұйымдастырушылық көмек жасап келеді.

Алғашында қола және ерте темір дәуірлерінің жерлеу орындарын тізімге алып, жекелегендерін қазумен айналысқан бұл экспедиция соңғы төрт жылда осы өңірдегі ортағасырлық қалаларды да зерттеуге ден қойды. Соның нәтижесінде Алакөл маңынан бұрын белгісіз болып келген 11 ортағасырлық қалашықтар, керуен-сарайлар ашты. Оларды біз әзірше сол маңайдағы бүгінгі заманғы елді мекендердің атымен атаймыз. Керуен жолы бойындағы бекет қызметін атқарған бұл қалашықтардың бір тізбегі Үшарал қаласынан басталып, көл жағалай бүгінгі Көктұма елді мекеніне дейін жалғасады. Олардың бір-бірінен орналасу қашықтығы 15–25 шақырым. Бұл қалашықтар мыналар: Ақтүбек, Қайнар, Жайпақ I, Жайпақ II, Ақши, Асусай, Қоскеліншек, Ырғайты, Тау Ақши, Найманқала, Еміл (Омыл). Бұл қалашықтардың Найманқала мен Емілден басқасы Алматы облысы Алакөл ауданының жерінде. Жергілікті халық Найманқала деп атап кеткен бекініс-қалашық пен Еміл өзенінің Алакөлге құяр тұсына 20–25 шақырым жетпей, сол өзеннің сол жақ жағалауында орналасқан, ұзына бойы 2–3 шақырымға созылып кететін, бүгінде тау-тау құмдармен көміліп қалған ортағасырлық қоныс орындарын анықтадық. Қоныстың белгісі әр жерінде құмды жел ашып кеткен алаңқайларда шашылып жатқан керамикалық материалдардан ғана байқалады.

Жалпы осы өңірде ерте ортағасырларда өмір сүрген кимек тайпалары жөнінде, олардың елді мекендері турасында әл-Идрисидің, кейіннен Вильгельм Рубруктың жазбаларынан белгілі. Бұл мәселеге біз арнайы басқа бір мақаламызда тоқталмақшымыз.

Қазақ халқының негізін құраған түрік тектес тайпалардың ежелгі замманнан мекені болған қасиетті Алакөл өңірінің тарихы осы күнге дейін зерттелмей, археологтардың назарынан тыс қалған аймақ. Өңірдің есте жоқ ежелгі замманнан бері тіршіліктің қайнар көзі болып, бұл жерде қаншама тарихи оқиғалардың өткені жайлы сыр шертетін археологиялық ескерткіштер (қола, ерте темір дәуірлері, ортағасырлық қалалар мен мекендердің орындары) тау бөктерін қуалай созылып жатқан жазықта, өзендер мен тау бұлақтарының маңдарында мыңдап кездеседі.

Сондай ескерткіштердің бірі Асусай қалашығында 2011 ж. басталған қазба жұмыстарының бастапқы мақсаты – қалашықтың топографиясын зерттеу, ескерткіштің өмір сүрген уақыты мен жергілікті тұрғындардың өмірінде алған орны, атқарған қызметі жайлы мағлұмат беретін мәліметтер алу болатын. Осы және бірқатар қосымша ой-тұжырымдарды нақтылай түсу мақсатымен қалашықтың бірнеше жеріне қазбалар салынды. Асусай қалашығы Алматы облысы Үшарал ауданының Ақши кентінен оңтүстік-батысқа қарай 10 шақырым жерде, Асусай шатқалының маңында орналасқан. Төрт бұрышты қамалмен қоршалған қалашықтың бұрыштары дүниенің төрт нүктелерімен бағыттас орналасқан. Гографиялық координаттары С. 45º53'061"; Ш. 81º27'181" теңіз деңгейінен биіктігі – 533 м. Қалашықтың өлшемі – 75х75 м. Сыртқы дуалдың құландысының биіктігі 1,5–2 м шамасында. Құлаған қабырғасының жайылған жалпақтығы 10 м аумақты алып жатыр. Қорғаныс дуалының сыртынан қазылған ордың іздері анық байқалады. Оның оңтүстік шетін тау шатқалынан шығатын кішігірім өзен суы жуып кеткен. Қазір бұл өзен құрғап қалған. Дегенмен көктемде еріген қар мен жауған жауын сулары толып ағатыны қалған су іздерінен анық байқалады.

Қалашықтың қақпасы шығыс қабырғаның орта тұсында болса керек деп болжадық. Өйткені осы бөлікте қабырға 10 м қашықтықта басқа бөлігімен салыстырғанда анағұрлым төмен көрінеді.

Қалашықтың шығыс және оңтүстік шеттерін алып жатқан жазықтықта шамасы 30 га жерді қамтитын шаруашылық аймақ пен онда болған суғару жүйелерінің іздері, тау өзенінен тіке тартылған каналдың орындары мен су тоқтатқан тоғандар (1-сурет) байқалады. Осы аймақтарда сырты дуалмен қоршалған жеке иеліктердің қалдықтары сақталған. Олар түрлі өлшемдегі шаршылардан тұрады. Қалашықтан оңтүстік-шығысқа қарай 5 шақырымдай жерден өтетін Жаманты өзенінен шығарылған арықтар осы шаршыларға келіп қосылады. Шаруашылық аймағын қамтыйтын бөлікте күнделікті тұрмыста қолданылған түрлі қыш ыдыстардың сынықтары шашылып жатыр. Олар негізінен қолдан, жапсырма әдіспен жасалған, сырланбаған ыдыстардың сынықтары. Қалашықтың сыртқы жағында болған тұрғын үйлердің орындары (мәдени қабаты) қалмаған. Шамасы бұл осы өңірдің қатаң табиғатымен байланысты болса керек. Мұнда тау бөктері мен Алакөлдің аралығындағы оңтүстік-шығыстан солтүстік батысқа қарай созылып жатқан жолақта «қыбыланың» және «ебінің желі» деп аталатын сұрапыл желдер жиі болып тұрады екен. Жаздың өзінде тіпті шілде айының ішінде қатты желмен қослып келетін нөсерлі жауындар жиі болып тұрады. Демек, жиі жауған жауын мен қатты соққан жел жердің бетіндегі ескі үйлердің қалдықтарын үгітіп, ұшырып әкеткен. Оның үстіне бұл жерлерді кейінгі ортағасырлық тұрғындар зиратқа айналдырған. Айтылған аймақта аумағы 10–15 ш/м болатын тас үйінділерден тұратын жерлеулер өте көп. Солардың бірсыпырасы қалашықтың дөң болып жатқан сыртқы қорғаныс қабырғаларының үстінен түскен. Олардың арасында қам кесектен тұрғызылған кесенелер де бар. Шығыс қабырғаның солтүстік бұрышына таман жерде болған осындай кесененің жобасы түпкі жағында дөңгелек болып келсе, иығынан жоғарғы жағы қырланып келген көп бұрышты қаландылардың ішке қарай тартылып барып бір нүктеде бірігуі барысында пайда болған шошақ күмбез болғаны байқалады. Оның жоғарғы жағының көпшілік бөлігі құлап қалған, шығыс бөлігінде көпқырлы етіп қаланған төбе жағының бір бөлігі әлі құламай тұр. Ішкі жағында кесене сегіз бұрышты келген. Кесененің сақталған бөлігінің биіктігі – 3 м, есігі солтүстік-шығыс шетінде. Оның ені – 0,5 м, кесененің диаметрі ішкі жағынан есептегенде – 6 м, сыртқы жағында – 7,5–8 м. Кесененің қабырғасы тұрғызылған қам кесектер осы жердің топырағынан, осы жерде дайындалғаны анық байқалады. Кірпіштердің құрамы жергілікті топырақпен бірдей. Олардың өлшемдері 23х23х4; 24х24х4 см.

Осы бұрыштан солтүстікке қарай 50 м жердегі жазық жерде тағы бір кесене тұр. Ол кесененің де жарты қабырғасы ғана сақталған. Кесененің диаметрі – 7 м, қабырғалары қаланған кірпіштерінің өлшемі алғашқысымен бірдей. Есігі батысқа қараған.

Асусай қалашығының сыртқы қабырғасына салынған кесік. Қалашықтың қорғаныс құрылысының жүйесін анықтау мақсатымен оңтүстік қабырғаның орта тұсына қима салынды. Солтүстіктен оңтүстікке қарай сыртқы қабырғаны қиып өткен кесіндінің ұзындығы – 15 м, ені – 1,8 м, тереңдігі 2,3 метрді қамтыды. Қимадағы стратиграфиялық қыртыстардың көрсетуіне қарағанда, қорғаныс қабырғасы арнайы үйіліп, тапталған топырақтан түзілген тұғырдың үстіне салынған. Қабырға пахса блоктарынан немесе қам кесектерден қаланып тұрғызылмаған. Таза сары топырақтан иленген балшықтан домбаздап, тұтас етіп ұру тәсілімен тұрғызылған. Оның бастапқы бөлігінің қалыңдығы төменгі жағында 4,5 м, жоғарғы жағында 2,5 м болады. Кейіннен қайта қалпына келтірілген бөлігінің ені астынғы жағында 7 м, беткі жағында 4 м дейін жеткен. Қабырғаның сырт жағынан тұрғызылған жөндеу (қайта қалпына келтіру) қабатының қалыңдығы 2–3 м болады. Жөндеу қабаты 10–15 см қалыңдықта тас араластырылған тапталған топырақ қыртыстарынан түзілген. Қабырғаның ішкі жағы үстінен кейіннен түскен жерлеу шұңқырлары салдарынан бүлінген. Қимадағы стратиграфиялық қыртысындағы құландылар түзілісінде екі құрылыс қабатының деңгейі анықталды. Жоғарғы құрылыс қабатының едені қиманың табанынан 1 м биіктікте (беткі жағынан 50–60 см тереңдікте) жатыр. Еден біртегіс емес, сыртқы қабырғаға жақын бөлігі едәуір биік. Ал қалашықтың ішкі бөлігіне қарай біртіндеп еңістей береді. Екінші құрылыс қабатының едені жоғарғысынан 0,8–0,9 м тереңдікте, қиманың табанымен деңгейлес жатыр. Ол жоғарғысына қарағанда біртүзудің бойымен кеткен. Екі құрылыс қабатының арасы күл, құлаған топырақ, тапталған сары топырақ, ыдыс сынықтары мен мал сүйектерінен түзілген құландылардан тұрады. Арасында түрлі көлемдегі жұмыр және шомбал тастар да кездесті. Екі еден аралығындағы қыртыстан құрылыс қалдықтары анықтау қиын. Құрылыс іздері табиғи құбылыстардың салдарынан (жаңбыр, қар, жел мен ыстық ауа) жойылып кеткен. Қиманың ішкі жағының табанынан диаметрі 50 см болатын

қоқыс тастаған шұңқыр аршылды. Осы шұңқырдан қыш ыдыстардың түрлі сынықтары табылды. Әртүрлі көлемде сынған қол диірменнің сынықтары да осы жерден шықты. Шамамен 45–50 ж. қамтитын аралықтағы ыдыс үлгілерін бір-бірінен қарапайым көзбен ажырату қиын. Екі еденнен табылған ыдыстар сапасы мен жасалу тәсілі, шикізатының құрамы жағынан өзара өте жақын. Сондықтан оларды жеке дара ажыратып мерзімдеу мүмкіндік бермейді.

Қазба I қалашықтың оңтүстік-шығыс бұрышының ішкі жағынан салынды. Қазбаның жалпы өлшемі 13,2х7,4х1,15 метрді қамтыды. Қазба барысында оның оңтүстік шетінен солтүстікке қарай әр 4 метр сайын екі жерінен жалпақтығы 0,6 м жал қалдырылды. 1–1,15 м биіктіктегі осы жалдың стратиграфиялық түзілімі бойынша екі құрылыс қабаты анықталды. Бірақ қазба салынған бөліктен ешқандай тұрғын үй, болмаса шаруашылық құрылыстарының қалдықтары (іздері) анықталмады. Керісінше сыртқы қорғаныс қабырғасының жаңбыр мен желдің салдарына үгітіліп түскен құландыларының уақыт өткен сайын біртіндеп қалыптасқан қыртыстары анық көрінді. Қазба барысында құрылыс іздері анықталмағанымен қалашық тұрғындары пайдаланған керамикалық ыдыс сынықтары көптеп табылды. Олар күнделікті тұрмыста қолданылған қазан, оның қақпақтары, құтылар, көзелер, көзелектер, үлкен құмдар, құмыралар, құмғандар, табақ, тостақтардың сынықтары. Олар арнайы шарықта және қолдан жапсырма әдісімен жасалған. Сапалары әртүрлі. Ыдыстардың шикізатының құрамы мен жасалу ерекшеліктеріне қарағанда жергілікті шеберлердің қолынан шыққан.

Қазба II. Қалашықтан оңтүстік-шығысқа қарай 250 м жердегі төрт бұрыш келген белгісіз құрылыстың орнына салынды. Осы жерде болған құрылыстың шығыстан батысқа қарай созылған төрт бұрыш тәріздес бедері сырт көзге үй құрылысының құландысы секілді көрінеді. Құланды бедер айналадағы жер деңгейінен 25–30 см биік жатты. Салынған қазбаның жалпы өлшемі 12,7х8,5 м болды. Қазба барысында бұл нысан үй орны емес, жерлеу құрылысы (кесене) екендігі анықталды. Қазу барысында тұғыры (фундаменті) шомбал тастардан қаланған, екі бөлмеден тұратын кесененің қалдығы аршылды. Кесененің қабырғалары қам кесектен қаланған болуы керек. Ол уақыт пен табиғаттың қатаң құбылысына шыдамай үгітіліп, құлап, желмен ұшып кетсе керек. Кесененің жарты бөлігінің тұғыры ғана сақталған. Қалған бөлігінің тастарын шамасы осы маңды мекендеген кейінгі тұрғындар бұзып алып, жерлеу орындарын салуға пайдаланса керек. Қалашықтың үстінен түскен жерлеу обаларына үйілген шомбал тастар осы тұғыр тастарына өте ұқсас. Қазбадан аршылған құрылыс қирандысының жобасын анықтау қиын болмады. Құрылыс қирап кеткенімен оның тұғырының іздері анық байқалады. Аршылған екі бөлмелі құрылыстың жалпы өлшемі 10,9х7,10 м, тұғырдың қалыңдығы бойынша қабырғаның қалыңдық өлшемі – 1,4–1,6 м шамасында. Үлкен-үлкен жақпар тастардан қаланған. Ғимараттың есіктері (сыртқы және төргі бөлмеге кіретін есік) оңтүстік-батыс қабырғаларының орта тұсында орналасқан. Олардың ені – 1,1 м. Ғимараттың екі бөлмесінің де еденделрінен жерлеу қабірлерінің дақтары шықты. Солтүстік-шығыс шеттегі төргі бөлменің өлшемі – 3х4 м бұл бөлмеден тек жерлеу қабірінің орындары анықталды. Олардың екеуінің де бағыттары солтүстік-шығысқа қараған. Бөлмеге кіретін есіктің табалдырығына салынған жерлеудің бет жағы бір-біріне ұштастырып, бұрыштап, қырынан қаланған екі қатар қам кесектермен жабылған. Оның шығыс шетіндегі қатар жатқан екінші қабірдің үстіне қаланған қам кесектер болмады. Қазу барысында ұзындығы 2 м, ені ең жалпақ жерінде 95 см болатын жерлеу шұңқыры шықты. Оны тазалау барысында еденнен 15–20 см тереңдікте жатқан орта жастағы адамның қаңқасы аршылды. Мәйітті басын солтүстік-шығысқа қаратып, шалқасынан жатқызған. Оның сол қолын бүгіп кеуде тұсына қойған. Оң қолы ыйық тұсынан бастап жоқ, табылмады. Аяқтарын тізесіне кішкене бүгіп жатқызған. Екі аяғының ең соңғы бөліктері де (башпайлары) табылмады. Өзі бір түрлі құпиясы көп мүрде болып шықты. Мұқият ептілікпен тазаланғандықтан мәйіттің жетіспейтін мүшелердің қазу барысында жойылуы мүмкін емес еді. Сондықтан марқұмның дене мүшелерінің жетіспеуі не себепті екенін кесіп айту қиын. Қабір кейіннен бүлінген деуге де негіз жоқ. Мәйіттің басқа мүшелері өз орындарында жатыр, сырттан болған қандайда бір әрекет байқалмайды. Жерлеуге қойылған ешқандай зат шықпады. Қабірге мәйітпен бірге ешқандай зат, бұйым қойылмайтын мұсылман жерлеуіне ұқсайды. Сондықтан көрші жерлеу қабірін қазуды дұрыс деп таппадық.

Алдыңғы бөлменің өлшемі – 5х4 м. Осы бөлме еденінен 4 жерлеу шұңқырының дақтары анықталды. Олардың екеуі үлкен, екеуі кішкене, яғни жас балалардың қабірлері. Солтүстік-шығыс шетіндегі бірінші үлкен жерлеу шұңқырының дағының өлшемі – 1,5х2,2 м, оның оңтүстік-батыс шетіндегі екінші жерлеу шұңқырының дағы – 1,8х2,2 м. Екі үлкен жерлеу шұңқырларының

оңтүстік-шығыс шетіндегі екі кішкене жерлеу шұңқырларының дағының өлшемдері – 0,5х1,2; 0,4х08 м, сипатталған жерлеу шұңқырларының солтүстік-батыс шеттегі үлкен ғана тазаланды. Шұңқырдан басын солтүстік-шығысқа қаратып, шалқасынан жатқызған ер кісінің қаңқасы шықты. Марқұмның бойының өлшемі шамамен – 1,7–1,8 м. Мәйіттің дене мүшелері түгел, екі қолын алдына бүгіп қойған. Шұңқырдың екі шетіне, марқұмның бойын қуалай қатар қам кесектер қаланып, жоғарғы жағын мүрдені жауып тұратындай етіп, шатырлап қалаған. Яғни мәйіттің үстінен қыштан қаланған ұя тұрғызған. Оның үстінен топырақ толтырылған. Қабірден ешқандай жерлеу заттары табылмады. Жерлеудің қайсы уақытқа жататындығын дөп басып айту қиын. Шамасы осы өңірге исламдық дәстүр ене бастаған кезге сәйкес болуы мүмкін. Исламдық жерлеу дәстүріне тән бағыттау сәйкес болмағанымен, жерлеуге зат қоймауы осындай тұжырым жасауға негіз береді. Сондықтан қалған қабірлерді аршу қосымша мәлімет береді деп есептемедік. Осыған орай қалған қабірлерді аршудың қажеті жоқ деп шештік. Алайда бұл жерлеулер үйдің ішіне кездейсоқ түскен деуге ешқандай негіз жоқ. Осы жерде болған тұрғын үй ғимаратын кейіннен кесене ретінде пайдаланған ба? деген пікір туындайды. Қалай болғанда да осы жерде болған бастапқы құрылыс Асусай қалашығымен дәуірлес екендігі анық. Қазба барысында кездескен бірнеше қыш ыдыс сынықтары қалашықтың материалдарымен бірдей.

Қазба III. Бұл қазба алғашқы қазбаның (қазба I) оңтүстігінен 40 м жерге қалашықтың оңтүстік қабырғасының ішкі жағына салынды. Қазбаның жалпы өлшемі – 8,5х15 м, тереңдігі – 40–70 см. Аршылған шаршының оңтүстік шеті 3–4 м көлемде қорғаныс қабырғасының ішкі бөлігінің жоғарғы жағын қамтыды. Қазбаның оңтүстік шетінен сыртқы қорғаныс қабырғасына тақалып салынған тұрғын үйдің бір бөлмесі ашылды. Бөлменің қабырғалары өте нашар сақталған, көпшілік бөлігі табиғи құбылыс пен кейінгі заман тұрғындарының шаруашылық іс-әрекеті нәтижесінде бұзылып кеткен. Қазбаның бірнеше жерінен кейінгі, мұсылман дәуірінің жерлеу қабірлері түскен. Жерлеулер тұрақты бір жерлеу тәртібін сақтамаған. Мәйіттердің бас жағы әртүрлі бағытта қойылған. Дегемен, басым бөлігінде мәйіттің басы солтүстік-батысқа қаратылған. Қабірге ешқандай жерлеу заттары қойылмаған. Қабір шұңқырлары жіңішке, сопақ қарапайым тік қазылған. Беті көлденең тасталған ағаштармен жабылған. Шамасы бұл жерлеулер осы өңірге исламның алғаш келе бастаған тұсындағы тұрғындардікі болса керек. Үй құрылысы сыртқы қорғаныс қабырғасына ішкі жағынан жалғастырылып салынғандықтан жел мен жаңбырдың өтінен тасада болған бөлменің қабырғаларының бірсыпыра бөлігі сақталған. Қабырғаның ең жақсы сақталған тұсындағы биіктігі 40 см, жалпақтығы 65–70 см. Сақталған бөліктен қам кесектің қатысы байқалмайды. Шамасы қабырғаларды домбаздап жапсырған пақсалардан тұрғызса керек. Бөлменің өлшемі ір жерінде сақталған қабырғаның бөліктерін бір-бірімен түйістіру арқылы шамалап алынды. Ос мөлшер бойынша бөлменің өлшемі 4,5х5 м солтүстік қабырғасының орта тұсында болған ошақтан қалған күйе тақтың кішігірім аумағы ғана сақталған. Оның бір бөлігін кейіннен қазылған қабір шұңқыры бұзып кеткен.

Қазбаның басым бөлігіндегі құрылыстар сақталмаған, бұзылып кеткен. Бірақ құрылыс орындарында қалған заттай деректер сырланбаған түрлі қыш ыдыстарының сынықтарынан, тастан жасалған қол дирменнің бөліктерінен, үй ішіне салынған ошақтардың қас бетін сылаған әрлі (өрнекті) сылақтардың түрлі өлшемдегі бөліктерінен және т.б. заттардан тұрады. Мал сүйектері де өте көп шықты. ірі малдың сүйектері басым. Арасында жабайы жануарлардың сүйектері де кездеседі. Олардың қанша және қандай жануарлардың сүйектері екендігін мамандар ажыратады.

Қазба IV. Бұл қазба қалашықтың солтүстік қабырғасының ішкі жағындағы, шығыстан батысқа қарай созылып жатқан бөлігіне салынды. Осы бөліктің деңгейі басқа жағына қарағанда едәуір биіктеу. Бастапқыда 8х10 м өлшемінде салынған бұл қазба құрылыс қалдықтарының сақталу ыңғайына қарай 11,5х17 м көлемге дейін кеңейтілді. Қазбаның оңтүстік шетінен шығыстан батысқа қарай созылып жатқан екі бөлмеден тұратын құрылыс қалдығы аршылды. Бұл құрылыстың кейінгі ислам дәуіріне жататын кесененің орны екендігін пайымдау қиынға түспеді. Өйткені ғимараттың екі бөлмесінде де бір-бірден жерлеу қабірлері анықталды. Қабірлер бөлмелердің оңтүстік қабырғасына тақатылып, ұзын жағымен солтүстік-батысқа қаратып салынған. Кесененің жалпы өлшемі қабырғаларының сыртқы жағынан есептегенде – 5,5х9,5 м, қам кесектен тұрғызылған қабырғаларының ені – 0,75–08 м, сақталған биіктігі – 30–35 см. Ішке кіретін есігі батыс қабырғасының бойында, ені 1,35 м есіктің алдыңғы жағы ұзындығы – 2 м, ені – 09 м қабырғамен қалқаланған. Кесененің батыс шетіндегі, кіреберіс бөлменің өлшемі – 3х4 м, ондағы жерлеу қабірінің өлшемі –

1,5х2,5 м. Үстіне топырақ үйілген. Шығыс шеттегі, төргі бөлменің өлшемі – 3х4 м, ондағы жерлеу қабірінің өлшемі – 1х1,6 м. Қабірдің үстіне жұмыр тастар үйілген. Кесененің ішкі жағында басқа құрылыстардың іздері жоқ. Қабірлердің ғылыми мәліметі болмайтындықтан әрі қарай қазылмады. Құрылыстың ішкі жағын қазу барысында кездескен бірлі-жарым қыш ыдыс сынықтары кейіннен кездейсоқ түскен болуы мүмкін. Басқадай артефактілер кездеспеді. Кесенені алғашқы қазбамен салыстырып сараптау тәжірибесі бұл құрылыстың XIII–XV ғғ. жататын жерлеу құрылысының құландысы болуы мүмкін деген болжам жасауға негіз береді.

Кесене қабырғаларының сыртқы жағын аршу барысында оның солтүстік-шығыс шетінен ошақ пен белгісіз қабырға қалдықтары табылды. Ошақ пен оның маңындағы еден үстінен табылған қыш ыдыстардың түрлі сынықтары осы жерде бір заманда тұрғын үйдің орны болғандығын хабарлайды. Табылған бөлме орнын толық аршу мақсатымен қазбаны солтүстік-батысқа қарай кеңейтуге тура келді. Нәтижесінде екі тандыр мен екі жерошақ орналасқан бөлмелердің орындары аршылды. Бөлмелердің өлшемін анықтау мүмкін болмады. Олардың қабырғаларының қалдықтары сақталмаған. Олар осы маңда жиі болатын жаңбырмен шайылып, жазғы ыстықта үгітіліп, қатты желдің салдарынан ұшып кетсе керек. Бөлме ішіндегі едәуір төзімді материалдардан салынған тандыр, ошақ секілді құрылыстардың өзінің бірсыпыра бөлігі ғана бізге жетіпті. Олардың өзі кейіннен салынған кесененің асты мен ығында қалғандықтан, бізге жартылай аман жетсе керек. Бөлмелер аса үлкен болмаса керек, не бәрі 5х7,5 көлемдегі бөлікте екі тандыр мен екі ошақ бір-біріне өте жақын орналасыпты. Оңтүстік шеттегі ошақ сопақша келген – 1х0,5 м, бас жағы дөңгелек тандыр болып келген де, шығыс бетінде қас беті сазбен сыланып, үстінен тырнап салынған өрнегі бар ошаққа жалғасады. Дәл осындай ошақтар Арал маңындағы Жанкент қаласының X ғ. тұрғын үйлер кешенінен аршылған ошақтармен өте ұқсас [1, 306].

Ошақтан солтүстікке қарай 1 м қашықтықта аузын теріскейге қаратып салған тандыр орналасыпты. Тандырдың төменгі жағындағы 10–15 см болатын қабырғасы ғана қалған. Дөңгелек келген тандырдың диаметрі – 75 см, қабырғасының қалыңдығы – 3–4 см. Солтүстік шетіндегі от салатын аузының ені – 15–17 см. Тандырдың айналасында сыпаның шетіне қаланған қам кесектер қаландысының кейбір бөліктері байқалады. Тандырдан шығысқа қарай 30 см жерге, сыпаның үстіне тігінен қойылған бүтін құты (сурет) табылды. Құтының аузы кең, қалың қабырғалы, ернеуі сыртына қарай қайырыла жасалған. Түп жағы қалың, өзі салмақты. Шамасы бұл нан пісірген (жапқан) кезде бетіне бүркіп отыратын су құйған ыдыс болуы мүмкін. Дәл осындай нақыш пен сападағы ыдыстар Талғар мен Қойлықтың XI–XII ғғ. керамикалары арасында кездескен. Осы тандырдың солтүстік-шығыс шетінде 1,5 м жерден екінші тандыр шықты. Оның да сақталу деңгейі алғашқысындай, өлшемдері де шамалас. Тек бұл тандырдың ауыз жағы шығысқа қаратып салынған. Тандырды айнала 1,5х2 м өлшемде қоршаған, төрт бұрышты сыпаның нобайы байқалады. Осы сыпадан шығысқа қарай 2 м жерде келесі ошақтың қирандысы табылды. Ошақтың жалпы нобайы анық емес. Оның қас бетінің көркемдеп сыланған сылағының бір бөлігі ғана құлап жатыр. Қас беттің сылағының астыңғы жағында жартылай доғаланып келетін ошақ аузының бедерлері байқалып тұр. Айналасында түрлі бөліктерден тұратын ошақ қабырғасының сылақтары шашылып жатыр. Қирандының батыс шетінде жалаң қабат қам кесек қаландысы бұзылмай қалыпты. Ошақтың қас бетінің көлемі мен бедерлеп және өткір нәрсемен тырнап салынған сәндік өрнектері оның шебер ұстаның қолымен жасалғандығын байқатады. Бұл ошақтың да көркемдік нақышы ортағасырлық Жанкент қаласының ошақтарының өрнектеріне ұқсас.

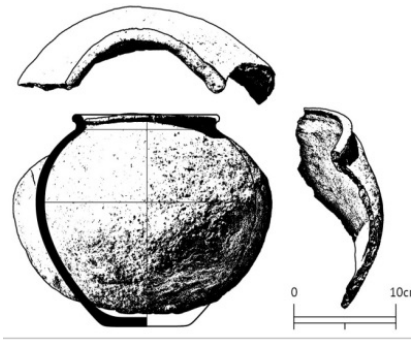
Қазбадан түрлі көлемдегі және әртүрлі мақсатта қолданылған ыдыстардың көптеген сынықтары табылды. Солардың арасында бүтін және жартылай бүтін сақталғандары да бар. Сонымен қатар қазбадан мал сүйектері, темірден жасалған құралдардың шірінділері, малдың асықтары да шықты. Табылған керамикалық ыдыстардың бір бөлігі қарапайым жапсырма әдіспен жасалса, бірсыпыралары арнайы шарықта жасалғандығы айқын көрінеді. Шикізат құрамына қарағанда қолданыста болған ыдыстар жергілікті жерде жасалып, осында күйдірілген.

Қазба барысында табылған қыш ыдыстарды пайдалану мақсаттарына қарай төмендегідей топтарға жіктедік:

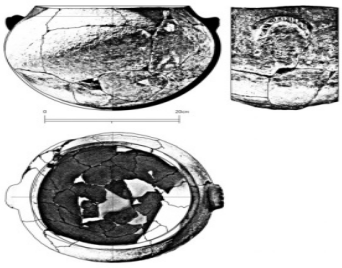
1. Ас үйлік және асханалық ыдыстар: *қазан, құмыра, қыш ыдыс қақпақтары, түбектер, дастархан, кесе* т.б.

2. Тұрмыстық-шаруашылық мақсаттағы қыш ыдыстар: *құмған, шырақ бөлшектері, хум, үлкен көлемдегі құмыра* т.б.

Қазан. Қазан сыртқы бейнесі дөңгелек формалы болып келген. Бірқалыпты күйдірілген қазанның ернеуі тік болып келген, ернеуінің диаметрі – 26 см. Қазанның биіктігі – 26 см. Бүйірі шар тәрізді, аузы кең, бүйірінің диаметрі: 36 см. Ернеуі тік келетін әрі ернеуінің диаметрі 18–26 см аралығындағы мұндай қазандар Оңтүстік Қазақстан мен Шу аймағындағы қалаларда кездеседі [2, 103 б.]. Ернеуінен 2,5 см төменде көлденеңінен таға тәріздес екі құлағы жапсырмалы әдіспен жасалған. Құлақтың қас бетіне біржағына жеті рет, екінші жағына он рет кесіп, ойық түсірілген. Құлағы көлденеңінен 7 см құрайды. Қазан ернеуінің қалыңдығы 1 см құрайды. Қазан қабырғасының қалыңдығы – 1,5 см. Қазанның түбінің қалыңдығы 8 мм мен 1 см аралығында. Құрамы қиыршық таспен құмнан құралған. Қазанның сырт бөлігінде жұқалап салынған ангоб білінеді. Сыртында отқа қыздырылғанын дәлелдейтін күйіктің белгілері бар (1-сурет, 1-2). Қазанның сыртқы бейнесіне қарап, Жетісу өлкесіндегі басқа да аймақтарынан табылған қазандармен ұқсастығын байқауға болады. Мәселен Лавар, Талғар, Шелек, және Жақсылық секілді нысандарға жүргізілген қазбалардан табылған қазандардың көлемі, жасалу ерекшеліктері мен құлақтарындағы оймыштары Асусай қалашығынан табылған қазанмен ұқсас[3, 73-75 бб.].

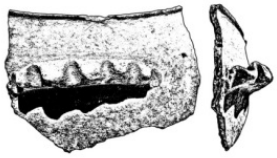

1

2

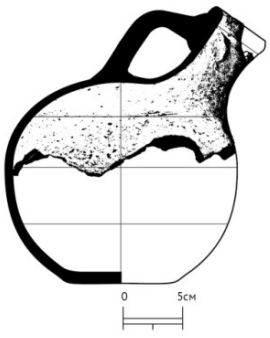
1-сурет – Ортағасырлық қазан

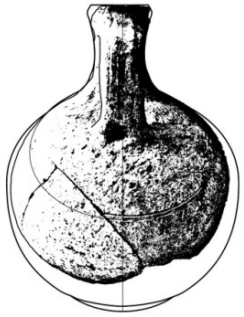
2-сурет – Қазанның құлағы

Қазанның құлағы ернеуінен 4 см төменде орналасқан. Құлақ хумның иығына жапсырылып жасалған. Құлақтың қас бетіне саусақпен батырылып жасалған бедерді байқаймыз. Бедер саны – жеті (2-сурет).

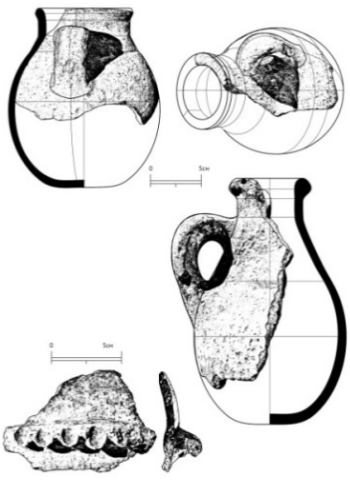
Құмыраларды екіге бөліп қарастыруға болады: тұрқы үйрек секілді, бір жағына қарай қисайта жасалған, бүйірі шар тәріздес және тік орналасқан, мойны жіңішке келген құмыралар. Үйрек тәріздес құмыра деп отырғанымыз (3-сурет, 1). Су ағар шүмегі бір жағына қарай қисайта жасалған, ернеуінің диаметрі – 5,5 см. Құмыраның тұтқасы ернеуінен 1,5 см төменнен басталып, иығына жалғасқан. Құмыра тұтқасы ілмек тәріздес болып келеді. Мойнының ұзындығы шамамен 8,5 см

1

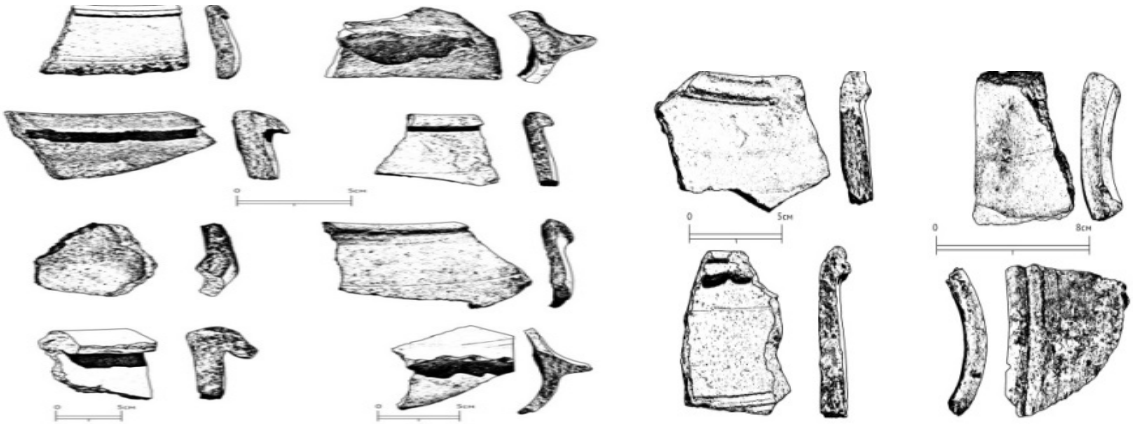
2

3-сурет – Құмыралар

құрайды. Құмыра түбінің диаметрі – 9,4 см. Құмыраның иығына спираль тәріздес бір қатар жүргізілген сызықты байқауға болады. Сызық құмыраға айналдыра салынған. Мұндай құмыралар ортағасырлық Тараз қаласына жүргізілен зерттеу барасында кездескен [4, 81-95 бб.]. Екінші құмыраның тұрқы тік болып келген. Ерекшелігі тұтқасы жуан болып, мойны ұзын. Құмыраның биіктігі – 16,5 см. Ернеуінің диаметрі 10 см құраса, мойынының диаметрі 9,4 см құрайды. Тұтқасы ілмек тәріздес, тұтқаның жоғарғы жағы ернеуінен 4 см төменде орналасса, тұтқаның төменгі жағы құмыраның иығына орналасқан. Бұл құмыраның тұрқы алмұрт тәріздес болып келеді. Табанының диаметрі 5,7 см құрайды (3-сурет, 2).

Құмыра ернеулері сапалы жасалған, бірқалыпты күйдірілген. Ішке қарай аздап иілген қабырғаларынан ернеулер сыртқа қарай қайтарылған. Ернеулердің кейбіреулері қимасынан қарағанда, тік төртбұрыш кейпін кескіндесе, енді біреулері үшбұрыш бейнесін кескіндейді. Ернеуде қатты затпен батырылып жасалған өрнек белгісі бар (4-сурет).

4-сурет – Қыш ыдыс ернеулері

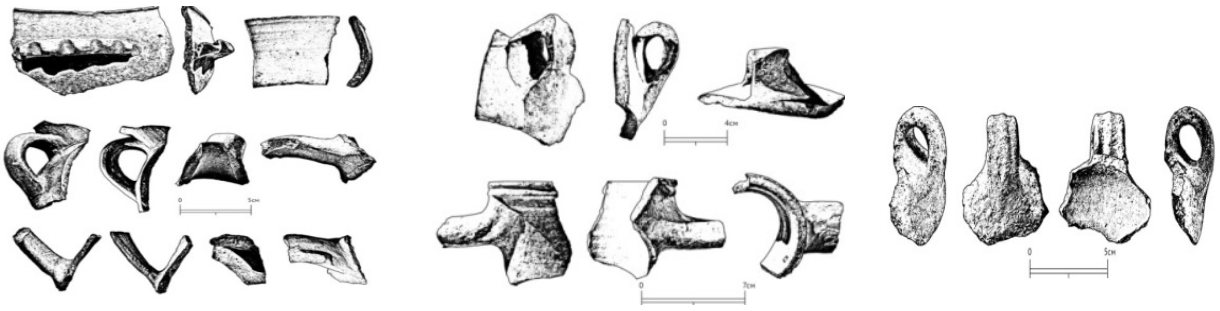
Құмыра мойны иығынан жоғары қарай қусырылып, жіңішкерген. Құмыра мойнының ернеуіне жақын аузының диаметрі 5 см құрайды. Иығының диаметрі шамамен – 11,3 см. Құмыра мойнына айналдыра салынған геометриялық бейнедегі өрнекті байқаймыз. Керамика бедерін қарапайым сызық деп қарауға болмайды. Бір нүктеден шығып, екінші нүктеге барып жалғасатын сызықтар желісі қыш құмыраға батырып жасалса, нүктесі штамп түрінде қабырға сыртына бедерленген. Сипатынан космогониялық композицияны байқауға болады. Керамика өрнегін геометриялық деп сипаттауға болады. Негізгі бейне үшбұрыш ретінде көрінеді (5-сурет, 1). Құмыра мойнының сақталған бөлігінің диаметрі – 9,8 см. Құрамына ірі құм араластырылған. Шарықта жасалмаған, су ағары мен құлағының сақталған бөлігіне қарап, құмыра тұтқасы көлденең орналасқан деп болжауға болады (5-сурет, 2). Құмыра мойнының диаметрі 9,8 см құрайды. Ернеуінен 2,5 см төменде жоғарғы бөлігі жапсырылған құмыра тұтқасының төменгі бөлігі құмыраның иығына барып жалғасады. Тұтқаның төменгі бөлігіндегі біткен жеріне қатты затпен батырылып жасалған ойықты байқауға болады. Құмыра мойны мен иығына түйісер жеріне екі қатар сызықпен айналдыра салынған сызық түсірілген. Жақсы күйдіріліп, сапалы жасалған. Тұтқасы үш қырлы етіп, қалың жасалған (5-сурет, 3). Құмыра мойнының диаметрін графикалық реконструкция негізінде 9,8 см болады деп болжауға болады. Арнайы шарықта сапалы жасалған. Су ағатын ернеуінің болғаны жөнінде нақты бір пікір айтуға келмейді (5-сурет, 4).

1 2 3 4

5-сурет – Құмыра мойындары

Құмыра тұтқаларын бірнеше түрге топтауға болады. Бірінші қысқа мойынды, ілмек тәрізді тұтқаның жоғарғы жағы тура ернеуіне бекітілген (6-сурет, 1). Тұтқаның екінші түрі ұзын мойынды тұтқалар, құрамына құм қосылып, сапалы жасалған. Тұтқаның төменгі жағы ыдыстың иығына бекітілгенін байқауға болады. Жоғарғы жағы сақталмаған (6-сурет, 2). Тұтқалардың үшінші тобын жарты ай тәріздес етіп жасалған тұтқалар құрайды. Тұтқа ыдыс ернеуінен 2,5 см төменде орнатылған. Тұтқаның көлденеңінен ұзындығы 9,6 см құрайды. Тұтқаның орталық бөлігіндегі ені 1,8 см құрайды. Жарты ай тәріздес тұтқаның қас бетіне алты жерінен қолмен немесе қатты затпен батырылып салынған бедерді бар (6-сурет, 3).

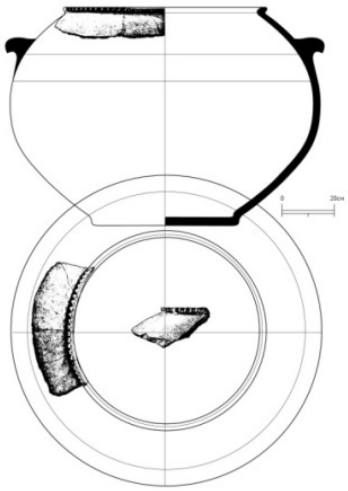
3 2 1

6-сурет – Құмыра тұтқалары

Хумдардың биіктігі шамамен 70 см құраса, хумның ернеуінің диаметрі – 37,5 см. Түбінің ернеуі 18,4 см болатын хумның бізге тек жартылай сақталған бөлігі ғана жетті. Жалпы хумның құлағы мен ернеуінің қандай болғанын біле алмадық, сонда да, зерттеу кезінде жиі кездесетін хумдардың тұрқы мен өзге де жиі қайталанатын сипаттарына қарап, графикалық реконструкциясы жасалды (7-сурет).

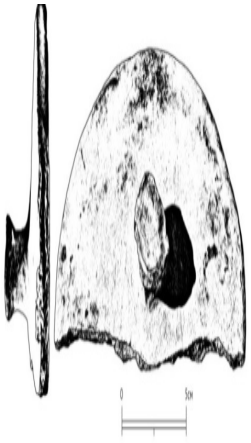
7-сурет – Хум

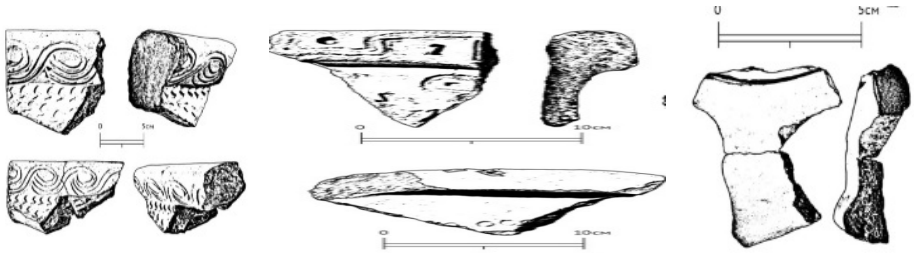
8-сурет – Хумның ернеу

Хумның ернеуі. Сыртқа қарай қайтарылған ернеу жиегінің диаметрі – 27,1 см. Ернеуінің жиегінде саусақпен қысып жасалынған ойықты белдемшелері бар (8-сурет).

Қақпақ сынығы. Қыш ыдыстың қақпағы дөңгелек шеңбер түрінде келген, ас үйлік мақсатта пайдаланған. Қақпақтың диаметрі – 15 см. Тұтқасының биіктігі шамамен – 2 см, бүлінуге ұшыраған тұтқаның диаметрі 2,5 см құрайды. Табаны тегіс болып келген, жақсы күйдірілген, құрамына майда құм қосылған, бірақ дөрекілеу жасалған (9-сурет). Дәл осындай сипаттамаға ие қолмен дөрекі жасалған ыдыс қақпақтары Жетісу жерінде кең таралған.

9-сурет – Ыдыс қақпағы

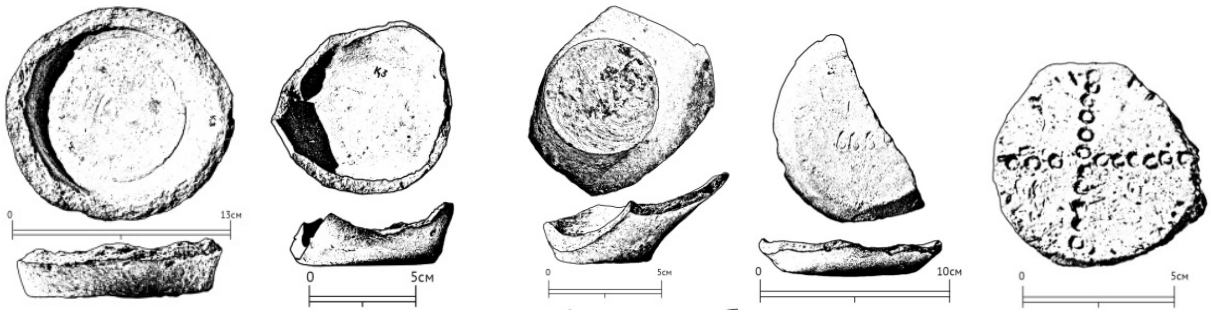
1 2-3 4

10-сурет – Дастарқан

Дастархандар көбіне жартылай сақталған. Шеңбер тәріздес болып келген. Дастарханның біреуінің сақталған бөлігінің ортасында дөңгелек келген ноқат секілді өрнектер болса, екінші біреуінің ернеуінде 1санына ұқсайтын бедер және Z тәрізді өрнекті байқауға болады (10-сурет; 2, 3, 4). Ал үшінші дастарханның сақталған ернеуіндегі өрнектерді толқын тәріздес және сырға тәріздес деп қарастыра аламыз (10-сурет, 1). Дастархан ернеуіндегі мұндай ерекшеліктер Талғар, Шелек, Антоновка секілді елді мекендердегі қазбалардан табылған қыш ыдыстарда да бейнеленген (3, 82 б).

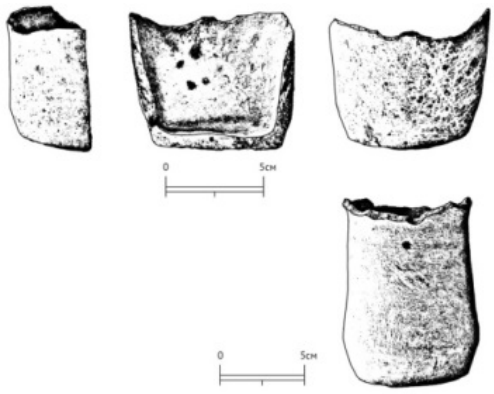
Қыш ыдыстың түптері: 1-ші ыдыс дөрекілеу жасалған. Түбі тегіс емес, диаметрі – 11,2 см, сақталған бөлігінің биіктігі – 2,6–3 см. Ыдыстың түбінің ішіне жақсылап назар аударсақ арнайы шарықта жасалғанын байқауға болады. Жақсы күйдірілмеген, құрамына ірі құм қосып жасалған. Түбінен жоғары қарай шалқайта жасалған. 2-ші ыдыс түбінің диаметрі – 6,4 см, құрамы майда қызыл құм араластырылып, сапалы жасалған. Жақсы күйдірілмеген, алдыңғы ыдыс түбінен айырмашылығы шарықта жасалмаған. 3-ші ыдыстың түбі тегіс, дөңгелек болып келген. Басқалардан ерекшелігі сапалы күйдірілген, құрамы майда құм араластырыла отырып, шарықта жасалған. Диаметрі – 5,1 см, ыдыстың сыртында жұқалап жағылған қызғыш ангоб білінеді. 4-ші ыдыстың диаметрі – 8,1 см. Түбінен бастап сыртына қарай қатты шайқалта жасалғанына қарағанда, таба немесе жайпақ тостағанның сынған бөлігі болуы мүмкін. Арнайы шарықта жасалған. Сыртында анбог білінеді. Ыдыс түбінің сыртынан қатты затпен батырылып жасалған ілмек тәрізді төрт өрнекті байқауға болады. 5-ші ыдыстың түбінің диаметрі – 5,8–6 см. Ыдыс қолмен дөрекі жасалған, түбі тегіс, түбінің сыртында дөңгелек түрінде кездесетін белгілері бар. Өрнектер төрт бағытқа қарай тармақталған. Бір жағына үш өрнек тармақталса, қалған үш жағына алты және бес дөңгелек өрнек тармақталады. Өрнек штамп түрінде жасалған деп жорамалдауға болады (11-сурет; 1, 2, 3, 4, 5).

Түбектер біреуі жартылай, екіншісі бүтіндей сақталған. Бүтін сақталған түбектің диаметрі – 6 см, биіктігі – 6,4–6,8 см. Түбектің иығында тесік қалдырылған. Арнайы шарықта жасалған. Сыртына жұқалап жағылған ангоб бар. Екінші жартылай сақталғаны қызғыш құм араластырылып, жасалған. Жасалуы дөрекі, отта жақсы күйдірілген. Биіктігін анықтау мүмкін емес, жоғарғы жағы сынған. Диаметрі – 6,7 см (12-сурет).

1 2 3 4 5

11-сурет – Қыш ыдыс түптері

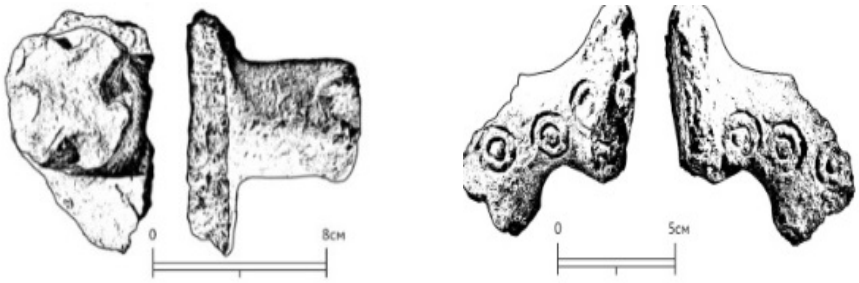

12-сурет – Түбектер

Қақпақтың тұтқасы ақшыл құм араластырыла отырып, дөрекілеу жасалған. Тұтқаның жоғарғы жағында төрт тарапқа қаратылған + белгісі бар. Тұтқаның биіктігі – 6,2 см, диаметрі – 6,5 см құрайды (13-сурет, 1). Екінші тұтқа дөрекі жасалған. Төменгі және жоғарғы жағы бүлінгендіктен нақты өлшемдері анық емес. Бір қызығы тұтқаның бойына дөңгелектеп штамп ұрылған. Штамп

1

2 3

13-сурет – Ыдыс тұтқалары

саны тұтқаның екі бетінде бірдей, саны үш (13-сурет, 2). Осы секілді тұтқалар Отырар қаласына жүргізілген қазба кезінде табылғанын айта кету маңызды. Себебі тұтқаның сыртқы бейнесі қошқардың иір мүйізі секілді жасалған. Ыдыстарға жапсырылған қой пішінді тұтқалар ыдысқа «көз тимеу» үшін жасалған кие белгісі ретінде жасалуы мүмкін [5, 8-9 бб.]. Бұл жөнінде бұдан басқа да түсініктеме бар... Мұндай бейнелер Отырар-Қаратау мәдениетіне туыстас Қауыншы мәдениетін құрған тайпалар арасында кеңінен таралғаны мәлім. Ол дәуірдегі қошқар – Фарн құдайдың бейнесі, ол – денсаулық кепілі, барлық жаманшылықтан қорғаушы деген ұғымды білдіреді. Келесі тұтқалар топтамасындағы ерекшелік, сыртқы бейнесінде, кейбіреуінің ернеуі қол саусағымен немесе басқа затпен басылып, толқынды ернеу болып келсе, енді біреуінің жоғарғы жағында бірінші тұтқадағы секілді қосу белгісі бар (13-сурет, 3).

Асусай қалашығына жүргізілген қазбадан сырлы ыдыстардың фрагменттері тіпті кездеспеді. Уақыт анықтауға көмектесетін нумизматикалық материалдар да табылмады. Қалашықтың өмір сүрген уақытын қыш ыдыстардың салыстырмалы сипаты негізінде ғана болжауға болады.

Археологиялық әдебиеттер мәліметтеріне қарағанда, солтүстік-шығыс жетісуға сырлы ыдыстар XII–XIII ғғ. ғана тарала бастаса керек. Осындай мәліметті негізге алар болсақ, Асусай қалашығындағы тіршілік XI–XII ғасырлардың арасындағы 50–60 жылды ғана қамтыған. Тағы айтатын нәрсе бұл қалашықтың ешқандай шекаралық бекетке немесе сауда керуеніне қатысы жоқ, қарапайым егіншілердің маусымдық (уақытша) мекені болғаны анық. Қалашықтың айналасында сақталған суғару жүйелері мен шағын егін алқаптары, қазбадан табылған тас диірмендердің түрлі көлемдегі бөліктері осындай болжам жасауға негіз береді.

ӘДЕБИЕТ

1 Зиливинская Э.Д. Очаги жилого комплекса на городище Джанкент // Изв. НАН РК. Сер. Общ. и гуманитарных наук. – Алматы, 2013. – № 3. – С. 100-108.

2 Агеева Е.И., Пацевич И. Из историй оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИНЭ. – Алма-Ата. – Т. 5. – 172 с.

3 Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К., Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. – Алматы, 2005. – 188 с.

4 Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. – Алма-Ата, 1972. – 217 с.

5 Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе, 1995. – 186 с.

REFERENCES

1 Zi"li"vi"nskaya E'.D. Ochagi" ji"logo kompleksa na gorodi"shhe Djankent. I"zv. NAN RK. Ser. Obshh. i" gwmani"tarni'h nawk. Almati', 2013. N 3. S. 100-108.

2 Ageeva E.I"., Pacevi"ch I". I"z i"stori"y osedli'h poseleni"y i" gorodov Yujnogo Kazahstana. Trwdi' I"I"NE'. Alma-Ata. T. 5. 172 s.

3 Baypakov K.M., Savel#eva T.V., Chang K., Srednevekovi'e goroda i" poseleni"ya Severo-Vostochnogo Jeti'sw. Almati', 2005. 188 s.

4 Seni"gova T.N. Srednevekovi'y Taraz. Alma-Ata, 1972. 217 s.

5 Kojemyako P.N. Rannesrednevekovi'e goroda i" poseleni"ya Chwyskoy doli"ni'. Frwnze, 1995. 186 s.

А. Т. Толеубаев, Д. А. Талеев, Г. К. Омаров, М. С. Шағырбаев

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ, ПРОВЕДЕННЫЕ В 2012 г. НА ГОРОДИЩЕ АСУСАЙ, РАСПОЛОЖЕННОГО НА БЕРЕГУ АЛАКОЛЬ

Резюме

В статье рассматривается ход полевых работ на раннесредневековом городище Асусай, который расположен у Джунгарских ворот. В ходе исследования района между семиречинским Алатау и Алаколем дан анализ нескольким неизвестным средневековым поселениям и караван-сараям. В статье сделан полный анализ найденной керамической посуде, сгруппированной по назначению в городище Асусай, также автор обсуждает происхождение городища на основе найденной керамики.

Ключевые слова: археология, исследование, торткуль, городище, раскопка, разрез, керамика, зернотерки, тандыр, очаг.

A. T. Toleubaev, D. A. Taleev, G. K. Omarov, M. S. Shagyrbaev

ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS CARRIED OUT IN 2012, ON THE SITE OF ASUSAY, LOCATED ON THE SHORE OF THE ALAKOL LAKE

Summary

The article reviewes the progress of field work on early medieval settlement Asusay, which is located at the Jungar Gates. In the study area between Semirechye Alatau and Alakol, analysis of several anonymous medieval settlements and caravanserais was made. The article made a complete analysis of found ceramic ware, grouped by purpose in Asusay settlement, as well as, the authors found on the basis of pottery discussed the existence of the settlement.

Keywords: archeology, research, Tortkul, settlement, excavation, cutting, ceramics, grinding stones, tandoor hearth. *Toleubaev A.T., Taleev D.A., Omarov G.K., Shagyrbaev M.S.* Archaeological excavations carried out in 2012, on the site of Asusay, located on the shore of the Alakol lake.

Поступила 10.09.2014 г.

УДК 930. 1584 5

С. Ж. ЖОЛДАСБАЕВ, Б. У. НУРХАНОВ, М. М. БАХТЫБАЕВ, С. С. МУРГАБАЕВ

(НИЦ Археологии Международный казахско-турецкий университет им. Х. А. Ясави, Туркестан, Казахстан)

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ГОРОДИЩЕ СЫГАНАК В 2012 ГОДУ

Аннотация. Объектом исследования является средневековое городище Сыганак.

Цель работы – изучение средневекового городища Сыганак и его окрестностей, реконструкция основных элементов материальной и духовной культуры, культурно-хозяйственных традиций, социально-экономического строя.

В полевом сезоне 2012 года Сыганакской археологической экспедицией Международного казахско-турецкого университета им. Х. А. Ясави под руководством д.и.н., профессора С. Ж. Жолдасбаева были произведены археологические раскопки на восточном въезде, в центральной части городища и на остатках сооружения, расположенном в пределах рабада на основании Государственной лицензии № 12007120, выданного 25 июля 2012 года Министерством культуры и информации РК.

Ключевые слова: Сыганак, раскоп, керамика, разрез, въезд, ров, городище, башня, крепостная стена.

Тірек сөздер: Сығанақ, қазба, керамика, кесі, қақпа, ор, қалашық, мұнара, қамалдың қабырғасы.

Keywords: Syganak, digs, ceramics, cuts, entry, ditch, mound, tower, fortifications.

В полевом сезоне 2012 года Сыганакской археологической экспедицией Международного казахско-турецкого университета им. Х. А. Ясави под руководством д.и.н., профессора С. Ж. Жолдасбаева были произведены исследования на городище Сыганак, расположенном в Жанакурганском районе Кызылординской области РК.

В задачи экспедиции входило: продолжение исследований комплекса северо-восточных ворот городища Сыганак (раскоп № 9), исследование городской застройки в центральной части памятника (раскоп № 11), а также монументального сооружения за пределами городской стены (раскоп № 12).

Перед началом полевых работ 2012 года объект раскоп № 9 представлял собой два сильно оплывших грунтовых вала (рис. 1), протянувшихся от внешнего фаса стены шахристана города Сыганак в северо-восточном направлении. Высота валов от уровня современной дневной поверхности напольной части городища колеблется от 3-4 м в месте стыка их городской стеной, до 0,5 м на северо-восточных концах. Северный вал имеет более четкие контуры, чем южный, а кроме того отличается от последнего несколько большей высотой. Пространство между валами вплоть до начала полевых исследований его в 2011 году служило в качестве основного проезда внутрь укрепленной части г. Сыганак.

Рисунок 1 – Восточные ворота до начала исследований. Вид с востока

Первой задачей полевых исследований 2012 года было получение информации о характере обнаруженных в ходе раскопок 2011 года сооружений из обожженного кирпича, а также прояснение вопроса о конструкции сооружений комплекса ворот городища [1]. В соответствии с этими первичными задачами полевые работы в первые дни сезона были сосредоточены с одной стороны на расчистке и дальнейшем обнажении кирпичных кладок в восточной и центральной частях раскопа, а с другой – на проведении разреза по бровке между линиями участков 5 и 6 (Г-З/5 и Г-З/6), который позволил бы получить стратиграфические ориентиры для дальнейших исследований (рис. 2).

При работах по разрезу валов, оконтуривающих проездное пространство предполагаемых ворот, в профиле валов была обнаружена четкая кладка из кирпича-сырца, а также крупноблочной пахсы в северном вале. По этой причине работы по разрезу вала были прекращены, а обнажившаяся сырцовая кладка расчищена.

Разрез и последующая расчистка южного вала также выявила сырцовые конструкции в основании кладки из обожженного кирпича. Стратиграфия разреза проездного пространства, а также картина профилей разрезов валов позволили четко определить верхнюю границу фундамента конструкций позднего строительного горизонта ворот, на котором были возведены привратные сырцовые стены и иные сооружения позднего комплекса ворот и который служил уровнем дневной поверхности в этот период.

В ходе разреза северного вала привратного сооружения выяснилось, что вал представляет собой сырцовую стену, сложенную из крупных саманных блоков в основании и сырцового кирпича в основной части, что вынудило приостановить работы по разрезу вала и расчистить кладку. Дальнейшие работы были сосредоточены на детальном изучении конструкций данного строительного горизонта, а также получение предварительной информации о наличии и особенностях более раннего строительного горизонта. В частности, по мере расчистки сооружений, примыкающих к северному устою портала ворот с внутренней стороны, был обнаружен участок стенки из обожженного кирпича, очевидно представляющий собой внутреннюю облицовку поздней сырцовой стены, примыкавшей к северному устою портала. По-видимому, продолжение кладки этой стены было обнаружено на участках Ж/6-7, где также была выявлена стенка из обожженного кирпича, непосредственно примыкающая к внутреннему фасу сырцового основания привратного выноса стены городища. К сожалению, на участке смычки обоих стенок правильную кладку проследить не удалось. В северной части раскопа на участках З/5-6 был обнажен внешний фас привратной сырцовой стены, которая была прослежена на протяжении 6 м. Внутренний фас северной привратной стены также был расчищен, что позволило исследовать характер сырцовой кладки стены. Кирпичная надстройка в этой части стены, аналогичная той, что была выявлена в южной стене, здесь обнаружена не была.

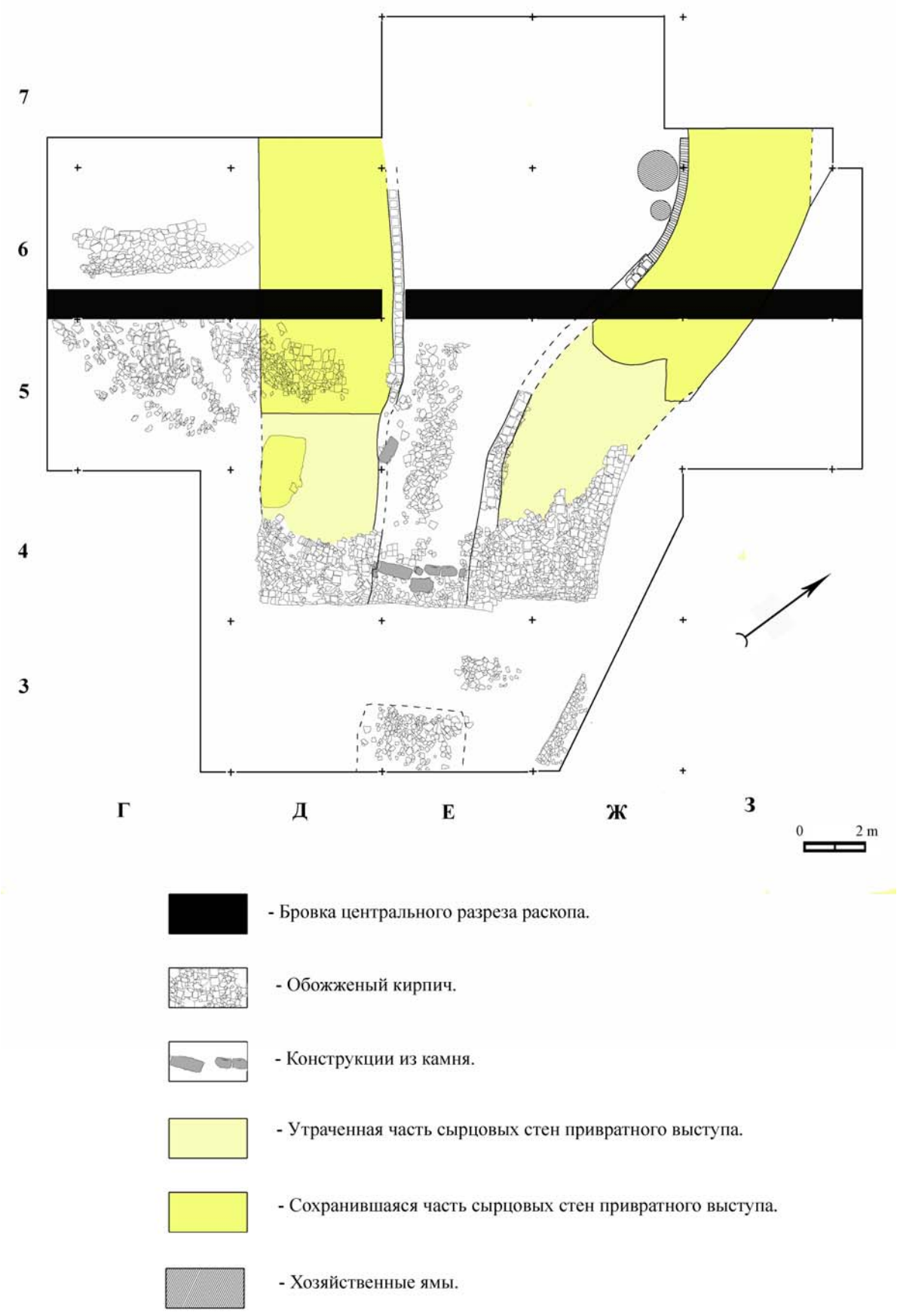

Рисунок 2 – План вскрытой части раскопа

Городская стена привратного выноса, примыкавшая к южному устою портала ворот, была изучена на протяжении 7 м. Участок стены, непосредственно примыкавший к южному устою портала сохранился лишь на уровне фундамента и местами 1 ряда сырцовых кирпичей. Большая часть его оказалась полностью утрачена, тем не менее сохранившиеся участки позволяют в значительной степени его реконструировать. Раскоп на участках Г-Д/5 вскрыл крупный участок упавшей стены из жженого кирпича, большая часть кирпичей которой, сохранилась в виде правильной кладки. Зачистка внутреннего и внешнего фасов южной стены привратного выноса, позволила проследить характер кладки ее сырцовой части, а также выявить следы штурма городских укреплений позднего периода. Исследования внешнего фаса южной привратной городской стены на участке Г/Д-6 натолкнулись на картину значительного количества поздних пристроек стене, частично врезанных в ее тело и сильно исказивших ее изначальный облик, поэтому четкие границы стены удалось проследить лишь по бровке. Внутренний фас южной стены сохранился гораздо лучше, несмотря на то, что значительный участок сырцовой кладки стены в этом месте был срезан при полевых работах сезона 2011 года. Тем не менее, благодаря сохранившейся стенке облицовочной стены, сложенной из обожженного кирпича, контур внутреннего фаса южной стены удалось зафиксировать.

Внутреннее пространство, оконтуренное привратными стенами выноса фортификационной линии городища, было изучено лишь частично – участки Е/6-7 были выведены на уровень заливки серо-голубой глиной, который согласно наблюдениям над стратиграфией памятника соответствовал уровню дневной поверхности позднего строительного горизонта. Планиграфия и стратиграфия участков Е/6-7 подтвердила предположение о том, что проездная часть привратного выноса имела ощутимый уклон в напольную сторону. Несколько хозяйственных ям, выявленные в зоне, примыкающей к внутреннему фасу северной привратной стены, показали, что использование межстенного пространства на этом участке сводилось не только к его проездным функциям, но и предполагало, определенную хозяйственную деятельность.

На участке Е/5 в зоне проезда был расчищен крупный кирпичный завал, перекрывающий большую часть проездной зоны. Тщательная расчистка и послойное снятие завала не подтвердили версию о кирпичной мостовой – подавляющая часть кирпичей завала представляет собой фрагменты кирпичей или кирпичный бой, регулярной кладки не составляющий. Кроме того, в северной части проезда, описываемый завал зафиксирован не был. Судя по заметному прогибу уровня дневной поверхности в этом месте, в заполнении которого собственно и был выявлен описанный кирпичный завал, последний представляет собой не собственно мостовую, а лишь заклад глубокой промоины в этом месте, образовавшийся благодаря действию сточных вод.

Работы по исследованию кирпичного портала ворот были сосредоточены на исследованиях южного устоя портала и собственно проема ворот. Северный устой портала, большей частью раскопанный в 2011 году был лишь вторично расчищен, и уточнены его западные границы. Южный устой, лишь слегка обнаженный в своей верхней части раскопом 2011 года, был изучен более детально. Для получения четкого контура основания устоя, а также для того, чтобы проследить его внешние фасы раскоп был углублен на участках, примыкающих к устою с восточной и южной сторон. Это позволило, кроме выявления внешнего фаса устоя и его юго-восточного внешнего угла проследить стратиграфию этой части сооружения и подтвердить версию о том, что собственно портал ворот в своем основании относится к более раннему строительному горизонту. Кроме того, стратиграфический срез по границе участков Г/4 и Г/5 позволил получить уровень материка, а также проследить нижние горизонты этой части раскопа.

Проем ворот (участок Е/4) после расчистки кирпичной конструкции портала также был полностью перекрыт завалом из битого кирпича. Послойная расчистка завала также не выявила следов правильной кладки, позволившей предполагать здесь наличие мостовой. Очевидно, мостовая, предусмотренная конструкцией ворот, в этом месте не сохранилась. После снятия кирпичного завала в центральной части проема ворот обнажился механизм подъемного моста ворот, ранее полностью скрытый кирпичным боем. Обнаженная конструкция позволила уточнить границы южного фаса северного устоя портала ворот, в значительной степени разрушенного. Также наличие подъемного моста поставило вопрос об устоях моста и исследовании фортификационного рва городища. Для этого раскоп был расширен к востоку (участки Д-Ж/3). Прирезанные квадраты позволили частично проследить сооружения, оформлявшие привратное пространство в поздний

период: строго напротив въезда в город в 3,5 м от фасада портала ворот был расчищен участок дороги, вымощенный фрагментированным жженым кирпичом, а на участке Ж/3 расчищен фрагмент кирпичной стены некоего строения. Дальнейшие исследования этой постройки были приостановлены, поскольку дальнейшее расширение раскопа к северу и востоку оказалось невозможным – эти площади заняты действующей проселочной дорогой.

Для предварительного исследования нижних горизонтов объекта центральный разрез по границе участков Е-Ж/5 и Е-Ж/6 был углублен более чем на 1 м. В результате такой шурфовки на глубине 0,6 и 0,7 м были выявлены основания мощных пахсовых стен (порядка 1,5–1,8 м толщиной), ориентированные (насколько удалось проследить в рамках шурфа) в целом перпендикулярно оси фасада ворот. Данное наблюдение в совокупности с материалом по раннему строительному горизонту, полученным при изучении северного и южного устоев портала ворот, позволяет уже с определенностью говорить наличии конструкции ранних ворот городища. Хотя любые выводы о характере ранних сооружений ворот в настоящий момент представляются преждевременными, уже сейчас становится очевидным, что все ранние конструкции ворот, в том числе сырцовые были разрушены и срыты практически до основания. Учитывая интересы последующей реставрации объекта, последнее обстоятельство вынуждает с гораздо большей осторожностью подходить к исследованию раннего горизонта памятника, и предусмотреть максимальное сохранение поздних конструкций.

О стратиграфической картине раскопа позволяют судить: основной разрез раскопа (рис. 3), разрезы южной и северной стен привратного сооружения, а также стратиграфия фундамента фасадной части ворот. Стратиграфическая картина вскрытой части сооружения не отличается особой сложностью. Сразу под слоем дерна и отложений XX века мощностью не более 0,1 м отмечено несколько прослоек темно-коричневого и темно-серого суглинка представляющих собой отложения периода полного запустения городища (XVIII–XIX вв). Об этом свидетельствуют кирпичные завалы и большое количество кирпичного боя в составе слоев, а также поздний керамический материал. К этим верхним горизонтам (совокупной мощностью до 0,4–0,5 м) относится поздняя постройка, пристроенная к внутренней стене северного устоя ворот. Эти отложения подстилает мощный слой плотной светло-серой глины, представляющий собой заливку-фундамент для всего комплекса позднего строительного горизонта привратных сооружений, а также позднего

Рисунок 3 – Разрез проездной части ворот

горизонта собственно портала ворот. В пространстве между привратными стенами этот слой фундамента, судя по всему, служил уровнем дневной поверхности в период функционирования памятника. Судя по стратиграфии фундамента южного устоя портала (фасадной части) ворот, тот же слой глиняной заливки отделяет раннее основание устоя и кирпичную кладку более позднего строительного горизонта, свидетельствующий о капитальном ремонте или перестройке конструкции портала ворот. Следует, однако, отметить, что рассматриваемый слой глиняной заливки или фундамента позднего комплекса ворот на различных участках заметно отличается как по плотности, так отчасти и по составу.

Например, в западной части южного устоя, в зоне предполагаемой смычки устоя с южной привратной стеной (рис. 4) он представляет собой скорее рыхлый суглинок голубого цвета, в то время как на участке, примыкающем к южной привратной стене с внешней стороны, где он выступает в виде характерной ступеньки-стилобата, указанный слой значительно плотнее, и имеет более темный, почти синий цвет. В центральной части основного разреза (на пространстве между привратными стенами) данный слой имеет зернистую структуру, благодаря большому количеству щебня в составе глины, сама же глина здесь имеет характерный грязно-желтый и зеленоватый оттенок. Кроме того, стратиграфическая картина центрального разреза демонстрирует глубокий выем всех слоев, включая описываемый слой заливки, описывая контур широкой ямы или желоба занимающей центральную и южную часть проездной части ворот. Примечательно, что центральная часть этого желоба заложена большим количеством битого кирпича, уложенного в слой темно-коричневого суглинка, создающего ощущение очень плохой мостовой. Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с картиной широкой промоины, образовавшейся в центральной части проезда, благодаря действию вешних вод, которую периодически закладывали битым кирпичом, с целью укрепления дорожного покрытия.

Рисунок 4 – Разрез проездной части ворот

Исследование внешнего фаса южного устоя портала ворот позволило получить информацию о нижних горизонтах комплекса, а также проследить уровень материка в зоне привратной площадки. Стратиграфия западного профиля шурфа на участке Г/4: 1. Слой голубой глины, как и в остальной части раскопа, служит единым фундаментом всего горизонта поздних привратных сооружений. Судя по северному профилю шурфа, слой глины имеет двухчастную структуру: верхний слой мощностью в среднем 0,4 м покрывает кладку кирпичных конструкций ранних горизонтов, и нижний слой, мощностью 0,3–0,4 м, подстилающий ранние конструкции. В профиле северного разреза шурфа оба слоя разделены прослойкой плотной темно-коричневого суглинка, а на участке Г/4 второй слой голубой глины перекрыт также явно поздним завалом обожженного кирпича. Аналогичный темно-коричневый суглинок подстилает и служит прослойкой между кладкой раннего горизонта конструкции южного устоя портала ворот и слоем голубой заливки в разрезе фасада южного устоя портала и его юго-восточного угла. Очевидно, что образование этого слоя связано с периодом запустения конструкции ворот, последовавшим после их первого разрушения, до того как ворота были восстановлены в их позднем варианте.

Нижний же слой голубой глины, как уже было отмечено, подстилающий как слой позднего стилобата ворот (так же сложенного из аналогичной голубой глины), так и слой временного запустения памятника, следует в таком случае интерпретировать как фундамент-стилобат раннего комплекса ворот. Ниже этого слоя залегает слой плотного серо-коричневого суглинка (мощностью 0,3 м), который может быть интерпретирован как слой древней погребенной почвы или слой предматерика. Находки в этом слое малочисленны, хотя отмечены угли и фрагменты неглазурованной керамики. Подстилает его слой очень плотной желтой глины (мощность 0,3–0,35 м) с многочисленными прожилками темно- и светло-коричневой глины, придающими слою характерный пестрый оттенок. Наконец, в основании стратиграфического разреза располагается слой плотной темно-коричневой глины, собственно материк.

Раскоп № 11 был заложен на месте небольшого бугра в 2011 году на городище Сыгнак в 150 м к северу-востоку от раскопа № 9 (раскоп на месте ворот городища). В 2011 году раскоп был заложен на площади 22х16 м и был вытянут с северо востока на юго-запад.

В 2012 году раскоп был продолжен. К раскопу 2011 года был добавлен участок к северо-востоку размерами 5х10 м.

Перед началом раскопок была сделана фотофиксация участка раскопа в том виде в котором он находился в 2012 г. Затем была проведена расчистка участка от растительного покрова. В процессе расчистки участка был собран подъемный материал, представленный в основном обломками жженых кирпичей и фрагментами керамических сосудов.

После расчистки участка от растительного покрова и подъемного материала была проведена повторная фотофиксация объекта.

Затем сняли верхний слой размеченного участка размерами 5х10 м. Этот слой был полностью разрушен и следов каких либо построек обнаружен не был. После расчистки раскопа на расчищенной поверхности стали вявлятся следы саманных кирпичей. Но определенных следов стен или полового уровня выявлено не было. Был выявлен нечеткий контур хозяйственной ямы. Расчистка ямы показала, что она неглубокая и не содержит каких-либо метериалов. Поэтому было решено снять второй слой глубиной 20 см. Только после расчистки это слоя были выявлены следы двух стен перпендикулярных друг другу.

Продолженный раскоп выявил два помещения размерами 3х4 м и 30,5х4 м. На глубине 90 см от дневной поверхности был обнаружен уровень пола первого помещения. На уровне пола был обнаружен перевернутый хум без дна. Скорее всего он был предназначен для ташнау (слив). Поверхность ташнау ничем не была покрыта. Вероятней всего, покрытие из жженых кирпичей было разрушено (рис. 5).

Рисунок 5 – Раскоп № 11

Второе помещение было расчищено частично. Уровень пола помещения был расчищен на глубине 95 см. от уровня дневной поверхности. Никаких следов каких-либо хозяйственных построек выявлено не было.

В процессе раскопок были обнаружены многочисленные черепки керамических изделий. Большинство черепков неполивные. В основном это черепки керамической посуды, в их числе кувшины, горшки, ручки от кувшин и крышек. Поливная посуда представлена черепками пиал, чаш, горшков. Предварительный анализ показал, что керамические изделия относятся к позднесредневековому периоду, в основном к XVII–XYIII вв.

Объект раскоп № 12 был заложен на месте разрушенного мавзолея и расположен с левой стороны трассы Самара–Ташкент в Жанакурганском районе, в 800-х метрах к западу от окраины села Сунак Ата.

Бугор в плане овальный, вытянут с юга на север на 20–25 м. С востока на запад 20 м. Высота самой высокой точки примерно 170 см. Западная часть бугра частично разрушена построенной дорогой, ведущей к мавзолею Сунак Ата. На поверхности бугра обнаружены обломки жженого кирпича и фрагменты керамических изделий. Поверхность бугра покрыта растительностью (рис. 6).

Рисунок 6 – Вид бугра с северо-западной стороны

Бугор сам состоит из грунта вперемешку с песком. Это связано с окружающей почвой. Местами почва из песка, а местами – из грунта. Окрестность вокруг бугра также плотно покрыта растительностью, в основном кустарниками и верблюжьей колючкой. Недалеко от бугра в 2011 году при строительстве дороги «Западная Европа-Западный Китай» с южной стороны был вырыт котлован глубиной около 2 м. На дне котлована собралась вода глубиной около 0,5–0,7 м. Это влага подземных вод, свидетельствующая о том, что на этой территории подземные воды расположены сравнительно неглубоко. Это, в частности, затрудняет проведенение раскопок, поскольку солевые отложения выступают на поверхность почвы и разрушают многие пахсовые постройки. Пахсовые кирпичи просто растворяются в грунте и становятся с грунтом единым целым. Только на небольшой глубине можно обнаружить следы пахсовых стен. Чем глубже становиться раскоп, тем труднее становится обнаруживать их следы.

После фотофиксации объекта был заложен раскоп под порядковым номером 12. Вначале были заложены два раскопа, которые впоследствии были объединены в один общий раскоп. Между раскопами была оставлена бровка шириной 0,5 м. Вершина бровки была использована как точка репера для снятия плана раскопа. Раскоп № 12-1 заложен на южной части бугра, размерами 6х14 м. Был снят верхний дерновой слой глубиной 20 см. При расчистке верхнего дернового слоя были обнаружены фрагменты жженых кирпичей различных размеров. Целых кирпичей обнаружено не было. Но из обломков жженых кипичей выявлена кладка правильных размеров, скорее всего

кладка надмогильных сооружений. При зачистке этого слоя были найдены несколько черепков керамических изделий. Археологически целых экземпляров найдено не было.

При снятии второго слоя стали выявляться завалы из жженых кирпичей. В северо-западном углу раскопа была расчищена кладка толщиной и шириной в несколько рядов из жженого кирпича размерами 25х25х5 см. по направлению с северо-востока на юго-запад. Длина кладки 3,25 м. Кладка неровная, его слои неоднородны. Если в северной части слоев кладок доходит до 7, в южной части – только 3 слоя.

В центральной части бугра были выявлены следы нескольких захоронений. Скорее всего, это поздние захоронения, поскольку они находились неглубоко и надмогильные сооружения у них сохранились в очень плохом состоянии. Нами было насчитано на этом участке раскопа 3 захоронения.

В центральной части бугра была расчищена клажка из жженных кирпичей. Два верхних кирпича поставлены на ребро, остальные кирпичи лежат плашмя. Это остатки более позднего сооружения. Возможно, это сооружение представляет собой надмогильное сооружение. Расчистить его в 2012 году не удалось.

После фотофиксации второго слоя была проведена расчистка третьего слоя. Слой также состоял из грунта вперемешку с обломками жженого кирпича. Этот слой выявил частичное продолжение основания стены. Кладка стены состоит из жженых кирпичей, но целых кирпичей практически нет. Стена в направлении с северо-запада на юго-восток. Расчищенная длина стены около 4 м. Состоит из 4 местами из 5 слоев кладки. Посередине стены расчищен завал из жженых кирпичей. Целых кирпичей также не обнаружено. Возможно, это был вход в сооружение.

Северная часть раскопки на этом этапе были приостановлены ввиду окончания полевого сезона.

Таким образом, в северной части раскопа была расчищена часть северо-западной и часть северо-восточной стены. Стены этих сторон в основном выложены обломками жженых кирпичей и это дает основание сказать, что сооружение в свое время было полностью разрушено и частично восстановлено уже из обломков жженых кирпичей. Целые кирпичи, возможно, были унесены для посторойки другого сооружения. Возможно, сооружение из обломков кирпичей было ограждением поздних захоронений. А сам более ранний мавзолей находится ниже расчищенных слоев. То есть до этих слоев раскопки не проводились. Таким образом, раскопки на объекте раскоп № 12 нужно продолжить до выявления сооружения более раннего периода.

ЛИТЕРАТУРА

Отчет о научно-исследовательской работе по итогам 2012 года, выполненного в рамках бюджетной программы Министерства культуры и информации РК 005 «Прикладные научные исследования» по теме Археологические исследования объекта историко-культурного наследия – средневековое городище Сыганак (промежуточный). – Туркестан, 2012. – 143 с.

REFERENCES

Otchet o nawchno-i"ssledovatel#skoy rabote po i"togam 2012 goda, vi'polnennogo v ramkah byudjetnoy programmi' Mi"ni"sterstva kwl#twri' i" i"nformaci"i" RK 005 «Pri"kladni'e nawchni'e i"ssledovani"ya» po teme Arheologi"cheski"e i"ssledovani"ya ob##ekta i"stori"ko-kwl#twrnogo nasledi"ya – srednevekovoe gorodi"shhe Si'ganak (promejwtochni'y). Twrkestan, 2012. 143 s.

С. Ж. Жолдасбаев, Б. У. Нұрханов, М. М. Бахтыбаев, С. С. Мұрғабаев

(А. Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті, Түркістан, Қазақстан)

2012 ЖЫЛЫ СЫҒАНАҚ ҚАЛАШЫҒЫНДА ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУ ЖҰМЫСТАРЫНЫҢ НӘТИЖЕЛЕРІ

Резюме

Зерттеу нысаны ортағасырлық Сығанақ қалашығы болып табылады.

Зерттеудің негізігі мақсаты ортағасырлық Сығанақ қаласы мен оның төңірегінде зерттеу жүргізіп, материалдық және рухани мәдениетін, шаруашылық дәстүрін, әлеуметтік-экономикалық ахуалының негізгі элементтерін қалпына келтіру болып табылады.

2012 жылдың далалық ғылыми-зерттеу жүргізу мерзімінде Қ. А. Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің Сығанақ археологиялық экспедициясы (жетекшісі тарих ғылымдарының докторы,

профессор С. Ж. Жолдасбаев) ҚР Мәдениет және ақпарат министрлігі тарапынан 25 шілде 2012 ж. берілген № 12007120 Мемлекеттік лицензиясы негізінде қаланың шығыс қақпасында (қазба №9), шахристанның орталық бөлігінде (қазба №11) және бұзылған ғимарат орнында (қазба №12) қазба жұмыстарын жүргізді.

Негізгі қазба жұмыстары қаланың шығыс қақпасында жүргізіліп, шахристанның орталық бөлігінде орналасқан нысанда (қазба №11) және бұзылған ғимараттың (қазба №12) бір бөлігінде ғана жүргізілді.

Тірек сөздер: Сығанақ, қазба, керамика, кесі, қақпа, ор, қалашық, мұнара, қамалдың қабырғасы.

S. Zh. Zholdasbayev, B. U. Nurkhanov, M. M. Bakhtybayev, S. S. Murgabayev

(International Kazakh-Turkish university of a name of A. Yasaui, Turkestan, Kazakhstan)

RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES
ON THE ANCIENT SETTLEMENT SYGANAK IN 2012

Summary

Object of study is medieval settlement Syganak.

Purpose – the study of medieval settlement Syganak and its surroundings, the reconstruction of the main elements of the material and spiritual culture, cultural and economic traditions, socio-economic system.

In the 2012 field season Syganak's archaeological expedition of the International H. A.Yasavi Kazakh-Turkish University, under the guidance of d.h.s., prof. S. Zholdasbayev, excavations were carried out on the eastern entrance (excavation number 9), in the central part of the settlement and on the remains of buildings located within rabad under state license number 12007120 issued 25 July 2012 by the Ministry of Culture and Information.

The main field work focused on the excavation site number 9, that is, structures that belong to the complex of the eastern gate of the city, and partly on the excavations N 11 and N 12.

Keywords: Syganak, digs, ceramics, cuts, entry, ditch, mound, tower, fortifications.

Поступила 10.09.2014 г.

УДК 903/904(574.5)"637"

Д. А. ВОЯКИН [1], С. Ш. АКЫЛБЕК [2], Р. Н. БУРАНБАЕВ [1]

([1]Институт археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК, ТОО «Археологическая экспертиза», Алматы, Казахстан,
[2]Отрарский государственный археологический заповедник-музей, Тараз, Казахстан)

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ГОРОДИЩЕ ТАРАЗ В 2013 Г.

Аннотация. В статье рассматриваются итоги археологических исследований городища Тараз в 2013 году. На цитадели обнаружены: самое раннее средневековое медресе на территории Казахстана XI–XII вв., восточная стена цитадели VIII–IX вв., вскрыты жилые кварталы северо-западного шахристана. В результате нумизматических исследований прочитано 17 монет тюргешского круга с именами местных правителей Вахшутавы и Инал-Тегина, что в очередной раз показывает наличие монетного двора в Таразе. Приводится подробный анализ остеологического материала.

Ключевые слова: городище Тараз, археологические раскопки, медресе, остеология.

Тірек сөздер: Тараз қалашығы, археологиялық зерттеулер, медресе, остеология.

Keywords: Taraz settlement, archaeological research, madrassa, osteology.

Исследовательские работы на городище Тараз в полевом сезоне 2013 года были сконцентрированы на цитадели и шахристане. Было заложено четыре раскопа и две траншеи. Общая площадь исследований составила 6.661 м^2. Выявлено и детально изучено 4 строительных горизонта. Открыта и уточнена планировка застройки жилых кварталов городища.

В процессе работы использовались современные зарубежные и отечественные методические разработки. Перед вскрытием на территории городища было проведено геомагнитное сканирование на 7-и участках. Общая площадь исследованной геосканером территории составила 10 600 м^2.

Апробация этой новейшей методики на первом этапе позволяет наметить наиболее перспективные с точки зрения последующего экспонирования участки исследования.

Тараз – крупнейший город Таласской долины, являлся также узловым пунктом на трассе Великого Шелкового пути. Данные письменных источников и археологические материалы позволяют отнести начало городской жизни в регионе и о возникновении урбанизационного поселения на месте современного Тараза в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э., следовательно, возраст Тараза определяется двумя тысячелетиями [1].

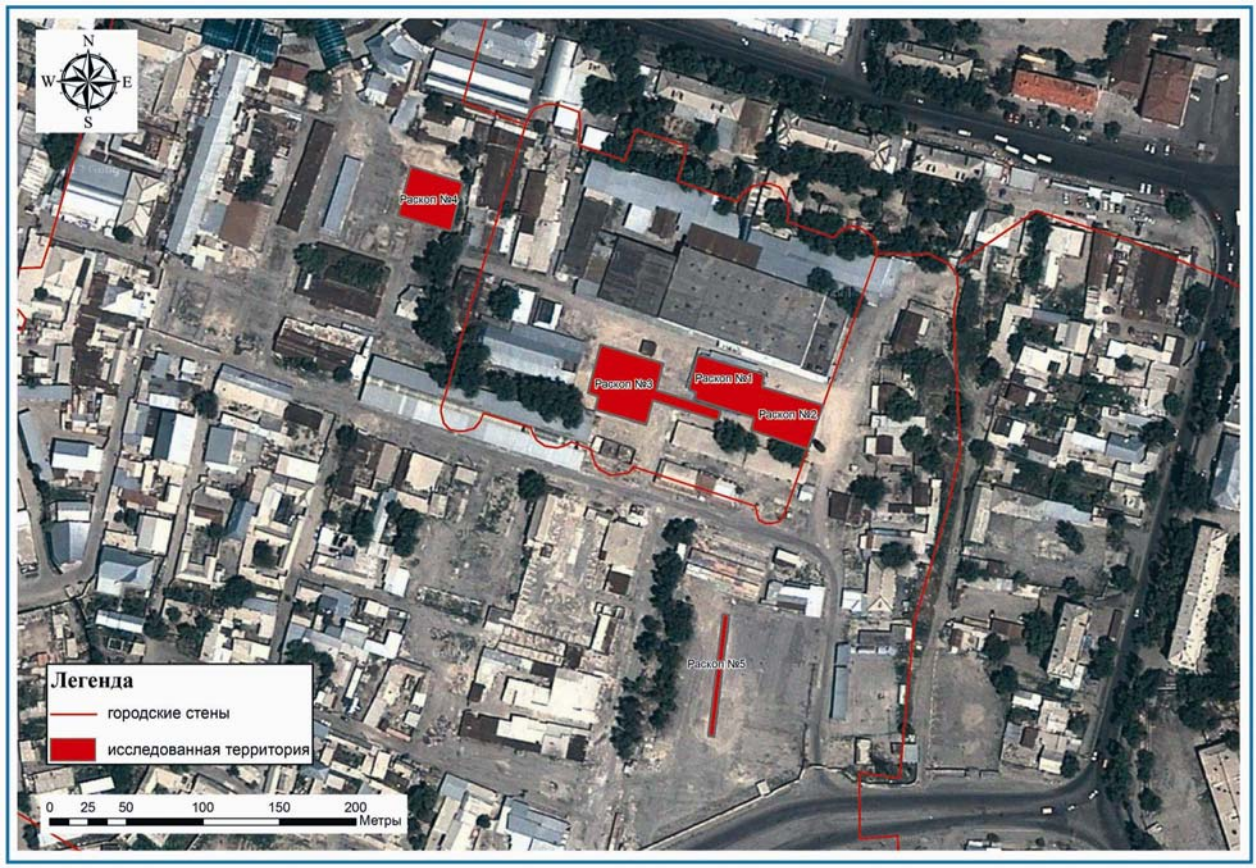
Тараз относится к типу «городищ с длинными стенами», защищавших пригородные земли, во много раз превосходившие город по площади. Наличие таких стен характерно для городищ Чу-Таласского междуречья. Тараз имел типичную для средневекового города трехчастную структуру, включающую в себя цитадель, шахристан и рабад.

В результате археологических исследований 2012–2013 гг. с привлечением сохранившихся топографических элементов, обозначенных на старых планах, были уточнены границы древнего Тараза. Размеры цитадели составили с запада на восток – 175 м, с севера на юг – 135 м. По картографическим данным размеры шахристана составили 450х450 м [2].

В 2011 г. на территории центрального рынка, расположенного на цитадели и шахристане городища Тараз, начались исследования ТОО «Археологическая экспертиза». В результате исследований изучено два строительных горизонта: К первому относятся баня-хаммам XI–XII вв., ко второму – слои VIII–X вв., обнаруженные в шурфах. В 2012 г. были продолжены исследования бани-хаммам и вскрыта жилая постройка второго строительного горизонта, состоящая из двух помещений. В одном из помещений был обнаружен зороастрийский алтарь. Наличие алтаря вкупе с находками неполивной красноглиняной керамики и тюргешской монеты позволили продатировать постройку VIII–X вв. [3].

В 2013 г. на территории цитадели и шахристана освоена площадь в 3.661 м^2, заложено четыре раскопа и две траншеи, глубина раскопов колеблется в пределах 1–3,5 м (рис. 1).

Раскоп №2 – площадью 989 м^2 прирезан к раскопу с восточной стороны раскопа №1 на территории цитадели.

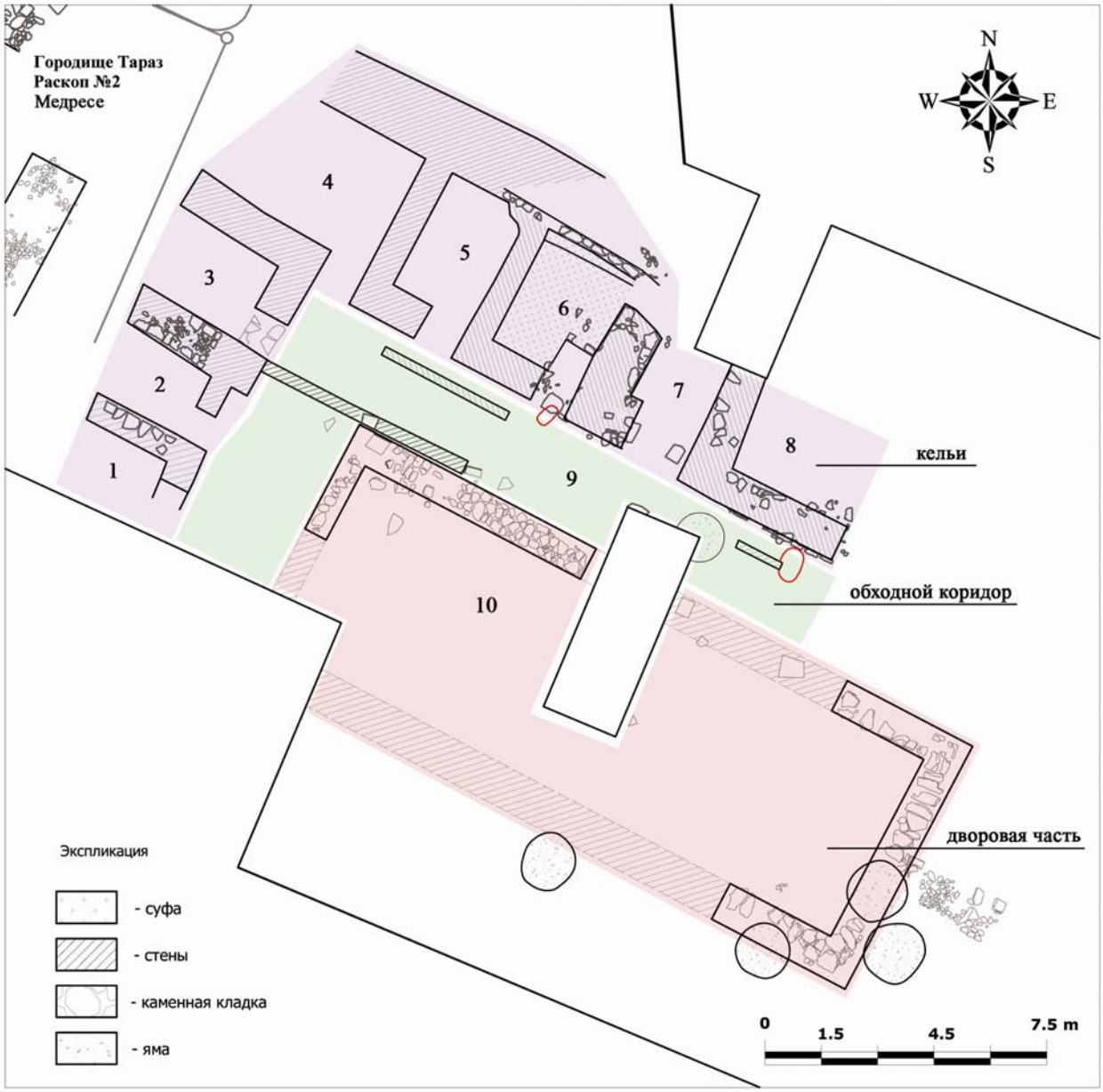
Раскоп №3 – площадью 1299 м^2 разбит в западной части цитадели.

Раскоп №4 – площадью 1133 м^2 заложен в северо-западном части шахристана.

Раскоп №5 – траншея длиной 60 м, шириной 4 м и общей площадью 240 м^2 заложена в южной части шахристана (автостоянка) для выяснения стратиграфической ситуации на данном участке. Траншея ориентирована по направлению север-юг.

Еще один раскоп площадью 3000 м^2 м заложен на территории рабада, примыкающего с запада к стенам шахристана.

Основным результатом археологических исследований *раскопа №2* стало открытие средневекового медресе XI–XII вв (рис. 2).

Были расчищены остатки постройки, интерпретированной по конструктивным признакам, как средневековое медресе XII столетия – самого раннего на сегодняшний день духовного учебного заведения, выявленного на территории Казахстана.

Медресе древнего Тараза изначально планировалось и было построено как монументальное сооружение прямоугольной формы (36,5×27 м), ось которого вытянута по линии северо-запад – юго-восток, что соответствует канонам устройства заведений типа мечетей, медресе, ханака.

Внутреннее пространство медресе составлял прямоугольной формы двор (22×10,8 м), в который были обращены входы (шириной в среднем 1 м) расположенных по периметру помещений-худжр (араб. *hudjra* – «комната») – келий, используемых в качестве жилых комнат для учащихся и педагогов медресе. Размеры помещений: угловые – 5,5×3,3 м, самые маленькие 2,3×3,3 м, самые большие помещения по реконструированной части 5,3×6,6 м. Главный фасад этого сооружения не сохранился, но по аналогиям можно представить, что он был представлен портальным входом с вестибюлем, выступающим из общего объема на 3 метра. В результате археологических работ выявлен северо-западный угол монументального сооружения, дворовой планировки. Большая часть сооружения, однако, не сохранилась. Помещения-кельи расположены смежно по периметру внешних стен, имеют примерно одинаковый размер, с незначительными вариациями в некоторых помещениях. Помещения имеют выходы во внутренний двор. Всего расчищено семь помещений, пять из них сохранились частично, отсутствует внешняя стена, ограничивавшая помещения. Параметры двух помещений выявлены полностью. Здесь зафиксирована часть северной внешней стены, которая толще по сравнению с другими выявленными межкомнатными стенами. Стена вытянута с запада на восток, длиной 4,3 м, шириной 1,8 м, сохранившаяся высота 0,3 м. Стена состоит из фундамента и одного ряда сырцовой кладки. По краям фундаментной части стены в один ряд выложен рваный камень, тело заполнено окатанной галькой на глиняном растворе. Средняя величина камней 62×27 см, толщина 22 см.

В северо-западном крыле здания расчищены три помещения (1, 2, 3), сохранившиеся частично, что не позволило полностью выявить параметры (неясной остается длина помещений). Помещения прямоугольной формы, вытянуты по линии юго-восток – северо-запад. Ширина помещений 1,9 и 2,2 м. Крайняя юго-западная стена расчищена частично, параметры не выявлены. Проходы в помещения расположены в юго-восточной стене, у южного угла. Ширина проходов примерно одинаковая 0,9 и 1 м. Пол и элементы интерьера в помещениях не зафиксированы. Толщина межкомнатных стен 0,7 и 1 м. Внешняя западная стена разрушена при прокладке водопроводной сети базара. Направление и расположение траншеи водопровода точно совпало со стеной сооружения.

Угловое помещение 4 выделяется от остальных большим размером и расположением прохода в помещение. Помещение прямоугольное, длинной стороной вытянуто по линии юго-восток – северо-запад. Ширина помещения 3,3 м. Проход шириной 1 м расположен в юго-западной стене у южного угла.

Вдоль северо-восточного крыла сооружения расчищены три помещения (5, 6, 7). Два из них жилые кельи, третье помещение представляется как коридор, ведущий наружу здания или айван.

Помещение 5 жилое, имеет прямоугольную форму. Размеры 3,3×2,3 м, вытянуто длинной стороной с юго-запада на северо-восток. Проход шириной 1 м расположен в юго-западной стене, у южного угла помещения.

Юго-восточная стена помещения, общая со смежным помещением 6. Стена плохой сохранности, сырцовые кирпичи оплыли и превратились в однообразную массу. Кирпичи сформованы из желтой глины, размерами 31×17×8 см. Длина стены 3,3 м, ширина 0,8 м, сохранившаяся высота 0,25 м.

По центру помещения расчищен очаг-сандал в виде кладки из жженых кирпичей длиной 0,92 м, шириной 0,66 м. Края образованы выложенными торцом кирпичами в два ряда толщиной. Внутри кирпич выложен плашмя, причем некоторые кирпичи обломаны. Размеры кирпичей 27×13×4 см. Южная часть очага прокалена.

Помещение 6 размерами 3,4×2,3 м, прямоугольной формы. Ориентировано длинной стороной по линии юго-запад – северо-восток. Проход в помещение расположен в юго-западной стене у южного угла. Ширина прохода 1,1 м. Имеет порог высотой 0,2 м, сложенный из скальных пород. Длина юго-западной стены до прохода 1,2 м, ширина 0,8 м, высота 0,25 м. Юго-восточная стена длиной 3 м, ширина 1 м, высота 0,5 м. Северо-западная стена длиной 3,4 м, ширина 1,1 м, высота 0,25 м. Северо-восточная стена является внешней стеной всего здания. Перед входом в помещение устроена площадка размером 1,45×1,1 м, ограниченная бортом, сложенным из сырцовых кирпичей в один ряд. Борт сохранился на высоту двух рядов кладки. Пол площадки обмазан глиной желтого цвета. Заполнение площадки состояло из золистого грунта с угольками и битыми сырцовыми кирпичами. Оставшуюся площадь помещения занимала Г-образная суфа. Поверхность суфы не сохранилась, маркируется по бортам. Ширина суфы вдоль северо-восточной стены 1,3 м, вдоль

северо-западной 1 м. У южного угла помещения в заполнении суфы найдены остатки тандыра. В северной части заполнения суфы расчищены битый сырцовый кирпич, золистый грунт, содержавший керамический материал.

Помещение 7 представляет собой коридор или айван, открытый с одной стороны, выходящий во двор. Ширина помещения 2 м. Внешняя стена на данном участке отсутствует, что не позволяет однозначно интерпретировать назначение помещения. Тем не менее, айван или сквозной коридор устраивались в центре сооружения. Предположительно по центру данного помещения проходит поперечная ось монументального здания. К востоку от коридора располагалось помещение 8, вероятно – келья, от которого сохранились лишь две стены – западная и южная.

Перед помещениями на сравнительно обширной территории выявлены остатки каменного бордюра, ограничивавшего пространство перед помещениями-кельями по периметру (9). Бордюр сложен из рваных камней. Кладка бордюра зафиксирована в северо-восточной и юго-западной частях. Сохранившиеся участки бордюра позволяют полностью и довольно точно установить его параметры. Бордюр ограничивает пространство прямоугольной формы размером 18×7 м (10). Это немаловажный фактор, который дает представление о характере и приблизительных размерах данного разрушенного до основания сооружения (рис. 2–4).

Продатировать медресе позволяют многочисленные находки поливной керамики. Чаши, блюда, тарелки, светильники-чираги с росписями по внутренней стороне коричневой и светло-зеленой красками по белому ангобу. Орнаментация посуды по большей части растительно-геометрического и эпиграфического характера. Такая керамика широко датируется XI–XII вв.

Средневековые медресе Средней Азии являлись, прежде всего, религиозными школами, часто исполнявшими также функции ханака и мечетей. Все сохранившиеся среднеазиатские медресе вмещали в себя аудитории для преподавания, мечети, а также общежития для преподавателей и студентов в них обучающихся. Планово-пространственная планировка среднеазиатских медресе, прослеженная на протяжении нескольких веков, как замечает один из известных исследователей в области средневековой архитектуры С. Г. Хмельницкий, удивляет устойчивым однообразием.

Самые ранние медресе появляются в IX веке, возможно, истоком их появления была Бухара [4].

Другим важным открытием на *раскопе №2* стало обнаружение стены цитадели средневекового Тараза VIII–IX вв. н.э., являвшегося одним из важнейших элементов оборонительной системы города.

Основная стена цитадели выявлена параллельно юго-восточной бровке раскопа, в 4,2 м от него. Стена вытянута с севера на юг, сильно пострадала при современном строительстве. На стене зафиксировано два ремонтных слоя. Ранняя стена была сложена из сырцовых блоков размером 30х30 см, сохранилась на высоту 1 м, шириной 1,8 м. Ремонтная стена была надстроена на ранней стене в караханидский период, сложена из кирпичей 54х28х11 см. Сохранилась в южной части раскопа в длину на 3,9 м, высотой 0,7 м, (4–5 рядов кладки) шириной 1,7 м. Продолжение ремонтной стены зафиксировано в северной бровке. Стена выступает из бровки на 1 м, ширина 1,7 м, высота 0,7 м (4 ряда кладки).

Позднее с восточной стороны была построена еще одна стена, остатки которой зафиксированы в восточной бровке. Выступающая из бровки часть стены имеет ширину 1,8 м, прослежена в длину на 11 м, самая высокая часть (южная) имеет высоту 0,8 м, в северном направлении идет на понижение.

С западной стороны от основной стены зафиксирована стена-экран, построенная для наращивания толщины крепостной стены. Пространство между основной стеной и стеной-экраном было заполнено мусором. Таким образом, толщина стены достигала 4,5 м.

В *раскопе №3* (рис. 3, 4) интерес представляет магистральная улица, как одна из основных элементов топографии средневекового города.

Раскопанная улица функционировала на протяжении нескольких столетий. На сегодняшний день установлено ее существование в период IX-XI вв. Улица вымощена плоскими кусками камня. Второй строительный горизонт мостовой сохранился плохо, выложен диким камнем. Ниже, перекрытый глинистым слоем, лежит второй уровень мостовой кладки – 3 строительный горизонт. Основой является слой средних размеров галечника, который перекрывается слоем мелкой гальки.

Городище Тараз
Раскоп №3
Жилая застройка цитадели
Экспликация
- колодец
- бадраб
- стены из рваного камня
①, ②, ③, ④ - жилые хозяйства
⑤ - улица
⑥ - кубур
⑦ - водосборник
⑧ - двор
N
W
E
S
0
2
6
10 m

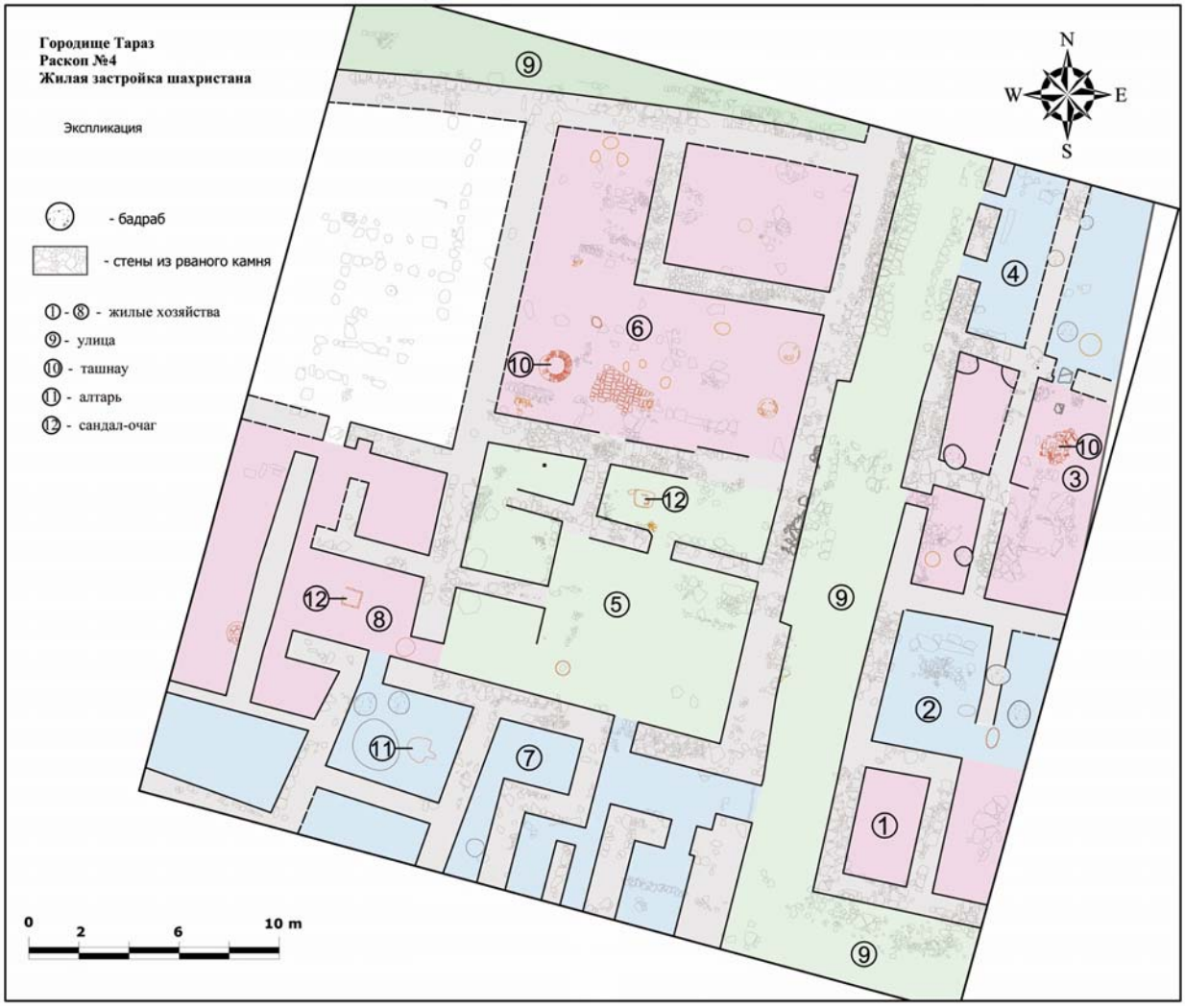
Магистральная улица являлась системообразующим признаком городской застройки с преобладанием построек общественного характера и домовладений зажиточных горожан. Здесь обнаружено большое количество колодцев и мусорных ям, что говорит об интенсивной жизни на этой территории. В дальнейшем исследования планировки средневекового города и интерпретация построек позволят приблизительно подсчитать количество населения средневекового Тараза в период его расцвета – XI–XII вв.

Всего на площади раскопа было выявлено 3 строительных горизонта. Первый горизонт фиксируется только в юго-западном и северо-восточном углах. В северо-восточном углу раскопа на глубине 1,2 от поверхности фиксируется углубленный в пол очаг. На глубине 1,1 м от поверхности и на расстоянии 4,3 м к востоку от внешней стены центральной улицы, фиксируются остатки фундамента стены, ориентированной по линии север-юг, фундамент которой перекрывает строительные конструкции 2 и 3 горизонтов. К первому горизонту также относится галечная кладка на глубине 1,2 м от уровня поверхности (скорее всего, пол конструкции) в юго-западном углу раскопа.

Выявлено и изучено восемь помещений, относящихся ко 2 и 3 строительным горизонтам. К сожалению, конструкции сильно нарушены в советский период постройкой на этом месте складов, стены которых разрушили постройки XI–XII вв.

В заполнении одного из помещений обнаружены два сосуда и керамический жертвенник. Согласно устоявшейся типологии керамических изделий древнего Тараза, эти артефакты носили ритуальные функции и были связаны с доисламским комплексом верований – зороастризма и местных культов. Помещение функционировало в рамках 2 и 3 строительных горизонтов.

Раскоп №4 (рис. 5). Жилая архитектура шахристана Тараза этой поры имеет регулярную прямоугольную разбивку, ориентированную по сторонам света, но направление сетки улиц и хозяйств

имеет небольшие отклонения. Это была обычная для древности и средневековья ориентация по полуденному солнцу – с ориентацией на самую короткую тень. Часть городского квартала XI–XII вв. в границе раскопа №4 делится улицей, имевшей 3–4 м ширины. Полотно дороги улицы слегка вогнуто вдоль продольной оси. Местами вдоль наружных стен домохозяйств, идущих по обе стороны улицы, сохранилась выкладка из крупных плит идущих подле стен. Они могли служить тротуаром.

Жилые кварталы состоят из рядов смежных домовладений. Каждое домохозяйство состоит из трех и большего количества помещений. К сожалению, все эти строения сохранились на уровне только каменных фундаментов, сложенных из 1–2, а местами из трех рядов плитчатого мелкозернистого песчаника и мергеля. Местами не сохранился и этот фундамент, в этих случаях непонятно где были границы домохозяйств и входы в те или иные помещения, неясна функциональная связь помещений. Но в целом полы основного четвертого раскопа залегают на одном уровне с небольшим общим уклоном к северо-востоку, согласно естественному рельефу этого участка шахристана.

На *раскопе №4* в пределах существующих стен выделено два уровня полов, разделенных 10–20 см прослоек культурного слоя. Верхний пол сохранился местами в виде фрагментов каменных мостовых, частей кирпичных выкладок, местами на этом уровне есть очажки.

Нижний уровень пола сохранился практически по всей территории раскопа. На этих полах в ряде помещений сохранились очаги, выложенные из крупной уплощенной гальки, поставленной на ребра, это были кухни. Есть прямоугольные ящички сандалов из поставленных на ребра прямоугольных кирпичей караханидского стандарта, где зимой тлели в жаровне угли. Они обычно сооружались в жилых помещениях. В большинстве домохозяйств имелись тандыры для выпечки хлеба, их основания заглублены в пол. Сильно прокаленные стенки тандыров с внутренней стороны, как правило, имеют орнамент в виде грубых решеток прочерченных по сырой глине. Эта фактура охраняла хлеб от подгорания, и он хорошо пропекался.

Выделяются небольшие помещения для омовений, на что указывают ташнау, перекрытые бракованными и обработанными жерновами с отверстием посредине. Часть из них сохранила кирпичную облицовку в виде кольцевой выкладки мелкоформатного кирпича, уложенного на ребра. Наиболее крупные помещения могли служить двориками. Здесь местами сохранились следы вымостки полов плитами камня, мелким гравием. Местами сохранились остатки аккуратной выкладки жженым кирпичом. Во всех хозяйствах имелись бадрабы.

В двух случаях под порогами помещений были встречены вкопанные под полы небольшие горшочки, один из них был перекрыт фрагментом стенки сосуда, он пустой. Второй был заполнен темным грунтом с отдельными мелкими костями барашка (альчик и две бабки). Это типичные жертвенные закладки под порог, характерные для доисламских городов.

На раскопе можно выделить два домохозяйства вскрытых не полностью, часть их осталась за краем раскопа.

В южной прирезанной части раскопа на глубине 0,3–0,4 м проявились контуры стен сооружения. Сооружение вскрыто не полностью – южная его часть осталась за краем раскопа. Протяженность в широтном направлении 18 м. От сооружения сохранились лишь фундаменты наружных и межкомнатных стен. Пол отсутствует. На некоторых стенах сохранилась сильно оплывшая сырцовая кладка. Выяснить размеры кирпичей и зафиксировать межкладочные швы не удалось. Всего выявлено 8 помещений.

Фундамент северной и западной наружных стен сооружения сложен из двух параллельных рядов кладок диких камней, подпрямоугольной и подквадратной форм. Некоторые камни имеют следы сколов для подгонки в кладку. Средние размеры камней – 45х20х10 и 25х25х9 см. Тело фундамента забутовано галечником в глинистом растворе. Ширина стен 1 м, сохранившаяся высота 20–30 см. В центре северной стены имеется разрыв шириной 1,2 м. По-видимому, здесь располагался проход с улицы. Восточная стена почти не сохранилась, ее границы маркируются несколькими дикими камнями и одним рядом галечника, расположенных по одной линии. Линия начинается с восточного края фундамента северной стены, их ширина совпадает – 1 м. Южная стена осталась за краем раскопа.

Выделяются 8 помещений. Фундаменты стен сложены из камней и галечника. Ширина кладок различна: от 22 до 75 см, сохранившаяся высота 20–30 см. Центральная стена делит сооружение на две неравные части. В восточной части расположено шесть помещений, в западной – два.

Помещение 1 прямоугольной формы, занимает всю северную часть сооружения. Помещение, судя по ее расположению, выполняла функции прихожей. Проход в нее располагался в центре северной стены.

Напротив прохода и точно по его ширине по центру помещения 1 в южном направлении отходил коридор – *помещение 2*. Ширина коридора 1,1 м, выявленная длина 3,8 м. Коридор разделял между собой помещения 3, 4 с восточной стороны и помещение 5 с западной.

Вход в *помещение 3* (северо-восточное) со стороны коридора не зафиксирован, вероятно, он был со стороны помещения. Но, судя по отсутствию остатков кладки в восточной части стены, вход располагался примерно в этой части. Размеры помещения: 3х2 м. Длинной стороной ориентировано в меридиональном направлении.

Помещение 4 (юго-восточное) расположено к югу от помещения 3 за узкой перегородочной стеной, разделяющей эти помещения. Южная часть помещения 6 осталась за краем раскопа Выявленные размеры помещения: с севера на юг 1,2 м, с востока на запад 3,2 м. Вход в него, скорее всего, осуществлялся через перегородочную стену в ее восточной части.

В *помещение 5* вход с коридора располагался в восточной стене, в ее северном углу. Размеры помещения: 3х2 м. Длинной стороной ориентировано в меридиональном направлении. В северной части помещения сохранились рваные плоские плиты – остатки пола.

В западной части прихожей (помещение 1) в южном направлении под край раскопа отходит коридорообразное *помещение 6*, шириной 1,2 м. В ее южной части выбрана яма диаметром 0,75 м и глубиной 0,45 м. В заполнении рыхлый лесс светло-коричневого цвета. Поливная керамика состоит из двух археологически целых чаш и представлена одной группой: по обеим сторонам фрагменты покрыты белым ангобом, с внутренней стороны нанесена прозрачная глазурь.

Первый сосуд украшен четырьмя радиально расположенными ко дну полосами, состоящими из двух зеленых линий. Они делят сосуд на четыре равные части, в центре каждой нанесены светло-желтые кружочки, от которых в разные стороны расходятся три черные линии. Между линиями изображены красные точки.

Донная часть второго сосуда также украшена четырьмя радиально расположенными ко дну полосами.

За центральной стеной сооружения расположено два помещения, расположенных по линии север-юг.

Помещение 7 (юго-западное) вскрыто лишь в его северной части. Выявленные размеры: с севера на юг 1,4 м, с востока на запад 4,3 м.

Помещение 8 (северо-западное) расположено к северу за межкомнатной стеной. Размеры помещения: 4,7х4,1 м. Длинной стороной ориентировано в широтном направлении.

В восточной части помещения обнаружен алтарь. Алтарь полуовальной формы, верхним краем ориентирован на восток. Длина 85 см, ширина 1 м. В центре находится ямка, диаметром 10 см, со следами прокала внутри и по краям. Поверхность алтаря вокруг ямки также прокалена. Алтарь изготовлен из слабообожженной глины.

В верхней части имеет выступ подквадратной формы длиной 32 см. Выступ плавно сужается к концу до 25 см.

Также в ходе расчистки в помещении проявились контуры трех поздних ям.

Первая яма выявлена в юго-восточной части помещения. Диаметр ямы – 2 м, глубина 0,3 м. В заполнении ямы рыхлый по структуре лесс темно-коричневого цвета с многочисленными фрагментами керамики и костей животных. Выбранная керамика по большей части изготовлена на гончарном круге.

Поливная керамика представлена фрагментами трех чаш и двух чирагов. Чаши с обеих сторон покрыты белым ангобом, по внутренней стороне поверх ангоба нанесена прозрачная глазурь. Донная часть чаш украшена вихревыми розетками, нанесенными по белому фону коричневой и черной красками.

Также обнаружено два поливных чирага. У обоих чирагов отсутствуют ручки. Первый чираг покрыт прозрачной глазурью, нанесенной поверх белого ангоба. Резервуар чирага украшен псевдоэпиграфическими орнаментами, заключенными в рамки красного цвета.

В северо-западном углу расчищена вторая яма, диаметром 1 м. В заполнении гумусированный суглинок зеленоватого оттенка. Глубина ямы 2 м. Выбранная керамика представлена фрагментами

котлов с налепными ручками ушковидной формы. Внешние стороны фрагментов покрыты копотью и сажей.

Третья яма расположена в северной части помещения. В заполнении ямы лесс светло-коричневого цвета. Диаметр ямы – 0,95 м, глубина 0,5 м.

Выбранная керамика представлена фрагментами красноглиняной поливной и неполивной керамики. Поливная керамика представлена одной группой: с обеих сторон посуды поверх белого ангоба нанесена прозрачная глазурь. Имеется орнамент растительного характера, узоры нанесены черной и коричневой красками. На фрагменте дна изображена вихревая розетка.

Домохозяйство №6 находится в западной части раскопа. В западной части раскопа выявлено сооружение, его западная часть осталась за краем раскопа. Размеры сооружения: с севера на юг 11,5 м, с востока до западного борта раскопа 10 м. Причем юго-восточная часть сооружения №6 перекрывалась северо-западным краем более позднего сооружения №5 в южной части раскопа.

Северная и южная стены сооружения сложены из двух параллельных рядов каменной кладки. Размеры камней: 25х25х10 см. Тело фундамента забутовано галечником в глинистом растворе. Ширина стен 0,8 м, сохранившаяся высота 0,2-0,3 м.

Восточная стена отличается от остальных тем, что в кладке фундамента использованы камни более крупных размеров: 60х30х30-20 см. Ширина стены 1,1 м.

Помещение 1 расположено к западу от центральной стены вдоль всей длины сооружения (11,5 м). Западная его часть осталась за краем раскопа. Выявленная ширина 2,1 м. Северная стена помещения не сохранилась.

В южной части помещения обнаружен очаг (алтарь) в виде полукруга.

В северной части помещения 1 зафиксирована выкладка из двух поставленных на ребро камней. Размеры камней: 50х37х12 и 54х30х12 см. Внутри выкладка вымощена кирпичом. Поверхность камней имеет следы копоти. Следы копоти указывают, что выкладка, по-видимому, является остатками очага.

Выбранная керамика помещения исключительно неполивная, представлена в основном фрагментами горшков и котлов.

Помещения 2, 3, 4 и 5 расположены с восточной стороны по линии север-юг.

Помещение 2 (вероятно, прихожая), размерами 3,2х1,5 м расположено в северной части. С западного края северной стены, как раз напротив помещения 2, выложены плоские рваные камни – остатки порога входного проема.

Помещение 3, размерами 3,2х,3,1 м, расположено к востоку от помещения 2. Вход располагался в северном углу. В помещении сохранился глинобитный пол. В южной части помещения обнаружен вделанный в стену очаг. Диаметр очага – 30 см, глубина – 16 см.

Среди находок: небольшой неполивной кувшинчик. Ручка и часть горлышка отбиты. Высота – 12 см, диаметр тулова – 9 см.

Поливная керамика представлена фрагментами сосудов, покрытых с обеих сторон прозрачной поливой по белому ангобу.

Помещение 4 расположено за стеной к югу от помещений 2 и 3. Основание стены выложено плоскими камнями, поверх которых расположена сильно деформированная сырцовая кладка с включением галечника и щебня. Примыкает одним концом к восточной внешней стене сооружения. Длина стены – 4,6 м, ширина – 0,7 м.

Вход из помещения 2 в помещение 4 находился в западном углу стены.

Размеры помещения: 5,5х4 м. В центре помещения расчищен очаг-сандал. Бортики очага образованы положенными на ребро жженными кирпичами.

Найдены горловина кувшина с коленчатой ручкой и фрагмент донной части хума.

Найдено несколько фрагментов сосуда, с обеих сторон покрытого белым ангобом. С внутренней стороны по белому ангобу нанесена прозрачная глазурь. Найден один фрагмент другого сосуда, покрытого желтой поливой. Также обнаружена пята чирага, покрытая коричневой поливой.

К югу от помещения 4 находилось *помещение 5*, размерами 2,7х2,1 м.

Преобладание керамики саманидского типа (покрытой с обеих сторон белым ангобом и с нанесением по внутренней стороне прозрачной поливы с подглазурной небогатой росписью) и наличие алтарей зороастрийского типа позволяет продатировать данные сооружения IX–X вв.

На площади раскопа зафиксированы бадрабы, которые достигали глубины 1,8 м. Бадрабы выполняли функции мусорных колодцев, служивших одновременно отхожими местами.

Всего на территории раскопа обнаружено условно 8 домохозяйств. Выявлено 4 строительных горизонта. Расчищены 3 улицы (9), функционировавшие, как минимум на протяжении трех столетий. Планировка жилых кварталов Тараза оставалась неизменной продолжительное время.

Определенный интерес представляет алтарь огня (11).

В Казахстане и Средней Азии получил распространение особый вид зороастризма, отличный от канонического: он переплетался с местными языческими культами, в частности, с культом огня, рода предков, животных – барана, лошади, верблюда. Находки, связанные с этой религией, представлены захоронениями в оссуариях – глиняных ящиках для костей, хумными захоронениями.

Ислам занял прочные позиции лишь с наступлением династии караханидов. В начале X в. ислам принял родоначальник караханидов Сатук.

Многие культы, связанные с зороастризмом, продолжали бытовать в городах Казахстана и после того, как здесь появился ислам [5]. Так, например, в домах Отрара, X – начала XIII в. археологи обнаружили очаги-алтари, вмазанные в пол. Богато украшенные резьбой, они служили алтарями огня [6].

Некоторые элементы зороастризма позднее органично вошли в казахскую культуру (праздник весны – Наурыз, почтительное отношение к огню и пеплу сохранились до наших дней). Наличие алтаря свидетельствует о толерантности и веротерпимости местного населения. В регионе в мире и согласии проживали представители различных конфессий: мусульмане, христиане несторианского толка, зороастрийцы и буддисты. Эти качества наших предков унаследованы и нынешним населением Казахстана.

Рабад. В ходе исследования территории рабада были обнаружены остатки фундаментов жилищ, фрагменты керамики, костей животных, свидетельствующие о заселении данной части городища в различные периоды его функционирования. Несмотря на сильное разрушение, удалось определить, что данную часть города заселяли в различные периоды, но высокий уровень грунтовых вод и болотистость местности не позволяли исследовать данную территорию городища. Керамический комплекс, обнаруженный в ходе исследований, относится к трем хронологическим периодам: X–XII вв., XII–XIV вв., XV–XVI вв. [7].

Нумизматические исследования. За период работ на городище Тараз обнаружено 50 монет, в основном тюргешского круга (рис. 6). Известный нумизмат А. М. Камышев прочел 17 из них. На 10 монетах отлито имя правителя Тараза Вахшутавы, на 4 монетах значится имя Инал-Тегина, 4 монеты имеют легенду «Деньга Тюргешей» и одна монета является местным подражанием династии Тан. Тюргешские монеты отливались в 711–766 гг. в период наибольшего могущества тюргешей. В начале VIII в. Тараз, наряду с Суябом, являлся одним из центров монетного производства Жетысу. В Таразе выпускались монеты с именами Инал-Тегина и Вахшутавы [8]. Есть интересный момент, связанный с этими монетами. Они, как было принято считать до сегодняшнего момента, имели хождение до X в. Однако монеты часто находились и в слоях XI–XII вв. Объяснением может служить тот факт, что Тараз располагался на одной из оживленных трасс

Великого Шелкового пути и серебряные монеты – дирхемы – постоянно уходили в другие страны в обмен на товары. Поэтому в среде местного населения во внутреннем обороте медные тюргешские монеты находили применение в течение очень длительного времени.

Остеологические исследования. В ходе раскопок шахристана было собрано более 32 000 костей и зубов животных. Установлено, что диким животным принадлежит всего 160 костей и зубов, остальные, более 15 000 – домашним.

В группе домашних животных основная масса костей принадлежит овце. На мясо забивались преимущественно животные в возрасте 2–2,5 лет. Более молодые овцы тоже забивались, но в меньших количествах. В сравнительно равных количествах на мясо забивались лошади и крупный рогатый скот. Найдены кости верблюда.

Достойны упоминания и находки костей кошки и собаки. Собаки представлены костями достаточно стройных животных со сравнительно длинными ногами. Эти останки принадлежали борзоподобным собакам типа казахской тазы.

Наиболее часто встречаются кости кулана. Кроме него, степные копытные представлены сайгой и джейраном. Все эти виды добывались, как правило, охотой.

В охотничьей добыче представлены горные и горно-лесные виды: горный козел, горный баран, марал. Присутствуют также кости дикого кабана.

Очень мало костей пушных животных – находки корсака и лисицы единичны. Этому не надо удивляться и считать, что они добывались в небольших количествах – скорее, наоборот. Охота на пушных зверей производится, обычно, в холодный период года с какой-то базы (зимовка). На этой базе добытые звери и свежуются. Шкуры увозятся в качестве трофея, а освежеванные тушки выбрасываются.

Достаточно много костей птиц. Удалось пока определить такие виды, как дрофа и фазан. Встречаются кости гусей, уток, цапель. Все это свидетельствует о распространенности охоты на диких птиц в средневековом Таразе. Весьма вероятно, они добывались охотой с ловчими птицами.

Занимательный аспект выявляется при изучении костей овец. Оказалось, что некоторые астрагалы (альчики, асыки) их имеют побитости, натертости и сточенности. Это утерянные в прошлом игральные кости.

Среди множества костей животных найдено более десятка носящих на себе следы распиливания. Эти находки указывают на существование косторезного промысла [9].

По окончанию археологических работ проведены музеефикационно-консервационные работы. Установлены водоотводы и ограждения вокруг раскопов. Над раскопами построены навесы, а территория, не покрытая навесами, законсервирована.

Раскопки Тараза продолжаются, здесь, на месте древнего города, планируется создание археологического парка.

ЛИТЕРАТУРА

1 Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. – Алма-Ата, 1972. – С. 6; 28-33; Мерщиев М.О. К вопросу о стратиграфии нижних слоев Тараза // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата, 1968. – С.37-45, рис. 2; Байпаков К.М. Тараз и средневековые города Таласской долины // Тараз, 2000. Междунар. научно-теорет. конф. «Диалог тысячелетий и цивилизаций» 26–27 сентября 2002 г. – Тараз, 2003. – С. 19-29.

2 Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Урбанизация Казахстана в IX – начале XIII в. – Алматы, 2013. – С. 218.

3 Байпаков К.М, Воякин Д.А, Сейткалиев М.К, Буранбаев Р.Н. // Изв. НАН РК. Сер. Общ. – 2013. – № 1. – Кн. II. – С. 188.

4 Хмельницкий С. Между саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII в. – Берлин-Рига, 1996. – Ч. I. – С. 261.

5 Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на великом Шелковом пути. – Алматы, 1998. – С. 33-35.

6 Байпаков К.М. Культ огня.

7 Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Урбанизация Казахстана в IX – начале XIII в. – Алматы, 2013. – С. 218.

8 Камышев А.М. Введение в нумизматику Кыргызстана. – Бишкек, 2008. – С. 84.

9 Байпаков К.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н. Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. – Тараз, 2013. – С. 168-170.

REFERENCES

1 Senigova T.N. Srednevekovyj Taraz. Alma-Ata, 1972. S. 6; 28-33; Mershhiev M.O. K voprosu o stratigrafii nizhnih sloev Taraza. Novoe v arheologii Kazahstana. Alma-Ata, 1968. S. 37-45, ris. 2; Bajpakov K.M. Taraz i srednevekovye goroda

Talasskoj doliny. Taraz, 2000. Mezhdunar. nauchno-teoret. konf. «Dialog tysjacheletij i civilizacij» 26–27 sentjabrja 2002 g. Taraz, 2003. S. 19-29.

2 Bajpakov K.M. Drevnjaja i srednevekovaja urbanizacija Kazahstana. Urbanizacija Kazahstana v IX – nachale XIII v. Almaty, 2013. S. 218.

3 Bajpakov K.M, Vojakin D.A, Sejtkaliev M.K, Buranbaev R.N. Izv. NAN RK. Ser. Obshh. 2013. N 1. Kn. II. S. 188.

4 Hmel'nickij S. Mezhdu samanidami i mongolami. Arhitektura Srednej Azii XI – nachala XIII v. Berlin-Riga, 1996. Ch. I. S. 261.

5 Bajpakov K.M. Srednevekovye goroda Kazahstana na velikom Shelkovom puti. Almaty, 1998. S. 33-35.

6 Bajpakov K.M. Kul't ognja.

7 Bajpakov K.M. Drevnjaja i srednevekovaja urbanizacija Kazahstana. Urbanizacija Kazahstana v IX – nachale XIII v. Almaty, 2013. S. 218.

8 Kamyshev A.M. Vvedenie v numizmatiku Kyrgyzstana. Bishkek, 2008. S. 84.

9 Bajpakov K.M., Kapekova G.A., Vojakin D.A., Mar'jashev A.N. Sokrovishha drevnego i srednevekovogo Taraza i Zhambylskoj oblasti. Taraz, 2013. S. 168-170.

Д. А. Воякин, С. Ш. Ақылбек, Р. Н. Боранбаев

ТАРАЗ ҚАЛАШЫҒЫНДАҒЫ 2013 Ж. АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ НӘТИЖЕЛЕРІ

Резюме

Мақалада Тараз қалашығындағы 2013 жылы жүргізілген археологиялық зерттеулердің басты нәтижелері қарастырылады. Ең алғашқы ортағасырлық медресе, тұрғынжайлар тиянақты сипатталады. Остеологиялық материалдық толық сараптамасы келтіріледі.

Тірек сөздер: Тараз қалашығы, археологиялық зерттеулер, медресе, остеология.

D. A. Voyakin, S. Sh. Akylbek, R. N. Buranbayev

THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN TARAZ SETTLEMENT IN 2013

Summary

The article describes some of the results of archaeological research in Taraz settlement in 2013. The earliest medieval madrassas, residential households are described in details. Full analysis of osteological material is carried out.

Keywords: Taraz settlement, archaeological research, madrassa, osteology.

Поступила 10.09.2014 г.

УДК 903/904(574.5)"637"

Д. А. ВОЯКИН, И. Р. КАМАЛДИНОВ, С. У. БИЛАЛОВ

(ТОО «Археологическая экспертиза», Алматы, Казахстан)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ ЖАНКЕНТ

Аннотация. В статье представлены общие данные об археологических изысканиях на городище Жанкент за весь период его изучения. Более детально описаны работы, произведенные в 2014 году на раскопе №35, заложенном в северо-западной части цитадели городища. Раскоп прирезан к ранее исследованным раскопам с юга к раскопу №4 и с запада к раскопу №3.

На исследуемой площади выявлен жилой массив с пятью помещениями (два домовладения) и одной улочкой. В одном из помещений выявлен разрушенный напольный очаг, стены помещений сложены из сырцового кирпича (36х16х7 см). В помещении 2 выявлены интересные археологически целые находки: массивная крышка, украшенная резным растительным орнаментом, орнаментированный светильник кубической формы «плошка», развал хума, орнаментированная подставка под котел и целая керамическая кружка.

Керамический комплекс датируется X–XII вв. (находки аналогичны материалу с городищ Кескен-куюккала и Джеты-асар).

Ключевые слова: Жанкент, средневековье, городище, цитадель, жилой массив, домовладение, помещение, улочка, керамика, орнамент, огузы.

Тірек сөздер: Жанкент, орта ғасыр, қалашық, цитадель, тұрғын үй алабы, үй, бөлме, көше, керамика, оюөрнектер, оғыздар.

Keywords: Zhankent, Middle Ages, settlement, citadel, housing estate, household, space, street, ceramic, ornament, oguz.

Казахстанская часть Приаралья, Восточное Приаралье представляет собой глинистую равнину, примыкающую к Аральскому морю с востока, прорезанную руслами реки древней сырдарьинской дельты. Этот регион напоминает в плане как бы гигантский треугольник, занимающий свыше 400 квадратных км в широтном направлении и 200–250 километров – в меридиональном. На ее территории выделяются четыре системы древних Сырдарьинских русел: Инкардарья, Жаныдарья, Кувандарья и Пракувандарья (иначе-Эскидарьялык). Они расходятся радиально от сырдарьинского русла южнее города Кызылорды.

Это был район взаимодействия разных культур, своеобразный перекресток миграционных и торговых путей, место сосуществования различных народов, что позволило С. П. Толстову назвать территорию низовьев двух великих среднеазиатских рек «Аральским узлом этногенеза».

История археологического изучения Приаралья и Южного Казахстана началась во второй половине XIX века после их завоевания и присоединения к России.

Городище Жанкент открыто Хорезмской комплексной археологической экспедицией в ходе разведывательных работ в 1948 году.

Янгикентская группа городищ (Жанкент, Куюк-кала, КескенКуюк кала) находится на полуострове или точнее острове, ограниченном на севере Сырдарьей, на западе – Аральским морем и на востоке – полосой болот и камышевых плавней, в которые впадает староречье Кувандарьи. Остров в разных направлениях пересечен хорошо выраженными и большей частью заросшими кустарником сухими руслами старых дельтовых протоков, разбивающих его на множество более мелких островов.

Жанкент являлся в X веке столицей и зимней резиденцией огузских правителей. Выбор Новой Гузии в качестве политического центра огузской державы был обусловлен многими обстоятельствами. Главным из них являлось выгодное географическое расположение Янгикента на стыке с крупными земледельческими оазисами Средней Азии. Новая Гузия служила коридором, соединявшим огузские степи с Хорезмом, Мавераннахром и Хорасаном. Сырдарьинские города огузскихябгу были важными пунктами сухопутной и речной торговли. Ибн Хаукаль свидетельствует, что по Сырдарье в «новое селение» шли суда, нагруженные зерном и хлебом. Янгикент лежал на важном караванном пути через кимакские степи в долины Сарысу, Кенгира, Ишима и Нуры. Дорога соединялась с торговыми путями, ведшими в Сыгнак и на Южный Урал.

Город Жанкент расположен в регионе, который являлся зоной постоянных контактов между кочевниками степи и среднеазиатскими земледельческими оазисами, своеобразным «перекрестком» миграционных и торговых путей. Здесь на протяжении длительного времени шло формирование условий для устойчивого сосуществования различных этносов. Памятник является отражением важного этапа в истории средневекового Казахстана, тесно связанного с истоками казахской государственности, этногенезом и культурой казахского народа.

Вывод, который сделали исследователи, следующий: города здесь возникли в первые века нашей эры и были основаны местным населением. На формирование городской культуры оказали влияние Джетыасарская культура и Хорезм. В X–XП веках эти города составляли как бы оседлый и урбанизированный компонент в смешанной скотоводческо-земледельческой и рыболовной экономике древнетюркских племен, создавших своеобразную, в том числе и городскую культуру.

Конечно, название «огузские» не означает, что они были основаны огузами – это свидетельство их политической принадлежности в период господства здесь огузов. На самом деле так же, как и средневековые города Жетысу, средней Сырдарьи, Сары-Арки, это – тюркские города с их своеобразной культурой и тюркским населением кангаров, канглы, карлуков, кимаков, кыпчаков. Среди жителей городов были согдийцы и хорезмийцы.

Раскопы на городище позволили выявить конструкции верхних строительных горизонтов и получить комплекс своеобразной керамики, которая находит близкие аналогии в группах кангарской и огузской керамики, полученной при раскопках городищ Отрарского оазиса.

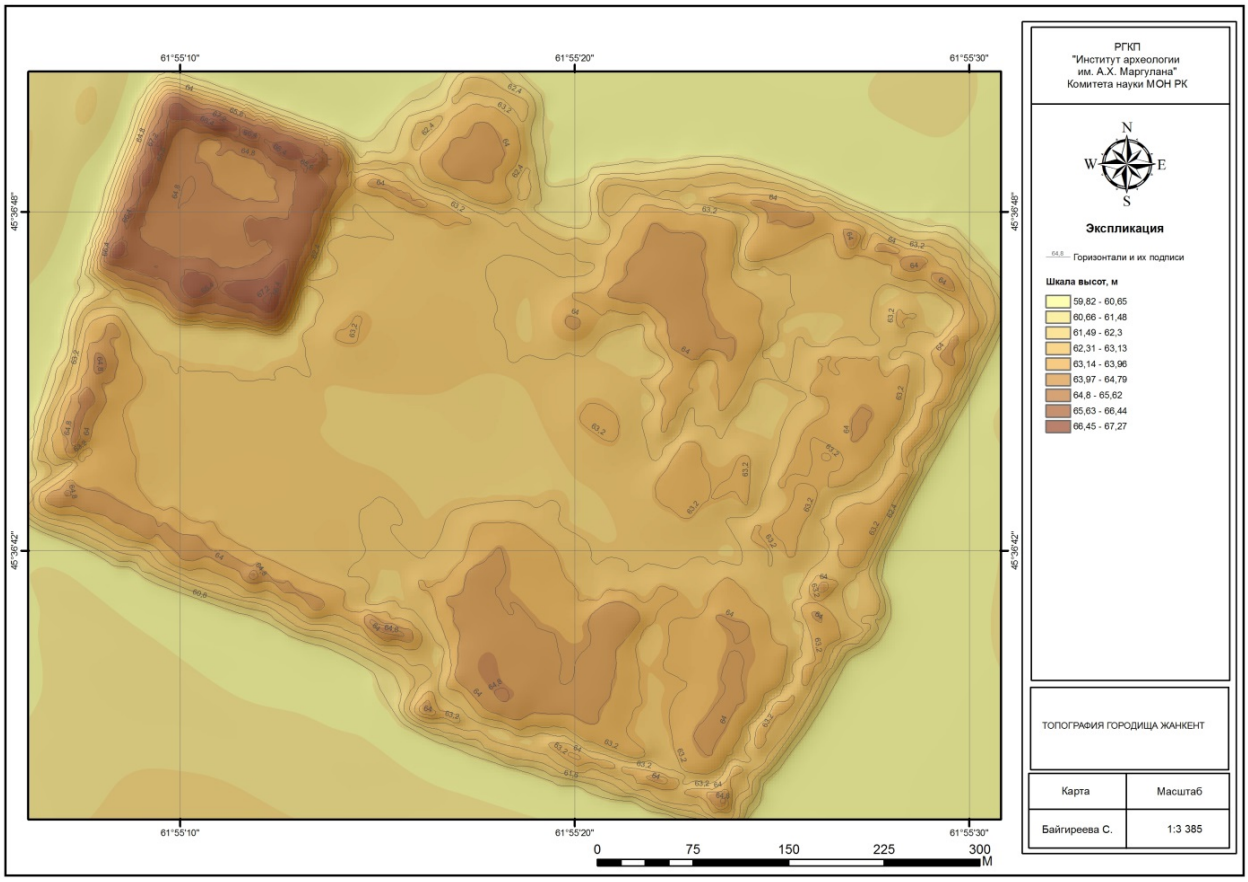

Рисунок 1 – Топография городища Жанкент

Как известно из письменных источников, город Янгикент был взят монгольским отрядом, руководимым Джучи. В отличие от Сыгнака, Ашнаса, Барчкента, жители которых оказали монголам сопротивление и были разрушены, Янгикент был сдан его населением без боя и избежал погромов. В послемонгольское время Янгикент был перенесен на новое место, в 600 м восточнее. Сейчас городище, известное под именем Мынтобе, находится под современной застройкой и лишь по выходам культурного слоя, находкам керамики, кирпичей, облицовок удается определить его границы. Площадь нового городища составляет 12000 кв.м (300х400 м). Город, находясь в узле караванных дорог, был одним из крупных центров Улуса Джучи, С поверхности городища подняты монеты, чеканенные в городах Золотой Орды, а при строительных работах был обнаружен и частично расчищен мавзолей, сооруженный из жженого кирпича, размерами 13х18 м. Он был, видимо, портальный и богато декорирован голубыми глазурованными плитами, украшенными арабскими надписями. Датируется мавзолей XIV в., и когда-то представлял из себя незаурядное архитектурное сооружение золотоордынской эпохи.

Первые археологические работы на памятнике начаты в 1867 г. членом Туркестанского археологического общества П. И. Лерхом. Составлен план памятника, проведены небольшие раскопки вне городища. На основе полученного материала памятник датирован XIV–XV вв.

В 1867–1868 гг., а затем в 1869–1870 гг. в Южном Казахстане побывал известный русский художник-баталист В. В. Верещагин. Он также предпринял раскопки Жанкента и собрал коллекцию керамики. Яркие описания древностей нового, неизвестного края, опубликованные ими и другими учеными и путешественниками, пробудили в российском обществе интерес к истории и искусству Туркестана. Известный искусствовед В.В. Стасов ставит местные археологические памятники в один ряд с античными и замечает: «...Отчего старому городу около Джанкента не быть нашей Помпеей».

Следующий этап исследования древностей долины Сырдарьи связан с работами членов Туркестанского кружка любителей археологии, созданного при научной поддержке В. В. Бартольда в

1895 г. в г. Ташкенте. Он объединял представителей интеллигенции, военных, чиновников, людей, которые занимались по мере возможности и своего интереса археологией Туркестана. Они издавали сборники – «Протоколы Туркестанского кружка, где публиковали научные статьи, информации о находках, отчеты о поездках на памятники археологии и архитектуры.

Жанкент описывался членами Туркестанского кружка любителей археологии В. Каллауром, В. Смирновым.

Рекогносцировочные работы в 1946 г. проведены Хорезмской археолого-этнографической экспедицией под руководством С. П. Толстова. Снят топографический план городища, собран подъемный материал [1 с. 59-61]. На основании полученных материалов высказаны мнения о комплексном земледельческо-скотоводческо-рыболовецком хозяйстве населения городища, о тесных хозяйственно – культурных связях с Хорезмом, и принадлежности городища огузам.

Новый этап в изучении древнего городища начат в 2005 году в рамках подписанного трехстороннего договора между Институтом археологии им. А. Х. Маргулана МОН, Института этнологии и антропологии РАН совместно с Кызылординским государственным университетом им. Коркыт Ата.

Археологические исследования позволили открыть остатки мавзолея на некрополе «позднего» Жанкента. В северо-восточной части раскопа выявлены северная и западная стены мавзолея. Хорошо сохранился угол между стенами.

Раскопками установлено, что постройка прямоугольная в плане, ориентирована углами по сторонам света, размерами 13х19 м.

Найдены остатки двух колонн, сложенных из обожженных кирпичей полукруглых форм, со скошенными краями; обломки облицовочных плиток, покрытых голубой глазурью, с рельефным растительным орнаментом, а также фрагменты кирпича с резным геометрическим орнаментом.

Датируется мавзолей XIV – началом XV в.

В 2006 году работы Института археологии МОН РК проводились в восточной части городища, где исследовался жилой комплекс. Заложен раскоп на крепостной стене, начаты работы на цитадели городища[2].

Раскоп на крепостной стене городища был заложен в центральной части северной стены городища, где она имеет заметное расширение.

С целью изучения стратиграфии стены была заложена траншея. Стена сложена из пахсовых блоков размерами 0,7х1,1 м, высотой 0,6 м. Поверх блоков фиксируется развал пахсовых кирпичей. Размеры сохранившихся кирпичей: длина 30–35 см, ширина 15–20 см, высота 10–15 см. Предположительная ширина стены 6,5 м. Стена строилась на специальной утрамбованной глинобитной платформе (фундамент) высотой 0,6 м, которая фиксируется по всей ширине стены [3].

В 2007–2009 гг. работы были сконцентрированы на цитадели городища. В юго-восточной четверти цитадели раскопана часть жилого квартала, которая была устроена вдоль улицы, вытянутой по линии восток-запад. В одном из помещений внутриквартальной застройки выявлен уникальный керамический алтарь в виде протом баранов, покрытых пышной резьбой. С внешней стороны алтаря зафиксированы обгорелые доски с остатками резного орнамента. Интересна находка фигурки терракотовой птицы. Ближайшие аналогии, эти изделия в подъемном материале с городища Куюк-Кескен-Кала опубликованном Л. М. Левиной [4] и отнесенном к джетыасарской культуре.

Раскапываемый строительный горизонт, предположительно, можно датировать XI–XII веками.

Одним из важнейших направлений вышеназванных совместных работ является документация, которая проводилась группой специалистов. Были сняты новые планы «болотных» городищ, выполнена плановая и перспективная аэрофотосъемка, использованы космоснимки, что позволило получить совершенно новую информацию о топографии городищ, и их расположении в Восточном Приаралъе.

Месторасположение памятника: Кызылординская область, Казалинский район в 0,5 км юго-западнее села Оркендеу. Географические координаты 41Т415910.948 UTM 5051566.196

Городище Жанкент является развалинами Янгикента и имеет под прямоугольную форму. Городище вытянуто с востока на запад со значительным расширением (уступами в обе стороны) в восточной половине. Размеры 375х225 м (в восточной части 300 м). С запада на восток идет главная улица, от которой под прямым углом отходят переулки. В северо-западном углу находится квадратный бугор цитадели размером 100х100 м, поднимающийся на 7–8 м над окружающей

местностью. Внешние стены городища, кроме восточной, превратились в вал высотой до 8 м, вдоль которого местами видны расширения – следы бывших башен. Восточная стена городища сохранилась относительно хорошо. В основании ее прослеживается кладка из кирпича размером 40х40х9см, над которой идет сохранившаяся на высоту около 3 метров пахсовая кладка рядами высотой 1,35см, между которыми лежат прослойки камыша.

В середине восточной стены сохранилось предвратное сооружение в виде полукруглого выступа стены около 15м длиной (с юга на север), с воротами, перпендикулярными стене, на северном конце. Выступ фланкирован двумя выносными башнями.

Археологические исследования цитадели городища, элементов городской застройки позволят выявить роль и значение столицы Жанкент в политических, социально – экономических, культурных процессах в эпоху средневековья.

Кроме того, в средневековой археологии постоянен интерес к теоретическим проблемам, и, прежде всего, к изучению проблемы урбанизации в широком аспекте ее понимания. Это Шелковый путь, вопросы формирования города; взаимодействие городских культур различных регионов Евразии и, наконец, аспекты функций города и его внутреннего содержания, а также топографии, фортификации, застройки, архитектуры.

Обоснование выбора и актуальность проекта обусловлена как необходимостью проведения полевых работ, так и обобщения на современном уровне материалов археологических исследовании.

Актуальной является задача комплексного исследования археологических памятников с привлечением последних достижений смежных и естественных дисциплин. Немаловажную роль в выборе направлении исследований играет и современный прорыв в области документации, в освоении и использовании новых компьютерных технологий.

В 2007–2012 гг. работы были сконцентрированы на цитадели городища. В юго-восточной четверти цитадели раскопаны жилые кварталы, устроенные вдоль улицы, вытянутой по линии восток-запад. В одном из помещений внутриквартальной застройки. В 2011 году был выявлен уникальный керамический алтарь в виде протом баранов, покрытых пышной резьбой. Очевидно, данное помещение, помимо других функций, выполняло роль домашнего святилища. Похожие находки алтарей, связанные с культом огня, известны в других древних городах Сырдарьи и сопредельных регионов, где они существовали до времени окончательного утверждения ислама среди городского населения в начале II тысячелетия [5].

Раскапываемый строительный горизонт предположительно, можно датировать XI–XII веками.

В ходе раскопок в 2007–2011 году на цитадели городища были выявлены и вскрыты хозяйственные и культовые помещения, а также алтари. Найдены лепные и станковые керамические сосуды, украшенные разнообразным орнаментом. Собран материал ювелирных изделий из стекла, полудрагоценных камней и металла. Кроме этого, найдены разнообразные бронзовые поясные бляшки, колокольчики.

На цитадели городища обнаружено святилище, выявлены неизвестные ранее конструктивные особенности в устройстве крепостной стены, обнаружена терракотовая статуя двухголового барана, богато украшенная орнаментом. Получен материал в виде значительной керамической и нумизматической коллекции.

Коллекция находок представлена медными монетами, орудиями труда, бронзовыми изделиями в виде серьги, колец, бубенчиков, нашивных бляшек, находящих аналогии в памятниках конца I начала II тысячелетия н.э. Керамика представлена остатками столовой и хозяйственной посуды в виде хумов, кувшинов, кружек, пиал, дастарханов, изготовленных в технике ручной лепки и на гончарном круге. Орнаментация посуды состоит из резных волнистых линий, характерных для городской посуды Казахстана и Хорезма, также присутствуют тамги, оттиски декоративных штампов, характерные для средневековых кочевников Сарыарки.

Сочетание различных культурных традиций в керамике Жанкента, вероятно, является одним из проявлений тесных контактов тюркских племен в рамках огузского этнополитического объединения, включавшего в себя различные хозяйственно-культурные области, что подтверждается и данными письменных источников.

По собранным в 2007–2012 годах данным на основании относительной датировки керамических материалов, монет и радиоуглеродного анализа можно датировать верхний развеянный горизонт периодом конца XII – начала XIII вв., второй строительный горизонт – X–XI в.

В результате научно-исследовательских работ 2014 года была изучена часть жилого квартала в северо-западной части цитадели. Раскоп, обозначенный как раскоп 5 размером 14х12 м, разбит в северно-западной части цитадели. Раскоп 5 с юга прирезан к раскопу 4, исследованного в 2012 году и с запада к раскопу 3, исследованному в 2009 году.

В процессе раскопок на городище Жанкент на площади раскопа №5 было выявлено 5 помещений и внутриквартальная улица. В ходе исследования верхних слоев были обнаружены 8 поздних погребений, которые свидетельствуют том, что в позднее средневековье город использовался под некрополь.

После снятия верхнего культурного слоя выявлена часть жилого массива, состоящего из внутриквартальной улицы в центральной части раскопа, ориентированной по линии восток–запад и пяти помещений (рис. 2). В планиграфии раскопа читается два домовладения, первое состоит из трех помещений №1, №4, №5, второе домовладение представлено помещениями №2 и №3 (рис. 2 и 3). Выявленные помещения жилые и хозяйственные средних размеров, в одном из помещений выявлен напольный очаг (печь), стены сложены из сырцового кирпича (36х16х7 см и 25х25х4 см). Параметры помещений: первое 5,4х3,4 м, второе 4,3х? м, третье 4,5х? м, четвертое 5,4х4,5 м. Сохранившаяся высота стен от 0,2 до 0,35 м.

В ходе археологических изысканий на цитадели городища Жанкент получен значительный керамический материал, представленный в основном фрагментами хумов, хумча и горшков. Из археологических целых и интересных находок можно выделить массивную крышку хумча, украшенную растительным орнаментом, подставку котла, также украшенную богатым растительным орнаментом (рис. 4), кружка с петлевидной ручкой, с лощеной поверхностью, покрытой красноватым ангобом кубической формы, светильник «плошка» с петлевидной ручкой, украшенный растительным орнаментом (рис. 5), хумча, украшенная прочерченными линиями, нанесенными трехзубчатой гребенкой и массивным венчиком. Помимо вышеперечисленных находок, к интересным находкам можно отнести часть крупного дастархана, украшенного круглым штампом.

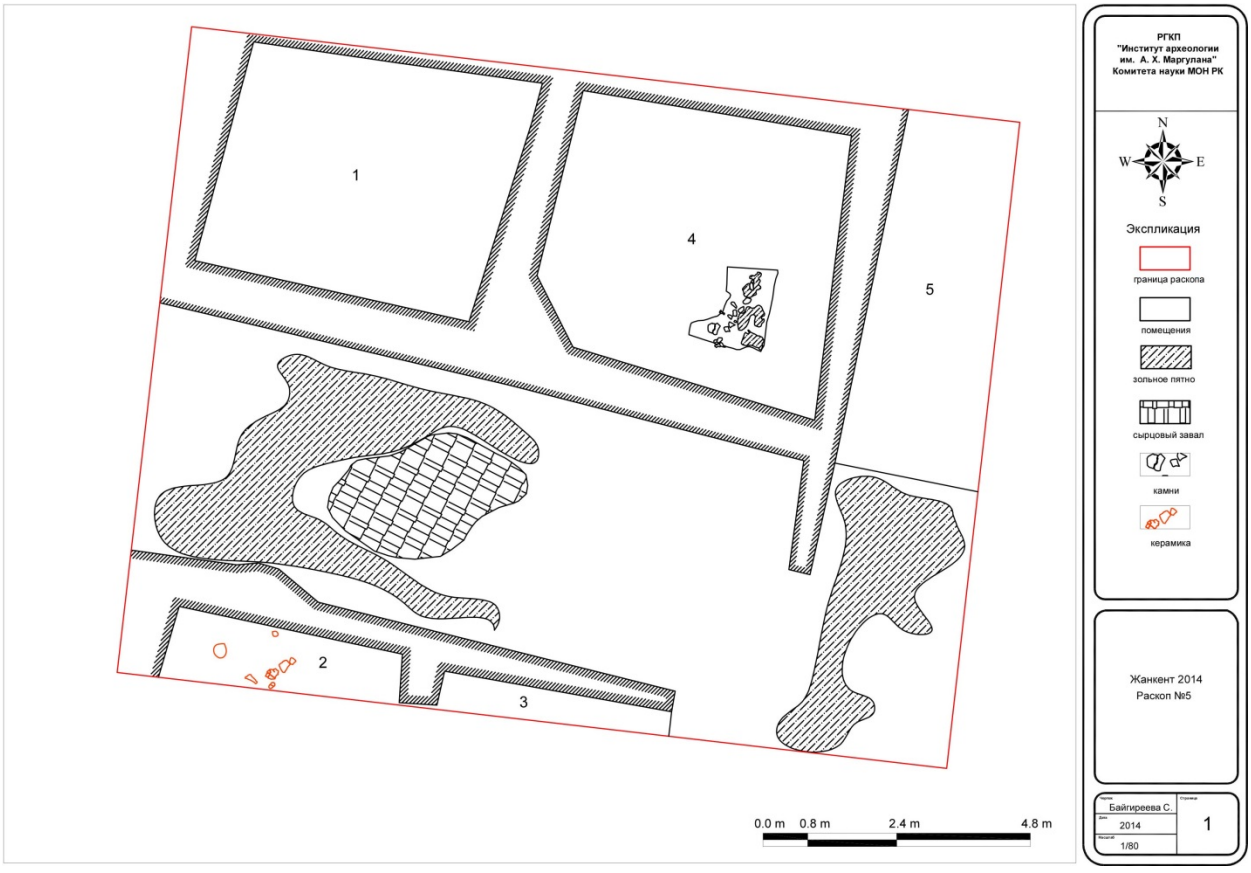

Рисунок 2 – План раскопа 5 на цитадели городища Жанкент

Рисунок 3 – Общий вид раскопа 5 на цитадели городища Жанкент. Вид на северо-запад

Рисунок 4 – Массивная крышка хумчи богато украшенная прочерченным растительным орнаментом. Обнаружена в помещений 2

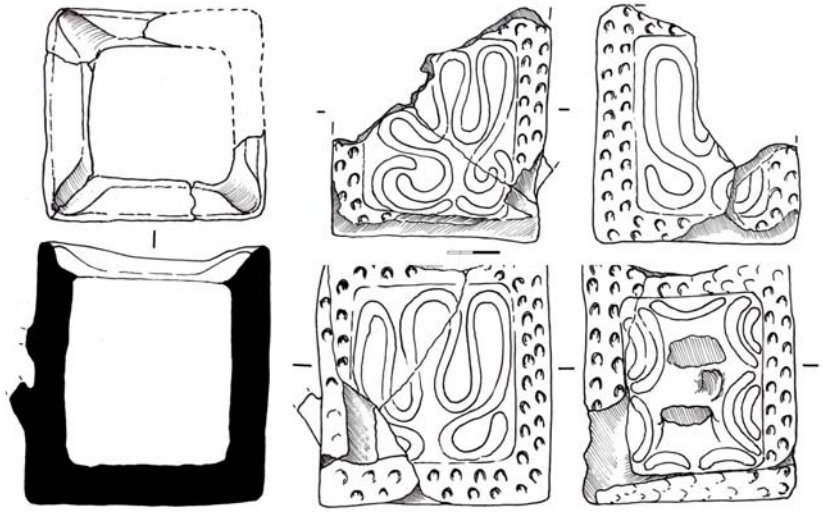

Рисунок 5 – Светильник плошка кубической формы, четырехрожковый, украшенный прочерченным орнаментом. Обнаружен в помещений 1

По собранным данным, на основе относительной датировки керамических материалов (аналогии с керамикой огузского городища Кескен Куюк кала и Джетыасар), можно датировать исследованный жилой квартал периодом X–XII веков.

ЛИТЕРАТУРА

1 Толстов С.П. Города гузов // Советская этнография. – 1947. – № 3.

2 Байпаков К.М., Ахатов Г.А., Смагулов Т.Н., Ганиева А.С., Амиргалина Г.Т. Археологические исследования древнего городища Жанкент. – 2006–2007.

3 Курманкулов Ж.К., Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д. Отчет об археологических работах на городище Джанкент (Казахстан) в 2005 г. – М.: Архив РГКП ИА МОН РК, 2006.

4 Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – М., 1996.

5 Смагулов Е.А. «Шашлычницы» Алтын-Тобе // Изв. НАН РК. Сер. общ. наук. – 2004. – Вып. 1.

REFERENCES

1 Tolstov S.P. *Goroda oguzov.* Sovetskaya etnografya. **1947**. N 3 (in Russ.).

2 Baypakov K.M., Ahatov G.A., Smagulov T.N., Ganyieva A.S., Amirgalina G.T. *Archeologicheskye issledovanya drevnego gorodisha Zhankent. 2006–2007* (in Russ.).

3 Kurmankulov Zh.K., Arzhanceva I.A., Zilivinskaya E.D. *Otchet ob archeologicheskih rabotah na gorodishe Zhankent (Kazakhstan) v 2005 g*. Moscwa: Arhiv RGKP IA MON RK, **2006** (in Russ.).

4 Levin L.M. *Etnokulturnaya istoriya Vostochnogo Priaralya v 1 tys. do n.e. – 1 tys. n.e*. Moscwa, **1996** (in Russ.).

5 Smagulov E.A. *Shsshlychnica Altyn tobe.* Izv. NAN RK. Ser. obsh. nauk. **2004**. Vyp. 1 (in Russ.).

Д. А. Воякин, И. Р. Қамалдинов, С. У. Біләлов

ЖАНКЕНТ ҚАЛАШЫҒЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Резюме

Мақалада Жанкент қаласының тарихи зерттеуі мен 2014 жылы өткізілген қазба жұмыстары туралы мәлімет берілген. Цитадельдің солтүстік жақтағы салынған 5-ші қазбаның материалдары жарияланған. Екінші құрылыс қабат зерттелген оның материалдары XI–XII ғасырларға жатады.

5 қазбаның 168 м^2-лік қазба алаңы мен тереңдігі 0,6 м жататын тұрғын үй құрылысының қалдықтары және бір көше ашылды.

Тірек сөздер: Жанкент, орта ғасыр, қалашық, цитадель, тұрғын үй алабы, үй, бөлме, көше, керамика, оюөрнектер, оғыздар.

D. A. Voyakin, I. R. Kamaldinov, S. U. Bilalov

THE ARCHEOLOGICAL EXCAVATION ON ZHANKENT SETTLEMENT

Summary

The article gives general information on the settlement of Zhankent, the history of its exploration, also the research work made in 2014 is presented. The article presents materials from the excavation site No. 5, made in the north-western side of the citadel. These works were exploring the second construction horizon that dates from XI–XII centuries. The excavation site No. 5 has a surface of 168 m^2 and the depth of 0, 6–0, 9 m. It covers a part of residential area presented by a street and two households.

Keywords: Zhankent, Middle Ages, settlement, citadel, housing estate, household, space, street, ceramic, ornament, oguz.

Поступила 10.09.2014 г.

УДК 902.26:004(574)

К. М. БАЙПАКОВ, Д. А. ВОЯКИН, Е. Ш. АМИРОВ, М. К. СЕЙТКАЛИЕВ

(Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Казахстан)

ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ И АНАЛИЗА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ КАЗАХСТАНА

Аннотация. Статья посвящена промежуточным результатам работ по проекту «Формирование ГИС базы данных археологических памятников Казахстана», разрабатываемому Институтом археологии им. А. Х. Маргулана в рамках грантового финансирования КН МОН РК. Учет, мониторинг, статистическая обработка данных по памятникам археологии являются традиционными направлениями в области изучения и сохранения археологического наследия. Современный уровень развития науки и техники позволяет повысить эффективность и точность работы в этих направлениях. Оптимальным инструментом для достижения этой цели служат геоинформационные системы (ГИС). Работа на стыке археологии, географии и компьютерных технологий позволяет вносить и анализировать значительные объемы информации по известным памятникам археологии. Проект предусматривает внесение в ГИС-базу данных памятники археологии, фигурирующие в следующих источниках: списки памятников, государственные списки памятников истории и культуры Казахстана (республиканского и местного значения), своды памятников истории и культуры (областей, городов республиканского значения и районов). Разработанная методика ввода информации позволяет осуществлять визуализацию пространственного расположения объектов, принимая в учет их хронологию, типологию, назначение, культурную принадлежность и другое. На момент написания статьи в базу данных были внесены сведения о 12 997 памятниках истории культуры.

Ключевые слова: археология, ЮНЕСКО, Государственный список памятников истории культуры, Свод памятников истории и культуры, геоинформационные системы, карты.

Тірек сөздер: археология, ЮНЕСКО, Тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімі, Тарих және мәдениет ескерткіштерінің жинағы, геоақпапаттық жүйелері, карталар.

Keywords: archeology, UNESCO, State's list of historical and cultural sites, Historical and cultural sites corpus, geoinformation systems, maps.

Территория Казахстана является краем с богатейшим историко-культурным наследием. Люди обжили этот край с древнейших времен, свидетельством чему является множество разнообразных памятников различных эпох. В совокупности они формируют обширный фонд культурных ценностей, хранящих в себе, а при умелом использовании, рассказывающих историю нашей страны. Археологическая наука Казахстана, с момента своего зарождения и до сегодняшнего дня, прошла в своем развитии большой путь. Было исследовано и введено в научный оборот огромное количество памятников археологии, что помогло заполнить многие белые пятна непосильные другим историческим дисциплинам. Современная археология развивается в различных направлениях. Эволюционирует методика полевых исследований, сбора и первичной обработки информации. Постоянно совершенствуются методы теоретической обработки и интерпретации материала. Параллельным направлением развития археологии всегда был учет и мониторинг состояния археологических объектов. Это направление несколько отделено от теоретических аспектов дисциплины и является скорее инструментом сохранения памятников археологии и систематизации данных о них.

Потребность общества и государства в сохранении, а также учете материального и культурного наследия выразилась в начатом в советский период составлении государственных списков памятников истории и культуры. Государственные списки позволяли уполномоченным органам вести мониторинг состояния включенных в них памятников и, опираясь на законодательную базу, обес-

печивать их защиту (1) (2) (3). Эта практика продолжается и в современном Казахстане посредством составления и утверждения государственных списков памятников истории и культуры. По степени своей историко-культурной значимости они делятся на памятники республиканского (4) и местного значения. Максимальную степень защиты обретают памятники, входящие в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Главная цель списка Всемирного наследия – сделать известными и защитить объекты, которые являются уникальными в своём роде. В список Всемирного наследия ЮНЕСКО в Казахстане по культурным критериям включены 2 объекта: мавзолей Ходжи Ахмета Яссави[1] и петроглифы археологического ландшафта Тамгалы[2].

Список Всемирного наследия не статичен – многие страны мира ведут работу по включению в него своих памятников. Правительством Казахстана представлено 38 объектов в качестве претендентов на занесение в список Всемирного наследия ЮНЕСКО:

1. Городище Кызылкала
2. Городище Жайык
3. Городище Сарайчик
4. Памятники Джетыасарского оазиса
5. Городище Жанкала.
6. Городище Жанкент (Янгикент)
7. Городище Кескен-куюк кала.
8. Городище Чирик-Рабад
9. Городище Бабиш-Мулла
10. Поселение Баланды I
11. Археологический комплекс Акыртас
12. Городище Костобе
13. Городище Жуантобе
14. Городище Караспан датируется I–XVIII вв.
15. Борижарский могильник
16. Городище Культобе
17. Городище Отрар.
18. Городище Туркестан (Яссы)
19. Городище Сидак
20. Городище Сауран
21. Городище Сыгнак
22. Городище Бозок
23. Городище Талгар
24. Городище Карамерген
25. Городище Актобе
26. Городище Орнек
27. Городище Кулан
28. Некрополь Иссык, V–III в. до н.э.
29. Некрополь Боралдай V–III в. до н.э.
30. Городище Антоновка
31. Могильник Бесшатыр V–IV в. до н. э.
32. Тюркское святилище Мерке VII–XII вв.
33. Мегалитический мавзолей культуры Бегазы-Дандыбай.
34. Петроглифы Ешкиольмес.
35. Петроглифы Арпа-Узень.
36. Историко-культурный ландшафт Улытау.
37. Палеолитические объекты и геоморфология хребта Каратау
38. Курганы с каменными кругами Тасмолинской культуры

Государство обеспечивает охрану всех категорий памятников истории и культуры посредством серии региональных органов, подведомственных МКИ. Ознакомление широких кругов обществен-

[1] Решение 27 Сессии Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО. – Париж, 3 июля 2003 года.
[2] Решение 28 Сессии Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО. – Сучжоу, 30 июня 2004 года.

ности и ученого сообщества с перечнями памятников истории и культуры обеспечивается научными изданиями инвентаризационного характера – археологическими картами и сводами памятников истории и культуры.

Крупнейшей работой такого порядка по сей день является «Археологическая карта Казахстана», составленная в 1960 г. (5). В ней были обобщены сведения о 4911 памятниках археологии, известных во всех регионах Казахстана. Работа состоит из собственно карты, на которую нанесены условными знаками все учтенные памятники археологии, древней архитектуры и искусства, и реестра, дающего подробные сведения о каждом памятнике, обозначенном на карте.

В период независимости был начат процесс составления Свода памятников истории и культуры Республики Казахстан, формируемого по областям. На текущий момент этот процесс еще не завершен. Из 16 регионов своды памятников составлены и изданы по 13: г. Астана (6), г. Алматы (7), Жамбылская область (8), Южно-Казахстанская область (9), Кызылординская область (10), Акмолинская область (11), Павлодарская область (12), Северо-Казахстанская область (13), Западно-Казахстанская область (14), г. Алматинская область[1], Актюбинская область, Мангыстауская область, Восточно-Казахстанская область[2].

На следующем этапе были начаты работы по составлению более детальных – районных сводов памятников истории и культуры. Исследованиями в этом направлении было охвачено 9 из 10 районов Жамбылской области (15) (16) (17) (18) (19) (20) (21) (22) (23), 2 из 10 районов Атырауской области (24), 2 из 11 районов Южно-Казахстанской области (25) (26). Широкие исследования были проведены в Западно-Казахстанской и Актюбинской областях (Памятники природного и историко-культурного наследия Западно-Казахстанской области. Научное издание в 14 томах; Памятники природного и историко-культурного наследия Актюбинской области. Научное издание в 13 томах) и других регионах (27). Практика показывает, что подобная детализация положительно сказывается на количестве охваченных памятников. В районном своде памятников Кордайского района Жамбылской области количество охваченных памятников увеличилось по сравнению с областным сводом со 152 (8) до 632 (15), в своде Мойынкумского района с 65 до 153 (19), в своде Шуского района с 63 до 411, в своде Турар Рыскуловского района с 75 до 299 (18) и т.д.

В целом, перечисленные работы составлены по единой методологической схеме – в них указаны названия памятников, их локализация, краткое описание, графические материалы и библиография. Этого достаточно для получения общего представления о специфике объекта, его культурной и научной значимости. Разница между изданиями проявляется в географической привязке описываемых памятников и их картировании.

Неоднозначный подход к этому разделу работ обусловлен его дискуссионностью. На вопрос о необходимости и правомерности указания точных географических координат памятников археологии составители сводов памятников смотрят по-разному. И это закономерно – точные координаты памятников археологии, попав в руки так называемых «черных копателей» делают наше археологическое наследие более уязвимым. Пресса пестрит сообщениями о выявленных фактах варварского разграбления того или иного памятника археологии.

Но с другой стороны сокрытие данных о расположении памятников археологии не может считаться выходом из ситуации. При подобном подходе проблемы этического и правового характера становятся препятствием для решения научных проблем. Правовые вопросы необходимо решать правовым путем – в данном случае посредством усовершенствования законодательной базы в направлении охраны памятников истории культуры.

Относительные привязки к географическим объектам принятые в XX в. на сегодняшний день устарели. По данным такого рода очень трудно определить месторасположение того или иного памятника археологии. Научный подход не допускает хранение информации посредством таких носителей как память археолога или закрытые карты и записи той или иной исследовательской группы. При таком подходе очень сложно определить общее количество памятников на какой-либо территории, вычленить среди них объекты отдельных эпох или культур. Возникают условия для повторного открытия одного и того же памятника археологии под другим названием.

[1] На момент написания статьи свод памятников Алматинской области не был издан.

[2] На момент написания статьи, авторы не располагали выходными данными сводов памятников истории культуры Восточно-Казахстанской, Мангыстауской и Актюбинской областей.

В ряде последних работ памятники археологии локализованы с приведением точных географических координат. Подобный подход очень удобен при поиске памятников археологии на картах, спутниковых снимках так же на местности. Такого рода данные удобны для разностороннего анализа ландшафтной привязки памятников археологии.

Проделанная поколениями археологов работа по выявлению, изучению, систематизации археологического наследия Казахстана позволяет при должном методическом подходе получить информацию о широком круге памятников археологии. Однако этот массив информации на сегодняшний день не стандартизован в плане подачи и не централизован в плане доступа.

Современный уровень развития технологий позволяет создать единую базу данных по памятникам археологии страны, удобную для использования и позволяющую анализировать данные в пространственном, хронологическом и многих других аспектах, а также вести их учет и мониторинг состояния.

Оптимальным инструментом для решения этих задач являются геоинформационные системы.

Геоинформационные системы (также ГИС) – системы, предназначенные для сбора, хранения, анализа и графической визуализации пространственных данных и связанной с ними информации о представленных в ГИС объектах. ГИС включают в себя систему управления базами данных (СУБД), редакторов растровой и векторной графики и аналитических средств и применяются в широчайшем спектре направлений картографии, геологии, археологии, метеорологии, землеустройстве, экологии и мн. др. Эта технология объединяет традиционные операции работы с базами данных, такими как запрос и статистический анализ, с преимуществами полноценной визуализации и географического (пространственного) анализа, которые предоставляет карта. Эти возможности отличают ГИС от других информационных систем и обеспечивают уникальные возможности для ее применения в широком спектре задач, связанных с анализом и прогнозом явлений и событий окружающего мира, с осмыслением и выделением главных факторов и причин. В последние десятилетия ГИС широко применяются в области археологии.

В условиях обозначившейся потребности казахстанской археологии в систематизации данных о памятниках археологии, сотрудниками Института археологии им. А. Х. Маргулана был инициирован проект «Формирование ГИС базы данных археологических памятников Казахстана». Финансирование проекта было обеспечено Комитетом науки Министерства образования и науки РК в рамках грантового финансирования научных исследований.

В июне 2013 г. руководством Института археологии им. А. Х. Маргулана была проведена замена рабочей группы проекта.

Обновленный состав группы включает в себя помимо специалистов-археологов квалифицированных картографов, специализирующихся в области ГИС-технологий. В настоящей статье описываются работы, выполненные с июня 2013 г. по начало 2014 года.

Первые шаги в рамках проекта были предприняты в направлении формирования структуры конечного продукта. В соответствии со спецификациями проекта ее видение было сформулировано следующим образом. Итоговая база данных (далее – БД) должна содержать в себе данные по всем памятникам, известным по официальны документам (государственные списки) и публикациям инвентаризационного характера (своды памятников истории и культуры, археологические карты).

Исходя из равнозначности правового статуса памятников археологии и других типов памятников истории и культуры (памятники архитектуры и ансамбли), было принято решение данные по ним также включить в БД.

Исходя из этого, БД в конечном своем исполнении должна включать в себя сведения обо всех памятниках истории культуры фигурирующих в следующих источниках:

1. Список памятников всемирного наследия ЮНЕСКО;
2. Предварительный список памятников ЮНЕСКО в Казахстане;
3. Государственный список памятников истории и культуры республиканского значения;
4. Государственные списки памятников истории и культуры местного значения 16 административных единиц (14 областей и 2 города республиканского значения);
5. Изданные своды памятников истории культуры 11 областей и 2 городов республиканского значения;
6. Изданные своды памятников 42 районов Жамбылской, Атырауской, Западно-Казахстанской, Актюбинской, Южно-Казахстанской и Карагандинской областей;

7. Археологическая карта Казахстана (5).

Таким образом, текущий проект приобрел очерченные границы. Перечисленные материалы содержат в себе сведения о более чем 20 тыс. памятниках истории и культуры. Несомненно, БД не может и не должна замыкаться в обозначенном объеме. Впоследствии, она может пополняться сведениями об объектах, не вошедших в указанные документы и издания, а также материалами новых исследований.

Перечисление и локализация памятников истории культуры не исчерпывают возможностей ГИС-технологий. Важным их преимуществом является возможность анализа данных БД различных аспектах – пространственно, хронологическом, типологическом и других. Для достижения этой цели нашей группой была разработана следующая структура БД.

Таблица 1 – Структура базы данных памятников истории и культуры Казахстана

Категория «_id»	Номер
Категория «_name»	Название
Категория «_sub_name»	Подназвание
Категория «_e»	Координаты (восток)
Категория «_n»	Координаты (запад)
Категория «_vid»	Вид
Категория «_status»	Статус
Категория «_type»	Тип
Категория «_sub_type»	Подтип
Категория «_variant»	Вариант
Категория «_age»	Эпоха
Категория «_cultural indentety»	Культурная принадлежность
Категория «_discript»	Описание
Категория «_pass_numb»	№ паспорта
Категория «_date_begin»	Нижняя дата
Категория «_date_end»	Верхняя дата
Категория «_aut»	Источник
Категория «_photo»	Фото
Категория «_topoplan»	Топоплан
Категория «_plan»	План
Категория «_literature»	Литература
Категория «_archive»	Архив
Категория «_desrt»	Уничтожен

В структурированную БД сведения о памятниках истории культуры вносились согласно разработанной иерархичной классификации (таблицы 2–5).

Таблица 2 – Классификация по типу памятников вида «Архитектура и градостроительство»

«_vid»	«_type»
Архитектуры и градостроительства	Памятник Бюст Здание Обелиск Мавзолей Улица Площадь Ландшафт Могила Народного зодчества

Таблица 3 – Классификация по типу памятников вида «Ансамбль»

«_vid»	«_type»
Ансамбль	Фортификационный ансамбль Дворцовый ансамбль Жилой ансамбль Общественный ансамбль Административный ансамбль Торговый ансамбль Учебно-научный ансамбль Хозяйственный ансамбль

Таблица 4 – Классификация памятников по эпохе

«_age»	«_age1»
1	2
Каменный век	Нижний палеолит Средний палеолит Верхний палеолит Мезолит Неолит
Энеолит	
Бронзовый век	Ранний бронзовый век Средне-бронзовый век Поздний бронзовый век Финальная бронза
РЖВ	Скифский период Скифо-сакский период Гунно-сарматский период
Средневековье	Раннее средневековье Развитое средневековье Позднее средневековье
Этнография/Новое время	
Современность	Дореволюционный период Советский период Период независимости

Классификация объектов как хронологическая, так и типологическая может быть и «расширена», и «углублена». Однако в свете предполагаемых к исполнению объемов работ, приведенная методика классификации памятников истории и культуры является оптимальной. Дальнейшее ее структурирование перспективно при разработке более узких в пространственном или хронологическом отношении научно-исследовательских тем.

Возможности ГИС позволяют локализовать все памятники истории и культуры на карте Казахстана, используя различные подосновы (background) – топографические карты, спутниковые снимки, SRTM, отфильтровать из общего списка памятники отдельных эпох, типов, подтипов и регионов. Это раскрывает замечательные возможности в плане анализа пространственного расположения памятников археологии. К примеру, на рисунке 1 отчетливо отображается привязка памятников археологии Жамбылской области к предгорьям и рекам. И это только незначительная часть обширных возможностей ГИС.

Как уже отмечалось выше, многие памятники археологии локализованы в традиционных источниках посредством относительной привязки к географическим объектам. Это создало значительные трудности при внесении данных о них в среду ГИС и обозначило необходимость полевых выездов с целью уточнения географических координат.

Таблица 5 – Классификация памятников археологии по виду, типу, подтипу, варианту

«_vid»	«_type»	«_sub_type»	«_variant»
1	2	3	4
Памятники археологии Памятники археологии	Поселенческие	Неукрепленные	Местонахождения Стоянки Селища Усадьба Зимовка Поселение
		Укрепленные	Городище Укрепленное поселение Торткуль Караван-сарай
	Погребально-поминальные	Курганные погребения	Курган со рвом Курган с оградой Курган с усами (грядами) Курган с ритуальными выкладками Курган с набросами (малыми курганами) Курган со стелой
		Мавзолейные погребения	Мавзолей Мазар Склеп
	Производственные	Ирригация	Канал Рык Колодец
		Горное дело	Каменоломни Выработки Шахты Штольни
	Культовые		Мечеть Храм Ограда Кольцевой ров
	Художественные		Петроглифы Геоглифы Изваяния
	Находки вне археологического контекста		Клады Случайные находки Частные коллекции

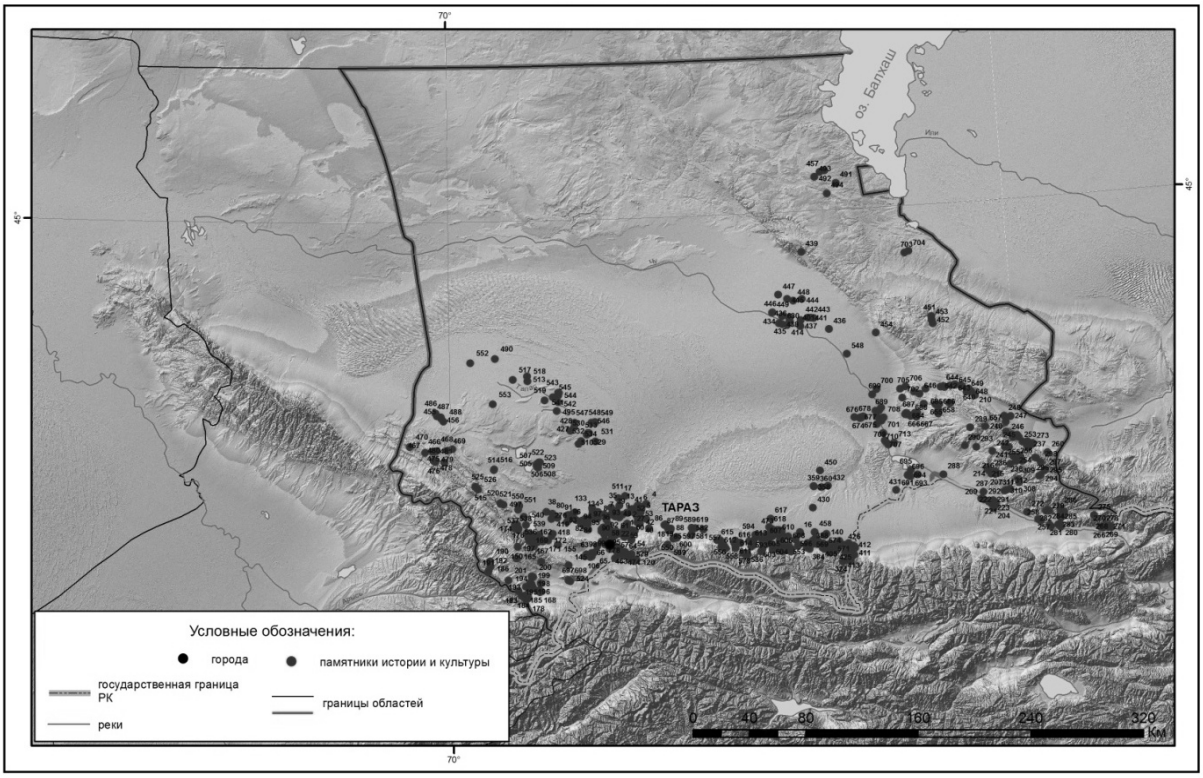

Рисунок 1 – Государственный список памятников истории и культуры местного значения Жамбылской области. Основа – данные SRTM

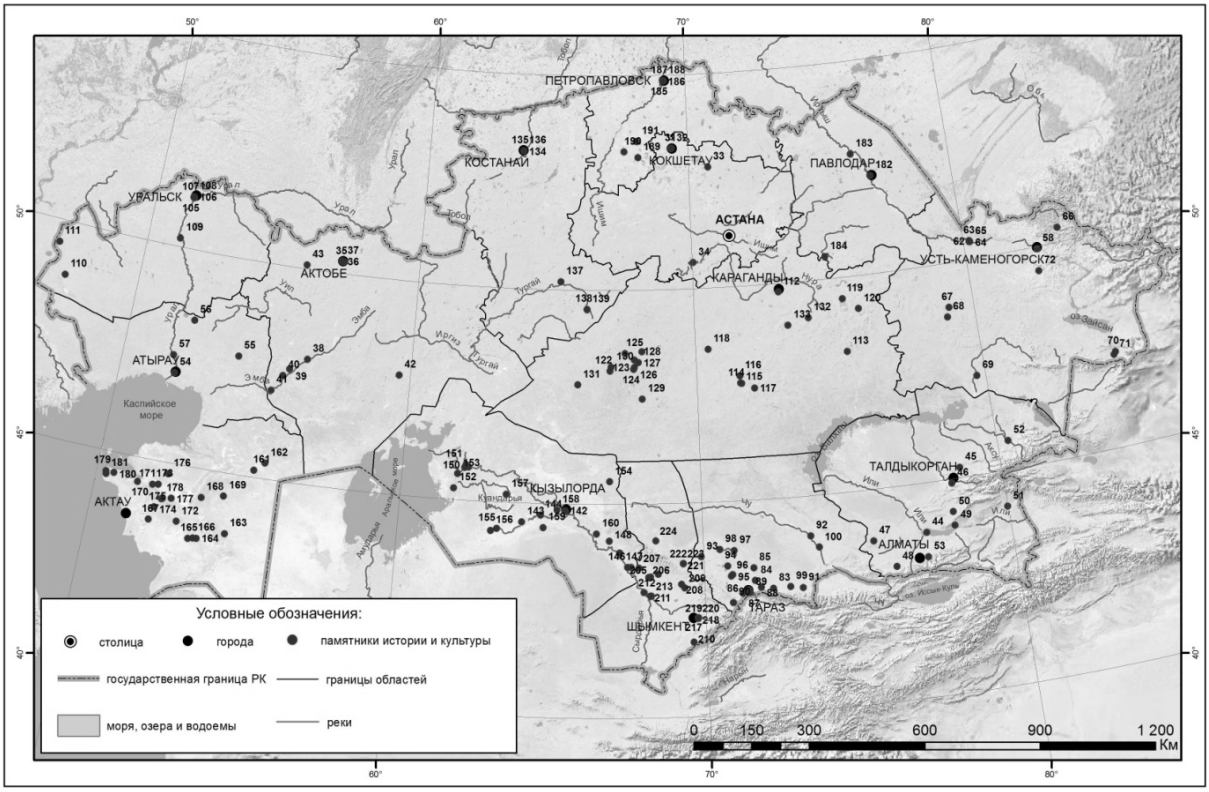

Рисунок 2 – Государственный список памятников истории культуры республиканского значения. Основа – физико-географические данные

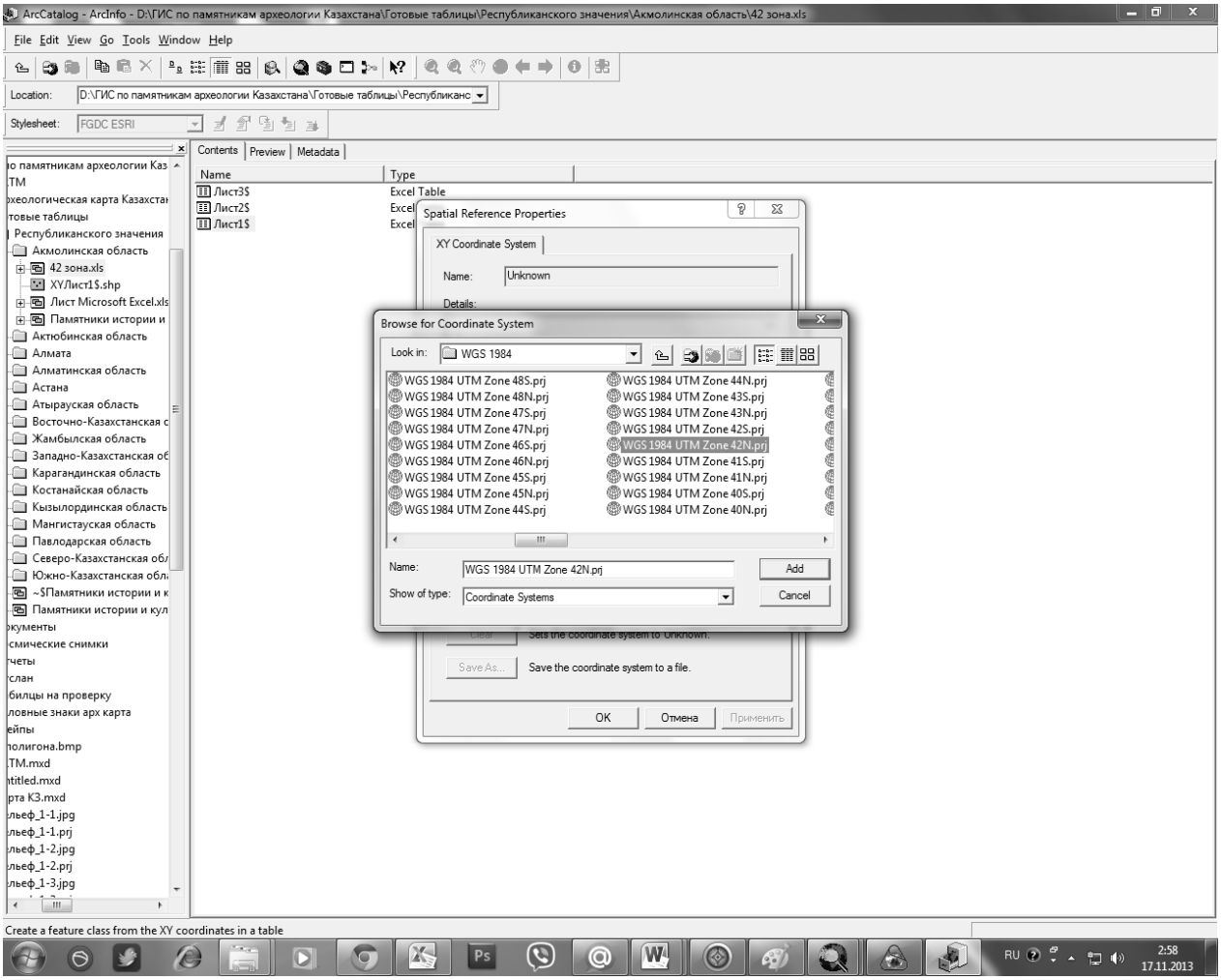

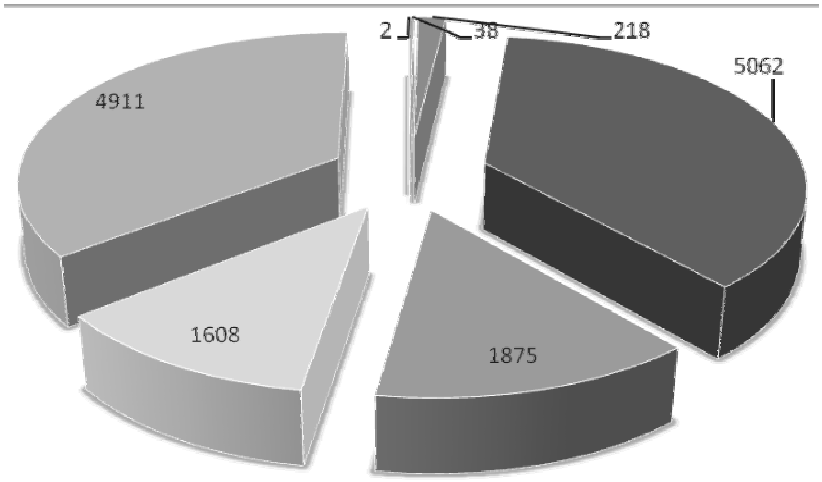
Рисунок 3 – Импорт таблицы с данными в среду ArcGIS

Каждый источник ложится в основу отдельной системной единицы БД. Данные в БД заносились в строгом соответствии с источником. Даже в случае устаревания сведений или выявления их несоответствия действительности, они вносились без корректировок со стороны составителей БД. Подобный подход обусловлен видением БД как технологизированной проекции источников.

За 6 месяцев группой проекта было внесено в БД 12 997 памятников истории культуры. Из них:

1. Список памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО – 2 из 2 (100%);
2. Предварительный список памятников ЮНЕСКО в Казахстане – 38 из 38 (100%);
3. Государственный список памятников истории и культуры республиканского значения – 218 из 218 (100%);
4. Государственные списки памятников истории и культуры местного значения – 5 062 из 11 272 (45%);
5. Своды памятников истории и культуры по областям – 1 875 (обработано 4 свода из 13);
6. Своды памятников истории и культуры по районам – 1 608 (обработано 10 сводов из 42);
7. Археологическая карта Казахстана – 4 911 из 4 911 (100%).

Указанная динамика позволяет с высокой степенью вероятности прогнозировать полное завершение проекта в течение 2014 г.

Количественное соотношение памятников истории и культуры из различных источников в БД на момент написания статьи

По достижении этого результата ученые круги получат мощный инструмент для систематизации и разностороннего анализа археологического наследия Казахстана. Надзорные органы получат возможность осуществлять эффективный мониторинг состояния памятников истории культуры, а также вести их учет на современном уровне развития науки и техники.

ЛИТЕРАТУРА

1 Постановление Совета Министров Казахской ССР от 17 февраля 1949 г. N 133 «О мерах улучшения охраны памятников культуры».

2 Постановление Совета Министров Казахской ССР от 7 июня 1974 года N 338 «О памятниках архитектуры Казахстана, подлежащих государственной охране».

3 Постановление Совета Министров Казахской ССР от 26 января 1982 года N 38 «О памятниках истории и культуры Казахской ССР республиканского значения».

4 Постановление Правительства Республики Казахстан от 21 марта 2008 год №279 «Об утвержденни государственного списка памятников истории и культуры республиканского значения. Утвержден постановлением правительства Республики Казахстан.

5 Археологическая карта Казахстана. Реестр. – Алма-Ата: б.н., 1960.

6 Историко-культурное наследие города Астана. Свод памятников. – Астана: б.н., 2012.

7 Свод памятников истории и культуры города Алматы. – Алматы: ТОО «Казахская энциклопедия», 2006.

8 Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область. – Алматы: б.н., 2002.

9 Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. – Алматы: б.н., 1994.

10 Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Кызылординская область. – Алматы: Аруна, 2007.

11 Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область. – Алматы: Аруна, 2009.

12 Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Павлодарская область. – Алматы: Аруна, 2010.

13 Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область. – Алматы: Аруна, 2007.

14 Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Западно-Казахстанская область. – Алматы: Аруна, 2010.

15 Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Кордайский район. . – Алматы: б.н., 2010.

16 Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Жамбылский район. – Алматы: б.н., 2010.

17 Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Байзакский район. – Алматы: б.н., 2010.

18 Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Турар Рыскуловский район. – Алматы: б.н., 2011.

19 Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Мойынкумский район. – Алматы: б.н., 2012.

20 Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Чуйский район. – Алматы: б.н., 2012.

21 Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Жуалынский район. – Алматы: б.н., 2013.

22 Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Меркенский район. – Алматы: б.н., 2011.

23 Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Таласский район. – Алматы: б.н., 2011.

24 Атырау облысының тарих және мәдениет ескерткіштерінің жиынтығы. Қызылқоға, Индер аудандары. – Атырау – Алматы: б.н., 2012.

25 Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области: Отрарский район. – Алматы: Баур, 2007.

26 Археологическая карта Южно-Казахстанской области. Тюлькубасский район. – Туркестан: б.н., 2004.

27 Археологичская карта Каркаралинского района Карагандинской области. – Алматы: б.н., 2004.

28 Свод памятников истории и культуры Атырауской области: Кызылкогинский и Индерский районы. – Алматы: б.н., 2012.

29 Постановление Атырауского областного акимата от 23 ноября 2010 года №299 «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Атырауской области. – № 229.

30 Государственный список памятников истории и культуры республиканского значения. 2008. Утвержден постановлением правительства Республики Казахстан..

31 Государственный список памятников истории и культуры местного значения Атырауской области. Атырауский областной акимат. – Атырау: б.н., 2010. – № 229.

REFERENCES

1 Postanovleni"e Soveta Mi"ni"strov Kazahskoy SSR ot 17 fevralya 1949 g. N 133 «O merah wlwchsheni"ya ohrani' pamyatni"kov kwl#twri'».

2 Postanovleni"e Soveta Mi"ni"strov Kazahskoy SSR ot 7 i"yunya 1974 goda N 338 «O pamyatni"kah arhi"tektwri' Kazahstana, podlejashhi"h goswdarstvennoy ohrane».

3 Postanovleni"e Soveta Mi"ni"strov Kazahskoy SSR ot 26 yanvarya 1982 goda N 38 «O pamyatni"kah i"stori"i" i" kwl#twri' Kazahskoy SSR respwbli"kanskogo znacheni"ya».

4 Postanovleni"e Pravi"tel#stva Respwbli"ki" Kazahstan ot 21 marta 2008 god N279 «Ob wtverjdenni" goswdarstvennogo spi"ska pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' respwbli"kanskogo znacheni"ya. Wtverjden postanovleni"em pravi"tel#stva Respwbli"ki" Kazahstan.

5 Arheologi"cheskaya karta Kazahstana. Reestr. Alma-Ata: b.n., 1960.

6 I"stori"ko-kwl#twrnoe nasledi"e goroda Astana. Svod pamyatni"kov. Astana: b.n., 2012.

7 Svod pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' goroda Almati'. Almati': TOO «Kazahskaya e'nci"klopedi"ya», 2006.

8 Svod pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' Respwbli"ki" Kazahstan. Jambi'lskaya oblast#. Almati': b.n., 2002.

9 Svod pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' Kazahstana. Yujno-Kazahstanskaya oblast#. – Almati': b.n., 1994.

10 Svod pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' Respwbli"ki" Kazahstan. Ki'zi'lordi"nskaya oblast#. Almati': Arwna, 2007.

11 Svod pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' Respwbli"ki" Kazahstan. Akmoli"nskaya oblast#. Almati': Arwna, 2009.

12 Svod pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' Respwbli"ki" Kazahstan. Pavlodarskaya oblast#. Almati': Arwna, 2010.

13 Svod pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' Respwbli"ki" Kazahstan. Severo-Kazahstanskaya oblast#. Almati': Arwna, 2007.

14 Svod pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' Respwbli"ki" Kazahstan. Zapadno-Kazahstanskaya oblast#. Almati': Arwna, 2010.

15 Svod pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' Jambi'lskoy oblasti". Kordayski"y rayon. Almati': b.n., 2010.

16 Svod pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' Jambi'lskoy oblasti". Jambi'lski"y rayon. Almati': b.n., 2010.

17 Svod pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' Jambi'lskoy oblasti". Bayzakski"y rayon. Almati': b.n., 2010.

18 Svod pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' Jambi'lskoy oblasti". Twrar Ri'skwlovski"y rayon. Almati': b.n., 2011.

19 Svod pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' Jambi'lskoy oblasti". Moyi'nkwmski"y rayon. Almati': b.n., 2012.

20 Svod pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' Jambi'lskoy oblasti". Chwyski"y rayon. Almati': b.n., 2012.

21 Svod pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' Jambi'lskoy oblasti". Jwali'nski"y rayon. Almati': b.n., 2013.

22 Svod pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' Jambi'lskoy oblasti". Merkenski"y rayon. Almati': b.n., 2011.

23 Svod pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' Jambi'lskoy oblasti". Talasski"y rayon. Almati': b.n., 2011.

24 Ati'raw obli'si'ni'ng tari"h ja'ne ma'deni"et eskertkishterining ji"i'nti'ghi'. Qi'zi'lqogha, I"nder awdandari'. Ati'raw – Almati': b.n., 2012.

25 Svod pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' Yujno-Kazahstanskoy oblasti": Otrarski"y rayon. Almati': Bawr, 2007.

26 Arheologi"cheskaya karta Yujno-Kazahstanskoy oblasti". Tyul#kwbasski"y rayon. Twrkestan: b.n., 2004.

27 Arheologi"chskaya karta Karkarali"nskogo rayona Karagandi"nskoy oblasti". Almati': b.n., 2004.

28 Svod pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' Ati'rawskoy oblasti": Ki'zi'lkogi"nski"y i" I"nderski"y rayoni'. Almati': b.n., 2012.

29 Postanovleni"e Ati'rawskogo oblastnogo aki"mata ot 23 noyabrya 2010 goda №299 «Ob wtverjdeni"i" Goswdarstvennogo spi"ska pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' mestnogo znacheni"ya Ati'rawskoy oblasti". N229.

30 Goswdarstvenni'y spi"sok pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' respwbli"kanskogo znacheni"ya. 2008. Wtverjden postanovleni"em pravi"tel#stva Respwbli"ki" Kazahstan..

31 Goswdarstvenni'y spi"sok pamyatni"kov i"stori"i" i" kwl#twri' mestnogo znacheni"ya Ati'rawskoy oblasti". Ati'rawski"y oblastnoy aki"mat. Ati'raw: b.n., 2010. N 229.

К. М. Бапйпақов, Д. А. Воякин, Е. Ш. Әміров, М. К. Сейітқалиев

(Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан)

ГЕОАҚПАРАТТЫҚ ЖҮЙЕЛЕР ҚАЗАҚСТАННЫҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ МҰРАСЫН ҚОРҒАУ ЖӘНЕ ТАЛДАУ ЖАСАУ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ

Резюме

Мақала ҚР БҒМ ҒК гранттық қаржыландыру аясында А. Х. Марғұлан атындағы Археология институты әзірлеген «Қазақстанның археологиялық ескерткіштерінің деректер қорының ГАЖ-ін қалыптастыру» жобасы бойынша аралық жұмыс нәтижелеріне арналған. Археология ескерткіштері бойынша деректерді

есепке алу, мониторингілеу, статистикалық өңдеу археологиялық мұраны зерттеу және сақтау саласындағы дәстүрлі бағыттар болып табылады. Ғылым мен техниканың қазіргі дамуы бұл бағыттардағы жұмыс тиімділігі мен дәлдігін арттыруға мүмкіндік береді. Геоақпараттық жүйелер (ГАЖ) осы мақсатқа қол жеткізудің қолайлы құралы болып табылады. Археология, география және компьютерлік технологияның бірігіп жұмыс істеуі белгілі археология ескерткіштері бойынша ауқымды ақпарат көлемін енгізуге және талдауға мүмкіндік береді. Жоба ГАЖ-ге келесі дерек көздерде болатын археология ескерткіштерінің деректер қорын енгізуді көздейді: ЮНЕСКО ескерткіштерінің тізімі, Қазақстанның мемлекеттік тарихи және мәдени ескерткіштерінің тізімі (республикалық және жергілікті маңызы бар), тарихи және мәдени ескерткіштер жинағы (облыстардың, республикалық маңызы бар қалалардың және аудандардың). Ақпаратты енгізудің дайындалған әдістемесі нысандардың хронологиясын, типологиясын, мақсатын, мәдени тиістілігін және басқасын есепке ала отырып, олардың кеңістіктікте орналасуының көрсетілуін жүзеге асыруға мүмкіндік береді. Мақаланы жазу кезінде деректер қорына мәдениет тарихының 12 997 ескерткіштері туралы мәліметтер енгізілді.

Тірек сөздер: археология, ЮНЕСКО, Тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімі, Тарих және мәдениет ескерткіштерінің жинағы, геоақпапаттық жүйелері, карталар.

K. M. Baipakov, D. A. Voyakin, Y. Sh. Amirov, M. K. Seitkaliev

GEOGRAPHIC INFORMATION SYSTEMS AS AN INSTRUMENT OF PROTECTION AND EVALUATION OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF KAZAKHSTAN

Summary

This article represent intermediate results of the work on project «Formation of GIS Database on Archaeological Sites of Kazakhstan», developed by the Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan and financed by the Scientific Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Registration, monitoring and treatment of statistic data on archaeological sites are the traditional methods of exploration and conservation of archaeological heritage. Modern scientific and technical development level permits to improve the working efficiency and accuracy in this sphere. Geo-informational systems (GIS) are the optimal instrument to achieve this objective. The common work of archeology, geography and computer technologies permits to bring in and analyze a considerable amount of information on famous archaeological sites. The project provides inclusion into GIS database archaeological sites from following sources: UNESCO lists, State lists of historical and cultural sites of the Republic of Kazakhstan (lists of national and local importance), corpuses of historical and cultural sites (from provinces, cities of republican importance and regions). This information inclusion method permits to visualize the location of sites by taking into account their chronology, typology, designation, cultural belonging and etc. Information on 12 997 historical and cultural sites was already included into the database at the time of the writing of this article.

Keywords: archeology, UNESCO, State's list of historical and cultural sites, Historical and cultural sites corpus, geoinformation systems, maps.

Поступила 10.09.2014 г.

УДК 903/904(574.5)"637"

Н. А. ВОЯКИНА

(Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Казахстан)

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ НАСЛЕДИЕМ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. Данная статья посвящена правовым основам государственного управления в сфере охраны, использования и популяризации археологического наследия. Автором затронут вопрос особого правового статуса археологических памятников, рассмотрена история формирования законодательства об охране и использовании историко-культурного наследия Казахстана. Для формирования общей картины в статье представлен краткий обзор современной системы законодательства в области истории и культуры, в котором более подробно анализируются Закон «О культуре» и Закон «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия».

Особое внимание в статье уделяется освещению современных проблем в сфере сохранения и изучения археологического наследия, в основе которых, по мнению автора, лежит несовершенство законодательных механизмов.

Ключевые слова: археологическое наследие Казахстана, законодательство об охране историко-культурного наследия, правовые механизмы, проблемы охраны памятников.

Тірек сөздер: Қазақстанның археологиялық мұрасы, тарихи-мәдени мұраны қорғау туралы Заң, құқықтың тетіктері, ескерткішті қорғау мәселелері.

Keywords: archaeological heritage of Kazakhstan, legislation on protection of historical and cultural heritage, legal mechanisms, problems of sites protection.

Республика Казахстан – страна, обладающая богатым археологическим наследием. Памятники археологии, разбросанные по всей обширной территории Республики, хранящие следы эпох и великих событий, отображающие разнообразие и переплетение ценностей и религиозных воззрений, наряду с уникальными находками, впитавшими в себя обычаи, традиции многочисленных этносов и племен, стали не только достоянием науки и культуры народа Казахстана, но и обогатили сокровищницу мировой цивилизации.

Сегодня заметны новые мировые тенденции изменения статуса объектов археологического наследия. Памятники археологии все чаще рассматриваются как часть истории политической жизни государства. Произошла смена ракурса с позиции, в которой отмечались исключительно культурная и научная составляющие археологических объектов, на принципиально новую позицию, где памятник археологии становиться важнейшим звеном в определении духовной идентичности, этничности современного общества, приобретая общественную и политическую значимость. Особая уязвимость археологических памятников, присущая им хрупкость, невосполнимость, и упомянутая многосторонняя ценность, выдвигают проблему сохранения археологического наследия на ключевые позиции.

Вопрос охраны археологического наследия в Казахстане стоит довольно остро. Очевидной становиться недостаточная защищенность объектов археологического наследия в условиях активизации хозяйственного освоения земель и вытекающей из нее ежегодно возрастающей активности на рынке археологических услуг. Ситуация, сложившаяся вокруг взаимодействия государственных органов с лицами, осуществляющими археологические исследования на территории Республики Казахстан, демонстрирует серьезные недостатки в сфере охраны не выявленных памятников археологии, а также системные проблемы в сфере государственного учета объектов историко-культурного наследия. На этом фоне стали также заметными неэффективность механизма контроля качества оказываемых археологических услуг, проблемы собственности на памятники археологии и многие другие, большие и малые сложности.

Корни всех этих разрастающихся «археологических» проблем следует искать в законодательном фундаменте системы государственного управления историко-культурным наследием. Именно правовые нормы являются основой функционирования механизма охраны историко-культурных объектов и непосредственно наиболее страдающих объектов археологического наследия.

История формирования законодательства об охране и использовании историко-культурного наследия Республики Казахстан

В процессе становления Казахстана после обретения им независимости существенно изменилось отношение общества и государства к историческому и культурному наследию. В этот период формировалось и совершенствовалось законодательство Республики Казахстан – были разработаны и приняты основные документы, определяющие политику государства в сфере охраны и использования памятников истории и культуры, с течением времени в них вносились изменения и дополнения. Казахстан присоединился к ряду международных документов[1]. Активное развитие

[1] Республика Казахстан присоединилась к Конвенции ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (1994 г.); 9 декабря 2011 г. принят Закон РК № 507-IV «О ратификации Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности»; Законом РК от 21 декабря 2011года № 514-IV ратифицирована Конвенция Юнеско «Об охране нематериального культурного наследия».

получило сотрудничество с иностранными и международными организациями в научной сфере, в сфере охраны и популяризации памятников. Республикой Казахстан сделано немало правовых шагов для решения проблем сохранения, охраны и популяризации историко-культурного наследия. Чтобы проанализировать эффективность одних и безуспешность других, следует начать с истоков сегодняшней правовой основы – с норм советского права.

История формирования законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры отражает развитие общественного правосознания. В советский период существовало иерархическое соподчинение законодательств союзных республик законам СССР. Закон Казахской ССР от 11 августа 1978 года № 1489-XII «Об охране и использовании памятников истории и культуры» полностью отражал всю систему правового регулирования, утвержденную законом СССР 1976 г. с аналогичным названием [1]. Закон КазССР устанавливал функции и полномочия государственных органов, общественных организаций, граждан по охране и использованию памятников истории и культуры. В нем были определены объекты, которые являются памятниками истории и культуры, была разработана система градации недвижимых памятников истории и культуры по уровню их культурной значимости. Законом был определен весь комплекс мероприятий, которые по существу отражал охранные функции государства: выявление, учет, хранение (в музеях, библиотеках, архивах), реставрация, консервация, ремонт, восстановление памятников истории и культуры, особый порядок доступа к ним, а также их ввоз и вывоз [2].

Обретение Казахстаном независимости и установление нового государственного строя обусловили необходимость разработки нового закона о памятниках истории и культуры, который был принят в 1992 г. В его названии «Об охране и использовании историко-культурного наследия» появилось новое понятие, отражающее общемировые тенденции в использовании терминологии – «историко-культурное наследие»[1] [3].

Сравнивая два Законодательных акта советского (1978 г.) и постсоветского периода (1992 г.), легко заметить произошедшую трансформацию системы политического устройства государства, смену идеологии, некоторые изменения в предмете правового регулирования, изменения порядка выдачи разрешений.

Одним из существенных отличий Закона Казахской ССР 1978 года является то, что в нем под памятниками истории и культуры понимались как движимые, так и недвижимые объекты, что существенно расширяло сферу действия данного закона и делало систему органов охраны памятников более разветвленной. В Законе Республики Казахстан «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» 1992 г. предмет правового регулирования значительно сужен, данный Закон касается лишь недвижимых памятников. Отношения по охране и использованию движимых культурных ценностей стали регулироваться Законом «О культуре». С одной стороны, это сделало процесс правоприменения более удобным: отдельные законодательные акты для разных (движимых и недвижимых) не связанных между собой видов культурных объектов. С другой стороны, это значительно усложнило ситуацию с правовым регулированием отношений по охране и использованию археологического наследия, где движимые объекты – археологические находки и недвижимые объекты – археологические памятники, составляют единый археологический комплекс, а процессы по выявлению, изучению, охране и использованию этого комплекса в реальности неразрывно связаны. Вследствие диссонанса между правовыми нормами и реальными отношениями в археологической сфере, обнаружились пробелы в законодательстве, и вытекающие отсюда проблемы по учету и охране археологических находок.

Еще одним важным отличием Закона КазССР и Закона Республики Казахстан является порядок и условия выдачи разрешительных документов на ведение раскопок и разведок. В соответствии с советским законодательством Академия наук КазССР выдавала на имя определенного исследователя открытый лист, который также регистрировался в Министерстве культуры КазССР[2] [1].

[1] Позднее в 2007 г. в Закон «Об охране...» было введен термин «объекты историко-культурного наследия».

[2] **Закон Казахской ССР от 11 августа 1978 года № 1489-XII «Об охране и использовании памятников истории и культуры»**

Статья 41. Ведение раскопок и разведок памятников археологии

Ведение раскопок и разведок памятников археологии допускается только при наличии разрешения (открытых листов), выдаваемых и регистрируемых в установленном порядке.

Такая процедура сочетала в себе функцию научного контроля со стороны АН КазССР и административную функцию со стороны органов исполнительной власти. В Законе Республики Казахстан «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» открытые листы были заменены лицензионным порядком осуществления археологических работ. Интенсивное развитие рыночной экономики в Казахстане способствовало повышению заинтересованности государства в развитии частного сектора. Интенсификация частноправовой деятельности особенно в сферах, затрагивающих государственные интересы, таких как археологические исследования, невозможна без государственной регламентации. Введение лицензионного порядка на осуществление археологических раскопок и разведок было своевременным ответом на поставленные государством задачи по созданию развитого предпринимательского сектора в стране, по совершенствованию антимонопольной политики и по повышению конкурентоспособности науки. В то же время лицензирование, как один из видов государственного надзора, способно было обеспечивать публичные интересы.

В результате сегодня на Казахстанском рынке археологических услуг существуют и успешно конкурируют как государственные, так и частные научно-исследовательские организации. Лицензирование является одним из основных механизмом государственного контроля над порядком осуществления археологических работ[1] [3]. Утверждение квалификационных требований, предъявляемых при лицензировании деятельности по осуществлению археологических и (или) научно-реставрационных работ на памятниках истории и культуры находится в компетенции Правительства Республики Казахстан.

Квалификационные требования включают наличие:

1. 1) научных руководителей, имеющих высшее образование («археология и этнология», «история») и соответствующий стаж работы в области археологии не менее трех лет, являющихся основными работниками у заявителя – для юридических лиц;

2) высшего образования («археология и этнология», «история») и соответствующего стажа работы в области археологии не менее трех лет у заявителя – для физических лиц;

2. специализированного оборудования по осуществлению археологических работ на памятниках истории и культуры;

3. рекомендации научной организации в области археологии на право осуществления археологических работ на памятниках истории и культуры. [4].

Как видно из содержания квалификационных требований, предъявляемых к лицензиату, лицензирование археологической деятельности призвано выполнять не только функцию административного контроля, но функцию контроля со стороны научной общественности. К сожалению, на сегодняшний день действия этого правового механизма не достаточно для эффективного контроля за качеством оказываемых археологических услуг. Назрела необходимость принятия новых правовых решений.

Рассмотрев некоторые отличительные черты двух законодательных актов – Закона Казахской ССР 1978 года «Об охране и использовании памятников истории и культуры» и Закона Республики Казахстан 1992 года «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия», следует отметить, что между ними, все же, очень много общего. Ряд понятий, система градации памятников, содержание государственной охраны остались прежними. Так, понятия «памятники археологии» и «памятники градостроительства и архитектуры», упомянутые в ст. 6 Закона КазССР

Организации и граждане, осуществляющие археологические работы, обязаны обеспечить сохранность памятников.

Разрешения на ведение раскопок и разведок на территории Казахской ССР памятников археологии республиканского и местного значения выдаются Академией наук Казахской ССР и регистрируются Министерством культуры Казахской ССР.

[1] **Закон Республики Казахстан от 2 июля 1992 года № 1488-XII «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия»**

Статья 40. Ведение раскопок и разведок на памятниках археологии

Ведение раскопок и разведок на памятниках археологии допускается при наличии лицензий.

Лицензии на археологические и (или) научно-реставрационные работы на памятниках истории и культуры на территории Республики Казахстан выдаются уполномоченным органом по согласованию с местными исполнительными органами областей (города республиканского значения, столицы).

Все материалы и находки, полученные юридическими и физическими лицами Республики Казахстан и других государств в результате археологических исследований на территории Казахстан, передаются в государственные музеи Республики Казахстан после научной фиксации и обработки. Вывоз их за пределы Республики Казахстан запрещается.

1978 года № 1489-XII, фактически без изменений перешли в Закон РК «Об охране…» 1992 г. Незначительные изменения претерпели нормы об охранных зонах (ст. 32 Закона КазССР); о запрещении сноса, перемещения, изменения памятника истории и культуры (ст. 37 Закона КазССР); об обеспечении сохранности памятников истории и культуры при производстве строительных и других работ (ст. 38, 39, 40 Закона КазССР) [1]. Многие прогрессивные нормы советского права, содержащиеся в Законе КазССР 1978 г. стали основой для формирования законодательства по охране и использованию историко-культурного наследия независимого Казахстана, некоторые из этих норм актуальны и сегодня.

С момента принятия Закона РК 1992 года «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» прошло два десятилетия, а суть большинства основных норм, правовые механизмы охраны, установленные данным Законом, практически не изменились за этот период. Напротив, общественные отношения в области охраны и использования историко-культурного наследия в Республике Казахстан активно развивались, и в отдельных сферах произошли существенные преобразования.

Система законодательства об археологическом наследии

Сегодня система правового регулирования отношений в сфере сохранения, изучения, государственной охраны и популяризации объектов историко-культурного наследия Республики Казахстан базируется на положениях Конституции, которая устанавливает конституционную обязанность граждан заботиться и сохранять историческое и культурное наследие страны, беречь памятники истории и культуры[1].

В эту систему входят многие общие законодательные акты: Гражданский кодекс РК, регулирующий имущественные отношения, возникающие при использовании, изучении, сохранении объектов историко-культурного наследия; Земельный кодекс РК, регулирующий вопросы землепользования и устанавливающий статус земель историко-культурного назначения; Закон «О лицензировании», определяющий порядок и условия выдачи лицензий на осуществление археологических и реставрационных работ на памятниках истории и культуры; КоАП РК, Уголовный кодекс РК, устанавливающие ответственность за правонарушения и преступления в сфере охраны памятников и истории и культуры и др. Среди специальных законодательных актов, направленных на сохранение, изучение, государственную охрану историко-культурного наследия следует назвать Законы РК «Об особо охраняемы х природных территориях» (2006), «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Казахстан» (2001), «О культуре» (1996), «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» (1992). Во исполнение законов в Республике издано множество подзаконных нормативно-правовых актов – это всевозможные правила, положения, инструкции [5]. Законодательство РК об охране и использовании историко-культурного наследия – весьма обширный материал для рассмотрения и анализа. Остановимся на рассмотрении одного из сегментов законодательства – на правовых нормах, регулирующих отношения в сфере охраны и использования археологического наследия.

Основными Законодательными актами в сфере охраны археологического наследия в Республике является Закон РК от 15 декабря 2006 года № 207-III ЗРК «О культуре» и Закон РК от 2 июля 1992 года № 1488-XII «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия».

Закон РК «О культуре» регулирует общественные отношения в сфере создания, возрождения, сохранения, развития, распространения и использования культуры в Республике Казахстан и определяет правовые, экономические, социальные и организационные основы государственной политики в области культуры. Этим Законом определяется положение музеев, историко-культурных заповедников и заповедников-музеев.

В ст. 32 Закона РК «О культуре» устанавливается понятие «культурные ценности», к которым в первую очередь отнесены (под пунктом 1) археологические памятники, археологические находки (включая обычные и тайные) и археологические открытия. Среди прочих объектов отнесенных к

[1] **Статья 37 Конституции Республики Казахстан**

Граждане Республики Казахстан обязаны заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры.

культурным ценностям, упомянуты предметы, которые также могут быть обнаружены в результате археологических исследований – монеты, антропологические, палеонтологические материалы. Последним – 16-м пунктом в статье указаны составные части расчлененных художественных и исторических памятников и археологических мест. Кроме этого в ст.33-35 Закона «О культуре» введено понятие объектов национального культурного достояния, установлен особый режим этих объектов [6].

Хотелось бы обратить внимание на некоторые смысловые ошибки, допущенные законотворцами при написании ст. 32 Закона «О культуре». Текстовой основой этой нормы является перевод статьи 1 Конвенции ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 года[1] [7], где раскрывается значение термина «культурные ценности». Причиной такой ошибки стал некорректный (машинный) перевод текста Конвенции с английского на русский язык, в результате которого существенно изменился смысл, изначально заложенный в норму.

В официальном переводе Конвенции подпункт (с) статьи 1 выглядит так: «(***с) археологические находки (включая обычные и тайные) и археологические открытия»*** [8]. Исходя из такого содержания, к культурным ценностям относятся не только материальные археологические предметы, но и открытия, т.е. некоторые события или факты обнаружения археологических объектов, что само по себе противоречит смыслу, заложенному в английский вариант фразы конвенции: ***«(c) products of archaeological excavations (including regular and clandestine) or of archaeological discoveries»***. Понятие «культурные ценности» раскрывается в ст. 1 Конвенции именно в целях применения ее норм, регулирующих отношения с движимыми культурными объектами, которые могут быть перемещаемы через границу. Открытия, в смысле «событие», «факт», не могут попадать под действие Конвенции ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности. Кроме того, деление археологических находок в данном выражении на «обычные» и «тайные», является сложной задачей как для правоприменителей, так и для археологов.

Чтобы исправить ошибку, необходимо рассмотреть несколько значений переводимых слов, и заострить внимание на употреблении в данном выражении предлога «of».

Английское слово «products», стоящее во множественном числе, может иметь несколько значений: продукты, продукция, изделия (вещи), результаты; предметы, созданные человеком, машиной или природой; продукты какого-либо процесса и т. д.

Прилагательное «regular» имеет значения: обычный, регулярный, постоянный, официальный, легальный, профессиональный.

---

[1] **Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property 1970**

Article 1

For the purposes of this Convention, the term `cultural property' means property which, on religious or secular grounds, is specifically designated by each State as being of importance for archaeology, prehistory, history, literature, art or science and which belongs to the following categories:

(a) Rare collections and specimens of fauna, flora, minerals and anatomy, and objects of palaeontological interest;

(b) property relating to history, including the history of science and technology and military and social history, to the life of national leaders, thinkers, scientists and artist and to events of national importance;

(c) products of archaeological excavations (including regular and clandestine) or of archaeological discoveries;

(d) elements of artistic or historical monuments or archaeological sites which have been dismembered;

(e) antiquities more than one hundred years old, such as inscriptions, coins and engraved seals;

(f) objects of ethnological interest;

(g) property of artistic interest, such as:

(i) pictures, paintings and drawings produced entirely by hand on any support and in any material (excluding industrial designs and manufactured articles decorated by hand);

(ii) original works of statuary art and sculpture in any material;

(iii) original engravings, prints and lithographs ;

(iv) original artistic assemblages and montages in any material;

(h) rare manuscripts and incunabula, old books, documents and publications of special interest (historical, artistic, scientific, literary, etc.) singly or in collections ;

(i) postage, revenue and similar stamps, singly or in collections;

(j) archives, including sound, photographic and cinematographic archives;

(k) articles of furniture more than one hundred years old and old musical instruments.

Прилагательное «clandestine» является антонимом слова «regular» и в данном контексте должно быть переведено как «нелегальный», а не «тайный», «скрытый».

Существительное «discoveries» можно перевести как «открытия», «обнаружения», «находки», среди которых слово «открытия» является наиболее подходящим, так как «находки», приведенные в значении гражданско-правового события, и «обнаружения» менее употребимы в русском языке в археологическом контексте.

Словосочетания «products of **archaeological excavations**» и «or of **archaeological discoveries**» стоят в родительном падеже, из чего следует, что

слово «products» может быть переведено, как «результаты» или «продукты, полученные в результате», соответственно «археологических раскопок» (действий целенаправленных) или «археологических открытий» (случайных событий).

Итогом такого анализа становится правильный перевод:

«(c) предметы, получаемые в результате археологических раскопок (включая легальные и нелегальные) или археологических открытий».

Важным в данном выражении является также упоминание легальных и нелегальных раскопок, означающее, что археологический предмет обладает статусом культурной ценности вне зависимости от обстоятельств его обнаружения.

При перенесении неверно переведенной фразы из пункта (c) Конвенции в Закон Республики Казахстан «О культуре» путаница усилилась бездумным добавлением в нее объектов недвижимого имущества – памятников археологии[1] [6] (других недвижимых объектов, кроме археологических, в списке культурных ценностей не значится). В результате чего к культурным ценностям в Казахстане относятся как движимые, так и недвижимые археологические объекты, что само по себе не плохо. Плохо то, что законодательный акт (Закон «О культуре»), призванный регулировать отношения с движимыми культурными ценностями, в предмете правового регулирования стал пересекаться с Законом РК 1992 года «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия».

Предметом правового регулирования действующего Закона «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» являются отношения по охране и использованию недвижимых памятников истории и культуры, о движимых культурных ценностях в нем упомянуто вскользь, и только о тех, которые связаны с недвижимыми объектами, как их неотъемлемые части[2]. Об археологических находках, которые также рассматриваются как составные части археологических памятников, упомянуто в части 3 ст. 40: ***«Все материалы и находки, полученные юридическими и физическими лицами Республики Казахстан и других государств в результате археологических исследований на территории Казахстан, передаются в государственные музеи Республики Казахстан после научной фиксации и обработки. Вывоз их за пределы Республики Казахстан запрещается»*** [3].

Согласно Закону РК «Об охране…» под памятниками истории и культуры понимаются отдельные постройки, здания, сооружения и ансамбли, историко-культурные ландшафты и другие достопримечательные места, созданные человеком или являющиеся совместным творением человека и природы, связанные с историческим прошлым народа, развитием общества и государства, включенные в Государственный список памятников истории и культуры.

Все памятники истории и культуры подразделяются на следующие виды:

---

[1] **Закон РК от 15 декабря 2006 года № 207-III ЗРК «О культуре»**

Ст. 32. Культурные ценности

К культурным ценностям относятся:

1) археологические памятники, археологические находки (включая обычные и тайные) и археологические открытия;

[2] **Закон Республики Казахстан от 2 июля 1992 года № 1488-XII «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия»**

Статья 3. Основные понятия, используемые в настоящем Законе

11) объекты историко-культурного наследия - **объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, прикладного искусства, науки и техники и иными предметами материальной культуры,** возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры.

1) памятники градостроительства и архитектуры;
2) памятники археологии;
3) ансамбли.

Говоря об особенностях археологических объектов как памятников истории и культуры, следует упомянуть норму Закона РК «Об охране…», которая определяет статус объектов историко-культурного наследия и подчеркивается особый статус памятников археологии[1] [3]:

Согласно ст. 5 Закона РК «Об охране…» объекты историко-культурного наследия (памятники градостроительства и архитектуры, ансамбли) приобретают статус памятников истории и культуры с момента признания их таковыми. Приобретенный статус закрепляется утверждением объектов в Государственном списке памятников истории и культуры международного, республиканского и местного значения.

Памятники археологии, в отличие от других объектов историко-культурного наследия, не нуждаются в признании их памятниками истории и культуры в связи с исключительной научной и культурной значимостью всех археологических объектов. Они приобретают статус памятников истории и культуры с момента их выявления. Приобретенный ими статус также закрепляется утверждением их в Государственном списке памятников истории и культуры международного, республиканского и местного значения.

Несмотря на исключительную важность для науки и культуры памятников археологии, Закон «Об охране и использовании историко-культурного наследия» от 2 июля 1992 г., содержит минимальное количество специальных норм, учитывающих особенности археологических объектов, кроме того многие правовые механизмы этого документа весьма устарели и утратили свою эффективность. Изъяны правовой основы порождают целый ряд проблем. Рассмотрим некоторые из них.

Проблема охраны не выявленных археологических объектов при хозяйственном освоении территорий. Сегодня, как и раньше, основным источником угрозы для археологических памятников является современное строительство, и у археологических объектов, пока еще не известных археологам, скрытых под толщей земли, нет надежной законодательной защиты.

Норма, призванная защитить не выявленные памятники археологии, содержащаяся в ст. 39 Закона «Об охране и использовании историко-культурного наследия», сформулирована не четко и потому лишена действенного механизма ее исполнения.

Земли выделяются в частную собственность и передаются в долгосрочную аренду, на них развиваются самые разные виды хозяйствования. Отвод же земельных участков вопреки предписаниям Закона слишком часто осуществляется без привлечения археологов, и даже вообще без каких бы то ни было предварительных работ по выявлению объектов историко-культурного наследия.

Памятники, скрытые толщей земли на территориях частного землевладения, никак не защищены, они реально не охраняются государством. Ведь земли, выделенные в частную собственность, – недоступны для научного изучения, там не проводятся археологические разведывательные мероприятия. Поэтому значительно снижается вероятность обнаружения археологических объектов, особенно это касается определенных категорий памятников, покоящихся на большой глубине. А многие археологические объекты, находясь, может быть, и не очень глубоко, все равно скрыты от человеческого взгляда и могут быть распознаны только археологами. В результате, не найденный памятник, вероятнее всего, будет уничтожен в ходе хозяйственной деятельности собственника земли.

[1] **Закон Республики Казахстан от 2 июля 1992 года № 1488-XII «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия»**

Статья 5. Статус объектов историко-культурного наследия

Объекты историко-культурного наследия приобретают статус памятников истории и культуры с момента признания их таковыми в порядке, установленном настоящим Законом. Для принятия решения о включении объектов историко-культурного наследия в Государственный список памятников истории и культуры представляются документы в порядке, установленном Правительством Республики Казахстан.

Признание объектов историко-культурного наследия памятниками истории и культуры закрепляется утверждением их в Государственном списке памятников истории и культуры международного, республиканского и местного значения, подлежащем обязательному официальному опубликованию. Памятники археологии приобретают статус памятников истории и культуры с момента их выявления.

Разрушение памятника может происходить под воздействием различных факторов; и, вопреки общепринятому мнению, это случается не только за счет рытья глубоких котлованов и прокладки коммуникаций, но и за счет распашки сельскохозяйственных угодий, а иногда даже посредством полива, который способствует концентрации солей, влаги, и вымыванию сырцовых структур.

Даже если у памятника есть шанс быть обнаруженным, то это может произойти уже без участия специалистов. Такое выявление памятника также чревато последствиями. Во-первых, случайное обнаружение археологического объекта в процессе освоения земель зачастую несет за собой его разрушение. Во-вторых, факт обнаружения памятника может быть скрыт собственником или пользователем земли, так как памятник для него лично никакого интереса не представляет, а сообщение об его обнаружении властям предполагает значительные неудобства. Либо наоборот, обнаружение памятника на частной земле – это возможность безопасного незаконного обогащения [9].

Из вышесказанного следует, что невыявленные памятники нуждаются в защите не меньше уже обнаруженных объектов. Совершенно очевидно, что для обеспечения такой защиты необходимо проводить археологические исследования на земельных участках как государственного, так и частного землевладения, до начала их хозяйственного освоения. Такие исследования должны предшествовать процессу передачи земель в частную собственность. И они могут проводиться только специалистами археологами. Необходимо жестко контролировать соблюдение всех этих требований.

Проблемы в системе государственного учета объектов археологического наследия. При желании выяснить, сколько памятников истории и культуры находится в той или иной области можно обратиться в местные исполнительные органы областей (города республиканского значения, столицы), которые, основываясь на Государственных списках памятников истории и культуры местного значения, предоставят вполне достоверную информацию относительно количества памятников градостроительства и архитектуры. Но маловероятно, что информация о памятниках археологии из регистров будет соответствовать действительности.

Основные причины такого положения:

1. Многие выявленные памятники археологии состоят в списках предварительного учета, но годами не вносятся в Государственные списки памятников местного значения и по этой причине не имеют закрепленного за собой статуса памятников истории и культуры. Происходит это в связи с отсутствием законодательного требования о перенесении соответствующих памятников из списков предварительного учета в Государственные списки памятников местного значения и по причине отсутствия четко установленных сроков, в течение которых местные исполнительные органы должны произвести соответствующие действия.

2. Большое количество выявленных памятников археологии не занесены даже в списки предварительного учета. Во-первых, потому что нет четко работающего механизма взаимодействия между археологами и местными исполнительными органами; во-вторых, нет системы контроля за соблюдением требования действующего Закона об обязанности сообщать местным исполнительным органам о случайном обнаружении памятника археологии в результате хозяйственного освоения; в-третьих, даже если информация о вновь выявленных памятниках поступила в местные исполнительные органы, нигде не оговорены сроки, в течение которых вновь выявленные объекты должны быть занесены в списки предварительного учета.

3. Многие памятники археологии, выявленные на территориях, подлежащих хозяйственному освоению, как правило, подвергаются скорейшему вполне законному научному исследованию, в результате которого они физически перестают существовать, по большей части так и не попав в Государственные списки памятников местного значения, а иногда даже и в списки предварительного учета. Информация о результатах исследований содержится в научных отчетах, которые хранятся у исследователей, в архивах местных исполнительных органов, возможно даже в Уполномоченном органе, но централизованно эту информацию нигде не найти. Данные о том, что на такой-то территории были, но теперь отсутствуют памятники археологии, становятся недоступными для научного, статистического анализа, потому что пока в Казахстане не существует единой системы учета. В результате вместо изученных памятников – пустое место на Археологической карте.

Система учета археологических находок также далека от совершенства.

Проблема разграбления археологических памятников и незаконного оборота культурных ценностей. На сегодняшний день официальные данные о нелегальных археологических раскопках на территории Казахстана не многочисленны, тем не менее о таких фактах знают сами археологи, кроме того нельзя отрицать наличие артефактов на тайных прилавках антикварных магазинов и на электронных витринах в Интернет-сети. Судя по ряду признаков, нелегальная археология – не такое уж редкое для Казахстана явление. В существующем законодательстве, в том числе в уголовном и административном кодексах РК, к сожалению, нет правоохранных норм по поводу нелегальных археологических раскопок. Усугубить ситуацию в нашей Республике может серьезное ужесточение правоохранного законодательства в соседней России в отношении кладоискателей-любителей, так что желающих «поживиться на вольных казахстанских землях» может стать значительно больше. Чтобы этого не произошло, нужно предпринимать превентивные меры.

Проблема контроля качества археологических работ. Контроль за исполнением законодательства Республики Казахстан об охране и использовании объектов историко-культурного наследия и непосредственно за исполнением порядка лицензирования археологической деятельности осуществляют местные исполнительные органы областей, районов и Комитет культуры Министерства Культуры РК (уполномоченный орган).

Согласно ст. 20-1 Закона РК «Об охране …»

Государственный контроль в области охраны и использования объектов историко-культурного наследия, осуществляемый местными исполнительными органами областей (города республиканского значения, столицы), включает в себя:

1) государственный контроль за состоянием использования и порядком содержания памятников истории и культуры местного значения;

2) государственный контроль за исполнением археологических и научно-реставрационных работ на памятниках истории и культуры местного значения.

Государственный контроль в области охраны и использования объектов историко-культурного наследия, осуществляемый уполномоченным органом, включает в себя контроль за:

1) состоянием использования и порядком содержания памятников истории и культуры всех категорий;

2) сооружением новых памятников истории и культуры;

3) соблюдением лицензиатом условий выданной лицензии;

4) исполнением археологических и научно-реставрационных работ на памятниках истории и культуры международного и республиканского значения [3].

Государственный контроль осуществляется уполномоченным органом, местными исполнительными органами областей (города республиканского значения, столицы) в форме проверок.

На сегодняшний день контроль за исполнением археологических работ, проводимый вышеупомянутыми государственными органами, сводится к проверке самого факта осуществления на определенных объектах запланированных археологических исследований, финансируемых из государственного бюджета, и к контролю за соответствием видов и объемов работ пунктам утвержденных для данных археологических объектов календарных планов.

Фактически археологические исследования в Республике находятся в ведении двух Министерств – Министерства Культуры и Министерства образования и науки. Министерство образования и науки контролирует подведомственные ему государственные научные организации, в том числе РГКП «Институт археологии им. А. Х. Маргулана» на предмет выполнения программы фундаментальных исследований и грантовых программ, финансируемых этим Министерством, посредством проверки отчетов о научно-исследовательской работе. В данном случае особое внимание уделяется форме написания отчетов и конкретным научным результатам. Кроме этого в целях поддержания конкурентного уровня отечественной науки и техники Министерство образования и науки проводит аккредитацию негосударственных научных организаций, под которой понимается официальное признание правомочий негосударственной научной организации проводить работы в научной и научно-технической области за счет средств государственного бюджета. Аккредитация осуществляется на основе оценки деятельности аккредитуемой негосударственной научной организации по перечню основных показателей деятельности, таких как кадровый научный состав, стаж работы организации в научной сфере, наличие специального оборудования и т.п. Но все предъявляемые к

аккредитуемой организации требования носят общий характер и никак не касаются практики соблюдения организацией порядка проведения археологических исследований.

Несмотря на то, что самые разные и нередко масштабные археологические работы на территории Казахстана проводятся как государственными научными организациями, так частными археологическими компаниями, а иногда и отдельными археологами, имеющими лицензии, правильность применяемых научных методик и качество археологических полевых исследований остается неконтролируемыми.

Проблема базируется на том, что на данный момент утвержденного порядка производства археологических исследований в Республике не существует. Научные организации, работающие на памятниках истории и культуры, иногда применяют нормы, стандарты и научные методики, действовавшие в советский и переходный периоды. При составлении сметной документации, например, нередко применяется СЦНПР – 91 (Сборник цен на научно-проектные работы по памятникам истории и культуры – раздел 6. Архитектурно-археологические исследования в зоне охраны памятников истории и культуры). При написании научных отчетов государственные научные организации, относящиеся к ведению Министерства образования и науки Республики Казахстан, соблюдают структуру и правила оформления отчетов о научно-исследовательской работе согласно Системе стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу, разработанной Межгосударственным советом по стандартизации, метрологии и сертификации (Гост 7.32 -2001). Но этих нормативных документов явно не достаточно. Сам процесс проведения археологических работ (раскопки, разведка, археологическая экспертиза, составление свода памятников, составление отчетов о научно-исследовательской работе) нуждается в дополнительном правовом регулировании.

Итак, существующая на сегодняшний день практика применения норм законодательства об охране и использовании историко-культурного наследия (Закона «Об охране и использовании историко-культурного наследия» от 2 июля 1992 г., Закона «О культуре» и др.) к объектам археологического наследия вскрывает их несовершенство.

Все вышеописанные проблемы государственного управления историко-культурной сферой свидетельствуют о том, что в Республике назрела необходимость глобального реформирования системы правового регулирования отношений в области сохранения, изучения, государственной охраны, популяризации объектов археологического наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1 Закон Казахской ССР от 11 августа 1978 года № 1489-XII «Об охране и использовании памятников истории и культуры» // URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30166377

2 Развитие законодательства об охране памятников истории и культуры // Обсерватория культуры. – М., 2008. – № 4. – Наследие. – С. 56-61.

3 Закон Республики Казахстан от 2 июля 1992 года № 1488-XII «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» // URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001290

4 Постановление Правительства Республики Казахстан от 20 декабря 2012 года № 1641. Квалификационные требования и перечень документов, подтверждающих соответствие им, для осуществления археологических и (или) научно-реставрационных работ на памятниках истории и культуры // URL: http://normativ.uchet.kz/view.php?ID=91972

5 Voyakina N.A. Cultural World Heritage sites in Kazakhstan and state measures on safeguarding // World Heritage. – 2013. – № 68. – С. 16-17.

6 Закон Республики Казахстан от 15 декабря 2006 года № 207-III ЗРК «О культуре» // URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30081960

7 Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property 1970 // URL: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13039&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.htm /

8 Конвенции ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 года // URL: http://pravo.levonevsky.org/bazaby/mdogov/megd4826.htm; // URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/other_treaties/text.jsp?file_id=218610.

9 Воякина Н.А. Механизмы сохранения археологических объектов при хозяйственном освоении территорий // Изв. НАН РК. Серия общест. наук. – 2008. – № 1. – С. 254–257.

REFERENCES

1. Zakon Kazahskoj SSR ot 11 avgusta 1978 goda N 1489-XII «Ob ohrane i ispol'zovanii pamjatnikov istorii i kul'tury». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30166377

2. Razvitie zakonodatel'stva ob ohrane pamjatnikov istorii i kul'tury. Observatorija kul'tury. M., 2008. N 4. Nasledie. S. 56-61.

3. Zakon Respubliki Kazahstan ot 2 ijulja 1992 goda N 1488-XII «Ob ohrane i ispol'zovanii ob#ektov istoriko-kul'turnogo nasledija». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001290

4. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 20 dekabrja 2012 goda N 1641. Kvalifikacionnye trebovanija i perechen' dokumentov, podtverzhdajushhih sootvetstvie im, dlja osushhestvlenija arheologicheskih i (ili) nauchno-restavracionnyh rabot na pamjatnikah istorii i kul'tury. URL: http://normativ.uchet.kz/view.php?ID=91972

5. Voyakina N.A. Cultural World Heritage sites in Kazakhstan and state measures on safeguarding. World Heritage. 2013. N 68. C. 16-17.

6. Zakon Respubliki Kazahstan ot 15 dekabrja 2006 goda № 207-III ZRK «O kul'ture». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30081960

7. Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property 1970. URL: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13039&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.htm /

8. Konvencii JuNESKO o merah, napravlennyh na zapreshhenie i preduprezhdenie nezakonnogo vvoza, vyvoza i peredachi prava sobstvennosti na kul'turnye cennosti 1970 goda. URL: http://pravo.levonevsky.org/bazaby/mdogov/megd4826.htm; URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/other_treaties/text.jsp?file_id=218610.

9. Vojakina N.A. Mehanizmy sohranenija arheologicheskih ob#ektov pri hozjajstvennom osvoenii territorij. Izv. NAN RK. Serija obshhest. nauk. 2008. N 1. S. 254-257.

Н. А. Воякина

(Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан)

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ МҰРАЛАРЫН МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУДАҒЫ ҚЫЗМЕТ ІСТЕУ ЖҮЙЕСІНІҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ НЕГІЗІ

Резюме

Мақалада археологиялық мұраларды қорғау, пайдалану және көпшілікке тарату саласындағы мемлекеттік басқарудың құқықтық негізіне арналған. Автор археологиялық ескерткіштің құқықтық ерекше мәртебесі мәселелерін қозғаған, Қазақстанның тарихи-мәдени мұраларын пайдалану және қорғау туралы заңнаманың тарихы қарастырылған. Жалпы көрініс қалыптастыру үшін мақалада тарих және мәдениет саласындағы заңнаманың қазіргі кездегі жүйесіне қысқаша шолу беріліп, онда «Мәдениет туралы» заң және «Тарихи-мәдени мұраларды қорғау және пайдалану туралы» заң жан-жақты талданған.

Мақалада, автордың пікірінше, негізіне соңына дейін жеткізілмеген механизмдерге жататын археологиялық мұраларды қорғау мен пайдалану аясындағы заманауи мәселелердің баяндалуына басты назар аударылған.

Тірек сөздер: Қазақстанның археологиялық мұрасы, тарихи-мәдени мұраны қорғау туралы Заң, құқықтың тетіктері, ескерткішті қорғау мәселелері.

N. A. Voyakina

(Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan)

LEGAL BASIS OF STATE MANAGEMENT FUNCTIONING SYSTEM OF THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Summary

This article covers the issue of legal basis of state management on protection, usage and popularization of the archaeological heritage. The author develops the question of a specific legal status of archaeological sites and observes the evolution of legislation on protection and usage of historical and cultural heritage of Kazakhstan.

To present the general idea the article gives the synopsis of modern legislation system on the history and culture, where it gives a detailed analysis of the Law «On culture» and the Law «On protection and usage of historical and cultural heritage sites».

The article gives a special attention to the presentation of modern problems existed in sphere of conservation and study of archaeological heritage. According to author's opinion these problems are related to the imperfection of legal mechanisms.

Keywords: archaeological heritage of Kazakhstan, legislation on protection of historical and cultural heritage, legal mechanisms, problems of sites protection.

Поступила 10.09.2014 г.

УДК 903.8(574.5) «13»

Б. А. БАЙТАНАЕВ, П. Н. ПЕТРОВ

(Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Казахстан)

САЙРАМСКИЙ КЛАД ЧАГАТАИДСКИХ МОНЕТ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIV В.)

Аннотация. В статье рассматриваются чагатаидские монеты, найденные на городище Сайрам в полевом сезоне 2014 года.

Ключевые слова: городище, монеты, Чагатаидское государство, шахристан, средневековье, Сайрам.
Тірек сөздер: қалашық, тиындар, Шағатай мемлекеті, шахристан, ортағасыр, Сайрам.
Keywords: settlement, coins, Shagatay state, Shachristan, Middle Ages, Sayram.

До недавнего времени сведения о находках монет XIII–XV вв. в Сайраме и окрестностях г. Шымкента в научной литературе практически отсутствовали. И лишь недавно, благодаря системному изучению городища Сайрам, стали выявляться не только отдельные монетные находки интересующего нас периода, но и клады. Так, опубликован первый клад 2013 г. золотых вещей и монет тимуридского времени из Сайрама (Б.А. Байтанаев, 2013.), готовится к публикации второй клад 2013 г. – 2670 серебряных монет тимуридского времени. В ходе раскопок 2014 года был обнаружен еще один, уже небольшой кладик серебряных дирхамов Чагатаидского государства первой половины XIV в.

Обстоятельства находки клада 2014 года связаны с охранными работами, производившимися на территории шахристана городища Сайрам перед прокладкой магистральной линии водопровода. В процессе археологических работ на улице Юсуфа Сайрами было обнаружено основание кладки стены из бутового камня, датированное керамическим материалом XIV–XV вв. При разборе основания кладки стены между камнями были обнаружены компактно заложенные десять серебряных монет.

Состав клада приведен в таблице.

Таблица

№	Наименование монетного двора	Эмитент	Год, г.х.	Примечание
1	Кенджде	Анонимный	[67х?]	К сожалению, качество всех известных монет этого типа не позволяет уверенно датировать этот тип дирхамов.
2	Мадинат ар-риджал Термез	Анонимный	Утрачен [722]	
3	Мадинат ар-риджал Термез	Анонимный	Утрачен (начало XIV в.)	
4	Мадинат ар-риджал Термез	Анонимный	Утрачен (начало XIV в.)	
5	Бухара	Кепек	[72]5	
6	Самарканд	Кепек	725	
7	Бухара	Анонимный	726	Тип с ваджрой.
8	Отрар	Тармаширин	733	
9	Отрар	Дженкши	736	
10	Отрар	Дженкши	736	Год написан словами, искаженно. Возможно, это выпуск либо 736, либо 737 г.х.

Маленький объем клада свидетельствует о том, что это расходные средства их хозяина («кошелек»). Время сокрытия – не ранее 736-737/1335-1337 гг. Клады таких незначительных размеров «плохи» тем, что не позволяют установить время их сокрытия с необходимой точностью. Дело в том, что монеты номиналом в 1/6 динара следующих двадцати пяти лет чеканились на монетных дворах Чагатаидского государства нерегулярно и в объемах, существенно меньших, чем дирхамы 720–730-х гг.х. Так, например, хронологический состав «Ташкентского» клада (время тезаврации – начало 770-х гг.х.) показал, что в его составе дирхамов 722-740/1322-1340 гг. – 83%(было учтено 957 экз.), а более поздних монет – около 10% (ПетровП.Н., 2005, с. 70). То есть, вероятность встречи в кладе из 10 монет дирхама, битого после 740 г.х., даже в случае, если клад был сокрыт именно в 740–760-е гг.х., очень низка, так как 10% от 10 монет – это 1 экз. Уточнить время тезаврации клада можно было бы независимым методом, исходя из анализа изменения метрологических параметров монет (их веса), однако, для этого также требуется необходимое и достаточное количество монет для статистического изучения. В нашем распоряжении дирхамов всего 10 экз. и указать время сокрытия клада более конкретно, чем «не ранее 736-737/1335-1337 гг.» не представляется возможным. Тем не менее, формально мы не имеем права расширять хронологические рамки возможной тезаврации «кошелька» далее 739/1339 г., поскольку монеты Йесун Тимура, битые в Отраре 739 г.х., редкими не считаются, но в этом кладике они не представлены.

Этот маленький кладик своим составом подтверждает тот факт, что дирхамы реформы Мас’удбека 670/1271-1272 г. и дирхамы реформы Кепека-Тармаширина (718-734/1318-1334 гг.) обращались совместно. Это подтверждают составы и других кладов: «Ташкентского», упомянутого выше; Хоргосского 1948 г. с датой сокрытия 739-740 гг.х. и объемом 224 серебряных дирхама (Петров П.Н., 2004, с. 169-237); Алматинского 1958 г.[1] с годом тезаврации 730 г.х. и объемом учтенных монет

[1] Ранее Алматинский клад был известен как клад 1967 г., однако, это ошибочный год.

1380 экз. (Восточные монеты …. Том 1, книга 1. Алматы, 2013; Восточные монеты …. Том 1, книга 2. Алматы, 2014).

Обращает на себя внимание вот какое обстоятельство. Пока в Казахстане не фиксируются клады 720-х/1320-х и 740-460-х/1340-1360 гг.х. Хоргосский клад – 739-740 г.х., Алматинский – 730 г.х., третий Сайрамский – получается не ранее 736-737 гг.х. С 728/1328 г. начал функционировать после длительного бездействия монетный двор Отрар, в 732/1332 году начал активно чеканить серебряные 8-граммовые динары ЙангиТараз (дирхамы он тоже выпускал, но, видимо, эмиссия монет этого типа была небольшой). Все эти свидетельства в совокупности, и новый Сайрамский кладик в этом контексте играют ключевую роль для формирования вывода, фиксируют подъем экономической активности на территории Казахстана, который начался именно в 730-е/1330-е годы. Но начавшиеся в 741/1341 г. распри между чингизидами, наметившийся раздел государства на две части способствовал резкому снижению товарно-денежных отношений в северных регионах наследной державы Кайду-хана.

ЛИТЕРАТУРА

1 Байтанаев Б.А. Сайрамский клад: Средневековое золото. – Алматы, 2013.

2 Восточные монеты из фондов Центрального Государственного музея Республики Казахстан: Алматинский клад чагатаидских монет. Иллюстрированный научный каталог. – Т. 1, кн. 1. – Алматы, 2013.

3 Восточные монеты из фондов Центрального Государственного музея Республики Казахстан: Алматинский клад чагатаидских монет. Иллюстрированный научный каталог. – Т. 1, кн. 2. – Алматы, 2014.

4 Петров П.Н. Находки монет XIV в. близ Хоргоса // «Монеты и медали»: сборник статей по материалам коллекции отдела нумизматики. Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. – Вып. II. – М., 2004.

5 Петров П.Н. «Ташкентский» клад чагатаидских монет 768 – начала 770-х/1366-7 – 1368-1370 гг. // Труды международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». III МНК – Старый Крым. 3–9 окт. 2004. – М., 2005.

Б. Ә. Байтанаев, П. Н. Петров

ШАҒАТАЙ МЕМЛЕКЕТІНДЕГІ САЙРАМ КӨМБЕСІ
(XIV ҒАСЫРДЫҢ БІРІНШІ ЖАРТЫСЫ)

Резюме

Мақалада Сайрам қаласынан 2014 жылғы далалық маусым кезінде табылған шағатай тиындары қарастырылады.

Тірек сөздер: қалашық, тиындар, Шағатай мемлекеті, шахристан, ортағасыр, Сайрам.

B. A. Baitanaev, P. N. Petrov

SAIRAM TREASURE OF THE CHAGATAI STATE
(THE FIRST HALF OF THE XIV CENTURY)

Summary

This article are considered Chagatai coins found at the sites ancient town of Sairam in the field season of 2014.

Keywords: settlement, coins, Shagatai state, Shachristan, Middle Ages, Sayram.

Поступила 10.09.2014 г.

М. Х. АСЫЛБЕК

(Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова)

О ПОДГОТОВКЕ МНОГОТОМНОЙ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

Начиная с 2012 г., идет подготовка многотомной истории Казахстана, которую осуществляют четыре института Министерства образования и науки Республики Казахстан: в Алматы – Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (директор – член-корреспондент НАН РК Х.М. Абжанов), Институт археологии им. А.Х. Маргулана (директор – член-корреспондент НАН РК Б.А. Байтанаев), Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова (директор – доктор филологических наук, профессор Х. Дербисали), в Астане – Институт истории государства (директор – доктор исторических наук, профессор Б.Ғ.Аяған).

За это время в основном Институтом истории и этнологии во главе с Х.М. Абжановым проведена значительная работа по выполнению этого важного государственного задания: разработана краткая концепция десятитомника «Отечественная история» (из двадцати книг), распределение тем по томам и книгам, даны названия отдельным книгам, составлена их внутренняя структура, подобран коллектив исполнителей, организованы и проведены три Международные научно-практические конференции в 2012, 2013 и 2014 гг., на которых состоялась презентация проекта десятитомной «Отан тарихы / История Отечества», обсуждались проблемы периодизации истории Казахстана, ее дискуссионные вопросы и т.д. Исполнители приступили к написанию порученных им разделов, глав и параграфов.

По утверждению руководства Института истории и этнологии, в его распоряжении имеется уже более 60% рукописного текста многотомника, что внушает некоторый оптимизм в успешном завершении всей работы в течение 2-3 лет. Очень отрадно, что администрация Президента РК и Министерство образования и науки недавно заслушали руководителей четырех исторических институтов и ведущих ученых-историков о ходе подготовки многотомника и наметили конкретные меры по его успешному завершению к 25-летию независимости республики. В связи с этим на ученом совете Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова директор Х.М. Абжанов сделал обстоятельный доклад о новых мероприятиях по подготовке многотомника. На этом заседании я также сообщил о своем подходе к практическим мерам по этому вопросу, о чем решил поделиться со всеми интересующимися историей Казахстана.

1. О названии многотомника. Об этом было сказано много, но название «Отечественная история» все еще остается в рабочем обиходе, что вызывает недоумение. Если взять историков бывших национальных союзных и автономных республик Советского Союза, то никто из них не называет свои многотомные истории – «Отечественной», а озаглавливают: «История России», «История Украины», «История Белоруссии», «История Казахстана», «История Узбекистана» и др., а также «История Татарстана», «История Башкортостана» и т.д.

В России выпускался журнал «Отечественная история», как и у нас в Институте, но он теперь называется «Российская история». Мы об этом говорили на международной научной конференции 19 апреля 2012 г., т.е. еще два с половиной года тому назад. Тогда на первой конференции такие ведущие историки республики, как академик НАН РК Б.И. Кумеков, почетный член НАН РК У.Х. Шалекенов, член-корр. НАН РК М.К. Абусеитова, доктор исторических наук К. Атабаев (ныне покойный) и другие, в том числе и автор этих строк, убедительно говорили о неправильности этого названия, предлагали назвать многотомник «История Казахстана». Тогда все согласились с этим названием, но вот, оказывается, уже третий год мы носимся с названием «Отечественная история». Ведь любой здравомыслящий человек, не говоря уже о руководящих работой

историков-ученых, взяв в руки «Отечественную историю», начинает думать, «чье это Отечество», тогда как, назвав «Историей Казахстана», мы возьмем в руки историю нашего, конкретного казахского народа или его государства. Какие неразумные стремления к новшествам привели к такому трагикомическому результату и отняли у нас часть драгоценного времени, которое мы до сих пор тратим на эту околонаучную амбициозную затею?! Ведь общеизвестно, что 19 апреля 2012 г. Международная научно-практическая конференция «История Казахстана: итоги научных исследований и презентация проекта десятитомника «Отан тарихы / История Отечества», решила: «Принимая во внимание мнение большинства участников конференции, изменить официальное название проекта на «Қазақстан тарихы / История Казахстана» .

2. *Историографию и анализ источников* по отдельным периодам и этапам истории Казахстана необходимо дать в начале каждого тома (или книги). В разработанной структуре многотомника везде разбросаны эти материалы.А вместе с тем, дополнительно к этому еще целых две книги 10 тома – 19 и 20 посвящены этим проблемам: «Методология изучения и историография истории Казахстана» (кн.19) и «Источники по истории Казахстана» (кн.20). При этом в двух книгах первого тома – по каменному, бронзовому и раннему железному векам эти вопросы предусмотрены в начале соответствующих книг. То же самое наблюдается во втором и третьем томах из четырех книг, посвященныхтеме «Древние тюрки и гусударства на территории Казахстана» (т.2, кн.3) и «Казахские степи в эпоху чингизидов. Казахстан и сопределенные территории в эпоху чингизидов» (т.3 кн.5). Эти разделы выполняются академиками К.М. Байпаковым, Б.Е. Кумековым, Б.А. Байтанаевым, а также д.и.н. З. Кинаятулы, к.и.н. К. Ускенбаевым и др., хотя во 2 томе 4 книги нет такого раздела (Культурогенез в период раннего и развитого средневековья (VI-нач. XIII в.). Шестая книга третьего тома по антропологии казахского народа имеет специальные четыре главы по историографии и источникам. Эту книгу пишут академик НАН РК О. Исмагулов и А. Исмагулова. В книге 7, том 4 тоже имеются отдельные историографический и источниковедческий разделы. Это предусмотрено и в книге по истории Казахского ханства в XV-XVIII вв., которую пишут Б.Е. Кумеков, М.К. Абусеитова, К. Пищулина, Н. Атыгаев и др. Соответствующие разделы имеются также в книгах томов по новой истории (5 том, 9-10 книги) и современному периоду (8 том, 15 – 16 книги), а также в книге 17 тома 9 «Зарубежные казахи и их репатриация». К сожалению, нет таких разделов в 12 книге 6 тома, посвященной казахскому этносу II–ой половины XIX–начала XXI вв., а также в 13 книге 7 тома, посвященной теме «Казахстан в составе советского государства (1917-1953 гг.)», хотя в книге по периоду 1953-1991 гг. имеются соответствующие разделы. Тем не менее, проблемам историографии и источников в многотомнике дополнительно выделены еще специально две книги (19 и 20) 10 тома. К чему бы это?! «Ала қойды бөле қырқу», – называют такое распределение казахи, об этом мы также убедительно говорили еще в апреле 2012 г., а воз и ныне там, хотя наметились некоторые подвижки благодаря инициативе исполнителей отдельных томов и книг (академик Кумеков Б.Е. и др.). Надо довести это до логического конца.

3. Для обсуждения и выработки решений по таким наиболее крупным и актуальным вопросам, как «История Казахстана»,распределение по томам и книгам, по периодизации, структуре и т.д., как мы еще в апреле 2012 года предлагали,необходимо *создать главную редколлегию и редколлегию отдельных томов.*Это было даже записано в резолюции конференции в 2012 г., но до сих пор они не созданы, из-за такого подхода до сегодняшего дня не разработана периодизация «Истории Казахстана», а структуры отдельных томов и книг, как и их названия, требуют не только уточнения, но даже пересмотра.

4. Периодизация десятитомника все еще требует более серьезного внимания и значительного пересмотра по отдельным томам и книгам, ибо названия некоторых периодов и их внутренних этапов не выдерживают никакой критики. Неизвестно, на какие критерии опирались их разработчики и каких принципов при этом они придерживались, в особенности из хронологической или проблемно-тематической периодизации они исходили? Вместе с тем, мы в целом поддерживаем периодизацию и внутреннюю структуру с 1 по 4 тома (1-8 книги), хотя считаем, что и их периодизацию надо бы уточнить, исходя из хронологических (древнего и средневековья) принципов.Том 5, книга 9 называется «Казахстан накануне потери независимости (XVIII- начало XIX вв.)». Это совсем неправильно, ибо с 1731 г. Казахстан не только терял свою независимость, но стал превращаться в колонию Российской империи, присоединение к которой завершилось к середине 60-х гг. XIX в.,с силовым, военным завоеванием юга Казахстана. Здесь может идти речь о присоединении

Казахстана к России с 1731 по 1860-ее гг. Поэтому нужно дать 5 тому название «Казахстан в период новой истории», а 9 книге – «Начало присоединения Казахстана к России (XVIII – начало XIX вв.)», 10 книге – «Завершение присоединения Казахстана к России», 11 книге – «Казахстан в составе Российской империи», ибо название этой книги – «Казахстан – колония России (вторая половина 60-х XIX – начало XX вв.)» также не соответствует исторической действительности, ибо Казахстан с 1731 г. превращался в колонию Российской империи. Вообще 5 том (из 3 книг), если название «Казахстан в период новой истории» неприемлемо, то предлагаю альтернативу: «Казахстан – колония России» или «Казахстан в колониальный период».

Надо также продумать и пересмотреть названия книг 13 и 14 тома. Книга 13 названа «Казахстан в составе Советского государства (1917-1953 гг.), а книга 14 – «Казахстан в составе Советского государства (1953-1991 гг.)». Этот том посвящен целиком и полностью советскому периоду, поэтому надо так и назвать «Казахстан в советский период» или «Казахстан в период новейшей истории», на последней я не настаиваю, хотя в действительности новейшая история для нас, бывших в СССР, началась именно с Октябрьской социалистической революции, установившей советскую власть: новую социалистическую систему с диктатурой пролетариата, общенародной собственностью и новой социальной структурой из рабочих, крестьян и служащих. Если и были перегибы, преступления, голод, массовые репрессии и депортации народов и другие негативные процессы, то в этом в первую очередь виноваты центр, руководящие органы Советского Союза, республик, регионов, областей и районов на местах. Социалистический строй, идеи коммунизма, как мечта человечества о равенстве и свободе, всегда будут жить в толще народных масс всего мира. Что касается Казахстана, то в здешних патриархально-феодальных условиях, при отсутствии квалифицированного и единого ядра национальной интеллигенции, отсталости огромного большинства населения, его разрозненности и других социальных, экономических и политических причин, обстановка резко обострилась. Поэтому общесоюзные трагические последствия по мере усиления неправильных действий руководящих большевиков еще более осложнились и привели к трагическим последствиям. Здесь нельзя обвинять социалистический строй, а надо вскрывать причины этих трагедий как последствий ошибок руководящих деятелей большевистской партии, как результат их перегибов, приведших к этим трагедиям, в т.ч. антинародной политики не только руководства КПСС, но и конкретных ее деятелей. В то же время необходимо показать достижения Казахстана в советской период, в первую очередь: образование Казахской Автономии, затем Казахской ССР. Обратите внимание на название как автономной так и союзной республики – «Казахской»,к чему мы так и не дошли в условиях суверенитета. Надо всесторонне показать собирание всех казахских земель в едином государственном образовании – республике, прогресс в экономике, культуре, науке и др. В связи с этим надо пересмотреть и название 13 и 14 книг, ведь советский период не кончается со смертью И.В.Сталина, он продолжался еще 38 лет, до 1991 г., т.е. до развала Советского Союза. При теперешней структуре тома мы предлагаем назвать книгу 13 «Казахстан от Октября до конца правления И.В. Сталина», а книгу 14 – «Казахстан от хрущевской оттепели до развала Советского Союза», оставив их хронологические рамки.

5. Нам стало известно, что в Министерстве при обсуждении данного вопроса предложили убрать название «10-томник», а оставить книги, превратив каждую из них в самостоятельные тома. Надо хорошо об этом подумать, обсудить и потом выйти с обоснованными предложениями в вышестоящие организации. Тот пробел, когда тома не имели названий, сыграл с многотомной историей злую шутку. Мы неоднократно предлагали *дать конкретные названия каждому тому, исходя из общепринятой периодизации истории Казахстана,* как древний, средневековый, новый (или колониальный), новейший (или советский) и современный периоды из 2-3-х книг, посвященных соответствующим этапам указанных выше периодов. Теперь, если указание вышестоящих организаций будет принято, то периодизация истории Казахстана будет сильно изменена, если вообще не исчезнет. Поэтому нам всем, особенно руководству Института истории и этнологии, надо выработать общую научную линию и отстоять 10-томник, состоящий из 20 книг.

6. Об исполнителях – авторах «Истории Казахстана». Это важный, если не самый главный вопрос, ибо, как говорится, «кадры решают все». Уже нет, к сожалению, многих маститых ученых, подготовивших в свое время «Историю Казахстана. Очерк», 1993 г., «Историю Казахстана» в 5-ти томах. Многие, кому поручили подготовить отдельные тексты настоящего многотомника, вообще специально не занимались исследованием этих вопросов, не имеют опубликованных монографий,

знакомы с ними по уже опубликованным трудам, т.е. их тексты будут близки к компиляции, а, возможно, и к плагиату, их можно легко проверить и уличить по ссылкам на первоисточники, которые они в глаза не видели, а также на опубликованные работы.

В связи с этим необходимо использовать некоторые тексты из пятитомника «История Казахстана» и других трудов, написанныхакадемиком НАН РК К.Нурпеисовым, поручив его учениками коллегам в качестве соавторов дополнить, обновить и представить рукописи по Октябрьской революции и установлению Советской власти в Казахстане, образованию Казахской АССР, собиранию казахских земель в эту автономию, о деятельности движения «Алаш» и правительства «Алаш Орды» и т.д.

7. Считаю крайне важным организовать и провести научно- практическую конференцию по периодизации истории Казахстана с участием не только ведущих ученых республики, но и стран ближнего зарубежья, в первую очередь Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, Киргизии, а также Татарстана и Башкортостана из Российской Федерации, судьбы которых тесно переплетались не только в древние и средние века, но в особенности в колониальный и советский периоды, а также в современных условиях. Хотя этот вопрос специально был поставлен на конференции в апреле 2013 г. в докладе директора Института Х.М. Абжанова «Периодизация истории Отечества и национальный государственности как приориотетное направление разработки «Отан тарихы»,где он предлагал следующую периодизацию: 1. Древнейший Казахстан; 2. Казахстан в период тюркизации, исламизации этнополитогенеза (VI в. до н.э. – XV в.), 3. Период казахских ханств (XV–XVIII в.); 4. Колониальный период; 5. Советский период; 6. Независимый Казахстан. Но, к сожалению, этот вопрос не стал предметом широкого обсуждения, в результате чего до сих пор не была выработана единая концепция по периодизации истории Казахстана. Лично я считаю, что предложение Х.М. Абжанова по периодизации вполне приемлемо, хотя, на наш взгляд, требует уточнения второй период (VI в. до н.э. – XV в.), который охватывает очень длительный промежуток времени – часть древних веков и почти все средневековье, т.е. более двух тысячелетий, весьма богатых такими крупными поворотами в истории казахского народа, как образование первых государств тюрков (канлы и уйсуней) до нашей эры, так и Западно-Тюркского и Тюргешского каганатов, государств карлуков, огузов, кимеков в раннем средневековье, государств караханидов, найманов, кереитов, кипчаков и других в позднем средневековье, которые резко отличались как по уровню хозяйственной, социально-культурной жизни, так и политическим строем. Все это требует уточнения, как названия, так и хронологических рамок этого периода. К сказанному следует добавить, что периодизация не заканчивается этим, т.е. определением крупных периодов, необходимо идти дальше, вычленить внутри них под периоды или этапы, характеризующие крупные повороты в истории Казахстана внутри этих периодов, о чем, к сожалению, до сих пор нет конкретных предложений. Все это необходимо широко обсудить, заранее опубликовать мнения в печати, надо к этому привлечь крупных специалистов по древнему периоду и средневековью.

Постараюсь показать свой подход к периодизации и распределению томов «Истории Казахстана» по крупным периодам, а его книг по отдельным по периодам (или этапам) на примере нового времени. Так, колониальному периоду (с XVIII в. до 1917 г.) посвящается отдельный том, состоящий из трех книг, которые нужно разделить так: 1 книга – Начало присоединения Казахстана к России с XVIII в. до 20 гг. XIX в.; 2 книга – Завершение присоединения Казахстана к России – с 20-х гг. XIX в. до 60-х гг. XIX в.; 3 книга – Казахстан в составе Российской империи – с 60-х гг. XIX в. до 1917 г. Что касается советского периода, то том также должен состоять из трех книг: 1 книга – Октябрь и советские преобразования в Казахстане (1917-1939 гг.); 2 книга – Казахстан в годы и после второй мировой войны (1939-1953 гг.); 3 книга – Казахстан от хрущевской оттепели до развала Советского Союза.

Все же нам следует при выработке периодизации истории Казахстана четко осознавать и перенимать положительный опыт «Истории Казахской ССР» 1977-1980 гг. издания и «Истории Казахстана» 2010 г. Надо признать, что во многом периодизация, готовящегося многотомника, повторяет хронологическое распределение по периодам истории Казахстана этих изданий, в особенности по колониальному, советскому и современному периодам, хотя под различными названиями, и это считаю правильным. По древнему и средневековому периодам также нужно учитывать эти достижения, улучшив распределение томов и их книг по крупным периодам и их

подпериодам. Для выработки и решения этих вопросов, необходимы консультации и практическая помощь таких специалистов по древней и средневековой истории Казахстана, как академики НАН РК К.М. Байпаков и Б.Е. Кумеков, почетный член НАН РК У.Х. Шалекенов, член-корреспондент НАН РК Б. Карибаев, доктора исторических наук З. Кинаятулы, Н. Мухамедхан, К. Хафизова, кандидаты исторических наук А. Даулетхан, К. Ускенбаев, Н. Атыгаев и др.

Правильно поступило руководство Института истории и этнологии, попросив вышестоящие инстанции не торопить и дать 2-3 года для успешной подготовки многотомника. Теперь это шанс для нас, чтобы дружно организовать и на должном уровне подготовить этот капитальный труд и выполнить государственное задание.

В заключение постараюсь высказать свои предложения по улучшению подготовки десятитомника.

1. Научный проект назвать «История Казахстана с древнейших времен до наших дней», убрав «Отечественную историю».

2. Незамедлительно создать главную редколлегию многотомника и редколлегию отдельных томов, поручив им уточнить периодизацию, распределение томов по крупным периодам, а их книги – по крупным этапам этих периодов, внутреннюю структуру томов и книг, подбор исполнителей-авторов и т.д.

3. После этого провести широкое обсуждение периодизации многотомника, отдельных узловых проблем, а также дискуссионных вопросов, в результате этого обсуждения выработать единый научный подход.

4. Руководству институтов исторического профиля республики Казахстан необходимо определить реальные сроки выполнения этой государственной важной задачи, включив ее в планы своих научно-исследовательских работ на ближайшие три года, *подготовив и опубликовав том из двух книг по современному периоду к 25-летию независимости Республики Казахстан.* Без такого соответствующего решения сотрудники этих институтов, занятые своими грантовыми темами, просто физически не в силах выполнять еще такую громадную работу, о чем открыто заявляют не только археологи. Кстати, археологи до сих пор даже не приступали к написанию четырех книг (1 и 2 томов) из-за отсутствия договора с авторами. Считаю, что это законное их требование, и, оно должно распространяться на всех исполнителей.

5. Провести тщательный отбор авторов многотомника из среды квалифицированных ученых-историков, профессионально занимавшихся исследованием соответствующих разделов и глав томов, чтобы не допустить плагиата и компиляции, порочащих честь и достоинство ученого.

6. Сохранить проект «История Казахстана» в 10 томах (из 20 книг), ибо превращение 20 книг в 20 томов разрушит периодизацию. До сих пор тома не имели своих названий, что послужило основанием для такого предложения. Поэтому надо дать название каждому тому, как мы уже предлагали во время всех трех конференций в 2012,2013 и 2014 гг.

7. Просить Министерство образования и науки определить головной организацией издания «Истории Казахстана» в 10 томах (из 20 книг) -Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (директор Х.М. Абжанов), дав ему соответствующие полномочия, таким образом, возложить на него всю организацию подготовки многотомника, и координацию деятельности других институтов по выполнению этого важного государственного задания.

Надеюсь, что учет не только моих, но и других предложений, мнений и подходов наших историков – профессионалов повысит научно-теоретический уровень многотомника и будет способствовать улучшению подготовки этого фундаментального труда, достойного народа Республики Казахстан.

К. М. БАЙПАКОВ

КОНЦЕПЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И ЗАДАЧИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

(к подготовке 10-ти томной истории казахов и Казахстана)

(Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Казахстан)

Создание объективной картины прошлого сейчас становится одним из основных факторов, влияющих на формирование национального единства Республики Казахстан, на становление ее государственности, укрепление ее суверенитета. Поэтому познание истории, в которой заключена судьба народа, развитие его самосознания служат воспитанию в отдельном человеке и обществе в целом качеств гражданственности, патриотизма.

Однако одни страницы истории до сих пор остаются нераскрытыми, другие, если и освещены, демонстрируют фрагментарность, не дают полной картины исторической действительности. Пока история как предмет знания не стала достоянием народа, той его любовью, через которую становится понятной история и других народов, и других стран.

В системе исторических наук, формирующих историческое сознание, важная роль принадлежит археологии – одной из сравнительно молодых гуманитарных дисциплин: всего 200 лет назад считалось, что история человечества (без ее мифологического периода) охватывает приблизительно 3000 лет. Этот вывод опирался на письменные тексты, которые для большинства людей представляли собой перечни династий и царственных особ, сражений и богословских споров.

Археология произвела переворот в исторической науке. По образному выражению известного английского археолога Г. Чайлда, «она расширила пространственный горизонт истории почти в той же степени, в какой телескоп расширил поле зрения астрономии. Она в сотни раз увеличила для истории перспективу в прошлое, точно так же микроскоп открыл для биологии, что за внешним обликом больших организмов скрывается жизнь мельчайших клеток. Наконец, она же внесла те же изменения в объем и содержание исторической науки, какие радиоактивность внесла в химию». Например, благодаря археологическим открытиям в Африке, возраст человечества удлинился на 2–2,5 млн лет. Весь мир теперь знает о выдающихся цивилизациях античной Греции и древнего Рима[1], культуре Египта эпохи фараонов, городах-государствах междуречья Тигра и Евфрата, искусстве скифов и саков, городах на Великом Шелковом пути.

Особую значимость археология приобретает для стран и народов, письменная история которых (вследствие скудости самих письменных источников или их полного отсутствия для отдельных важнейших периодов) почти или полностью неизвестна. Это в полной мере относится и к истории Казахстана, глубинные сведения которой скрываются в памятниках, оставленных предками. Археологические источники практически неисчерпаемы. Пожалуй, трудно назвать другой регион Евразии, где их так много: Казахстан – это поистине музей под открытым небом, наиболее яркие экспонаты которого покоятся в Приаралье, в древней дельте Сырдарьи, на Мангышлаке, в Сарыарке, Жетысу, Мугоджарах и Прииртышье.

Благодаря стабильным археологическим исследованиям, за последние 50 лет количество археологических источников удваивалось каждые 10–15 лет. Именно археологам мир обязан тем, что стали известны и получили признание яркие открытия в древней и средневековой истории Казахстана, сделанные с тех пор, когда в рамках Академии наук Казахской ССР был создан вначале отдел, а затем Центр археологии при Институте истории, археологии и этнографии, который в 1991 г. перерос в самостоятельный Институт археологии им. А. Х. Маргулана. За годы существования в Казахстане археологической науки учеными была воспроизведена относительно целостная картина развития древней истории Казахстана, в том числе и истории культуры, причем открытия археологов соотносятся с определенными регионами и странами и получили официальное признание, положительную оценку в общесоюзном и мировом масштабе.

[1] Цит. по: *Чайлд Г.* В поисках исчезнувших цивилизаций / Пер. А. С. Амальрика, А. М. Монгайта. – М., 1966.

Назовем только некоторые, самые важные из них.

В области палеолита были открыты древнейшие стоянки и мастерские и доказано, что территория Казахстана была заселена около 1 млн лет тому назад. Было выяснено важное значение для развития палеоэкономики племен эпохи бронзы казахстанского металлургического центра и доказано, что территория нынешнего Казахстана была одним из регионов, где протекал процесс трансформации скотоводческо-земледельческих племен в ранних кочевников. Наука значительно продвинулась и в изучении динамики урбанизационных процессов, развития оседлой и городской культуры. Установлено: через территорию Казахстана проходил Великий Шелковый путь, который в наше время считается одним из наиболее значительных достижений мировой цивилизации.

Археологические материалы свидетельствуют о многокомпонентности культуры Казахстана. Взаимодействие и взаимовлияние различных культур было важнейшим фактором в процессах культурогенеза и этногенеза. Во многом благодаря археологическим данным выяснилось, что Западнотюркский, а затем Тюргешский и Карлукский каганаты, а также государства караханидов, кыпчаков, центры которых находились на территории Казахстана, являются примерами, подтверждающими существование средневековых государственных образований, в культуре которых гармонично слились разно-этнические традиции.

Свидетельством признания казахстанской научной археологической школы является проведение в Алматы ряда всесоюзных и международных конференций, участие казахстанских археологов в разработке международного проекта ЮНЕСКО «Великий Шелковый путь: путь диалога культур», совместные научные исследования с археологами России, Франции и США. Широко известны труды казахстанских ученых. Центром пропаганды достижений археологической науки стал Музей археологии Института археологии НАН РК, материалы которого с успехом демонстрировались на выставках в США, Японии, Франции, Германии, Швеции, Финляндии, Египте[1].

Отметим, что крупные достижения археологической науки были сделаны в основном еще тогда, когда Казахстан являлся одной из республик советского тоталитарного государства, а археология входила в систему общественных исторических наук, призванных служить государственной идеологии. Однако специфика археологического материала да и отдаление самих археологических исследований от текущих сиюминутных проблем не повлияли на решение фундаментальных проблем этой науки. К исследовательскому процессу привлекались материалы и сейчас занимающие важное место в общечеловеческой культуре. Археологии Казахстана удалось остаться верной идеям мировой науки, хотя и не без оглядки на догмы официальной коммунистической идеологии, в особенности на постулат классовой борьбы как движущей силы исторического развития.

Одной из сторон деятельности ученых-археологов в бытность СССР были крупные полевые археологические экспедиции в связи с гигантскими государственными проектами по «преобразованию природы», «индустриальному строительству» – гидростанций, каналов, мелиоративных систем. Общеизвестны археологические открытия, связанные, например, со строительством Чардаринской и Шульбинской ГЭС, Капчагайского водохранилища, с освоением целинных и залежных земель, с проведением канала Иртыш – Караганда. Даже раскопки в кургане «Иссык» – знаменитого захоронения, где был обнаружен «Золотой воин», были сделаны в ходе строительных работ по возведению автобазы на окраине города Иссыка – на территории сакского могильника[2].

Сейчас, когда Казахстан стал независимой президентской республикой, археология здесь обрела новый социальный статус, что открывает возможности для ее дальнейшего развития. Конечно, это произошло не сразу – предстояло преодолеть трудности переходного периода, создать соответствующую законодательную базу, обеспечивающую деятельность науки вообще, сформировать кадровый потенциал, решить вопросы финансирования исследований. Сейчас уже можно говорить о разработке основных направлений, по которым идет археологическая наука независимой республики. Огромную роль в развитии археологии сыграла Государственная программа «Культурное наследие», инициированная Президентом страны Н. А. Назарбаевым[3].

---

[1] *Байпаков К. М.* Итоги и перспективы развития казахской археодогии // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 1993. – № 5. – С. 3-7.

[2] *Нурмуханбетов Б. Н., Загородний А. С.* Путь к «Золотому воину» // Памятники истории и культуры Казахстана. – Алма-Ата, 1984. – С. 58-63.

[3] Назарбаев Н.А. Послание народу Казахстана 18 февраля 2005 г.

Новый статус современной археологии позволяет, в частности, заняться изучением концепции становления исторического сознания народа нынешнего Казахстана. Назрел вопрос о подготовке издания многотомно истории Казахстана. Важную часть этого труда должна занять древняя и средневековая история, базирующаяся на старом и богатом новом фактологическом материале.

В «Концепции исторического сознания» в качестве приоритетных ориентиров в исторических исследованиях, в образовании и просвещении народа служит положение о принадлежности археологии Казахстана Евразийской культуре и истории – в аспекте изучения ею проблемы развития и взаимодействия кочевых и оседлых культур; непрерывность истории Казахстана, преемственность существовавших на его территории культур. Думается, в связи с этим в качестве концептуальных основ развития археологической науки были предложены научные направления, приоритеты и практические задачи, сгруппированные в следующие блоки.

1. Изучение археологических культур в эпоху камня, бронзового и железного веков, средневековья; изучение проблем типологии и классификации культуросодержащих отложений, археологического местонахождения культурных слоев, отдельных комплексов и категорий предметов; выделение локальных культур и их вариантов.

2. Изучение проблем построения хронологических систем, периодизации, относительной и абсолютной хронологии; разработка типологии хронологических банков данных; всеобщая и локальные периодизации: проблемы соотношения переходных этапов.

3. Изучение технологического уровня и эволюции древних производств: скотоводства, земледелия и ирригации; изучение ремесел – древней металлургии и горного дела, керамического производства, ткачества и пр.; изучение строительного дела, торговли и денежного обращения на основе анализа остатков организационных форм и адаптивных свойств древних технологий, особенностей их функционирования; изучение строения и классификация функциональных блоков и спецустройств для производства; экспериментально-трассологические исследования.

4. Изучение проблем происхождения человека (антропогенез), этапов развития человеческого общества (социогенез), формирования племен и народов (этногенез); изучение урбанизации и номадизма, процессов взаимодействия кочевых и оседлых цивилизаций, древнего искусства и архитектуры, мировоззрения и идеологии древних обществ.

5. Изучение проблем палеоэкологической характеристики культурных слоев; картография, топонимика, геология, палеогеография, палеозоология в палеоэкологических и археологических реконструкциях; вопросы моделирования различных содержательных смысловых характеристик, отраженных в археологических объектах; применение многомерных процедур и методик в моделировании; количественные и аналитические методы реконструкции археологических объектов; экспериментальная реконструкция.

6. Выяснение смысла и роли археологических понятий, построение их систем; семантический анализ; принципы интерпретации результатов; методы анализа: комбинаторные, статистические, нормативные, математического моделирования, формального языка.

7. Учет (паспортизация), реставрация и адаптация, консервация и охрана археологических памятников; теоретические принципы и технология, методологические направления; проблемы сохранения, регенерации и популяризации археологических памятников; каталогизация фондовых коллекций и информатика; музеефикация археологических памятников.

Из приоритетных задач выделим, во-первых, теоретическую разработку на современном уровне науки проблемы влияния Казахстана как социума на процесс исторического развития человечества; определение вклада автохтонных племен и народов региона, который они внесли в эволюцию материальной и духовной цивилизации в Евразии; выявление древнейших корней культуры, искусства и духовности казахского народа, исторические этапы сложения и развития его государственности и консолидации родоплеменных структур в единую общность.

Во-вторых, изучение взаимодействия оседлых цивилизаций и кочевых культур в древности и средневековье на основе археологических данных, письменных и нумизматических источников, в частности, решение вопросов о начальном этапе протогородской цивилизации Казахстана в контактных зонах оседлости и кочевания и об оседании кочевников.

Проводилось также изучение динамики развития средневековой урбанизации, ее особенностей в Казахстане от VI до XVIII в. в условиях взаимосвязи со степью. Важным стало изучение город-

ской культуры на всем протяжении средневековья на археологических материалах в совокупности с данными этнологических исследований.

Было предусмотрено исследование городской структуры, строительства и архитектуры, функций города в разрезе ремесла, торговли и денежного обращения, хозяйства, идеологии, демографии, социальных отношений.

В-третьих, одним из фундаментальных положений должно стать доказательство того, что тюркские этносы – древние, хотя появились на исторической арене относительно поздно – в V–VI вв. Существующие археологические материалы позволяют сопоставить их культуру с культурой протюрков Центральной Азии эпохи поздней бронзы, ранних кочевников, в том числе и сакской культурной общности.

Проблемой является этническая атрибуция археологических культур, связываемых с усунями и кангюями конца I в. до н.э. – V в. н.э. Некоторые из племен, входивших в состав усуней и кангюев, были тюрками. Безусловно, по-новому надо подходить к проблеме «согдийской колонизации Семиречья», видя в ней не только этнический аспект, но и культурный синтез.

Как видно, эти приоритетные направления археологической науки напрямую соотносятся с основными положениями «Концепции становления исторического сознания в РК» – «чрезвычайного документа», принятого для интенсификации работы, связанной с изучением РОДНОЙ ИСТОРИИ. В этой концепции подчеркивается, что изучение древней истории долгое время было второстепенным по отношению к истории советского периода. Поэтому неудивительно, что именно эта часть истории Казахстана сейчас вызывает исключительно большой интерес у граждан. На наш взгляд, при определении стратегических и приоритетных задач археологии следует более подробно охарактеризовать имеющиеся в активе науки «заделы», открытия, которые подтверждают правильный выбор направлений исследований и их научную значимость.

В изучении древнейшей истории, прежде всего, предстоит расширить представления об эпохе каменного века. Материалы по палеолиту и неолиту, выявленные казахстанскими археологами, позволяют по-новому рассмотреть ряд вопросов, связанных, в частности, с первоначальным заселением и дальнейшей миграцией первочеловека. Однако здесь все еще остаются спорными вопросы хронологии памятников, их увязка с геологическими отложениями. Комплексные исследования археологов совместно с геологами, палеозоологами – позволяют детализировать схему стратиграфии плейстоценовых и голоценовых отложений, выявить закономерности их формирования и разработать геологическую и археологическую периодизацию культурных горизонтов эпохи камня. Полученный материал позволяет конкретизировать время появления первых людей на территории Казахстана, определить те центры, откуда начиналось заселение и в каких конкретных формах оно протекало, а также выявить закономерности этого процесса. В спою очередь, решение этих задач создает предпосылки для успешного решения глобальных проблем культурной истории каменного века Евразии.

Достигнуты успехи в изучении неолита Казахстана, занимающего промежуточное положение между Средней Азией и Южным Уралом, где неолитические памятники хорошо исследованы, что способствует восстановлению картины сложных взаимоотношений, существовавших в это время между племенами на огромной территории Евразии.

В настоящее время в исторической науке наблюдается отход от прокрустова ложа пятичленной формационной теории развития общества от дикого к цивилизованному. Отсюда понятен интерес к периоду переходному – от первобытности к цивилизации, к парадигмам соотношения культуры и цивилизации. Археологи пытаются выяснить, каковы были уровень древнейших цивилизаций Казахстана, начальные этапы формирования этих цивилизаций, динамика их развития. Эти вопросы являются первостепенными при изучении древней и средневековой археологии Казахстана. И именно в этой области в последние годы достигнуты ощутимые прорывы, которые, конечно, необходимо расширять и развивать.

Установлено, что в IV–III тыс. до н.э. в степной зоне Евразии прогрессировало увлажнение климата. В этих условиях происходили изменения древнего Казахстана: в долинах Ишима, Тобола, Иртыша усиливается оседлость ранее бродячих групп охотников и рыболовов, происходят качественные изменения, проявляющиеся в переходе к производящим формам хозяйства – скотоводству и земледелию. Формируется культура коневодов, известная по раскопкам поселения Ботай. Жители его жили в стационарных полуземлянках площадью 25–70 м^2. Рядом располагались

конюшни. Ботайцы уже одомашнили лошадь, о чем говорит результат анализа остеологического материала (90% всех костей, найденных на поселении, принадлежат лошади). Жители умели ткать, знали гончарное дело, деревообработку, косторезное дело. Прослежены обменные связи с населением Урала, Сибири и Средней Азии. Таким образом, было установлено, что Казахстан входил в зону одомашнивания лошади – того важного процесса, который сыграл выдающуюся роль в развитии всей цивилизации Евразии[1].

Еще в начале 80-х годов были обнаружены памятники протогородской цивилизации в степной зоне. Относятся они к XVIII–XVI вв. до н.э. – это эпоха ранней бронзы[2]. В контексте истории Евразии хронологически открытая протогородская культура выглядит так: это Троя VI в. в Малой Азии; раннемикенский период материковой Греции; эпоха среднего царства Египта; развитая культура городов-государств междуречья Тигра и Евфрата.

Для открытой археологами цивилизации характерны памятники типа Аркаима, Синташта и казахстанского поселения Кент. Поселения этого времени прямоугольные, либо круглые в плане, окружены стенами из специального грунта с примесью гирса и глиняных блоков. Стены имеют парапеты, башни, лабиринты входов, рвы и выносные фортификационные сооружения. Внутри расположены жилища знати и рядового населения, ремесленные мастерские. Центральная площадь служила для собраний ритуальных празднеств. Эти поселения, точнее протогорода, имели систему коммуникаций, улиц, систему водосборников. Жилища площадью от 150 до 300 кв. м были двухэтажными. Найдено огромное количество оружия и орудий труда, украшений из бронзы. Кузнецы и металлурги были привилегированным слоем общества так же, как и воины-колесничие, богатые захоронения которых обнаружены в некрополях, находившихся рядом с протогородами. Тут же находились и храмовые комплексы. Обнаружена культовая скульптура мелких форм из камня в виде человеческих фигурок. Видимо, это изображения божеств, подобные тем, которым молились жители древней Месопотамии в дни ежегодных празднеств. Найдены глиняные таблетки с разнообразными знаками. Возможно, мы имеем дело с зачатками знаковой системы письма. Этот факт имеет огромное значение для понимания уровня культуры общества. Зарождение письма связано, как доказано, с началом государственности.

Обитателями протогородов были земледельческо-скотоводческие общины. Люди занимались земледелием, знали примитивную ирригацию, разводили породистый скот. Высокого уровня достигла добыча, плавка и обработка металла – меди и бронзы. Именно металлургия бронзы и лежала в основе экономики этой цивилизации. Интерес вызывают святилища эпохи бронзы.

Следует отметить, что уже в это время начинают складываться основы будущего Шелкового пути, соединившего Запад и Восток.

К эпохе поздней бронзы относится открытая археологами бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана с ее монументальной архитектурой и многочисленными поселениями, ориентированными на плавку меди[3]. Центральный Казахстан становится одним из крупнейших центров производства меди и бронзы, орудий и оружия из них. Таким образом, дальнейшие исследования в области археологии эпохи бронзы выходят на уровень решения глобальных культурологических и социологических задач.

Уже в эпоху бронзы в Казахстане происходит сложение культуры ранних кочевников, изучение которой остается приоритетной задачей казахстанской археологии. Сейчас выделена и обоснована степная цивилизация с рядом присущих ей признаков: наличие государственности, регулярные торговые, культурные и политические связи в степной и горной зоне, культурно-мировоззренческая общность, которая выражалась в наличии монументальной погребальной архитектуры, идеологии, социальной стратификации общества[4].

---

[1] *Зайберт В. Ф.* Ботайская культура. Алматы, 2009; *Зайберт В., Плешаков А., Толебаев А.* Атбасарская культура. – Астана, 2012.

[2] *Зданович Г. Б.* Феномен протоцивилизации бронзового века урало-казахстанских степей (Культурная и социально-экономическая обусловленность) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата, 1989. С. 179-189.

[3] *Маргулан А.Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1979; Комплекс памятников в урочище Талдысай. – Алматы, 2013. – Т.I; *Самашев З.С.* Петроглифы Казахстана. – Алматы, 2006.

[4] *Мартынов А.И.* О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата, 1989. – С. 284-292.

Открытие археологами выдающихся памятников сакской культуры, таких, как курган Иссык, Берел, Чиликты, мавзолеи Тегискена и Уйгарака, сакские города Чирик-рабат и Бабиш-Мулла позволили совершить еще один прорыв в исторических знаниях. Опираясь на найденные свидетельства письменности, выдающиеся произведения искусства, можно говорить о древних государствах саков, возникших на территории Казахстана в середине I тыс. до н.э.[1]

Таким образом, начало государственности на территории Казахстана отодвигается почти на тысячу лет в глубь истории, сейчас необходимо судить о нем в контексте с такими древними государствами, как Ахеменидский Иран, Древняя Греция, Ханьский Китай, Бактрия, Хорезм.

Археологическими исследованиями установлено, что в III в. до н.э. – III в н.э. на территории Казахстана формируются и существуют государства – Усуньское в Семиречье и Кангюй в Южном Казахстане. Население этих государств сочетало скотоводство с земледелием. На территории Кангюя возникают оседлые укрепленные поселения со стационарными жилищами из сырцового кирпича, развивается градостроительство. Открыты поселения и протогорода Усуней.

Экономические связи между кочевым и оседлым населением, как установлено, носили самый разносторонний характер – регулярный обмен продуктами животноводства и земледелия, ремесленными изделиями. Так из степи в оазис распространялись достижения в области военного дела, вооружения, конского снаряжения, тогда как из городских центров-оазисов в степь шли предметы роскоши, ткани, благовония, драгоценная утварь. Ряд поселений, расположенных на границах оазисов и степи, специализировался на поставке тех или иных изделий кочевникам.

Важно исследовать и убедительно доказать, что взаимоотношения кочевников и земледельцев осуществлялись зачастую в рамках единой социально-экономической структуры, т.е. скотоводы и оседлые жители составляли базу конкретного политического или этнополитического объединения.

Одним из проявлений взаимодействия служит движение кочевых объединений усуней, кангюев, парнов, юэчжей в глубь оседлых оазисов во второй половине II в. до н.э. В результате завоеваний кочевников возникли Парфянское и Кушанское государства[2].

Как показывают археологические памятники, в период раннего средневековья на Сырдарье происходит формирование городов, которые складываются на базе оседлых кангюйских поселений. Городская культура здесь впитала в себя традиции местных оседлых культур и инновации стоящей на более высоком уровне развития городской культуры Согда. Согдийские эталоны, согдийские образцы получают широкое распространение на юге Казахстана и в Семиречье[3]. В известной степени их распространение было связано с процессом расселения согдийцев на международных торговых путях[4].

В то же время на развитие культуры городов Средней Азии сильное воздействие оказывала культура тюрков, оседавших в оазисах и городах Средней Азии – в Чаче, Усрушане, Фергане, Тохаристане. Получены убедительные доказательства, почему так называемый тюрко-согдийский культурный синтез стал возможным в системе Западнотюркского и Тюргешского каганатов и почему наиболее ярко его процессы прослеживаются в Южном Казахстане и Семиречье[5].

В период развитого и позднего средневековья процессы взаимодействия скотоводов, оседлого населения и горожан реконструируются в тех же закономерных явлениях, которые отмечены и для более ранних периодов истории: экономические, культурные связи в рамках такого политического объединения, как Караханидское государство. Город и степь составляли не два антагонистических мира, а его экономическую базу. Рост городов Центральной Азии в IX – начале XIII в. во многом был связан с процессом оседания кочевников. Они принесли в городскую культуру много ценных элементов, и в целом в это время сформировалась своеобразная городская культура.

Культурные и экономические связи кочевников и горожан прослеживаются и в более позднее время – при выяснении истории развития Ак-Орды, Могулистана и Казахского ханства.

---

[1] *Акишев К.А.* Курган Иссык. – М., 1978; *Он же.* Искусство и мифология саков. – Алма-Ата, 1984; *Черников С.С.* Загадки Золотого кургана. – М., 1965; *Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. – М., 1973; Самашев З.С. Берел – Berel. – Алматы, 2011; Археология Казахстана. – Алматы, 2006.

[2] Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985. – С. 204.

[3] *Массон В.М.* Раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана // Успехи среднеазиатской археологии. – Л., 1979. – Вып. 4. – С. 9.

[4] *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. – М., 1964. – С. 78-135.

[5] *Байпаков К.М.* Западнотюркский и Тюргешский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город. – Алматы, 2010.

Позднесредневековые города Сайрам, Сауран, Сыгнак и Сузак служили центрами экономических связей кочевников и земледельцев, где осуществлялся культурный обмен и торговля не только горожан Южного Казахстана и кочевников Сарыарки, но и Средней Азии, Поволжья, Восточного Туркестана.

Таким образом, дальнейшее более глубокое изучение археологических памятников в Казахстане позволит реконструировать процессы взаимоотношении различных культурных традиций, расширит базу доказательств того, что территория Казахстана была одним из центров историко-культурного синтеза, и что взаимодействие кочевого и оседлого населения привело к взаимообогащению культур. Именно в недрах такого синтеза лежат многие достижения культуры народов Казахстана.

Неоценима роль Шелкового пути – пути диалога культур. Продолжается археологическое изучение этого явления, этого феномена человеческой цивилизации. Именно он уже с глубокой древности, связывая Запад и Восток, Азию и Европу**,** служил основой идеи евразийства. Казахстан, а это хорошо доказывают археологические материалы, был своеобразным мостом и ретранслятором связей культур. Именно в городах Казахстана встречались различные религии, культурные эталоны, этносы, которые создали одну из ярких самобытных городских цивилизаций, традиции которой перешли и в новое время[1].

Важные результаты получены при изучении урбанизации Казахстана, выделены и прослежены ее важнейшие этапы, начина с эпохи бронзы, раннего железа – в государствах Саков, Усунь, Кагюй, в периоды раннего и развитого средневековья. Новым явилось археологическое изучение урбанизации Казахского ханства[2].

Представляются актуальными уточнения исторической терминологии и дефиниций. Думается, что термины «кочевая культура» и «кочевая цивилизация», к достижениям которых относят и «мифологию», и «эпос», и «звериный стиль», не совсем удачны. Правильнее говорить о «степной культуре и цивилизации», что подразумевает не только кочевание, но и оседлость, не только скотоводство, но и земледелие, и городскую жизнь. Разве саки, тюрки, казахи только номады? Ведь именно этот так называемый «исключительный номадизм» дает пищу для рассуждений о пустых земля Казахстана, об эфемерности культуры кочевников. Номадизм – лишь часть степного хозяйства, жизни и быта. Сейчас известны поселения и города саков, тюрков, казахов, а это заставляет подумать о конкретике в дефинициях.

Древняя история Казахстана «лежит» в земле. Ее архив – памятники археологии. А это – самый уязвимый «свидетель» и «документ» истории и культуры. Поэтому, характеризуя уровень археологии, необходимо отметить и состояние охраны памятников истории и культуры.

Одним из первых законов, принятых в 1992 г. парламентом суверенного Казахстана, был закон «Об охране и использовании историко-культурного наследия». В преамбуле его сказано: «Историко-культурное наследие как важнейшее свидетельство исторической судьбы парода, как основа и непременное условие его настоящего и будущего развития, как составная часть всей человеческой цивилизации требует постоянной защиты от всех опасностей. Обеспечение этого в Республике Казахстан является нравственным долгом и определяемой настоящим законом обязанностью для всех юридических и физических лиц». Однако сейчас назрел вопрос о принятии конкретного закона «Об археологическом наследии».

Памятники археологии – национальное достояние. Это то, самое дорогое, что нам оставили предки, и сохранить, изучить их – задача первостепенной важности.

Поставленные и обозначенные положения должны лечь в основу новых обобщений в 10-ти томной Истории Казахстана.

---

[1] *Байпаков К.М.* Великий Шелковый путь на территории Казахстана. – Алматы, 2007.

[2] *Байпаков К.М.* Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье / Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). – Алматы, 2012. Кн. I. – 390 с.; *Байпаков К.М.* Урбанизация Казахстана во второй половине VIII – начале XIII в. / Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). – Алматы, 2013. Кн. II. – 516 с.; *Байпаков К.М.* Урбанизация Казахского ханства / Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). – Алматы, 2014. Кн. III. – 504 с.; Байтанаев Б.А. История Шымкента. – Алматы, 2012.

МЕДОЕВ Алан Георгиевич (1934–1980)

Алан Георгиевич Медоев, замечательный ученый и выдающийся человек, родился 16 апреля 1934 г. в г. Ленинграде в молодой семье выпускника Горного института Г. Ц. Медоева и студентки Института востоковедения Зарифы Васильевны Хетагуровой. Вскоре семья переехала в Казахстан, где Георгий Цараевич начал работать в 1927 г. коллектором, а закончил трудовую деятельность профессором, членом-корреспондентом АН КазССР.

А. Г. Медоев в 1952 г. окончил среднюю школу № 33 в г. Алма-Ате и оказался перед трудным выбором. Разносторонне одаренный, он колебался между кинематографией, спортом, геологией и литературой. Был спортсменом-перворазрядником, в 1953 г. стал чемпионом Казахской ССР по фехтованию на саблях. Учился несколько лет (с 1952 по 1956 гг.) в Казахском политехническом институте на геолого-разведочном факультете, но получил серьезную травму на тренировке и оставил учебу. С 1956 по 1959 гг. изучал филологию в КазГУ (специализация по русскому языку и литературе).

В 1960–1962 гг. он работал старшим лаборантом ИИАЭ АН КазССР, а в 1962–1965 гг. обучался в очной аспирантуре (под руководством К. А. Акишева). Подготовил диссертацию «Каменный век Северного Прибалхашья», планировал защитить ее в ЛОИА АН СССР, но по формальным причинам диссертацию к защите не приняли.

С 1965 г. он занимался научной деятельностью в стенах Института геологических наук им. К. И. Сатпаева АН КазССР.

С 1960 г. А.Г.Медоев руководил археологическими полевыми отрядами и экспедициями, открыл и исследовал палеолитические памятники мирового значения: Семизбугу, Туранга, Хантау, Чингиз и др. в Центральном Казахстане, Шахбагата и Кумакапе в Западном, Кудайколь и Карасор – в Восточном Казахстане. Одновременно он начал заниматься изучением первобытного искусства (петроглифов, скульптуры), проблемами кочевых цивилизаций, казахского изобразительного искусства и архитектуры. Результаты научной деятельности А. Г. Медоева отражены в 29 научных публикациях и 9 геологических отчетах.

Большое внимание А. Г. Медоев уделял пропаганде новых исторических и археологических открытий, охране памятников археологии и культуры. Он опубликовал более 20 статей в республиканских и союзных журналах и газетах, в том числе предназначенных для распространения за рубежом, посвященных памятникам археологии, архитектуры и искусства Казахстана.

К Алану Георгиевичу тянулись люди самых разнообразных профессий: архитекторы, художники, искусствоведы, спортсмены, писатели, журналисты, кинематографисты. Для каждого человека, независимо от образования и должности, у него находились добрые слова поддержки и вдохновения, каждый в его присутствии чувствовал себя добрее, умнее и значительней, ощущал свое высокое предназначение в жизни на земле.

Основные научные и научно-популярные работы

1. О старинных русских названиях минералов. Сообщение 1 // Вестник АН КазССР. – 1960. – № 5. – С. 80-83.

2. О старинных русских названиях минералов. Сообщение 2 // Труды ИГН АН КазССР. – 1961. – Т. 4. – С. 139-141.

3. Наскальные изображения гор Тесиктас и Караунгур // Труды ИИАЭ АН КазССР. – 1961. – Т. 12. – С. 72-77.

4. Новые материалы по каменному веку Северного Прибалхашья и хребта Чингиз // Вестник АН КазССР. – 1962. – № 3. – С. 86-87.

5. Предварительные данные о палеолите в долине р. Туранги (Северное Прибалхашье) // Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. – 1962. – Вып. 2(19). – С. 94-105.

6. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований // Изв. АН КазССР. Серия обществ. наук. – 1964. – Вып. 6. – С. 90-98.

7. Охотники и амазонки // Советский Союз. – 1966. – № 7. – С. 49.

8. Гравюра на камне у гор Итмурунды // Простор. – 1966. – № 12. – С. 102-103.

9. Окно в загадочный мир // Огни Алатау. – 1967. – № 90. – С. 4

10. Знамена на скалах // Вечерняя Алма-Ата. – 1968. – № 2. – С. 3.

11. Подземная архитектура кочевников полуострова Мангышлак. // Простор. – 1969. – № 6. – С. 51-57.

12. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата, 1970. – С. 200-216.

13. Древняя земля Мангышлака // Ленинская смена. – 1970. – № 162. – С. 3, 4.

14. The Art of the Mangyshlak Nomads // Lotus, Supplement Soviet Kazakhstan. – 1973. – P. 14-20.

15. Радиальная система изготовления нуклеусов леваллуа в древнем палеолите Сары-Арка и Мангышлака // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1976. – С. 139-153.

16. Geschichte in der sprache der Kunst // Freundschaft. – 1977. –März, 10.

17. Петроглифы Казахстана // Советский Казахстан сегодня. – 1978. – № 7/8. – С. 23-25.

18. Сокровища Мангышлака // Советский Казахстан сегодня. – 1978. – № 9/10. – С. 21-23.

19. Фрески Мангышлака // Советский Казахстан сегодня. – 1979. – № 3/4. – С. 27-30.

20. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. – Алма-Ата: Жалын, 1979.

21. Ориентиры древности // Декоративное искусство СССР. – 1980. – № 8. – С. 36-39.

22. Сакральная архитектура Мангышлака // Искусство Казахстана-79. – Алма-Ата: Онер, 1980. – С. 76-80.

23. Каменная скульптура Казахстана // Советский Казахстан сегодня. – 1981. – № 7/8. – С. 22-24.

24. Геохронология палеолита Казахстана // Вестник АН КазССР. – 1981. – № 8. – С. 58-59.

25. Тайна раскрытой ладони. Научно-популярный цветной кинофильм. – Одна часть. – «Казахфильм», 1968. (О. Абишев и др.)

Артюхова О.А.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА»

26–28 мая 2014 года в г. Алматы, в Институте археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК, прошла Международная научная конференция, посвященная 90-летию патриарха казахстанской археологии Кималя Акишевича Акишева. В работе конференции приняли участие исследователи из региональных археологических центров, ВУЗов страны, ученые из ближнего и дальнего зарубежья: России, Италии, Кыргызстана, Узбекистана, Азербайджана. Было заслушано более 30 докладов.

Работу конференции открыл директор Института археологии им. А. Х. Маргулана, член-корреспондент НАН РК, доктор исторических наук Б. А. Байтанаев. Он поприветствовал гостей и участников конференции, пожелал плодотворной работы. Ознакомил с биографией и научной деятельностью К. А.Акишева.

Своими воспоминаниями о Кимале Акишевиче поделились видные ученые, коллеги, соратники, ученики, члены семьи: академики НАН РК Байпаков К.М. «Учитель…», Асылбеков М.Х., В.Д., Горячева «Всегда светлые воспоминания…»Хабдулина М.К., Савельева Т.В., Жолдасбаев С., Бейсенов А.З., дети Кималя Акишевича – Алишер и Зарина Акишевы и др.

Доклады и выступления, представленные на конференцию, охватывали большой географический и хронологический диапазон от эпохи палеолита до позднего средневековья и отражали результаты выполняемых государственных, региональных программ.

В разделе «Археология каменного века и эпохи бронзы» были представлены работы по исследованию памятников древнего каменного века и эпохи бронзы: Р.Х. Сулейменов, О.Ю. Арипджанов (Узбекистан) о результатах полевых исследований 2013–2014 гг. по поиску и исследованию памятников палеолита на территории республики. Об обнаружении новой стоянки среднего палеолита в Новоинской области. Работы наших российских коллег: Н.А. Берсенева «О детских погребениях в контексте Синташтинского погребального обряда…»; А.В. Епимахов «Потревоженные погребения бронзового века Южного Урала: критерии интерпретации»; Ткачев А.А. «К проблеме реконструкции отдельных деталей андроновского женского костюма»; исследования украинских коллег В.А. Побобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов об очагах и кострищах на поселениях эпохи бронзы Центральной Азии и Сибири и др.

В блоке «Археология раннего железного века» доклады были посвящены исследованиям скифо-сакской культуры. З.Г. Гасанов «Изобразительные образы богинь в скифском искусстве»; Шульга П.И. «Изображения хищников из могильника Юйхуанмяо VII–VI вв. до н.э.»; Ю.Б. Полидович «Изображения на клинках кинжалов и мечей скифо-сакского времени»; Ж.М. Жалмагамбетов «К вопросу об образе оленя в искусстве средневековых кочевников казахского Алтая»; С.А. Яценко «О нескольких находках композиций с антропоморфными персонажами VI–III вв. до н.э.» и др. Этапам развития и совершенствования управления конем посвящены работы: С.В. Махортых «Уздечные принадлежности VII–VI вв. до н.э. из скифских памятников Украинской лесостепи», В.А. Новоженов, К. Алтынбеков «К вопросу об использовании колесниц в эпоху ранних кочевников».

Следующий блок выступлений связан с эпохой средневековья и материалами по сохранению историко-культурного наследия: К.М. Байпаков «Города и поселения Казахского ханства»; Б.А. Байтанаев, А.О. Брагин, П.Н. Петров «Сайрамский клад тимуридских монет (предварительные итоги)»; Э.Д. Зиливинская «Подкурганные сырцовые оградки (об одном археологическом мифе»; Зиняков Н.М. «Исторические предпосылки образования и развития средневековых городов Казахстана»; К.А. Руденко «Урбанизм в среднем Поволжье в эпоху средневековья (IV–XVI вв.):

симбиоз кочевой и оседлой цивилизации (по археологическим данным)»; А.Г. Ситдиков, С.Г. Бочаров «Изучение археологического наследия города Болгар. Соборная мечеть (XIV в.)»; Смагулов Е.А., А.А. Ержигитова «Медресе, дворец, кархана, ханака?»; Д.А. Воякин, Н.А. Воякина «К вопросу о реституции (возвращение культурных ценностей): новые формы защиты национальных интересов»; Б.А. Байтанаев, Г.А. Ахатов, Е.С. Казизов «Культово-погребальный комплекс Каракойтас и Аккойтас «долины батыров»; З. Самашев «Культура ранних тюрков казахского Алтая (по материалам некрополя Каракаба)» и др.

28 мая 2014 года работа конференции продолжена экскурсией в Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык» и посещением памятников Иссыкского археологического комплекса.

Итогом проведения конференции явилось принятие Резолюции, которая включала предложения исследователей, принимавших участие в работе конференции.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Международной научной конференции «**Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию Кималя Акишева**

Дорогие гости, уважаемые участники!

Позвольте выразить благодарность за участие в работе конференции. Особую признательность выражаем гостям за то, что нашли возможность приехать в Алматы и выступить с докладами.

Особую теплоту работе конференции придали многочисленные воспоминания соратников, коллег, учеников, которым довелось работать с Кималем Акишевичем.

Стоит отметить высокий научный уровень докладов, прозвучавших на настоящей конференции. Они охватывают широкий хронологический, территориальный спектр исследований, глубину, многогранность научно-исследовательских разработок различных археологических институтов, центров, лабораторий, представленных на конференции.

Рекомендации конференции:

Дирекции Института археологии им. А. Х. Маргулана учредить научную конференцию памяти К. А. Акишева с регулярностью раз в три/пять лет.

Практиковать создание межгосударственных археологических экспедиций, творческих групп, с привлечением студентов, магистрантов, докторантов, специализирующихся по археологии.

– Разработка межгосударственных проектов и программ по актуальным проблемам и направлениям современной археологии Евразии.

– Комплектовать совместные тематические сборники научных статей, проводить тематические научные семинары и иные интеграционные формы научной деятельности.

– Информировать региональные и межгосударственные сообщества археологов о выпуске новой научной литературы, в том числе учебников, учебных пособий.

– Шире внедрять инновационные технологии в исследовательский археологический процесс.

– Способствовать созданию междисциплинарных лабораторий и подготовки специалистов в различных областях археологических исследований.

– Решить проблему защиты диссертационных исследований соискателей, решить проблемы нострификации.

– Сотрудничество с вузами в деле подготовки молодых ученых, специалистов-археологов, магистрантов, докторантов.

Уважаемые участники Международной научной конференции, успехов вам в работе, новых научных достижений!

Материалы конференции опубликованы в сборнике материалов международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана» «Восхождение к вершинам археологии». Алматы, 2014.

Ж. К. Мыктыбаева

Тойжан Сагитовна ДОЩАНОВА

Последнее прощай…

10 мая 2014 г. скоропостижно скончалась Дощанова Тойжан Сагитовна – старший научный сотрудник, архитектор-реставратор отдела урбанизации и номадизма Института археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК.

Тойжан Сагитовна Дощанова родилась 3 ноября 1952 года в пос. Узун-Агач Джамбулского района Алматинской области. Детство и отрочество она провела в табаксовхозе им. 50-летия Октября (ныне с. им. Бижанова) Чиликского района Алматинской области, где ее родители работали: мама – учительницей истории в школе, папа – по профессии экономист – заместителем директора совхоза. Тойжан была средней из трех сестер и двух братьев. В 1970 году она окончила среднюю школу им. Крупской в селе Чилик Алматинской области. Тойжан имела явные способности к рисованию и родные и близкие, учителя в школе – все пророчили ей судьбу художника.

Сразу после окончания школы Тойжан поступила в Политехнический институт им. В. И. Ленина на архитектурный факультет. В 1975 году Тойжан получила диплом специалиста архитектора-градостроителя. Во время учебы в институте она проявляла большой интерес к среднеазиатской средневековой архитектуре. Во время производственной практики в Хиве предметом большой курсовой работы явилась Джума-мечеть. Для своей курсовой работы Тойжан сделала обмерные чертежи мечети, зарисовки древних колонн, панорамы древней Хивы.

После завершения учебы в Политехническом институте Т. С. Дощанова поступила на работу в отдел районной архитектуры Чиликского райисполкома на должность инженера-планировщика, где работала до 1976 г. Молодого специалиста заметили и пригласили в исполком г. Арыси (узловая железнодорожная станция союзного значения в Шимкентской области) на должность

главного архитектора города. В период работы городским архитектором ею была создана производственная группа по малым формам, выполнено большое количество документации по строительству городских объектов, в том числе и частного сектора.

В 1978 году она переехала в Киев по месту проживания мужа. Еще в студенческие годы она мечтала жить и работать в «большом городе». Судьба шла ей навстречу. Она устроилась на работу в Киевский научно-исследовательский институт «Сатурн» в отдел промышленного дизайна на должность архитектора. Отдел занимался разработкой интерьеров производственных помещений и малыми формами. Работа ее увлекала творческим подходом, поисками нового и рационального. Казалось, что это навсегда.

Так сложилось, что после смерти мужа ей пришлось вернуться к родителям, она поселилась в Алма-Ате и растила сына уже одна.

Работала в Институте «Казпроектреставрация» Министерства культуры (1981–1992 гг.) сначала архитектором, потом старшим архитектором. Занималась проектами реставрации объектов средневековой архитектуры в Кзылординской, Жамбылской, Шимкентской областях. Были выполнены проекты по мавзолеям Сарлы-Там, Асанас-Ата, Айша-Биби, Давуд-бека, Таразской бани, Отрарской бани. В городе Туркестане ею был выполнен проект реставрации подземной мечети Хильвет и мавзолея Рабии Султан-бегим.

Свою трудовую деятельность она продолжила, поступив в 1998 году на работу в Институт археологии им. А. Х. Маргулана, в Музее археологии в должности хранителя. Главной задачей было приведение в порядок средневекового хранилища. Затем МНС, НС в лаборатории археологической технологии и завершила должностью СНС отдела урбанизации и номадизма в мае 2014 г.

Работа в Музее и Институте археологии ей нравилась, поскольку все ее профессиональные навыки оказались в деле: глаз архитектора, чуткие руки, терпение и последовательность. Более того, соприкасаясь с предметами древности, ее чувство приобщения к чему-то настоящему, стóящему невольно передавалось и сыну, и окружающим ее близким.

Можно сказать, что ярким событием в ее профессиональной карьере было знакомство и три года совместной работы (2000–2003 гг.) по реставрации керамических изделий со специалистом Катрин Спейкенбринг. Будучи женой Посла Королевства Нидерландов А. Х. Спейкенбринг, Катрин помогла организовать в Институте археологии мастерскую по реставрации керамики. Совместно с Институтом археологии, музеем им. А. Кастеева посольством Королевства Нидерландов был организован в 2002 г. международный фестиваль «Тюльпан и человек». На этой выставке были представлены интересные картины, предметы, в том числе и из средневекового хранилища Музея археологии, на которых были изображены тюльпаны – это керамическая поливная посуда, резной штук, поливные плитки из мавзолея Ахмеда Ясави.

Стремление к мастерству, желание учиться и постигать тонкости профессии позволили Тойжан Сагитовне стать участницей Программы ЮНЕСКО/Японский целевой фонд «Сохранение и реставрация древнего городища Отрар». Группа архитекторов-реставраторов в 2001–2004 гг. под руководством специалистов-реставраторов из Европы постигали секреты различных методов консервации археологических объектов из глины и сырца. Объектом изучения и консервации, своеобразным учебным полигоном была отрарская баня X-XII вв.

Тойжан Сагитовна занималась не только реставрацией объектов из глины и сырца, в 2005 г. она была приглашена в Национальный Археологический музей в городе Неаполе (Италия) на стажировку по консервации и реставрации керамики, бронзы и стекла. Поехала туда Тойжан Сагитовна не с пустыми руками. Она повезла фотографии стеклянного графина из средневекового Куйрыктобе Отрарского оазиса, который был разбит и выброшен мастером в древности как неудавшаяся вещь. К сожалению, многих фрагментов не хватало. Но по тем частям, что были собраны при раскопках, Тойжан удалось сделать графическую реконструкцию этого. Применяя уроки Катрин Спейкенбринг, свое растущее мастерство, воплотила замысел в реальный кувшин. Она впервые для реставрации стеклянного изделия применила тонкодисперсный гипс. Сосуд получился, как и положено, полым и с тонкими стенками, там же, где сохранилось родное стекло, он был прозрачным. Ее попросили дать мастер-класс. Из этой поездки Тойжан привезла Аттестат, выданный ей Министерством культуры и Культурного Наследия, Управлением по Археологическому наследию провинций Неаполя и Казерты Италии.

Как специалист, принимала активное участие в программе «Культурное наследие» по возрождению Древнего Отрара. В рамках этой программы были выполнены реставрационные работы, консервация жилых домов квартала на городище Отрар и храмовом комплексе на городище Куйрыктобе.

С 2005 года с участием Т. Дощановой начаты работы по восстановлению жилого массива у восточного въезда на средневековом Тальхире. Была проведена консервация и частичная реконструкция городской магистрали и консервация жилых комплексов, восстановлена частично центральная часть квартала – это лавки ремесленников, девять жилых домов, часть магистральной и две внутриквартальные улицы.

Пять последних лет наша творческая группа проводила раскопки на усуньском поселении Алмарасан. Т. С. Дощанова подготовила проект консервации и музеефикации вскрытых жилых и хозяйственных помещений, улиц и тупиков, дворов, объединяющих несколько домов в комплекс, хауз-водохранилище. Собрана большая коллекция усуньской посуды во фрагментах. Только упорный труд, знания и мастерство позволили из груды черепков воссоздать уникальную коллекцию керамики.

Тойжан Сагитовна долгие годы вела общественную работу. С 2006 года являлась председателем профсоюзного комитета, членом профсоюзного комитета Института археологии.

Разумеется, что все это время она оставалась любящей мамой. Сын вырос, как когда-то она сама, окончил Политехнический институт. Выбрал перспективное научное направление – биофизику. Защитил диссертацию в Университете города Неаполя (Италия) и стал системным доктором наук.

Тойжан Сагитовна была очень талантливой личностью, с твердым «мужского склада» характером. Мы были коллегами в самом лучшем смысле этого слова, ценили наши взаимоотношения, уважали любую точку зрения, искали и обязательно находили лучшее решение.

Научные публикации Т. С. Дощановой многогранны и свидетельствуют о бескорыстной преданности науке, служение которой и было смыслом ее жизни на протяжении последних без малого двух десятков лет.

Умерла Тойжан Сагитовна 10 мая 2014 г., похоронена в г. Петропавловске.

Т. В. Савельева,
ГНС, доктор исторических наук

МАЗМҰНЫ

Жалпы мәселелер

Көне дәуір археологиясы.
Энеолит, қола және ерте темір ғасыры

Горячев А.А., Сараев В.В., Егорова Т.А., Егорова К.А. Кіндіктас шатқалының солтүстік батыс қырлары петроглифтері..... 3
Фрачетти М.Д, Марьяшев А.Н., Доумани П.Н. Жетісудың таулы бөлігіндегі қоныстар және қола ғасырындағы шаруашылық пен экология мәселелері.....15
Мұрғабаев С.С., Бахтыбаев М.М., Нұрханов Б.У., Малдыбекова Л.Д. Қола дәуірінің Қарасүйір III қорымында жүргізілген зерттеу жұмыстарының нәтижелері.....23
Железняков Б.А., Херманн Л. Басбатыр петроглифтері.....30
Кукушкин И.А., Ломан В.Г. Орталық Қазақстанда қола дәуірі қорғандарының дөңгелекті арбалар кешенінің элементтері.....40

Орта ғасыр археологиясы

Байпақов К.М., Ақылбек С.Ш., Воякин Д.А., Жолдасбаев С.Ж. Сығанақ қалашығы: кесенелер.....45
Байпақов К.М., Қасенов С.М. Талас алқабындағы Қостөбе қалашығының қамалы мен мазараттарының қазбасы....52
Байпақов К.М. Қазақ хандығы қалаларын оқшаулау..... 75
Байпақов К.М., Қамалдинов И.Р. Отырар қалашығындағы 2013 ж. қазба жұмыстары.....134
Ақымбек Е.Ш. 2013 жылы Ақтөбе қалашығында жүргізілген зерттеу жұмыстарының нәтижелері..... 144
Төлеубаев Ә.Т., Талеев Д.Ә., Омаров Г.К., Шағырбаев М.С. Алакөлдің жағалауындағы Асусай қалашығында 2012 жылы жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары..... 154
Жолдасбаев С.Ж., Нұрханов Б.У., Бахтыбаев М.М., Мұрғабаев С.С. 2012 жылы Сығанақ қалашығында жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстарының нәтижелері.....166
Воякин Д.А., Ақылбек С.Ш., Боранбаев Р.Н. Тараз қалашығындағы 2013 ж. археологиялық зерттеулердің нәтижелері.....175
Воякин Д.А., Қамалдинов И.Р., Білялов С.У. Жанкент қалашығындағы археологиялық зерттеулер..... 187

Новые технологии и правовые основы охраны историко-культурного наследия Республики Казахстан

Байпақов К.М., Воякин Д.А., Әміров Е.Ш., Сейітқалиев М.К. Геоақпараттық жүйелер Қазақстанның археологиялық мұрасын қорғау және талдау жасау құралы ретінде..... 195
Воякина Н.А. Қазақстан Республикасының археологиялық мұраларын мемлекеттік басқарудағы қызмет істеу жүйесінің құқықтық негізі.....206

Нумизматика

Байтанаев Б.А., Петров П.Н. Шағатай мемлекетіндегі Сайрам көмбесі (XIV ғ. бірінші жартысы).....218

Сын және библиография

Асылбек М.Х. Көптомдық Қазақстан тарихының дайындау туралы..... 221
Байпақов К.М. Қазақстан Республикасындағы тарихи сананы қалыптастырудың тұжырымдамасы және отандық археологияның міндеттері.....226

Мерейтойлар

Артюхова О.А. МЕДОЕВ Алан Георгиевич..... 233

Хроника

Мықтыбаева Ж.К. «Қазақстан аумағындағы ежелгі және ортағасырлық мемлекеттер» халықаралық ғылыми конференция.....235

Қазанама

Савельева Т.В. Тойжан Сағитқызы ДОЩАНОВА «Соңғы қоштасу…»..... 237

СОДЕРЖАНИЕ

Общие вопросы

Археология древности.
Энеолит, бронзовый и ранний железный век

Горячев А.А., Сараев В.В., Егорова Т.А., Егорова К.А. Петроглифы северо-западных склонов хребта Киндыктас....3
Фрачетти М.Д, Марьяшев А.Н., Доумани П.Н. Поселения горной части Семиречья и вопросы экологии и хозяйства в бронзовом веке....15
Мургабаев С.С., Бахтыбаев М.М., Нурханов Б.У., Малдыбекова Л. Д. Некоторые результаты исследования на могильнике эпохи бронзы Карасуйир III....23
Железняков Б.А., Херманн Л. Петроглифы Басбатыра....30
Кукушкин И.А., Ломан В.Г. Элементы колесничного комплекса в курганах эпохи бронзы Центрального Казахстана....40

Археология средних веков

Байпаков К.М., Акылбек С.Ш., Воякин Д.А., Жолдасбаев С.Ш. Городище Сыгнак: мавзолеи....45
Байпаков К.М., Касенов С. М. Раскопки цитадели и некрополей на городище Костобе в Таласской долине....52
Байпаков К.М. Локализация городов Казахского ханства....75
Байпаков К.М., Камалдинов И.Р. Раскопки городища Отрар в 2013 году....134
Акымбек Е.Ш. Итоги археологических исследований на городище Актобе в 2013 году....144
Толеубаев А.Т., Талеев Д.А., Омаров Г.К., Шагырбаев М.С. Археологические раскопки, проведенные в 2012 г. на городище Асусай, расположенного на берегу Алаколь....154
Жолдасбаев С.Ж., Нурханов Б.У., Бахтыбаев М.М., Мургабаев С.С. Итоги археологических исследований на городище Сыганак в 2012 году....166
Воякин Д.А., Акылбек С.Ш., Буранбаев Р.Н. Итоги археологических исследований на городище Тараз в 2013 г. ... 175
Воякин Д.А., Камалдинов И.Р., Билалов С.У. Археологические исследования на городище Жанкент....187

Новые технологии и правовые основы охраны историко-культурного наследия Республики Казахстан

Байпаков К.М., Воякин Д.А., Амиров Е.Ш., Сейткалиев М.К. Геоинформационные системы как инструмент защиты и анализа археологического наследия Казахстана....195
Воякина Н.А. Правовая основа функционирования системы государственного управления археологическим наследием Республики Казахстан....206

Нумизматика

Байтанаев Б.А., Петров П.Н. Сайрамский клад Чагатаидских монет (первая половина XIV в.)....218

Критика и библиография

Асылбек М.Х. О подготовке многотомной истории Казахстана....221
Байпаков К. М. Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан и задачи отечественной археологии....226

Юбилейные даты

Артюхова О.А. МЕДОЕВ Алан Георгиевич....233

Хроника

Мыктыбаева Ж.К. Международная научная конференция «Древние и средневековые государства на территории Казахстана»....235

Некролог

Савельева Т.В. Тойжан Сагитовна ДОЩАНОВА «Последнее прощай…»....237

CONTENTS

General questions

Archaeology of ancient times.
The Chalcolithic, bronze and early iron age

Goryathev A.A., Saraev V.V., Egorova T.A., Egorova K.A. Petroglyphs north-western slopes of backbone Kyndyktas..... 3
Frachetti M.D., Mar'yashev A.N., Doumani P.N. Mountain settlements of the Semirechye region and questions of environment and farming in the Bronze Age.....15
Murgabayev S.S., Murgabayev S.S., Bakhtybayev M.M., B. U. Nurkhanov Some results on bronze age burial Karasuyir III..... 23
Zheleznyakov B.A., Hermann L. Petroglyphs of Basbatyr.....30
Kukushkin I.A., Loman V.G. Elements of the chariot complex in the bronze age barrows of Central Kazakhstan..... 40

Archaeology of the Middle Ages

Baipakov K.M., Akylbek S.Sh., Voyakin D.A., Zholdasbaev S.Zh. The settlement Signac: mausoleums.....45
Baipakov K.M., Kasenov M.S. Excavations of citadel and cemeteries on Kostobe site in Talas Valley.....52
Baipakov K.M. Localization of the kazakh khanet towns.....75
Baipakov K.M., Kamaldinov I.R. The excavations of the Otrar settlement in 2013.....134
Akymbek E.Sh. Results of archaeological investigations of the city Aktobe 2013.....144
Toleubaev A.T., Taleev D.A., Omarов G.K., Shagyrbaev M.S. Archaeological excavations carried out in 2012, on the site of Asusay, located on the shore of the Alakol lake.....154
Zholdasbayev S.Zh., Nurkhanov B.U., Bakhtybayev M.M., Murgabayev S.S. Results of archaeological researches on the ancient settlement Syganak in 2012..... 166
Voyakin D.A., Akylbek S.Sh., Buranbayev R.N. The results of archaeological research in Taraz settlement in 2013.....175
Voyakin D.A., Kamaldinov I.R., Bilalov S.U. The archeological excavation on Zhankent settlement.....187

New technologies and the legal basis of protection of historical and cultural heritage of the Republic of Kazakhstan

Baipakov K.M., Voyakin D.A., Amirov, Y.Sh. Seitkaliev M.K. Geographic Information Systems as an instrument of protection and evaluation of archaeological heritage of Kazakhstan.....195
Voyakina N.A. Legal basis of state management functioning system of the archaeological heritage of the Republic of Kazakhstan..... 206

Numismatics

Baytanayeva B.A., Petrov P.N. Sayram treasure of Chagatai state (the first half of XVI century)..... 218

Criticism and bibliography

Asylbek M.H. About preparing a multi-volume history of Kazakhstan.....221
Baipakov K.M. Conception of formation of historical consciousness in the Republic of Kazakhstan and objectives of domestic archaeology.....226

Anniversary date

Artyukhova O.A. MEDOYEV Alan Georgiyevich..... 233

Chronicle

Myktybayeva Zh.K. International scientific conference «Ancient and Middle Age states on the territory of Kazakhstan»... 235

Necrologue

Savel'yeva T.V. Toyzhan Sagitovna DOSCHANOVA «The last farewell…».....237

PUBLICATION ETHICS AND PUBLICATION MALPRACTICE IN THE JOURNALS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

For information on Ethics in publishing and Ethical guidelines for journal publication see http://www.elsevier.com/publishingethics and http://www.elsevier.com/journal-authors/ethics.

Submission of an article to the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan implies that the work described has not been published previously (except in the form of an abstract or as part of a published lecture or academic thesis or as an electronic preprint, see http://www.elsevier.com/postingpolicy), that it is not under consideration for publication elsewhere, that its publication is approved by all authors and tacitly or explicitly by the responsible authorities where the work was carried out, and that, if accepted, it will not be published elsewhere in the same form, in English or in any other language, including electronically without the written consent of the copyright-holder. In particular, translations into English of papers already published in another language are not accepted.

No other forms of scientific misconduct are allowed, such as plagiarism, falsification, fraudulent data, incorrect interpretation of other works, incorrect citations, etc. The National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan follows the Code of Conduct of the Committee on Publication Ethics (COPE), and follows the COPE Flowcharts for Resolving Cases of Suspected Misconduct (http://publicationethics.org/files/u2/New_Code.pdf). To verify originality, your article may be checked by the originality detection service Cross Check http://www.elsevier.com/editors/plagdetect.

The authors are obliged to participate in peer review process and be ready to provide corrections, clarifications, retractions and apologies when needed. All authors of a paper should have significantly contributed to the research.

The reviewers should provide objective judgments and should point out relevant published works which are not yet cited. Reviewed articles should be treated confidentially. The reviewers will be chosen in such a way that there is no conflict of interests with respect to the research, the authors and/or the research funders.

The editors have complete responsibility and authority to reject or accept a paper, and they will only accept a paper when reasonably certain. They will preserve anonymity of reviewers and promote publication of corrections, clarifications, retractions and apologies when needed. The acceptance of a paper automatically implies the copyright transfer to the National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan.

The Editorial Board of the National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan will monitor and safeguard publishing ethics.

Правила оформления статьи для публикации в журнале смотреть на сайте:

www:nauka-nanrk.kz

Редакторы: *М. С. Ахметова, Ж. М. Нургожина*
Верстка на компьютере *Д. Н. Калкабековой*

Подписано в печать 08.10.2014.
Формат 60x881/8. Бумага офсетная. Печать – ризограф.
15,25 п.л. Тираж 300. Заказ 5.

Национальная академия наук РК
050010, Алматы, ул. Шевченко, 28, т. 272-13-18, 272-13-19